НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРУГАЦКИЕ

От «Страны багровых туч» до «Трудно быть богом»

Черновики, рукописи, варианты

2005

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н45

Серия «Миры братьев Стругацких» основана в 1996 году

Серийное оформление С.Н. Герцевой и А.А. Кудрявцева

Художник А.Е. Дубовик

Подписано в печать 9.06.05. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 33,6. Тираж 5000 экз. Заказ № 1592.

Неизвестные Стругацкие. От «Страны багровых туч» до
Н45 «Трудно быть богом» : черновики, рукописи, варианты / сост. С. Бондаренко. — Донецк: Сталкер, 2005. — 635, [5] с., 16 л. ил. — (Миры братьев Стругацких).

ISBN 966-696-779-0

В эту книгу, подготовленную многолетним исследователем творчества братьев Стругацких Светланой Бондаренко, вошло множество НЕИЗВЕСТНЫХ текстов этих мэтров фантастики — черновики и ранние варианты известных произведений, сценарии и рассказы.

ВСЕ тексты публикуются ВПЕРВЫЕ.

Книга дополнена рисунками А. и Б. Стругацких на полях рукописей и снабжена подробными комментариями.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Сост. С.П. Бондаренко, 2005
© ИКФ «ТББ», 2005
© Оформление.
ООО «Издательство АСТ», 2005

ВСТУПЛЕНИЕ

Осень 2000 года. Кабинет генерального директора фирмы «Сталкер» А. А. Воронина. Мы разговариваем по телефону с Борисом Натановичем Стругацким по поводу оформления собрания сочинений Стругацких.

В то время собрание было практически готово — в верстке находится 11-й том, дело лишь за оформлением, и можно уже приступать к печати.

Воспользовавшись случаем лишний раз поговорить напрямую с мэтром, спрашиваю:

— Борис Натанович! Я опять хочу спросить вас о «Вариантах». Вы отказались печатать их в собрании сочинений, но не отказывались их печатать вообще. Может быть, сделаем книгу — дополнительно к собранию, или отдельно, или в «Мирах Стругацких» — по «Вариантам».

— Нет, Света. Я же говорил, что Стругацкие — это не Лев Толстой. Варианты я публиковать не хочу.

— Борис Натанович, но вы же сами говорили при встрече...

— Вообще — я не отказывался, но не сейчас, Света, не сейчас.

— А когда?

— Вот умру, тогда и печатайте.

— Борис Натанович! Не надо так! Потом это будет уже не так нужно...

— Ага! — ловит меня на слове мэтр.— Если потом это будет не нужно, значит не нужно и сейчас.

— Борис Натанович! Это нужно моим сверстникам. И лучше сейчас.

— Нет, Света, я же сказал — нет.

Я молчу. Это выбило меня из мыслящего состояния полностью. Ведь уже набрана часть текстов, продумана последовательность, отобрано наилучшее...

— Света, ну не расстраивайтесь вы так. Потом как-нибудь.

Я молчу. Слов нет совсем — ни для сожаления, ни для борьбы.

— Света, не переживайте.

Я молчу. Слов нет по-прежнему.

— Могу вам предложить только один вариант, когда эти тексты я позволю выставить на публику.

— Какой?

— Напишите книгу. Напишите исследование по рукописям Стругацких, по черновикам. Туда можете включить любые отрывки.

— А если этих черновиков наберется четыре пятых текста всей книги?

— Да хоть девять десятых. Понимаете, Света, я не хочу, чтобы на обложке этой книги авторами стояли А. и Б. Стругацкие. Это черновики... недоделанное, необработанное... Это действительно ЧЕРНОВИКИ. Под такими текстами подписываться стыдно, публикуя их. Пусть книга будет называться «Исследование рукописей Стругацких» или как-то еще, но автор на обложке должен быть «С. Бондаренко», а не «А. Стругацкий, Б. Стругацкий». Только при таком условии я дам разрешение на публикацию черновиков. Вы меня поняли?

— Да. Я рада. Спасибо!

Так (или примерно так) состоялся тот осенний разговор. Так родилась эта книга[1].

---

[1] Помогая С. Бондаренко с редактурой и корректурой этой книги, я стал одним из первых ее читателей. И книга показалась мне безумно интересной. Взвешенные и точные комментарии Светланы, не заслоняющие главного — замечательных текстов, любовно и тщательно подготовленных ею... все это проглатывалось на одном дыхании.

По ходу чтения у меня, естественно, возникали некоторые замечания, частью по делу, частью — не очень. Ведь братья Стругацкие — мои любимые писатели с самого детства, и их тексты не могут не вызывать у меня разнообразных мыслей, ассоциаций. Особенно никогда не виденные ранее тексты. После обсуждения мы со Светланой решили предложить некоторые из этих замечаний-примечаний вниманию читателей книги.

РАБОТА НАД ТЕКСТАМИ

Как вообще началась у меня работа над текстами Стругацких?

Интерес поначалу был чисто практический. Конец 70-х. Книги Стругацких достаются с боем. Каждая приобретенная книга — целый авантюрно-приключенческий роман (через кого узнавалось, как доставалось, выменивалось — и на что выменивалось — или покупалось «с рук», неизбежные потери — «зачитали»). Либо перепечатанное на машинке (срочно! текст надо возвращать). Либо фотокопии... Если имеешь два экземпляра одной и той же вещи — отдай (подари, поменяй, продай) другому, тоже нуждающемуся в ней. Доходило до того, что некоторые книги «разъединялись» по произведениям. К примеру — «Трудно быть богом» у меня есть в двух изданиях, а у брата — ни одного экземпляра! Аккуратно изъять из книги нужную половину и отдать. У меня ведь уже есть!

Первая проблема. Первая постановка задачи. «За миллиард лет до конца света». У меня был ксерокс журнальной публикации. Потом появилась книга. Журнальную публикацию можно (и нужно) вроде бы отдать, но вдруг находишь нечто в текстах от-

---

Уточню две позиции. Во-первых, это ни в коем случае не претензия на сколько-нибудь серьезное комментирование. В примечаниях обсуждаются только те моменты, которые показались интересными именно мне, читателю АБС с более чем сорокалетним стажем. Читателю — а не критику и не литературоведу. Во-вторых, мнение, выраженное в примечаниях, — это опять-таки мое мнение, а не истина в какой бы то ни было инстанции.

Вот в таком «аксепте».

Вл. Дьяконов

личающееся. Как и чем пожертвовать? Что отдать, а что оставить? Первая попытка сверки текстов.

Затем проблема посложнее. «Обитаемый остров». Была журнальная публикация. Появилась книга — дали почитать. Книга — она полнее, там есть главы, отсутствующие в журналах. Но! Разве можно спокойно читать «рыжая морда Зеф», если привык уже к «рыжему хайлу» Зефа? Опять сверка текстов, допечатываем на машинке недостающие главы из книги и вставляем их в журнальный вариант...

После знакомства (пока только заочного — эпистолярного) с Вадимом Казаковым, в то время выпускающим фэнзин «АБС-панорама» и собирающим постепенно всех тех, кто впоследствии вошел в группу «Людены», в одном из первых моих писем к нему (с тайной завистью): «Полное Собрание Сочинений. Уже делала текстологическую обработку по некоторым изданиям, дабы заиметь лучшую, а остальные варианты давать в примечаниях. Но теперь это бесполезный труд — Вы же можете иметь дело с рукописями, т. е. с точным вариантом — как Стругацкие хотели бы опубликовать».

Немного позже выяснилось, что проблема «идеальных текстов» намного сложнее. Во-первых, чистовиков рукописей осталось не так уж и много. Обычно они отдавались для изданий и переизданий и терялись в издательствах. Во-вторых, переделка рукописей в издательствах не всегда была в плохую сторону (если замечания были дельными и если исправления-дополнения писались самими Стругацкими). В-третьих, кроме издательской цензуры существовала еще и самоцензура — некоторые эпизоды, фразы, словечки отвергались Авторами при работе уже с чистовиком («Все равно не пропустят!»), поэтому и в ранних, первоначальных черновиках сохранилось нечто примечательное, что даже в чистовики не вошло.

«Идеальных» текстов (или, как их принято называть, «канонических») не существовало, их требовалось создать. Для этого необходимо было провести полную текстологическую сверку — всех изданий (включая и журнальные), всех рукописей (включая черновики), отметить все разночтения, лучшие варианты включить в канонические тексты, остальное — в примечания. С этим я и обратилась в 1994 году к Борису Натановичу...

Ответ Б. Н. Стругацкого от 5.09.1994: «Черновики Юре Флейшману я уже передал. Надеюсь, для начала этого хватит. От Володи [Борисова.— *С. Б.*] получил обработанную по вашей новой методе пьесу ЖГП[1]. По-моему, все вполне ОК. Можно продолжать в том же духе. Вопрос только: когда и кому это понадобится? Новое (полное, тщательно разработанное и откомментированное) собрание сочинений пока отнюдь не светит».

В то время и было решено: этой работой занимаюсь пока только я, а вот когда наступит время этого самого «нового...», к ней уже подключится сам Борис Натанович — будет решать, какой все же вариант того или иного отрывка лучше...

Помимо сверки всех изданий обрабатывались рукописи. Каждый год, приезжая на «Интерпресскон», я заходила к Борису Натановичу, отдавала уже обработанные папки с рукописями, брала следующие и увозила их домой — до следующего года. Не обошлось и без курьезов.

(Как-то, когда граница между Россией и Украиной начала крепчать и таможенники особо рьяно стали относиться ко всему, что провозится в поездах туда и обратно (почему-то это наблюдалось только с украинской таможней), я везла очередные обработанные папки в Питер. Таможенник (с брезгливо-отстраненным выражением лица) указывает на саквояж:

— Это что?

— Это рукописи.

— Рукописи к вывозу запрещены.

Пришлось объяснять, что это черновики, написанные давно, причем написаны не мною, а Стругацкими, и я не вывожу, а возвращаю автору его рукописи... К моему удивлению, даже молодой украинский таможенник знал, кто такие Стругацкие, и пропустил меня беспрепятственно.)

И потекли будни. Какая это была упоительная работа! Спасибо Борису Натановичу, что позволил мне брать рукописи домой! Спасибо Юре Флейшману, который ежегодно сопровождал меня в поездках по Питеру! И большое спасибо Саше Сидоровичу, кото-

[1] В данном исследовании использованы сокращения, принятые среди почитателей творчества братьев Стругацких. Список сокращений см. в конце книги. — *С. Б.*

рый разрешал мне присутствовать на «Интерпрессконах», а затем и включил меня в Оргкомитет — без этих поездок не было бы и этой работы...

Текстологическая сверка шла по полной программе. В списки включалось всё, вплоть до изменений в знаках препинания. Не включались лишь явные опечатки из черновиков, хотя некоторые и записывались — те, которые приобретали какой-то свой, особенный смысл. Работа длилась семь лет. Результат — собрание сочинений в издательстве «Сталкер».

Но были некоторые отрывки, которые невозможно было включить в основной текст и которые были весьма интересны даже для широкого читателя... того «широкого читателя», который покупает «Время учеников» в надежде еще прочесть что-либо, связанное с его любимыми героями, еще раз побывать в том чудесном Мире, созданном братьями Стругацкими.

Выбрав самые интересные отрывки, я (уже работая над Собранием) обратилась к Стругацкому с предложением опубликовать их в последнем томе. Последовал отказ. И еще. И еще...

После постановки такой задачи — написать книгу о...— возник целый ряд проблем. Самой важной (из которой вытекали все остальные) явилась проблема выбора будущего читателя. Для кого я пишу? Одно дело — выбрать интересные отрывочки-«кусочки», атрибутировав их максимально кратко; и совсем другое — комментировать их. От выбора «для кого?» зависит и стиль, и пояснения. Идя по пути наименьшего сопротивления, я выбрала двух идеальных читателей этой книги: «людена» (не обязательно относящегося к нашей группе «Людены», изучающей творчество Стругацких уже более десяти лет; «людена в душе», который знает, любит и перечитывает тексты Стругацких,— такому не нужно напоминать основную фабулу каждого произведения, не нужно, цитируя какой-то отрывок, приводить его «канонический» вариант) и исследователя загадки творчества вообще (кому интересен не только окончательный текст, но и КАК к нему шел писатель). Второй мой читатель сам, ежели чего не знает или не вспомнит, найдет нужную книгу, прочитает и поймет — это тип активного читателя, думающего.

Вторая по величине проблема: о чем писать? Когда за четверть века накоплены горы материалов (публицистика самих мэтров,

критические и литературоведческие статьи и книги), когда обговорено с соратниками и обдумано множество аспектов творчества Стругацких, нужно выбрать какую-то узенькую тропиночку и писать, только идя по ней, иначе мысли и ассоциации заведут столь далеко, что будешь писать всю оставшуюся жизнь и не опишешь того, что хочется поведать, и на треть. Поэтому проблема вскоре вылилась в свою противоположность: о чем не писать? Итак, это исследование не о влиянии личной жизни и жизни общества на произведения Стругацких; это не исследование темы текстов, их идеи и прочих литературоведческих «штучек»; здесь не будет поиска взаимосвязи между произведениями — как хронологическо-тематической, так и в плане идейного роста писателей... Это даже не исследование сотворения Стругацкими своих произведений, это только МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ. Исследовать будут позже и исследовать будут другие, я же даю только толчок: «Посмотрите, сколько тут интересного для вашей работы!»

Последовательность описания выбрана хронологическая. Почему? Не знаю. Надо же было какую-то последовательность выбирать...

«СТРАНА БАГРОВЫХ ТУЧ»

Мой приятель Витя Суров, благодаря которому (вернее, благодаря настойчивости которого) я только и смогла поехать на «Интерпресскон-98» (что вылилось в мое участие в издании СС АБС), советовал мне: «Начинать надо с чего-нибудь завлекательного. К примеру, заглавие исследования по СБТ у тебя должно быть: "Знакомьтесь — капитан Быков!"». Что ж, так и начнем.

ЗНАКОМЬТЕСЬ — КАПИТАН БЫКОВ!

Хотя это не совсем и верно. Да, капитан. Капитан автобронетанковых войск Советской Армии. Но не Быков. Почти все персонажи повести были названы совсем (или слегка) по-другому.

Борис Натанович в «Комментариях» пишет: «Нас заставили переменить практически все фамилии. (До сих пор не понимаю, зачем и кому это понадобилось.)» В свое время «люденами» были высказаны разные предположения относительно сего указания. Возможно, это произошло потому, что негоже было новичку-космонавту носить фамилию министра иностранных дел СССР. Возможно, какая-либо другая фамилия персонажа вызывала у указующего неприятие... Заострять внимание на одной фамилии было нельзя (почему-то), поэтому и указание: переменить все.

Вот как их звали...

Быков Алексей Петрович имел фамилию Громыко.

Ермаков Анатолий Борисович тоже лишился своей первоначальной фамилии. Его звали Строгов. Эту фамилию впоследствии Стругацкие дадут вымышленному писателю конца XX — начала

XXI века, который ни разу не появится воочию в их произведениях, но о котором неоднократно упоминается в цикле романов о мире Полудня.

Владимир Сергеевич Юрковский был Александром Сергеевичем Бирским, но в первых главах СБТ у него была фамилия Свирский, которую потом Стругацкие дали астрофизику на Дионе в «Стажерах».

Григорий Иоганнович Дауге не только полностью поменял ФИО, но и сменил национальность, ибо первоначально его звали Лев Николаевич Вальцев, Лева Вальцев. (Оставим дальнейшим исследователям творчества Стругацких выдвигать гипотезы относительно таких «литературных» имен-отчеств последних двух персонажей.)

Почему-то Михаил Крутиков сохранил свои фамилию и имя, но изменил отчество: Иванович на Антонович[1].

Богдан Богданович Спицын вначале назывался Григорием Степановичем Ершовым.

Изменялись имена не только главных персонажей. Друг Ермакова Тахмасиб был Янисом, конструктор маяка Усманов — Куусиненом, инженер чешского спутника Дивишек — Коржичеком, калькуттец Бидхан Бондепадхай — американцем Адамом Эдуардом Коллинзом, Соколовский и Шрайбер — Кокорышкиным и Миньковским...

Но вернемся к капитану. Его военное происхождение по косвенным данным определил в свое время Марат Исангазин. Действительно, в тексте СБТ так и остались многие черточки, присущие истинно военному.

«Капитан» продержался в СБТ до последнего. В окончательном черновом варианте (чистовиков СБТ не сохранилось) уже изменены все имена и фамилии на ныне известные, но Быков — все еще военный[2].

---

[1] Вообще-то, понятно, почему: Михаил Иванович — так звали Калинина. Я, признаться, не вижу загадки в том, что Авторов заставили переименовать героев: среди них не хватает только Никиты Сергеевича и Антона Павловича. — *В. Д.*

[2] В «Комментариях к пройденному» Б. Н. Стругацкий пишет: «А когда авторы, стеная и скрежеща, переписали-таки полкниги заново, от них по высочайшему повелению потребовали убрать какие-либо упомина-

При работе над каноническим текстом СБТ Борису Натановичу был предложен вариант восстановления «капитанской чести» Быкова, но последовал отказ — слишком много пришлось бы менять, ибо везде по тексту определение персонажа «капитан» было изменено впоследствии на «инженер» или «водитель».

А биография капитана Громыко была такая...

<...> Сначала я хотел бы, так сказать, поближе познакомиться с вами. Расскажите немного о себе.

— О себе? — озадаченно спросил Алексей Петрович.

— Ну да, о себе. Как бы автобиографию, что ли...

— Биография у меня простая.— Капитан подумал.— Родился в 19.. году, в семье служащего. В Горьком. Отец и мать умерли, мне еще трех не было. Воспитывался у тетки. Потом меня отдали в суворовское училище, потом поступил в школу АБТ. Окончил, послали на юг, в Кара-Кумы. Там и служил до последнего времени. Вот и все, пожалуй.

<...>

— Где, вы говорите, служили в последнее время?

— В Кара-Кумах.

— Давно?

ния о военных в космосе: "...ни одной папахи, ни одной пары погон быть не должно, даже упоминание о них нежелательно"...». Судя по тексту «Комментариев», это событие относится к 1959 году. Т. е. вовсю уже летают спутники, идет отбор в отряд космонавтов — отбор военных летчиков! — а какие-то чинуши не велят упоминать военных в связи с космосом. Что это: шпиономания, ханжество, глупость?

Советская космическая программа всегда была очень близкой к военным. (Как, впрочем, и американская.) А пилотируемые полеты, все, возглавлялись только военными командирами. (Вот «филологическое» наблюдение. Официально только военные корабли могут называться кораблями, остальные — не корабли, а суда, даже вспомогательные суда военного флота. И — космические! Корабль — всегда или военный, или космический...)

Поэтому то, что в экспедицию пригласили только одного военного,— это чистый идеализм Авторов. Полететь на Венеру должны бы были полковник Ермаков (командир), подполковник Спицын (пилот и радист), майор Крутиков (второй пилот и штурман) и капитан Быков (механик-водитель). Ну, всякие геологи-биологи могут быть и гражданскими.— *В. Д.*

— С тех пор как стал офицером. Десять лет.

— Десять лет! Все время в пустыне?

— Были, конечно, перерывы... Небольшие, правда. Курсы переподготовки, командировки разные.

<...>

— Ваша последняя должность?

— Замполитех дивизиона бронетранспортеров.

<...>

— У вас, кажется, кое-какие работы есть, так?

— Есть.

— Много?

— Нет. Две статьи в «Журнале бронетанковых войск».

Дальнейшие объяснения Краюхина об участии Громыко в межпланетной экспедиции сейчас выглядят банальными, а тогда, в середине 50-х, были в некотором смысле предвидением:

...Я, например, убежден, что из вас вышел бы незаурядный межпланетник. Кстати, многие межпланетники пришли к нам именно из армии, из ВВС. Я понимаю, вам, танкисту, возможность участия в таком деле просто не приходила в голову.

В одном из вариантов повести разговоры были и более меркантильными. Капитану Быкову предлагалось не только совершить подвиг, но и поправить свое материальное положение.

Краюхин кивнул и взглянул на часы.

— Теперь вот что. Экспедиция продлится сравнительно недолго, не дольше полутора месяцев. Сохраняется ваш оклад плюс пятьсот процентов за работу в условиях особой сложности. Устраивает?

— Не откажусь,— сказал Быков.

«Страна багровых туч» в свое время была мощно выхолощена цензурой. Герои, идущие на штурм Венеры, не имели права пить, курить, шутить, сомневаться в своем деле, а также понемногу сходить с ума от нехватки воды. То есть юмор и психология персонажей (то, что казалось столь привлекательным в творче-

стве Стругацких, особенно в те времена, когда этого так не хватало в фантастике) оказались выброшены за борт. Может, поэтому и сами Стругацкие, и многие почитатели их творчества так холодно относились к этой повести?

Многое было восстановлено. Причем восстановление шло в два этапа. Вначале мне удалось сделать некоторые вставки в издание СБТ в «Мирах Стругацких» в 1997 году. Об этом издании «людены» узнали почему-то слишком поздно, и многое сделать не удалось. А то, что удалось, часто делалось авралом, что приводило к искажениям или к недоработке. Исправлен и дополнен текст СБТ был в собрании сочинений «Сталкера».

Но некоторые интересные подробности из жизни межпланетников, а также их шуточки нельзя было включить в канонический текст СБТ по причине того, что Быков уже не был военным.

Мысли Быкова ночью в квартире Дауге: «Нет, не заснуть тебе сегодня, товарищ капитан, он же — специалист по пустыням. Сук-кин сын Юрковский — поддел беззащитного капитана АБТ».

У камеры-могильника для радиоактивных отходов после драки Бирский (он же Юрковский) восклицает: «Нет, он лезет своими гусеницами прямо через проволоку! Ар-рмейская жилка, видите ли! Не может равнодушно видеть заграждения и смело, как лев, кидается на них грудью».

Перед прилетом «Хиуса» капитану снится сон.

Алексею Петровичу приснилось, что командир взвода лейтенант Ивашкин поставил «Мальчика» в казарму. Транспортер был раскален докрасна, и казарма пылала холодным багровым пламенем. Алексей Петрович сорвал со стены огнетушитель, но Ивашкин рассмеялся, потряс его за плечо и закричал в самое ухо:

— Проснись, Лешка! Да проснись, говорят тебе!

В капонире на полигоне: «На площадках стояли треноги с мощными сорокакратными перископами — в армии такими пользуются для артиллерийской и инженерной разведки».

Одним из подтверждений военного прошлого Быкова в исследовании Марата Исангазина значилось предоставление именно Быкову выбирать оружие для экспедиции. В рукописи все сказа-

но просто: «Вам книги в руки, вы человек военный. Выбирайте, что лучше всего служит в песках».

Размышления Краюхина о Бирском (Юрковском): «Несомненно, перспектива высадки на Венере омрачается для него только необходимостью работать бок о бок с солдатом Громыко. Бирский не жалует того, что в припадке кастовой спеси называет тупостью, ограниченностью и отсутствием воображения».

Разговор со Строговым в «Хиусе» был более жестким и правдивым:

«Скажите, Алексей Петрович,— сказал он, глядя на меня в упор,— как вы рассматриваете свое положение в экспедиции?»

«В каком смысле?» — снова встревожился я.

«В смысле субординации... подчинения, например».

Я подумал и ответил, что поскольку мое командование откомандировало меня в полное распоряжение министра энергетики, я обязан подчиняться тому, в чье непосредственное ведение передан приказом министра.

«То есть?»

«Вам, Анатолий Борисович».

Он подумал.

«Кажется, в армии неповиновение приказу считается самым тяжким поступком?»

«Так точно. Невыполнение приказа есть тягчайшее воинское преступление».

«Чьего приказа?»

«Приказа командира, начальника... вашего, например».

Первая разведка на болоте Венеры. Размышления капитана: «В конце концов, он был единственным военным в экспедиции, и разведка по праву оставалась за ним».

Алексей Петрович докладывает о результатах разведки на болоте: «Он рассказывал медленно, стараясь не пропустить ни одной подробности, и с огорчением думал, что за такой доклад командир дивизиона назвал бы его размазней, а командир полка попросту выгнал бы его с совещания».

«Мальчик» вышел из горной гряды в пустыню:

— Как вам понравится т а к а я дорога? — услыхал Алексей Петрович голос Строгова.

— Это пустыня? — недоверчиво спросил он, указывая вперед.

— Разумеется. Вам не нравится? Но почему? Правда, здесь нет саксаула, но зато это настоящие Кара-Кумы, настоящие Черные Пески.

— В том-то и дело, что черные...

Алексей Петрович запнулся.

— Ну, а дорога? Как дорога?

— Что ж — дорога? Широкая, ровная... Теперь полетим.

— Ура! — заорал Вальцев.— Да здравствуют военные!

Он шагнул к Строгову, лихо взял под козырек и бодро сказал:

— Товарищ командир! По случаю благополучного выхода на ровное место прикажите выдать экипажу по стопке водки!

— Я выдам вам сутки ареста, Вальцев,— серьезно ответил Строгов.

— За что? Я ничего...

— За разложение в походе.

Бирский важно сказал:

— Некоторые граждане находят равновесие в употреблении алкоголя.

Размышления капитана во время пешего возвращения к «Хиусу»:

Двадцать тысяч шагов за переход. Алексей Петрович мог бы и больше. В армии пятидесятикилометровый марш-бросок с полной выкладкой за сутки — довольно обычная вещь. И притом, придя на место, надо быть в состоянии «активно проводить операцию». Последнее, правда, никогда не получалось, солдаты падали и засыпали, как убитые. И командиры тоже. И там идут по дороге, а не по вязкому засасывающему песку, и ветер не валит с ног, и никто не болен лучевой болезнью и не обожжен, и отстающих подбирают в машины... И воздух не такой разреженный, и в принципе можно напиться, хотя это и не дозволяется и вредно действует. Все равно, Алексей Петрович мог бы больше — сорок, пятьдесят тысяч... Но Бирский... Он растер ноги еще в самом начале пути, шел, стиснув зубы от боли.

Кстати, еще о капитанах. Вернее, о «Капитанах». В рукописи СБТ Бирский (Юрковский) читает не «Контрабандистов» Багрицкого, а «Капитанов» Гумилева[1].

Одна из дверей была приоткрыта, и слышался звучный голос Бирского, декламировавшего стихи:

Или, бунт на борту обнаружив,
Из-за пояса рвет пистолет,
Так что золото сыплется с кружев,
С розоватых брабантских манжет...

Алексей Петрович заглянул в комнату. Бирский, в пижаме и домашних шлепанцах, полулежал на диване, закинув руки за голову, отвернув лицо к окну. Рядом сидел Михаил Иванович, сгорбившись, посасывая короткую трубочку. Напротив их у стола Гриша Ершов по обыкновению покачивался на стуле и улыбался каким-то своим, одному ему известным мыслям. Ни Вальцева, ни Краюхина и Строгова в комнате не было.

Разве трусам даны эти руки?
Этот острый уверенный взгляд,
Что умеет на вражьи фелуки
Неожиданно бросить фрегат?

Это были чудесные стихи. Кроме того, «пижон» читал удивительно хорошо. Что-то тревожное и зовущее было в его сильном, полной сдержанной грусти и волнения голосе, и Алексей Петрович невольно подумал, что вот этот бесстрашный красавец и есть один из капитанов, о которых он читает, беспокойных и ищущих людей, без сожаления покинувших родные берега для больших и необычайных дел. То же самое, вероятно, пришло в голову и Михаилу Ивановичу, который вдруг вынул изо рта трубку и внимательно посмотрел на Бирского, слов-

[1] Авторы, несомненно, не овладели еще искусством упомянутой выше самоцензуры. Надеяться на публикацию отрывка из Н. Гумилева, да еще в детском издательстве, не было никаких оснований. В конце концов, его стихи к тому времени уже сорок лет не переиздавались. — *В. Д.*

но желая убедиться в чем-то. Только Гриша продолжал тихонько раскачиваться и улыбаться с полузакрытыми глазами.

...О том, что в мире есть окраина —
Туда, за тропик Козерога,
Где капитана с ликом Каина
Легла ужасная дорога.

МИР В КОСМОСЕ

В публиковавшейся первой части цикла Полудня (СБТ, ПНА, «Стажеры», ХВВ) в космосе, пока еще ближнем, существует только мир, поддержка, взаимовыручка и сотрудничество. Если и происходят какие-то ЧП, то по причинам научно-техническим (неизвестное излучение, неизвестная форма жизни, недостаточное техническое развитие) либо вообще бытовым (конфликт на Дионе).

Не все так мирно и безоблачно было в черновиках СБТ. Были и военные стычки, и военные действия. О них не рассказывалось, они не описывались, о них лишь упоминалось. Но — они были.

Мысли Краюхина об экипаже «Хиуса». Один из очень ранних вариантов.

Вот они, все шестеро, прекрасные люди. Каждый со своим, ему одному только присущим сложным и прихотливым узором мелких слабостей и недостатков, который ложится на общий для них всех глубокий бесценный фон: все они коммунисты, люди дела и чести. А слабости и недостатки — что ж, эти шестеро чудесно дополняют друг друга, и он, Краюхин, справедливо гордится умением подбирать людей. И, закрыв глаза, он снова и снова вызывает в памяти лица и поступки Строгова, пилотов, геологов, офицера. «Но ведь никто из них, исключая Строгова, не обстрелян, даже этот офицер»,— почему-то приходит ему в голову. И вдруг он совершенно отчетливо и ясно, как в кино, видит другие картины. «Из глубины непостижимой памяти» всплывают образы и сцены, которые он так хотел забыть и, как ему казалось, забыл навсегда. Какими странны-

ми процессами в мозгу, по каким непонятным ассоциациям вызваны они? Краюхин не успевает подумать об этом. Он жадно вспоминает, машинально обтирая ладонью пот, выступивший на лице.

...То, что недавно было искусственным спутником ИС «Комсомольская» с экипажем из юношей и девушек, окончивших в прошлом году специальную школу. Шестнадцать человек, среди них Юрка, врач, сын. Исковерканные фермы, разбитые переборки, обрывки проводов. Зияющие пробоины... [Далее текст отсутствует.]

Размышления о Краюхине: «Краюхин — завоеватель двух больших планет и нескольких лун, победитель в кровавой бойне в Пустой полосе, Краюхин — воспитатель и кумир трех поколений самых отважных в мире межпланетников...»

В «Комментариях» Б. Н. Стругацкий объясняет, кто такие «Симмонсы», когда пишет о первоначальном плане ПНА: «Там были сражения в космическом пространстве, там были таинственные «Симмонсы» — настоящие, без дураков, пираты, жестокие, омерзительные и беспощадные, оседлавшие межпланетные коммуникации и готовящиеся нанести удар из космоса по Советским республикам...» Но «Симмонсы» были придуманы значительно раньше, еще когда писался первый вариант СБТ.

Разговор Ляхова и Краюхина после испытаний «Хиуса»:

Следуя программе испытаний, «Хиус» около месяца маневрировал около Венеры, то удалялся, то приближался к ней, посетил искусственные спутники, принадлежащие другим государствам, и наконец отправился в обратный путь. Накануне начальник чешского спутника обратился к Ляхову с просьбой принять на борт больного инженера.

— Конечно, юридически мы не имели права этого делать, перелет испытательный, и мало ли что могло случиться? Но парень чувствовал себя очень плохо, и его следовало как можно скорее доставить на Землю. А кто мог сделать это скорее нас?

Краюхин рассеянно кивнул.

— Как насчет «Симмонсов»? — спросил он.— Ничего не слышно?

— Н-нет.— Ляхов встревоженно посмотрел на него.— А что... есть какие-нибудь новости?

— Нет, новостей никаких нет,— пробормотал Краюхин, протирая очки.— Пока, слава богу, нет.

— Да ведь теперь наших врасплох не застанешь,— заметил Михаил Иванович.— Не то, что тогда...

— Вот именно. Так, говорите, «Хиус» не обманул надежд?

«СЛИШКОМ МНОГО ТРУПОВ»

Б. Н. Стругацкий в «Комментариях» пишет: «"Уберите хотя бы часть трупов!" — требовали детгизовские начальники теперь уже напрямую».

Часть — осталась. Погибает Лу Ши-эр, сообщается о гибели Поля Данже, Быков читает о неудавшихся высадках на Венеру, Краюхин вспоминает о погибшем при испытании первого «Хиуса» Петросяне, на Венере находят труп Бидхана Бондепадхая... И исчезновение Спицына, и гибель Ермакова.

Что же было убрано под давлением издательства? Немногое. Стругацкие с самого начала своей литературной деятельности старались если и уступить давлению, то минимально — отступая по шагу, по полшага. Пока не научились это давление обходить стороной, а то и обращать себе на пользу.

В первом варианте СБТ автоматические пеленги посылает не корабль «отважного калькуттца». Ермаков с товарищами находит на Венере другой экипаж.

Тяжелая стальная дверь, ведущая внутрь звездолета, была наполовину сорвана с петель и заклинилась. Скользя башмаками по металлу, все трое навалились на нее. Несколько минут было слышно только напряженное дыхание, потом дверь поддалась с пронзительным скрежетом. Межпланетники пролезли в образовавшуюся щель и очутились в тускло освещенном помещении, наполовину засыпанном черным прахом. На потолке, ставшем теперь стеной, неярко светился под слоем пыли матовый колпак лампы. Гриша, увязая в песке, шагнул к нему, стер грязь. Стало светлее.

— Как же дальше...— Алексей Петрович растерянно озирался по сторонам.— Дверь занесло.

— Откопаем, Анатолий Борисович? — Гриша опустился на колени у противоположной стены.

Второй двери не оказалось — она была снята с петель и исчезла. Под толстым слоем песка чернело отверстие входа, и межпланетники пробрались внутрь. Здесь было очень темно, только в конце коридора слабо светилась желтым светом узкая щель. Там начинались жилые отсеки.

Странно и страшно выглядела внутренность повалившегося на бок стального корабля. Нагнув головы, межпланетники пошли вдоль коридора и остановились перед дверью, ведущей в кают-компанию. Она была у них под ногами. Все предметы, когда-то прикрепленные к стенам или полу, сорвались и лежали беспорядочной грудой глубоко внизу. Развороченный буфет, темнеющий пустыми полками. Книжный шкаф с лопнувшими стеклами на дверцах. Груда книг, полузанесенная черной пылью. Осколки стекла и приборов, большой прозрачный шлем в углу, перевернутый стол с изогнутыми металлическими ножками. На обломках сорвавшихся кресел — лопнувшие ремни и черные ссохшиеся пятна. Только холодильник каким-то чудом висел на опрокинутой стене, ослепительно белый, не тронутый пылью и расколотый вдоль по всей длине. Гриша и Строгов перепрыгнули через провал двери и двинулись дальше. Алексей Петрович задержался. Ему показалось, что из-под кучи окровавленных грязных бинтов торчат серые, неестественно вывернутые ноги. Это был пустой безголовый чешуйчатый скафандр непривычного вида, по-видимому старого образца. С трудом оторвав глаза от жуткого зрелища, Алексей Петрович догнал товарищей. Они стояли в рубке управления. Здесь было светло и чисто. Треснувшая поперек панель управления была сдвинута и угрожающе нависала над головой, многие приборы разбиты вдребезги, но на «полу» у ног Строгова стоял аккуратно снятый со своего места, поблескивающий металлом радиопередатчик. Он работал. Тихо гудели трансформаторы, дрожали синие и зеленые огоньки за круглыми разбитыми стеклами, и над красно-черной пустыней, смятые магнитными и электрическими полями, неслись сквозь ветер и бурю невидимые сигналы — кричали, звали...

Звездолет был пуст. В освещенных мертвым желтым светом каютах все разворочено: двери распахнуты, разбросаны клочки мятой горелой бумаги, грязные простыни, осколки разбитых пластмассовых абажуров — мусор, пыль, тление... Следы страшного удара, непоправимой катастрофы, бедствия и гибели. В одной каюте, на стене — внизу, прямо под ногами межпланетников — большой портрет бородатого крепкого мужчины с веселыми блестящими зубами.

— Миньковский-старший, изобретатель «абсолютного отражателя»,— сказал Строгов.— Это каюта его сына, Владислава Миньковского...

— Так это «Слоник»!..— Гриша закивал шлемом.— «Слоник», «Слоник»...

— Да, это «Слоник»,— горько сказал Строгов.— Владислав на нем бывал на Луне и на Марсе... Первый опустился на Цереру. И вот здесь...

— «Слоник», «Слоник»...— повторял Гриша.— Они искали пропавших чехов. Я был на «Циолковском», когда они уходили в рейс, веселые, счастливые. Это была честь!..

Межпланетники долго стояли, склонив головы, глядя вниз на портрет смеющегося бородатого человека, потом Строгов сказал:

— Надо идти... Пошли.

Молча они пробрались по темному коридору. Луч фонарика скользил по стенам, бархатным от осевшей пыли. Проходя мимо рубки, Гриша повернулся к командиру:

— Может, выключить пеленгатор, Анатолий Борисович?

Строгов нехотя проговорил:

— Не стоит... Пусть.

Алексей Петрович наклонился, нашел внизу ручку и плотно притворил дверь. В коридоре стало совсем темно, стихло гудение передатчика. Теперь люди не скоро, очень не скоро придут в изувеченный звездолет...

Шагах в двадцати от люка под гигантским обломком камня темнела покосившаяся стальная плита, полузакопанная в крупный щебень. Это была кессонная дверь. На дымном металле виднелись стершиеся ровные буквы, написанные зеленой флюоресцентной краской. «Миньковский, Божка, Штееман»,— ра-

зобрал Алексей Петрович. Ниже шла какая-то надпись по-польски более мелкими буквами, ее пересекало криво нацарапанное чем-то острым — «Збинский». От последней буквы круто вниз шла длинная царапина.

— Миньковский... Божка... Штееман... Збинский...— медленно прочитал Строгов.— Все четверо... Светлая им память.

Алексей Петрович с недоумением и страхом поглядел на него: как так все четверо? А кто же их, кто же их?..

— Какие это были ребята!.. Какие...— Гриша задыхался.— «Слоник», бедный «Слоник»...

Ветер, полный черной пыли, пронзительно выл, врываясь в узкие щели между вывороченными белыми глыбами. Высоко вверху, на гребне насыпи чернел силуэт «Мальчика» с фигурками геологов на броне. Алексей Петрович огляделся. Низкое багровое небо, беспорядочное нагромождение камня, черный труп изуродованного звездолета — сон... Жуткий сон.

— Пойдем,— сказал Строгов.

Гриша резко повернулся к нему:

— Мы не будем искать е г о ?

— Пойдем,— повторил Строгов.

— Но он не мог уйти далеко... Он где-нибудь здесь, рядом...

— Зачем? — Строгов устало провел ладонью по шлему.— Пойдемте... И поменьше подробностей там, в «Мальчике»...

Карабкаясь по насыпи, Алексей Петрович понял: здесь нет загадки, нет мистики... Их было четверо, но под стальной плитой лежат только трое. Четвертый, очевидно Збинский, ушел... Куда?.. Он знал куда, когда выцарапывал собственное имя рядом с именами мертвых. Сейчас он крепко спит где-то в пустыне, занесенный черной пылью, и искать его, действительно, пожалуй... незачем...

В «Мальчике» Строгов сказал только:

— Это — «Слоник». Неудачный спуск, все погибли,— сел за пульт управления и повел транспортер по прежнему курсу.

— Светлая им память,— прошептал Бирский.

Вальцев горестно сказал:

— И Владислав тоже?.. У него сын родился через полмесяца после отлета... Эдик. Первый мальчик на «Циолковском»...

— Теперь ему уже полтора года,— пробормотал Гриша, и все надолго замолчали.

Но если вышеприведенный отрывок был изменен уже во втором (тоже черновом) варианте СБТ, то «оживлять» одно из главных действующих лиц Авторы не хотели до самого последнего чернового варианта.

Лиловые полосы в небе погасли. В ушах стоял непрерывный пронзительный звон, и Алексей Петрович не сразу понял, что это — счетчик излучения. «Десятки рентген»,— мелькнула в мозгу и исчезла мимолетная мысль. Он поднялся на ноги, подхватил под мышки неподвижного Бирского (тот бессильно обвис в его руках) и потащил его к «Мальчику» подальше от пузырящейся, окутанной розовым паром красной пленки. Шагов через сорок он наткнулся на Вальцева. Лева лежал на спине, согнув ноги, вцепившись скрюченными пальцами в ткань спецкостюма на груди, словно хотел разорвать его. Положив Бирского рядом, Алексей Петрович нагнулся к другу и увидел, что вся нижняя часть костюма Левы обуглилась — обнажилась потрескавшаяся синяя кожа на обожженных ногах. Вальцев был без сознания, дышал часто, с хрипом. Капитан торопливо, трясущимися пальцами снял ремень с автомата, туго перетянул неподвижное тело вокруг пояса, чтобы прекратить доступ раскаленного, бедного кислородом воздуха извне, и сильно открутил кислородный кран. Вальцев застонал, со всхлипом втянул в себя живительный газ. Тогда Алексей Петрович открыл кран и у Бирского. Тот затрепетал, приходя в себя, быстрым движением поднялся, сел. Вальцев продолжал тяжело хрипеть.

— «Мальчик»... Командир...— пробормотал Бирский.— Скорее...

Алексей Петрович помог ему подняться, и они оба, шатаясь, направились к остывающей в сотне метров громаде транспортера. Перепрыгнули через широкую чернеющую трещину, побежали. Бирский первым полез в люк, но сорвался и остановился рядом с машиной, держась за броню и тяжело дыша.

Капитан оттолкнул его и полез сам.

Люк сильно оплавился, стал овальным. Броня была еще раскалена, жар проникал под спецкостюм, нестерпимо обжигая. В темном кессоне Алексей Петрович напрасно шарил выключатель и, не найдя, зажег фонарик на шлеме. Кессонную дверь открыть не удавалось.

— Анатолий Борисович, товарищ Строгов! — в отчаянии позвал Алексей Петрович и вдруг понял — бесполезно. Командир погиб. Температура была слишком высока, все оплавилось, «Мальчик» некоторое время был раскален добела, а Строгов оставался без шлема, когда они уходили. Там, за стальной плитой, все превратилось в пепел, сгорело. Все — и командир тоже. Конец... Красное кольцо, загадка Яниса!

— Дверь, дверь, скорее, какого черта! — Бирский вполз в люк, кинулся к двери, толкнул ее. Она не поддалась.

Он навалился всем телом, и Алексей Петрович присоединился к нему. Напрасно. Бирский яростно забил по ней кулаками.

— Резать надо... — прохрипел капитан.

— Идиот! Чем? Здесь есть запасной люк? Ну?!.

Алексей Петрович выпрыгнул наружу. Его подхлестывала и жгла безумная надежда: «Скорее.... Может быть, еще можно успеть!» Второй, запасной люк, которым никогда не пользовались, находился в задней части транспортера, но, обогнув машину, капитан понял, что все погибло. «Мальчик» сильно осел в размякшую от температуры почву и вплавился в нее. Люк оказался ниже уровня твердой спекшейся корки, и добраться к нему было невозможно. «Мальчик» превратился в мертвую, неприступную для оставшихся в живых крепость. Строгов отрезан от мира и мертв. Мертв! Командир мертв!

Алексей Петрович устало опустился на пышущую жаром, исковерканную землю, поднес руки к лицу. Пальцы его уперлись в матовый колпак шлема...

Вальцева подтащили к «Мальчику», уложили поудобнее. Капитану пришлось прежде потратить несколько минут на то, чтобы привести Бирского в себя. Геолог ходил вокруг мертвого транспортера, бился в его почерневшие бока, кричал. Алексей Петрович схватил его за плечи, сильно встряхнул, и тогда он опомнился и послушно пошел за капитаном, всхлипывая и бормоча.

Вальцев по-прежнему не приходил в сознание, и Алексей Петрович не знал, что делать. Не было лекарств, бинтов. Он не мог перевязать страшно обожженное тело друга. Он не мог даже снять с него шлем и напоить водой или влить глоток спирта

(обнаруженного у Бирского в вещевом мешке вместе с кучей каких-то тряпок) — температура воздуха вокруг была еще слишком высока, более ста градусов. Бирский сначала было принялся помогать. Переносил и укладывал Вальцева, рылся в вещевых мешках, обворачивал израненные ноги тряпками, невесть как попавшими к нему в мешок, а потом как-то сразу сник, присел около «Мальчика», уронил голову на руки. Алексей Петрович возился с другом, пытался делать ему искусственное дыхание, сам не зная зачем, кое-как лохмотьями костюма старался укрыть от обжигающего ветра обнаженное тело, поминутно смотрел на ручной термометр, но температура понижалась медленно.

— Умрет,— проговорил вдруг Бирский как-то равнодушно.— Ожог третьей степени. Умрет Лева, умрет...

— Молчи! — заорал на него Алексей Петрович, приходя в ярость. Он и сам прекрасно понимал это. У Вальцева обожжено более половины тела, обожжено страшно. И они ничем не могут помочь ему. И не смогут.

— Что делать? Что делать? — бормотал он в отчаянии.

— Ползет,— снова заговорил Бирский, как в бреду.— Смотри, ползет...

— Что? — Алексей Петрович оглянулся и сразу понял.

Вокруг «Мальчика» медленно, но заметно смыкалось кольцо красной пленки. Багровая масса наползала со всех сторон, подбираясь к центру этого странного подземного взрыва, где сейчас громоздились гигантские глыбы вывороченного оплавившегося камня. Над бездонной черной воронкой, где почва осела на несколько десятков метров, поднимались клубы дыма, озарялись багрово.

— Раздавит,— продолжал Бирский без всякого выражения.— Сомнет, раздавит — она тяжелее камня... Уходить надо.

— Куда? — Алексей Петрович обвел глазами горизонт: со всех сторон наползала неумолимая туманная пелена.

Бирский тяжело поднялся, склонился к Вальцеву, взял его осторожно за плечи:

— Беритесь, капитан... Запремся в «Мальчике».

Вальцев жалобно застонал, когда они протискивали его через узкий люк. В кессоне было еще очень жарко, гораздо жарче, чем снаружи.

— Господи,— сказал с отчаянием Алексей Петрович, глянув на термометр,— сто двадцать! Он же сгорит здесь! Лева!..

Алексей Петрович лег на раскаленный пол, втащил Вальцева на себя, тот снова застонал глухо и жалобно. Бирский медленно, будто нехотя, задраивал люк. Ничего не получалось: и отверстие люка, и крышка потеряли свою первоначальную форму. Он кое-как закрепил тяжелый горячий кусок металла, выглянул в щель:

— Подбирается... Сейчас полезет на танк. Она не обходит препятствий — ломает их или перебирается поверху... Посмотрим.

Он отошел от щели, присел где-то в темноте. Алексей Петрович молчал, прислушиваясь к шорохам снаружи, к хрипению Вальцева, чувствуя, как нестерпимый жар гложет спину. Все это бесполезно, бессмысленно... Они обречены. «Мальчик» погиб, нет еды, кислорода, воды. Вальцев умрет, он без сознания, не чувствует, наверное, боли. Но хоть что-нибудь для него... Хоть что-нибудь, хоть бесполезное, если ничего другого не остается...

«Мальчик» слегка качнуло, красный свет, пробивающийся сквозь щели люка, стал ярче. Раздался скрип, скрежет — красная пленка наползала на изувеченный транспортер...

Через полчаса температура упала до семидесяти градусов, и Алексей Петрович, осторожно стащив с Вальцева матовый колпак, влил ему в полуоткрытый рот глоток спирта. Лева поперхнулся, закашлялся судорожно, открыл глаза, полные страдания. Алексей Петрович погладил его по небритой щеке и снова надел шлем.

— Где я? — Вальцев снова надрывно закашлялся.

— В «Мальчике». Лева, дружок... Ты ранен.

— Больно как... Ноги... Что случилось, почему темно? Что это скрипит над нами?

Алексей Петрович молчал. Бирский сказал из темноты:

— Это красная пленка, Лева. Она наползла на танк.

— Почему темно?.. Почему не двигаемся?..

— Был взрыв, Лева,— сказал капитан и замолчал: не было сил сказать все до конца.

— Да... Взрыв... Помню. Меня бросило на землю и обожгло... Сашка, ты понимаешь, что это?.. Это под землей взорвался

атомный котел... Помнишь, мы... спорили... об этом?.. Не повезло... Как раз под нами... Больно как...

Вальцев быстро, прерывисто задышал, застонал сквозь стиснутые зубы. Алексей Петрович до отказа повернул кран подачи кислорода.

— Хорошо, хорошо... Еще...— Лева дышал глубоко, жадно.— А почему вы в костюмах? Где Строгов?.. Мне очень больно... Что вы молчите?.. Алексей!.. Что случилось?.. Где Гриша?..

— «Мальчик» погиб, Лева...— Бирский помолчал, медленно договорил все: — Строгов погиб, Гриша погиб... Чего уж тут.

— Вот... как... Все погибли... и я... и я тоже... Алексей... Маша...

Тело Вальцева изогнулось в судороге, замерло, он захрипел, снова теряя сознание. «Мальчик» вздрагивал, скрипело что-то по броне, щели неплотно закрытого люка светились красным. Бирский вдруг заговорил, забормотал негромко:

— Лева, Левка, очнись... Не надо! Мы уйдем отсюда... Понесем тебя на руках... Верно ведь, Алексей Петрович?.. Лева!..

Вальцев вздрагивал, в бреду звал Машу, плакал:

— Маша, Маша... Не уходи. Я все для тебя... Все... Жизнь, честь... Маша... Никто тебя больше меня любить не будет... Все пройдет, все ложь, кроме любви моей... Гриша... «Мальчик» жалко... Один я... Страшно... Смерть... Бо-о-ольно!..

И вдруг, помолчав,— ласково, радостно:

— Вот так... Да-да... Какая у тебя ладонь нежная, прохладная... Мне очень больно, Машенька... Ты моя радость, моя чудная... Не надо, не говори, я все понимаю, все — ерунда... Еще, еще... Милая ты моя... А я небритый, отвратительный... Больно очень, Машенька... Ма-ша!

Бирский вскочил, заметался в лучах фонарика:

— Убью!.. Сволочь! Подлая баба!..

Он длинно, мерзко выругался. Алексей Петрович, стащив с Вальцева колпак, прижимал к его рту кислородную трубку, не отрываясь глядел в лицо друга. Жизнь уходила с лица, проваливались щеки, тускнели глаза. Губы едва уже шевелились.

— Ма-ша...— разобрал Алексей Петрович и еще: — Холодно... Боль-но... Ма-ша.

Дрожь била небольшое жилистое тело, крупная дрожь, как от сильного пронизывающего холода.

Алексей Петрович взял в ладони бессильную голову, прижал к себе. Дрожь утихла, Вальцев вытянулся и замер, словно окоченев.

— Умер? — чужим голосом спросил Бирский.

— Да.

— Умер, умер. Лев Николаевич Вальцев — известный советский геолог-космонавт — скончался при трагических обстоятельствах. Левка умер.

— Он не умер,— сказал Алексей Петрович, прислушиваясь к слабому редкому дыханию.

— Это все равно. Десять минут, час, сутки. Только ненужная боль. Мы ничего не можем сделать для него. Лева Вальцев умер.

Бирский подошел к люку, прижался к нему, раскинув руки, и еле слышно проговорил:

— Шесть лет вместе. Луна, марсианские пустыни... Шесть лет. А теперь?!.

Он распахнул люк резким, неожиданно сильным движением. Вокруг была ночь, тьма... Далеко-далеко, содрогаясь от собственной мощи, грохотала Урановая Голконда, подымая над горизонтом дымное, пронизанное огнем вспышек багровое зарево...

<...>

Их осталось двое. Лева Вальцев умер, и они оставили его тело в кессоне застывшего «Мальчика». С трудом вылезли наружу и некоторое время стояли неподвижно, не в силах покинуть страшное место. Гудело вдали красное зарево.

В последнем сохранившемся черновом варианте он — уже Дауге, но все равно умирает, поэтому к Крутикову и «Хиусу» приходится идти только двоим — Быкову и Юрковскому. Самые крупные отрывки из черновиков, которые удалось включить в основной текст СБТ, приходятся именно на эту часть романа. «Сумасшествие» Быкова (мысли вслух, галлюцинации) пришлось вставлять в текст максимально осторожно, ибо «своих» слов добавлять было нельзя (так как такое восстановление текстов явилось бы не восстановлением, а переделкой, да еще не авторской), и одновременно нельзя было включать эпизоды, где впрямую сообщалось о том, что их осталось двое.

В большинстве случаев это удалось. Но кое-что из-за этого оказалось не задействованным.

Небо опять окутано багровыми тучами. Дует сильный ветер с севера, он помогает идти. Тучи принесло со стороны Голконды, пока Алексей Петрович спал. На горизонте мотаются змеистые тени смерчей — все так же, как три недели назад, когда «Мальчик» резво мчался наперерез ветру к Урановой Голконде, навстречу гибели. Теперь «Мальчик» мертво застыл, вплавившись в остекленевший песок,— большой, металлический, дымной брони — памятник Великого Похода. Вечным сном заснул его командир; в черном кессоне лежит бедный Лева; где-то в скалах нашел свою странную смерть Гриша Ершов... Но поход еще не кончен. Не кончен!

Каждый раз, просыпаясь после мучительного сна, Алексей Петрович люто и страшно ненавидел Бирского. Геолог был тяжел. Голод и жажда иссушили его, но он весил все еще страшно много, гораздо больше, чем автомат... Гораздо больше, чем его знания, драгоценные знания человека, единственного живого человека, изучившего подступы к Голконде. Капитан тащил на себе не Бирского — смельчака, поэта и «пижона»,— он нес людям Голконду, сказочные песчаные равнины, где песок дороже золота, дороже платины...

<...>

На болоте шевелились в светящемся тумане джунгли чудовищных белесых растений. Они росли очень густо, и приходилось протискиваться между их толстыми скользкими стволами. Трясина чмокала, чавкала, засасывала грязной мокрой пастью. Два измотанных человека никогда бы не смогли пересечь этот грязевой ад, если бы Алексей Петрович у самого края болота не осознал, что им предстоит еще переход в двадцать километров. Он всегда знал это, но забыл — иссохший мозг не удерживал мыслей. Перед последним — решающим — броском устроили длительный привал, и капитан извлек драгоценный заветный термос Вальцева — их последнюю надежду и опору. В термосе почти два литра апельсинового сока, и Бирский, глубоко (тем же самым капитаном) убежденный, что надеяться больше не на что, даже закаркал (засмеялся), когда шероховатый черный

баллончик повис в луче фонарика. Алексей Петрович разрешил Бирскому и себе выпить по десять глотков жизни.

Впечатлений не было. Кажется, они начали задыхаться, и Алексей Петрович с трудом понял, что надо выключить респираторы в шлемах. Бирский все же потерял сознание, и капитан давал ему кислород. Кажется, Алексея Петровича засосала трясина, и Бирский выволок его на поверхность. Впрочем, может быть, все было наоборот. Надо было стрелять (зачем-то), и капитан стрелял, но у него ничего не получалось. Все было очень странно и удивительно. И самое удивительное заключалось в том, что они сразу нашли место, где месяц назад совершил посадку «Хиус». Но «Хиуса» не было. Осталась широкая — метров шестьдесят в диаметре — лужайка, покрытая прочной асфальтовой коркой. От центра ее разбегались длинные трещины, сквозь которые пробивалась буйная поросль больших белесых растений с толстыми скользкими стволами...

РЫЦАРИ БЕЗ СТРАХА И УПРЕКА

Как уже говорилось ранее, по убеждению социалистических чиновников от литературы Настоящий Советский Человек обладать должен только достоинствами. Особенно тот, которому было поручено такое ответственное дело. Не говоря уже о недостатках, даже такое качество, как сомнение, у Советского Героя Космоса обязано отсутствовать. То ли это качество приравнивали к трусости, то ли к идеологическому несовершенству, но начало третьей части СБТ, когда межпланетники только высадились на Венеру, тоже пришлось Авторам менять.

Незадолго перед стартом Вальцев сказал Краюхину: «Только бы благополучно сесть, а там мы пройдем хоть через ад». Весь экипаж «Хиуса» думал так же. По немногим имеющимся сведениям они представляли себе этот ад: раскаленная песчаная пустыня, бешеный ветер, безводье, непроницаемая для радиолучей атмосфера и — одиночество, полное одиночество... И тяжелый, изнурительный, повседневный труд...

Но болото... Болото на Венере! Пальмовые рощи на Луне! Стада коров на Церере! Чушь, нелепица... НЕОЖИДАННОСТЬ!

Они знали, что такое неожиданность. Неожиданность — это значит: все предварительные расчеты идут к черту; мысли путаются, лихорадочно обгоняя друг друга; в тебе появляется отвратительная слабость — хочется закрыть глаза ладонями, затопать ногами, закричать: «Нет, не так!.. Все не так... Дайте, я сделаю все сначала, все по-другому!» А время летит, и неожиданность надвигается, грозная и неотвратимая, как судьба. О, каждый из них мог бы много рассказать о том, что такое неожиданность — неудача в пятидесяти и катастрофа в двадцати случаях из ста; неожиданность, «неучтенная закономерность», таинственный икс, который гонит в черной пустоте межпланетного пространства стальные звездолеты-склепы с мертвым экипажем, покрывает могильными холмиками поля чужих планет, заставляет отступать, бежать, начинать все сызнова...

Далеко ли тянется болото? Что оно собою представляет? Откуда оно взялось здесь? Сможет ли «Мальчик» пройти через туманную трясину? Что, если болото затянет многотонный «Хиус»? Может быть, лучше скорее, как можно скорее, задраить все люки, поднять звездолет, вырваться из черной топи? Что делать, что делать?

Алексей Петрович и не представлял себе, каким могучим напряжением воли товарищи сдерживали волнение. Михаил Иванович казался спокойным до равнодушия, в голосе Строгова не чувствовалось и тени растерянности, горячность и легкое волнение остальных объяснялось на первый взгляд просто азартом путешественников-первооткрывателей. Для самого Алексея Петровича неожиданность была не более чем увлекательным приключением: за судьбу экспедиции он не беспокоился, веря в товарищей, в чудесные возможности звездолета.

Даже физкультурой новый советский человек должен заниматься с достоинством, а не иронизировать...

Будни начались с того, что рано утром всю команду «Хиуса» в полном составе вывели во двор гостиницы на физзарядку. Делая глубокие вдохи и полные выдохи, поднимаясь на цыпочки и приседая, выбрасывая поочередно правую и левую ноги и совершая бег на месте, Алексей Петрович наблюдал за

товарищами. Не без тайного удивления он заметил, что все они, в том числе и сам Строгов, делали гимнастические упражнения тщательно и добросовестно, словно это было чрезвычайно важное дело. Это показалось ему немного странным и даже смешным и трогательным, словно он смотрел на малышей в детском садике, но позже, когда они одевались после душа, Строгов заметил:

— Вы, по-видимому, хороший физкультурник, Алексей Петрович. Мне кажется, эти упражнения даются вам очень легко, не правда ли?

— Да, трудными их не назовешь,— осторожно сказал капитан.

— Я бы посоветовал вам дополнительно заниматься на снарядах.

Алексей Петрович промолчал.

— Потому что сейчас для всех нас очень важно иметь хороший аппетит. Зарядка — я имею в виду настоящую зарядку, требующую известного напряжения — является одним из факторов, обуславливающих чувство здорового голода. Имейте в виду: чем больше вы сейчас будете есть, тем лучше будете себя чувствовать в пространстве.

— Это так,— со вздохом пробормотал Михаил Иванович, похлопывая себя по животу.

И не только люди будущего должны быть безупречны. Даже в мелочах картина нашего славного будущего должна показывать читателю: сегодняшних недостатков там не будет. Даже мелких огрехов. Неизвестно, почему Стругацкие, изменяя данный отрывок, вспомнили Ивана Антоновича и его олгой-хорхоя. В первоначальном варианте было все гораздо прозаичнее.

Лева покачал головой и, обратившись к Ермакову, сказал:

— С роль-мопсом была у меня одна история. Представляете, Гоби, пустыня, несколько палаток — геологическая экспедиция. На триста километров ни одного жилья — дичь. И была у нас, у практикантов, бутылка спирта и заветная баночка роль-мопса. Ждали мы какого-либо торжественного события, чтобы, значит, все это... (Лева выразительно щелкнул пальцами.)

Ну-с, и дождались! Наступил день рождения... э-э... да... Женьки Егорова. Так, Саша?

— Умгу,— сказал Бирский с набитым ртом.

— И вот собрались мы у нашей палатки — все практиканты, шесть человек. Откупорили спирт (при слове спирт капитан вздрогнул и тихонько вздохнул), нарезали хлеб, руки помыли. Положили все это на футляр для теодолита, и, как сейчас помню, принялся я под жадными взорами ребят вскрывать вожделенный роль-мопс. Вскрыл!

— Ну, и?..— сказал Строгов улыбаясь.

— И — ничего. Никаких шансов. Пустая банка! Две ложки рассола и плавает кружочек моркови. Нет роль-мопса — заводской брак. И вот сидят шесть практикантов, уныло макают по очереди кусочки хлеба в рассол и плачут. А кругом — каменистые осыпи, солнце жарит, ветерок песок гонит — никаких шансов!

— Ужасная история,— проговорил Строгов, намазывая масло на хлеб.

— Да,— вставил Бирский.— А морковку разыграли по жребию, и досталась она Вальцеву. И он ее, негодяй, слопал.

— А ты бы не слопал? — ехидно поинтересовался Вальцев.

— Нет,— сказал Бирский торжественно.— Я бы отдал ее имениннику!

КАК ПОССОРИЛИСЬ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ С АЛЕКСЕЕМ ПЕТРОВИЧЕМ

При чтении «Страны багровых туч» меня все время смущала некоторая несообразность столь явного недоброжелательства Юрковского по отношению к Быкову во время их первой встречи в кабинете Краюхина. Даже яростного неприятия. Из черновиков стало ясно, что это была не первая их встреча.

Ниже следует глава, отсутствующая в публикациях СБТ, которая была выброшена при редактуре, вероятно, по простой причине: негоже пьянствовать межпланетникам, да еще перед совещанием у начальства. Эта глава располагалась между главами «Серьезный разговор» и «Экипаж "Хиуса"», после знакомства Быкова с Краюхиным, но до знакомства с экипажем.

БУФЕТ МЕЖПЛАНЕТНИКОВ

Выйдя в широкий низкий коридор, Алексей Петрович схватился горстью за подбородок и задумался. Собственно, как будто ничего страшного не произошло. Любой на его месте принял бы предложение участвовать в такой экспедиции за честь. Венера... Что она собой представляет? То, что проходили когда-то в школе, давно забылось. Хорошо бы найти энциклопедию и посмотреть. Пока ясно только, что там есть пустыни. Но до чего все это неожиданно! Всего несколько часов назад ему вручили предписание и выразили надежду, что и на этот раз он оправдает доверие... Интересно, знало ли начальство, на что его посылают? Алексей Петрович принялся вспоминать, и ему стало казаться, что генерал действительно смотрел на него как-то по-особенному, значительно, и пожал ему руку с особым чувством. Но если там было все известно, то почему его не предупредили? «Я бы не вел себя таким идиотом у Краюхина»,— подумал Алексей Петрович. Венера, Венера... Говорят, эти межпланетные путешествия — чертовски трудное дело. Нужна особая сноровка, здоровье, хладнокровие. А работа на далеких планетах и того труднее. Но раз Краюхин выбрал его, значит, уверен, что он справится. Краюхину со стороны, безусловно, виднее. Тем более что от него, Алексея Петровича, потребуется только его обычная деятельность. Интересно, что Краюхин имел в виду, когда говорил об обычной деятельности? Ремонт и вождение машин? Скорее всего, просто привычка работать в пустыне. И в конце концов, все эти межпланетные путешественники такие же люди, как он. Раз могут они, сможет и он.

Алексей Петрович оставил подбородок и взялся за нос. Мимо прошла хорошенькая девушка в белом платье, мельком взглянула на него и не удержалась — улыбнулась. Да, надо послать в Алма-Ату телеграмму, что командировка будет очень длительной. Жаль, нельзя повидаться перед экспедицией. А что бы это дало? То, что не смог сделать за два года, не сделаешь за пару часов. Ну и ладно. Предоставим все судьбе. Когда он вернется... (В памяти возникло фото из какого-то иллюстрированного журнала: герои безграничных пространств вернулись из космического рейса — цветы, улыбки, поднятые для привет-

ствия руки...) Так вот, когда он вернется, то возьмет отпуск и поедет в Алма-Ату. Он подойдет к одному дому, нажмет кнопку звонка — один длинный и один короткий — и тогда... Алексей Петрович сердито потряс головой и решительно двинулся вдоль коридора. У лифта он остановил рослого красивого человека в легком изящном костюме и спросил, где находится столовая.

— Столовая? — протянул тот, окидывая Алексея Петровича внимательным взглядом.— Столовая на шестом этаже. Но она сейчас закрыта. Вы кого-нибудь ищете?

— Почему ищу? — удивился капитан.— Я... Мне нужно пообедать, только и всего.

— Хм... Тогда вам лучше идти в ресторан. Это напротив, через улицу. Этажом ниже есть буфет межпланетников, но посторонние у нас обычно не обедают. Всего наилучшего.

Прежде чем ошеломленный таким тоном и словами Алексей Петрович успел что-либо сказать, человек в изящном костюме повернулся и, не торопясь, пошел прочь.

— Вот нахал,— подумал вслух Алексей Петрович.— Да еще и франт вдобавок. Пижон.

И хотя он тут же вспомнил, что красавец этот, вероятно, межпланетник, то есть один из тех героев, которых фотографируют и встречают с цветами или хоронят в мрачных ледяных пропастях бесконечного пространства, а потому имеет какие-то основания смотреть на простых смертных несколько свысока, никакого желания найти оправдание поведению «пижона» у него не появилось.

Буфет межпланетников оказался огромным светлым залом, ослепительно чистым, прохладным и шумным. За столиками группами по два-три, а кое-где и по пять-шесть человек сидели мужчины и женщины, пожилые, молодые и даже совсем юные. Алексей Петрович сразу же отметил с любопытством, что многие из них носят темные очки. Некоторые были значительно бледнее, чем это полагается в такое время года. У других был очень усталый вид, они ели молча, поспешно и сразу же уходили.

Алексей Петрович облюбовал себе столик у раскрытого окна и, когда официантка приняла заказ (безо всяких возражений,

вопреки его тайным опасениям) и ушла, стал осматриваться. По-видимому, перерыв заканчивался. Большинство обедавших допивали компоты и соки, оставляли деньги и уходили. Зал быстро пустел, становилось тише, и тогда Алексею Петровичу стало слышно, что говорили за соседним столиком. Там расположились четверо. От Алексея Петровича их отделяла тумбочка с большим фикусом, и он мог незаметно разглядывать и слушать их, потому что и их разговор, и их наружность и манеры сразу привлекли его внимание, напомнив о совете Краюхина «посмотреть и послушать». Люди эти, по-видимому, тоже только что пообедали и теперь сидели и курили над стаканами светлого вина. Говорили они довольно громко, не стесняясь, как люди, привыкшие чувствовать себя здесь, как дома. Скоро Алексей Петрович знал их всех по именам. Место слева занимал худощавый сутулый человек лет сорока, с нездоровым, землистого цвета лицом. Его называли Петей и Петром Васильевичем. Напротив него сидел Михаил Иванович, румяный толстяк в голубой шелковой рубашке с короткими рукавами, открывавшими его белые, полные, как у женщины, руки. Рядом с Михаилом Ивановичем, придерживаясь за его плечо, покачивался на стуле смуглый, обритый наголо парень, непрерывно куривший папиросу за папиросой. Звали его Гришей, и, когда к нему обращались, он медленно задумчиво улыбался, прекращая свое покачивание, и наклонялся к столу. Спиной к Алексею Петровичу сидел Федя. Фикус почти полностью скрывал его, но его низкий хриплый голос был слышен хорошо.

Говорил Петр Васильевич, устало помаргивая и глядя то в свой стакан, то на собеседников, а те внимательно слушали, изредка вставляя короткие замечания.

— ...Но вот в чем дело: горючего оставалось в обрез. Воронин подумал и говорит: «Пристраивайся так, чтобы держаться на высоте километров в триста от поверхности и идти по круговой орбите». Дал координаты, посмотрел на меня. «Не сорвешься?» — спрашивает. Я отвечаю, что постараюсь не сорваться, а сам думаю: «Какая же это у нас будет скорость?» Да... Ну, пошли мы. Воронин считал, что они погибли где-нибудь в скалах западнее Ледяного Плато. Ты, Гриша, водил туда картографов и, должно быть, помнишь эти места.

Гриша перестал раскачиваться, улыбнулся и сказал:

— Пропасти глубиной до трех километров, отвесные скалы.

— Точно,— кивнул головой Петр Васильевич и продолжал: — Но был шанс, что им удалось сесть удачно. И Воронин решил не упускать и этот шанс. Выжал я из ракеты все, что можно. Нет, не хватает мощности. Ныряет, и только. Вот-вот носом врежемся. «Ну,— думаю,— прощайся с жизнью, дорогой товарищ». А Воронин все шипит: «Давай, давай, жми еще!» Наконец после третьей или четвертой попытки удалось занять орбиту. Выключаю двигатель, жду. «Теперь глядите в оба, ребята»,— говорит Воронин. А кому было глядеть? Юшков с самого начала свалился, Петренко со своей фотоаппаратурой возится, я от приборов ни на шаг отойти не могу. Воронин сам сел за локационный экран. Ладно, сделали мы так кругов двадцать, и после каждого круга он велел на полградуса менять плоскость орбиты, чтобы охватить локатором возможно большую площадь. Вот так...— Петр Васильевич описал рукой несколько замысловатых кривых, слушатели кивнули.— Да... Ну, крутимся два часа, три, четыре. Спрашиваю Воронина, что видно. Он только рукой махнул. Ничего. Никаких следов. Как сквозь землю провалились. Очень мешало Солнце. Ты помнишь, Гришка, какое оно там? Каждый раз, когда оно выскакивало из-за горизонта, мне казалось, что мы ныряем, я хватался за стартер, и ракета подпрыгивала. И каждый раз Юшков стукался головой о мою спину. Наконец Воронин сказал, что это дело бесполезное, и приказал ложиться на обратный курс. Петренко было заныл, что ему надо произвести еще несколько снимков, и стал просить сделать еще несколько кругов...

— Петренко в своем репертуаре,— усмехнулся Гриша.

— Воронин так глянул на него, что он боком, боком назад и заполз обратно в свою каюту. Да... И пошли мы обратно.

— Значит, никакой надежды? — спросил толстый Михаил Иванович.

Петр Васильевич не ответил, поднял к губам стакан и отпил немного.

— Даже если они не разбились,— заговорил Гриша,— у них не могло быть никакой надежды, разве что на вашу помощь. Но найти их таким образом...— Он усмехнулся и покачал головой.— Это только Воронину могло прийти в голову.

— У них не оставалось ни горючего, ни кислорода,— пробормотал Федор.— А если они сели еще и на освещенную сторону... Меркурий — страшное место. Самая скверная планета. Это уже третья экспедиция, которая там погибла.

— Ее нельзя считать,— возразил Петр Васильевич.— Это была актинографическая экспедиция, и они сели на Меркурии только из-за аварии.

— Все равно.

— Все равно в том смысле, что мы не скоро узнаем, что с ними случилось, ты хочешь сказать? Согласен. Как о Еськине Кукскико, Лядове и о многих других. За их светлую память!

Все четверо подняли стаканы и молча выпили.

— Вся беда в том,— после небольшой паузы сказал Петр Васильевич,— что мы связаны малым запасом свободного хода Лучшие из наших ракет остаются без горючего в самый опасный момент. Вот в чем вопрос. Чего думают наши...

— Погоди,— перебил его толстяк.— Ведь ты не знаешь, два года здесь не был. Ты о «Хиусе» слыхал что-нибудь?

— О «Хиусе»? Это устройство для использования термоядерных процессов, кажется? Слыхал, конечно. А что?

— Ну, ты, брат, отстал,— заметил Гриша, улыбаясь и похлопывая его по руке.— Это же новая эра, можно сказать!

Тут Алексею Петровичу принесли салат и стопку ледяной водки. Взяв стопку, он шепотом повторил: «За их светлую память!» и залпом осушил ее. Это несколько отвлекло его от разговора. Когда он снова прислушался, то сначала ничего не понял Говорил толстяк, убеждающе похлопывая ладонью по столу:

— Да в том-то и дело, дорогой Петр Васильевич, что с «Хиусом» эти соображения теряют всякий смысл. Здесь же совсем другое. Долго объяснять, ты лучше зайди ко мне, я тебе дам последний номерок «Космонавта», там прекрасная статейка по этому поводу.

— Здесь, Петро, не просто механическая сила отдачи,— вмешался Федор.— Здесь фотонное давление, понимаешь? Плазмовый шнур мгновенно освобождается от магнитного поля и распадается в облако...

— Да знаю я эту азбуку,— раздраженно махнул рукой Петр Васильевич.— Еще в институте над ней сидел. Не пойму толь-

ко, как можно полезный эффект такой штуки увеличить настолько, чтобы применять ее практически. Тем более в нашем деле...

— Господи,— воскликнул Гриша.— Да ведь он еще ничего не знает об «абсолютном отражателе»! Нет, так ты ничего не поймешь. Возьми у Михаила Ивановича журнал, там увидишь.

Толстяк поднялся и стал разливать в стаканы вино.

— Самое главное,— сказал он,— что ты вернулся цел и невредим. Как ни говори, а этот твой рейс был ой-ой-ой! — Он сморщился и покрутил головой.

— Да еще с таким командиром, как Воронин,— добавил Гриша.

Петр Васильевич решительно поднял руку.

— Воронина ты не задевай. Он очень хороший командир, смелый, знающий. Посмотрел бы ты, какой он расчет сделал для обратного полета! Ведь мы буквально на соплях долетели, баки были пусты и сухи, как печные трубы. А он заставил на себя работать даже старуху Луну. Ни одной неточности.

— Не знаю, не знаю,— с сомнением сказал Гриша и отпил из своего стакана.— Может, это и так. Но уж очень он рисковать любит, этот твой Воронин. Помнишь историю с англичанами? Как он тогда выбрался, не понимаю.

— Ладно вам,— сказал толстяк.— В общем, я хотел сказать, что мы все рады, что ты снова дома. А вот нам с Гришей скоро в путь.

— А куда? — Петр Васильевич живо повернулся к нему.

Но в эту минуту за столиком недалеко от них раздался взрыв молодого хохота, и ответа толстяка Алексей Петрович не расслышал. Разговор этот очень заинтересовал его. Он понял, что ему удалось услышать беседу богов — настоящих, прошедших через все испытания своей профессии межпланетников, причем как раз в такое время, когда это больше всего на свете занимало его. Молодежь приутихла, и он снова прислушался, неторопливо управляясь с борщом.

— Запасы огромные, практически неисчерпаемые,— оживленно говорил Михаил Иванович.— «Не счесть алмазов», так сказать. Уран, торий, даже, как предполагают, зауарановые элементы. И все это буквально под ногами.

— Но добраться туда будет трудновато, до этих запасов,— заметил Гриша.— Вообще, все планеты с атмосферами — гадость.

— Кроме Земли, конечно,— сказал Федор.— Да, трудно будет добраться до Голконды. А еще труднее...

— Еще труднее будет дотащить эти сокровища до дому. Не понимаю,— толстяк поскреб мизинцем недоуменно вздернутую бровь,— на что старик рассчитывает? Но у него есть что-то на уме, или за двадцать лет знакомства я ничего в нем не понял.

— Работа на будущее. А наше дело — вперед, к звездам.— И Гриша прочитал звонко:

Как аргонавты в старину,
Покинув отчий дом,
Поплыли мы, тирам-та-там,
За золотым руном.

Голконда... В старое доброе время мы не мечтали ни о каких таких сокровищах. Нужно было лететь и исследовать. Сколько открытий! Сколько новинок!

— Помните Каллисто? — спросил Петр Васильевич.

— Ого, помним ли мы Каллисто! — отозвался Гриша.— Аммиачный туман и всякая ползучая гадость. Мы привезли тогда полудохлого червяка длиной в три метра, и как же ликовали наши биологи! Но больше я туда, надеюсь, не вернусь. Каллисто... Зеленый мир, тьфу!

Толстяк улыбнулся и обратился к Федору:

— Поговаривают, что скоро снова направляют туда экспедицию. Полетишь?

— Нет уж, дудки. Разве что опять с Гладковым.

— А если бы с Краюхиным?

Алексей Петрович отложил ложку и замер.

— Или с Краюхиным. Старый диктатор как никто знает свое дело. Но ведь ему запрещено летать в опасные рейсы. А так — пожалуйста!

Все почему-то рассмеялись.

— Помнишь, десять... нет, одиннадцать лет тому назад?

Федор поднял руку к лохматой макушке, и все рассмеялись еще громче.

— Ну и что же, с кем не бывает,— сказал Михаил Иванович, вытирая ладонью глаза.— Но ты, я вижу, не забыл всемилостивейшей оплеухи!

— Еще бы! — проворчал тот.— Ручка у него тяжелая. Как влепил, искры из глаз, сразу в чувство привел.

— Кстати о Краюхине,— заговорил Петр Васильевич.— Ведь это, конечно, его инициатива насчет «Хиуса»?

— Разумеется.— Гриша поднял указательный палец, выпучил глаза и глухим голосом, имитируя кого-то (Алексей Петрович сразу понял — кого) пробубнил: — «Все сокровища вашей Урановой Голконды останутся там, где они есть, пока мы не научимся пользоваться фотонными двигателями». И еще: «Мощное, удобное в управлении устройство с практически неограниченным запасом хода — вот что нам нужно. Так. И пока единственный путь получить такое устройство — это взяться за «Хиус». Так».

— Так! — хором сказали все и снова засмеялись.

— И когда он войдет в строй, этот «Хиус»? — спросил Петр Васильевич.

— Уже вошел,— сказал толстяк.— Собственно, это уже второй. А первый сгорел при испытаниях.

— Жертвы?

— Ты, наверное, не знаешь. Петросян, из молодых. Хороший пилот, умница.

— А мне почему-то кажется, что наши старые ракеты еще послужат,— сказал Петр Васильевич, помолчав.— Я, конечно, плохо знаком с фотонными двигателями, но...

— Нет, Петр Васильевич,— раздался вдруг звучный веселый голос.— Время старых ракет проходит!

Алексей Петрович поднял глаза, поперхнулся и закашлялся: у столика старых межпланетников стоял тот самый «пижон», с которым он разговаривал у лифта. Только теперь на его крупном красивом лице не было и тени пренебрежительного и брезгливого выражения, так покоробившего час назад Алексея Петровича. Напротив, оно светилось радостью, широкая улыбка открывала блестящие ровные зубы, глаза весело сверкали.

— Сашка, черт! — воскликнул Петр Васильевич, вскакивая с места.— Здравствуй, геолог несчастный!

Он расцеловался с «пижоном». Официантка, тоже радостно улыбаясь, придвинула к столику еще один стул, и «пижон», пожав руки остальным, уселся.

— Как рейс, Петя? — спросил он.

— Все хорошо... у нас, конечно. А Гершензон погиб со своими ребятами.

— Слыхал. Слыхал. Жалко Мишу. Да и других жалко.

Он помолчал, следя, как толстяк наливает вино в подставленный перед ним стакан.

— Я все боялся, что Воронину взбредет в голову тоже сесть. Тогда бы и вам пришлось туго. На наших нынешних гробах садиться где попало еще нельзя. И неизвестно, будет ли когда-нибудь можно. Ну, когда ваш доклад?

— Послезавтра,— сказал Петр Васильевич.— Отчитаемся, попируем и — в отпуск. Домой, брат! — Он радостно засмеялся и хлопнул «пижона» по плечу.— Придешь на доклад?

— Нет, Петенька, рад бы, да не могу.

— Почему?

— Да ведь он тоже с нами на Голконду,— сказал толстяк.— Старая компания.

«Пижон» комически развел руками и подмигнул.

— Вот оно что! — протянул Петр Васильевич.— Теперь я понимаю. На «Хиус», значит, выпросились?

— Выпросились, Петя. Так что на ближайший год сидим с тобой за одним столом в последний раз.

— Хорошо, если только на ближайший,— задумчиво проговорил Федя.— Голконда — это не шутка, как я слыхал. Да и «Хиус» — новое дело.

— Не каркай, Федя,— сердито огрызнулся толстяк.— Не дурачки летят, небось не сорвемся.

«Пижон» с улыбкой смотрел на них, потом вздохнул и сказал:

— Совсем как в старину. Все сидим за одним столом. Не часто так бывает.

— Да и то далеко не все.

— Из нашего выпуска — почти все,— возразил толстяк.— Не хватает только Махова, он начальником на «Циолковском» с января. А остальные — живые, конечно — все.

— Так ты домой после отчета? — обратился «пижон» к Петру Васильевичу.

— Домой, Сашка. Годичный отпуск, месяц в санатории...

— На север, конечно?

— Разумеется. Все, кто ходит во внутренние рейсы, проводят санаторный период в Карелии. А затем к себе в Новосибирск, огородик разводить.

Гриша презрительно фыркнул.

— Так тебе и поверили. «Огородик»! Обложится книгами и будет изобретать в пику Краюхину, вот увидите!

Бифштекс остывал. Алексей Петрович с изумлением и почтением присматривался к этим людям, так просто и бесхитростно, словно о загородной прогулке, разговаривающих о необыкновенных вещах, о которых можно прочесть разве что в книгах. Но не это было самым удивительным. Их манера обращения друг с другом, каждая фраза, каждый взгляд, которыми они обменивались, выдавали странную и нежную привязанность, не совсем подобающую, по мнению Алексея Петровича, мужчинам их возраста и положения. Он даже забыл про грубость «пижона» Саши, невольно поддавшись обаянию ласковой теплоты, которая светилась в его глазах, обращенных на Петра Васильевича. Все они — и Гриша, обнявший «пижона» за плечи, и толстяк, хлопотливо подливающий вино, и молчаливый Федор, и Петр Васильевич с его добрым усталым лицом,— все они, обменивающиеся дружескими шутками и любовными взглядами, словно не было ада у одних за спиной, у других — в недалеком будущем,— страшно нравились Алексею Петровичу, и он невольно подумал, удастся ли и ему стать таким же, как они? Между тем разговор продолжался.

— Ты пилот, Петруша,— говорил «пижон»,— и, конечно, понимаешь в машинах больше, чем я. Но я считаю, что при нынешних средствах нам оставаться нельзя. Они чудовищно стесняют нас...

— Вот-вот, о чем я и говорю,— вставил толстяк.

— ...лишают свободы в пространстве, заставляют соразмерять свои намерения с прочными, как тюремные стены, законами природы. А это человеку не подходит. И пусть у «Хиуса» в том виде, в каком он сейчас, тысячи недостатков. Пусть мы еще не умеем полностью контролировать страшную реактивную мощь плазмы. Но я верю: пройдет год-два, и мы будем с

презрением оглядываться на теперешние импульсные пукалки и полностью пересядем на фотонную технику.

Петр Васильевич с сомнением покачал головой.

— Вы сами, ребята, говорили, что первый «Хиус» сгорел.

— Ну и что же? А сколько сгорело ракет за последние два десятка лет?

— Но зачем же рисковать в таком серьезном деле, на которое вы идете сейчас? — Петр Васильевич яростно втиснул окурок в пепельницу.— Пусть ваш «Хиус» пройдет нормальные испытания, совершит пробные пролеты внутри лунной орбиты, а тогда уже можно...

— С такими мыслями мы до сих пор еще топтались бы на Земле, не решаясь прыгнуть,— укоризненно проговорил толстяк.— Без риска никогда ничего не получится.

— Да ведь ты так и не думаешь, Петр, я тебя знаю,— ласково сказал «пижон».— Ты просто чертовски устал и расстроен гибелью Гершензона. И ты никогда не говорил бы этого, если бы сам участвовал в нашей экспедиции, правда?

Петр Васильевич пожал плечами и отвернулся. «Пижон» взглянул через стол. На мгновение глаза его встретились с глазами Алексея Петровича. И сейчас же ласковое выражение исчезло с его лица. Оно снова стало таким же брезгливым и пренебрежительным, как тогда у лифта. Он нагнулся к Грише, сказал что-то вполголоса, и оба они посмотрели на Алексея Петровича. Несомненно, капитан бы покраснел, если бы мог. Да он и покраснел — внутренне. Но цвет его обожженного солнцем лица, конечно, не изменился.

— Что, в наш буфет стали пускать всех, кому вздумается? — громко сказал «пижон», обращаясь к толстяку. Тот растерянно огляделся.

Гриша положил «пижону» руку на плечо и примирительно проговорил:

— Не надо, Саша.

Алексей Петрович встал, положил на стол деньги и, стараясь идти как можно медленнее, с независимым видом двинулся к выходу. Ругаться или просто грубить он не хотел, да и не умел толком. У буфетной стойки он задержался, чтобы купить папирос, и услыхал, как «пижон» горячо говорил кому-то:

— Нет, не все равно. Им нечего здесь делать, ходить, слушать и пускать слюни от умиления, чтобы потом рассказывать знакомым. Пусть все эти журналисты, делегации, праздные вояки держатся подальше от наших горестей и радостей. Нельзя позволять им лезть в наши души грязными пальцами. Мы — это мы, и только. Ведь, по сути дела, только здесь мы можем говорить обо всем откровенно. И незачем давать посторонним совать нос в наши дела и наши могилы[1].

Выйдя из буфета, Алексей Петрович посмотрел на часы. До трех оставалось еще полчаса. Он остановил первого же проходившего мимо человека и спросил, где читальня. Необходимо было узнать о Венере. Вряд ли путешествие на Венеру менее почетно, чем на какую-то Голконду. А после — после они встретятся с этим «пижоном» как равный с равным и поговорят по душам.

Вероятно, по причине пьянства же Авторам пришлось основательно переделать главу «На пороге», которая так напоминает «холостяцкий междусобойчик»[2] из «Подробностей жизни Никиты Воронцова» и которая первоначально называлась:

Лев Вальцев объясняет

— Нет, это не я,— сказал Вальцев, накрывая на стол.— Это Краюхин. Понимаешь, он-то еще раньше знал, что на совеща-

---

[1] А люди вокруг тебя, те, что таскают твои ракеты на горбу, что дышат гептилом? Юрковский-Бирский — самый, пожалуй, удачный персонаж СБТ. Получился как живой — хам и истерик. Правда, его почему-то прокламируют как героя и энтузиаста...

Что же до этих подробностей житья-бытья межпланетников, то если Авторы все это выкинули сами, значит, их литературное чутье и тогда было на высоте: нудно, неинтересно. И понятно почему — потому что взято с потолка. Чем меньше таких придуманных подробностей, тем легче фантазировать читателю. — *В. Д.*

[2] Думаю, что резкое сокращение количества выпиваемого алкоголя в опубликованном варианте СБТ связано не только и не столько с морализаторством редакторов и цензоров. Причина, скорее, в желании Авторов повысить достоверность произведения. Какой там моральный облик, сдохнешь ведь после спиртного от космических нагрузок! А после такого количества, какое, судя по всему, выдули за вечер герои СБТ в этом варианте, вообще надо два дня отлеживаться. — *В. Д.*

нии ты ничего не поймешь, и попросил меня ввести тебя во все подробности нашей работы. Кроме того, разговор в такой обстановке гораздо приятнее, чем в кабинете.

Он отступил на шаг, любуясь живописным натюрмортом бутылок, консервных банок и свертков в пергаментной бумаге.

— Обстановка подходящая,— согласился Алексей Петрович и добавил оглядываясь: — Вообще, живешь ты, Лева, как буржуй. Жена?

Он указал на висевшую над пианино фотографию красивой грустной женщины в черном, закрытом до шеи платье. Вальцев мельком взглянул.

— Да... нет. Ладно, об этом потом. Сейчас время говорить о королях и капусте, о сургучных печатях и о... о чем там еще? Одним словом, садись, и приступим. Тебе коньяку? Водки? Вот здесь балычок, а там... В общем, сам разбирайся.

— Кстати,— сказал он немного погодя, когда были осушены первые рюмки.— Знаешь, кто втравил тебя в эту историю?

— В какую?

— В экспедицию.

— Краюхин? — Алексей Петрович выложил себе на тарелку полбанки пряно пахнущего паштета.

— Нет. Я. И начал я еще с позапрошлого года, как только вернулся из Алма-Аты. Благодарен ли ты мне, краснолицый брат мой?

— Сук-кин сын,— с чувством проговорил Алексей Петрович.

— Вот то-то... Конечно, никакие рекомендации не помогли бы, если бы ты не понравился Краюхину. Но он видит людей насквозь. Особенно таких, как ты.

— Это каких же?

— Таких... Честных, прямодушных служак, для которых дело есть три четверти жизни.

— Мерси. Это он тебе сам сказал?

— Почти что. Да, он с тобой ведь беседовал?

— Беседовал.

— Расскажи.

Алексей Петрович рассказал, причем не удержался и упомянул об оскорбительном намеке Краюхина. Вальцев рассмеялся.

— Так и сказал — «не женаты, конечно»?

— Мгм...

— Не обижайся. Ты, конечно, не красавец, да и я, и он тоже, но он имел в виду, что ты, вероятно, не успел жениться за несколько недель, которые прошли со дня, когда он получил твое личное дело.

— А почему бы и нет? Впрочем, это все ерунда, брат. Давайка лучше я буду спрашивать, а ты отвечай.

— Идет.

Вальцев закинул ногу за ногу, поднял рюмку и стал глядеть поверх нее на Алексея Петровича. Тот на минуту задумался.

— Давно ты работаешь у межпланетников?

— Почти десять лет. Летал два раза на Луну и раз на Марс.

— И мне ничего не говорил, скотина!

— А для чего? У нас не принято хвастать такими вещами. Кроме того, наша работа в Кара-Кумах числилась секретной — это была проверка одной теории, созданной на основании некоторых находок на Марсе. Так что болтать много было нельзя.

— Ну, положим. И сейчас мы отправляемся на Венеру тоже для проверки этой самой... теории?

— Твое здоровье. Нет, почему? Та теория оказалась никуда не годной, и из ее обломков создана новая, правильная. Речь шла о проблеме происхождения радиоактивных веществ на планетах. Наша же теперешняя задача гораздо более практична... ближе к жизни, так сказать.

Он нагнулся над столом и отправил в рот кусок ветчины.

— Вот послушай-ка... Тебе, конечно, смерть как интересно узнать, что такое Голконда, и что такое «загадка Яниса», и все прочее.

Алексей Петрович кивком показал, что не отрицает этого, и уселся поудобнее.

— Лет семь назад ученые на искусственных спутниках, запущенных вокруг Венеры, обнаружили там область мощного радиоактивного излучения. Точно локализовать ее было невозможно из-за сплошной вековой облачности...

— Из зерен аммиака...— вставил Алексей Петрович.

— Из зерен... Не из зерен, а из кристаллов. Не в этом дело. Короче говоря, нащупали эту область зондами-автоматами. Понятно, всех это страшно заинтересовало. Судя по мощнос-

ти излучения, там должны были лежать — и несомненно лежат — прямо на поверхности миллионы и миллиарды тонн всяких радиоактивных руд, настоящее сокровище. Условно эту область назвали «Урановой Голкондой».

— Красивое название.

— Да. Несколько лет Голконду исследовали с искусственных спутников. Подобраться к ней вплотную и пощупать, так сказать, руками все не удавалось. Высадиться на Венере очень трудно, мешают ужасные бури в ее атмосфере и еще кое-какие явления, на этом сломала себе шею не одна экспедиция. Ну, вот. У нас в управлении был крупный геолог, латыш, Янис. Голконда стала для него идеей-фикс. Долго он ходил по всяким инстанциям и наконец добился разрешения на попытку высадиться в том районе с помощью спортивной ракеты. Его назначили начальником, в пилоты он пригласил Строгова, который уже давно славился своим мастерством. С ними летели еще два человека. С большим трудом им удалось сесть где-то километрах в двадцати от границы Голконды. Янис оставил Строгова у ракеты, а сам с остальными двумя отправился на разведку. Что там произошло — неизвестно. Янис вернулся к ракете через двое суток один, страшно истерзанный, обожженный, больной «песчаной горячкой». Он принес образцы урановых, ториевых и других активных руд — богатые руды, просто заглядение — и клочок красноватой массы, похожей на резину. Показав ее Строгову, он сказал: «Бойтесь красного кольца». Больше до самой смерти он не произнес ни слова. Умер на обратном пути. Вот так-то, Алеха.

Вальцев опустил голову и замолк. Алексей Петрович не двигался.

— Дальше,— сказал он.

— Вот... Анализ образцов показал, что Голконда — действительно одно из богатейших месторождений активных руд во Вселенной. И мы должны будем удостовериться в этом и определить возможности его эксплуатации. Понятно?

— Понятно.

За окном сгущались сумерки. С легким фырканьем пронесся двухместный вертолет. Где-то печальный женский голос — вероятно, по радио — пел старинную русскую песню.

— А что стало с этим красным... веществом?

— Не знаю.— Вальцев покачал головой.— Кажется, оно не то распалось, не то затерялось. В общем, не удалось определить, что это такое. Да в это мало кто верит. Считают, что Янис просто помешался от «песчаной горячки» и от гибели товарищей. А Строгов... Строгов никогда не говорит, если его не спрашивают. Тем более об этом деле. Он полмесяца провел в ракете с трупом Яниса.

— Словом,— проговорил как можно более спокойнее Алексей Петрович,— мы идем на большой риск, так ведь?

— Риск... хм... риск. Ха, конечно, риск есть. Это же совсем новое дело. А почему ты спросил? Ты боишься?

Он сказал это не насмешливо, а ласково, почти сочувственно.

— Я ничего не боюсь,— сердито отрезал Алексей Петрович.— С чего ты взял? Но я должен знать, на что я иду.

— Я тебе скажу, на что ты идешь.— Вальцев растопырил пальцы и стал загибать их один за другим.— Если «Хиус» не сгорит при взлете — раз; если «Хиус» не сгорит при посадке — два; если ты не заблудишься в пустынях — три; если ты не повредишь об острые камни спецкостюм — четыре... Что еще? Если не схватишь какую-нибудь неизвестную болезнь или «песчаную горячку» — это пять; если тебя не сожрет «красное кольцо» — шесть; если тебя не убьет Сашка Бирский — семь...

— Ну тебя к черту.— Алексей Петрович засмеялся и потер руки.— Ясно, дело подходящее, хотя, конечно, страшновато.

— А ты как думал? Думаешь, мне не страшновато? Думаешь, остальные как на пикник едут? А Краюхин? Он за всех нас головой отвечает. Поэтому ты и нужен, что твои нервишки крепче, чем у всех нас вместе взятых.

— Надо понимать так, что я буду при вас вроде няньки,— сказал Алексей Петрович.— Вот так должность!

— Няньки, не няньки... Все-таки ты офицер, военная дисциплина и все такое. А главное — у тебя хорошая выдержка. Там это очень нужно.

— Ну ладно, ладно.— Алексей Петрович хлопнул ладонью по колену.— Слушай, у тебя большой опыт. Скажи, как ты представляешь себе нашу там работу? Обстановку, методы?

Вальцев задумался на минуту.

— Видишь ли, друг Алеха, о Венере очень мало известно. Ну... высадимся, попробуем определиться. Окажется, что сели километрах в ста от Голконды. Песчаные бури, жара несусветная. Погрузимся на «Мальчик»...

— Да, что это такое — «Мальчик»? Транспортер?

— И очень хороший. Скоро ты с ним будешь знакомиться. Так вот. Кто-нибудь останется у «Хиуса», остальных ты повезешь. Потом местность станет непроезжей даже для «Мальчика». Потащимся пешком. Идти тяжело. Связи нет...

— А почему нет связи?

— По нашим данным, многие из современных радиоприборов не годятся для Венеры. Пользоваться можно только УВЧ. Остальное все стирается магнитными полями.

— Ну, дальше.

— Будем тащить на себе еще и эти маяки, будь они неладны. Потом доберемся до места, проведем исследования, установим маяки и назад. Все очень просто. Начать и кончить.

— Ф-фу,— сказал Алексей Петрович.— Давай еще по одной, что ли.

Вальцев налил, и они молча выпили, значительно подмигнув друг другу.

— Завтра в это время,— сказал Вальцев, отдувшись и понюхав корочку,— мы уже будем на Седьмом полигоне.

— На седьмом... на чем?

— На Седьмом полигоне. Это крупная база Управления в Заполярье. Оттуда через месяц будем стартовать.

— А как ты думаешь, когда мы вернемся?

— Когда вернемся? Точно сказать нельзя. Если бы речь шла о нормальных атомных ракетах с жидким горючим, я бы рассчитывал года на полтора.

— Ого!

— Ну, а поскольку мы летим на «Хиусе», сроки сокращаются раз в десять.

— Слушай, почему это? Что это за чудо — «Хиус»?

Вальцев усмехнулся.

— Видел у Краюхина в кабинете?

— Что? Эта дурацкая черепаха?

— Чудак. Это модель «Хиуса», вот что это такое. Я, брат, всего-навсего геолог и в этих вещах не силен. Но в общем дело обстоит следующим образом. Старые ракеты вынуждены все время экономить горючее и пользоваться притяжением Солнца и планет. Например, перелет до Венеры занимал несколько месяцев. Из этого срока двигатель ракеты действовал всего час при взлете и несколько минут при подходе к спутнику. Остальное время ракета двигалась пассивно, по законам всемирного тяготения. А «Хиус»...

— Ну, а «Хиус»?

— «Хиусу» не нужно экономить. Термоядерная ракета. Почему-то ее называют «фотонной». Она все время летит с включенными реакторами и может, как говорят, достигать любых скоростей. Но как это делается — убей, не знаю.

— Он сейчас на полигоне?

— Нет, что ты! Он в пробном рейсе. Побыл на наших искусственных спутниках при Венере и должен через две недели вернуться. Еще вопросы?

— Почему сгорел первый «Хиус»?

Вальцев, прищурившись, посмотрел на Алексея Петровича.

— Тебе это уже известно, оказывается? Да... Никто не знает почему. Спросить не у кого. Единственный человек, который мог бы пролить свет на происшествие, как говорится в детективных романах, это Ашот Петросян, светлая ему память. Он распался в атомную пыль вместе с массой тугоплавкой легированной стали, из которой был сделан корпус первого «Хиуса».

Он помолчал, играя вилкой.

— Конечно, «Хиус» еще очень несовершенен. Но ведь нужно! Нужно, Алеша! Сейчас это единственное средство освоить Венеру. Вот и летим. Подумай, миллиарды тонн радиоактивных материалов, когда мы дрожим над каждой тонной! И прямо под ногами. Какая находка для государства! А время не терпит...

Алексей Петрович ласково глядел на товарища. Левка, видимо, все еще считает, что он боится. Да разве дело в страхе? Самое главное — суметь сделать то, чего от него ждут. А это еще не совсем ясно. Но, надо думать, станет ясно в ближайшее время. От вина на душе стало легко и тепло, ощущение риска и

опасности притупилось. Лева Вальцев, старый друг, которого он выручил в Черных Песках, ручался за него. И раз он идет на такое дело, как может позволить себе отстать капитан Громыко?

Он встал и прошелся по комнате. У пианино задержался, снова поглядел на фотографию.

— Ну, хорошо. Хватит о «Хиусе», о «красных кольцах». Кто это, если не секрет?

— Нет, какой же секрет,— нехотя сказал Вальцев.— Маша Бирская. Сашкина сестра.

— А-а...

— Мы были женаты, потом она ушла. Да, слушай, как у тебя дела?

— Дела?

— Ну да, с этой твоей... алма-атинской красавицей.

Алексей Петрович сразу поскучнел.

— Так себе,— грустно сказал он.— Встречаемся, когда приезжаю.

— Ага, встречаетесь, когда ты приезжаешь. Ну и что?

— Что? И ничего.

— Ты ей делал предложение?

— Делал.

— И она отказала?

— Нет. Сказала, что подумает.

— Давно она это сказала?

— Да... скоро уже год.

— Дурак ты, Леша, как я погляжу.

Алексей Петрович обреченно вздохнул. Вальцев с откровенной насмешкой смотрел на него.

— Нет, вы подумайте! — сказал он.— Человеку тридцать пять лет. Заслуженный командир. Не пьет... Во всяком случае, не напивается. Влюблен в красивую незамужнюю женщину и встречается с ней уже десять лет...

— Семь.

— Пускай будет семь. На седьмой год делает ей предложение... Сколько лет ты собирался сделать ей предложение?

— Шесть лет.

— Да... Наконец делает ей предложение. Заметьте, она терпеливо ждала целых шесть лет, эта несчастная женщина.

— Ну, ладно, хватит.

— После этого, когда она из скромности или из маленькой мести сказала, что подумает, он ждет еще год...

— Хватит, говорю!

— Правда, Алешка, ты самый положительный дурак, каких...

— Ну? — Алексей Петрович схватил с дивана валик и поднял над головой.

— Молчу, молчу... Садись, пожалуйста, Алексей Петрович, сделай милость. Если уж говорить серьезно, то ты сам виноват. Я ее хорошо не знаю, видел всего два... нет, три раза, а ты знаком семь лет. Но ведь твой способ знакомства похож на издевательство. Ты ее и не обнял, наверное, ни разу. Что она о тебе подумает? Но, кажется, она славная женщина. Тебе просто везет.

— Куда уж мне с моим-то рылом...— уныло сказал Алексей Петрович.

Вальцев хлопнул его по спине.

— Не горюй. Вернешься домой — герой! — у тебя и уверенности больше будет, все сразу уладится.

— А вдруг за это время...

— Господи! За семь лет ведь ничего не случилось, верно?

Алексею Петровичу было страшно приятно, что друг Лева успокаивает его и так уверенно говорит о его будущем. Он повеселел, схватил Леву за шею и одним движением пригнул до пола.

— Ох, и силен же, чертяка! — морщась от боли, проговорил Вальцев.— Вот за это самое вас, офицеров, девушки и любят.

Алексей Петрович рассмеялся.

— Брось скромничать. Да зажги-ка, брат, свет, и давай еще чего-нибудь выпьем.

— Не вредно, не вредно, милостивый государь!

Комната ярко осветилась, за окнами стало совсем темно. Вальцев опустил шторы.

— Светло и уютно,— хихикнул он, потирая руки.— Чего желаешь?

— Налей сухого, если есть.

— Как не быть, дорогой? Изволь, вот цинандали. Пойдет?

— Еще как!

Они сели рядом на диван с бокалами в руках.

— Знаешь, Лева, расскажи-ка ты мне об этих ребятах.

— О каких?

— О наших. О нашей команде. Кто они такие и что собой представляют? Тебе они нравятся?

Вальцев задумчиво отхлебнул вина, затем поставил бокал на стол.

— О наших ребятах, значит... Мне-то они очень нравятся. Подбор людей в эту экспедицию до удивления хороший. Только Строгова, командира, я знаю плохо.

— А остальные, значит...

— Хорошие, я же тебе говорю. Орлы!

— И этот «пижон»?

— Какой пижон?

— Бирский.

— С чего ты взял, что он пижон?

Алексей Петрович сделал неопределенный жест.

— Так мне кажется.

— Ладно, начнем с Бирского. Ты на него не сердись. Он хороший парень и, когда вы поработаете вместе, станет твоим лучшим другом.

— Сомневаюсь.

— Твое дело. Только когда я впервые пришел в Управление, он меня третировал еще хуже. Понимаешь, у него бзик: всякий, кто приходит «со стороны», то есть не имел высокой чести крутиться в шаровых камерах и сидеть месяцами в маске в азотной атмосфере — это все глупости[1], которые проделывают

---

[1] В офлайн-интервью на сайте rusf.ru на вопрос о «спорте в вашей жизни» (07.06.04) Б. Н. Стругацкий ответил: «АНС был человек от природы на редкость богато одаренный физической силой и выносливостью. Но к спорту был равнодушен, к любому. И даже относился к заядлым спортсменам с некоторым скепсисом. "Знаем мы их, разрядников — на десятом километре с полной выкладкой из него уже дух вон, и все его снаряжение приходится тащить нам, безразрядникам..."» Отсюда, думаю, происходит и насмешливое отношение Авторов к тренировкам межпланетников. И напрасно, конечно.

Главная неприятность космических полетов — это невесомость. Невесомость — вовсе не порхание, как во сне. Это непрерывное падение!

со слушателями Института подготовки,— так вот, тот, кто не прошел через это, для работы в пространстве, по его мнению, не годится. А потом мы с ним очень подружились во время экспедиции на Марс. Он, конечно, немного неврастеник. Но что в нем характерно, так это полное отсутствие инстинкта самосохранения. Он смел, как наполеоновский гвардеец, вернее, как Рикки-Тикки-Тави. И вместе с тем очень добрый и отзывчивый парень.

— Положим,— пробормотал Алексей Петрович, поднимаясь, чтобы налить себе вина.

— Вот тебе и «положим». В общем, не пройдет и месяца, как вы перестанете глядеть друг на друга волком... или я не знаю тебя и его. Здесь, понимаешь, вот еще что. Вначале в экспедицию намечали Савушкина, его большого приятеля. А потом назначили вдруг тебя.

— Ага...

— Но это обойдется.

— Ладно, посмотрим. А что Гриша?

— Гришка Ершов? У нас его называют «небожителем». Если ему дать волю, он вообще не будет возвращаться на Землю. Для него существует только пространство и приборы в кабине. И еще Верочка Званцева — ты ее не знаешь. У нас есть несколько таких — отравленных на всю жизнь.

— А ты?

— Я? Нет, я — другой. И таких, как я, большинство, и ты, вероятнее всего, будешь таким же. Мы «тоскуем по голубому небу». Есть такой вид психического расстройства — «тоска по голубому небу». Я своими глазами видел, как прославленные межпланетники, вернувшись на Землю после длительного рей-

---

И через несколько часов вестибулярный аппарат отключается. Синее кажется красным, красное зеленым, непрерывно тошнит, временами наступает черное выпадение сознания... Проходит это состояние примерно через сутки. А если тренироваться должным образом, то через несколько часов. Кроме того, при длительной невесомости атрофируются мышцы, в том числе сердечная, обескровливаются сосуды ног, катастрофически вымывается кальций из костей. Опять же — необходимы тренировки, и на Земле, и в космосе. Впрочем, на «Хиусе» постоянная тяжесть... — *В. Д.*

са, плакали и хохотали в истерике и прыгали, как молодые козлята, выйдя из звездолета. А вот Гриша — не такой. У него все это наоборот. Хороший милый человек, между прочим. Страшно любит старых друзей, с остальными держится просто приветливо. Большой друг Крутикова, хотя люди они совершенно разные. Бывают же чудеса, скажи на милость!

— А что Крутиков?

— Да ты его с первого взгляда видишь. Как на ладони. Прекрасный семьянин, во время рейсов очень тоскует по жене и детям и втихомолку проклинает свою профессию, но жить без нее тоже не может. И вот тебе пара, всегда летают вместе: «небожитель» Гриша и Санчо Панса Крутиков. «Этот камушек я повезу Лёлечке. Какое странное растение! Жалко, что его не видит мой Мишка. Он бы его обязательно нарисовал». Говорят, когда-то над ним очень смеялись. Но однажды... В общем, милый и, главное, верный человек. Гений добросовестности, идеальный штурман. Ну вот, кажется, все. Доволен?

— Доволен. У тебя все они очень милые, добрые и... и отзывчивые.

— Да ведь так оно и есть, дорогуша! Давай по последней, что ли? Содвинем их разом... будь здоров.

Они выпили и с удовольствием посмотрели друг на друга.

— Хорошо...

— Хорошо, брат Алеха!

— Вперед?

— Вперед, Алеха!

— «Как аргонавты в старину...» Да, кстати, что это за стихи? Знакомые, но откуда, чьи — хоть убей, не помню.

Вальцев рассмеялся.

— Это эпиграф[1] к какому-то рассказу Лондона. А у наших межпланетников, особенно у старых, это нечто вроде девиза. Кто первый ввел его в обиход, сейчас уже неизвестно.

— Как-то подходит он к вашему делу, верно?

— Верно. Трус и подлец так не скажет:

[1] Вообще-то, не эпиграф, а песня из рассказа Джека Лондона «Как аргонавты в старину...». — *С. Б.*

Как аргонавты в старину,
Покинув отчий дом,
Поплыли мы, тирам-та-там,
За золотым руном.

Курение тоже, конечно, не поощрялось. В окончательном варианте Дауге сообщает Быкову, что в походе ему курить будет запрещено. Штурман Крутиков возит с собой трубочку, но не курит. И не хочется. А вот первоначальные представления о возможности курения в космической экспедиции были несколько иные. Причем все это подавалось ненавязчиво, парой слов, как некое привычное действо, о котором вроде бы и упоминать не стоит...

Курят в «Хиусе»:

— Сто пятьдесят. Кто больше? — Вальцев взял из портсигара Строгова папиросу и стал разминать ее трясущимися пальцами.— Честное слово, я чувствую, как в меня врезаются протоны.

<...> На Михаила Ивановича напала икота, и он, морщась, выколотил трубку.

<...> — Проще? — Строгов закурил.— Не думаю, что это так просто.

<...> Пространство доносило до «Хиуса» радиосигналы с Земли, но не пропускало его радиосигналы. Строгов неустанно расхаживал по рубке. Бирский сидел неподвижно с закрытыми глазами. Возле Вальцева в пустом коробке росла кучка изжеванных окурков. Алексей Петрович рассеянно ломал на мелкие кусочки обгорелые спички.

<...> Звездолет сильно качнуло.

— Начинается? — Михаил Иванович осмотрелся, достал трубочку и принялся набивать ее.— Как все это не похоже на прежние рейсы, правда, Саша? Проваливаемся черт-те знает куда...

<...> Алексей Петрович торопливо оделся, достал из чемодана спецкостюм и облачился в него. Все уже собрались в каюткомпании и стояли вокруг стола с откинутыми на спину спектролитовыми колпаками, молча поглядывая друг на друга.

Строгов и Вальцев курили, Михаил Иванович сосал пустую трубочку.

<...> — Тогда почему? — восклицал Вальцев, яростно раздавливая в пепельнице дымящийся окурок.

<...> В узком коридоре Строгов присел на один из тюков, достал папиросу, закурил. Все выжидательно смотрели на него.

И курят в «Мальчике»:

Геологи сидели в своем уголке за откидным столиком. Бирский быстро листал какой-то справочник, посвистывая сквозь зубы. Вальцев, еще бледный, курил, уставясь в потолок. Тихо, мирно, уютно... Алексей Петрович сразу захотел спать — сказывалось нечеловеческое напряжение последних часов. Глаза слипались.

— Анатолий Борисович...

— Спать, спать,— быстро прервал его Строгов.— Никаких разговоров, капитан.

— Слушаюсь,— обрадованно сказал Алексей Петрович и присел на тюки, снимая шлем. Вальцев, жмуря от дыма правый глаз, следил за ним с дружеской улыбкой. Но, когда капитан снял колпак, улыбка пропала. Вальцев выронил папиросу.

<...> Бирский вскарабкался на броню и сел рядом с Алексеем Петровичем. Он отдыхал и был настроен благодушно.

— Хорошо бы закурить сейчас, а, капитан? Единственный серьезный недостаток краюхинского СК.

<...> Час спустя, когда Алексей Петрович вел транспортер, осторожно огибая тяжелые туши многочисленных здесь валунов, а Строгов сидел над своими записями с папиросой во рту, Вальцев вдруг вскочил и провозгласил громким шепотом: <...>

<...> Алексей Петрович попытался вытереть потный лоб и с досадой отдернул руку. Вечно забываешь про этот шлем! Иногда пальцы сами собой подбираются к затылку — почесать в трудную минуту, или хочешь в рассеянности закурить и натыкаешься на гладкую прозрачную преграду.

<...> — Пора, пора! — Бирский, уже раздетый, благодушествовал на своей койке, пуская в низкий потолок серый табачный дым.

<...> Установка третьего маяка близилась к концу. Оставались считанные часы работы, когда Алексей Петрович забежал в транспортер выкурить сигарету и отдохнуть.

<...> — Да что там говорить,— легкомысленно помахивая дымящейся папиросой, вставил Бирский,— с Венерой покончено. Дорога проложена, семафор открыт, как говорили наши предки в те времена, когда еще были семафоры. И новые дороги пройдут не здесь. <...>

Видимо, Стругацкие с запретом на курение еще не сталкивались[1]. Да и в зарубежной фантастике того времени постоянно наталкиваешься на курение в космических кораблях.

О ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ

Как-то в фэн-прессе в дискуссии о женских образах в фантастике некто упрекал Стругацких за отсутствие ярких образов женщин в их творчестве — всё-то они на вторых ролях да не выписаны... Меня это несколько задело, и я сгоряча стала составлять список вообще всех женщин в творчестве Стругацких: «Как это нет ярких образов? А Наина Киевна? А Варечка?..»

Первая же исследованная мною повесть (СБТ) дала целую галерею аспектов отношения к женщине. Тут и любовь трагическая — Ермаков, и любовь несчастная к недостойному объекту — Дауге, и романтическая любовь — Спицын, и даже (ах!) отвлеченно-романтическая — Юрковский («Милая! Спутница осени серой! Ты

[1] Дело, конечно, не в запретах. Специально для ЧеКурТабов: главная неприятность от курения в замкнутой атмосфере — вовсе не потребление кислорода и выделение углекислоты, это мелочи. При курении выделяется и накапливается окись углерода CO, угарный газ. В крови он соединяется с гемоглобином и блокирует его функции по переносу кислорода. В нормальных условиях воздух всегда циркулирует, и из крови тоже постепенно все выводится. А в замкнутой атмосфере, даже если специально поглощать CO, накопление его резко возрастает. (Отступление: а в невесомости сигарета просто так вообще гореть не будет — нет конвекции воздуха, горячий воздух не легче холодного, потухнет все за 10 секунд. Придется или обдувать сигарету, или непрерывно ею помахивать.) — *В. Д.*

не забыла? Ты помнишь? Ты ждешь?»), любовь банально-семейная — Крутиков (он решает мировые проблемы, сынок — весь в папу — муравейник изучает, а женщины в это время смородину добывают с куста), ну, и «тюфяк» Быков, конечно, с его ухаживанием, похожим на издевательство.

Как оказалось, жен в «Стране багровых туч» тоже немало. Бывшая жена Дауге, будущая жена Быкова... В рукописи, оказывается, была еще и чужая жена...

Столовая была освещена неяркими отсветами вечернего солнца. На диване, склонившись друг к другу, сидели Гриша и Вера Николаевна. Они молчали, глядя в окно, и лица их были так серьезны и необычайно грустны, что у Алексея Петровича сжалось сердце. Большая темная рука Гриши обнимала узкие хрупкие плечи женщины.

Вальцев потянул Алексея Петровича за рукав, и они на цыпочках прошли на второй этаж.

— Вот, брат, как бывает,— проговорил Лева.— Встречаются только на неделю, на две, и снова в разные стороны. Она старше его на пять лет, муж, двое детей... Любовь, ничего не поделаешь. Настоящая большая любовь.

Он задумался. Алексей Петрович осторожно спросил:

— Муж знает?

— Кто? А... конечно, знает...— не сразу ответил Вальцев.— Да при чем здесь муж? Они встречаются раз, много — два раза в год, понимаешь?

— Понимаю,— пробормотал Алексей Петрович, но затем сказал решительно: — Нет, ни черта не понимаю. Что ж они так-то, украдкой? Взяла бы развод, жили бы вместе, вместе и летали...

— Вместе... Вместе им никак нельзя, Алеха-рубаха. Жить вместе у них не выйдет. Так стоит ли огород городить?

— То есть как это «стоит ли»?

— Ну... Стоит ли из-за недели в год разбивать семью? Летать им вместе нельзя, ведь Гриша ходит в такие экспедиции, куда женщин не берут. Понял? Какая же это будет семья?

— Нет,— честно сказал Алексей Петрович.— Могли бы все по-человечески устроить, если бы захотели.

— Может быть, конечно. Может быть, они просто выдумали себе эту любовь?

Супруга Быкова тоже предстает в первых вариантах рукописи если не воочию, то весьма ярко. Это, кстати, один из тех немногих эпизодов в творчестве Стругацких, когда они позволяли себе размышлять от имени женщины.

ЭПИЛОГ

За последние полтора года Алексей Петрович привык получать письма и даже немного научился на них отвечать. Сегодня писем было четыре: от жены, от Юрковского, от Михаила и еще какое-то, с незнакомым почерком — Алексей Петрович отложил его в сторону. Потом он надел пижаму, выключил верхний свет, с наслаждением рухнул на диван и принялся ворочаться, устраиваясь поудобнее. Сегодня был очень напряженный и хлопотливый день, после занятий пришлось остаться на два часа, чтобы разобраться в схеме нового усилителя, и теперь было особенно приятно полежать просто так, ничего не делая и почитывая письма, которые он давно ждал и которые получал не так уж часто (особенно от Юрковского).

— Письма следует читать со вкусом,— объявил Алексей Петрович, взял письмо жены и распечатал его нарочито медленно и аккуратно.

«Дорогой Алик!

Пишу тебе на уроке. Ребята страдают над контрольной, и у меня полчаса свободного времени. Давно что-то не получала от тебя весточки и немножко беспокоюсь, не удрал ли ты опять на какую-нибудь Венеру, не спросивши ни позволения моего, ни благословения. Надеюсь — не удрал. Надеюсь — жив и здоров. Надеюсь — помнишь, что у Гришки через полгода день рождения, и что мы будем тебя ждать. Упомянутый Гришка чувствует себя прелестно и все время порывается сказать «папа», но дальше «мамы» продвинуться пока все-таки не может и вообще по натуре молчалив и углублен в себя. Валентина Павловна из яслей — ты ее, конечно, не помнишь, где там! — зовет

его не иначе, как Григорий Алексеевич, и приблизительно раз в неделю интересуется твоим здоровьем. Чувствую, что мне придется все-таки сообщить ей, что ты ее не помнишь.

Милый Алик, ты пишешь мне про «Джаль Алла», а я и не читала. Все очень хвалят, даже Дезвиг в «Литературке» — охотно верю, но... Кончается четверть. Опросы. Контрольные. Подтягивание. Консультации. Петя Сокольников никак не уразумеет формулу Байеса[1]. Лира Алиева окончательно и бесповоротно забыла, чем отличается теорема синусов от теоремы косинусов. И т. д. и т. п. и пр. Читаю мало, но зато позавчера поймала с мальчиками телепередачу из Калькутты — показывали очерк «Покорители», и я полюбовалась и на тебя, и на Володю Юрковского. До сих пор не понимаю, ты нарочно споткнулся, когда взбирался на лестницу, или это вышло случайно. Во всяком случае, мальчишки уважительно хихикали и косились на меня, и мне было очень приятно.

Ой, пора кончать. Кажется, Лира все-таки вспомнила разницу — во всяком случае, она уже кончает.

До свиданья, милый! Очень жду твоего письма и буду учить Гришку говорить «папа».

Алма-Ата, 17.12».

— Да,— произнес Алексей Петрович, перечитав письмо.— Действительно, через полгода Гришке — год! Как летит время!.. Ну-с,— и он взял второе письмо.

Вообще же, любые личные взаимоотношения из повести изымались тоже. Как, допустим, по-новому и непривычно смотрится вечно холодный и отстраненный Ермаков в таком вот разговоре с Краюхиным по видеофону...

— Здравствуй, мальчуган,— сказал он.— Как твои бобошки?

[1] Th. Bayes (Байес или Бейес) — английский математик XVIII в. Формула (теорема) Байеса относится к теории вероятности, это правило вычисления условной вероятности, т. е. вероятности наступления некоторого конкретного события из группы попарно несовместимых при условии наступления другого, не связанного с этими напрямую, события. Формула, вообще-то, элементарная, но Петю все равно жалко. — *В. Д.*

Это была старая шутка, еще тех времен, когда маленький Толя с увлечением падал со стульев и со ступенек.

— Как ты меня видишь?

— Отлично, Николай Захарович.

ЗАГАДКИ И ГАЛЛЮЦИНАЦИИ

После выхода в свет «Страны багровых туч» критика ополчилась на писателей сразу с двух сторон. Не умаляя достоинств романа, авторы статей выдвигали претензии к Авторам как по поводу недостаточности описаний производственных конфликтов («Старое борется с новым»), так и из-за слишком большой «приземленности» повести: где загадки, где фантастика, где воистину космические приключения? Оказывается, в задумках у писателей было и то и другое.

Часть «производственных конфликтов» удалось вставить в основной текст. Но было и такое:

А он допытывался:

«Значит, если мой приказ будет противоречить приказу министра, вы повинуетесь мне?»

«Да...— Тут я, кажется, с самым дурацким видом облизнулся и добавил: — Здесь мы не в армии, но я выполню любое ваше приказание, если оно не будет противоречить моим убеждениям».

Он засмеялся.

«Только не воображайте, что я заговорщик. И не думайте, что я п р о ш у вас выполнять мои приказания. Просто мне хочется знать, какой линии поведения вы будете придерживаться в случае необходимости нарушить приказ министерства. Очень рад, что нашел в вас дисциплинированного и знающего службу офицера».

Я тоже был рад, честное слово, стоило только мне взглянуть в его холодные серые глаза, беспощадные, как железо.

«Все же я хотел бы знать...» — рискнул спросить я.

«Я вам объясню. Вернее, намекну, но вы поймете. Дело в том, что, к сожалению, не все в министерстве одинаково заинтересованы в успехе нашего предприятия».

Он дружелюбно улыбнулся и проводил до дверей. Действительно, здесь было над чем подумать. Нужно держать ухо востро, капитан Громыко! Хотя я совсем не ожидал, что в таком благородном деле, как межпланетный перелет, придется столкнуться с какими-то грязными интригами. Краюхин и Строгов не такие люди, чтобы заниматься дребеденью. Им мешают, это ясно. А мы им поможем.

Иногда в первоначальном варианте Венера представлялась более загадочной.

Удалось восстановить эпизод с кинокамерой Крутикова, которой он снимал мираж леса. В публиковавшихся вариантах, проявив пленку, он увидел лес и понял сразу, что это мираж, а не галлюцинация. В первоначальном, а теперь восстановленном — пленка оказывается пуста. Крутиков просто позабыл снять колпачок с объектива и потом еще долго ломает голову, что же это было.

Нынешнему, избалованному фантазией современных авторов читателю, возможно, и покажется вполне обычным исчезновение Спицына, а затем его появление в глазах заболевшего Дауге. («Ну, подействовала на него Венера каким-то особым излучением, и он все время находился с ними, но они его не видели, не ощущали, а вот Дауге заболел венерианской болезнью и сразу его увидел...»)

Нижеприведенный отрывок был также изменен. Но вот почему? Есть несколько предположений (можете придумать свое): низведение фантастики до уровня производственного романа («Мистика какая-то, такого не может быть, это не научная фантастика, поэтому не будем забивать читателю голову такими предположениями»); опять же «герой без страха и упрека» («Человек в будущем будет более здоровым, иначе к чему тогда эти нормы ГТО и остальные усилия партии и правительства, направленные на улучшение физического здоровья советского человека? А тут в космос отправляются какие-то сплошь болезненные люди: один заразу подхватил, другой ногу растянул, третий — неврастеник, истерики устраивает, а у этого еще и глаза болят...»).

Алексей Петрович с неохотой согласился на поход вдвоем, но ничего не случилось. После двухчасовых блужданий друзья

направились к «Мальчику». У капитана страшно болела голова, оттягивали плечи мешки с образцами. («Долго они еще собираются таскать свое золотце в машину? И так уже спать негде...») Автомат казался непривычно тяжелым. «Неужели заболеваю?» — испугался Алексей Петрович. Перед глазами качались надоевшие до зубной боли скалы, груды валунов, дымная пелена на севере... Все кружилось, кружилось, плыло как во сне. Хотелось лечь и заснуть, забыться... «Бу-бу-бу-бу»,— привычно, дремотно гудела Голконда.

Дикий вопль Вальцева, грохот выстрелов, вспышки заставили его очнуться. Геолог, шедший в двух шагах впереди, нелепо приставив автомат к животу, палил прямо перед собой в ущелье между двумя огромными валунами. Пули высекали искры на их серых гладких боках. Капитан сбросил с плеча мешок, выдернул из-за пояса гранату и кинулся к Вальцеву:

— Что такое? Что?..

— Бей его, Леха! Вот он, на гребне!

Но Алексей Петрович вдруг почувствовал страшную резь в глазах и, невольно застонав, поднял руку с гранатой к лицу, остановился. В глазах зарябило, забегали ослепительные круги, вспышки света, потом стало темно. Как сквозь плотный туман донесся испуганный крик Вальцева, новая автоматная очередь. Что же это, что же... Ослеп! Алексей Петрович судорожно шарил руками вокруг себя. Глаза будто разрывало горячей болью, кругом колыхалась тьма, утыканная звездочками, острыми как иголки. Вальцев, хватая его за плечо, крикнул задыхаясь:

— Да бей же ты его, остолопина!.. Гранатой!

Тогда Алексей Петрович рванул шнур, швырнул гранату далеко перед собой и, обхватив Вальцева обеими руками, повалился вместе с ним на песок. Грохнул взрыв, ударная волна хлестнула их щебнем, и все стихло. Вальцев внизу ворочался, замысловато ругаясь. Капитан поднял голову — вижу! Вижу снова! Впереди метрах в двадцати от них ветер колебал столб пыли в просвете между глыбами камня. Больше ничего.

Алексей Петрович рассказал обо всем Строгову, умолчав о своей временной слепоте. Тот пожал плечами:

— Странные какие-то существа... Неуловимые. На что они по крайней мере похожи, Лев Николаевич?

— Похожи... больше всего на огромных змей...— сбивчиво принялся рассказывать Вальцев.— Огромные змеи... черные. Метров по десять длиной. Безглазая голова... Кожа блестит, словно мокрая...

Он был страшно бледен, глаза блуждали. Строгов посмотрел на него внимательно.

— Приляжте-ка, Лев Николаевич, нездоровы вы... Приляжте.

АРХИВ СБТ

Вообще же архив СБТ представляет собой большую редакторскую папку с завязками вдоль и поперек, в которую вмещаются 3—4 обычных канцелярских папки. Папка эта полна пожелтевших листов с машинописью «нестандартным» шрифтом той самой первой пишущей машинки. Иногда поверх машинописи присутствует рукописная правка.

Всего же черновой текст СБТ сохранился в нескольких вариантах. Два варианта полностью и еще несколько разрозненных глав — в основном, начало первой и третьей части. Кроме этого, текст СБТ можно встретить и на оборотах листов других рукописей («Хищные вещи века», «Понедельник начинается в субботу», «Трудно быть богом»). Чистовик СБТ, как уже упоминалось, не уцелел.

Еще сохранились некоторые рукописи, имеющие отношение к СБТ, но о них — ниже. Сначала некоторые общие соображения по этим текстам.

В первоначальном варианте рукописи был эпиграф: «Бороться и искать, найти и не сдаваться. В. Каверин». (В то время эту прощальную фразу Р. Скотта знали, в основном, по роману «Два капитана».)

Изменилось время действия повести. Исследователи хронологии мира Полудня С. Лифанов, В. Казаков и С. Переслегин пришли к единому мнению, что действие повести СБТ происходит в 1991 году. Насколько известно, Стругацкие никогда точно не планировали и не высчитывали время действия своих повестей цикла Полудня — правильность соотношения у них получалась спонтанно. Время действия первого произведения Стругацких в черновике обозначено точно — 1985 год.

Алексей Петрович захлопнул тяжелый том и задумался. Пожалуй, все ясно. Конечно, данные в этой энциклопедии несколько устарели, но по всему видно, что предстоящая экспедиция отправляется не на готовенькое. В энциклопедии сказано, что высадиться на Венеру не удалось. Сам Краюхин делал попытку, а также Воронин, вероятно, тот самый, о котором говорили в буфете межпланетников. Впрочем... Алексей Петрович открыл титульный лист. Ну конечно! Подписано к печати в 1970 году. За полтора десятка лет, несомненно, сделано многое.

Рукописная правка поверх последних строк: «Подписано к печати пятнадцать лет назад. За это время, несомненно, сделано многое...»

Черновик и окончательная версия «Страны багровых туч» представляются мне некими параллельными мирами. В том мире, где действуют Быков и Юрковский, экспедиция была в 1991 году, и Дауге там выжил. А в том, где действуют Громыко и Бирский, полет на Венеру состоялся в 1985 году, и двойник Дауге — Вальцев — там погибает от ядерного взрыва.

ВАРИАНТ Б. Н. СТРУГАЦКОГО

Как пишет Б. Стругацкий в своих «Комментариях»: «Планы составляли вместе, но главы и части писали порознь, каждый сам по себе. В результате: АН закончил черновик первой части — БН завяз еще в первой главе; АН вовсю пишет вторую часть — БН кое-как закончил первую главу первой части, и она, разумеется, ни в какие ворота не лезет в сравнении с уже сделанным — там другие герои, другие события, и сама стилистика другая...»

В одиннадцатом томе «сталкеровского» собрания сочинений Стругацких опубликована эта, самая первая, глава, написанная младшим братом, «Звездолет "Астра-12"». Первоначальная фамилия Дауге здесь еще пробуется на вкус: в рукописи иногда «Вальшин», иногда «Вяльцев», а позже — «Вальцев».

В архиве сохранились еще пять страниц из этого же варианта БНС.

Экипаж «Хиуса»

Алексей вернулся поздно вечером, усталый и злой. В комнате шторы были опущены, на кровати лежал Вальцев и курил, уставившись в потолок. На полу около его кровати стояла грязная тарелка с окурками, окурки были разбросаны по полу, и дым стоял такой, что Алексей только носом покрутил — ну и ну!

— Ты что — зубы болят? — спросил он, с кряхтеньем опускаясь на свою кровать и принимаясь за сапоги.

— Болят,— равнодушно согласился Вальцев, не поворачивая головы. Он был небрит, всклокочен и лежал на кровати прямо в ботинках и в пиджаке. Алексей посмотрел на него с удивлением и сочувствием и стал раздеваться.

— Давно болят? — спросил он, надевая пижаму.

— Да, брат... очень давно,— сказал Вальцев с какой-то странной интонацией в голосе.

— Ты бы к врачу пошел, чудак...

— Не поможет,— со вздохом сказал Вальцев, подымаясь,— это, Алеха, такой зуб, что никакой врач не поможет...

Он помолчал, сидя неподвижно, сгорбившись и уперевшись руками в расставленные колени, потом наклонился и начал подбирать окурки и укладывать их в тарелку.

— Ты знаешь, сегодня... приехали наши ребята,— проговорил он, ставя тарелку на стол,— пилоты и геологи... Сашка Бирский, Гришка Ершов... кто там еще?..

— Знаю,— перебил Алексей со вздохом,— я уж познакомился...

— ...и этот... Цицин Андрей — геолог, мы с ним пол-Тибета прошли... Что, познакомился уже? Когда это ты успел? — удивился Вальцев, вытаскивая из портсигара папиросу.

Алексей рассказал о битве за колючей изгородью. Вальцев с отвращением курил, неохотно улыбался.

— Повезло тебе,— сказал он и снова повалился, задрал ноги на спинку,— если б не Сашка — конец бы твоим приключениям...

Алексей взял полотенце и пошел мыться.

— Левка, открыть форточку надо...— начал он, входя в номер, но Вальцева уже не было. Алексей поднял штору, открыл окно, подивился еще раз густоте табачного дыма и стал прибри-

рать на столе. Засунул в тумбочку толстый том «Электроники» и пачку каких-то технических журналов с унылыми обложками, повесил на гвоздь вальцевский шлем, вытряхнул мусор из карандашницы, собрал в тарелку окурки, аккуратно разложенные по краям стола и, проклиная Вальцева, который на днях расколол пепельницу, объясняя преимущества атомного топлива перед химическим, пошел и помыл тарелку. На столе оставалась еще куча исписанных листков — Вальцев писал статью. Алексей начал собирать их и вдруг увидел свое имя. «...И это не твое дело. Алексей — замечательный человек, не тебе его судить, и если б ты только знал, как мне надоели все эти твои...» Алексей побагровел, поспешно отбросил листки и сел на кровать. Фу ты, черт, как неудобно получилось... Тонкий женский почерк, это, наверное, от Маши... Черт дернул лезть в эти листки... Алексей расстроенно закурил и, стараясь не глядеть в сторону стола, принялся подметать пол. Неприятная это штука — личная жизнь. Ну, кажется, все уже хорошо: замечательный парень, прекрасный работник, любят его все — славный, веселый, жизнерадостный, известный ученый, и — приходит женщина... Он ее, видно, здорово любит... Несмотря ни на что... Но и красива же! Алексей вспомнил изящный профиль женщины в черном платье на фотографии. Гордая красота!

Вошел хмурый Вальцев, посмотрел на Алексея.

— Лопать будешь?

Подошел к столу, резким движением собрал бумаги, запихнул в ящик. Несколько листков упало на пол. Он подобрал их, бегло просмотрел, бросил на стол.

— Пойдем к Ершову — там собираются сегодня все наши,— выпьем. Завтра выходной — отоспимся.

— Денег нет,— нерешительно сказал Алексей.

— Не говори ерунды,— разозлился Вальцев.

— Да нет... Понимаешь, неудобно вроде...

— Что т-т-ты... Пошли. Пошли, не искушай...

— Да ну, незнакомые люди, что я там буду...— отбивался Алексей.

— Не искушай, говорю!..— Вальцев поволок его к двери, поддал коленом.— Денег у него нет!.. Ступай, ступай ножками, а то вот придам начальную скорость — до Москвы не остановишься!

Они пошли вдоль длинного коридора. Гостиница-общежитие при Большом Северном ракетодроме начинала субботний вечер. Из-за стеклянной двери красного уголка доносился стук и лихие возгласы — там играли в пинг-понг. Прошел навстречу Зорин в полосатой пижаме, держа за ручку мальчугана в пижаме, волочившего на веревке толстого белого кота. Кот сопротивлялся с молчаливым остервенением. У дверей пятого номера курил унылый молодой человек с пепельницей в руках. Ему не разрешали курить в комнате. Выскочили из-за поворота две хорошенькие нарядные девушки, наткнулись на Алексея, прыснули, застучали высокими каблуками вниз по лестнице в общий зал, откуда доносились звуки, напоминающие пластинку с массовой сценой из «Князя Игоря», пущенную наоборот. Группа плечистых парней радостно хохотала вокруг очкастого с пышной шевелюрой: пышная шевелюра рассказывала анекдоты о пассажире, ехавшем на верхней полке. Из раскрытых дверей какого-то номера плыл табачный дым и звали Витю. Потом хор грянул популярную мелодию «Взвейтесь соколы орлами...». Алексею вдруг стало очень весело и хорошо. Он засмеялся и стукнул Вальцева по спине:

— Да не грусти ты, старый сундук! Сейчас выпьем, попоем... Как там у вас — принято петь в компании?

Вальцев усмехнулся и сказал, что время покажет. Они поднялись на третий этаж и, не постучав, вошли в номер, на двери которого висело изображение черепа со скрещенными костями и с надписью «Стучите!». Череп был изображен очень хорошо, но повешен вверх ногами.

Номер был большой — на трех человек, посередине стоял стол, на котором красовались бутылки, тарелка с нарезанной колбасой, полосатый носок, куча ножей и вилок, тазик с водой и зеркало. Перед зеркалом, неестественно выпятив челюсть, сидел молодой человек, покрытый сверкающей пеной. Он скосил глаза на пришедших, невнятно проговорил: «Привет!» и, ужасно исказив лицо, принялся рассматривать себя в зеркале, вытянув шею, обмотанную махровым полотенцем. На столике у окна другой молодой человек в пестром шерстяном свитере резал хлеб, укладывая его в большую фотографическую кювету. При этом он жевал огурец, пел про черные глаза, двигал бед-

рами и играл в шахматы сразу на двух досках с двумя другими молодыми людьми, из которых один оказался Сашей Бирским, а другой — тем самым веселым пилотом в ярчайшем шарфе, которого Алексей видел несколько дней назад на ракетодроме.

Молодой человек в шерстяном свитере обернулся, проглотил огурец и весело проговорил, обращаясь к Вальцеву:

— Представь, Лев Николаевич, представь капитана!

Знакомясь, он крепко пожал Алексею руку, отрекомендовался Андреем Цициным, отметил, что будет чертовски рад иметь такого спутника, немедленно перешел на «ты», потребовал, чтобы убрали со стола полосатый носок, посоветовал Вальцеву не сходя с места побриться под угрозой немедленного уничтожения, сделал ход на обеих досках и вновь обратился к хлебу, напевая во все горло и выделывая ногами замысловатейшие па[1]. Пожав руку веселому пилоту, который все время ласково улыбался, но имя свое сообщил крайне неразборчиво, Алексей почувствовал себя здесь совсем своим, но был несколько охлажден неприязненным кивком Бирского, проговорившего ледяным тоном: «Мы уже, кажется, знакомы». При этом Бирский осторожно ощупал лиловый синяк над глазом, может быть, впрочем, случайно. Вальцев взялся за подбородок, поскрипел щетиной, неожиданно повеселел и с криком «Ох, и напьюсь же я!..» запустил полосатым носком в бреющегося молодого человека, который в этот момент брил верхнюю губу, оттянув ее книзу и придав лицу то сосредоточенное выражение, которое бывает только у бреющихся людей и у школьников, когда они ловят муху во время урока. Молодой человек взял тазик и стремительно направился к Вальцеву, предварительно сообщив, что он просто не знает, что с ним сделает. Вальцеву же это было, по-видимому, очень хорошо известно, потому что он обратился в бегство, крича, что это несправедливо, что так

---

[1] Где-то я такое уже читал... Ага, вот: «Он что-то кричал, гримасничая и размахивая руками, а потом заложил руки за спину и, приплясывая, выделывая ногами замысловатые па, вприпрыжку двинулся вниз по спуску». Интересно, можно ли считать доказанным, что этот кусок ПНО писал именно БНС? — *В. Д.*

можно бриться и до бесконечности, потому что при таких темпах, пока бреешь левую щеку, успевает вырасти борода на правой, и чтобы его преследователь побоялся бога. На это преследователь резонно ответил, что бога нет, и пошел умываться, а Вальцев занялся бритьем.

Алексей взялся откупоривать бутылки, веселый пилот проиграл партию и начал вскрывать консервы, Бирский, схватившись за волосы, повис над доской, окончательно погибнув для общества, как отметил Вальцев, повеселевший и взмыленный Андрей Цицин громко мечтал о закуске...[1]

ДО «СТРАНЫ БАГРОВЫХ ТУЧ»

Как пишет Б. Н. Стругацкий в «Комментариях»: «К 1955 году у нас было: <...> — «Первые» — чрезвычайно эффектный и энергичный набросок несостоявшейся фантастической повести, задуманной некогда АН (и использованный позже в «Стране багровых туч»)».

Энергичный — да! Рукописный, карандашом, даже с рисунком, на половинках страниц обычного писчебумажного формата... Набросок этот сохранился в двух вариантах. Привожу оба.

Первый вариант:

---

[1] Н-да, гостиница-общежитие при Большом Северном ракетодроме... Как заметила однажды С. Бондаренко, больше всего это похоже на студенческую общагу. «Закрытая» гостиница-общежитие — это вполне обычная вещь при любой советской оборонной или космической шарашке. И реализм выглядел бы примерно так.

Космонавтов действительно пытаются кормить отдельно от прочих, но вовсе не из соображений а-ля Бирский, а чтобы гастрит раньше времени не нажили. Командированные пролезают в те столовые всеми неправдами, уж на пижонов-то космонавтов внимания не обращая. Выходные частенько отменяются, поэтому субботний вечер мало отличается от других. А через пару недель — партийно-комсомольское собрание, личное дело конструктора Сидорова: «Ездил по коридору гостиницы верхом на расчетчике Петрове, мешая спать постояльцам криками "Танки!"»... — *В. Д.*

А. Н. Стругацкий

ПЕРВЫЕ

Here dead we lie
Because we didn't choose
To live and shame the land
From which we sprung[1].

1

Яркий белый свет падал из-под зеленого абажура и, отраженный лакированной поверхностью стола, тусклыми бликами ложился на кожаную обивку каюты, на металл и стекло приборов, на бледные лица сидевших. Их было четверо — командир, инженер, врач и радист. Пятый, механик, лежал в подвесной койке, уставившись в темный сводчатый потолок стеклянными глазами. Лицо его было искажено болезненной гримасой, как будто он напряженно прислушивается к негромкому разговору за столом и морщится оттого, что не может расслышать. Впрочем, разговаривавшие старались не смотреть на то, что

---

[1] Как сообщил В. Курильский, этот эпиграф — часть стихотворения А. Хаусмана «Эпитафия на армию наемников»:

Here dead we lie because we did not choose
To live and shame the land from which we sprung.
Life, to be sure, is nothing much to lose;
But young men think it is, and we were young.

Текст сопровождается следующим комментарием: «Знаменитый британский поэт А. Е. Хаусман написал «Эпитафию на армию наемников». Было много критики по поводу использования слова «наемник» как характеристики солдат Британской империи, многие из которых поступали добровольцами. Тем не менее его стихотворение стало признанным выражением взглядов на тех, кто заплатил высшую цену».

Я попытался перевести «Эпитафию», прошу не судить строго:

Здесь мы лежим: не избран нами путь
Жить и позорить родину свою.
Конечно, жизнь терять не жаль ничуть —
Жаль молодыми умирать в бою.

— В. Д.

всего несколько часов назад было их товарищем, и зеленоватый сумрак над абажуром помогал им в этом.

— Возможно, авария произошла, когда мы влетали в атмосферу,— говорил командир.— Тогда ясно, почему астроплан не попал на берег «Голконды». Может быть, это случилось в момент посадки — это объясняло бы размеры разрушений, которые причинил взрыв. Можно высказать еще несколько предположений. Но главное сейчас в другом. Главное в том, что из пяти реакторов уцелели только три, и лишь один из уцелевших можно задействовать без серьезного ремонта. Инженер прав: мы не имеем ни малейшей возможности самостоятельно покинуть Венеру.

— Кроме всего прочего, у нас серьезно повреждены системы управления,— добавил инженер, и стекла его очков холодно блеснули. Врач задумчиво вычерчивал мизинцем на столе волнистые линии. Радист вздохнул, достал из портсигара шоколадку и положил в рот.

— Мне хотелось бы знать,— продолжал командир,— что думает каждый из вас по поводу создавшегося положения. Мы уже видели кое-что там,— он кивнул головой куда-то в сторону,— за стенами каюты. Что вы думаете об этом? Что думает об этом инженер? Доктор? Что может предложить — это особенно важно — радист?

— Разрешите? — Инженер снял очки и медленно заговорил, протирая их кусочком замши.— Всё, к сожалению, немногое, что мы знаем об этой планете на основании опыта прежних двух экспедиций... я имею в виду возвратившиеся экспедиции... всё это говорит о том, что... вряд ли можно надеяться на скорый приход помощи. Для этого экипажам спасательных астропланов придется прочесать огромные пространства. Правда...— Он замялся и, низко наклонив голову, принялся надевать очки.— Если установить Большой маяк тут, рядом, это значительно облегчит спасателям поиски... Собственно, маяк попросту навел бы их на нас.

— Здесь устанавливать маяк нельзя,— хмуро сказал радист.— Мы не имеем права.

— Пожалуй,— легко согласился инженер.— К тому же его энергетический баланс рассчитан на подножное, если так мож-

но выразиться, использование богатств «Голконды». А здесь он в триста-четыреста часов сожрал бы все наличные запасы ядерного горючего.

— Что же вы предлагаете? — спросил врач.

— Ждать. Практически можно сколь угодно долго оставаться в нашей стальной скорлупе.

— Не нужно забывать, что кислорода и воды у нас не так уж и много, на весь наш век не хватит...— пробормотал радист.— Я не говорю уже о съестном.

Капитан чуть не рассмеялся, увидев, какой легкомысленно-мальчишеский жест сделал всегда серьезный и немного самодовольный инженер.

— Пустяки. Два-три дня, и я буду добывать вам и воду, и воздух из местной атмосферы в любых количествах.

Второй вариант:

1

— Не понимаю, что случилось с амортизаторами.— Командир ожесточенно уже в который раз поправил бинт, съехавший на глаза.— При взлете они сработали замечательно, а тут... Словно их и не было.

Инженер не ответил. Он полулежал в глубоком кресле, бережно прижимая к груди упакованную в узкий деревянный ящик руку. Его почерневшее от боли лицо судорожно подергивалось, и он едва слышно рычал сквозь стиснутые зубы. Командир искоса взглянул на него.

— Закурите? — спросил он.

Инженер кивнул. Командир достал папиросу, вставил ее в запекшиеся губы Инженера и чиркнул спичкой.

— Спасибо,— хрипло выдохнул тот.— Нет, не надо. Тошнит.

Папироса упала на пол. Звякнул люк, и в каюту вполз Доктор. Оба повернулись к нему. Доктор зажмурился, потер ладонью испачканное засохшей кровью лицо и сплюнул.

— Плохо,— сказал он шепотом.— Очень плохо. И часу не протянет.— Он снова сплюнул.— По-видимому, его бросило головой на распределительный щит. Знаете, тот, в моторном

отделении. У него в двух местах пробит череп и сломаны шейные позвонки.

Командир опустил голову.

— Ну, а как вы? — Доктор подошел к Инженеру.— Больно? Сейчас впрыснем вам кое-что.

Он опять сплюнул и вытащил из нагрудного кармана коробку со шприцем.

— Что вы... всё плюетесь... Доктор? — с трудом выдавил Инженер.

Он хотел сказать совсем другое, крикнуть, что он не верит, что брата уже невозможно спасти... но в последний момент вспомнил, что перед ним один из лучших хирургов страны и что вряд ли такие вещи пришли бы ему в голову, если бы Механик не был его, Инженера, братом.

И он спросил вместо этого:

— Что вы... всё плюетесь?

Доктор набирал в шприц желтую жидкость из узкой стеклянной ампулы.

— Плююсь? — рассеянно переспросил он.— А... это, друг мой, эмаль. Лопнула от удара эмаль на зубах. Ну-ка, дайте руку... да не бойтесь, здоровую руку. Вот так.

Через несколько минут все спустились в нижний отсек. Там в подвесной койке лежал Механик, изжелта-бледный, с широко раскрытыми остекленевшими глазами, с розовой пеной в углах полураскрытого рта. Возле него сидел Радист. Инженер наклонился над братом.

— Леня...— тихо позвал он.— Леня!

Радист встал, прихрамывая отошел в сторону и отвернулся лицом к стене. Он и Механик были самыми молодыми из экипажа, большими друзьями.

— Леня,— еще раз проговорил Инженер.

Доктор тронул его за плечо.

— Он не слышит вас.

— И... никогда больше не услышит,— сказал Инженер.— А, может быть...

Широко раскрыв глаза, он взглянул на Доктора.

Тот опустил голову.

Тогда он опустился на стул, где только что сидел Радист. Потом повернулся к Командиру и проговорил с виноватой улыбкой:

— Вы все... уйдите, пожалуйста.

Метрах в ста от звездолета в вязком горячем грунте выкопали яму и опустили в нее свинцовый бак с телом Механика. Дали прощальный залп из карабинов. Над могилой поставили лист нержавеющей стали с выцарапанными на нем неровными буквами.

2

Доктор, насвистывая и изредка поплевывая, сидел за столом и выписывал из мокрых листков анализов в большую общую тетрадь. Радист копался в аппаратуре — менял лампы, лопнувшие при ударе. Вскоре вернулись из моторного отделения Командир и Инженер, оба усталые, заляпанные чем-то бурым и жирным и очень озабоченные.

— Внимание, товарищи,— сказал Командир.— Все к столу. Давайте быстренько обменяемся информацией и решим, что делать дальше, а затем...

— Одну минутку,— прервал его Доктор.— Прошу извинения, но... Насколько я понял, положение очень серьезное, не так ли?

Командир кивнул.

— Тогда я, как секретарь организации, предлагаю провести экстренное партийное собрание. Повестка дня: «Положение звездолета ЭР-68 и...» — Доктор сделал паузу и раздельно, с ударением на каждом слове произнес: — «...и задачи членов экипажа — коммунистов по выполнению задания партии и правительства». Кто за? Единогласно. Предлагаю для ведения собрания избрать председателя и технического секретаря.

— Председателем — Командира, секретарем — Радиста,— сказал Инженер, покачивая у груди сломанную руку.— Я писать не могу.

— Так. Кто-нибудь против? Нет? — Доктор вырвал из тетради несколько листов и протянул Радисту.— Карандаш у вас есть? Хорошо. Товарищ Командир, прошу вести собрание.

Командир пошептался с Доктором, сказал что-то вполголоса Радисту и громко произнес:

— Прошу почтить вставанием память Механика Звездолета, коммуниста, члена нашей организации, безвременно погибшего на своем посту.

Все встали.

— Прошу садиться. Слово для информации о состоянии энергетической и двигательной систем звездолета предоставляется Инженеру. Говорить можно сидя.

Инженер достал здоровой рукой записную книжку, раскрыл и снова закрыл ее.

— Вкратце дело обстоит так.— Он помолчал, просмотрел свои записи и быстро продолжил: — Вышли из строя реакторы номер три и пять. Остальные три тоже имеют повреждения, но снова могут быть задействованы после небольшого ремонта. Реактор номер три разрушен взрывом контейнера с жидким водородом — это, по-видимому, и послужило причиной аварии. С реактором номер пять дело обстоит лучше, однако исправить его в настоящих условиях невозможно. Короче говоря, состояние двигательной системы не дает нам оснований надеяться на возможность самостоятельного возвращения на Землю. Я уже не говорю о серьезнейших повреждениях системы управления.

Он перевел дух и посмотрел на товарищей. Командир рассматривал свои исцарапанные пальцы. Доктор слушал спокойно и внимательно, прикрыв свои острые глазки набрякшими веками. Радист торопливо писал, склонив голову набок.

— Теперь о наших энергетических ресурсах. В этом отношении мы обеспечены превосходно. Ядерное горючее для реакторов у нас есть. Жидкий водород нам тратить нет нужды — для снятия тепла и питания турбины можно будет использовать воду или какую-нибудь другую жидкость. Мы с Командиром уже наметили переоборудовать реактор номер два — он пострадал меньше других — для питания генератора мощностью в три тысячи киловатт. Это займет, конечно, известное время и силы. Что касается маяка, то, если мы найдем, что должны искать,— а только в этом случае и имеет смысл устанавливать радиомаяк,— энергетическую установку для него создать будет не трудно. У нас есть материалы и инструменты. Вот и все, пожалуй.

— Прошу вас, Доктор,— сказал Командир.

— Все мы уже видели, что делается там, снаружи. Уточню кое-что.— Врач перелистал свою общую тетрадь.— Так... ага, вот оно. Температура пятьдесят градусов выше нуля, влажность очень высокая. Воды очень много... почва пропитана ею, как губка. Но эта вода — яд. В ней больше семидесяти процентов тяжелой воды. Растительность и животный мир здесь есть... По-видимому, природа приспособила местную флору и фауну к дейтериевой воде. Но в пищу все это не годится. Впрочем, как вы сами могли убедиться, один только вид местной живности способен убить аппетит даже у умирающего от голода. Значит, мы должны рассчитывать только на свои запасы продовольствия. С водой, конечно, дело обстоит легче — легкую воду мы получим от сжигания водорода в кислороде, водород — протонный водород — у нас есть, а кислород можно добыть электролизом. Над этим еще нужно подумать, но с этой стороны нам нечего опасаться. Опасаться следует другого. Как я и ожидал, там, снаружи, все — вода и атмосфера — насыщено богатейшей микрофауной. Бездна всевозможных бактерий, амеб, инфузорий, в большинстве, вероятно, анаэробных. Многие виды могут оказаться болезнетворными. Будьте осторожны. Перед выходом наружу и по возвращении обтирайтесь раствором формалина или спирта. Малейшую ранку, царапину промывайте и залейте коллоидом. В отношении этого буду просить Командира об отдании приказа по экипажу.

Командир кивнул.

— Все у вас?

— Все.

— Какой состав атмосферы? — спросил Инженер, делая какие-то пометки в блокноте.

— CO_2, CO, главным образом. И азот.

— Слово предоставляется Радисту.

Радист положил карандаш, пригладил волосы.

— Собственно, пока я могу сообщить очень немногое. Предварительные расчеты показывают, что в условиях такой высокой ионизации, какую мы имеем здесь, трудно надеяться на связь с Землей. Если бы иметь хоть какое-нибудь представление о

том, в какой точке небосвода находится Земля, можно было бы попробовать направленный радиолуч. Но здесь, вероятно, всегда такие тучи и туман, не поймешь даже, день или ночь. Даже инфракрасные средства оказались бессильны — я не смог найти Солнце. Что касается работы на прием... попробуем, хотя... Как бы то ни было, за нами следят с Земли. У нас есть аварийное средство дать SOS — три взрыва атомных зарядов, если не ошибаюсь. В крайнем случае применим это. Вот все у меня.

Наступила пауза. Доктор передал Радисту листки протокола.

— Теперь разрешите мне,— сказал Командир.— Товарищи коммунисты! Венера сурово встретила нас, первых людей, высадившихся на ее поверхности. Мы уже теперь, всего через пятьдесят часов после прибытия сюда, можем составить себе представление об огромных, во многих отношениях неожиданных трудностях, которые нас здесь ожидают. Положение усугубляется еще аварией звездолета и трагической гибелью нашего товарища. Но все это не должно запугать нас, не дать нам вспомнить нашу задачу. Трудности и опасности нашей работы не следует преуменьшать, но их не следует и преувеличивать. Трезво оценить обстановку, учесть все наши возможности, сосредоточиться на одной мысли — как выполнить порученное нам дело. Разумеется, можно было бы дать сигнал «терпим бедствие», выставить радиомаяк, запереться в звездолете и спокойно отсиживаться до прихода помощи. Продовольствия хватит, воду и кислород можно добыть — чего лучше? Боюсь, что кое-кто из вас уже подумывает об этом. И оправдание готово: чего, мол, еще можно требовать от экипажа звездолета, потерпевшего аварию? Товарищи коммунисты! Родина наша ждет от нас другого. Наши товарищи ждут от нас другого. Конечно, если мы не сделаем нашего дела, его сделают за нас другие. Не мы, так другие пойдут на поиски «Урановой Голконды», не мы, так другие установят маяк номер один, первый ориентир, с которого начнется завоевание Венеры человеком. Не мы, так другие в этих неслыханно трудных условиях проложат нашей стране дорогу к неисчерпаемым энергетическим богатствам Венеры. Но разве мы, экипаж звездолета ЭР-68, хуже других советских людей? Ведь именно нам оказал наш народ великую

честь быть первыми в этом деле. И мы покажем себя достойными этой чести. У нас есть кое-какие радиометрические данные, полученные беспилотной разведкой в прошлом году, о приблизительном расположении «Урановой Голконды». Один из нас останется здесь, в звездолете, присматривать за работой небольшого кругового радиомаяка, который мы установим. Остальные, взяв необходимые материалы, снаряжение, продовольствие, двинутся на поиски. Выйдя к границам «Голконды», сооружаем маяк, питающую его энергетическую установку и возвращаемся по пеленгу к звездолету. Предварительно можно будет дать сигнал бедствия. Таково мое решение как Командира, и я призываю вас, товарищи коммунисты, всемерно помочь мне претворить его в жизнь. Вот все, что я хотел сказать. У кого есть вопросы — пожалуйста.

— Можно мне? — тихо сказал Инженер.— Кто останется здесь?

— Вы,— ответил Командир.

— Но...— Инженер сморщился и схватился за руку.— Вы не имеете права по инструкции покидать корабль.

— Инструкцию составляют люди, инструкцию изменяют люди. Вас послать в экспедицию я не могу.

— Из-за руки?

— Да.

— Ответственность за установку маяка несу я.

— Мы все несем эту ответственность,— жестко сказал Командир.

— Присоединяюсь как секретарь парторганизации к мнению Командира,— веско сказал Доктор[1].

Он остался один. [Далее текст отсутствует.]

---

[1] «Из трех членов экипажа один будет политрук. В пути он будет непрерывно вести среди пилота и штурмана массово-разъяснительную работу о пользе космических рейсов и требовать заметок в стенгазету». Это, понятно, из А. Солженицына. Аркадий Натанович сократил должность политрука (помполита, «помпы»), остался только секретарь партячейки. Тяжело ему одному... Еще ведь и лечить надо. — *В. Д.*

ПОСЛЕ «СТРАНЫ БАГРОВЫХ ТУЧ»

Стругацкие уже тогда пробовали писать киносценарии... На обороте страниц черновика «Стажеров» обнаружились два экземпляра рукописи «Экипаж "СКИФА"» (некоторые страницы в обоих экземплярах отсутствуют, но весьма удачно перекрывают друг друга, так что текст сохранился полностью). Когда я сообщила БН, что он ошибается, утверждая, что киносценария по СБТ не сохранилось, БН ответил: «А вы уверены, что это окончательный вариант сценария, а не один из его черновиков?» Так и будем считать. Возможно, это один из черновиков несохранившегося киносценария.

Москва
1960–1961 гг.

ЭКИПАЖ «СКИФА»

Сценарий научно-фантастического фильма по мотивам повести «Страна багровых туч»

Плутон. Свирепый ветер несет тучи черной пыли над дикими нагромождениями скал, воет и свистит в горных вершинах, гонит в низком багровом небе толпы меняющихся облаков. Сквозь рев бури прорывается далекий гул и грохот — словно далеко-далеко за горизонтом бурлит, закипая, исполинский котел со смолой.

Между скал, тяжело переваливаясь через валуны, ползет человек. На нем просторный скафандр с кислородными баллонами за спиной, голову покрывает прозрачный шлем. Скафандр и шлем испачканы в пыли и жидкой грязи. Человек ползет из последних сил, время от времени он останавливается и в изнеможении опускает голову в шлеме на землю. И чей-то голос устало и настойчиво повторяет:

— Мехти... Мехти... Отзовись... Мехти...

Человек приподнимается на локтях и стирает перчаткой грязь с лицевой стороны шлема. Видно его лицо — изможденное, с заплывшими глазами, с сухими запекшимися губами. На щеке и на подбородке — черная застывшая кровь.

Человек с трудом шевелит губами. Хриплый шепот едва слышен:

— Я здесь... Здесь... Я сейчас... Сейчас...

Но снова звучит усталый и настойчивый призыв:

— Мехти... Мехти... Где ты, Мехти... Отзовись...

И тогда Мехти с прежним упорством переползает через обломок скалы, скатывается и ползет дальше. Ветер обрушивает на него целую кучу черной пыли, переворачивает его, человек судорожно цепляется за землю, за камни.

— Мехти... Ты слышишь меня?.. Отзовись, Мехти...

— Сейчас, сейчас... Я спешу... Я сейчас...

Мехти огибает огромный валун, и перед ним открывается обширная неровная поляна. Посередине поляны торчит, упираясь тонким, как игла, шпилем в багровое небо, покосившаяся ракета. На полированных боках ее светятся темно-красные отблески далекого зарева. Рядом с ракетой сидит прямо на земле Ермаков, сгорбленный, придавленный полуторакратной силой тяжести на Плутоне. Он в таком же просторном скафандре и прозрачном шлеме. Его ноги занесло черной пылью. Это его голос слышится сквозь вой бури и грохот далекого кипящего котла:

— Мехти... Мехти... Отзовись...

Он вдруг замечает ползущего и вскакивает на ноги. Вернее, хочет вскочить, но просто тяжело поднимается и так же тяжело и неуклюже спешит к Мехти. Мехти продолжает ползти к нему навстречу.

— Мехти, друг, что с тобой?

Мехти исчерпал все силы. Голова его падает, он лежит неподвижно. Ермаков опускается около него, кладет его голову в шлеме к себе на колени.

— Что с тобой, Мехти? Мехти!

Мехти открывает глаза.

— Анатолий... там... страна чудес... только я не успел...

Он вновь закрывает глаза и вдруг начинает быстро-быстро говорить по-азербайджански. Ермаков склоняется к нему так низко, что касается шлемом его шлема.

— Мехти... Погоди, Мехти...

Мехти, не открывая глаз, говорит громко и отчетливо:

— Это... планета сокровищ, Толя... Там бесчисленные сокровища... Их нужно взять... Подарить Земле...— Голос его падает до шепота.— Только там опасно... Там смерть...

— Мехти, о чем ты? Какие сокровища?

Но Мехти опять принимается быстро-быстро говорить по-азербайджански.

Ермаков трясет его за плечи.

— Мехти! Говори по-русски! Мехти! О чем ты?

Страшное, окровавленное лицо Мехти вдруг преображается. Он улыбается и шепчет:

— Хорошо как... Голубое небо... Толя... Смотри... голубое небо...

Он умолкает, голова его скатывается набок. Мехти умер. Ермаков поднимает лицо и смотрит в ту сторону, откуда пришел Мехти. По щекам его катятся слезы. Багровые отблески светятся на прозрачном материале шлема, на каплях слез и в сверкающих яростью глазах...

А там, откуда приполз Мехти, за черными исполинскими скалами, сквозь черную бурю, разливается в полнеба ослепительное фиолетовое зарево и раздается грохот чудовищного взрыва...

***

Кабинет Председателя комитета межпланетных сообщений. Огромное светлое помещение. На стенах портреты выдающихся деятелей космонавтики. По углам модели различных ракет, начиная от старинных многоступенчатых и кончая последними — атомными. За большим письменным столом в креслах пятеро — члены комитета, старые испытанные межпланетники, руководители космонавтики Советского Союза.

Председатель комитета Николай Захарович Краюхин резко говорит:

— Гибель Мехти — это серьезное предупреждение. Некоторые здесь воображают, что мы всё еще живем в эпоху первых космических полетов...

Головин, приземистый лысый пожилой человек, ворчливо замечает:

— Когда я высаживался на Церере, для меня опорных баз не делали...

КРАЮХИН. И вернулся ты без пяти ребер.

Громов, высокий, с лицом словно отлитым из бронзы, добавляет:

— И сидишь теперь в Комитете вместо того, чтобы летать.

ГОЛОВИН. Можно подумать, что вы летаете!

КРАЮХИН (продолжает). И мы должны строго предупредить всех членов экипажа о недопустимости бессмысленного риска... Никаких рискованных шагов вне главных целей экспедиции!

ГОЛОВИН. А в чем же теперь главные цели? Я уже совсем ничего не понимаю!

КРАЮХИН (терпеливо). Повторяю для непонимающих. Мы утверждаем вторую комплексную экспедицию к Плутону на фотонном планетолете «СКИФ», имеющую цель: А. Создать опорную базу-ракетодром как плацдарм для широких исследовательских работ в области, именуемой «Страной Мехти». Б. Разведать предполагаемые геологические богатства области, именуемой «Страной Мехти». Ясно?

Ляхов, широкоплечий, седой, в темных очках, замечает:

— Ты забыл, Николай, пункт В: обязательно вернуться на Землю!

ГРОМОВ. С целыми ребрами.

ГОЛОВИН (обиженно). Накинулись...

КРАЮХИН. Да, да, Андрей, вернуться целыми и невредимыми. Ну, и состав экспедиции... Начальником идет, как договорились, Ермаков... Возражений нет?

ЛЯХОВ. Лучше не придумаешь...

ГРОМОВ (задумчиво). У Анатолия свои счеты с Плутоном... Забыть Мехти не может.

КРАЮХИН. Штурманом-инженером идет Спицын.

ЛЯХОВ. Ну, Богдан — это небожитель...

КРАЮХИН. Геолог — Юрковский.

ГОЛОВИН (ехидно улыбаясь). Не понимаю. Если вам нужны целые ребра — при чем здесь Юрковский?

ГРОМОВ. Это правда. (Краюхину.) Владимир всегда лезет в самое пекло.

КРАЮХИН (строго). Юрковский, как вам отлично известно, самый способный из молодых геологов. А что касается его темперамента, то рядом Ермаков и Спицын, крепкие люди.

ЛЯХОВ. Ясно, у них не порезвишься.

КРАЮХИН. К тому же у нас есть еще один крепкий человек, четвертый и последний член экспедиции инженер Быков.

ГРОМОВ. Это твой инженер из Антарктики?

КРАЮХИН. Да.

ГРОМОВ. А тебя не смущает все-таки его возраст, Николай Захарович?

КРАЮХИН. Двадцать пять лет? Если мне не изменяет память, мы с тобой ходили в первый рейс двадцати лет...

ГРОМОВ (уточняет). Двадцати двух!

КРАЮХИН. А у этого хлопца за плечами уже пять лет Антарктиды и спасение французской экспедиции!

ЛЯХОВ (усмехаясь). Французы прозвали его Стальным Капитаном.

ГРОМОВ. Хорошо, хорошо, я ведь не против.

КРАЮХИН (нажимает кнопку на краю стола и говорит в микрофон). Попросите ко мне товарища Быкова.

Дверь открывается. В кабинет неторопливо входит высокий молодой человек атлетического телосложения, в белом спортивном костюме. Он останавливается у порога и негромко здоровается:

— Здравствуйте, товарищи!

КРАЮХИН. Здравствуйте, Алексей Петрович. Садитесь, пожалуйста. Вот сюда, поближе...

Быков садится. Все внимательно рассматривают его.

КРАЮХИН (мягко). Вы не изменили вашего решения? Плутон вас не пугает?

БЫКОВ. Нет.

ГОЛОВИН (хмуро). И вы не побежите в последний момент освобождаться по семейным обстоятельствам? Или по состоянию здоровья?

Ляхов и Громов засмеялись.

БЫКОВ (вполне серьезно). Нет, не побегу. Почему вы так думаете?

ГРОМОВ (ласково). За последние четверть века, товарищ Быков, нам приходилось видеть всякое. Космос дело не шуточное.

КРАЮХИН. Вы командир вездехода. Судьба экспедиции во многом будет зависеть от вас.

БЫКОВ (по-прежнему серьезно). Нет, нет. Я взвесил все. Я не раздумывал. И если вы не изменили вашего решения, я готов!

Краюхин переглядывается с членами комитета.

КРАЮХИН. Ваше мнение, товарищи?

ГОЛОВИН (ворчливо). Утвердить. Посмотрим.

ГРОМОВ и ЛЯХОВ (в один голос). Согласны.

КРАЮХИН (официально). Государственный Комитет утверждает товарища Быкова Алексея Петровича инженер-водителем и химиком комплексной экспедиции к Плутону.

Все поднимаются. Члены Комитета молча пожимают руку Быкову.

ГОЛОВИН (со вздохом, вполголоса). Ох, счастливец!

ГРОМОВ (хлопает его по плечу и смеется). Нечего завидовать, старый ворчун! Мы с тобой свое отлетали. Эстафета у молодежи.

КРАЮХИН (кладет руку на плечо Быкова). Они правы, Алексей Петрович. И когда завидуют, и когда говорят, что эстафета у молодежи. Пожалуй, никогда еще перед космонавтами не стояла такая ответственная и тяжелая задача. В дни нашей молодости мы и мечтать не смели о таком рывке к границам Солнечной системы...

ГОЛОВИН (мрачно). Еще бы... Шесть миллиардов километров за сто суток!..

В дверях появляется секретарь:

— Николай Захарович, ваш стратоплан на старте.

КРАЮХИН (весело и энергично). Полетели, Алексей Петрович!

Глаза Быкова округляются.

БЫКОВ. На Плутон?

Все смеются.

КРАЮХИН. Ну нет, не так скоро. Пока поработаем на Земле. Есть такой ракетодром, «СЕДЬМОЙ ПОЛИГОН». Слыхали?

***

Стратоплан вертикального взлета уносится в синее безоблачное небо. В кабине, полулежа в креслах, беседуют Краюхин и Быков.

КРАЮХИН. Полстолетия космонавты всего мира смотрели на Плутон, как лиса на виноград.

БЫКОВ (улыбаясь). Видит око, да зуб неймет.

КРАЮХИН. Вот именно. Каждому мечталось преодолеть чудовищную пропасть пространства, первому водрузить знамя своей родины на этой последней, крайней планете Солнечной системы.

БЫКОВ. Я недавно подсчитал, что на нынешних ракетах при инерционном полете такое путешествие заняло бы больше столетия...

КРАЮХИН. Значительно больше. Нет, нынешние ракеты для этого не годятся. Проблема была решена только тогда, когда советские космонавты получили в свои руки новое, небывалое орудие исследования Космоса — фотонный планетолет.

БЫКОВ. «СКИФ»?

КРАЮХИН. Да, «СКИФ». В нем сконцентрировалась вся мощь советской науки и техники. Мы строили его более двадцати лет. И вот два года назад он покинул лунные доки и отправился в пробный рейс к Плутону.

БЫКОВ (усмехаясь). Пробный рейс в шесть миллиардов километров!

КРАЮХИН. А как вы думаете? Такую фантастическую машину можно испытывать только на фантастических дистанциях. На девяносто третьи сутки «СКИФ» вышел на орбиту вокруг Плутона.

БЫКОВ. Я представляю себе, как ликовал экипаж!

КРАЮХИН. Да нет, они даже обрадоваться не успели...

БЫКОВ. Почему?

КРАЮХИН. То, что они увидели на Плутоне, просто ошеломило их. Плутон оказался необычайной планетой. Вместо сугробов замерзшего газа — бешеная раскаленная атмосфера. Вместо вечного мрака и неподвижности — электрические бури, грандиозные выбросы ионизированных паров. И не удивитель-

но, что неистовый азербайджанец Мехти потребовал немедленной разведки на десантной ракете.

БЫКОВ. Что же там оказалось, Николай Захарович?

КРАЮХИН (помолчав). Этого мы до сих пор не знаем. Мехти погиб и успел перед смертью сказать всего несколько слов. Он говорил о каких-то несметных сокровищах.

БЫКОВ. Но хоть какие-то предположения существуют?

КРАЮХИН. У нас есть результаты наблюдений с борта «СКИФА», и у нас есть слова Мехти. Мощная ионизация, бурное истечение раскаленных газов, сокровища... Предположения возникают самые фантастические...

БЫКОВ. Какие же?

КРАЮХИН. Например, возможно, что процессы, происходящие обыкновенно в глубоких недрах планет, на Плутоне происходят почему-то на поверхности...

БЫКОВ. При чем же здесь сокровища?

КРАЮХИН. Имеются в виду процессы непрерывного образования и распада трансурановых элементов...

БЫКОВ (напряженно хмурится). Невероятно. Природные трансураниды, да еще на поверхности планеты! Тогда это должны быть действительно сказочные богатства! Мы-то знаем, чего стоит изготовить на Земле хотя бы миллиграмм менделевия![1]

КРАЮХИН. Вот проверить это, создать плацдарм для широких исследовательских работ в этом направлении, и есть цель вашей экспедиции.

ГОЛОС ШТУРМАНА (в микрофон). Через три минуты «СЕДЬМОЙ ПОЛИГОН».

КРАЮХИН. Узнайте, чем занят экипаж.

ГОЛОС ШТУРМАНА (после паузы). Экипаж обедает.

***

Ресторан гостиницы «СЕДЬМОГО ПОЛИГОНА». Экипаж «СКИФА» за столом. Едят второе. Геолог Юрковский, краси-

[1] Менделевий? Это да, это вещь. Малопонятно, как это он образуется там, на Плутоне, ну да ладно. Но ведь период полураспада самого устойчивого изотопа менделевия — 56 суток. Как же они собираются доставлять его на Землю (даже с использованием своего супер-пупер планетолета)? — *В. Д.*

вый, немного стильный[1] молодой человек, лениво ковыряет вилкой в куске телятины. Штурман-инженер Богдан Спицын, невысокий, полный, аккуратно подчищает корочкой подливку с уже пустой тарелки. Командир корабля Ермаков, сухощавый, совсем седой, аккуратный, ест неторопливо и методично. Спицын вздыхает и рассматривает свою пустую тарелку. Юрковский, украдкой поглядывая на Ермакова, отрезает половину своего куска телятины и медленно двигает свою тарелку к тарелке штурмана. Тот делает то же. Тарелки сближаются. Вилка Юрковского двигает телятину к штурману. Штурман тянется к телятине своей вилкой.

ЕРМАКОВ (не поднимая глаз). Владимир Сергеевич.

Юрковский замирает. Спицын торопливо придвигает к себе тарелку.

ЮРКОВСКИЙ. Э-э... Что вы сказали, командир?

ЕРМАКОВ. Доедайте второе.

ЮРКОВСКИЙ (кладет вилку). Мне не хочется что-то, Анатолий Борисович.

ЕРМАКОВ (поднимает на него глаза, говорит тихо и спокойно). Владимир Сергеевич, я прошу вас доесть второе.

ЮРКОВСКИЙ. Неужели это так важно?

ЕРМАКОВ (спокойно). Мы не можем позволить себе дать Плутону хотя бы один шанс против нас.

ЮРКОВСКИЙ. Даже в виде этого несчастного кусочка телятины?

ЕРМАКОВ. Нарушение режима начинается с малого. У одних с кусочка телятины, у других с контрабандных пирожных!

СПИЦЫН (бормочет растерянно). Какое пирожное? Я понятия не имею о пирожных, Анатолий Борисович. Ах, пирожное...

Спицын вытаскивает из-за графина тарелку, полную пирожных, и разглядывает ее, словно видит впервые. Затем радостно восклицает:

— Ах, это? Впервые вижу... Я пирожные терпеть не могу...

Стараясь не глядеть ни на кого, штурман относит пирожные на буфет, затем вздыхает и вытирает корочкой уже и без того чистую тарелку.

---

[1] Ах, это доброе старое время! «Стильный» — сказано с явным неодобрением. Хорошо хоть, что не «стиляга»... Папина «Победа»! — *В. Д.*

Ермаков прикладывает к губам салфетку, следит, как Юрковский неохотно доедает, и говорит холодно:

— Как дети, черт бы вас побрал!

ГОЛОС ДЕЖУРНОГО (в репродукторе). Председатель Государственного Комитета прибыл и приглашает экипаж «СКИФА» в кабинет начальника космодрома.

Юрковский вскакивает и сейчас же садится под тяжелым взглядом Ермакова. Торопливо запихивает в рот остаток телятины.

ЕРМАКОВ. Обед закончен. Прошу в кабинет начальника.

***

Кабинет начальника космодрома инженера Смирнова. Светлое помещение с окном во всю стену. На столе несколько видеофонов, прибор селектора. За окном сад. Краюхин отчитывает Смирнова. Быков смирно сидит в стороне, положив руки на колени.

КРАЮХИН. Сколько раз нужно повторять вам, Федор Григорьевич? Я категорически запрещаю посылать стажеров в трансмарсианские рейсы! А вы опять отпустили двух стажеров с Федотовым!

СМИРНОВ (оправдываясь). М-19-ый очень надежный корабль, и сам Федотов...

КРАЮХИН. Он лентяй, ваш Федотов! И я отлично знаю, зачем он берет стажеров! И вы это отлично знаете...

ГОЛОС СЕКРЕТАРЯ (в микрофон). Экипаж «СКИФА» явился по вашему приказанию, товарищ Председатель Комитета!

КРАЮХИН. Проси...

Входят Ермаков, Юрковский и Спицын. Краюхин и Смирнов выходят из-за стола им навстречу. Молча, но сердечно здороваются.

КРАЮХИН. Рад сообщить вам, товарищи, что приказ о старте подписан. Личный состав утвержден безоговорочно. Поздравляю!

Ермаков спокойно кивает головой. Богдан Спицын радостно потирает руки. Юрковский самодовольно оглядывается.

КРАЮХИН (продолжает). Представляю вам четвертого члена экипажа — инженера Алексея Петровича Быкова.

Все смотрят на Быкова. Быков торопливо вскакивает и застенчиво кланяется. Краюхин подводит Быкова к Ермакову.

КРАЮХИН. Командир корабля и начальник экспедиции Анатолий Борисович Ермаков. С этой минуты поступаете в его распоряжение.

Ермаков пожимает руку Быкова, пристально глядя ему в глаза.

ЕРМАКОВ. Рад, товарищ Быков.

КРАЮХИН (поворачивается к Юрковскому). Геолог... точнее, планетолог и опытный межпланетник Владимир Сергеевич Юрковский. Между прочим, большой романтик.

ЮРКОВСКИЙ (с полупоклоном). Это мой порок, Николай Захарович?

КРАЮХИН. Напротив. Это ваше достоинство.

ЮРКОВСКИЙ. Тогда я спокоен! (Поворачивается к Быкову.) Очень рад. (Пожимает ему руку.) У вас большой опыт межпланетной деятельности?

БЫКОВ (скромно). Я лечу в первый раз.

Юрковский хочет что-то еще сказать, но Краюхин уже отводит Быкова к Спицыну.

КРАЮХИН. Богдан Богданович Спицын. Штурман-инженер и гордость советской космогации.

СПИЦЫН (в крайнем смущении). Ну что вы, Николай Захарович, право... Товарищ Быков может подумать... Очень рад, Алексей Петрович... (Обмениваются рукопожатиями.)

КРАЮХИН (возвращается к столу). Садитесь, товарищи. Несколько слов о порядке работы.

Все садятся.

КРАЮХИН. Старт через месяц. Штурман-инженеру ориентироваться на двенадцатое июля.

СПИЦЫН. Есть, Николай Захарович.

КРАЮХИН. Приказ вам известен. Комплексная задача — всестороннее испытание эксплуатационно-технических качеств фотонной ракеты «СКИФ», высадка на Плутоне в районе «Страны Мехти», оборудование в «Стране Мехти» базы-ракетодрома, первичная оценка предполагаемых геологических богатств...

ЮРКОВСКИЙ (перебивает). Почему — предполагаемых?

КРАЮХИН (терпеливо). В том, что эти богатства существуют, Владимир Сергеевич, уверены пока только вы... Все остальное человечество пока только предполагает.

ЮРКОВСКИЙ (картинно вздыхает). Ну, раз все человечество — уступаю.

КРАЮХИН (продолжает). Итак, первичная оценка предполагаемых геологических богатств и сбор геологических образцов, приближенный расчет экономической эффективности предполагаемого месторождения и при всех условиях благополучное возвращение на Землю!

ЕРМАКОВ (спокойно). Приказ ясен.

КРАЮХИН. Детальный план работы уточните на месте, мы не можем в этом кабинете предвидеть обстоятельства, с которыми вам придется столкнуться. Но помните одно — смерть Мехти должна быть последней жертвой на Плутоне! Это прямое указание Центрального Комитета, а мы с вами все коммунисты!

СПИЦЫН (убежденно). Ну разумеется, Николай Захарович.

КРАЮХИН. Тогда у меня все. Есть вопросы?

ЮРКОВСКИЙ (вкрадчиво). У меня есть один вопрос... Если можно, конечно...

КРАЮХИН. Слушаю вас, Владимир Сергеевич.

ЮРКОВСКИЙ. Вот Комитет исключил из состава экспедиции второго геолога, моего помощника, видимо, его заменили товарищем Быковым, а что будет делать товарищ Быков в нашей экспедиции — лично мне не понятно. Новичок... Такой рейс все-таки...

КРАЮХИН. Товарищ Быков утвержден командиром вашего атомного вездехода.

ЮРКОВСКИЙ. Ах, он водитель?

КРАЮХИН (терпеливо). Инженер-водитель и химик-радиолог.

ЮРКОВСКИЙ (Ермакову). Это забавно...

КРАЮХИН. Больше вопросов нет?.. (Молчание.) Завтра начинаем проверку оборудования. Товарищ Ермаков, экипаж ваш.

ЕРМАКОВ (повернувшись к экипажу). Экипажу отдыхать!

Все уходят. Быкова уводит под руку Спицын.

КРАЮХИН (Смирнову). Дайте сводку загрузки «СКИФА» горючим.

***

«СКИФ» грузится. Он почти не виден за решетчатыми конструкциями кранов, он опутан покрытыми инеем трубопроводами. Броня на колпаке поднята. Многочисленные причудливые машины — грузовики, цистерны, контейнеры — стоят вблизи и вдали, подъезжают и уходят. Снуют люди. Внизу, у похожего на башню реакторного кольца, окруженный инженерами Краюхин.

Сверху голос Ермакова:

— Товарищ Председатель Комитета!

Краюхин поднимает голову. Ермаков стоит, высунувшись из люка.

ЕРМАКОВ. Шестой отсек заполнен.

КРАЮХИН. Вызывайте «Черепаху»!

***

У распахнутых настежь ворот длинного низкого ангара стоит «Черепаха» — атомный вездеход последнего выпуска, огромный обтекаемый танк с прозрачной лобовой броней. Возле «Черепахи» — Быков, вытирающий паклей руки, и представители завода, построившего танк,— пожилой инженер и молодая девушка.

ИНЖЕНЕР. Вы не волнуйтесь, Алексей Петрович. «Черепаха» — отличная машина. Она гораздо лучше горьковской модели, а ведь та как отлично себя в Антарктике показала!

БЫКОВ. То Антарктика, а то Плутон...

ИНЖЕНЕР (категорически). Никакой разницы.

БЫКОВ. То есть как это никакой разницы? Одна полуторакратная тяжесть что значит!

ИНЖЕНЕР (пренебрежительно). Так здесь же на рессорах тройной запас прочности... А броня! А ширина гусениц! Да нет, можете ехать совершенно спокойно.

В кармане у Быкова гудит зуммер. Быков достает из кармана радиофон, нажимает кнопку.

БЫКОВ. Слушаю.

ГОЛОС ЕРМАКОВА. Алексей Петрович, на погрузку!

БЫКОВ. Есть на погрузку! (Прячет радиофон.) Ну вот и все. Прощайтесь со своим дитятей.

ИНЖЕНЕР. Ну, «Черепашка», счастливого пути. (Хлопает танк по броне.)

ДЕВУШКА (торопливо). Не забывайте, Алексей Петрович... Все замечания по машине... Аккуратненько записывайте... По возвращении, знаете... У вас всегда такие толковые замечания. Помните, по «Пионеру»?

БЫКОВ (забирается в люк). Не забуду, Танечка. Если только...

ДЕВУШКА. Понимаю, понимаю... Плутон! Ой, и зачем вы согласились!

«Черепаха» срывается с места и мчится по дороге... Останавливается... Встает на четыре ноги... Делает несколько неуклюжих шагов... Снова опускается на гусеницы. Неожиданно, вытянув железную лапу манипулятора, срывает цветок у обочины и... подает его девушке... «Черепаха» мчится по полю... Перескакивает через холм...

«Черепаха» приближается к «СКИФУ». Она минует решетчатые постройки, несколько громоздких машин. Регулировщик с флажком показывает Быкову, где остановиться. Быков вылезает из люка, неотрывно глядя вверх. Он подавлен и даже не замечает, как за его спиной металлические щупальца кранов подхватывают и уносят его танк.

Быков делает несколько шагов и останавливается. Над его головой — блестящий свод отражателя фотонной ракеты — пятидесятиметровое вогнутое зеркало с круглой дырой в центре.

Чья-то рука опускается на плечо Быкова. Он вздрагивает и оборачивается. Перед ним улыбающийся Краюхин.

КРАЮХИН. Любуетесь, Алексей Петрович?

БЫКОВ. Да, я ведь впервые такое чудо вижу...

КРАЮХИН. Пойдемте, я вам покажу. (Выводит Быкова в центр, под черное сопло фотореактора.) Вот здесь, где мы с вами стоим,— фокус отражателя. Здесь протекает сумасшедшая реакция синтеза легких ядер. Полмиллиона водородных взрывов в секунду.

БЫКОВ. А как же земля, Николай Захарович? Ведь здесь все сгорит на тысячу километров вокруг...

КРАЮХИН (посмеиваясь). Для старта с Земли фотореактор, конечно, не годится. Он включается только в пространстве. А с Земли мы уходим вот на этих пяти обычных ракетах. (Показывает на реакторные кольца.)

БЫКОВ. Грандиозная махина...

КРАЮХИН. Эта махина — ключ ко Вселенной. Пойдемте, я познакомлю вас с нею поближе.

Они входят в кабину лифта... Поднимаются к куполу... Входят в кубическое помещение кессона...

КРАЮХИН. Тамбур-кессон.

Они поднимаются по трапу, оказываются в коридоре. Краюхин толкает двери с высокими комингсами и объясняет на ходу.

— Каюта...

— Каюта...

— Душевая...

— Радиообсерватория...

— Резервная штурманская...

Быков с любопытством заглядывает в каждую дверь. Он видит небольшие, прекрасно оборудованные помещения, обшитые блестящим и матовым пластиком, откидные койки, откидные столики, сверкающие стеклом и металлом сложные приборы, низкие мягкие кресла особого устройства, с широкими ремнями.

КРАЮХИН. Кают-компания...

Они входят в круглое помещение. Стол, мягкие кресла, экраны магнитовидеофонов[1], дверцы шкафов, вделанных в стены.

КРАЮХИН. Здесь будете отдыхать, развлекаться, а самое главное — переживать старты и финиши. А теперь поднимемся в мозговой центр корабля, в рубку. Поглядите, во время рейса вход туда воспрещен.

---

[1] «Магнитовидеофон» — это, пожалуй, некоторый сбой чувства языка. Во время написания сценария видеомагнитофоны уже существовали, правда — в США, но дело в другом. «Магнитовидеофон» редуцируется в «видеофон», а это слово в этом же сценарии использовано в естественном значении «видеотелефон». Впрочем, развитие языка не предскажешь. Кто бы мог подумать, что «радиофон» будут называть мобильником? — *В. Д.*

Они поднимаются в рубку. Вдоль изогнутой стены — высокие, до сферического потолка, светло-серые шкафы — это кибернетический штурман, мозг корабля. На шкафах перемигиваются крошечные светлые глазки. Корабль еще на Земле, но он уже живет своей огромной и сложной, скрытой от глаз жизнью. Посредине рубки на возвышении — штурманский стол, рядом впритык — электронно-счетная машина. Между штурманским столом и стеной — кресло командира, перед креслом сравнительно небольшой пульт. По сторонам пульта, закрытые пластмассовыми чехлами, коробки ручного биоточного управления.

Ермаков и Спицын вводят программы в киберштурман. Краюхин ведет Быкова по рубке.

КРАЮХИН (бегло показывая). Киберштурман... Электронно-счетная машина... Комбайн контроля отражателя... Комбайн контроля реакторов... Пульт контроля фотореактора... Ручное биоточное управление... Пульт управления электронным проектором... Контроль противометеоритного устройства... Что еще? (Останавливается возле Ермакова и Спицына.) О, самое главное, чуть не забыл... Два пилота, которые искусно управляют этим хозяйством... В настоящий момент они... (Нагибается и заглядывает через плечо Ермакова.) ...вводят стартовую программу в киберштурман.

СПИЦЫН (поднимается). Уже ввели, Николай Захарович... (Быкову.) Тут посложнее, чем атомный вездеход, правда, Александр Петрович?

БЫКОВ (неуверенно). Так мне кажется, во всяком случае.

КРАЮХИН. Ничего, ничего, вот вернется с Плутона, пошлем в Школу Высшей Космогации. Пойдете, Алексей Петрович?

БЫКОВ (подумав). Надо сначала подумать... (Кашлянул.) Вернуться.

Все смеются. Краюхин грозит Быкову пальцем.

КРАЮХИН. Но-но, смотрите у меня! Задание не помните?

В дверь просовывается голова Юрковского.

ЮРКОВСКИЙ (сухо). Командир, отметьте. Маяки погружены.

ЕРМАКОВ. Отлично.

КРАЮХИН. А теперь, Алексей Петрович, поднимемся для полноты впечатления на купол.

Все пятеро выходят на купол «СКИФА» и молча смотрят на землю. Под ними бескрайние степи, голубая дымка на горизонте, белые домики городка, зелень садов, блестящие нитки дорог. Гигантские эстакады рейсовых планетолетов.

За горизонтом поднимается пыль, гремит далекий гром, встает столб огня. В синюю высь, набирая скорость, уходит ракета.

ЮРКОВСКИЙ. Лунник стартовал.

СПИЦЫН (мечтательно). Скоро и мы вот так двинем...

КРАЮХИН. И через три месяца вы увидите отсюда совсем другие пейзажи.

Быков искоса глядит на межпланетников. Лица — спокойное Ермакова, гордое — Юрковского, довольное — Спицына, задумчивое — Краюхина.

КРАЮХИН. Завидую вам, мальчишки!

***

Утро старта. Автомобили движутся по улицам городка. Вдоль улиц сплошной стеной стоят люди — работники «Седьмого Полигона» и их семьи. Люди молчат и только смотрят. Дорога усыпана живыми цветами.

Быков сидит в машине между Спицыным и Юрковским.

БЫКОВ (едва слышно). Богдан Богданыч, почему так тихо?

СПИЦЫН (тоже шепотом). Такой закон в городке... Чтобы на нервы не действовать...

БЫКОВ. Ага...

СПИЦЫН. Это ведь работа — то, что мы делаем. Обычный рейс. Вот когда вернемся... (Улыбается.) Вот тогда тишины не будет.

Машины несутся по ракетодрому... Подкатывают к «СКИФУ»... Все выходят. Экипаж выстраивается в ряд. Ермаков, Юрковский, Спицын, Быков. За их спинами громоздится «СКИФ», уже свободный от лесов, озаренный розовым утренним солнцем.

КРАЮХИН (останавливается перед строем). Ну, что вам сказать на прощание... Вы молоды и органически лишены драгоценного дара осторожности. Говорить с вами о благоразу-

мии — это сотрясать атмосферу. Но я хочу еще раз напомнить вам об одном. И это не пустые слова. Ваш рейс — необычный рейс. От вас сейчас зависит — получит ли человечество сокровища девятой планеты для превращения нашей Земли в цветущий сад. Никому, кроме вас, советских космонавтов, коммунистов, не дано совершить это. Я кончил.

Краюхин неуклюже обнимает всех членов экипажа по очереди.

За ним с экипажем прощаются остальные провожающие.

КРАЮХИН (командует). К старту!

ЕРМАКОВ. По местам!

Экипаж направляется к подъемнику. Провожающие во главе с Краюхиным возвращаются к машинам. С поднимающейся площадки лифта видно, как машины с места трогаются на полный ход и стремительно удаляются в пустыню.

Кают-компания. Ермаков и Спицын быстро проходят по трапу в рубку. Юрковский и Быков садятся в кресла и пристегиваются ремнями.

ГОЛОС ЕРМАКОВА. Внимание!

Загорается зеленая лампа.

— Старт!

Лицо Краюхина в амбразуре наблюдательного пункта.

Несколько секунд «СКИФ» стоит неподвижно — один среди бескрайней равнины. Затем из-под реакторных колец вырываются клубы пламени. Туча пыли заволакивает ракету до самого колпака. Секунда, другая — и «СКИФ» сначала медленно, затем все быстрее и быстрее поднимается в синее небо. Вот он блеснул на мгновение в лучах солнца и исчез.

Кают-компания. Юрковский с усмешкой смотрит на Быкова, судорожно вцепившегося в подлокотники кресла.

Из рубки спускается веселый Спицын.

СПИЦЫН. Развязывайтесь, друзья! Мы в пространстве!

БЫКОВ (растерянно). Уже!

ЮРКОВСКИЙ. Ну, разумеется. А вы как думали? «Отважные межпланетники, героически сопротивляясь все возрастающей силе тяжести, мужественно глядели в глаза опасности...»

СПИЦЫН. А что? Так и было когда-то!

***

Космос... Через черное поле, усыпанное звездами, стремительно несется, вспыхивая фотонным реактором, «СКИФ». Земля и Луна — два огромных серпа перед пылающим Солнцем. «СКИФ» исчезает среди звезд...

Рубка планетолета. Ермаков у пульта. Нагибается над микрофоном бортового журнала.

ЕРМАКОВ. Абсолютное время — ноль суток, восемь часов, ноль-ноль минут... Скорость относительно Солнца шесть тысяч метров в секунду... Ускорение один запятая один «же»... Двигатель в норме... Экипаж работает по распорядку.

Кают-компания. Юрковский, расстелив на столе карту Плутона, прикидывает циркулем и курвиметром возможные маршруты передвижений в «Стране Мехти».

Радиообсерватория. Спицын производит измерения радиоизлучения Солнца. На круглом экране оптического преобразователя — мохнатый солнечный диск. Быков, затаив дыхание, наблюдает за работой Спицына.

Рубка планетолета. Ермаков над микрофоном бортового журнала.

ЕРМАКОВ. Абсолютное время одиннадцать суток, восемь часов, ноль-ноль минут... Скорость шестьдесят тысяч метров в секунду...

Кают-компания. Спицын и Быков сидят за столом. Спицын придирчиво проверяет столбцы вычислений, немилосердно чиркая красным карандашом.

СПИЦЫН (ворчливо). Забыли интегралы, Алексей Петрович, забыли! Как же мы с такими знаниями к тензорному исчислению перейдем?

БЫКОВ (крайне скромно). Может быть, постепенно?

СПИЦЫН. К завтрашнему дню восемь задач на дифференциальные уравнения. Любые, прямо по задачнику...

БЫКОВ. Есть восемь задач.

***

Рубка планетолета. Ермаков над микрофоном бортового журнала.

ЕРМАКОВ. Абсолютное время двадцать пять суток. Восемь часов ноль-ноль минут...

Грузовой отсек «СКИФА». Перед прозрачной лобовой броней «Черепахи», стиснутые в тесных стенах отсека, Быков, Спицын и Юрковский. Быков читает лекцию. Спицын слушает внимательно, держа наготове блокнот и карандаш. Юрковский томно зевает, облокотившись на гусеницу танка.

БЫКОВ (настороженно). Незнание особенностей транспортера, особенно в незнакомой местности, например, в Антарктиде, или, скажем, на Плутоне, может повлечь чрезвычайно тяжелые последствия. Вот почему каждый из вас обязан знать эксплуатационно-технические качества атомного вездехода «ЗИЛ-86Л»...

ЮРКОВСКИЙ (сквозь зевок). Именуемого в просторечье «Черепаха».

БЫКОВ. Вот товарищ Юрковский и расскажет нам сейчас...

Рубка планетолета. Ермаков над микрофоном.

ЕРМАКОВ. Абсолютное время тридцать двое суток, восемь часов ноль-ноль минут... Скорость относительно Солнца два запятая четыре мегаметра в секунду... Ускорение один «же»... Двигатель в норме...

Ермаков встает и подходит к одному из аппаратов у стены. Нажимает кнопку. Из щели в аппарате толчками выползает узкая голубая лента с волнистой чертой вдоль нее.

ЕРМАКОВ (не оборачиваясь). Богдан Богданыч.

Спицын сидит за штурманским столом. В руках у него тонкая брошюрка, глаза подняты к потолку, он шепчет что-то про себя...

Ермаков подходит к нему.

ЕРМАКОВ. Что это у вас, Богдан Богданович?

Спицын молча показывает ему обложку брошюрки.

Брошюрка озаглавлена: «Атомный вездеход ЗИЛ-86Л»...

СПИЦЫН (со вздохом). Загонял нас Быков! Юрковский — и тот учит!

ЕРМАКОВ. Быков мне нравится. Он с характером. А как у вас с программой выхода к Плутону?

СПИЦЫН. Мало данных. Придется уточнить на подходе.

ЕРМАКОВ. Хорошо. Вы знаете, что первый слой отражателя выгорел? (Протягивает Спицыну ленту записи.)

СПИЦЫН (просматривает ленту). А что вы хотите, Анатолий Борисович, второй миллиард километров пошел!

В репродукторе деловитый голос Быкова:

— Экипажу обедать!

Спицын вскакивает и торопливо собирает бумаги на столе.

***

Кают-компания. Все за столом. Быков подает последнее блюдо — виноградный сок в высоких бокалах.

СПИЦЫН (с наслаждением отхлебывая). Ну, накормил нас, Алексей Петрович!.. Придется тебе по математике пятерку поставить!

ЮРКОВСКИЙ. По кулинарии. Одни бифштексы можно оценить на пять с плюсом!

Неожиданно на стене тускло загорается экран электронного проектора. Появляется размытое изображение лица. Далекий, едва слышный голос произносит:

— «СКИФ»... «СКИФ»... Говорит база Бамберга... Говорит Костиков. Все работники базы Бамберга передают привет и наилучшие пожелания командиру Ермакову, штурман-инженеру Спицыну, планетологу Юрковскому, инженеру Быкову... Успеха, друзья...

Слышится сигнал, похожий на сигнал точного времени. Тот же голос говорит:

— Пятнадцатого августа девять ноль-ноль мирового времени.

Экран гаснет. Ермаков глядит на часы.

ЕРМАКОВ. Девять ноль-пять. Спасибо, Бамберга.

БЫКОВ (удивлен). У кого же часы правильнее?

ЕРМАКОВ. И у нас, и у них. От Бамберги радиоволны идут до нас пять минут.

БЫКОВ. А что это такое — Бамберга?

ЕРМАКОВ (рассеянно). Это наша планетологическая база на астероиде Бамберга. Последний пост человечества в Солнечной системе. Дальше только мертвая материя, пустота и мы.

ЮРКОВСКИЙ. Я знаю Костикова. Работал с ним на Луне когда-то. Дельный парень. Умница.

Быков собирает и уносит посуду.

В камбузе он некоторое время стоит неподвижно, затем гордо и торжественно говорит вслух:

— Дальше только мертвая материя, пустота... и мы!

***

Рубка планетолета. Ермаков над микрофоном.

ЕРМАКОВ. Абсолютное время тридцать восемь суток восемь часов ноль-ноль минут...

Каюта Спицына. Богдан Богданович сладко спит, причмокивая губами.

Кают-компания. Юрковский возлежит в кресле и читает «Овода».

Каюта Быкова. Здесь тесно. Между койкой и стеной едва можно повернуться. Быков лежит на узкой койке и пытается уснуть. Вертится с бока на бок. Сначала он не замечает тонкого свиста, проникшего в каюту. Свист усиливается. На лицо Быкова падают розовые отблески. Быков открывает глаза. Лицо его искажается ужасом, когда он видит, как крошечная лампочка в обшивке стены над дверью наливается кровавым светом. Свист сменяется пронзительными трелями звонка.

Быков срывается с койки и в халате на голом теле выскакивает в коридор. В коридоре тоже красные лампочки и звон. Быков бежит по коридору и скатывается по трапу в кают-компанию...

БЫКОВ (кричит). Излучение!

В кают-компании уже все остальные. Ермаков, Спицын и Юрковский неподвижно замерли, каждый на том месте, где его застал тревожный сигнал. Все смотрят на лампочку и слушают звон.

БЫКОВ (значительно тише). Излучение!

ЮРКОВСКИЙ (не поворачивая головы). Видим и слышим.

БЫКОВ. Почему? Откуда?

ЮРКОВСКИЙ. Праздный вопрос.

БЫКОВ (подходит к Спицыну). Может быть, можно закрыться?

СПИЦЫН. Спецкостюмы?

БЫКОВ. Ну да!

ЮРКОВСКИЙ. Ерунда! Спецкостюмы! Пробило оболочку и защитный слой...

Тревожный сигнал усиливается... Еще ярче вспыхивают красные сигналы тревоги.

ЕРМАКОВ (задумчиво). Да... От этого не закроешься.

СПИЦЫН. Будем ждать и считать секунды...

Быков видит, как все наблюдают за секундной стрелкой электрических часов на стене.

ЮРКОВСКИЙ. Рентген сто, не меньше.

СПИЦЫН. Больше.

ЕРМАКОВ. Сто пятьдесят.

Юрковский берет со стола циркуль Спицына и принимается сгибать его трясущимися пальцами.

ЮРКОВСКИЙ. Сто пятьдесят — раз, сто пятьдесят — два... Честное слово, я прямо чувствую, как в меня врезаются протоны... Интересно, долго это будет продолжаться?

СПИЦЫН. Если больше пяти минут — нам труба!

БЫКОВ. А сколько же прошло?

ЕРМАКОВ (после паузы). Прошло три минуты пятнадцать секунд.

Все смотрят на лампочки... Звенит сигнал... Отсчитывая секунды, неумолимо движется стрелка часов...

Юрковский не выдерживает. Он срывается с места и стремительно идет по кают-компании...

ЮРКОВСКИЙ. Слушайте, командир, нельзя ли выключить этот проклятый перезвон? Я не привык умирать в таких условиях!

Юрковский, как в подтверждение своих слов, сжимает циркуль в кулаке, и тот ломается. Юрковский бросает обломки на стол. Спицын невозмутимо смотрит на обломки, на Юрковского...

СПИЦЫН (спокойно). Первая жертва лучевой атаки... Владимир Сергеевич, будь другом, засунь руки в карманы.

Юрковский, намеревавшийся взять в руки счетную линейку, невольно отдергивает руку и снова устремляется в свой поход по кают-компании.

ЕРМАКОВ. Четыре минуты...

Внезапно все стихает. Сигнальные лампы гаснут. Некоторое время все молчат.

ЕРМАКОВ. Четыре минуты двенадцать секунд... Отбой!

СПИЦЫН (облегченно). Ф-фу... Пронесло... (Поворачивается к Юрковскому.) А ты все-таки фат, Володенька Сергеевич, да еще и психопат притом...

ЮРКОВСКИЙ. Ну-ну...

СПИЦЫН. Ты не нукай, а достань-ка лучше новый циркуль... И в следующий раз ломай свои циркули...

ЮРКОВСКИЙ. Тебе хорошо... а у меня и без того на счету целая куча этих рентгенов!

ЕРМАКОВ (задумчиво). Удивительное невезение. Такие вещи раз в сто лет бывают.

БЫКОВ. А что это было?

ЮРКОВСКИЙ. Ясно даже и ежу — космическое излучение. Впрочем, в Антарктике вы этого не проходили.

Быков так рад, что не реагирует на выпад.

БЫКОВ. А я, признаться, думал, что у нас кожух фотореактора пробило...

СПИЦЫН. Если бы лопнул кожух, мы с тобой, Алексей Петрович, путешествовали бы дальше в виде космической пыли.

ЕРМАКОВ. Нет. Это был, конечно, блуждающий пакет.

БЫКОВ (удивленно). Блуждающий кто?

ЮРКОВСКИЙ (авторитетно). Блуждающий пакет, товарищ химик-водитель, есть не что иное, как туча протонов сверхвысоких энергий. Какая-нибудь звезда в оное время выплюнула протуберанец, и потащился он между звездами, подгоняемый магнитными полями, а мы в него и врезались...

ЕРМАКОВ. А он таскался, может быть, миллионы лет...

СПИЦЫН. Редчайший случай.

ЕРМАКОВ (с обычной сухостью). Экипажу немедленно в медотсек, на прививку арадиотина.

СПИЦЫН (жалобно кряхтя). А может, обойдемся, Анатолий Борисович?

ЕРМАКОВ. Нет, не обойдемся. Вы, Спицын, первый. Жду вас в медотсеке через две минуты. (Уходит.)

СПИЦЫН (снимая куртку). Терпеть не могу уколов, братцы...

ЮРКОВСКИЙ. А я терпеть не могу лучевой болезни. Иди, а то я пойду вне очереди.

СПИЦЫН. Вне очереди командир все равно не пустит... Пойду, ладно уж... (Уходит.)

БЫКОВ (с иронией). Все-таки, Владимир Сергеевич, «отважным межпланетникам» приходится иногда «мужественно смотреть в глаза опасности»?

ЮРКОВСКИЙ (усмехается). Это, дорогой товарищ, еще не опасность... Это элементарный первобытный страх, всего-навсего!.. А вот...

ГОЛОС ЕРМАКОВА (по радио). Юрковский, в медотсек!

***

Рубка. Ермаков, нагнувшись над микрофоном бортового журнала, говорит:

— Абсолютное время сорок шесть суток, восемь часов, семь минут. Скорость девять миллионов восемьсот тридцать три тысячи метров в секунду. Ускорение один запятая один «же». Готовимся к повороту для торможения.

Кают-компания. Юрковский с презрительным видом выносит посуду на камбуз. Быков, развалившись в кресле, делает вид, что читает книгу.

ГОЛОС ЕРМАКОВА (в микрофон). Подготовиться к повороту — Юрковскому и Быкову закрепиться в креслах.

Юрковский выскакивает из камбуза и с радостным видом бросается в кресло. Быков в недоумении.

ЮРКОВСКИЙ. Пристегивайтесь, юноша. Будем переворачиваться.

БЫКОВ (медленно начинает пристегиваться). Как переворачиваться?

ЮРКОВСКИЙ. А так, вверх ногами. Пристегнулись?

БЫКОВ. Пристегнулся. А что все-таки будет?

ЮРКОВСКИЙ. Я же говорю, пойдем к Плутону кверху ногами.

Руки Быкова судорожно вцепляются в подлокотники.

ГОЛОС ЕРМАКОВА. Готовы?

ЮРКОВСКИЙ (небрежно). Вполне.

БЫКОВ (неуверенно). Кажется, да...

Рубка. Ермаков и Спицын, пристегнутые к креслам, глядят на приборы.

СПИЦЫН (тихо). Пять... четыре... три... два... один... Ноль!

Палец Ермакова нажимает клавишу.

В космосе. «СКИФ» плавно, но быстро переворачивается на сто восемьдесят градусов. Вспышки плазмы направлены теперь вправо от зрителя.

В кают-компании. Заканчивается момент поворота, словно взмах гигантских качелей. Напряженное лицо Быкова. Дверь на камбуз распахивается, выкатываются грязные тарелки.

Из рубки спускается Спицын.

СПИЦЫН. Вот и все. Расстегивайтесь.

Быков расстегивается, робко поднимается.

БЫКОВ. Богдан Богданыч, правда, что мы сейчас вверх ногами?

Спицын удивлен, затем, поняв, в чем дело, поворачивается к Юрковскому.

СПИЦЫН. Мы? Нет, мы с тобой нормально. Это Юрковский вверх ногами.

Юрковский молча ползает по полу и собирает посуду.

СПИЦЫН (говорит, показывая руками). Мы просто начинаем торможение, Алеша. Прошли половину пути реактором к Солнцу, набрали скорость в десять тысяч километров в секунду, а теперь перевернулись реактором к Плутону, чтобы прийти к цели с нулевой скоростью.

БЫКОВ. Только и всего?

ЮРКОВСКИЙ (из-под стола). Только и всего! Святая простота!

***

Рубка планетолета. Ермаков у микрофона бортового журнала.

ЕРМАКОВ. Абсолютное время пятьдесят шесть суток... Скорость девять мегаметров в секунду... Экипаж занимается по распорядку...

Наплывом: Спицын работает у счетной машины... Юрковский спит, вытянувшись на своей узкой койке, положив книгу на грудь... Быков в камбузе готовит какое-то оригинальное блюдо...

ЕРМАКОВ (у микрофона). Абсолютное время шестьдесят пять суток... Скорость семь мегаметров в секунду...

Наплывом: Спицын дремлет в кресле у включенного магнитовидеофона... На экране кадры веселой музыкальной комедии... Быков принимает экзамены у Юрковского в тесном грузовом отсеке, где закреплена «Черепаха»...

ЕРМАКОВ (у микрофона). Абсолютное время восемьдесят семь суток... шестнадцать часов десять минут... Скорость относительно Солнца двадцать три тысячи метров в секунду... Ускорение один запятая два «же»... Двигатель в норме... Выгорел третий слой отражателя... Готовимся к выходу на орбиту возле Плутона... (Поворачивается к Спицыну, напряженно работающему за штурманским столом.) Богдан Богданович, пора?

СПИЦЫН (заметно волнуясь). Можно начинать.

ЕРМАКОВ. Оповестите экипаж!

Камбуз. Юрковский с недовольным видом готовит незамысловатое блюдо... На пороге появляется Спицын.

СПИЦЫН. Володя! Выходим к Плутону!

Юрковский, не говоря ни слова, бросает все и выскакивает в кают-компанию.

Каюта. Быков спит, свернувшись калачиком под простыней. Распахивается дверь, и входит Спицын.

СПИЦЫН (громко). Алеша! Плутон! (Быков не реагирует.) Вставай же, тебе говорят! (Трясет за плечо.)

Быков недовольно мычит и переворачивается на другой бок. Тогда Спицын встряхивает его и с трудом переводит в сидячее положение. Быков открывает глаза.

БЫКОВ (недовольно). В чем дело?

СПИЦЫН. Подходим к Плутону!

БЫКОВ (все еще не проснувшись). К какому Плутону?.. (Вдруг сообразив.) Ах, к Плутону!.. (Вскакивает.)

***

Космос. «СКИФ» с погашенным реактором медленно ползет среди звезд. На экран выползает гигантский тускло-зеленый диск Плутона...

***

Кают-компания. Юрковский и Быков сидят, пристегнувшись, в креслах. Помещение слабо освещено. Одна стена кают-

компании служит экраном электронного проектора. На фоне черного неба медленно поворачивается тусклый зеленоватый диск Плутона... Тяжести на «СКИФЕ» нет, поэтому Быков и Юрковский придерживаются за подлокотники кресел. Через помещение протянуты несколько тонких шнурков. В воздухе медленно плавают забытые предметы — записная книжка, авторучка, листки бумаги... Юрковский и Быков молчат, пристально разглядывая страшную планету... Атмосферный панцирь Плутона кипит, это заметно по движениям теней на его поверхности.

ЮРКОВСКИЙ (вдруг вскидывается). Страна Мехти!..

БЫКОВ. Где? (Резко наклоняется вперед и чуть не вылетает из кресла.)

ЮРКОВСКИЙ. Тише, расшибете голову... Вон, видите?

Плутон на экране поворачивается теневой стороной... На терминаторе (границе света и тени) видно нечто вроде огромного завихрения. На теневой стороне оно слабо отсвечивает розовым.

БЫКОВ. Таинственная «Страна Мехти»... Что же это такое?

ЮРКОВСКИЙ. Скоро мы это узнаем... Мы пройдем ее из конца в конец... Перевернем там каждый камешек... (Нетерпеливо и с досадой оглядывается на люк в рубку.) Ну чего они тянут там?

«СКИФ» выходит на теневую сторону Плутона. Диск планеты почти не виден, только красноватые искры там и сям обозначают его.

ЮРКОВСКИЙ (словно в бреду). Вулканы... Кипящая атмосфера... Какая планета!

БЫКОВ (очень искренне). Владимир Сергеевич...

ЮРКОВСКИЙ. Вы хоть чувствуете, какой это рай для геологов?

БЫКОВ. Владимир Сергеевич, вот об этом я и хочу сказать... У вас нет второго геолога...

ЮРКОВСКИЙ (резко). Не напоминайте мне об этом!

БЫКОВ. Может быть, я могу в какой-то степени заменить вам его?

ЮРКОВСКИЙ (поворачивается к Быкову, несколько секунд с недоумением глядит на него, затем качает головой). Геологом нужно родиться.

В рубке. Мир без тяжести. Ермаков и Спицын, переползая от машины к машине, делают последнюю проверку готовности аппаратуры. Здесь экраном служит сферический потолок, рассеченный координатной сеткой. На экране плывет толстеющий на глазах серп Плутона.

СПИЦЫН. Кажется, все в порядке, Анатолий Борисович.

ЕРМАКОВ. Да, можно начинать посадку.

СПИЦЫН (с сомнением). Не слишком ли к северу мы взяли? Ведь уходим от «Страны Мехти»...

ЕРМАКОВ (сухо). Нет. Лишние сто километров ничего не значат. А точно будем садиться — когда построим ракетодром.

Ермаков, цепляясь за тросик, пробирается к своему креслу у пульта и пристегивается ремнями.

ЕРМАКОВ. Богдан Богданович, ступайте в каюту.

СПИЦЫН. Почему?

ЕРМАКОВ. Так мне будет спокойнее. Идите, идите. Я... Один.

Кают-компания. Спицын быстро и ловко спускается в свое кресло.

ЮРКОВСКИЙ. Почему ты не в рубке?

СПИЦЫН (пристегиваясь). Сейчас командир начинает свой второй поединок с Плутоном.

Рубка. Ермаков наклоняется над микрофоном бортжурнала.

ЕРМАКОВ. Абсолютное время восемьдесят восемь суток, один час тринадцать минут. Начинаю посадку на Плутон. (Поворачивается к микрофону интеркома — внутреннего телефона.) Старт через пять минут. Даю Солнце.

Кают-компания. Экран гаснет и загорается снова. На этот раз он полон звезд и между ними — одна, ослепительно яркая...

БЫКОВ. Что это?

СПИЦЫН. Солнце, Алеша. Перед спуском на планету есть обычай последний раз посмотреть на Солнышко.

ЮРКОВСКИЙ (задумчиво). Сколько раз спускался на другие планеты, но никогда еще не видел его таким крошечным.

ГОЛОС ЕРМАКОВА. Три минуты до старта.

СПИЦЫН (отвечая Юрковскому). Шесть с половиной миллиардов километров за спиной.

Экран гаснет, вспыхивает свет.

ГОЛОС ЕРМАКОВА. Старт!

Все обретает вес. Оседают в креслах люди. Падает книжка, катится по полу авторучка.

БЫКОВ. А почему Анатолий Борисович в рубке? Разве спуск не автоматический?

ЮРКОВСКИЙ (с досадой). Кто же спускается на автоматах в кипящей атмосфере?

СПИЦЫН. Нас же раздавило бы, как улиток под каблуком.

БЫКОВ (недоуменно). А я думал, машина...

ЮРКОВСКИЙ. Машина — она дура. В непредвиденных обстоятельствах она легко идет на самоубийство.

СПИЦЫН. А нам это ни к чему.

Помещение дрогнуло. «СКИФ» качнулся. Спуск начался.

Рубка. Глаза Ермакова прикованы к приборам. Мокрые от пота кисти рук лежат на панелях биоточного управления. Внешне напряженная работа командира выражается только в движении глаз по приборам и по едва заметному дрожанию пальцев. Приборы — несколько десятков крошечных светящихся окошечек на пульте — в непрерывном изменении. Они вспыхивают разноцветными огнями. Рубка непрерывно и неритмично покачивается. Чувствуется, что «СКИФ» уже находится в сфере действия каких-то огромных сил. И полная тишина.

ГОЛОС СПИЦЫНА. Анатолий Борисович, трудно?

ЕРМАКОВ (сквозь зубы). Трудно.

ГОЛОС СПИЦЫНА. Бесится Плутон...

ЕРМАКОВ. Не мешай!

Кают-компания. Толчки все усиливаются. Космонавтов то глубоко вдавливает в кресла, то чуть не выбрасывает, так, что ремни впиваются в тело.

Быков, держась за ремень, нервно покашливая, осторожно косится на товарищей. Видимо, даже бывалым межпланетным волкам не по себе. Юрковский внешне спокоен, но бледен и весь мокрый от пота. Спицын откровенно охает при каждом толчке. Но он бодрится.

СПИЦЫН. Ничего, ничего, голубчик, все равно сядем... все равно наш будешь...

ЮРКОВСКИЙ (с нарочитой бодростью). Может, споем?

ГОЛОС ЕРМАКОВА. Внимание!

СПИЦЫН (тихо). Все. Садимся.

Пол встает дыбом. Начинаются невообразимые рывки и толчки. Кто-то стонет. Крупно — лицо Быкова, мокрое и несчастное. У него широко раскрыты глаза.

В его глазах кают-компания расплывается в бесформенные цветные пятна. Возникают радужные круги.

В вихрях черной бури, озаряемый багровыми вспышками, раскачиваясь и кренясь, «СКИФ» идет на посадку. Из-под отражателя вспыхивает слепящее пламя. При каждой вспышке «СКИФ» словно подпрыгивает. Вот внизу стремительно проносится вершина черной скалы. Навстречу «СКИФУ» поднимаются огромные клубы фиолетового пара. «СКИФ» медленно снижается и исчезает в облаках пара. Мертвая тишина.

Рубка. Руки Ермакова сползают с пультов биоточного управления. Ермаков откидывается на спинку кресла. Закрывает глаза.

ЕРМАКОВ (шепотом). Вот и все.

Кают-компания. Пассажиры лежат неподвижно, необычайно глубоко провалившись в кресла. Первым приходит в себя Спицын. Он пытается приподняться, но сейчас же охает и снова валится.

СПИЦЫН. Вот это встряска... Алексей, Володя! Живы? Кажется, мы сели!

ЮРКОВСКИЙ (стонет). Что такое... я пошевелиться не могу...

СПИЦЫН (радостно кричит). Значит, мы сели! Слышите, ребята? Мы сели! Мы на Плутоне! Вот она — полуторакратная тяжесть! (Смеется, с видимым усилием поднимает руки.)

ЮРКОВСКИЙ (брюзгливо). Черт, я совсем забыл... Нужно быть осторожным теперь... а то с непривычки все кости переломаешь...

БЫКОВ (слабым голосом). А где командир?

Рубка. Ермаков склонился над микрофоном бортжурнала.

ЕРМАКОВ. Абсолютное время восемьдесят восемь суток два часа двадцать пять минут... «СКИФ» на Плутоне... Посадка прошла благополучно... Состояние экипажа...

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Отличное!

Ермаков оглядывается. В дверях рубки три улыбающихся лица.

ЕРМАКОВ (в микрофон). Удовлетворительное.

***

«СКИФ» на Плутоне. Обширная ледяная равнина. Из фиолетового льда торчат нагромождения черных скал. Базальтовые глыбы, подобно клыкам исполинских животных, окружают сверкающий лиловым инеем межпланетный корабль, вмерзший в лед на треть высоты. Вечная буря несет тучи черной пыли, по низкому небу несутся багровые облака. Свист и вой ветра. На горизонте дрожит далекое голубое зарево. Слышится приглушенный гул «Страны Мехти».

Купол «СКИФА». Откидывается люк. На купол выбираются, поддерживая друг друга, Ермаков, Юрковский, Спицын и Быков. Они в спецкостюмах. Ермаков, Юрковский и Спицын взволнованно, но деловито и внимательно осматриваются. Только Быков заворожен дикой и страшной красотой этого места.

ЕРМАКОВ (указывает рукой на далекие зарницы). «Страна Мехти» там... Километров сто пятьдесят...

ЮРКОВСКИЙ. Может, поднимем «СКИФ» и перелетим?

СПИЦЫН. Мало тебя трясло?..

ЕРМАКОВ. Нет, пойдем на «Черепахе». Алексей Петрович!

Ответа нет. Быков, не отрываясь, глядит в сторону «Страны Мехти».

ЕРМАКОВ. Алексей Петрович!

БЫКОВ (поворачивается и восторженно сообщает). Анатолий Борисович!.. Товарищи!.. Мне кажется... Я думаю... «Страна Мехти» вон там! Там!

Юрковский и Спицын смеются.

ЮРКОВСКИЙ. Вы подумайте, какой нюх! Быков, назначаю вас своим заместителем.

ЕРМАКОВ. Алексей Петрович, сгружайте «Черепаху». Готовность к маршу через два часа. Юрковский и Спицын — приготовить к погрузке маяки и оборудование. Все.

***

Два часа спустя. У подножья «СКИФА» «Черепаха» готова к старту. Под ее гусеницами уже намело черной пыли. Быков и Юрковский прощаются со Спицыным и лезут в танк.

ЕРМАКОВ (пожимая руку Спицына). Приказ понятен?

СПИЦЫН. Да. Связь ежесуточно в восемнадцать ноль-ноль по абсолютному. От «СКИФА» не отлучаться ни на шаг ни при каких обстоятельствах.

ЕРМАКОВ. Все правильно. До свидания, Богдан.

Он поворачивается и скрывается в люке танка. Танк трогается и вскоре исчезает в черной метели.

Спицын медленно машет вслед рукой.

***

«Черепаха» медленно сползает с отрогов ледяной равнины. Впереди неоглядная черная пустыня. Ветер несет черную поземку. На фоне багрового неба, величественно раскачиваясь, проползают вдали тонкие, похожие на змей, столбы смерчей.

В кабине. Быков ведет машину, уверенно манипулируя клавишами управления. Позади, на ящиках с оборудованием, Юрковский отмечает на карте движение «Черепахи».

Счетчики радиации. Медленно мигают красные огоньки. Ермаков поворачивается, смотрит.

ЕРМАКОВ. Пятнадцать рентген.

БЫКОВ. Многовато для начала.

ЮРКОВСКИЙ. Хорошо бы начать брать пробы грунта... Вон там слева...

ЕРМАКОВ. Нет. Выходить будем только при крайней необходимости.

ЮРКОВСКИЙ. Всего на пять минут — зачерпнуть пыли в контейнер.

ЕРМАКОВ. А потом пятнадцать литров воды на дезактивацию.

БЫКОВ. А зачем выходить, Анатолий Борисович? Если разрешите... Где ваш контейнер, Владимир Сергеевич?

Юрковский пожимает плечами, затем неохотно лезет в бортовой отсек.

Танк останавливается. Из-под днища выдвигаются манипуляторы, которые ловко выхватывают из люка контейнер, зачерпывают пыль и подают контейнер обратно в люк.

ЮРКОВСКИЙ (очень вежливо). Благодарю вас, товарищ Быков. Не ожидал.

Быков молча трогает клавиши. Танк идет вперед.

Внезапно впереди за горизонтом вспыхивает на полнеба ослепительное зарево.

ЕРМАКОВ. «Страна Мехти» приветствует нас. Приготовьтесь, товарищи. Сейчас что-то будет. Всем пристегнуться.

На горизонте, гася багровое небо, встает непроглядная стена клубящейся черной пыли. Танк замедляет ход, и вдруг на него обрушивается бешеный ураган. Танк встает дыбом. Наступает тьма, озаряемая вспышками молний. Ураган несет миллионы тонн пыли, обломков скал.

В кабине Быков напряженно манипулирует клавишами.

С бортов танка выдвигаются и втыкаются в почву опорные лапы. Ураган давит, нажимает на танк, и видно, как мощные стальные опоры начинают прогибаться.

В кабине Быков согнулся в три погибели над пультом управления, словно ураган бьет ему в лицо. Ермаков и Юрковский с тревогой следят за действиями водителя.

Выдвигается вторая пара опорных лап. Танк опускается на брюхо и с неимоверными усилиями начинает зарываться в нанесенную массу черного песка. Ослепительно блестят молнии, грохочет гром, но «Черепаха» уже в безопасности.

В кабине Быков вытирает потный лоб, оглядывается на Ермакова.

ЕРМАКОВ. Хорошо.

Буря стихает внезапно. «Черепахи» не видно под черной насыпью. Затем песок вдруг начинает шевелиться, и «Черепаха», как крот, выбирается на поверхность.

В кабине. Усталый Быков поворачивает к Ермакову счастливое лицо.

БЫКОВ. Отличная машина, Анатолий Борисович.

ЕРМАКОВ. Впереди равнина, Алексей Петрович. Отдохните. Машину поведу я.

«Черепаха» уносится вдаль по равнине, поднимая гусеницами за собой тучи черной пыли. Ветер несет пыль, несет красные облака по черному небу. Беспрерывно глухо грохочет далекая «Страна Мехти».

***

В кабине. Быков спит на ящиках, положив руки под голову. Внезапно тряска прекращается. Рука Ермакова трясет Быкова за плечо.

ЕРМАКОВ. Алексей Петрович, проснитесь. Кажется, сейчас понадобится все ваше искусство.

Быков, еще не совсем проснувшись, молча перелезает на водительское место и механическим движением кладет руки на клавиши. Его полусонные глаза вдруг широко раскрываются.

— Ну и дорожка,— говорит он.

Через переднюю прозрачную броню «Черепахи» виден Каменный лес — бесконечные ряды черных каменных зубьев в несколько метров высоты, торчащих прямо из растрескавшейся голой почвы.

ЮРКОВСКИЙ. Вот они, зубы старого Плутона...

ЕРМАКОВ (вопросительно глядит на Быкова). Пройдем?

БЫКОВ. Поищем объезд.

Быков нажимает на клавиши.

«Черепаха» разворачивается и неторопливо ползет вдоль гряды каменных столбов...

Медленно проползает сплошной каменный забор...

Между столбами намечается что-то вроде просвета...

«Черепаха» круто сворачивает, выезжает в проход, на секунду исчезает за каменными столбами и сейчас же пятясь выбирается обратно.

В кабине.

БЫКОВ. Поищем еще.

Снова перед глазами экипажа ползет каменный забор... И снова просвет... И снова «Черепаха» ныряет в этот просвет...

Теперь уже «Черепаха» осторожно, словно нащупывая путь, пробирается в сплошном каменном лабиринте. Над вершинами черных остроконечных скал несутся красные тучи. «Черепаха» останавливается — впереди опять сплошная каменная стена.

В кабине.

ЮРКОВСКИЙ (с досадой). Так мы до завтра проползаем.

ЕРМАКОВ (Быкову). Что будем делать?

БЫКОВ (спокойно). Будем рвать.

«Черепаха» пятясь отходит от опушки каменного леса. Одновременно над командирской башней выдвигается короткий толстый ствол ракетометателя.

В кабине. Быков припал глазом к окуляру оптического прицела.

БЫКОВ. Готов!

ЕРМАКОВ. Огонь!

Ствол извергает пламя... Опушка Каменного леса заволакивается пылью и дымом... Грохочут взрывы. Раз за разом из жерла ракетометателя вылетают оранжевые молнии. Раз за разом вспыхивают взрывы в клубах черного дыма, повисшего над вершинами Каменного леса.

В кабине. Быков отрывается от оптического прицела.

Все трое молча смотрят, как медленно оседает, разбрасывается ветром черная туча, заволакивающая Каменный лес. Постепенно в дыму обрисовывается картина страшного разрушения. Через Каменный лес легла широкая просека, заваленная глыбами черного камня...

БЫКОВ (с радостной улыбкой). Ну вот вам и дорога!

ЮРКОВСКИЙ (возмущенно). Конечно, если ваша «Черепаха» альпинистка...

БЫКОВ. Вы еще не знаете, что такое «Черепаха». Анатолий Борисович, разрешите вперед?

ЕРМАКОВ (нерешительно откашливается). Да... Безусловно... Если можно...

Быков кладет руки на клавиши.

«Черепаха», на ходу убирая ракетометатель, подходит к каменному завалу. Из ее бортов выдвигаются опорные лапы.

В кабине.

БЫКОВ. Прошу всех пристегнуться.

Ермаков и Юрковский послушно и поспешно выполняют распоряжение.

Словно громадный фантастический жук «Черепаха», шаря вокруг себя стальными лапами, начинает карабкаться через завал.

В кабине Ермаков и Юрковский, затаив дыхание, следят за руками Быкова. Кабину немилосердно мотает.

«Черепаха» медленно, но уверенно движется через завал. Одна из лап упирается в громадную глыбу и сталкивает ее с до-

роги. Другая осторожно нащупывает опору, закрепляется. Весь танк словно приподнимается в воздухе и переваливается через стену высотой в несколько метров.

В кабине. Быков напряженно манипулирует клавишами.

«Черепаха» уже движется не на гусеницах. Покачиваясь, она пробирается через беспорядочное нагромождение скал, шагая на всех четырех опорных лапах.

Каменный лес впереди редеет, открывая яркое багровое зарево над угольно-черным гребнем холма. «Черепаха» преодолевает последний завал, опускается на гусеницы и стремительно выносится на гребень.

В кабине.

ЮРКОВСКИЙ (с благоговением). Товарищи... Вот она, «Страна Мехти»!

***

«Страна Мехти». Исполинское, в несколько сот километров в поперечнике жерло атомного вулкана. Тяжело колышется Дымное море, окаймляющее кратер. Дым розоватый, вязкий. Временами там вспыхивает огонь, и дым струями взлетает к багровым тучам, расплывается грибовидными облаками и медленно оседает. Из огнедышащего жерла поднимается незаметно для глаз огромная гора черного дыма. В ее мглистом мраке бешено проносятся разноцветные молнии. Атомный вулкан грохочет невыносимо. Это сплошной непрерывный рев.

«Черепаха», чуть накренившись, стоит на гребне холма. Она совсем крошечная перед тусклой стеной Дымного моря. У танка замерли Ермаков, Юрковский и Быков.

Все трое ошеломлены. Глаза их широко раскрыты.

ЕРМАКОВ. Я знал, что Мехти сделал необычайное открытие... но такого я не ожидал! Уму непостижимо... Что это? Вулкан? Или здесь планета вывернута наизнанку?

ЮРКОВСКИЙ (лихорадочно). Что напрасно гадать? Отсюда мы все равно ничего не узнаем... Разгадка там... Нужно идти туда... и немедленно...

Из Дымного моря вылетает крутящийся вихрь огня, сворачивается в тугой клубок и лопается со страшным грохотом. Это

как раз напротив «Черепахи», и почва под ногами космонавтов содрогается.

ЕРМАКОВ (сквозь стиснутые зубы). Торопиться не надо. Я понимаю ваше нетерпение. Но вы забыли о ракетодроме.

ЮРКОВСКИЙ (нетерпеливо). Сначала надо узнать, стоит ли вообще строить этот самый ракетодром!.. Может, это пустышка...

ЕРМАКОВ (жестко). Ракетодром необходим при всех обстоятельствах. А что здесь не пустышка — вы это сами прекрасно знаете!

ЮРКОВСКИЙ. Тем более!

ЕРМАКОВ. Мы здесь не только ради ваших геологических восторгов. За нами идут другие. А если мы пойдем туда и...

ЮРКОВСКИЙ (вдруг успокоившись). Я понимаю. Вы правы. Мы не можем рисковать. У меня есть предложение. Давайте разделимся. Вы с Быковым на «Черепахе» ищите место для ракетодрома, а я — туда... На одни сутки, мне больше не надо!

ЕРМАКОВ (терпеливо). Два года назад я дал такое разрешение одному геологу... Второму — не дам никогда!.. Экипаж, в машину!

***

Танк медленно ползет прочь от берега Дымного моря, обходя гигантские дымящиеся воронки. Вот он скрывается за нагромождением черных скал и вновь появляется в вихрях крутящейся пыли. Перед танком обширная холмистая равнина. Танк останавливается.

***

Рубка «СКИФА». Богдан Богданович у радиоаппарата.

СПИЦЫН (усталым голосом). Я «СКИФ»... Я «СКИФ»... «Черепаха», отзовись... Я «СКИФ»...

Ответа нет, только далекая трескотня разрядов...

***

Кабина «Черепахи». Ермаков над микрофоном бортжурнала.

ЕРМАКОВ. Связь со «СКИФОМ» потеряна, по-видимому, из-за сильной ионизации атмосферы... Проникновение в

«Страну Мехти» сопряжено с большим риском, поэтому я принял решение развернуть ракетодром в пятидесяти километрах от предполагаемой границы кратера, которую мы условно назвали Дымным морем... Место для ракетодрома найдено... Через час приступаем к установке первого маяка... Состояние экипажа удовлетворительное.

***

Холмистая равнина — будущий ракетодром «Страны Мехти»...

Быков в неторопливом ритме работает вибробуром. Чувствуется, что даже этому здоровяку трудно работать в условиях полуторакратной тяжести. Лицо в поту, движения замедлены.

Площадка расчищена от пыли. Пыль вокруг лежит невысоким валом.

Ермаков вытаскивает из грузового люка детали маяка.

Юрковский торопливо выносит ящик на колесах, устанавливает его рядом с танком.

ЕРМАКОВ. Владимир Сергеевич, я просил вас не торопиться...

ЮРКОВСКИЙ. Я не тороплюсь... С чего вы взяли...

Он нажимает кнопки на панели управления... Боковая стенка ящика откидывается, и оттуда выскакивают и взвиваются в небо маленькие шары-зонды.

ЮРКОВСКИЙ (провожая их взглядом). Счастливо, родимые... (Снова наклоняется над ящиком.)

Быков выпрямляется и пытается вытереть лицо тыльной стороной ладони. Ладонь натыкается на прозрачную преграду. Быков тяжко вздыхает и замечает Юрковского. Заинтересованно смотрит. Юрковский выпускает еще серию шаров-зондов и оглядывается.

ЮРКОВСКИЙ (Быкову). Почему вы не работаете? Вы устали?

БЫКОВ. Нет, нет, что вы, Владимир Сергеевич... Просто интересно!

ЮРКОВСКИЙ. Ничего интересного. Обыкновенные шары-зонды.

БЫКОВ. Нет, интересно, что они нам расскажут!

Юрковский некоторое время молча, но внимательно смотрит на Быкова, затем с трудом поднимает тяжелую стойку маяка и тащит ее к Быкову.

БЫКОВ (испуганно). Осторожно! Это же центнер!

ЕРМАКОВ (обернувшись на крик). Я же приказал, стойки поднимать вдвоем!

ЮРКОВСКИЙ (кряхтя от натуги). Ничего! Для меня это... (Роняет стойку.) Черт бы тебя взял!..

БЫКОВ (подходит к Юрковскому). Владимир Сергеевич... Так вас надолго не хватит... Вы бы лучше вот такой работы не касались...

ЮРКОВСКИЙ (в первый раз, Быкову, ласково). Алексей Петрович... Алеша, как вас зовет Спицын... Ведь здесь же надо скорее кончать... Чем скорее мы кончим с маяками, тем больше времени останется на «Страну Мехти»... На геологию, понимаете?

БЫКОВ. Я понимаю, но...

ГОЛОС ЕРМАКОВА. Перерыв!

***

В кабине. Все трое без спецкостюмов, в одних трусах, мокрые и усталые жадно пьют фруктовый сок. Из лабораторного радиоприемника с тиканьем потянулась лента с записью. Юрковский со стаканом в руке торопливо бросается к приемнику, просматривает запись и торжествующе кричит.

ЮРКОВСКИЙ. Вот оно!.. Анатолий Борисович!.. Смотрите!..

Ермаков берет запись, просматривает.

ЕРМАКОВ. Что это?.. Трансураниды?.. В атмосфере, в виде газа?.. Откуда они здесь?

ЮРКОВСКИЙ (радостно хохочет). Молодцы мои шарики! А?

ЕРМАКОВ. Это значит, что «Страна Мехти» — атомный вулкан?.. Гигантский атомный котел?

ЮРКОВСКИЙ. Ну, пока рано говорить об этом, у нас слишком мало данных... Но я не удивлюсь, если мы откроем нечто вроде гигантского природного реактора, в котором идет непрерывное образование трансуранидов.

БЫКОВ. Владимир Сергеевич, принято считать, что такие процессы идут только в глубоких недрах планет...

ЕРМАКОВ. Или при вспышках новых звезд...

ЮРКОВСКИЙ (со счастливой улыбкой). А мы видели это собственными глазами! Вы представляете, какое это открытие?! Котел сокровищ!

ЕРМАКОВ (задумчиво). Недаром Мехти назвал Плутон планетой сокровищ...

ЮРКОВСКИЙ. Да. Мехти не ошибся. Он был настоящий геолог! И переоценить значение его открытия невозможно. Если наши выводы верны, мы навеки обеспечим нашу Землю энергией...

ЕРМАКОВ (с иронией). Значит, ракетодром необходим?

ЮРКОВСКИЙ. Категорически!.. Но все-таки скорее...

ЕРМАКОВ. С завтрашнего дня работать строго в режиме... Нарушителей буду запирать в танке.

БЫКОВ. Вы уж действительно, Владимир Сергеевич, слишком...

ЮРКОВСКИЙ (величественно). Не надо меня учить. Я уже очень взрослый!

Юрковский достает из столика толстую тетрадь геологического дневника, берет ленту записи и усаживается на свою койку.

ЮРКОВСКИЙ (после паузы). Я сегодня даже разозлиться на вас не могу по-настоящему...

***

Маяк № 1 на границе ракетодрома. Багровые отблески горят на его грибообразном куполе. Ветер несет черную пыль, заметая следы танка, уходящие за горизонт.

***

Кабина «Черепахи». Быков за пультом управления. Ермаков над картой ракетодрома. На карте отчетливо показан участок берега Дымного моря и неправильный пятиугольник ракетодрома. По углам пятиугольника надписи — «Маяк № 1», «Маяк № 2» и т. д. до «Маяка № 5». «Маяк № 2» самый удаленный от Дымного моря. «Маяк № 4» — самый близкий.

Ермаков красным карандашом отчеркивает «Маяк № 2» («Маяк № 1» уже отчеркнут). Затем Ермаков нагибается над микрофоном бортжурнала.

ЕРМАКОВ. Поставлен и запущен «Маяк № 2»... Снова повернули к югу, к «Стране Мехти»... Состояние экипажа удовлетворительное...

Юрковский лежит на откидной койке, закинув руки за голову.

ЮРКОВСКИЙ (неожиданно и желчно). Не нравится мне ваша «Черепаха»!

БЫКОВ (не оборачиваясь, обиженно). Это почему же, Владимир Сергеевич?

ЮРКОВСКИЙ. Хода настоящего не вижу! Ползем, действительно, как черепаха!

ЕРМАКОВ (не отрываясь от карты). Тише едешь, дальше будешь...

ЮРКОВСКИЙ. От «Страны Мехти», куда едешь!

БЫКОВ (Ермакову). Разрешите, товарищ командир, прибавить скорость?

ЕРМАКОВ. Попробуйте.

Быков нажимает на клавиши. Машина увеличивает скорость. Начинается тряска. Крутой вираж. Юрковский валится с койки. Быков останавливает машину и оглядывается.

ЮРКОВСКИЙ (поднимаясь). Солдатские шутки! (Укладывается на койку, пристегивается.) И вообще это безобразие — два маяка за две недели!

ЕРМАКОВ (сердито). Свободным от вахты спать! (Гасит общий свет.)

***

Черная холмистая равнина, озаренная ярким, но неровным заревом «Страны Мехти». Экипаж устанавливает «Маяк № 3». Юрковский трудится очень старательно, таскает баллончики со сжатым газом, детали конструкции. Быков работает вибробуром. Ермаков с помощью Юрковского, пошатываясь, подносит к Быкову и опускает на землю стойку маяка.

ЕРМАКОВ. Закрепляйте стойку, а я пойду посмотрю шурфы. (Уходит.)

Юрковский в нерешительности топчется возле Быкова.

БЫКОВ (выключая вибробур). Ну, вот щель и готова... Установим, Владимир Сергеевич?

Они поднимают стойку и опускают ее в щель. Быков заливает щель пластраствором. Небо озаряется дрожащим лиловым светом, гремит далекий взрыв.

БЫКОВ (работая). Дышит «Страна Мехти»...

ЮРКОВСКИЙ. А что, Алексей Петрович, «Черепаха» не подведет нас там?

БЫКОВ. Не-ет. «Черепаха» не подведет. Меня вот другое тревожит.

ЮРКОВСКИЙ (живо). Что именно?

БЫКОВ. Вода у нас кончается. При такой работе дезактивационная вода выйдет у нас на четвертом маяке. А питьевой очень мало.

ЮРКОВСКИЙ (испуганно оглядывается). Вы, Алексей Петрович, не говорите об этом Ермакову. Это его может расстроить.

БЫКОВ. Да он и сам это прекрасно знает. Каждый день баки проверяет.

ЮРКОВСКИЙ (тревожно). Так что же, если не хватит воды, мы не сможем идти в «Страну Мехти»?

Быков молча пожимает плечами. Он с огромным напряжением поднимает и насаживает на стойку колпак. На колпаке четкая цифра «3».

***

Дезактивизационная камера «Черепахи». Все трое космонавтов поворачиваются, подставляя шлемы и спецкостюмы под мощные струи воды.

ЮРКОВСКИЙ (нетерпеливо). Может, хватит уже?

ЕРМАКОВ. Взгляните на индикаторы. (Индикаторы мерцают красными огоньками.) Здесь хозяева они.

ЮРКОВСКИЙ (злобно). Сколько воды зря пропадает! Будь она неладна, эта автоматика!

Быков и Ермаков понимающе переглядываются.

***

В кабине. Юрковский и Ермаков просматривают показания приборов.

ЮРКОВСКИЙ. Просто глазам не верю. Вот смотрите — линия менделевия, вот технеций, эйнштейний... все святое семейство актинидов![1] За что нам такое счастье? Здесь работы до конца жизни!

ЕРМАКОВ. И еще детям нашим останется. А вот радиация растет, и это мне не нравится.

ЮРКОВСКИЙ (с досадой). Ну что радиация... Подумаешь! При такой концентрации продуктов распада иного и ждать нельзя.

ЕРМАКОВ. Все-таки с завтрашнего дня наружные работы производить только под прикрытием щитов.

ЮРКОВСКИЙ. Помилосердствуйте, Анатолий Борисович! Таскать еще и такие махины!

БЫКОВ (с кресла водителя). Придется таскать, Владимир Сергеевич. Вот полюбуйтесь! (Он легко выдирает у себя клок волос.)

Лицо Ермакова с неподвижными глазами.

ЕРМАКОВ (отрывисто). Когда заметили?

БЫКОВ. Только что.

ЕРМАКОВ. Раздевайтесь. Я сделаю вам укол. И вам, Владимир Сергеевич.

ЮРКОВСКИЙ (возмущенно). А мне зачем? Ведь у меня...

Он проводит рукой по голове. В пальцах остаются пряди волос.

Берег «Страны Мехти». Танк снова в нескольких шагах от Дымного моря. Свирепо ревет и клокочет атомный котел. Ослепительные вспышки прорезают непроглядный мрак вечной черной тучи над кратером. В дымной пелене непрерывные взрывы. Там без конца образуются гнезда трансурановых элементов, в них молнией распространяется цепная реакция, и над Дымным морем встают грибовидные шапки ядерных взрывов.

---

[1] Вообще-то, технеций к актинидам (актиноидам) никоим образом не относится. Видимо, Авторы хотели сказать, что на Плутоне полно всяких элементов, почти или вовсе не встречающихся на Земле. — *В. Д.*

Юрковский, Ермаков и Быков монтируют четвертый маяк... Они работают, стоя на толстых листах из бористой стали. (Щиты прикрывают их от смертоносной радиации почвы.)

Ермаков уходит за танк, где установлены автоматические контрольные приборы.

Быков стоит на коленях на щите и неторопливо, строго размеренными движениями закрепляет стойку маяка.

БЫКОВ. Владимир Сергеевич!.. (Ответа нет.) Владимир Сергеевич!..

Он поднимает голову и видит, что Юрковский, не отрываясь, смотрит в Дымное море...

Вечная дымная пелена над «Страной Мехти» расступается... В тумане испарений на короткое мгновение возникает фантастический мираж: нагромождение раскаленных оплавленных глыб, бездонные щели, из которых поднимаются, вьются мерцающие всеми цветами радуги струи дыма и пара... Серая дымная пелена смыкается вновь...

ЮРКОВСКИЙ (словно в бреду). Я больше не могу... У меня больше нет сил...

БЫКОВ (встревоженно). Переутомились вы, Владимир Сергеевич. Вам плохо?

ЮРКОВСКИЙ. Нет. Мне очень хорошо.

БЫКОВ. Давайте, я отведу вас в танк...

Юрковский, не отрывая глаз от дымной пелены, нетерпеливо рвет из нагрудного кармана пластмассовый футляр с записями автоматических приборов и протягивает его Быкову.

ЮРКОВСКИЙ (отрывисто). Вот... передайте Ермакову... Здесь последние данные... Остальное в танке... Он знает где...

БЫКОВ (недоуменно). Как это — передайте? Почему я?

ЮРКОВСКИЙ. Потому что я, возможно, не вернусь... Я пойду и погибну там... но я увижу... как Мехти...

Он делает шаг в сторону Дымного моря, но тяжелая рука Быкова ложится на его плечо.

БЫКОВ. Вы никуда не пойдете!

ЮРКОВСКИЙ (вырывается и поворачивает к нему разъяренное лицо). Не мешайте мне, Быков!

БЫКОВ (свистящим шепотом). Я ваш товарищ и друг, Владимир Сергеевич, но я вас своими руками свяжу, брошу в танк и верну на Землю!

ЮРКОВСКИЙ (злобно). Попробуйте!

Быков хватает его за пояс и рывком поднимает в воздух.

ГОЛОС ЕРМАКОВА. Алексей Петрович, что это за игры?

Быков отпускает Юрковского на землю и оглядывается. Из-за танка выходит Ермаков, сгибаясь под тяжестью двух переносных приборов.

Ермаков ставит приборы и пристально смотрит сначала на Быкова, а затем на Юрковского.

Искаженное бешенством лицо Юрковского.

ЕРМАКОВ (не сводя глаз с лица Юрковского, медленно). Я хотел показать вам новые данные... но сейчас, пожалуй, не время... Экипажу отдыхать!

***

В кабине. Быков открывает жестянки с соками. Дверь открывается. Из кессона выходит мокрый полуголый Юрковский. Он тяжело садится на койку. Быков протягивает ему открытую банку.

ЮРКОВСКИЙ (резко). Не хочу!

БЫКОВ (робко). Владимир Сергеевич... Это надо... Надо пить...

Юрковский ложится и отворачивается к стене.

ЮРКОВСКИЙ. Пейте сами...

ЕРМАКОВ (тихо). Оставьте его, Алексей Петрович. Он должен отдохнуть.

***

«Черепаха» ползет вдоль дымной стены... Взрыв... Ослепительная вспышка, грохот... Танк ползет через кучу взметнувшейся пыли...

Наплывом. Юрковский, Быков и Ермаков устанавливают башню последнего маяка. На башне большая цифра «5»...

Наплывом. Быков привязывает к стойке маяка алый флаг с серпом и молотом. Алый флаг плещется в струях черной пыли.

На фоне огненного зарева «Страны Мехти» неподвижно застыли силуэты трех победителей.

ЕРМАКОВ (ясным и четким голосом). Мы, экипаж советского планетолета «СКИФ», именем Союза Советских Коммунистических Республик, объявляем «Страну Мехти» со всеми ее сокровищами собственностью человечества!.. Салют!

Все трое поднимают ракетницы. Гремит залп. В черное небо взвиваются огненные звезды ракет.

***

В кабине. Звучит веселая музыка. Экипаж сидит вокруг откидного столика, на котором красуется бутылка шампанского, блюдо с фруктами, шоколадом. Быков грызет яблоко, Ермаков разливает шампанское, Юрковский сидит неестественно прямо, притворно улыбаясь.

ЕРМАКОВ. А теперь, когда мы выпили в честь дня рождения первой опорной базы на Плутоне, я предлагаю тост в честь другого, не менее важного события — в честь дня рождения крупного межпланетника и геолога Владимира Сергеевича Юрковского!

БЫКОВ. Ура!

ЮРКОВСКИЙ (с изумлением). Позвольте... Позвольте, как же так?

ЕРМАКОВ. Пятнадцатое ноября, Владимир Сергеевич, ничего не поделаешь...

ЮРКОВСКИЙ. Действительно... Пятнадцатое ноября... Тридцать шесть лет!

ЕРМАКОВ (поднимая бокал). За ваше здоровье, Владимир Сергеевич, за ваши успехи!

Юрковский подносит к губам бокал и вдруг опускает голову. Быков встревоженно смотрит на него.

ЮРКОВСКИЙ. Товарищи... Я должен... Я хотел бы прежде всего принести извинения... Я вел себя недостойно. Я...

ЕРМАКОВ (мягко). Можно подумать, что вы впервые на чужой планете. Здесь всякое может случиться.

ЮРКОВСКИЙ (упрямо). Мне это непростительно.

БЫКОВ. Да пейте же вы, Владимир Сергеевич... Газ выходит!

Ермаков и Юрковский хохочут. Звенят бокалы. Космонавты пьют.

ЕРМАКОВ. А теперь, если позволите, друзья, к делу. Ракетодром построен. Первый пункт приказа мы выполнили. Остается решить главное: как быть со вторым пунктом приказа.

ЮРКОВСКИЙ. Да что тут решать? Давайте приказ на марш, командир.

ЕРМАКОВ. Принимать решение единолично я не могу, Владимир Сергеевич. Приказ не предусматривал спуск в действующий вулкан. Решения принять должны мы все.

ЮРКОВСКИЙ. Я — за.

БЫКОВ. Я тоже не против. Мы с «Черепахой» не возражаем.

ЕРМАКОВ. Сколько осталось воды?

БЫКОВ. Десять литров питьевой и пятьдесят литров дезактивационной.

ЕРМАКОВ. Не считая НЗ в скафандрах?

БЫКОВ. Безусловно.

ЕРМАКОВ. Значит, на двое суток хорошей работы... На суточный переход. Давайте ваши соображения, новорожденный.

Ермаков еще не успевает закончить, как Юрковский уже разглаживает на столе лист бумаги.

ЮРКОВСКИЙ. Вот. Это программа глубокого поиска. Она рассчитана, правда, на тридцать дней, но если мы осуществим хотя бы первый этап... содрогнутся геологи всего мира!

Ермаков наклоняется над схемой.

ЕРМАКОВ. Так... Это что у вас?

ЮРКОВСКИЙ. Первая вылазка... Внешний дозиметрический контроль... масс-спектрометрия... Здесь два шурфа. Дальше еще пять километров, еще одна вылазка... (Задумывается.)

ЕРМАКОВ. Что же вы замолчали?

ЮРКОВСКИЙ (вздыхая). Если мы успеем сделать это за сутки, то это будет геройский поступок... Даже для Быкова. Но зато мы своими глазами увидим великую кухню природы... ее сокровеннейший тайник...

Пауза.

ЕРМАКОВ. Решено. Выступаем через час.

***

«Черепаха», тяжело переваливаясь, проходит мимо маяка с красным знаменем на стойке.

Стена дыма, озаряемого вспышками далеких взрывов. Граница «Страны Мехти». «Черепаха» на мгновение останавливается перед Дымным морем, затем ныряет в него.

В кабине. Быков ведет «Черепаху» по «Стране Мехти». За прозрачной стеной — струи дыма. Юрковский и Ермаков напряженно следят за приборами.

ЮРКОВСКИЙ (отрывисто). Еще температурный скачок! Четыреста тринадцать градусов!

ЕРМАКОВ. Радиация усиливается. Семьсот пятьдесят рентген.

ЮРКОВСКИЙ. Через пять минут прошу остановку.

Танк выползает на груду радиоактивного шлака и останавливается. Откидывается люк. Выскакивают Юрковский и Быков и, торопливо двигаясь от танка, расставляют дозиметрические приборы.

ГОЛОС ЕРМАКОВА. Скорее, скорее обратно!

В кабине. Быков усаживается на свое место.

ЕРМАКОВ. Вперед!

БЫКОВ. А как же приборы?

ЕРМАКОВ. Захватим на обратном пути.

Тяжелый грохот. Вся лобовая броня озаряется неимоверной вспышкой синего пламени. Танк качается как на волнах. Ярким зловещим светом наливаются лампы индикаторов радиоактивности.

ЮРКОВСКИЙ (кричит). Я был прав! Здесь каждую секунду образуются микрогнезда трансуранидов... Цепная реакция, взрыв!

ЕРМАКОВ (бормочет). Какие богатства!.. Прямо под ногами... В воздухе!..

Снова грохот и снова вспышка...

Глазок прибора над креслом водителя вспыхивает зеленым светом. Раздается короткий резкий звонок.

БЫКОВ (сквозь стиснутые зубы). Нейтроны!.. Теперь «Черепаху» сто лет не отчистишь!

ЮРКОВСКИЙ. Ничего, ничего, Алексей Петрович, с нашими способностями...

Снаружи. Танк идет через пылающие скалы. Раскаленные камни остывают на глазах. Бьет фонтан расплавленной лавы.

В кабине.

ЕРМАКОВ (вытирает со лба пот). Все! Дистанционные термопары вышли из строя.

ЮРКОВСКИЙ. Слушай, Анатолий, может, повернем?.. Не сгореть бы!

ЕРМАКОВ. Рано. Алексей, выводи машину вон к той скале... Там, кажется, спокойнее.

ЮРКОВСКИЙ. Здесь бы парочку шурфов... и тогда все!

«Черепаха» круто огибает уже остывшую скалу и останавливается. Это совершенно голое место, ровная каменная плита, на которой «Черепаха» выглядит как памятник на грандиозном постаменте.

В кабине.

ЕРМАКОВ. Всем на вылазку... Живо! Алексей, бери вибробур!

Люк у «Черепахи» откидывается, все трое, неуклюже спотыкаясь, спешат к краю каменной плиты. Помогая друг другу, спускаются на раскаленную землю.

ЮРКОВСКИЙ. Здесь!

Быков принимается бурить. Ермаков и Юрковский сидят рядом на корточках и налаживают масс-спектрограф (прибор, определяющий элементарный состав веществ).

ЮРКОВСКИЙ. Мы купаемся в парах трансуранидов... Все, что здесь нужно,— это самоходные обогатители-автоматы...

ЕРМАКОВ. Работай, работай!

БЫКОВ. Давайте приборы!

Оглушительный взрыв... Позади танка взлетает веер синего пламени. Видно, как медленно наливается красным светом каменная плита, на которой стоит «Черепаха»... Взрывная волна бросает космонавтов на землю. Сыплется град каменных обломков. Каменная плита тает, как восковая, и «Черепаха», светясь раскаленными бортами, погружается в нее, заваливаясь на борт... Все заволакивается красным туманом...

***

Красный туман рассеивается. На раскаленных дымящихся обломках скал, полузасыпанные щебнем, лежат неподвижно

Ермаков, Быков и Юрковский. Юрковский приподнимает голову и снова роняет ее. Быков, кряхтя, становится на четвереньки.

БЫКОВ. Кто живой? Отзовитесь!

ЮРКОВСКИЙ. Кажется, я...

БЫКОВ. Вот это был взрыв... А где командир?

Быков и Юрковский с трудом поднимаются. У их ног, почти скрытый обломками щебня, лежит Ермаков. Быков и Юрковский осторожно берут его под плечи и приподнимают.

ЮРКОВСКИЙ. Командир!.. Толя!..

Где-то совсем рядом грохочет громовой раскат. Все вокруг озаряется ярким кровавым светом, сыпятся камни. Юрковский и Быков пригибаются, прикрывая собой Ермакова.

БЫКОВ. Анатолий Борисович!..

Лицо Ермакова осунувшееся, с запекшимися губами. Ермаков открывает глаза. Смотрит на Быкова, на Юрковского, с трудом улыбается...

ЕРМАКОВ (едва слышно). Кажется, пора возвращаться... Как «Черепаха»?

Юрковский и Быков оглядываются... На черном дымящемся постаменте, глубоко вплавившись в камень, почерневшая, окутанная дымом стоит «Черепаха», точнее, то, что от нее осталось...

ЕРМАКОВ. Я спрашиваю, как «Черепаха»?..

БЫКОВ. Плохо... Нет «Черепахи»...

Ермаков закрывает глаза, теряя сознание. Юрковский и Быков наклоняются над ним. Пауза.

БЫКОВ. Что будем делать, Владимир Сергеевич?

ЮРКОВСКИЙ (глухо). Не знаю.

Пауза. Грохот взрывов. Стелется серый дым, скрывая искалеченный танк.

БЫКОВ. Тогда я знаю... Пойдем пешком.

ЮРКОВСКИЙ. Командир не может идти, у него сломана нога... и, кажется, шок...

БЫКОВ. На руках понесем.

ЮРКОВСКИЙ. Нам не вытянуть.

БЫКОВ (жестко). Надо вытянуть.

ЮРКОВСКИЙ. Кислорода не хватит.

БЫКОВ. Должно хватить.

Юрковский оглядывается. Кругом озаряемый багровыми вспышками серый дым... Грохочет атомный вулкан... Дрожит земля под ногами...

ЮРКОВСКИЙ (усмехнувшись). Ну, командуй, водитель!

БЫКОВ (выпрямляется). До первого маяка километров пятнадцать. И оттуда до «СКИФА» километров семьдесят пять. Идем переходами по пять километров. Пить только с моего разрешения. Пошли!

***

Дымное море. Мечутся клочья серых испарений, вспышки далеких разрывов. Сухая, растрескавшаяся почва, там и сям — груды раскаленного шлака. Бредут Юрковский и Быков. Быков несет командира.

ЮРКОВСКИЙ (огорченно). Не повезло нам... Остановились у самого гнезда... Но кто мог знать, что под гусеницами «Черепахи» собралась годовая продукция всех промышленных реакторов Земли... Ты слышишь, Алексей Петрович?

БЫКОВ (равнодушно). Слышу. Годовая продукция.

ЮРКОВСКИЙ. Впрочем, почему я говорю «не повезло»?.. Нам удивительно повезло!.. Мы теперь знаем то, чего никто на Земле не знает! Ты слышишь, Алексей?

БЫКОВ. Слышу. Нам повезло...

Нарастающий оглушительный свист.

БЫКОВ. Ложись!

Они бросаются на землю. Шагах в десяти от них в почву врезается раскаленный камень. Столб дыма, фонтан искр. Пауза.

БЫКОВ (поднимаясь). Пошли, и меньше разговаривай... Надо беречь кислород...

***

Серая колышущаяся стена Дымного моря — берег «Страны Мехти».

Из дыма, шатаясь, выходят, как тени, Юрковский с Ермаковым на спине и вслед за ним Быков. Оба сейчас же опускаются в черную пыль. Лицо Юрковского мокрое, с закрытыми глазами. Он тяжело дышит, глотая воздух раздвинутым ртом.

БЫКОВ. Не думал я, что мы живыми выберемся...

ЮРКОВСКИЙ (тяжело дыша). Привык... на танках разъезжать... А ты вот ножками... ножками... Как геологи...

БЫКОВ. А почему это у геолога такое тяжелое дыхание?

ЮРКОВСКИЙ. Разве?.. (Делает вид, что прислушивается к собственному дыханию.) И верно! Одышка какая-то... Откуда?.. Старею, видно... Да ты не беспокойся... я сейчас посижу немного и все... Сколько нам осталось?

Быков приближает свой шлем к шлему Юрковского и пристально смотрит ему в лицо.

БЫКОВ. Сто тысяч шагов... Пятьдесят километров, не больше... Ты попей, Володя.

ЮРКОВСКИЙ (оскорбленно). Зачем? Не время.

БЫКОВ (солидно). Разрешаю. Три глотка.

ЮРКОВСКИЙ. Ты совсем как Ермаков. (Делает два длинных жадных глотка из соска сифона, спрятанного в скафандре, смеется.) «Товарищи, мы не должны дать Плутону ни одного шанса. Пейте сок и ешьте телятину».

БЫКОВ. Смотри-ка, ожил геолог!

***

Ракетодром. Черная холмистая равнина. Увязая в черной пыли, Быков несет Ермакова. Юрковский бредет за ним. Низкий грохочущий рев, ветер несет черную поземку. За спинами космонавтов пылает на полнеба зарево «Страны Мехти».

Они проходят мимо маяка со знаменем на стойке. Алое полотнище с серпом и молотом плещется в струях черной пыли. Багровые отблески играют на полированном металле излучателя.

ЮРКОВСКИЙ (останавливается и салютует маяку). Прощай, «Страна Мехти», ракетодром номер один!.. До свидания!.. Скоро мы вернемся!

***

Привал на опушке Каменного леса... Юрковский молча ложится ничком. Быков, кряхтя, опускает рядом с ним Ермакова и садится сам.

ЮРКОВСКИЙ (не поднимая головы). Как... командир?

БЫКОВ. Не знаю... Дышит, лицо розовое...

Юрковский приподнимается, подползает и заглядывает ему в лицо.

БЫКОВ (устало). Разве так узнаешь...

ЮРКОВСКИЙ (с тоской). Если бы ты знал, Алексей, как я люблю этого человека... И ничего нельзя сделать... Ничего!

БЫКОВ (сердито). Нести надо!

ЮРКОВСКИЙ. Мы его обязательно должны донести, Алеша...

БЫКОВ. И донесем.

ЮРКОВСКИЙ. Силы у меня что-то иссякают... Алеша... Я, может, и не дойду.

БЫКОВ. Ты это брось, Владимир Сергеевич. Что же мы — зря в это пекло ходили? Ты же геолог... Ты сам говорил, что узнал, чего никто на Земле не знает!

ЮРКОВСКИЙ. Что мои знания... (Лезет в карман скафандра и достает пластмассовый футляр.) Вот они... Все тут. А таких пилотов на Земле единицы... и среди них Ермаков первый.

БЫКОВ (угрюмо). Насчет пилотов мы уже договорились. О геологах тоже. Ложись, спи!..

***

Каменный лес. Бесконечный лабиринт черных каменных зубьев в несколько метров высотой, торчащих прямо из растрескавшейся почвы.

На вершинах скал — отблески уже далекой «Страны Мехти». Над острыми зубьями несутся вечные багровые тучи. Далекий рокочущий гул. Крошечные фигурки Юрковского и Быкова с Ермаковым на плечах.

Быков несет Ермакова. Впереди, шатаясь и хватаясь за бока черных валунов, бредет Юрковский.

Обходя каменный столб, Юрковский спотыкается и падает. Быков останавливается над ним с Ермаковым на плечах. Юрковский приподнимается и опять падает.

ЮРКОВСКИЙ (хрипит). К черту...

БЫКОВ (спокойно). Ну как так — к черту?

ЮРКОВСКИЙ. Не могу больше...

БЫКОВ. Пошли, пошли, Володя... Пустяки остались...

ЮРКОВСКИЙ. Нам не дойти... Ты сам еле стоишь...

БЫКОВ (хрипло смеется). Я?.. Хочешь, и тебя прихвачу? На другое плечо...

ЮРКОВСКИЙ (поднимаясь). Терпеть не могу хвастунов...

Юрковский шатается и чуть не падает. Быков поддерживает его под локоть.

БЫКОВ. Пошли, пошли... Музыку бы сейчас... Удивительно помогает на марше.

***

Внешняя опушка Каменного леса. Нагромождение плоских каменных глыб. Над скалистыми зубьями верхушек несутся багровые тучи, гудит далекая «Страна Мехти», тоскливо воет в скалах ветер.

В сугробах черной пыли, наметенных под скалами, лежат измученные космонавты. Вытянувшись, лежит на спине неподвижный Ермаков. Спит, поджав колени к подбородку, Быков. Юрковский не спит, лежит с открытыми глазами. Лицо его почернело, ко лбу прилипли пряди волос. Рот запекся, глаза страшно ввалились.

ЮРКОВСКИЙ (негромко). Алеша... (Ответа нет.) Алеша... (Тишина.)

Юрковский, с трудом приподнявшись, всматривается в неподвижные фигуры товарищей и вдруг принимается торопливо снимать с себя оборудование — баллоны с кислородом, сифоны с соком, электробатареи рефрижератора. Он складывает все в кучу под камнем и сверху бережно кладет футляр с записями приборов.

Последний взгляд на товарищей, и Юрковский, неуклюже переваливаясь, уползает в черную мглу.

***

Рубка «СКИФА». Спицын, грустный, похудевший, сидит у радиопередатчика.

СПИЦЫН (тоскливо). «Черепаха»... «Черепаха»... Я «СКИФ»... «Черепаха»...

Ответа нет. Спицын медленно спускается в кают-компанию, подходит к буфету, машинальным движением открывает дверцу. В буфете шеренги консервных банок, фрукты, фляги с соками. Спицын вздыхает и закрывает дверцу.

***

Черный холм у опушки Каменного леса. Юрковский скатывается со склона и лежит на спине, задыхаясь, пытаясь скрюченными пальцами разорвать на груди прочную ткань скафандра. Он задыхается, в скафандре кончается кислород.

Мощная рука хватает его за шиворот и сажает.

Перед Юрковским разъяренный Быков. Не говоря ни слова, быстрыми точными движениями Быков втискивает в заспинный ранец баллоны с кислородом, судорожно присоединяет отводные шланги и поворачивает клапаны. Юрковский делает глубокий вздох, второй, третий и закрывает глаза.

БЫКОВ (яростно). Дезертир!.. Если бы ты знал, как я тебя сейчас ненавижу!.. Пижон!

ЮРКОВСКИЙ (жалобно). Алеша...

БЫКОВ (не слушая). Венец великомученика приобрести хочешь? Жертву на алтарь отечества?

ЮРКОВСКИЙ. Алешенька... Я не могу...

БЫКОВ. Коробочку мне оставил, видите ли... Романтик задрипанный!

Быков одним движением вскидывает Юрковского на плечо и уходит через холм...

...Быков усаживает Юрковского рядом с неподвижным Ермаковым.

БЫКОВ (сурово). Я хочу спать. Я очень устал. Дай слово, что ты не удерешь. Слышишь, ты?

ЮРКОВСКИЙ (тихо и покорно). Слышу. Даю. Спи. Ты мне только скажи — сколько еще осталось?

Быков не отвечает. Юрковский заглядывает ему в лицо и видит, что он уже спит.

Юрковский плачет.

***

Черная пустыня. Плоская как стол равнина, покрытая толстым слоем мельчайшей вулканической пыли. Ветер поднимает черные облака, на фоне красного неба движутся гибкие, как змеи, смерчи.

Быков по-прежнему тащит на себе неподвижное тело командира. Юрковский, все более отставая, плетется позади...

...Пустыня кажется бесконечной. Быков, проваливаясь по колено, тяжело дыша, несет Ермакова и поддерживает под локоть окончательно ослабевшего Юрковского...

...Гребень длинного пылевого наноса. По гребню, шатаясь, бредет Быков с Ермаковым на спине. За ним, далеко отставая, ползет на четвереньках Юрковский. Быков опускает Ермакова в пылевой сугроб, возвращается к Юрковскому, подхватывает его под мышки и тащит за собой...

ЮРКОВСКИЙ (задыхаясь). Видишь, Алеша... Назад... К предкам... На четвереньках...

БЫКОВ (задыхаясь). Ничего... Главное — и на четвереньках остаться человеком...

***

Отроги ледяного плато. Под багровым небом — фиолетовый лед, причудливые торосы, скалы, выпирающие из-под ледяной корки.

Ползет Быков, волоча за собой неподвижного Ермакова. Опустив Ермакова на лед, возвращается к Юрковскому. Перетаскивает его к Ермакову, укладывает, подхватывает Ермакова и тащит дальше, вперед метров на десять. Возвращается к Юрковскому, берет его, тащит к Ермакову, берется за Ермакова, но обессиленный падает.

БЫКОВ. Володя... Володя...

ЮРКОВСКИЙ. Ты что... дружище...

БЫКОВ. Что-то я... устал вроде... Жаль, ракетницы... в «Черепахе»... Богдан бы... увидел...

***

Рубка «СКИФА». Нагнувшись над микрофоном бортжурнала, Спицын в скафандре с откинутым шлемом говорит в микрофон.

СПИЦЫН (глухо). Я больше ждать не могу... Связи с «Черепахой» нет тридцать пять суток... Иду искать... Нарушаю приказ, но иду.

Богдан Богданович окидывает взглядом рубку и выходит...

...проходит по кают-компании...

...по коридору...

...выходит в кессон...

Спицын накрывает голову колпаком, застегивает ворот и берется за рукоятки затворов люка. Рука Спицына рывком отодвигает затвор... Люк распахивается... Перед Спицыным стоит Быков.

Быков шатается. Лицо его страшно — многодневная щетина, выпирающие скулы, запекшийся рот широко разинут.

БЫКОВ (едва слышным сиплым шепотом). Они живы, Богдан... Их надо внести...

***

Космос. Полыхая фотореактором, от Плутона уносится «СКИФ».

Кают-компания. Весь экипаж снова в сборе. Все чистые, выбритые, но исхудавшие. Ермаков, весь перебинтованный, лежит в кресле. Спицын поит его из соусника. Юрковский жадно ест телятину. Быков не отстает от него.

ЮРКОВСКИЙ. До чего вкусно... Неужели это я сам готовил?

БЫКОВ (деловито, протягивая к нему тарелку). Дай-ка добавки...

ЮРКОВСКИЙ (нравоучительно). Нарушение режима начинается с малого: у одних с пирожных, у других — с кусочка телятины...

СПИЦЫН (испуганно). Где пирожные? Какие пирожные? Анатолий Борисович, честное слово...

Ермаков молча улыбается бледными губами.

ЕРМАКОВ. Разрешаю... Впереди — Земля...

***

Космос. В черном звездном небе — два огромных серпа — Земля и Луна. Аппарат отъезжает, и мы видим, что это изображение на экране электронного проектора в кают-компании.

Перед экраном сидят космонавты — Спицын, Быков и Юрковский. Ермаков полулежит в кресле, его тонкие исхудалые пальцы манипулируют клавишами приемо-передаточного устройства.

Далекий, приближающийся голос Краюхина повторяет.

КРАЮХИН. «СКИФ»... «СКИФ»... Отзовись!.. Говорит Земля... Я Краюхин!.. Отзовись же, «СКИФ»!

ЕРМАКОВ (в микрофон, волнуясь). Говорит «СКИФ»! Говорит «СКИФ»! Мы здесь, отец! Мы живы и здоровы...

КРАЮХИН. Покажитесь! Не верю! Покажитесь все!

Ермаков нажимает клавиши.

На экране проектора медленно возникает сначала расплывчатое, а затем все более и более резкое лицо Краюхина. Старый космонавт наклонился и напряженно вглядывается. На лице его появляется улыбка, а на глазах выступают слезы.

Быков и Спицын поднимают Ермакова.

ЕРМАКОВ. Здравствуй, отец!

КРАЮХИН. Здравствуй, Анатолий, здравствуйте, дети! Все-таки покалечились?

ЕРМАКОВ. Отец!.. Слушай голос Плутона!..

Ермаков нажимает одну из клавиш, и из невообразимой дали, заглушаемые треском помех, звучат позывные маяков нового ракетодрома.

ИЗМЕНЕНИЯ В ОПУБЛИКОВАННЫХ ТЕКСТАХ

Первое издание «Страны багровых туч» вышло в свет в 1959 году. Переиздание 60-го года практически не отличалось от прошлогоднего. Разве что к серийному названию «Библиотека приключений и научной фантастики» добавилось «Школьная библиотека».

Через десять лет «Страну багровых туч» переиздали в «Библиотеке приключений» в одном томе с произведениями А. Днепрова. За это время произошли изменения во внешней политике СССР, Авторам пришлось менять и кое-что в тексте...

Более всего это затронуло присутствовавших в романе китайцев. Великая Советско-Китайская дружба прекратила свое суще-

ствование. Самый крупный искусственный спутник Земли «Вэйдады Ю-и» — «Великая дружба» — стал в повести безымянным, да и строили его, оказывается, не советские и китайские мастера безгравитационного литья, а советские и английские. Англо-Китайско-Советская астрофизическая обсерватория на Луне, о строительстве которой сообщала газета, тоже оказалась Англо-Советской. Но не всегда Китай из текста исчезал или заменялся Англией.

Китайские космические корабли менялись на японские.

Командир звездолета КСР «Янцзы» Лу Ши-эр превратился в командира индийского звездолета «Карма» Рая Листа. Причем, как справедливо заметил однажды Вадим Казаков, плохое английское произношение осталось и у индийца[1], и он предпочитает общаться на русском языке, что весьма странно.

Китайская народная мудрость «Когда носорог глядит на луну, он напрасно тратит цветы своей селезенки» превратилась в вьетнамскую народную же мудрость. Хотя я здесь не специалист и не могу утверждать, какой из вариантов верен.

Китайскому космонавту Ши Фэнь-ю особенно не повезло, ибо в черновиках в одном случае он — Уайт, в другом — поляк Миньковский, а в издании 1969 года вообще Крюгер из Бразилии.

В основном же текст 1969 года был тот же. Правда, не могу не упомянуть об одной интересной опечатке. Перед испытательным пробегом «Мальчика» в рукописи Ермаков Быкову рекомендует выпить десять таблеток колы. В издании 1959 года — десять таблеток тонина (вероятно, по аналогии со словом «тонус»), а в издании 1969 — таблетку танина. Что, по звучанию, соответствует, вероятно, таннину — «вяжущему лекарству с противовоспалительным действием».

Издание в «текстовском» собрании сочинений Стругацких повторяет первоначальную версию от 1959 года. И тем читателям, которые предпочитают перечитывать любимые книги в том, первоначальном, многажды уже читанном варианте, рекомендую именно это издание (если у них не сохранился кирпичного цвета

[1] Как раз плохое английское произношение у индийца — не редкость. Но вот почему индиец спрашивает в том варианте у англичанина (и по-английски, естественно): «Спик чайниз?» — *В. Д.*

томик 60-го года с пожелтевшими страницами, но с такими привычными иллюстрациями).

Те же иллюстрации И. Ильинского воспроизвела «Terra Fantastica», публикуя «Страну багровых туч» в «Мирах братьев Стругацких». Об этой серии «людены» узнали на «Интерпрессконе-96» и сразу же провели коротенькое совещание с Николаем Ютановым, главой «Terra Fantastica», на предмет: какую помощь они смогут оказать издательству в подготовке «Миров» и «почему мы раньше не знали?!». В то время я как раз привезла БНу обработанные черновики СБТ. Обилие интересных дополнений к текстам меня тогда потрясло, и я предложила «дополнить» «Страну...». Увы, спешка всегда выходит боком, макет надо было уже отправлять в типографию, и пришлось по приезду из Питера срочно (в течение двух недель) выбирать эти самые «дополнения», перепечатывать их на пишмашинке (компьютер для меня тогда был отчасти фантастикой) и отправлять поездом в Питер (об электронной почте тогда нечего было и мечтать). Из-за спешки и там и тут в тексте появились некие несообразности. И если спешка работников издательства привела к тому, что вставлялись «кусочки» иногда не туда или не так (а один абзац — вероятно, наиболее понравившийся — был вставлен два раза — на 44-ю и 45-ю страницы книги), то моя спешка вылилась в явление на борту «Хиуса» бывшей ипостаси Юрковского — Бирского. Он, оценивая беседу планетолетчиков, хмыкает и... более не появляется до конца повествования.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ СТРУГАЦКИХ В НАЧАЛЕ ТВОРЧЕСТВА

Перечисляя многочисленные исправления в рукописи СБТ, рекомендованные идеологами цензуры, поймала себя на мысли, что все это несколько противоречит словам из «Комментариев» Б. Н. Стругацкого о повести: «...безнадежно дурная, дидактично-назидательная, восторженно казенная <...> обремененная суконной назидательностью и идеологическими благоглупостями Фантастики Ближнего Прицела». Все-таки не настолько Стругац-

кие были в то время (середина пятидесятых) настроены прокоммунистически[1] (не по теории того коммунизма, который они показали в «Полудне...», а того, в котором «каждому по потребности», но потребности эти будет определять верховная власть), если столько пришлось убирать, исправлять, менять...

Правда, это сыграло и отрицательную роль. Теперь Авторы будут заниматься своего рода самоцензурой: если этого не пропустят, то об этом и писать не будем. Либо как-то иносказательно. Либо даже убирая некоторые «непроходимые места» на этапе написания чистовика.

[1] Думаю, что здесь автор книги проявляет некую идиосинкразию к слову «коммунизм» и пытается как-то выгородить, «оправдать» АБС. Вряд ли они в этом нуждаются. А столько менять и править в СБТ пришлось по другой причине: жили они (и мы) тогда вовсе не в коммунистической стране, а в стране военно-бюрократической олигархии, «власти райкомов». Я считаю, что Стругацкие были настроены именно прокоммунистически: они живописали Утопию и верили в ее пришествие. — *В. Д.*

«ИЗВНЕ»

ПОСТУЛАТЫ И ПРИНЦИПЫ

Эта маленькая и забытая даже любителями творчества Стругацких повесть не явилась бы предметом исследования, если бы не обилие фактических материалов, служащих примером ко многим более поздним постулатам Стругацких, которые они брали на вооружение, создавая свои произведения.

«Писать надо либо о том, что хорошо знаешь, либо о том, чего не знает никто».

Повесть состоит из трех рассказов, первый и второй из них описывают по кусочку жизни каждого из братьев (с некоторыми фантастическими дополнениями, разумеется). Восхождение альпинистов-военных — это, конечно, из жизни Аркадия Натановича, служившего на Дальнем Востоке. Археологи в Средней Азии — это из жизни Бориса Натановича; он не раз в своем творчестве будет возвращаться к этому моменту.

А третья часть — это «о том, чего не знает никто». Тут уж братья дали волю своему воображению. Можно только представить себе, как это было упоительно: придумывать новые и новые формы жизни, населяющие зверинец Пришельцев; как по очереди (или перебивая друг друга) каждый старался выдумать что-нибудь более необычное; как затем каждый «вольный полет фантазии» был «испробован на прочность» (а может ли быть таковое вообще). Остается только пожалеть, что мы не присутствовали при таких вот «беседах-сражениях» или что не было с ними в то время магнитофона, записывающего все эти обсуждения, чтобы потом мы могли послушать самое интересное, наверное, в твор-

ческой кухне: обсуждение будущего меню и перечень нужных ингредиентов... Мы можем только вкушать итог этого.

«Объяснительная часть должна быть наиболее короткой; лучше, чтобы ее не было вообще».

Часть такого спора-обсуждения сохранилась в черновиках «Извне». Наверняка именно так и велись беседы за столом, «междусобойчики», в которых каждый из присутствующих отстаивал свою точку зрения, беря доказательства «с потолка» и подтверждая их тогдашними теориями. Беседы в кругу друзей-единомышленников, беседы между коллегами-научниками, беседы в студенческих компаниях. Каждый из нас наверняка может вспомнить такое же.

Сделав несколько вариантов начала «Извне», Стругацкие, вероятно, увидели: то, что так интересно в жизни (каждый помнит, какой подъем, какие пылающие души и глаза, какое воодушевление мы испытывали, обсуждая ту или иную проблему мироздания с друзьями), оказывается при изложении сего на бумаге бледным отражением, засушенным цветком, тенью, безнадежно скучной тенью... Ясна была цель: путем такого вот описания дружеской беседы за столом попытаться объяснить весь дальнейший рассказ... подвести читателя к мысли о существах иных миров... возможно, даже ввести в эту компанию спорящих человека, который точно знает (ибо видел сам), и далее уже вести рассказ от имени свидетеля... Попытка не удалась. Нам же остались несколько зарисовок тех споров... И, возможно, эти листочки, имеющие весьма далекое отношение к рассматриваемой повести, были бы отнесены к отдельному разделу данного исследования «Неизвестные рассказы», если бы не стояло в начале каждого заглавие «Извне» и (чуть ниже) цифра «1», то есть первая глава.

Первый вариант:

— Таким образом,— сказал Астроном,— основные положения нашей теории...

— Скажем, гипотезы,— проворчал Археолог, выбивая трубку.

— ...нашей гипотезы, согласен, могут быть сформулированы следующим образом. Во-первых, среди миллиардов звезд в Большой Вселенной многие имеют планетные системы, сходные с нашей. Есть возражения?

— Пока нет.

— Пока... Хорошо. Известная часть этих планетных систем... а их миллионы, заметь... включает планеты, массовые и температурные характеристики которых совпадают или, по крайней мере, весьма схожи с теми, что мы имеем для Земли, Венеры и Марса.

— И ты можешь доказать это?

— Да. Доказательство довольно элементарно... для обладающих хотя бы самым примитивным понятием о теории вероятностей.

— Ну ладно, ладно. Дальше.

— Во-вторых...

— В-третьих...

— В-третьих, нет никаких оснований полагать, что эволюция материи на таких планетах идет путем, резко отличным от эволюции материи в условиях Земли, или совсем отсутствует. Согласен?

— Мгм...— Археолог снова набил трубку и зажег спичку. У него было худое нервное лицо, большой залысый лоб и всего два пальца на левой руке.

— Следовательно,— продолжал Астроном, следя за клубами голубого табачного дыма, расползающимися под потолком,— эволюция эта непременно приводит к возникновению и развитию жизни или жизнеподобных форм на указанных планетах...

— И, в конечном счете, к появлению человека,— нетерпеливо закончил Археолог.— Я понял тебя. Ну и что же?

— Не обязательно человека... Скажем, разумных существ.

— Так, ясно. Ну и что из этого?

— Погоди, не торопись. Значит, ты согласен с тем, что в разных... и достаточно многочисленных уголках Вселенной должны возникать, существовать и развиваться сообщества разумных обитателей?

— Конечно, согласен.— Археолог саркастически усмехнулся.— Согласен, тем более что все сказанное тобой я вынужден принимать на веру, и никто не докажет мне обратного.

Астроном весело засмеялся.

— Ты — изумительный негодяй. Хорошо, ты согласен. Но это еще не все. В-пятых... ведь в-пятых, кажется?

Археолог пожал плечами.

— Пусть будет в-пятых.

— В-пятых, хотя в масштабах Вселенной возраст всех существующих планет примерно одинаков — порядка пяти миллиардов лет, с точки зрения масштабов исторического развития человеческого общества — или обществ человекоподобных разумных существ — обитателей других миров — наши планеты сильно отстают или обгоняют друг друга. Здесь могут играть роль самые разнообразные факторы, их я касаться не буду, но приходится принять за истину, что человечества на различных планетах находятся на весьма разных ступенях социального развития.

Археолог отложил трубку. В глазах его блеснуло любопытство.

— И какова, по-твоему, эта разница?

Астроном пожал плечами.

— Ты, друг мой, хочешь от меня слишком многого. Но я думаю, что не ошибусь, если представлю себе в этот самый момент обитателей планеты... ну, планеты «Икс», скажем, сидящими на деревьях или пожирающими сырое мясо, а обитателей планеты «Игрек» — занятыми строительством сотого по счету термоядерного реактора...

— А обитателей планеты «Зэт» — сидящими, как вот мы с тобой, с трубочками в зубах и обсуждающими проблемы жизни во Вселенной...— подхватил Археолог.

— А обитателей еще какой-то планеты,— с расстановкой произнес Астроном,— еще в виде протоплазмы, из которой только через несколько сот миллионов лет появится что-либо, похожее на порядочное животное.

Археолог задумался.

— Но,— сказал он, слегка запинаясь,— следовательно, по-твоему, могут быть миры, человечества которых обогнали нас на многие сотни лет...

— Ага, дошло-таки! На многие сотни и на многие тысячи, десятки, сотни тысяч лет! Миллионы лет! — Астроном торжествующе поднял руку.— Какой прогресс! Ты можешь себе представить это? Можешь себе представить, чего они достигли, какая у них техника, какие отношения между собой? И все это не

когда-то и не когда-нибудь, а именно теперь, сейчас, в эту самую минуту...

— Где-то...— насмешливо сказал Археолог.

— Да... где-то. Ну, что, согласен ты с этим положением нашей теории?

— Гипотезы... Согласен, пожа-алуй. И, опять-таки, что из этого?

— Гм...— Астроном крепко почесал затылок.— Сейчас мы подойдем к самому главному. Скажи, пожалуйста, дорогой историк, в чем, по-твоему, суть и цель развития общества индивидуумов, наделенных разумом?

— Ковар-р-рный вопрос. Попробую ответить. Суть... то есть, первооснова, как указал еще Маркс, состоит в развитии производительных сил, техники. Что касается цели, то...— Археолог подумал.— Если не брать во внимание всевозможных социальных перипетий, а начать прямо с коммунистического общества, то целью развития будет обеспечение максимального господства человека над природой.

— И это господство человек обеспечит себе, не правда ли?

— Можешь спорить на свой лучший телескоп... или что у тебя там.

— Ну, вот. Значит, суть развития общества состоит в качественном и количественном развитии производительных сил, каковые необходимы для покорения пространства и времени. Прекрасно. Следовательно, ты не станешь теперь отрицать, что человечества, далеко обогнавшие нас в своем развитии, обладают поистине гигантскими возможностями, какие нам, людям Земли, и не снились...

— Не буду отрицать.

— Что такие человечества могли уже существовать где-то еще в младенческие годы нашей планеты...

— Возможно.

— Что они уже тогда могли обладать и тем более обладают в настоящее время совершенно фантастической властью над такими силами природы, о которых наши мудрецы, друг Горацио, и понятия не имеют.

— Ну ладно, понятно. К чему ты гнешь?

— А вот к чему. В-шестых и последних.— Астроном хитро прищурился.— Принимая во внимание пять предыдущих по-

ложений, которые мы с тобой согласились считать бесспорными... так ведь?

— Ну?

— В-шестых и последних, верхом легкомыслия было бы утверждать, что за последние сотни миллионов лет нашу планету не посещали жители других миров.

Археолог медленно вынул изо рта трубку и спокойно сказал:

— Воистину, в огороде бузина, а в Киеве дядька. С какой стати им посещать нашу планету?

— Тебе нельзя быть историком, милый друг. Почему ты не пошел в бухгалтеры? Как ты думаешь, что предпримут люди, когда овладеют всеми планетами Солнечной системы?

— Ну, предположим, они устремятся к ближайшим звездам. Но почему именно...

— А потому, господин историк, что они неизбежно будут в первую очередь исследовать планеты, более или менее сходные с их собственной. Они будут искать жизнь вообще и разумную жизнь в особенности. Я не уверяю, что они поставят себе целью установить контакт с другими разумными обитателями Вселенной, но стараться убедиться в самом факте наличия таких обитателей они будут безусловно. Ведь это же элементарно... И ареной их поисков будут, конечно, планеты типа Земли, Венеры и так далее... а не аммиачные пузыри, вроде Юпитера или Урана.

— Это теоретически... вернее, гипотетически.

— Значит, по-твоему, на определенном этапе всякое человечество обречено на самоуспокоение, покой и деградацию?

Археолог не ответил.

— Вот то-то же. Они будут... вернее, они, конечно, уже неоднократно пересекали нашу Галактику в разных направлениях, обследовали каждую из миллионов планетных систем... Возможно, отравлялись и на соседние звездные острова...

— А расстояния? А сотни и тысячи световых лет, парсеков и что там еще есть у астрономов?

— А их супертехника?

Археолог решительно стукнул трубкой по краю пепельницы.

— Это все спекуляция. Болтовня. Можно строить какие угодно гипотезы, основываясь на умозаключениях, и все они

будут выглядеть достаточно правдоподобно, чтобы ввести в заблуждение легковерного профана. А где доказательства?

Второй вариант:

— ...и, разумеется, верхом легкомыслия было бы утверждать, что за несколько миллиардов лет существования Солнечной системы нашу планету не посетили жители других миров. Правда, следы их пребывания обнаружить чрезвычайно трудно... большей частью, вообще невозможно. Но это уже другое дело.

Астроном замолчал и отошел к окну. У него было худое нервное лицо, большой залысый лоб и всего два пальца на левой руке[1]. Археолог, внимательно разглядывавший крохотную статуэтку какого-то восточного божка, поднял глаза.

— Мне кажется, это разговор в пользу бедных,— сказал он.

Астроном живо повернулся к нему.

— Почему?

— Ты все равно не можешь привести доказательств. А без доказательств... ты будешь утверждать одно, я — другое, и с точки зрения присутствующих прав будет тот, у кого крепче глотка и лучше подвешен язык.

— Конечно, важно здесь не то, кто прав, а то, в чем прав...— солидно начал Андрей Андреевич, но Астроном нетерпеливо перебил его:

— Доказательства — это очень сложно в данном случае. Представь себе, кто-то высадился на Земле миллионы лет назад...

— Марсиане? — спросил, усмехаясь, Археолог.

— Пусть хотя бы марсиане. Хотя не обязательно. Даже наверняка не марсиане... и не венерианцы, и не селениты. Скажем, жители одной из планет, обращающихся вокруг ближайшей к нам звезды... или принадлежащих к более отдаленным системам... Неважно.

---

[1] В первом варианте это относилось к Археологу... Можно, видимо, ожидать, что в дальнейших вариантах появятся еще персонажи с большим залысым лицом, худым нервным лбом и двумя пальцами. Ну, как у секретаря Краюхина. Происхождение этого увечья объяснено в ПП, но какую именно характеристику персонажа «Извне» хотели Авторы этим передать? Что означает отсутствие трех пальцев: героизм в труде, отвагу на пожаре? — *В. Д.*

Третий вариант:

— Было бы, конечно, странно, если бы за несколько миллиардов лет существования Солнечной системы нашу планету не посетили обитатели других миров.

— Марсиане? — рассеянно спросил Археолог.

Он был молод. У него было худое темное лицо с высоким лбом и всего два пальца на левой руке.

— Может быть. Возможно, марсиане. Хотя и не обязательно. Вообще разумные существа с других миров — неважно, марсиане или венерианцы, или селениты... Скажем, с планетных систем ближайших звезд или даже с других галактик.

— Полагаю, мы бы знали об этом,— заметил Андрей Андреевич.

— Не обязательно.— Астроном рассмеялся.— Представьте себе, что кто-то высадился на Земле миллионы лет назад. Какие у нас шансы обнаружить следы их пребывания?

— Никаких, несколько я могу судить,— сказал Археолог.

— Никаких. Более того, мы вовсе не наверняка узнали бы о таком посещении, даже если бы оно случилось в наши дни.

— Почему?

— Очень просто. Трудно себе представить, что такие посетители извне стали бы переворачивать на Земле все вверх дном, как это описывает, скажем, Уэллс. Не исключено также и то, что они и сами не обнаружили бы на нашей планете признаков разумных обитателей.

— Очень рискованное... я бы сказал, довольно двусмысленное предположение.— Андрей Андреевич засмеялся. Археолог внимательно взглянул на него, затем повернулся к Астроному.

— Яснее,— сказал он.

— Пожалуйста.

Четвертый вариант:

— Да нет же,— улыбаясь, сказал Астроном.— Я хочу только сказать, что убедиться в существовании жизни на других мирах можно и не покидая Землю.

— Тогда это опять безответственные спекуляции и пустое жонглирование словами.— Археолог раздраженно постучал

трубкой о край медной пепельницы. У него было узкое темное лицо с высоким лбом и всего два пальца на левой руке.— Вы можете сколько угодно наблюдать Марс, Венеру и что там еще есть в ваши телескопы, а потом кричать, что вы открыли каналы — несомненно, искусственного происхождения, углекислый газ — бесспорно, продукт выделения живых организмов, потемнение здесь и посветление там — вероятнее всего, результат цветения или увядания какой-нибудь небесной травы... А потом приходит Фесенко, приходит Опарин, приходит Черт Иванович Веревкин, и они как дважды два доказывают вам, что каналы — обман зрения, что углекислый газ — продукт химических реакций... пятна — что-нибудь в этом роде... Разве не так?

— Так.— Астроном продолжал улыбаться.

— И вы будете спорить с ними до пупковой грыжи, и никто из вас не сможет убедить другого, и дело в конце концов решит большинство голосов — в лучшем случае,— а не фактическое положение вещей. Нет, чтобы убедиться, дорогие мои друзья, надо побывать там... или иметь инструменты посильнее ваших нынешних.

— Совершенно с тобой согласен,— сказал Астроном,— в том, что судить об обитаемости той или иной планеты с нашими наличными средствами и данными пока еще не представляется возможным. Во всяком случае, судить наверняка. Но вопрос о наличии жизни где-нибудь на других мирах в бесконечной Вселенной уже решен.

— А,— насмешливо проговорил Археолог.— Конечно... Я так и знал. Когда не хватает конкретных знаний, всегда обращаются к умствованию. «В противоположность идеализму, утверждающему...» и так далее. Так?

— И так тоже,— согласился Астроном.— Но я имел в виду как раз конкретные знания.

Археолог со страдальческим видом махнул рукой, а Писатель, сонно смотревший на свой стакан с вином, встрепенулся.

— Что-нибудь новенькое, э? — спросил он.

— Пожа-а-алуй,— протянул Астроном.— Ну, не совсем новенькое, но все же... Понимаете, если Магомет не может добраться до горы, то достаточно, если гора придет к Магомету, не так ли?

— Ого! — произнес Писатель, а Археолог насмешливо прищурился:

— Последние новости! Марсиане высадились на Красной Площади!

— Видишь, ты уже понял меня.— Астроном взял бутылку, покачал ее и снова поставил на стол.— Пусто... Так вот, дорогие мои слушатели. Для того, чтобы вопрос о жизни на других мирах был решен положительно, достаточно, чтобы кто-нибудь из обитателей этих миров высадился где-нибудь на Земле, и мы бы увидели их, не так ли?

Пятый вариант:

— А вопрос о жизни на других мирах? — сказал Писатель.— Сколько споров, сколько бумаги!

Астроном быстро взглянул на него, но промолчал и снова углубился в рассматривание почерневшего металлического обруча, подаренного Археологом.

— Да, взять хотя бы вопрос о жизни на других мирах,— с солидным видом кивнул Андрей Андреевич.— Опять-таки, с точки зрения философии...

— Чепуха! — резко сказал Археолог. У него было узкое темное лицо с высоким лбом и всего два пальца на левой руке. Он курил большую черную трубку.— С точки зрения философии нельзя установить ни одного конкретного факта. Вернее, можно доказать все, что угодно.

Андрей Андреевич побагровел.

— Однако, вы не будете отрицать...

— Буду. Вы хотите сказать, что с точки зрения философской в пресловутой Бесконечной Вселенной непременно существуют обитаемые миры. Так?

— Так. И вы не можете...

— Правильно, я не могу это опровергнуть. С другой стороны, я буду вам доказывать — тоже философски, как вы это называете, что нигде, кроме нашей Земли, жизни нет. И вы меня не опровергнете.

— Послушайте...

— Одну минуту. Дело совсем не в этом.

Шестой вариант:

— А жизнь на других мирах? — сказал Писатель.— Сколько споров, сколько бумаги! И ничего не доказано.

— Довольно естественно,— сказал Археолог.— То, что трудно доказать, всегда требует много споров и много бумаги.

Археолог был молод. У него было узкое загорелое лицо с высоким лбом и всего два пальца на правой руке. Он курил большую черную трубку.

— Собственно, что вы хотите доказать? — спросил Философ.— Мы можем считать вполне доказанным, что жизнь существует во многих других местах во Вселенной, помимо нашей Земли. В бесконечном множестве солнечных систем хотя бы только в нашей Галактике непременно должны быть миры, условия на которых сходны с теми, которые мы имеем на Земле. А раз так — непременно и жизнь.

— Вот оно, доказательство философа.— Археолог вынул изо рта трубку и жестко засмеялся.— Те же самые приемы, которыми пользовались его предки, когда считали, сколько ангелов поместится на кончике иглы. Никакого прогресса.

Писатель рассмеялся. Философ нахмурился.

— Можете говорить что угодно, господин насмешник, но это так. Это логика. И кое-кому из присутствующих не мешало бы основательно поучиться ей...[1]

— Знаю, знаю.— Археолог отмахнулся нарочито расслабленным движением руки.— Безграмотные насмешки над праматерью всех наук, опасные аналогии и все такое... Остается толь-

---

[1] Логика... Она-то как раз имеет к этим рассуждениям не большее отношение, чем поминавшаяся в первом варианте теория вероятностей. Наука имеет в рассмотрении одну звезду с планетной системой — Солнце, одну планету с жизнью — Землю и одну жизнь с разумом — человечество. Все построения на таком жидком основании — это индукция по одному члену, где логики меньше, чем в стихотворении В. Шефнера:

Средь множества иных миров
Есть, может, и такой,
Где кот идет с вязанкой дров
Над бездною морской.

— *В. Д.*

ко напомнить этому кое-кому о том, что за такие взгляды еще два десятка лет назад ссылали на Колыму. Но согласитесь, дорогой товарищ, что это все же не доказательство.

— Это, конечно, не доказательство,— подтвердил Писатель, с любопытством глядя на Философа.

— Больше того,— продолжал Археолог.— Вы, философы, всегда до крайности непоследовательны. Когда вы беретесь за конкретный вопрос и начинаете его обрабатывать философски, из этого почти никогда не выходит ничего путного. Вы по очереди хватаете одно и то же философское положение и дубасите им друг друга по голове, и в конце концов побеждает — заметьте, побеждает, а не доказывает — тот, у кого крепче глотка... или голова. И это было бы еще полбеды, если бы вы ограничивались рукоприкладством в своем узком кругу. Нет, вы при всем своем круглом невежестве в конкретных вопросах науки вламываетесь в самую гущу подлинно научного спора, нормальной научной дискуссии и лупите направо и налево людей, ученых, которые, занимаясь конкретными научными проблемами, не сочли нужным или просто не успели освоиться в области логики, гносеологии и других философских пустынь.

— Ну-ну-ну! — пробормотал Писатель.

— Да, да! Сбиваете их с толку, объявляете их пособниками идеализма, запугиваете их и отбиваете у них охоту к настоящей работе. Хуже того, многие из ученых вообще бросают научную работу, основанную на правильной постановке вопроса, кропотливых исследованиях и поисках практических доказательств. Они ныряют в омут умствований и занимаются бессодержательной болтовней вместо работы. Хотите доказательств? Сколько угодно... Да вот, хотя бы по нашему вопросу о жизни на других мирах.

В рукописях есть даже перечень действующих лиц этого спора (Астроном, Археолог, Писатель, Андрей Андреевич, Я) и план, по которому должна вестись беседа[1]:

---

[1] Меня не оставляет ощущение, что Авторы сознательно подражают композиции «Машины времени» Уэллса: беседы некой праздной компании (у Уэллса — Доктор, Психолог, Редактор, Журналист, «я»...) и рассказ одного из ее участников. — *В. Д.*

1) Проблема.
2) Опозоривание философии[1].
3) Общий взгляд на возможность жизни.
4) Однако, это одни пустяки, доказательств нет.
5) Пока не слетаем, не увидим.
6) Или пока они не прилетят.
7) Если бы было, давно бы прилетели.
8) Не обязательно за 20–30 тыс. лет истории.
9) Возможность прилета еще при ящерах.
10) Может быть, уже и на нашей истории.
11) Есть косвенные доказательства: мифы (боги спускаются с неба), драконы и т. д.
12) Это допускает множество толкований.
13) Возможно, и в наше время.— Чушь!
14) Не думаю, что их прилет произвел бы много шуму: сели в Сахаре, в океане, в Амазонке, в деревне, во льдах...
15) Рассказы жителей о-вов о том, как прибило стальную сигару со странными людьми. Их засосало в песках. Один выбрался, его съели собаки (пауки, скорпионы).
16) Странно было бы, если бы только в нецивилизованных областях.
17) Было, что и в цивилизованных. Есть один совершенно достоверный случай и много непроверенных.
18) Чушь!
19) Это так. Только нельзя быть уверенным... В общем, судите сами.

Но далее Стругацкие не пошли. Объяснительная часть оказалась незатребованной. Куда интереснее писать о приключениях, чем объяснять недалекому читателю причины, породившие эти приключения. «Отказаться от каких-либо объяснений» — на это они решатся только гораздо позднее, в «Попытке к бегству», но первая «попытка» вырваться из стандартной в то время фантастики, из канонов ее, осуществилась уже здесь.

[1] Крупнейший американский физик Р. Фейнман заметил как-то: «Философы? Они только стоят возле нашей дороги с таким видом, как будто вот-вот скажут что-то очень важное». — *В. Д.*

МАСШТАБЫ ПРОИСШЕДШЕГО

Можно только досадовать на реалии того времени, на запрет на все яркое, необычное, нестандартное... Массовые (катастрофические или юмористические) приключения не поощрялись. А какой бы яркий, запоминающийся рассказ мы бы получили! Можно дать волю своему воображению и представить ненаписанное (что-нибудь типа «Роковых яиц» Булгакова), прочитав еще один вариант начала повести:

ИЗВНЕ

1.

Около двух часов ночи с двенадцатого на тринадцатое февраля на квартире командира отдельного учебного зенитно-артиллерийского дивизиона зазвонил телефон. Звонки были непривычно громкие и длинные, и полковник, оставив безуспешные попытки нашарить в темноте под кроватью теплые домашние туфли, поспешил в кабинет босиком.

— Слушаю,— хрипло буркнул он в трубку.

— Докладывает второй. Товарищ полковник, звонят из города, секретарь райкома.

— Давайте.

Пол был холодный. Полковник переступил с ноги на ногу, затем кряхтя забрался на кресло и сел на стол. Где-то над потолком или в неплотно прикрытой печке выл и свистел ветер. Пурга мириадами колючих сухих снежинок стучала в окна. Зябко поеживаясь, командир дивизиона с недоумением и тревогой подумал о том, какие причины могли заставить хозяина района, всегда такого сдержанного и спокойного, звонить к нему в это неурочное время. В трубке трещало и посвистывало.

— Алло, Матвеев! — услышал он вдруг заглушенный расстоянием и метелью голос.— Матвеев, слушаешь?

— Да, слушаю... Это ты, Василий Сидорович?

— Я... да, я! Матвеев, срочно требуется твоя помощь...

Тиуи-и-и...

Полковник шепотом выругался, подул в микрофон.

— Ничего не слышно. Что требуется?

— Помощь требуется, говорю. Алло...

— Ага, понял. Говори громче, Василий Сидорович! Что стряслось?

— Косой Яр знаешь? Колхоз «Краснознаменец»...

— «Краснознаменец»?

— Да-да. От города по шоссе на север, потом сразу за мостом через Куршу налево по проселку километров двадцать...

— А, знаю. Мои хлопцы там позапрошлым летом работали. Ну и что?

— Нужно срочно послать туда...

Тууии-и-и... Голос секретаря потонул в визге и скрежете.

— Алло, алло!

— Да, слышишь меня?

— Нет, не разобрал. Кого в «Краснознаменец» послать? Зачем?

— Солдат пошли! Пока пошли взвод, а там видно будет...

— Да что случилось? Пожар, что ли?

— Хуже!

— Алло...

— Хуже, говорю! Непонятное что-то... Вчера утром звонил... сельсовета... и не смогли... пауки... ломают... ловят людей...

На линии снова завыло, заверещало. Полковник сморщился, плотнее прижал трубку к правому уху, левое прикрыл ладонью. В кабинет заглянула заспанная жена:

— Тише кричи, детей разбудишь.

Он нетерпеливо отмахнулся.

— Алло... Василий Сидорович!

— Товарищ Матвеев,— послышался слабый, но более отчетливый голос телефонистки,— Василий Сидорович передает, что из рощи позади Косого Яра выползли какие-то... пауки, ломают в деревне дома и... и людей ловят и уносят...

— Алло, Матвеев, слышишь меня?

— Слышу, но ничего не понимаю. Какие пауки? Что за чушь?

— Говорят тебе, сам еще не знаю. Вчера послали наряд милиции... бежали, за ними гнались.

— Кто гнался?

— Эти... пауки.

— Ага...

Полковник озадаченно посмотрел на трубку и снова прижал ее к уху.

— ...нужно срочно оказать помощь. Поднимай своих хлопцев и как можно скорее... Поедешь через город, захватишь меня.

— Да что делать-то? Какую задачу поставить?

— Задача у тебя одна.— Секретарь, видимо, начинал злиться.— Охранять жизнь и достояние советских людей. Выполняй.

— А... конкретнее?

— Конкретнее... на месте увидим. Я, брат, сам еще ничего не понимаю. Для ясности считай, что будет облава на... на волков, что ли...

— Так, это уже...

— Слушай, ручные гранаты у тебя есть?

— Что?

— Ручные гранаты, говорю... стреляли... говорят, не берет. Ну, действуй. Буду ждать.

Некоторое время полковник молча и сосредоточенно разглядывал свои босые ступни. Он был трезвый и практичный человек, и то, что он слышал, не укладывалось у него в голове. Пауки, вылезающие в метель из рощи! Пауки, которые ломают дома, хватают людей... на которых нужно проводить облаву... и еще ручные гранаты! «Впрочем, райкому виднее»,— подумал он и несколько раз повернул рукоятку индуктора.

— Второй слушает.

— Дежурного по части.

— Дежурного по части вызываю.

— Дежурный? Лейтенант Петренко? Полковник Матвеев говорит. От кого сегодня дежурный взвод?

— От третьей батареи, товарищ...

— Поднять третью по боевой тревоге.

— По боевой?

— Слушайте, что вам говорят, и не имейте привычки перебивать. Поднять третью батарею по боевой тревоге. Дежурному взводу приготовиться к выходу. Вызвать в штаб заместителя по учебной части, замполита, командиров батарей... и начальника боепитания. Я сейчас приду.

Через полчаса из ворот военного городка, подминая сугробы и шаря лучами фар по черно-белой завесе ночной пурги,

выполз гусеничный тягач. Командир дивизиона в полушубке и с кобурой на поясе расположился рядом с водителем. За его спиной в крытом брезентом кузове сидели в два ряда друг против друга двадцать четыре солдата с карабинами и автоматами между колен. Некоторые осторожно ощупывали подвешенные у пояса холщовые сумки. В сумках были гранаты — по две на каждого.

2.

За тридцать три часа до этого, в шесть часов вечера одиннадцатого февраля фельдшер села Косоярское Алексей Фомич Курочкин возвращался из города. [Далее текст отсутствует.]

ВОЕННЫЕ В ОКРЕСТНОСТЯХ КАРАКАНСКОГО ХРЕБТА

Опубликованный текст «Извне» изменился по сравнению с рукописными вариантами мало. Есть какие-то отрывки, которые не попали в окончательный вариант. Есть какие-то моменты, которые были исправлены уже редакторами или цензорами. Есть места, которые изменялись только в какой-то из публикаций повести. Наиболее интересные, с точки зрения данного исследования, отрывки приводятся ниже.

Первый рассказ повести «Извне» в окончательном тексте имеет подзаголовок: «РАССКАЗ ОФИЦЕРА ШТАБА Н-ской ЧАСТИ МАЙОРА КУЗНЕЦОВА». Первоначально же подзаголовок содержал больше информации как по времени, так и по местонахождению излагаемого: «РАССКАЗ ПЕРВЫЙ, любезно предоставленный в распоряжение Сталинабадской комиссии офицером разведки [слово «разведки» позже вычеркнуто] штаба Н-ской бригады майором Кузнецовым и повествующий о странном происшествии, которое имело место у отрогов Караканского хребта на Дальнем Востоке нашей страны в сентябре 196.. года».

Если же брать географические реалии, то вначале они были именно реальными, а не вымышленными (с тем, однако же, минимальным изменением, за которым легко угадывается прототип):

Абакан (позднее — Алакан), Петропавловск (позднее — Павлопетровск и даже Павлодемьянск), Караканский — Калаканский, и Кановская — Адаидская — Адаирская сопка.

Вообще же, черновик этого рассказа проникнут «армейским духом» (более грубыми, более обидными, более «мужскими» шуточками), чем причесанный позднее для печати. Наши советские военные предстают в черновике более реальными, более жесткими... объемными.

Майор Перышкин «всегда радовался случаю, когда можно было забросить сводки и инструкции и поразмять ноги на настоящей работе». Строкулев не вывихивал ногу в танцевальном зале деревенского клуба — его «посадили на гауптвахту».

«Тактические занятия», проводимые на лавовом поле, в рукописи назывались проще: «прицельное бомбометание». «Малодушная перестраховочка», упоминаемая Строкулевым в отношении Гинзбурга, была «недостойным отсутствием несокрушимого мужества у некоторых военных».

Строкулев в окончательном варианте за тайное проникновение в сверток с едой получает звонкий щелчок в лоб от Перышкина. В черновике с ним обходятся более жестко: «Майор ткнул сигаретой в руку Строкулева».

В окончательной редакции Кузнецов не знает «ни одного населенного пункта, где бы у Строкулева не было "одной знакомой девушки"». В первоначальном варианте: «На девятнадцатом километре, правда, есть хутор, где такой знакомой Витька не имеет. Впрочем, недавно Коле Гинзбургу пришлось там заночевать, и оказалось, что на хуторе живут только старик со старухой и несколько свиней, так что Витька здесь ни при чем».

В объяснение случившемуся «майор Перышкин, он же Тартарен из Абакана, туманно намекал на какие-то данные конфиденциального свойства, коими якобы осчастливил его приятель из пограничников, но мы не поверили. <...> Во всяком случае, мнение пограничного приятеля майора Перышкина (если таковое мнение совокупно с самым приятелем не было плодом довольно бедного воображения нашего Тартарена) о том, что человек в сетчатой майке оказался тем самым растратчиком, которого уже полгода разыскивала местная милиция, очевидно, не состоятельно».

Поднявшись на вершину, Гинзбург заявляет:

— Хорошо бы найти записку Швандина...

— Ну и что?

— Я бы ее сжег,— мстительно сказал Коля. Майор Швандин, сухой и не очень умный человек, был ярым противником нашего содружества.

— Это не по-спортсменски,— деловито сказал Перышкин.

Мелкие добавки оживляют действие:

Мы обогнули лавовую стену и увидели, что Строкулев прыгает вокруг банки, дуя в растопыренные ладони и выкрикивая антирелигиозные лозунги. Оказывается, он («мать моя богородица!») истратил полкоробка спичек, пытаясь зажечь хотя бы одну. Спички на ветру гасли. Тогда он взял все остальные сразу и чиркнул по коробку. Спички разгорелись очень охотно, но («в бога, сына и святаго духа!..») при этом обожгли ему ладони.

Из запасов, припасенных в дорогу, изменялось количество взятого коньяка: три бутылки, две бутылки... просто «коньяк» (без указания количества)[1]. Просто «консервы», упомянутые в окончательном тексте, атрибутировались более конкретно: несколько банок «лосося в собственном поту», после чего сразу вспоминается другой набор продуктов — для Дмитрия Малянова.

АРХЕОЛОГИ ВБЛИЗИ САМАРКАНДА

Во второй главе действующие лица в процессе написания меняли имена, фамилии, национальность.

---

[1] Угу, взяли, значит, канистру. Любовь героев ранних произведений Авторов к коньяку хорошо известна. Вот кусок пародии Л. Камионко из «Комментариев»:

«— Черт, — сказал Иван Федотович, — не позавтракать ли? Ты как, Термус?

Термус мрачно повертел ручки пульта управления и вытащил откуда-то снизу бутылку коньяка.

— Киберов я послал, — сказал он бесцветным голосом. — Надо ждать.

Он налил по стакану себе и Ивану Федотовичу». — *В. Д.*

Борис Янович Лозовский в рукописях значился: Борис Яковлевич Стависский (первый и второй черновики), Борис Янович Ковалев (третий черновик), Стронский (последний черновик и первая публикация в журнале «Техника — молодежи»). Его прозвище «пан шеф» ранее имело более разнообразные варианты: «(он же «пан шеф-отец», он же «пан маршал», он же «дядя Боря»)». В третьей главе повести «Извне» «пан шеф» получает еще одно имя: Борис Янович Каневский.

Старинный друг рассказчика второй главы таджик Джамил Каримов так и был в рукописях «старинным другом», но «с пятнадцатилетним стажем» и имел русское происхождение: «Володя Луконин (он же Лукончик, он же «ако Володьков»)» — это в первых черновиках, затем: Володя Лукнин, Володя Чегодарь. Рассказчик вспоминает: «...именно он устроил меня — астронома по специальности — в экспедицию, где я и вкушал все прелести положения человека, без которого можно обойтись, то есть мыл керамику, готовил обед и снимал по мере надобности план раскопок». Въедливые читатели могут поразмышлять о взаимопроникновении жизни автора и жизни его персонажей, вспомнив два романа С. Витицкого (главы об экспедициях) и перечитав «Комментарии» Б. Стругацкого к «Извне». И об этом же говорит исчезнувшее из окончательного текста дополнение к описанию дневника, который утащил Пришелец: «...дневник с последним (лучшим) вариантом экспедиционного гимна... <...> «С-с-скотина!» — произнес Володя с выражением, а то, что было сказано мной (на последний вариант гимна я убил два дня напряженной творческой работы), окончательно убедило его в том, что его друг находится в трезвом уме и ясной памяти».

В черновиках указаны другие направления и расстояния. Этого, вероятно, потребовали цензоры (что странно для нас сегодняшних, но было привычно для того времени). Замок Апида, в окончательном варианте располагавшийся в пятидесяти километрах к юго-востоку от Пенджикента, перемещался в разных направлениях («к северо-западу», к «юго-западу») и находился в ста километрах от Пенджикента.

Даты тоже менялись. «Пан шеф» должен был вернуться 14 августа. Это в окончательной версии. Первоначально же эта дата (и все последующие соответственно ей) была смещена — 23 июля.

А теперь немного смешных подробностей из черновиков:

...Понятие «таджикский замок третьего века» не имеет ничего общего с зубчатыми стенами, железными воротами и подземельями, забитыми скелетами замученных узников...

...Здесь можно найти горелое дерево, обломки глиняных сосудов шестнадцативековой давности, абсолютно современных скорпионов, полных самых ядовитых намерений, и, если повезет, старую позеленевшую монету, с точки зрения непосвященных похожую на монету в той же степени, как и на что-нибудь другое...

...рейсы по ужасным горным дорогам, которые «пан шеф» называл «отнюдь не творением человеческих рук, но пятой стихией и шестым чувством»...

...Глаза у меня были белые, и я встретил их странной фразой: «Без примуса гораздо хуже, чем с оным» и туманно пояснил свою мысль: «Я понимаю — консервы, но зачем ему примус?» — «Кому?» — спросил потрясенный Луконин. «Пауку»,— ответил я и грустно засмеялся...

Почему такие мелкие юмористические замечания изымались при печати — непонятно. Как непонятно и то, почему было убрано дополнение к сноске: «Биштокутар — таджикская карточная игра. У нас она называется "английский дурак"»[1]. Или, к примеру, в рукописях «ГАЗ-69», автомобиль экспедиции, назывался «ГАЗ-51» (и «ГАЗ-151»). То есть экспедиция в рукописях перемещалась не на джипе, а на грузовике.

Причина некоторых изменений понятна. К примеру, в описании подъема космического корабля Пришельцев для большей фантастичности первоначальное «Почти без шума, но из-под днища бил огонь» было изменено на «Ни шума, ни огня, никаких признаков работы двигателей».

Первое появление Пришельца в рукописи сопровождалось комментариями рассказчика, перекликающимися с размышлениями Саши Привалова о столкновении с неведомым:

---

[1] Чего же тут непонятного? Цензоры удалили эту вставку для недопущения пропаганды межнациональной розни. Братский английский народ, ведущий борьбу против империалистов-эксплуататоров... — *В. Д.*

Я думаю, нелегко было бы сосчитать все романы и рассказы, которые были написаны о Пришельцах извне. Я читал очень много таких романов. Во многих из них пришельцы выглядели гораздо страшнее, чем тот, что стоял передо мной, но мне всегда было досадно за поведение тех людей, которые в романах сталкивались с гостями из Вселенной, мне казалось, что уж я бы, наверное, все сделал не так, как они. Но кто мог думать, что, сталкиваясь с Пришельцами, ты чувствуешь себя дурак дураком! Если бы мне сказали, что это — Пришелец, я, может быть, вел бы себя иначе, но ведь я даже не знал, что это! <...> В первый момент я был убежден, что мне померещилось, потом сильно перепугался, решив, что это какое-то неизвестное животное, хотя, откровенно говоря, здравомыслящий человек сразу бы понял, что это не так. Но у меня не было времени рассуждать здраво.

Некоторые подробности не вошли в окончательный текст по вине тогдашних идеологов (и не только от литературы).

Рассуждения о «телемеханических диверсантах» и «кремний-органических чудовищах» дополнялись в черновиках рассуждениями о «космической водородной базе» и «межпланетном шпионском центре».

«Шуточки парней из авиаклуба» первоначально именовались «военные шуточки шутят» и даже «шуточки господ военных».

В окончательном варианте рабочие были просто разочарованы («чая нет и не будет»), первоначально же: «Их выражения были ужасны. Назревала революция, но потом все как-то обошлось». О волнениях рабочих утром: «Володя попытался их успокоить, обещая к вечеру Стависского с консервами и керосином. Что он имел в виду, говоря о керосине, я не понял, но рабочие несколько успокоились и согласились ждать».

Шофер Коля первоначально попал не в милицию, а в больницу, «лежал на койке и страдал от каких-то уколов». Коля сетовал, что после его рассказа о происшедшем «доктора подозревают, что он напился, а в его положении (он только что закончил серию прививок против бешенства) это могло привести и не к таким последствиям. Но как он мог напиться, если сам отлично понимает, что после «бешеных уколов» пить нельзя. Все было вот

так, как он говорит, и никто не верит, и права отобрали, и посадили сюда — колют ежечасно и грозятся сумасшедшим домом... Начинался второй этап наших приключений — последствия. <...> Об этом я рассказывать не хочу и не стану. Тут были и перекрестные допросы, и намеки, и врачебные освидетельствования, и подписки о невыезде, и прочие знаки внимания со стороны общественности».

Впрочем, в одном из вариантов черновика в начале второй главы об этом все же рассказывается:

Об этом, собственно, уже писал какой-то Ж. Астанкинд в одном из прошлогодних номеров «Юного техника». Не знаю, где он взял материал. Отчет комиссии еще не закончен, а настоящих очевидцев было всего двое — я и Володя Луконин. У меня Ж. Астанкинд интервью не брал. Может быть, Володька? Надо будет его спросить. Этот Астанкинд все переврал, на самом деле события разворачивались одновременно и гораздо проще, и гораздо сложнее. Взять хотя бы историю с исчезновением Стависского — ведь нас обвиняли в убийстве! Сначала в неумышленном, а потом, поскольку мы настаивали на своей версии и говорили только правду, то и в злонамеренном. «Что вы сделали с трупом убитого?» Месяц нас держали в Самарканде, взяв подписку о невыезде, пока не приехала комиссия и не нашли дневник «убитого». За создание этой комиссии я должен благодарить профессора Никитина. Он был, пожалуй, первым человеком, который поверил правде, хотя мне и пришлось для этого написать ему четыре письма на десяти страницах каждое. Очень трудно в таких случаях убедить человека, что ты не сошел с ума и не пьешь запоем. Даже такого человека, который знает тебя восемь лет и, смею надеяться, только с хорошей стороны (у Никитина я пять лет учился в университете, три года в аспирантуре и год работал в его отделе). Правда, как я потом узнал, и в суде нашелся человек, который говорил, что все это слишком необыкновенно, чтобы быть ложью. Он говорил, что если бы мы с Володей действительно убили своего начальника (что само по себе сомнительно), то в оправдание придумали бы историю попроще. Только благодаря этому члену суда мы не попали в КПЗ и отделались только подпиской о невыезде.

Шоферам пропавших машин пришлось хуже. По крайней мере, один их них, Джамил,— я его знал, он у нас в экспедиции водил машину недели две,— под перекрестным допросом, сознавая, по-видимому, всю фантастичность правды, «признался», что «машина на яма пошел», то есть свалилась в пропасть. А когда его спросили, где остатки, он горько сообщил: «Очень большой яма был. Машина совсем тамом шудакиски[1] стал. Исто пятьдесят грамм пили остался».

Всего пропало, насколько я знаю, четыре машины: два грузовика (один с грузом муки), ГАЗ-69, приписанный к одной из геологических партий, и наш ГАЗ-51. Пропала корова у одной колхозницы-таджички. Пропал без вести шофер (о нем пишет в своем дневнике Стависский; я думаю, что парень просто скрылся, испугавшись ответственности за машину). Стависский пишет еще об овцах, но я об этом ничего не слыхал. Колхозница, та заявила о пропаже коровы, и Ливанов (председатель комиссии) обещал ей устроить компенсацию.

Вообще Пришельцы оставили после себя довольно много следов — хватило бы и одной пропажи Стависского. Например, летательные аппараты, так похожие на современные вертолеты, несомненно должны были видеть очень многие. Я не говорю уже о насмерть перепуганных шоферах, но их видели колхозники в Фольминдаре, Фарабе и Могиане. Их видели туристы на Маргузорских озерах. И, конечно, мы с Володей и наши рабочие. Пока я был членом Комиссии, мне пришлось разговаривать даже с людьми, которые подробно описывали эти машины, а потом оказывалось, что они их не видели никогда, просто потому что не могли видеть. А один из членов Комиссии как-то смущенно признался, что в нем нарастает уверенность в том, что и ему довелось наблюдать вертолеты Пришельцев, хотя он и прибыл из Москвы через полтора месяца после окончания всех событий.

Здесь дело, я думаю, просто в том, что таинственные летательные аппараты внешне, действительно, поразительно напоминали современные вертолеты. Неискушенный человек не смог бы их различить, а искушенный подумал бы, что это но-

[1] Тамом шудакиски — дословно: совсем конец. — *Прим. Авторов.*

вая модель. Поэтому, в частности, совершенно невозможно установить, долетели ли Пришельцы до крупных городов, до Самарканда, например. Там на них просто могли не обратить внимания — вертолеты в городах теперь не редкость и не событие. В этой связи, между прочим, возникает один очень интересный вопрос. Насколько мне удалось установить, исходя из записей Стависского и собственных впечатлений, Пришельцы пробыли на Земле (точнее, у нас в горах) не более трех дней. Что они успели узнать? Как далеко достигли их вертолеты? На эти вопросы дать ответ невозможно. Этого пока не знает никто.

Два слова о самих Пришельцах. Их видели только двое — я и Стависский. Видел их также пропавший шофер, но, к сожалению, я не знаю людей, которые видели этого шофера. Так что практически все сведения имеют только два источника, и этого, по-моему, достаточно, тем более что описания Стависского целиком совпадают с моими личными впечатлениями.

Об этом пропавшем шофере рассказывает в своем дневнике «пан шеф» (рукопись и первая публикация «Извне» в журнале «Техника — молодежи», 1958 год; опубликована только 2-я глава):

Четвертая машина, опять ГАЗ-151, ЖД 73-98. Шофер Кондратьев. Очень испуган, говорит, что спал, а потом проснулся от гула винтов. Я ему объяснил, как сумел. Машину погрузили. Кондратьев бегал вокруг корабля, ругался, плакал, приставал к Пришельцам. Хотел бить их камнями, но я его удержал. Нельзя обострять отношений. Он выпил мой спирт и лег спать в тени. Его Пришельцы не осматривали, как меня... <...> Кондратьев ушел. Я хотел передать ему этот дневник, но он отказался: подальше от энтих делов. Говорит, что «махнет» на Дальний Восток, боится, что за машину его посадят. Уговаривал идти вместе, я отказался. Он ушел без всяких помех, мог бы даже взять ГАЗ, который почему-то не погрузили, но здесь на машине не проехать.

Выделенные слова в журнальном варианте, конечно, отсутствуют.

В этом черновике в конце главы снова вспоминается журналист Ж. Астанкинд:

От Стависского пока нет никаких вестей. Его жена не верит в эту историю. Она раньше очень хорошо относилась ко мне, а теперь терпеть не может. Она говорит, что здесь что-то не чисто, и требует правды, «даже самой страшной». Что делать — всех не убедишь. Наша комиссия кончает свою работу. Отчет появится в ближайшее время отдельной монографией. Это должно убедить многих.

А что касается статьи Ж. Астанкинда, то ей доверять нельзя. Автор все перепутал. У него там не кибернетические пилоты, как было на самом деле, а чудища неаппетитного вида, похитившие (как вам это нравится?) нашего пана шефа-отца. Для него кибернетическая природа Пришельцев — только одна из наиболее фантастических гипотез, видите ли. В комиссии работают два довольно крупных кибернетика (один из них — академик Тенин), я говорил с ними. Такие киберпилоты уже не фантастика. Нечто подобное создает наша промышленность для первых полетов вокруг Луны и на Луну. Это роботы, способные выполнять целый ряд вполне сознательных операций. Они, например, могут производить химический анализ и радировать результаты на Землю. Я, знаете ли, этого не смог бы сделать, да и товарищ Астанкинд, пожалуй, тоже.

Разительно отличаются начало и окончание второй главы в черновике, приведенные выше, и в первом опубликованном варианте. Жесткая действительность и розово-оптимистическое описание ее. Воистину, на этом примере можно убедиться, как «лакировали действительность». Даже выдуманную действительность. Здесь не упрек Стругацким, здесь, скорее, сочувствие людям того времени.

Начало опубликованного варианта звучало так:

Сейчас, когда весь мир, затаив дыхание, слушает пеленги Девятнадцатого спутника, а экипажи «Советского Союза» и «Вэйдады Ю-и» готовятся в Гоби к старту на миллион километров, интересно вспомнить о странных событиях, имевших место год назад в окрестностях Сталинабада.

И окончание его:

В середине сентября прибыла комиссия, созданная по инициативе Академии наук СССР. Всех нас, как очевидцев, направили к председателю комиссии профессору Никитину. Мы пробыли в распоряжении комиссии около недели и затем вернулись в Москву. А в ноябре...

Некоторые читатели знают об этом, может быть, не хуже меня. Восьмого ноября во все включенные радиоприемники и телевизоры и во все трансляционные сети на земном шаре ворвался громкий, дрожащий от волнения голос нашего дорогого Бориса Яновича Стронского. Мощность передаточного устройства должна была быть огромна, и действовало оно в необычайно широком диапазоне частот.

Стронский по-русски, по-немецки, по-таджикски и по-латыни три раза сообщил, что уже месяц находится на борту исполинского космического корабля, прибывшего, по его мнению, из другой планетной системы и ставшего временным спутником Земли в затененном ее телом пространстве. Стронский с большим энтузиазмом рассказал о тех, кто управляет кораблем и является творцами изумительных паукообразных машин.

— Они... весьма достойные и интеллигентные существа.

По словам Стронского, космический корабль летает вокруг Земли уже почти полтора года. Сами хозяева корабля слишком слабы физически, чтобы рискнуть высадиться на незнакомой планете с ее огромным притяжением, зато их автоматический разведчик совершал перелеты на Землю несколько раз.

— Людям Земли будет интересно узнать,— говорил Стронский,— что механические «пауки» и Черные Вертолеты появлялись в Антарктиде, в северо-восточной Канаде, в Норвегии. Их дебют в Таджикистане был первой высадкой в низких широтах.

Торопясь, вероятно, перейти к главному, Стронский больше не останавливался на подробностях своего пребывания на корабле. Он передал, что гости из космоса выражают желание познакомиться и с другими представителями человечества, «более компетентными, чем я», для чего предлагают встречу в любой точке орбиты корабля-спутника. Наблюдая за искусственными спутниками и автоматическими ракетами, запускаемыми

с Земли, они прониклись уверенностью, что такой перелет не выходит за пределы технических возможностей людей.

В заключение Борис Янович передал привет жене, друзьям и «всем, кто меня знает», и поздравил соотечественников с пятидесятой годовщиной Великого Октября.

Через несколько дней Девятнадцатый спутник начал передавать свои пеленги. Гости делали все, чтобы облегчить нашим ученым подготовку к перелету.

Когда по пеленгам были определены параметры орбиты корабля, выяснилось одно любопытное обстоятельство. Оказалось, что Девятнадцатый был впервые обнаружен в апреле, за четыре месяца до появления в Таджикистане Пришельцев. Его наблюдала Тер-Марукян, молодая сотрудница Симеизской обсерватории. Тер-Марукян решила, что это обломок английской ракеты-носителя, взорвавшейся незадолго до того в верхних слоях стратосферы.

Остальное известно. На совместном совещании представителей президиумов Академии наук СССР и Китайской Народной Республики было решено принять предложение гостей и послать на рандеву «Советский Союз» и «Вэйдады Ю-и», первые в истории земного человечества пилотируемые атомные межпланетные корабли. Эти корабли готовились к рейсу вокруг Луны, но изменение маршрута не вызвало у экипажей возражений. Соединенные Штаты посылают одну беспилотную ракету, снаряженную автоматическими телепередатчиками.

Пройдет немного времени, и мы узнаем о природе наших гостей Извне и об устройстве их звездолета и необыкновенных механизмов, которые они посылали на Землю. Но кое-какие выводы можно сделать уже теперь.

Далее в тексте идут уже известные нам предположения и размышления о паукообразных машинах, и — как апофеоз:

Через неделю стальные гиганты, созданные гением Человека, устремятся в ледяную пропасть Вселенной для встречи с Разумом Другого Мира. Нельзя без волнения думать об этой встрече, открывающей новую страницу в истории нашей планеты.

«...О ЧЕМ НЕ ЗНАЕТ НИКТО...»

3-я глава первоначально называлась: «РАССКАЗ ТРЕТИЙ, записанный, в основном, со слов Б. Я. Каневского его другом археологом Владимиром Литвиненко и названный здесь БОРИС ЯНОВИЧ КАНЕВСКИЙ («На борту Летучего Голландца»)»,— и имела тот же строй повествования, что и измененная глава в «Стране багровых туч» «Лев Вальцев объясняет», а именно — дружеская беседа за столом. Не получилось тогда опубликовать «междусобойчик», не получилось и здесь. Удалось только С. Ярославцеву в «Подробностях жизни Никиты Воронцова»...

Сохранив, в основном, факты, рассказанные «паном шефом», Авторы убрали все отступления, размышления и шуточки, нужные, вероятно, для того, чтобы хоть немного разрядить сухой отчет о событиях... Сначала, как водится, надо было рассказать о самом рассказчике.

Сейчас, когда крупнейшие газеты мира регулярно публикуют на своих страницах эфемериду Девятнадцатого спутника, когда в далеком Гоби готовятся к старту на полмиллиона[1] километров огромные звездолеты «Советский Союз» и «Вэйдады Ю-и», когда имя Бориса Яновича Каневского, окруженное ослепительным ореолом славы, прогремело по всему свету, когда, наконец, всем уже ясна связь между удивительными и необъяснимыми порознь событиями последних двух лет (я имею в виду, во-первых, прошедшее два с половиной года назад незамеченным сообщение наблюдателей Афинской обсерватории об открытии странного тела овальной формы, обнаруженного в созвездии Ориона, наблюдавшегося в течение двух ночей и затем потерянного; во-вторых, таинственное исчезно-

[1] Странно. Чтобы оставаться в затененном Землей пространстве, спутник должен делать один оборот в год. Это соответствует радиусу орбиты приблизительно в 2 млн. км. И все равно ничего не выйдет: полная земная тень кончается на расстоянии менее 1,5 млн. км. Кстати, интересно, как умудрились обнаружить инопланетный корабль на таком расстоянии (да еще в тени, ну, в полутени) астрономы Земли? И принять за «обломок английской ракеты-носителя, взорвавшейся незадолго до того в верхних слоях стратосферы»? — *В. Д.*

вение ИСЗ-11, появившегося вновь только через пять суток и на совершенно иной орбите,— факт, оставшийся известным только астрономам и никем в свое время не объясненный; в-третьих, открытие Девятнадцатого спутника, принятого астрономами Бюраканской обсерватории за осколок английской ракеты-носителя; и, наконец, поразительные приключения Бориса Яновича — его удивительное исчезновение при весьма необычных обстоятельствах в районе Пенджикента в Таджикистане и столь же удивительное появление через полторы недели где-то на Дальнем Востоке),— так вот, именно сейчас я никак не чувствую себя уверенным в том, что настоящее повествование способно представить сколько-нибудь значительный интерес. Однако меня побуждают к действию как вполне на мой взгляд естественные досада и раздражение Бориса Яновича (моего, смею заметить, близкого друга), вызванные причинами, излагаемыми ниже, так и тот факт, что в моем распоряжении находится целый ряд замечательных подробностей, связанных с необычайными приключениями моего друга и по тем или иным причинам до сих пор еще не известных широкому кругу читателей. И только вышеизложенным соображениям будет обязан этот рассказ своим возможным появлением в печати.

Уже чувствуется характер рассказчика, правда? Тут хотелось бы поговорить о яркой особенности Стругацких показывать характер... да всю внутреннюю сущность персонажа посредством его же размышлений. Ярче эта особенность проявилась позднее, но заметна она уже здесь... Однако продолжаем:

Впервые он зашел ко мне только через месяц после своего возвращения в Ленинград. По словам очевидцев, мы долго стояли обнявшись в прихожей, время от времени с силой ударяя друг друга по спинам. Конечно, я уже знал о его возвращении. Я читал потрясший меня короткий и скупой рассказ о его приключениях, напечатанный прежде всего в «Смене» и центральной «Правде» и появившийся затем почти во всех наших газетах. Я читал очерки о нем в «Огоньке», в «Советском Союзе» и еще в десятке толстых и тонких журналов. Я слыхал об овации,

устроенной ему сотрудниками в Эрмитаже. Я успел даже составить подборку по иностранным газетам, где верили и не верили, ругали и восхищались, славословили и мешали с грязью и даже объявляли коммунистической пропагандой его удивительные приключения. Одним словом, мне следовало бы быть подготовленным к этой встрече, но, откровенно говоря, я пришел в себя окончательно только когда мы ввалились в мой кабинет и Борис Янович с привычной непринужденностью рухнул на мой диван, задрав длинные ноги в желтых ботинках и сразу напомнив мне прежние спокойные времена академических споров о способах датировки памятников по керамике или о преимуществах крюшона перед глинтвейном.

Он был всё такой же или почти такой же: толстый, добродушный и очкастый. Только черную шевелюру пересекала серебристая полоска седины, да на правой руке темнел рваный, давно заживший шрам.

О начале разговора у меня сохранились самые отрывочные воспоминания. Мы хохотали, обменивались междометиями, пили чай, потом водку, потом снова чай, потом какое-то вино. Я рассказал ему про конгресс в Копенгагене. Он сообщил новый анекдот об археологе и кактусе. Мы чего-то выпили и принялись снова хлопать друг друга по спинам. Я включил приемник, и мы с большим вниманием прослушали песенку о «гармонисте хоть куда» и сводку погоды на шестнадцатое августа. Потом я сварил кофе, притащил банку варенья и показал Борису Яновичу толстую папку с газетными и журнальными вырезками. Я хотел сделать ему приятное, но он с явным отвращением перебросал заметки и с наслаждением чертыхнулся. Это меня несколько изумило.

— Ты чем-нибудь недоволен, Яныч? — спросил я.

— А ты доволен?

— Вполне. Некоторые очерки написаны отлично. Вдохновляют и зовут.

— Именно.— Он снова перебросал вырезки.— Зовут... Этакие перлы.

И он зачел вслух и с выражением:

— «Зловещая дыра люка манила и звала его неведомыми тайнами. Его ожидали мучения голода и жажды, может быть,

смерть, может быть, потеря навеки всего близкого, дорогого — Родины, друзей, Земли,— всего того, что вело его на этот подвиг. Но ни один мускул не дрогнул на мужественном лице Человека, когда он шагнул в черный люк...»

Он отбросил вырезку и сказал хмуро:

— Очерк называется «Человек и Неведомое». Меня там величают не иначе, как Человек — с большой буквы...

— Подожди,— начал я, но он не стал слушать.

— Мне присылают сейчас очень много писем, буквально со всего света. Позавчера пришло письмо из Зулуланда, адресовано «СССР, Каневскому». Письма попадаются ну просто чудесные — теплые, дружеские, написанные зачастую такими замечательными людьми. И во всех письмах — ты понимаешь, во всех! — этакое странное ко мне отношение, этакое отношение типа «снизу вверх»... Будто я какой-то сверхчеловек, суперменш, черт всё побрал!

— Естественно...— снова попытался я вставить слово.

— Конечно, естественно! Еще бы! Ведь «мужественное лицо его не дрогнуло»!.. А я не хочу быть сверхчеловеком! Если бы я действительно поступал так, как это расписывают,— тогда пожалуйста! Это должно было бы выглядеть очень эффектно, хотя наблюдать сие шествие Человека все равно было некому, кроме пары «пауков», которым было наплевать. Но на самом-то деле! — Борис Янович закурил, со злобой ломая спички.— На самом-то деле все выглядело, мягко выражаясь, гораздо более обыденно. О мучениях голода и жажды я вообще не думал. И дурак, что не думал! Испортил своей глупостью половину дела. Трап, который теперь все очеркисты именуют как «дорога в неведомое», подо мной раскачивался, и я испытывал совершенно необоримое желание стать на четвереньки, что в конце концов и сделал, стыдливо озираясь. Вот тебе и Шествие: нелепая четвероногая фигура, обвисшие шаровары, оттопыренная майка, под которую я засунул консервы и фонарик, и вдобавок застывшая улыбочка на небритой физиономии! Видал супермена? Ну посуди сам, что может дрогнуть на моем лице?..

Я пожал плечами, но в душе не мог с ним не согласиться: лицо у него, действительно, было не мускулистое и скорее полное, чем мужественное.

— А что до моих чувств,— продолжал он,— то мне запомнилось только жуткое ощущение непоправимости моего поступка и страх. Перед трапом я стоял минут десять. То мне казалось, что возившиеся под конусом «пауки» имеют что-то против моего намерения, то вдруг взбрело в голову, что надо разыскать на площадке куртку, которую я сбросил, когда солнце поднялось высоко. Неловко, видите ли, представлять земную цивилизацию в таком легкомысленном виде: штопаные фланелевые шаровары и сетчатая майка цвета весеннего снега! Так и стоял в раздумье, пока меня не укусил слепень и не заставил двинуться вперед... Я очень боялся потерять Землю, а утро было такое чудное,— добавил он, словно оправдываясь.

Так Борис Янович начал свой удивительный рассказ. За окном уже дремала темная августовская ночь, где-то далеко-далеко вскрикивали паровозы, я курил и слушал Каневского, а он, развалившись на диване, дымил сигаретами, шумно отхлебывал горячий кофе и говорил, говорил, говорил...

Отправляясь в полет, он захватил с собой только флягу с водой, две банки мясных консервов и электрический фонарик с запасной батарейкой. Он рассчитывал найти внутри конуса-звездолета помещение, отведенное для коров, и отсидеться там все время перелета.

— Они захватили корма для скота не более, чем на неделю. Через неделю я уже рассчитывал быть там — на другой планете... Как я ошибся, Володенька, как я ошибся!..

Забравшись в звездолет, он попал в абсолютно темное помещение, представлявшее собою, по-видимому, огромный склад паукообразных машин. Они лежали там штабелями, разобранные, неподвижные, лишенные конечностей — только плоские круглые диски, уложенные в образцовом порядке один на другой. Воздух здесь был горяч и сух, металлический пол обжигал ноги сквозь тапки, как городской асфальт в жаркий день. В этой знойной темноте Борису Яновичу предстояло провести несколько очень неприятных часов. Звездолет скоро поднялся, Борис Янович узнал об этом по резкому увеличению своего веса:

— Мне было очень плохо, милый. Вес увеличился раза в два, а я вешу, слава богу, все девяносто...

Далее текст идет, практически не отличаясь от опубликованного, но в строках о невесомости снова идет отступление:

В этом положении Каневский провисел около двух часов, борясь с неистовыми приступами рвоты, головокружением и изнуряющим чувством затравленности зверя, попавшего в капкан.

— Я вполне мог бы сойти с ума,— рассказывал он, глядя расширенными глазами сквозь меня,— тем более что очень скоро вспомнил о консервном ноже. У меня не было консервного ножа, а свой пчок я, вероятно, потерял на раскопе, когда меня похитил вертолет. Мысль о том, что мне, возможно, неделю придется вот так провисеть между полом и потолком без еды, почти без питья, в гробовой тишине этого черного металлического склепа и беспомощно следить, как медленно тускнеет огонек фонарика... И ждать полной тьмы... Жуткая мысль. Я так отчетливо представлял себе, как Пришельцы, живые Пришельцы, входят в эту камеру, останавливаются и с недоумением рассматривают мой полуистлевший труп!.. Погибнуть так глупо, так никчемно... Я вполне мог бы сойти с ума, но все это, к счастью, кончилось довольно скоро, гораздо скорее, чем я ожидал. Я сказал — к счастью: тогда я еще не знал, что это только начало...

Ниже даются только отрывки главы, которые в черновиках значительно отличаются от опубликованных:

Я ожидал увидеть небо с незнакомым рисунком звезд, огромный темный пустырь ракетодрома, наконец, живых пришельцев, встречающих свой звездолет... Черта с два! Я брел по коридору минут десять, а ему все не было конца, и я начал уже сомневаться, к выходу ли направляюсь, как вдруг очутился в очень большом зале. Я почувствовал это инстинктивно. Впереди была непроглядная тьма, позади стена, чуть шероховатая и, по-видимому, очень высокая — до потолка свет моего фонарика не доставал. Выбора у меня не было. Я подтянул проклятые штаны и двинулся прямо вперед. Но скоро мне пришлось вернуться...

Борис Янович с кряхтением перевернулся на спину и задумчиво уставился в потолок.

— Поставь-ка еще кофейку,— проговорил он.

Я, разумеется, повиновался и, вернувшись с кухни, обнаружил его все в той же позе.

— Ты представить себе не можешь,— сказал он,— что такое полная тьма. Стоило мне выключить фонарик, и я ощущал ее всем телом, как ветер на морском берегу. Она была плотная, липкая и вонючая, и чем дальше я уходил от стены в глубь зала, тем труднее становилось дышать. Наконец я не выдержал и вернулся. Добрался до стены и, помню, долго сидел в темноте (я сразу принялся экономить батарейки), обдумывая ситуацию. Потом я неоднократно пытался добраться до центра этого зала — мне почему-то казалось, что там я найду разгадку всех тайн или по крайней мере воду,— но ни разу мне это не удалось. Я не выдерживал и поворачивал к спасительной стенке. До сих пор не знаю, что там было... Так вот, сидел я и думал.

<...>

Тут Каневский перевернулся на живот и потребовал кофе. Кофе он пил долго и с видимым наслаждением. Съедал ложечку варенья, отпивал кофе и затягивался сигаретой. Это было так аппетитно, что, несмотря на вполне понятное нетерпение, я не выдержал и последовал его примеру, тем более что он на мои понукания ответил, что не скажет ни слова, пока не выпьет еще чашечку «этого чарующего напитка». Он выпил три чашечки этого чарующего напитка, повалился на подушки и продолжал рассказ, а я слушал.

<...>

— Потом я узнал,— рассказывал Борис Янович,— что таких коридоров было несколько. Я насчитал их шесть и еще два ненаселенных...

— Что значит ненаселенных? — изумился я.

— Подожди,— строго молвил он, подымая палец,— не обгоняй естественного хода событий. Формой своего рассказа я избрал повествование по порядку, события должны, следовательно, идти как солдаты на марше — колонной! Вот так. В этих коридорах я провел большую часть времени своего пребывания в другом мире, и, черт побери, там было на что полюбоваться, уверяю тебя!..

Он помолчал, раздумывая.

<...>

— Кончилось тем, что я озверел,— сказал Борис Янович,— я стал рвать жесть ногтями, переломал все ногти и разодрал руку — вот.— Он показал извилистый шрам на правой ладони.— Но в конце концов мне удалось вскрыть банку и я поел[1]. Кровь текла страшно. Мне пришлось снять ремень и перетянуть руку в запястье. Так начались мои настоящие мучения...

<...>

Для меня это было начало конца... До сих пор не понимаю, почему я не бросился в колодец... Это была моя последняя мысль в этом жутком тоннеле. Потом все смешалось у меня в мозгу. Я помню чьи-то крики во тьме: «Воды, воды! Люди!»; тени пауков, скользящие в луче фонарика; огромный зал, полный каких-то сложных блестящих машин, распространяющих волны горячего отравленного воздуха... Помню, как ломился в стену камеры, где сидели коровы, размахивая длинным и страшно тяжелым металлическим обломком, неведомо как попавшим ко мне в руки...

<...>

Спасибо врачам — вытащили меня из лап Старухи Безносой... Ну, полтора месяца назад я пришел в себя окончательно и поднял шум — я не понимал, где нахожусь и как сюда попал. Мне кое-что рассказали, и я вспомнил... Вот, пожалуй, и все.

На этом кончилась наша беседа. Он взглянул на часы, ахнул и сорвался с дивана с криком: «Жена не простит!..»

Но позже мы встречались неоднократно и много говорили обо всем этом.

Фантастические существа в космическом зверинце в черновиках были другими... Вместо слоноподобных бронированных тараканов — слоноподобные жабы. Вместо полурыб-полуптиц ростом с автомобиль — гусеницы ростом с автомобиль. Что-то

---

[1] Борис Янович — опытный полевик, но почему-то не знает (ни в основном тексте «Извне», ни в вариантах) элементарного способа открывать консервы без ножа. Банку берут в руку и трут круговыми движениями о камень, о любую шероховатую поверхность (выше упоминалась шероховатая стена в звездолете). Кольцевая закраина банки истирается и крышка вываливается. — *В. Д.*

невероятно расцвеченное, зубастое и крылатое — что-то крылатое и безногое...

Некоторых чудищ он пытался изобразить на бумаге. Я храню эти рисунки. Я буду показывать их своим детишкам (или детишкам своих друзей) с приговором: «Вот что будет с тобой, мальчуган, если ты не будешь чистить зубы по утрам и не станешь пить кипяченое молоко с пенками».

<...>

У некоторых чудищ во время невесомости внутренности вываливались через рот и болтались этаким гнойно-желтым клубком — бр-р-р... Не знаю, как они обходились, но в общем и целом такие изменения в их организме как-то мало влияли на их самочувствие уже через два-три часа...

Интересны варианты какого-либо термина или слова, встречающиеся у Стругацких в рукописях довольно часто. Они как бы пробуют слово на вкус. К примеру, предложение: «Мне ужасно захотелось пожать плечами, повернуться и неторопливо двинуться обратно к выходу с выражением благородной горечи на лице, как делает солидный человек, огромным усилием воли заставивший себя зайти с больным зубом в поликлинику и узнавший, что зубной врач сегодня не принимает». Сначала: «...как делает гражданин...», потом: «...как делает всякий уважающий себя мужчина...» и уже потом: «...как делает солидный человек...».

КАК ЗАДУМЫВАЛОСЬ...

Первые наработки сюжета (как это потом часто встречается в творчестве Стругацких) весьма отличаются от окончательного текста. Один из первых «рабочих скелетов» «Извне» выглядел так:

I. Жители планеты х-звезды не солнечного типа. Цивилизация ушла на десятки тысяч лет противу нашей. Коммунизм, световые корабли. Имеют связь с менее высокими цивилизациями своих соседей. От нашего района отгорожены черным

облаком. Корабль, вышедший за пределы облака, принял сигналы, истолкованные как сигналы бедствия от цивилизации, мало отстающей от них (или от другого корабля). Принято решение лететь на помощь. Облако непробиваемо для сигналов этого рода, поэтому спасательная база строится перед облаком. Солнце находится в конусе вероятного направления сигналов, недалеко от края. Запущены тысячи кораблей, снабженных кибернетическими лодками-автоматами.

II. Задачи кораблей: подойдя к любому солнцу, имеющему планеты, обследовать эти планеты одну за другой путем приземления и исследования условий на этих планетах на предмет сличения оных с таковыми, указанными в сигнале. Делается это так: корабль становится спутником планеты, двигаясь по сильно вытянутой орбите, и сбрасывает на планету несколько (от двух до десяти) киберлодок с кибервертолетами и киберпилотами. Разведчики доставляют на корабль образцы природных условий. Брать гуманоидов воспрещено.

III. Одна из двух-трех киберлодок, посланных на Землю, приземляется у Пенджикента. Далее см. рассказ. Пришельцы (живые) имеют власть над пространством, так что часть объемов их емкостей находится вне чувственных восприятий человека.

IV. К тому моменту, как С. попадает на корабль, корабль успел уже побывать на нескольких десятках других планет. Приш. не затрудняются таскать за собой весь этот груз целиком, но по внимательном рассмотрении наименее интересные экспонаты выбрасывают. Остальные, наиболее ценные, выводятся из лодок и размещаются в стеклянных клетках в специальном отсеке корабля, в каковых отсеках для них искусственно созданы соответствующие им условия, вплоть до синтезированной пищи или других источников жизненной энергии. С., после того как киберслуги вытряхнули его в одну из таких клеток, выбирается из клетки еще до прибытия инспектирующих пришельцев. Ходит по коридору и рассматривает зверинец.

V. Корабль, выполнив свое задание, возвращается обратно.

Далее, разрабатывая цели посещения Земли Пришельцами, Стругацкие изменяют причину их появления:

Пришельцы страдают от «х-болезни», вызванной свойствами некоторых участков пространства, нам неизвестными. Плачутся, что человек — неуязвим, а они, бедные, очень плохи. Им все грозит.

Они используют для своих передвижений и энергии именно эти неизвестные для нас свойства пространства, которые не даны нам в ощущениях и даже пока в формулах.

И вот они ищут места, где нет «х-болезни». У них цивилизация на десятки тысяч лет обогнала нашу, у них превосходные машины, они не знают ограничений, связанных ни с объемами, ни со скоростями, ни со временем. Несчастная, жалкая группа сверхмозгов, ищущая спокойного убежища для безопасной жизни. Может быть, они используют энергию вращения? Стронский этого не понимает, как и мы, но опишет в тех же словах.

Установили свои посты в радиусе нескольких парсеков от своей планеты, обшаривают систему за системой. Сами боятся летать, чтобы не попасть в зону «х-болезни», посылают роботов, которые и приносят им всякое барахло с других планет. После одного из таких туров занесли инфекцию, многие погибли. Стали осторожнее (раньше у них микробов не было), держат экспонаты под колпаками.

Слепые, все познание основано на звуковых колебаниях.

Их планета обращается вокруг красного карлика.

Видели другие цивилизации, более красивых людей (мумии), видели планеты, разрушенные войнами, видели цветущие цивилизации на безвоздушных планетах. Все описать. И глазами Стронского.

2-я часть — описание путешествия, что увидел Стронский.

3-я часть — возвращение Стронского, его рассказ от своего имени и выводы.

Неизвестно, явилась ли информация из астрономического реферативного журнала основополагающей (натолкнувшей на идею «Извне») или фактической (связывающей выдуманный сюжет и реальную жизнь), но данная выписка хранится в папке с черновиками «Извне» не случайно:

Аббот (Афинская обсерватория) сообщает, что 24.6.54 в 20 ч. всемирного времени он увидел объект 9^m яйцевидной формы в приближенном положении $\alpha = 14^h05^m$, $\beta = -10°05^m$. Из последующих наблюдений получено суточное движение $\mu_\alpha = -46^\omega$, $\mu_\beta = -8^\omega$. Позднее Аббот сообщил новое положение этого объекта 1954.6.30 $\alpha = 14^h05^m$, $\beta = -8°40^m$ (9^m зв. вел.). Это положение не согласуется с полученным ранее суточным движением («Peculiar Object Near Saturn», Vinter Hansen). РЖАстр., 718, 1955.

«ПУТЬ НА АМАЛЬТЕЮ»

По данным интервью, «Три мушкетера» А. Дюма — одна из любимых книг Стругацких. Многие (да и сами Авторы) сравнивают их первое произведение, «Страну багровых туч», с «Тремя мушкетерами». Действительно, эти тексты имеют много общего. Основная параллель, конечно: четыре главных героя (Быков, Дауге, Юрковский, Крутиков), один из которых — новичок...

Своеобразное «Двадцать лет спустя», о тех же персонажах, но через десять, а не через двадцать лет, Стругацкие задумывали сразу же после окончания работы над «Страной багровых туч». Кроме главных героев, продолжающих жить и действовать в уже знакомом мире, было решено ввести в новую повесть еще одного, который протягивал бы ниточку от «Страны багровых туч». Это — Николай Ермаков, сын Анатолия Ермакова, погибшего на Венере...

Глава первая. ВЫПУСКНИКИ

Они в последний раз обходили Школу. Они шли по светлым коридорам, заглядывая в лаборатории, классы, библиотеки, спортивные залы. Они спускались даже в подвалы — обширные помещения с люминесцирующими стенами, заполненные громоздкими механизмами. Пять лет назад само назначение этих механизмов представлялось им загадкой, а теперь они с закрытыми глазами, на ощупь могли найти любой винт, любое соединение.

Школа была битком набита воспоминаниями. Здесь я впервые самостоятельно рассчитал рабочий реактор. Инструктор, старый ядерник Анастас Туманян, нестерпимо долго ползал по чертежам толстым красно-синим карандашом, затем нестер-

пимо долго читал записку и щелкал логарифмической линейкой[1], затем вдруг встал, молча кивнул и ушел. И я был на седьмом небе от счастья. Здесь я однажды крутил на турнике «солнце», сорвался и вывихнул ногу. Ребята подбежали ко мне и помогли мне подняться. У них были озабоченные и встревоженные лица, и я был тронут до слез. Но Жилин, ощупав мое распухшее колено, сердито сказал: «Шляпа», и мне стало очень стыдно. Здесь Нгуэн Фу Дат, смуглый большеротый вьетнамец, похожий на мальчика, обжег руки жидким гелием. Мы с трудом отыскали его в ледяном тумане, когда он все еще пытался заделать пластиком трещину в баллоне[2]. Нгуэн пролежал в госпитале два месяца, и его перевели на отделение дистанционного управления. А вот Большая электронно-счетная машина. Когда на третьем курсе мы приступили к изучению вычислительных систем, Саша Сибиряков не отходил от нее ни на шаг. Он отдавал ей все свободное время, он говорил и думал о ней, словно она была живым существом, он прямо-таки молился на нее. И в один прекрасный день на выходе машины вместо решения какой-то головоломной задачи по космогации выползла голубая лента с печатной надписью: «Люблю дорогого Сашеньку»[3]. Изумленные операторы изменили программу и режим машины, но на выходе снова появилась лента с надписью: «Люблю дорогого Сашеньку». Вся Школа покатывалась со смеху. Саша ходил надутый и злой. Заместитель начальника Школы «Железный Чэнь» устроил курсу тихий разнос. Шутники не сознались, но на следующее утро машина опять работала нормально... Здесь я отдувался на экзаменах по генетике, путаясь в зиготах и аллелях. Если говорить честно, генетика так и осталась сильнее меня.

---

[1] Это ведь не счеты, почему же «щелкал»? И надо уже, пожалуй, давать разъяснение, что это за штука такая — логарифмическая линейка (фант., не бывает?). А вот красно-синий карандаш оказался куда более живучим. — *В. Д.*

[2] Батюшки-светы! Баллон с жидким гелием! И бутыль с жидким водородом... — *В. Д.*

[3] А ведь это можно считать первым (!) упоминанием о компьютерных вирусах, точнее, о троянских утилитах. Из опубликованного: «Думаю, прошу не мешать» в ПНВС и «Привет от Лианта» в ПХХIIВ. — *В. Д.*

Здесь нас приучали к перегрузкам. Все пять лет, каждый понедельник курсанты по два часа крутились в маленьких, обитых стеганой кожей центробежных кабинах. Надо было сидеть и терпеть, широкие ремни впивались в обрюзгшее тело, лицо обвисало, и трудно было открыть глаза — так тяжелели веки. И нужно было, пересиливая себя, решать какие-то малоинтересные задачки или составлять стандартные подпрограммы для вычислителя. Это было ужасно трудно, хотя задачи были совсем простые, а программы были известны еще с первого курса. Некоторые курсанты не выдерживали даже тройных перегрузок, а некоторые переносили даже восьмикратные. Как правило, это были самые худощавые. К концу третьего курса я удовлетворительно переносил пятикратную перегрузку.

И вообще у нас есть о чем вспомнить. Например, дипломный перелет «Спу-16» Земля — «Цифэй» Луна, когда член экзаменационной комиссии старался сбить нас с толку и, давая вводные, то кричал ужасным голосом: «Астероид третьей величины справа по курсу, скорость сближения двадцать два!», то исподтишка переключал курсовычислитель на какой-нибудь невообразимый режим. Нас было шестеро дипломантов, и он надоел нам всем, даже хладнокровному Жилину, который всегда и везде повторял, что людям надо прощать их маленькие слабости. Мы не возражали в принципе, но прощать слабости члену комиссии нам не хотелось. Мы все считали, что перелет рутинный, и никто не испугался, когда вдруг корабль лег в страшный вираж на четырехкратной перегрузке. Мы пробрались в рубку, где член комиссии, учинив очередную проверку, делал вид, что убит перегрузкой, и вывели корабль из виража. Тогда член комиссии открыл один глаз и сказал: «Молодцы, межпланетники», и мы сразу простили ему все, потому что до сих пор никто еще не называл нас межпланетниками, кроме мам и знакомых девушек, но мамы и девушки всегда говорили «мой дорогой межпланетник», и вид у них при этом всегда был такой, словно у них холодеет внутри. И мы сразу вспомнили, что член комиссии — знаменитый межпланетник, налетавший сотни астрономических единиц, что ставить нас на голову и проверять быстроту реакции — это его право и обязанность.

И члены экзаменационной комиссии были знаменитые межпланетники, и инструкторы тоже были знаменитые меж-

планетники. Не было среди них ни одного, с чьим именем не связывалась какая-нибудь полулегенда. Начальник Школы Александр Лазаревич Семенов, грузный, лысый и короткопалый, первый исследователь лун Урана, участник прославленной экспедиции на Каллисто. Заместитель начальника Чэнь Кунь, слывший среди межпланетников под прозвищем «Железный Чэнь», великий мастер «прямой космогации» и создатель теории Зоны Абсолютно Свободного Полета. Курс космогации на трансмарсианских трассах читал Василий Петрович Ляхов, испытатель первых фотонных ракет и командир первого фотонного прямоточника «Хиус-Молния». Он выхлопотал для нас четырехмесячные курсы теории аннигиляционного привода, и мы летали на «Спу-20 Звезду», где шла окончательная доводка «Молнии» перед межзвездной экспедицией. На «Звезде» было очень интересно. Там проводились эксперименты по использованию прямоточных фотонных двигателей, там было много замечательных капитанов и инженеров. Там мы увидели Краюхина — он совершил свой последний внеземной перелет, чтобы увидеть «Молнию». Он подошел ко мне (мы не виделись уже три года) и сказал: «На таких кораблях ты будешь летать, Николай, как мы и не мечтали. Если бы видел отец...», и заковылял дальше, широкий, сутулый, угрюмый. Все останавливались и прижимались к стенам, давая ему дорогу. Он так рано состарился — ведь ему не было и шестидесяти пяти. Когда отец погиб на Венере, мне было двенадцать. Краюхин вызвал меня к себе и сказал: «Твой отец не вернется, Коля. Он остался там». Он больше не сказал ничего, взял меня за плечо и, тяжело опираясь на меня, пошел по широким коридорам Комитета в гараж, взял свой вертолет, и мы с ним летали весь день над Москвой, не говоря ни слова, и он несколько раз передавал мне управление. Может быть, он ждал, что я буду плакать, и хотел помешать этому, но я не плакал. Я плакал накануне, когда прочитал письмо отца, оставленное перед отлетом. На конверте было сказано, когда его вскрыть...

— Коля,— сказал Жилин.— Ты что, Коля?

Николай глубоко вздохнул и провел ладонью по лицу.

— Ничего,— сказал он.— Так, вспомнилось...

— Может быть,— сказал Жилин,— сходим в обсерваторию?

— Хорошо,— сказал Николай.

На «Звезде» вообще было очень интересно. Однажды Ляхов привел нас в ангар. В ангаре висел только что прибывший фотонный танкер-автомат, который полгода назад забросили в зону АСП в качестве лота-разведчика. Танкер удалялся от Солнца на расстояние светового месяца. Это было огромное неуклюжее сооружение, и всех нас сразу поразил его цвет — бирюзово-зеленый. Обшивка отваливалась кусками, стоило прикоснуться ладонью. Она просто крошилась, как сухой хлеб. Но устройства управления оказались в порядке, иначе разведчик, конечно, не вернулся бы, как не вернулись три разведчика из двадцати, запущенных в зону АСП. Мы спросили Ляхова, что произошло. Ляхов ответил, что не знает. Это впервые за два года Ляхов ответил нам, что он не знает. «На больших расстояниях от Солнца есть что-то, чего мы пока не знаем»,— так сказал Ляхов. И только позже мы сообразили, что Ляхов поведет «Молнию» туда, где есть что-то, чего мы пока не знаем. Мы дружно завидовали Ляхову. Потом, когда мы вернулись на Землю...

Они спустились в просторный вестибюль учебного корпуса. Николай остановился и, глядя в сторону, сказал:

— Знаешь, Иван Федорович, я на всякий случай позвоню еще раз.

Жилин сказал:

— Звони.

Николай вошел в комнату междугородного видеофона, прикрыл за собой дверь и некоторое время стоял в нерешительности, разглядывая свое отражение под блестящей поверхностью экрана. Он взял трубку и набрал номер. Новоенисейск был занят. Николай поглядел через стеклянную дверь на Жилина. Жилин сидел в кресле под большим портретом Циолковского, расставив ноги и прочно уперев руки в колени. Он был спокоен, неподвижен и надежен, как гранитный валун. Мимо прошли двое курсантов-первокурсников с чертежными папками, они повернули к Жилину головы и что-то сказали, должно быть поздоровались. Жилин коротко кивнул большим носом. Жилину было тридцать два года. До Школы он был глубоковод-

ником, командовал отрядом батискафов[1] океанологической станции на Кунашире. Жилин был женат, его жена работала сейчас в одной из планетографических экспедиций в системе Юпитера. Для Жилина все это позади. Николай положил трубку и вышел из комнаты.

Жилин встал, внимательно поглядел на него и сказал:

— Знаешь что, Коля? Шут с ней, с обсерваторией. Пойдем, Коля, пообедаем.

Утром они договорились, что обедать будут на аэродроме, но Николай промолчал. Они отправились в столовую через парк по узкой аллее, обсаженной кустами черемухи. Жилин шагал не спеша, поглядывая по сторонам, насвистывая веселенький мотивчик. Навстречу из-за поворота вышла группа девушек в трусах и майках — курсанты сектора дистанционного управления. Вероятно, они возвращались с баскетбольной площадки. Девушки вдохновенно болтали о каких-то серьезных девичьих делах. Одна из них, высокая худощавая красавица, кивнула Николаю и улыбнулась, показывая ровные влажные зубы. Николай тоже кивнул и улыбнулся. Он узнал ее — позавчера он танцевал с нею на выпускном вечере. Кажется, она училась на третьем курсе. Наверное, Николай понравился ей, потому что она дважды, хотя и в довольно туманных выражениях, пожалела, что не познакомилась с ним раньше, когда он был курсантом. Но он уже забыл, как ее зовут. Он оглянулся. Она стояла, поправляя растрепавшиеся волосы, и глядела ему вслед. Ее правое колено было перевязано пыльным бинтом. Когда он оглянулся, она несколько секунд без улыбки смотрела на него, затем повернулась и побежала догонять подруг.

— Пойдем,— сердито сказал Жилин.

Они отлично пообедали — в последний раз в школьной столовой. Жилин был большой гурман и любитель китайской кухни. Он утверждал, что «китайский чифань» (так он называл китайскую кухню) является вершиной гастрономических устремлений человечества, и у него было много последователей

[1] Между прочим, действующих батискафов (гондола с бензиновым поплавком) нет уже лет сорок, современные глубоководные аппараты — это не батискафы. — *В. Д.*

не только на курсе, но и в Школе. Они заказали салат с вермишелью из гороха маш, салат из медуз с креветками, каракатицу с ростками бамбука, жаркое «сы-бао» и бульон с крабами. Жилин ловко орудовал палочками, то и дело подливая в свою пиалу пахучую коричневую сою, и неторопливо рассказывал, как ловят каракатиц на островах Мяоледао. Николай ел молча, время от времени поглядывая на него через стол. Прадедами Жилина были питерские рабочие, те, что в фантастические времена, когда и в помине не было ни Школы высшей космогации, ни жаркого «сы-бао», жгли костры на студеных улицах, насмерть воевали белых генералов, отбирали у кулаков драгоценный хлеб. И сам Жилин был точь-в-точь похож на толстовского Ивана Гору — весь из костей и железных мускулов, с большим носом и широким ртом, сутуловатый, с могучей впалой грудью и длинными руками. Обычно Жилин был молчалив, но Николай понимал, почему он сейчас пустился в воспоминания о каракатицах. Николай был рад, что Жилин говорит, и можно молчать.

— Тогда ее снимают с крючка и надрезают мантию,— сказал Жилин.

...Мы потихоньку удрали из клуба и пошли бродить по улицам поселка. Луны не было, свет над домами упирался в низкие неподвижные тучи. Свет поднимался из-за черных деревьев. Мы шли не по тротуару, а прямо по шоссе, чтобы никого не встретить. Она очень боялась, что встретит кого-нибудь знакомого. Впрочем, было поздно, на улицах никого не было, только изредка проносился автомобиль, шурша шинами по рубчатому стеклу шоссе. Тогда ты отворачивалась, и в бегущем свете я на секунду видел твои пушистые золотые волосы. Мы бродили так всю ночь, а на рассвете вышли на окраину. Далеко в черном поле медленно ползли крошечные светлые пятна, доносился едва слышный монотонный многоголосый гул. Я сказал, что это похоже на большой аэродром, а она засмеялась и сказала, что это высокочастотные плуги. «Ох уж эти мне межпланетники»,— так сказала она. Потом мы остановились у тополя, такого высокого, что даже не хотелось задирать голову. Я протянул к ней руку ладонью вверх и подумал: если поймет, значит, все будет хорошо. Мы ни о чем таком не говорили в ту

ночь, и она могла не понять, и она не поняла, только посмотрела блестящими глазами сначала на ладонь, а затем на меня. Я стоял, прислонившись спиной к шершавому теплому стволу, и думал: не поняла, не поняла. И вдруг она нашла мою ладонь, и сразу стало удивительно тихо и пусто кругом, только в висках сильно застучала кровь. Мы возвращались по шоссе в поселок, и я, держа ее руку в своей, сказал: «Знаешь что?» — «Что?» — спросила она. «Если бы я тебя поцеловал тогда, ты бы, наверное, не рассердилась». Она засмеялась и ничего не сказала, и я опять не решился поцеловать ее. У ее дома, где она жила с братом и с женой брата, мы попрощались за руку, и она неслышными шагами ушла в дом, а я вернулся к пустому темному клубу и глядел на утреннюю зарю, сидя на каменных ступеньках. Когда взошло солнце, прибыл транспортер за ракетой, и я должен был уехать вместе с ракетой. Несколько человек вышли проводить меня — вихрастый наладчик автоматов, хорошенький бригадир с косичками, паренек, который вчера спорил со мной об эмбриомеханике, рыжий пианист — но она не вышла. Наверное, она спала. Потом мы два года переписывались и разговаривали по видеофону, и за эти два года мы тоже ни о чем таком не говорили, я много раз собирался сказать, и вот она вызвала меня к видеофону и сообщила, что выходит замуж. Она была очень счастливой, по-моему. Она показала мне его фото — красивый парень с веселым добрым лицом. Он был преподавателем физики и математики в совхозной восьмилетке[1].

Жилин положил палочки, промокнул губы салфеткой и строго сказал:

— Хватит вспоминать.

— Хватит,— сказал Николай.

— Встали? — сказал Жилин.

— Встали,— сказал Николай.

Они поднялись. Жилин взял Николая за плечо. У него были твердые, как чугун, пальцы.

---

[1] Чтобы спорить об эмбриомеханике и управлять высокочастотными плугами, особенного образования не нужно. И это правильно. И так пол-совхоза куда-то умотало: врут, что в Гоби, на Магистраль... — *В. Д.*

— Ты совсем распустился, товарищ межпланетник,— строго сказал он.— Вспомни, что говорил вчера «Железный Чэнь». Вспомни, что ты мечтал об этом все пять лет.

Николай засмеялся.

— И ты тоже,— сказал он.

— И я тоже,— согласился Жилин.

Накануне вечером заместитель начальника Школы Чэнь Кунь вызвал к себе Ермакова и Жилина. Как всегда, Чэнь говорил тихо, почти ласково, глядя на собеседников большими темными глазами. Ему было около сорока лет, но он казался совсем молодым в узкой синей куртке с отложным воротником. У него были гладкие иссиня-черные волосы и длинная гибкая шея. Наверное, он был бы очень красив, если бы не мертвые серо-розовые пятна на лбу и правой щеке — следы давнего лучевого удара.

— На днях выпускники будут распущены на отдых,— сказал Чэнь Кунь.— Каждому выпускнику следует месячный отдых. За этот месяц Совет Школы готовит распределение. Но я взял на себя смелость предложить вам двоим отказаться от отдыха.

Ермаков покосился на Жилина. Жилин внимательно слушал, уставив большой нос в сторону заместителя начальника.

— Сегодня звонил председатель ГКМПС товарищ Краюхин.— «Железный Чэнь» медленно склонил и затем вскинул голову.— Товарищ Краюхин просил Школу срочно откомандировать в распоряжение третьего отдела Комитета двух сменных борт-инженеров. Вам известно, что третий отдел занимается главным образом грузопассажирской связью с системой исследовательских станций и экспедиций в поясе астероидов и вокруг Юпитера. Вам известно, что трансмарсианские рейсы до сих пор считают наиболее сложными. Вам известно также, что молодые межпланетники назначаются в трансмарсианские рейсы только в особых случаях. Мне представляется, что вы двое как раз и есть такой особый случай, и я взял на себя смелость назвать товарищу Краюхину ваши кандидатуры. Товарищ Краюхин одобрил ваши кандидатуры.

Николай опять поглядел на Жилина. Жилин радостно кивал большим носом.

— Я должен был бы предвидеть,— сказал Чэнь Кунь,— что на предстоящий месяц отдыха у вас, товарищ Жилин, и у вас, Ермаков, могли оказаться какие-либо планы личного порядка. Но сейчас вам представляется редкий для выпускника случай начать работу сразу в максимально сложных и максимально интересных условиях. Именно поэтому я позволил себе не усомниться в вашем согласии и, не уведомив вас предварительно, назвать ваши имена в разговоре с товарищем Краюхиным.

— Се-се Чэнь-тунчжи,— сказал Жилин, улыбаясь во весь широкий рот.

— Благодарю вас, товарищ Чэнь,— сказал Ермаков.

Чэнь Кунь сказал:

— Есть еще одно обстоятельство, которое укрепило меня в моей уверенности. Я считаю возможным теперь же уведомить вас, что вы будете назначены сменными борт-инженерами на «Тахмасиб», новый фотонный рейсовый планетолет типа «Хиус-9». Вашим командиром будет прославленный межпланетник Алексей Петрович Быков, вашим старшим штурманом будет замечательный космогатор Михаил Антонович Крутиков. В их руках вы пройдете первоклассную практическую школу, и я весьма рад за вас обоих.

Николай опустил глаза, чувствуя, как рот его сам собой растягивается в глуповатую счастливую улыбку. Чэнь Кунь встал. Жилин и Николай тоже встали.

— Я думаю, лучше всего будет, если вы отправитесь завтра вечерним воздушным поездом. В Москве вас, наверное, не задержат. Командир «Тахмасиба» ждет вас на ракетодроме Мирза-Чарле. «Тахмасиб» швартуется у «Спу-17» и стартует через две недели.

Чэнь Кунь, «Железный Чэнь», протянул им руку и сказал:

— Счастливого пути и спокойной плазмы.

Это славно, что нас назначили в трансмарсианские рейсы — там настоящая работа, трудная и опасная. И я буду работать с дядей Лешей и дядей Мишей, которых я так люблю. И Жилин, может быть, скоро увидит свою жену. Как славно все получилось. Славно, славно!

— Мы оба мечтали об этом все пять лет,— сказал Николай.

— Вот видишь,— сказал Жилин.— Ну, пойдем попрощаемся с ребятами. Пора в Москву.

Ракетодром Мирза-Чарле отправлял и принимал ионолеты «местного сообщения». Он связывал Землю с ее искусственными спутниками. Со времени первых фотонных ракет рейсовые и экспедиционные планетолеты строились, испытывались, грузились и разгружались, ремонтировались, стартовали и принимались только на искусственных спутниках — чтобы не загрязнять атмосферу Земли радиоактивными отходами. Кроме того, это было много экономнее и проще технически. Сообщение Земли с возлеземными доками осуществлялось через сеть ракетодромов типа Мирза-Чарле посредством автоматических и пилотируемых ионолетов — реактивных устройств, использующих для разгона энергию превращения атомарного кислорода верхних слоев стратосферы в молекулярный кислород. Такие ракетодромы сооружались обычно в пустынях[1] (Мирза-Чарле располагался на юге Заунгузских Кара-Кумов, в трехстах километрах севернее Ашхабада) и мало чем отличались один от другого: несколько сотен квадратных километров ровной поверхности, залитой стеклопластом, сотни гектаров складов и мастерских, непрерывные потоки атомовозов, решетчатые башни радиотелескопов и радиомаяков, огромный прозрачный купол СЭУК (системы электронного управления и контроля) и — несколько поодаль — аэродром и утопающий в зелени городок с обязательной высотной гостиницей на окраине. Через эти стандартные ворота ежедневно уходили в Пространство пилоты, инженеры, ученые, десятки тысяч тонн материалов и продовольствия и ежедневно приходили на Землю необыкновенные металлы и минералы, невиданные животные, драгоценные знания. Иногда через эти ворота возвращались на Землю в запаянных прозрачных цилиндрах[2] те, кто отдал жизнь за власть Человека над Пространством.

На аэродроме Николаю и Жилину сказали, что командир фотонного планетолета первого класса «Тахмасиб» Алексей Петрович Быков остановился в гостинице, восьмой этаж, но-

[1] Понятно, что в пустынях. Один старт этакого «ионолета» — и озонная дырища на всю округу. — *В. Д.*

[2] А зачем же в прозрачных? Видимо, для наглядности, чтобы другим неповадно было... — *В. Д.*

мер такой-то. Через четверть часа Николай постучал в дверь номера такого-то. «Войдите»,— сказал скрипучий неприветливый голос. Жилин кашлянул и переложил чемодан в другую руку. Они вошли. Просторная комната с голубыми стенами и желтым потолком вся мягко светилась в ярком утреннем солнце. Посередине комнаты стоял с полотенцем в руках Алексей Петрович, мокрый, взъерошенный, в красивом шелковом халате. Он ничуть не изменился с тех пор, как я видел его в прошлый раз. Наверное, и с тех пор, как его впервые видел отец. Он совершенно не меняется. Такой же рыжий, такой же красный, такой же сердитый и такой же добрый. И у него по-прежнему круглый облупленный нос, и он по-прежнему втягивает голову в плечи. Алексей Петрович уставился на вошедших маленькими круглыми глазками и сдвинул брови, похожие на зубные щетки.

— А,— сказал он скрипучим голосом.— Борт-инженеры. Наконец-то. Ну, здравствуйте.

Он бросил полотенце на спинку кресла, подошел к Николаю, обнял, на секунду прижался холодной щекой к его щеке. Затем он протянул руку Жилину.

— Я ждал вас вчера вечером, товарищи,— сказал он.

— Мы задержались в Ашхабаде,— поспешно сказал Николай.— Я не мог уйти в первый рейс, не повидав Антонину Николаевну. Антонина Николаевна велела вам кланяться, дядя Леша. И Володя, и Верочка.

Алексей Петрович хмыкнул и стал смотреть в сторону. Все же ему удалось не улыбнуться.

— Ты у нее любимчик,— объявил он.— Ладно. Располагайтесь здесь, я оденусь.

Он вышел в соседнюю комнату, а Николай и Жилин уселись на диван. На диване переплетом вверх лежала раскрытая книга. Николай поглядел на заголовок. «Структуры отражающих слоев». Он засмеялся и подмигнул Жилину. Жилин сидел прямо, расставив ноги и уперев руки в колени. Что-то в его лице напоминало лицо Алексея Петровича, и Николай опять засмеялся. Жилин искоса взглянул на него и тоже улыбнулся широким ртом.

— Между прочим,— сказал из соседней комнаты Алексей Петрович.— Есть две новости.

— Первая? — сказал Николай.

— Ляхов четвертого октября стартует в АСП.

— Мы уже знаем об этом, дядя Леша,— сказал Николай.

— Хорошо получилось, правда? В день пятидесятой годовщины первого спутника — первый пилотируемый старт в межзвездное пространство. И опять русские.

— А вторая новость? — спросил Николай.

— Вторая новость не столько важная, сколько удивительная.— Алексей Петрович вышел в гостиную, застегивая пилотскую куртку.— Кангрен нашел на Меркурии развалины.

— Что нашел?

— Какие-то развалины. Каменные плиты, скрепленные металлическими брусьями, или что-то в этом роде.

Николай сказал с досадой:

— Что-то в этом роде... Неужели это вам не интересно, дядя Леша?

Алексей Петрович прищурил правый глаз и высоко вздернул бровь над левым.

— Конечно, интересно,— сказал он.— Я же говорю: удивительная новость. Да я сам толком ничего не знаю. Ляхов получил из Фернбекса фотограмму и рассказал мне. Подробности будут опубликованы. Ну-ка, дай мне посмотреть на тебя хорошенько.

Николай встал, улыбаясь. Жилин тоже встал, переступил с ноги на ногу и сел.

— Да,— сказал Алексей Петрович.— Борт-инженер. Сколько тебе уже?

— Двадцать три, дядя Леша.

— Да... Двадцать три. А давно ли мы... Да, поглядел бы покойный Анатолий Борисович... Ну, ладно. Будем завтракать.

— Мы позавтракали в самолете, дядя Леша,— сказал Николай.

Алексей Петрович огорчился.

— Свинтусы,— сказал он.— Право, свинтусы. Может быть, еще раз позавтракаете?

— Честное слово, дядя Леша,— сказал Николай.

— Мы сыты, Алексей Петрович,— сказал Жилин.

— Ну и черт с вами,— сказал Алексей Петрович. Он подошел к буфету-автомату, нажал несколько кнопок и достал из

буфета поднос. На подносе был хлеб, винегрет, горячая телятина и графин с фруктовым соком. Алексей Петрович поставил поднос на стол и сказал: — Черт с вами. Ну, рассказывайте, что там у вас в Школе.

Николай стал рассказывать про Школу, а Алексей Петрович с аппетитом кушал, одобрительно кивая и поглядывая в окно, где на горизонте, за сверкающим полем ракетодрома, темнели в белесой дымке исполинские треугольные силуэты ионолетов.

— А скажи мне, Коля,— сказал он вдруг.— Какова температура первичной рекристаллизации стандартного отражателя?

Николай помолчал и ответил:

— Сто пятьдесят тысяч плюс-минус три тысячи градусов.

— Правильно, молодец,— похвалил Алексей Петрович.— Правильно, как таблица логарифмов. Температура низкая. А что вам в Школе говорили относительно траекторий в поле Юпитера?

— «В поле Юпитера надлежит идти по возможности вне плоскости системы спутников, усилив противометеоритное наблюдение и держась не ближе ста тысяч километров от поверхности Юпитера».

— Правильно,— сказал Алексей Петрович.— Золотые слова. Найди это место и загни страницу, как говорил капитан Катль.

В соседней комнате замурлыкал видеофон. Алексей Петрович залпом допил сок, приложил к губам салфетку и вышел. Николай и Жилин поглядели друг на друга. Жилин пожал плечами.

— Слушаю,— раздался голос Алексея Петровича.— Да, я Быков, командир «Тахмасиба». Что? Очень приятно, здравствуйте. Так... И чем я могу помочь?.. Нет, этого я сделать не могу. Не имею права... Послушайте, господин... э-э... господин Маки... Нет, это исключено. Можете обратиться в Комитет межпланетных сообщений... Да... Нет... Передайте господину профессору мои наилучшие пожелания и прочее. Саёнара.

Когда Алексей Петрович вернулся в гостиную, лицо его было краснее обыкновенного, а в стиснутые губы бились невысказанные слова. Он убрал поднос, сел в кресло и некоторое время молча глядел на Жилина и Николая.

— Вот как,— сказал он наконец.— Господин Быков, профессор в настоящее время весьма занят и настоятельно просит отложить старт на двое суток. Вот как.

— Какой профессор? — спросил Николай.

— Профессор Сусуму Окада. Он должен лететь с нами. Звонил его секретарь. Но я не отложу старт ни на сутки. Я стартую точно в шесть ноль-ноль шестого.

Николай слыхал о Сусуму Окада. Это был крупный японский физик, работавший в области создания фантастического «вечного двигателя», двигателя времени. Интересно, что понадобилось Окада за поясом астероидов?

— Дядя Леша,— сказал Николай.— Куда мы летим?

Алексей Петрович прищурил правый глаз и вздернул бровь над левым.

— На Амальтею,— ответил он.— На Пятый спутник Юпитера.

Жилин завозился на месте, улыбнулся во весь широкий рот и крепко потер огромные твердые ладони. Николай тоже улыбнулся и незаметно, но сильно ткнул его большим пальцем под ребро.

— Чему вы радуетесь, борт-инженеры? — осведомился Алексей Петрович.

Жилин заулыбался еще шире, а Николай ответил:

— На Амальтее работает жена Ивана Федоровича.

— А-а...— сказал Алексей Петрович.— Очень удачное совпадение. Кстати, об удачных совпадениях,— сказал он Николаю.— Я совсем забыл сказать тебе. Ведь с нами летят Юрковский и Дауге. Ты помнишь их? Они тоже будут работать на Амальтее. Вот тоже удачное совпадение, правда?

Юрковский и Дауге, Быков и Крутиков. Богдан Спицын и отец. Страшный и прекрасный, с детства знакомый рассказ о страданиях, о потерях, о победе. Имена, прочно связанные с памятью об отце, имена людей, которые бросили к ногам человечества грозную планету. Люди, которые нашли в черных песках Венеры Урановую Голконду — след удара метеорита из антивещества, богатейший источник активных руд. Разве я могу не помнить этих людей? Да, это очень удачное совпадение... если это действительно только совпадение.

Николай сказал:

— Дядя Леша, ведь это ваша работа?

— Э-э... Что ты имеешь в виду?

— То, что меня откомандировали к вам.

— Моя работа? — Алексей Петрович уставился на Николая честными круглыми глазами.— Что ты, Коля! Я и понятия не имел, пока мне не позвонили из третьего отдела. А ты что, недоволен тем, что тебя откомандировали ко мне?

Николай махнул рукой и отвернулся.

— Ладно,— сказал Алексей Петрович.— Хватит болтать, товарищи борт-инженеры. Наш ионолет стартует в четырнадцать тридцать, и у нас есть еще...— Он поглядел на часы.— У нас остается еще пропасть времени, четверть суток. Придвигайтесь к столу, вынимайте ваши записные книжки, и мы посмотрим, как вы разбираетесь в контрольной системе фотонного привода.

И началось избиение.

Позже Стругацкие переработали эту главу, где-то что-то изменив или добавив, где-то усиливая или убирая акценты. Ниже — второй вариант этой же главы.

Глава первая. ВЫПУСКНИКИ

Они сидели в коридоре на подоконнике. Коля Ермаков болтал ногами, а Жилин, вывернув шею, глядел за окно в парк, где на волейбольной площадке прыгали у сетки незнакомые ребята, по-видимому первокурсники, и девчонки с факультета Дистанционного Управления. Ермаков, подсунув под себя руки, смотрел на дверь напротив. На двери была дощечка с надписью: «Высшая Школа Космогации. Заместитель начальника Школы Чэнь Кунь».

— Хорошо играют,— сказал Жилин басом.

— Мальки,— сказал Коля Ермаков, не оборачиваясь.

— Вон тот, четвертый номер, у него отличный пас.

Коля передернул плечами. У него тоже был отличный пас, но он не обернулся. Жилин посмотрел на него и сказал:

— А ты не волнуйся, Николай.

— Я не волнуюсь.

— Ты волнуешься, Николай,— сказал Жилин.— И по-моему, зря. Тут все в порядке.

— А я и не говорю, что не в порядке. Просто Чэнь даст нам распределение.

— Почему это он даст тебе распределение на месяц раньше, чем другим?

— И тебе тоже. Я чувствую. Понимаешь? У меня предчувствие.

— Предчувствие,— сказал Жилин.— Джузеппе Бальзамо. А ты не предчувствуешь, куда нас распределят?

— На лунную трассу,— сказал Коля.— Стажерами.

— Девица Ленорман,— сказал Жилин.— Граф Калиостро. Откуда у тебя это предчувствие?

Слева в конце коридора появился паренек в рабочем комбинезоне. Он приближался неторопливо и вел пальцем по стене. Лицо у него было задумчивое. Он подошел к двери, посмотрел на дощечку, потом повернулся и сказал: «Здравствуйте». Голос у него был печальный.

— Здравствуй, Григорий,— сказал Жилин снисходительно. Ермаков кивнул.

— Вы на очереди? — спросил Григорий печально.

— Да,— сказал Жилин.

Паренек подошел к ним и тоже сел на подоконник. Это был Григорий Быстров, староста третьего курса.

— Что случилось, староста? — осведомился Жилин.

— Кто-то устроил штуку с Копыловым,— сказал Григорий.

— Какую штуку? — спросил Коля Ермаков с интересом.

Валя Копылов славился своей привязанностью к вычислительной технике. Недавно в Школе установили очень хороший электронный вычислитель ЛИАНТО, и Валя проводил возле него дни, и проводил бы и ночи, но по ночам на ЛИАНТО велись вычисления для дипломантов, и Валю прогоняли вон.

— Кто-то из наших запрограммировал любовное послание,— сказал Григорий уныло.— Теперь ЛИАНТО выдает на последнем цикле: «Без Валентина жизнь не та, люблю, привет от Лианта». В простом буквенном коде.

— Отвратительные стихи,— сказал Коля.

Жилин грустно хохотнул и сказал нежно:

— Вот паршивцы.

— Плохие стихи,— сказал Коля, укоризненно качая головой.

— Что ты мне это говоришь? — сказал Григорий Быстров.— Ты этим дуракам скажи. А теперь меня вызвал Чэнь.

— Староста,— сказал Коля.— Ты никуда не годный староста. Твои курсанты пишут отвратительные стихи, и на месте Чэня я задал бы тебе за это основательную взбучку.

Дверь приоткрылась, и высунулась голова дежурного.

— Жилин, Ермаков, товарищ Чэнь вас вызывает.

Коля спрыгнул на пол.

— Пошли,— сказал он. Он был немного бледен. Жилин двинулся следом, подталкивая его в спину чугунным пальцем.

Заместитель начальника Школы Высшей Космогации Чэнь Кунь, слывший среди межпланетников под прозвищем «Железный Чэнь», говорил, как всегда, тихо, почти ласково, глядя на выпускников большими темными глазами. Ему было за пятьдесят[1], но он казался совсем молодым в узкой синей куртке с отложным воротником. Он был бы очень красив, если бы не мертвые серо-розовые пятна на лбу и на правой щеке — следы давнего лучевого удара.

— На днях выпускники будут распущены на отдых,— сказал Чэнь Кунь.— Каждому выпускнику следует месячный отдых. За этот месяц Совет Школы готовит распределение. Но я взял на себя смелость предложить вам двоим отказаться от отдыха.

Ермаков покосился на Жилина. Жилин внимательно слушал, уставив большой нос в сторону заместителя начальника.

— Сегодня звонил председатель ГКМПС товарищ Краюхин,— «Железный Чэнь» медленно склонил и затем вскинул голову.— Он просил Школу срочно откомандировать в распоряжение третьего отдела Комитета двух сменных борт-инженеров. Вам известно, что третий отдел занимается главным образом грузопассажирской связью в системе исследовательских станций и экспедиций района Юпитера. Вам известно, что

---

[1] В первом варианте ему было около сорока. Во времена написания этих текстов старшему из Авторов было примерно 35, поэтому «за пятьдесят» казалось, наверно, глубокой старостью. — *В. Д.*

трансмарсианские рейсы до сих пор считаются наиболее сложными. Вам известно также, что молодые межпланетники назначаются в трансмарсианские рейсы только в особых случаях. Мне представляется, что вы двое как раз и есть такой особый случай, и я взял на себя смелость назвать товарищу Краюхину ваши кандидатуры.

Коля опять поглядел на Жилина. Жилин радостно кивал большим носом.

— Я должен был предвидеть,— сказал Чэнь Кунь,— что на предстоящий месяц отдыха у вас, товарищ Жилин, и у вас, Ермаков, могли оказаться какие-либо планы личного порядка. Но сейчас вам представляется редкий для выпускника случай начать работу сразу в максимально сложных и максимально интересных условиях. Именно поэтому я позволил себе не усомниться в вашем согласии и, не уведомив вас предварительно, назвать ваши имена в разговоре с товарищем Краюхиным.

— Се-се Чэнь-тунчжи,— сказал Жилин, широко улыбаясь.

— Спасибо, товарищ Чэнь,— сказал Ермаков.

Чэнь Кунь сказал:

— Есть еще одно обстоятельство, которое укрепило меня в моей уверенности. Я считаю возможным теперь же уведомить вас, что вы будете назначены сменными борт-инженерами на «Тахмасиб», фотонный рейсовый планетолет типа «Хиус-9». Вашим командиром будет прославленный межпланетник Алексей Петрович Быков, вашим старшим штурманом будет превосходный космогатор Михаил Антонович Крутиков. В их руках вы пройдете первоклассную практическую школу, и я весьма рад за вас обоих.

Чэнь Кунь встал. Жилин и Ермаков тоже встали.

— Я думаю, лучше всего будет, если вы отправитесь сегодня вечерним воздушным поездом. В Москве вас не задержат. Командир «Тахмасиба» ждет вас на ракетодроме Мирза-Чарле. «Тахмасиб» швартуется на Спу-17 и стартует через месяц.

«Железный Чэнь» протянул им руку и сказал:

— Удачи и спокойной плазмы.

Когда они вышли в коридор, Григорий Быстров, староста, все еще сидел на подоконнике.

— Ну как? — спросил он, сползая на пол.

— Что «как»? — сказал Коля.— Что тебя волнует, малёк?

— Как там Чэнь?

— Чэнь! — Коля повернулся к Жилину.— Этот малёк сказал: Чэнь! «Товарищ Чэнь», староста! «Чэнь-тунчжи»! «Железный Чэнь»! «Великий Чэнь»! Понятно? Иди и будь почтителен![1]

Быстров протиснулся в приемную, зацепившись карманом за ручку двери.

— Ну что, Иван Федорович? — закричал Коля.— Что ты скажешь?

Жилин поднял руку и опустил ее на спину Ермакова. По коридору прокатилось трескучее эхо.

— Молодец, Калиостро,— сказал Жилин. Он сиял.

— Прославленный Быков,— сказал Ермаков.— Он же дядя Леша. Превосходный Крутиков. Он же дядя Миша. Ура, Иван Федорович!

— Ура,— согласился Жилин.

Они пошли вдоль коридора, заглядывая в каждое окно.

— Послушай, Иван Федорович,— сказал Ермаков.— Там какие-то девочки.

Он остановился у окна и вытянул шею.

— Вон она,— сказал он.— Видишь, с перевязанной коленкой.

— Кто? — спросил Жилин.

— Не помню.

— Оболтус,— сказал Жилин.

— Нет, правда,— сказал Николай.— Я танцевал с ней позавчера на выпускном вечере.

— Ну, тогда пошли прощаться со школой,— сказал Жилин.

— Я уже прощаюсь,— сказал Николай.— На трансмарсианских линиях нет таких девочек.

— Оболтус,— повторил Жилин.

Коля повернулся и смерил Жилина взглядом.

— Ты,— сказал он.— Женатик. Ты не патриот своей Школы.

— Пошли, пошли,— сказал Жилин и взял Ермакова за плечо.

---

[1] Ну вот, и в Школе Высшей Космогации дедовщина. Впрочем, все блатники-позвоночники любят разводить дедовщину: в случае чего дядя Леша, дядя Миша и дедушка Коля прикроют. — *В. Д.*

— Ай, я уже иду,— сказал Коля.

Они прошли по коридору мимо пустых аудиторий и заглянули в лабораторию низких температур. Здесь три года назад Нгуэн Фу Дат обжег руки жидким гелием, и они не сразу отыскали его в ледяном тумане, когда он все еще пытался заделать пластиком трещину в баллоне.

— Зайдем в вычислительную,— сказал Жилин.

Они спустились по широкой лестнице на первый этаж и заглянули в вычислительную. Там шли занятия, а около серого корпуса ЛИАНТО сидели на корточках трое операторов и рылись в машине[1]. Рядом в аудитории шли экзамены. Несколько первокурсников с мужественными лицами подпирали стену, заложив руки за спину.

— Удачи и спокойной плазмы,— сказал им Коля, проходя. Первокурсники заулыбались и снова стали смотреть перед собой.

— Никогда больше не сдавать экзаменов,— сказал Коля.— Никогда больше не трепетать.

Они свернули и вошли в огромный тренировочный зал. Посреди зала сверкало четырехметровое коромысло на толстой кубовой станине — центробежная установка. Коромысло вращалось, и кабинки на его концах, оттянутые центробежной силой, лежали почти горизонтально. В кабинках сидели курсанты, но их не было видно, потому что в кабинках не было окошек. Наблюдение за курсантами велось изнутри станины с помощью системы зеркал. У стены на шведской скамеечке сидели четверо курсантов в смешных костюмах для перегрузок. Все четверо, задрав головы, следили за проносящимися кабинками.

— Четырехкратная перегрузка,— сказал Жилин, глядя на кабинки.

— Пятикратная,— сказал Ермаков.

Четверо курсантов посмотрели на них и снова задрали головы. Каждый понедельник курсанты по два часа крутились в этих кабинках, приучаясь к перегрузкам. Каждый понедельник

---

[1] Они надеялись отрыть в машине вредоносную программу «Привет от Лианта», вытащить ее на всеобщее обозрение и изничтожить. Втроем. — *В. Д.*

все пять лет. Надо было сидеть и терпеть, широкие ремни впивались в обрюзгшее тело, лицо обвисало, и трудно было открыть глаза — так тяжелели веки. И нужно было решать какие-то малоинтересные задачки или составлять стандартные подпрограммы для вычислителя. Это было ужасно трудно, хотя задачи были совсем простые, а программы были известны еще с первого курса. Некоторые курсанты выдерживали восьмикратные перегрузки, некоторые не выдерживали даже тройных, и их переводили на факультет дистанционного управления. Это называлось «попасть к девочкам».

Коромысло стало вращаться медленнее, остановилось, и кабинки повисли вертикально. Из одной вылез худощавый парень и остановился, придерживаясь за раскрытую дверь. Его покачивало. Парень из другой кабинки вывалился и сразу сел, упираясь руками в пол.

— К девочкам,— вполголоса сказал Ермаков.

Курсанты, поджидавшие своей очереди, вскочили.

— Ни черта,— сказал парень сипло и поднялся.— Не беспокойтесь, ребята.

Он страшно зашевелил лицом, разминая затекшие мускулы.

— Ни черта,— повторил он.

— Полноват,— сказал Коля. Жилин кивнул. Полные плохо переносили перегрузки. Жилин потерял шесть кило, прежде чем стал выдерживать пятикратные перегрузки. Вначале ему было нехорошо, хотя в прошлом он был глубоководником и обладал нечеловеческой силой.

— Похудеет,— сказал Жилин.— Захочет, так похудеет.

В станине открылся люк, оттуда вылез инструктор в белом халате и отобрал у курсантов листки с записями.

— Давайте, Гургенидзе и Саблин,— сказал он. Он бегло просмотрел листки.— Можете идти. У вас зачет.

— Ну, здорово,— сказал полный.— И у меня тоже?

Он сразу стал лучше выглядеть.

— И у вас тоже,— сказал инструктор.

Полный парень вдруг звучно икнул. Все засмеялись, и он очень смутился.

— А ведь сегодня понедельник,— сказал Ермаков Жилину.— Может, прокатимся напоследок? На восьмикратной, а?

Жилин молча взял Колю за плечо и выволок в коридор. Они вышли в сад и уселись на ближайшей скамейке.

— Теперь,— сказал Коля,— давай думать, что делать дальше.

— Ехать на аэродром,— сказал Жилин.

— Это ясно,— сказал Коля нетерпеливо.— Что кроме?

— Пообедать,— сказал Жилин.

Коля посмотрел на него. Жилин сидел неподвижно, расставив ноги и уперев руки в колени. Он был спокоен, безмятежен и надежен, как гранитный валун. Жилину было тридцать лет. До Школы он командовал отрядом батискафов океанологической станции на Кунашире. Жилин был женат, его жена работала сейчас в одной из планетографических экспедиций в системе Юпитера.

— Видишь ли, Иван,— сказал Коля очень осторожно.— Вот что я имею в виду... Что, если нам лететь в Москву не сегодня, а...

— Так,— сказал Жилин.— А в чем дело?

— Видишь ли, Иван Федорович. Есть у меня одно незавершенное дело.

Жилин повернул голову и посмотрел на Колю. Он посмотрел очень пристально, а потом стал смотреть в сторону спортплощадки, где сквозь кусты мелькали красные майки и загорелые ноги.

— Слушай меня, Ермаков,— сказал он тяжеловесно.— Сейчас мы пойдем на обсерваторию, потом пообедаем, потом простимся с Виктором Владимировичем, с Ангелиной Ивановной, с товарищем Ши...

Это были преподаватели и инструкторы.

— Но мы уже простились с ними позавчера.

— Когда это?

— Позавчера, на выпускном вечере.

— На выпускном вечере,— сказал Жилин,— ты занимался танцами с этой перевязанной коленкой.

— Ну и что из этого,— сказал Коля.— А ты просидел весь вечер в буфете.

— Итак, простившись с Виктором Владимировичем, с Ангелиной...

— Ясно,— сказал Коля.— Что дальше?

— Дальше мы поедем на аэродром и,— Жилин посмотрел на часы,— в двадцать два ноль-ноль будем в Москве. Вопросы есть?

Коля вздохнул: он очень не любил прощаний.

— Тогда хоть пошли сначала пообедаем,— сказал он.

— Отчего же, пошли,— сказал Жилин и встал.

Когда стратоплан выскочил из туч, Коля увидел солнце низко над облаками и густо синее небо вверху. Жилин в соседнем кресле посапывал, свесив с подлокотника огромную коричневую лапу. Подошла стюардесса со столиком на колесах. На столике стояли стаканы с чаем, бутылки всевозможных напитков и тарелки с бутербродами. Стюардесса была хорошенькая и очень вежливая. К сожалению, она была очень занята и разговора не получилось. Коля отказался от еды и напитков и стал смотреть сквозь прозрачный потолок в темное небо. Там уже горели яркие немигающие звезды, и вдруг, перегоняя стратоплан, прошла крупная красно-синяя звезда. Это был Спу-20.

Год назад курсанты проходили на Спу-20 четырехмесячные курсы теории аннигиляционного привода. На «Звездочке», так межпланетники называли Спу-20, было очень интересно. Там шла тогда окончательная доводка «Молнии» для межзвездной экспедиции. Там производились эксперименты по использованию прямоточных фотонных двигателей. Там было много замечательных капитанов и инженеров. Там курсанты увидели Краюхина — он совершил свой последний внеземной перелет, чтобы увидеть «Хиус-Молнию». Он подошел к Николаю (они не виделись уже три года) и сказал: «На таких кораблях ты будешь летать, как мы и не мечтали. Если бы видел отец...», и заковылял дальше, широкий, сутулый, угрюмый. Все останавливались и прижимались к стенам, давая ему дорогу. Он рано состарился, ведь ему не было и шестидесяти пяти. Когда отец погиб на Венере, Коле было двенадцать. Краюхин вызвал его к себе и сказал: «Твой отец не вернется, Коля. Он остался там». Он больше не сказал ничего, взял Колю за плечо и пошел по широким коридорам Комитета в гараж, взял свой вертолет, и они летали весь день над Москвой, не говоря ни слова, и он несколько раз передавал Коле управление. Может быть, он

ждал, что Коля будет плакать, и хотел помешать этому, но Коля не плакал. Он плакал накануне, когда прочитал письмо отца, оставленное перед отлетом. На конверте было сказано, когда его вскрыть...

Жилин проснулся, спросил: «Ты чего не спишь?» и опять заснул.

На «Звездочке» вообще было очень интересно. Однажды Ляхов привел их в ангар. В ангаре висел только что прибывший фотонный танкер-автомат, который полгода назад забросили в зону абсолютно свободного полета в качестве лота-разведчика. Танкер удалялся от Солнца на расстояние светового месяца. Это было огромное неуклюжее сооружение, и всех поражал его цвет — бирюзово-зеленый. Обшивка отваливалась кусками, стоило прикоснуться ладонью. Она просто крошилась, как сухой хлеб. Но устройства управления оказались в порядке, иначе разведчик, конечно, не вернулся бы, как не вернулись три разведчика из двадцати, запущенных в зону абсолютно свободного полета. Курсанты спросили Ляхова, что произошло, и Ляхов ответил, что не знает. Это впервые за два года Ляхов ответил им, что он не знает. «На больших расстояниях от Солнца есть что-то, чего мы пока не знаем»,— так сказал Ляхов. И только позже они сообразили, что Ляхов поведет «Молнию» туда,

[Одна страница отсутствует.]

Жилина и спросил ее вполголоса, приятно улыбаясь:

— Простите, мы скоро прибываем?

— Через десять минут,— ответила стюардесса, тоже приятно улыбаясь.

Тогда Коля ткнул Жилина локтем в диафрагму и сказал:

— Вставай, Иван Федорович, Москва.

В Мирза-Чарле они прибыли через день утром. Ракетодром Мирза-Чарле отправлял и принимал ионолеты местного сообщения. Он связывал Землю с ее искусственными спутниками. Со времени первых фотонных ракет рейсовые и экспедиционные планетолеты строились, испытывались, грузились, ремонтировались, стартовали и принимались только на искусственных спутниках — чтобы не загрязнять атмосферу Земли радиоактивными отходами. Кроме того, это было много эко-

номичнее и проще технически. Сообщение Земли с возлеземными доками осуществлялось через сеть ракетодромов типа Мирза-Чарле посредством автоматических и пилотируемых ионолетов, использующих для разгона энергию превращения атомарного кислорода верхних слоев стратосферы в молекулярный кислород. Такие ракетодромы сооружались обычно в пустынях (Мирза-Чарле располагался на юге Заунгузских Кара-Кумов, в трехстах километрах севернее Ашхабада) и мало отличались один от другого: несколько сотен квадратных километров, залитых стеклопластом, сотни гектаров складов и мастерских, непрерывные потоки атомовозов, решетчатые башни радиотелескопов и радиомаяков, огромный прозрачный купол СЭУК (система электронного управления и контроля) и — несколько поодаль — аэродром и зеленый городок с обязательной высотной гостиницей на окраине. Через эти стандартные ворота ежедневно уходили в пространство пилоты, инженеры, ученые, десятки тысяч тонн материалов и продовольствия и ежедневно приходили на Землю необыкновенные металлы и минералы, невиданные животные, драгоценные знания. Иногда через эти ворота возвращались на Землю в запаянных прозрачных цилиндрах те, кто отдал жизнь за власть человека над Пространством.

На аэродроме Николаю и Жилину сказали, что командир фотонного планетолета первого класса «Тахмасиб» Алексей Петрович Быков остановился в гостинице, этаж такой-то, номер такой-то. Алексей Петрович был еще не одет. Он стоял посередине комнаты с полотенцем в руках, взъерошенный, в красивом шелковом халате. Совершенно не меняется, подумал Коля. Такой же рыжий, такой же красный, такой же сердитый, такой же добрый. И у него по-прежнему круглый облупленный нос.

Алексей Петрович уставился на вошедших маленькими глазками и сдвинул брови, похожие на зубные щетки.

— А,— сказал он скрипучим голосом.— Борт-инженеры. Здравствуйте, борт-инженеры.

Он бросил полотенце на спинку кресла и обнял Николая, на секунду прижавшись холодной щекой к его щеке. Затем он протянул руку Жилину.

— Жилин Иван Федорович,— сказал Жилин.— Назначен в ваше распоряжение.

— Рад,— сказал Алексей Петрович.— Прошу.

Он взял полотенце и сказал:

— Располагайтесь. Я сейчас приду.

Он вышел в соседнюю комнату. Коля сел на диван и спросил вслед:

— Как поживает Антонина Николаевна?

— Хорошо,— отозвался Алексей Петрович из соседней комнаты.— Спасибо.

— А Володя и Верочка?

— Хорошо. Спасибо. Володька ногу вывихнул.

— Что вы говорите! — сказал Коля.

— Да,— сказал Алексей Петрович натужным голосом. По-видимому, он надевал ботинки.— С трамплина прыгал, малек.

— Молодец,— сказал Коля и посмотрел на Жилина. Жилин сидел у стола, уткнувшись в журнал. Журнал был очень специальный — он назывался «Структуры отражающих слоев».

— Между прочим,— сказал из соседней комнаты Алексей Петрович.— Есть две новости.

— Да? — сказал Коля.

— Ляхов четвертого октября стартует в АСП.

— Это мы уже знаем, дядя Леша. Хорошо получается, правда? Пятидесятая годовщина первого спутника, День Межпланетника и первый пилотируемый старт в АСП.

— Так и задумано,— сказал Алексей Петрович.

— А вторая новость? — спросил Коля.

— Вторая новость не столько важная, сколько удивительная.— Алексей Петрович вышел в гостиную, застегивая пилотскую куртку.— Кангрен нашел на Меркурии развалины.

— Что-что нашел?

— Какие-то развалины. Плиты, скрепленные металлическими брусьями.

— Здорово,— сказал Коля.— Такие же, как на Марсе?

— Ну, этого я не знаю,— сказал Алексей Петрович.— Ляхов получил из Фернбекса фотограмму.— Он сел у стола напротив Жилина.— Подождем, увидим. Не очень-то я верю в эти развалины. Кангрен любит пошуметь.

— Все равно здорово,— сказал Коля.— Пора бы наконец поискать и на Земле.

— Это не нам искать,— сказал Алексей Петрович.— Это пусть глубоководники ищут.

— Они ищут,— сказал Жилин, глядя в стол.

Алексей Петрович посмотрел на него с любопытством и сказал:

— Ну и пусть ищут. А мы полетим на Амальтею.

— Да ну? — сказал Коля и тоже поглядел на Жилина. Жилин широко улыбнулся.

— У вас там, кажется, супруга работает? — сказал Алексей Петрович.

— Да,— сказал Жилин и улыбнулся еще шире.— Пять лет не виделись.

— Мы знакомы,— сказал Алексей Петрович.— Очень, очень энергичная женщина, Елена Ивановна.

— Да,— сказал Жилин.— Говорят, ее там побаиваются. Я и сам ее побаиваюсь.

Алексей Петрович хотел что-то сказать, но, видимо, раздумал.

— Давайте завтракать,— предложил он.

— Мы позавтракали в самолете, дядя Леша,— сказал Коля.

Алексей Петрович огорчился.

— Ну вот,— сказал он.— Может быть, еще раз позавтракаете?

— Честное слово, дядя Леша,— сказал Коля.

— Мы сыты, Алексей Петрович,— сказал Жилин.

— Ну и черт с вами,— сказал Алексей Петрович.— Сидите голодные.

Он подошел к буфету-автомату, нажал несколько кнопок и через минуту достал из буфета поднос. На подносе стояли три пиалы, соусник, стакан томатного сока и пластмассовая подставка с двумя белыми палочками, завернутыми в целлофан. Острый неповторимый запах распространился по комнате. Жилин вдруг сел очень прямо и вытянул шею. Стул под ним крякнул. Алексей Петрович поставил поднос на стол. Жилин поглядел на поднос и гулко глотнул.

— А может быть, хотите? — снова спросил Алексей Петрович.— Превосходный чифань. Или вы не едите китайский чифань?

— Собственно, а что я ел за завтраком? — рассудительно сказал Жилин, глядя на поднос.— Пустяки. Чай с булочкой.

Коля не выдержал и все-таки захохотал. Жилин был великим поклонником китайской кухни. Он считал ее вершиной гастрономических устремлений человечества.

Алексей Петрович, взявший было палочки, положил их на поднос и оглядел борт-инженеров.

— Вы любите жаркое «сы-бао»? — спросил он Жилина.

— Очень,— сказал Жилин и снова глотнул.

— Ой, не могу,— сказал Коля и лег на диван.

— А еще что? — спросил Алексей Петрович, поворачиваясь к буфету.

— Салат с вермишелью из гороха «маш»,— сказал Жилин быстро.— Салат из медуз с креветками. И бульон с крабами, если можно.

— А каракатицу с ростками бамбука? — спросил Алексей Петрович, нажимая кнопки.

— М-м-м... Очень! — сказал Жилин.— Перестань верещать, Николай.

— Не могу,— сказал Коля, подтягивая колени к подбородку. Он сипел от смеха.

— Что он понимает,— сказал Алексей Петрович, возвращаясь к столу со вторым подносом.— Все межпланетники любят чифань.

Они принялись за еду, ловко орудуя палочками, то и дело подливая в пиалы темно-коричневую сою. Алексей Петрович ел молча, поглядывая в окно, где на горизонте темнели в белесой дымке исполинские треугольные силуэты ионолетов. Жилин сначала тоже молчал, а потом вдруг начал рассказывать о том, как на островах Мяоледао ловят каракатиц. Коля отдыхал, время от времени вставляя: «Ой, не могу».

— Тогда ее снимают с крючка и надрезают мантию,— сказал Жилин.

— Ой, не могу,— сказал Коля.

Алексей Петрович задумчиво покачал головой и вдруг спросил:

— А скажите мне, борт-инженеры, какова температура первичной рекристаллизации стандартного отражателя?

Коля перестал смеяться и сел.

— Сто пятьдесят тысяч,— сказал он.

— Плюс-минус три тысячи градусов,— сказал Жилин.

— Правильно,— похвалил Алексей Петрович.— Температура низкая. А что вам в Школе говорили относительно траекторий в поле Юпитера?

— «В поле Юпитера надлежит идти по возможности вне плоскости системы спутников, усилив противометеоритное наблюдение и держась не ближе ста тысяч километров от поверхности Юпитера».

— Правильно,— сказал Алексей Петрович.— Золотые слова. Найдите это место и загните страницу, как говаривал капитан Катль.

В соседней комнате замурлыкал видеофон. Алексей Петрович залпом допил сок, приложил к губам салфетку и вышел. Коля и Жилин поглядели друг на друга.

— Ого,— сказал Жилин.— Где мои учебники?

— Слушаю,— раздался голос Алексея Петровича.— Да, я Быков. Что? Очень приятно, здравствуйте. Так... И чем я могу помочь?.. Нет, этого я сделать не могу. Не имею права... Послушайте, господин... э-э... господин Маки... Нет, это исключено. Можете обратиться в Комитет межпланетных сообщений... Да... Нет... Передайте господину академику мои наилучшие пожелания и прочее. Саёнара.

Когда Алексей Петрович вернулся в гостиную, лицо его было краснее обыкновенного. Он убрал подносы, сел в кресло и некоторое время молча глядел на Жилина и Ермакова.

— Вот как,— сказал он наконец.— Господин Быков, академик весьма занят и настоятельно просит отложить старт на полторы недели. Вот как.

— Какой академик? — спросил Коля.

— Академик Сусуму Окада. Он летит с нами. Звонил его секретарь. Но я не отложу старт ни на сутки. Я стартую точно в шесть ноль-ноль шестого октября.

Коля слыхал о Сусуму Окада. Это был крупный японский физик, работавший в области создания фантастического вечного двигателя времени.

— Да, это нехорошо с его стороны,— сказал Коля.— А кто еще летит с нами?

Алексей Петрович сразу подобрел.

— Юрковский летит,— сказал он.— И Гришка Дауге. Ты не забыл Юрковского и Дауге, малек?

Юрковский и Дауге, Быков и Крутиков, Богдан Спицын и отец. Страшный и прекрасный, с детства знакомый рассказ о страданиях, о потерях, о победе. Люди, которые бросили к ногам человечества грозную планету. Люди, которые нашли в черных песках Венеры Урановую Голконду — след удара чудовищного метеорита из антивещества.

— Вот он,— сказал Коля и ткнул пальцем в сторону Жилина.— Он рассказал мне эту легенду на первом курсе, и мне пришлось поправлять его, потому что он называл Юрковского Диковским. Всякий малек знает эти имена.

— То-то,— сказал Алексей Петрович.

— Вас называют первыми Десантниками,— сказал Коля.

Алексей Петрович покачал головой.

— Что ты, Коля,— сказал он.— Десантники всегда возвращаются.

— Но ведь и вы вернулись, Алексей Петрович,— сказал Жилин.

— Не все,— сказал Алексей Петрович.— И будет об этом.

Коля помолчал, затем спросил:

— Вы давно их видели в последний раз, дядя Леша?

— Десять лет,— сказал Алексей Петрович.— Но мы переписывались.

— Десять лет, ой-ой-ой,— сказал Коля и посмотрел на Жилина.— А я видел Юрковского в позапрошлом году. Он приезжал в Школу.

— Ну, будет,— сказал Алексей Петрович.— Наш ионолет стартует в четырнадцать тридцать. У нас есть еще время. Николай, садись за стол. Вынимайте ваши записные книжки, борт-инженеры. Посмотрим, чему вас учили.

И началось избиение.

Потом Стругацкие отказались от такого традиционного вступления. «Путь на Амальтею» начинается с середины полета — уже встретились, уже давно вылетели и приближаются к Юпитеру... Все написанные «вводные» главы они убрали. Вариант начала, приведенный выше, все же был затребован. Кое-какие эпизоды

Авторы включили в «Путь на Амальтею», делая их отступлениями-воспоминаниями Жилина; некоторые — преобразовались в одну из глав романа «Полдень. XXII век»; кое-что — описание ракетодрома — вошло в «Стажеров». А вот нижеприведенное начало, за исключением пары эпизодов, так и осталось лежать в черновиках, хотя в нем присутствует немало интересных фактов-дополнений о персонажах и реалиях того мира.

Гл. I. Товарищи межпланетники

Василий Ляхов посмотрел на часы и сказал:

— А не пора ли нам, товарищи?..

— Ну что ж...— сказал член Совета Космогации и поднялся. На лице его появилась неуверенная улыбка. Он явно не мог решить — обнимать ему участников перелета сейчас или позже, у выхода в Главный кессон. Начальник Спутника-9 открыл дверь и пророкотал как в бочку:

— Прошу.

Все потянулись к двери, предупредительно пропуская вперед экипаж Первой Звездной. Их было семеро в синих рабочих комбинезонах, и когда они шли по узким коридорам, встречные прижимались к шершавым стенам, давая дорогу, и провожали их глазами. Многие возвращались и шли следом.

Состав Первой Звездной был хорош. Алексей Петрович Быков знал их всех, одних лично, других — понаслышке. Четверо ученых, трое пилотов. Ученые были все как на подбор молодые ребята, плечистые, с крепкими шеями. Они шли впереди и громко переговаривались на трех языках. Биолог Дьердь (Быков возил его на Амальтею год назад) что-то рассказывал, размахивая длинными руками, а китаец-кибернетик время от времени пронзительно вскрикивал: «Ах, какой я впечатлительный!» И каждый раз корреспондент, который шел рядом с Быковым, досадливо крякал в свой диктофон. Ему явно хотелось, чтобы все шло как следует — все-таки Первая Звездная. Один раз он даже пробормотал внятно: «Черт знает что. Никаких эмоций. Идут, как в столовую». Это был еще очень зеленый корреспондент, и он, вероятно, представлял себе Первую Звездную как торжественные похороны. В известном смысле он

был, пожалуй, прав: перелет продлится восемь лет на субсветовых скоростях, а на Земле за это время пройдет лет десять-двенадцать. Кое-кого из нас они, вернувшись, не застанут, подумал Быков и посмотрел на пилотов.

Они шли сразу за учеными и очень старались не наступать им на пятки. Три матерых межпланетных аса, и каждый из них командовал в свое время фотонным планетолетом, и каждый из них налетал сотни миллиардов километров, и каждый из них мог бы командовать «Фотоном», но командиром назначили Ляхова. Ляхов первый поднял «Фотон» в пространство и первый развил на нем рекордную скорость — сто двенадцать тысяч километров в секунду. И потом — это был Ляхов.

Алексей Петрович глядел в его необъятную сутулую спину и думал, что Ляхову уже за сорок.

Кибернетик снова вскричал: «Ах, какой я впечатлительный», и корреспондент крякнул.

— А вы смотрите на пилотов,— сказал Быков.— Как идут! Картина!

У пилотов был очень сосредоточенный вид.

— Да-а...— сказал корреспондент восхищенно.— Замечательно идут.

Он принялся бормотать в диктофон, и до Быкова донеслись слова «коридоры, озаренные ровным, немигающим светом» и «когорта передового человечества». Корреспондент был на удивление зелен.

Когда все свернули в главный коридор, Алексей Петрович оглянулся. Сзади шло человек пятьдесят. Все молчали. Экипаж «Фотона» шел впереди, и между ним и провожающими лежала полоса отчуждения. Глупо, решил Алексей Петрович и рассвирепел. Какого черта. Люди летят работать, а не помирать. Он посмотрел на постную физиономию корреспондента, пошевелил губами и догнал Ляхова. Они пошли рядом.

— Ну что, Алексей,— сказал Ляхов, расплываясь в довольной улыбке.— Завидуешь?

— Еще бы,— сказал Алексей Петрович.

— Чего я боюсь,— сообщил Ляхов,— так это ближайших десяти минут. Придется обниматься с начальником Девятого.

Он осторожно оглянулся и вздохнул.

— Да,— сказал Алексей Петрович.— Я с ним стараюсь за руку не здороваться. Лапа у него, как экскаватор.

— Он меня обнял при встрече,— сказал Ляхов.— Теперь у меня что-то внутри скрипит и щелкает.

— Главное — вовремя отскочить,— сказал Колкер. Он летел на «Фотоне» борт-инженером.— Подскочить, изящно поклониться и отскочить.

— Обидится,— сказал Ляхов и снова вздохнул.— Щелкает,— сообщил он.

Третий пилот молчал. Быков не знал его близко. Он знал только, что фамилия его Мартови и Ляхов в разговорах зовет его обычно Моркови. При комплектовании этой экспедиции старались подобрать людей не семейных. Для Мартови сделали исключение. Это был превосходный межпланетник. Два года назад он первым в мире исследовал пространство за Плутоном и нашел там второе кольцо астероидов[1].

— Послезавтра я лечу на Амальтею,— сказал Алексей Петрович.

— Ну-ну,— сказал Ляхов.

— Василий,— сказал Алексей Петрович.— Не задирай нос, Василий.

— Увидишь на Амальтее Тальба,— сказал Колкер,— передай ему, что все его рассуждения — чепуха. Он поймет. Я хотел ему написать, но так и не собрался.

— Можно радировать,— сказал вдруг Мартови. Все поглядели на него. Жена Мартови работала на Амальтее, на Джейстанции. Он даже не смог попрощаться с ней, подумал Быков. Последний рейсовый планетолет на Амальтею ходил три месяца назад. Он так и не повидал жену перед отлетом и теперь увидит нескоро. Зато он увидит Другое Солнце. Через четыре года он увидит чужое Солнце — красное, дымящееся протуберанцами, заслоняющее полнеба. Дурак, подумал Алексей Петрович. Зачем я заговорил об Амальтее.

— Ну, начинается,— сказал Ляхов.

---

[1] Ого! Недавно это второе кольцо (пояс) астероидов обнаружено, дистанционными, естественно, методами. А в нем — громадные астероиды, превышающие размерами все «внутренние»... — *В. Д.*

Процессия остановилась перед Главным кессоном, и Быков увидел, что к ним приближается член Совета и начальник Девятого. Начальник потирал руки. Лицо у него было решительное.

— Подскочить, изящно раскланяться и отскочить,— пробормотал Колкер.

Алексей Петрович отступил и стал смотреть. Член Совета жал руку каждому из участников и говорил что-то, улыбаясь. Зеленый корреспондент сверкал вспышкой. Он был не один. Вспышками сверкали еще четверо с горящими глазами. Алексей Петрович увидел, как Колкер попытался осуществить свой маневр, как он подскочил к начальнику, но раскланяться не успел — начальник схватил его и стал душить. Во всяком случае, у Колкера было лицо именно удушаемого. Ляхов покорно ждал своей очереди рядом.

Сначала все было довольно чинно, корреспондент мог быть доволен: провожающие почтительно толпились вокруг, а участники в промежутках между объятиями и рукопожатиями стояли в напряженных позах и нетерпеливо улыбались. Но потом Ляхов крикнул на весь зал: «До свидания, товарищи!», и толпа надвинулась.

Алексей Петрович успел расцеловаться с Ляховым и Колкером и пожать руку длиннорукому Дьердю. Зеленый корреспондент осветил его вспышкой, сказав: «Извините, я хотел не вас», и кинулся напролом к Ляхову. Но Ляхов уже шагнул в кессон. Все зашумели. Толстая пластметалловая плита стала медленно опускаться, и семеро в кессоне стояли и махали руками. Все они были немного бледны, и Алексей Петрович увидел, как Мартови вдруг резко отвернулся и стал натягивать вакуум-скафандр. Плита опустилась.

Алексей Петрович еще долго стоял в опустевшем зале. Они будут в походе восемь лет. Четыре года туда и четыре — обратно. Восемь лет ледяной пустоты вокруг. Восемь лет невообразимой, ни с чем не сравнимой пустоты. Семь лет из восьми они проведут в анабиотическом сне, где-то между смертью и глубоким обмороком. И они увидят Другое Солнце. А я послезавтра лечу на Амальтею в шестой раз. И в шестой раз увижу Юпитер с высоты в сто тысяч километров. В шестой раз выгружу

продовольствие и ученых, в шестой раз погружу ученых и контейнеры с образцами...

— К черту,— сказал Алексей Петрович.— Послезавтра я лечу на Амальтею. Сегодня должны прибыть Дауге и Юрковский. Будем пить шампанское и послезавтра вместе полетим на Амальтею...

В комнате Алексея Петровича сидел Михаил Антонович Крутиков и пил чай. Стол он придвинул к дивану. На столе стоял чайник и большая банка с вареньем, к которой была прислонена раскрытая книжка. Михаил Антонович был красен и более обыкновенного благодушен.

— Алешенька,— сказал он.

— Здравствуй, штурман,— откликнулся Алексей Петрович, подтащил стул и уселся.

— Налей-ка и мне,— сказал он.

Михаил Антонович взял книжку и положил на диван. Алексей Петрович заглянул в банку.

— Гм,— сказал он с сомнением.

— Третий стакан пью,— торопливо сказал Михаил Антонович и стал наливать чай.

— Гм,— повторил Алексей Петрович. Он отхлебнул горячего янтарного чая, зацепил ложечкой варенья и, причмокнув, прищурился на штурмана.— Проводили «Фотон». Привет тебе от Ляхова.

— Спасибо, Алеша.— Михаил Антонович покачал головой.— Какие смельчаки. Ай-яй-яй, какие это смельчаки...

— Ты бы не полетел? — осведомился Алексей Петрович.

— П-полетел бы,— сказал Михаил Антонович, потупясь. Алексей Петрович засмеялся. Он знал, что штурман тайком подавал заявление, которое было, однако, отклонено в самой вежливой форме. Михаил Антонович много переживал по этому поводу. «Не пора ли мне на покой, Алешенька?!» — проникновенно вопрошал он. Но на покой ему было явно рано. Он по-прежнему оставался лучшим штурманом современного межпланетного флота, хотя за последние десять лет прибавил в весе на семь кило. Теперь Алексей Петрович, взяв его под локти, уже не мог поднять, как раньше.

Михаил Антонович допил свой стакан и взялся за чайник.

— Гм,— сказал Алексей Петрович. Рука Михаила Антоновича дрогнула, но он все-таки налил себе полстакана и сердито поглядел на Быкова.

— Не «гмыкай», пожалуйста,— сказал он, подумал и добавил: — Черт возьми.

Некоторое время они в полном молчании пили чай и скребли ложками по стенкам банки с вареньем. Потом Алексей Петрович спросил:

— Где Коля?

— На «Хиусе»,— сказал Михаил Антонович.

— Странно,— сказал Алексей Петрович,— что он там делает?

— Он копается в вычислителе,— сказал Михаил Антонович.— Я сказал ему, что там все в порядке, но он считает, что там не все в порядке.

— Первый рейс,— задумчиво сказал Алексей Петрович,— первый дальний рейс. Амальтея, Юпитер, Джей-станция — для него это так ново. Волнуется?

— Коленька? Нет, что ты!

— Ермаковская кровь,— сказал Алексей Петрович.— Впрочем, врет он все. Волнуется, конечно.

Михаил Антонович вздохнул.

— Когда прилетят наши мальчики? — спросил он.

— Сегодня или завтра. Я думаю, сегодня.

Десять лет мы не виделись, подумал Алексей Петрович. Шли все по разным дорогам. Даже отпуска у нас были в разное время. Один раз я чуть-чуть не поймал Володьку Юрковского, но оказалось, что он вылетел накануне. Это было три года назад, на Таити. Я жил потом в комнате Юрковского и нашел его письмо ко мне, которое он забыл отправить. А потом в Москве я слышал, как объявляли по радио о его докладе в Доме Ученых, но нужно было улетать на Юпитер. Все на тот же Юпитер. И с Дауге та же история. Он долго болел, милый Иоганыч. И очень трудно было ему снова попасть в Пространство. Но он добился, и они долго работали на Венере вместе с Юрковским, а потом Дауге послали на Марс и он почему-то перестал писать. Говорят, ему снова не повезло там — кажется, была зимняя буря и его засыпало. Но он еще ухитрился год назад слетать на

Амальтею и наши корабли встретились в пространстве и прошли на расстоянии каких-нибудь пять тысяч километров друг от друга... Мир тесен, но трудно быть вместе, когда один планетолог, а другой — командир фотонного корабля. Хорошо, что хоть Миша — штурман. Алексей Петрович посмотрел на Крутикова с удовольствием. Десять лет...

— Ляхов летит уже полтора часа,— сказал Михаил Антонович.

— Да-а,— сказал Алексей Петрович. Полтора часа — это значит скорость его сейчас около пятидесяти километров в секунду и он уже за Марсом. Пассажиры уже заснули, а Ляхов в крутом пике выводит «Фотон» перпендикулярно эклиптике. Перегрузка раза в три, в глазах — мурашки, в ушах — звон. Колкер глотает спорамин, а Мартови тайком от командира пытается связаться с Амальтеей. Солнце уходит, слабеет, тонет в бездне... Через три-четыре часа Ляхов выйдет в зону абсолютно свободного полета над плоскостью Солнечной системы. Там еще не бывал никто. Разве что он сам, когда испытывал «Фотон» год назад.

— Михаил,— сказал Алексей Петрович.— Мы с тобой просто старые извозчики.

Михаил Антонович молча убирал со стола.

— Жалкие старые извозчики,— повторил Алексей Петрович.— И предел наших возможностей и способностей — проскочить, не теряя скорости, через пояс астероидов. И все. А скорость такая, что ее и сохранять не стоит: полторы тысячи, две тысячи...

Алексей Петрович замолчал и обернулся. Дверь плавно отъехала в сторону, и в комнату влетел розовощекий плечистый парень в клетчатой рубахе. Он стал в позу и провозгласил:

— Товарищи межпланетники! Григорий Иоганнович Дауге!

Михаил Антонович уронил поднос и наступил на него. В дверях появился Дауге — черный и сухой. Он подошел к Алексею Петровичу и сильно ударил его по плечу.

— Петрович! — сказал он.

Алексей Петрович поднялся и тоже ударил его по плечу. У Дауге подкосились ноги.

— Петрович! — закричал он и кинулся обниматься. Несколько минут все обнимались. Михаил Антонович всплакнул. Дауге, измятый и взъерошенный, рухнул на диван.

— Николай! — рявкнул Алексей Петрович, обращаясь к плечистому парню.— Где шампанское! Бегом!

— Да-да, Коленька,— закричал Михаил Антонович,— бегом, бегом, пожалуйста!!.

Плечистый парень кинулся вон из комнаты.

— Постойте! — взывал Дауге, простирая руки.— Подождите! Юрковского подождите!

— Как так — Юрковского? — сказал Алексей Петрович.— Он тоже здесь?

— Ну да! Мы прилетели вместе.

— А где он?

— Он моет свое чудище,— сказал Дауге, приглаживая волосы.

— Какое чудище? — спросил Алексей Петрович.

— Уж не женился ли он? — сказал Михаил Антонович.

Дауге хихикнул.

— Сами увидите,— сказал он.— Будьте покойны, на это стоит посмотреть.

Он оглядел всех и сказал:

— Петрович, Мишка. Постарели, морды стали какие-то солидные. Михаил,— взревел он,— срам! Разъелся, как гусак. Восемьдесят пять кило как минимум!

— Восемьдесят восемь,— сказал Алексей Петрович.

— Позор! Штурман! Межпланетник! Восемьдесят восемь! Срам! А ты, Алексей! Тебя не узнать. Откуда у тебя такое выражение на физиономии?

— А что?

— А то самое! Впрочем, понятно — капитан. Кэптн оф вотарлесс сии. «Бесконечно чужой, беспокойный душой, бороздящий эфирные волны»!

— Да ну тебя к черту,— сказал Алексей Петрович,— какие там еще волны...

— ...«Без улыбки в глазах, только трубка в зубах, беспокойный, упрямый, бессонный»... Ужасно дурацкие стихи Володь-

ка писал во младости своей. Господи, мы десять лет не виделись.— И Дауге принялся весело ругаться по-латышски.

— Высох, высох,— повторял Михаил Антонович, сидя рядом с ним на диване и гладя его по плечу,— совсем высох, Гришенька... Черный совсем стал.

Алексей Петрович полез в буфет, вытащил стаканы, стал расставлять их на столе. Вошел Коля с двумя бутылками под мышкой.

— Ух и холодные, черти,— сказал он широко улыбаясь. Дауге смотрел на него без улыбки, очень внимательно.

— Николай Анатольевич Ермаков,— сказал он медленно.

— Как вырос, как вырос, мальчик,— сказал Михаил Антонович.

— Ты молодец, Николай Анатольевич,— так же медленно продолжал Дауге.— Ты мне нравишься. И ты действительно очень вырос.

— Все растут,— сказал Алексей Петрович. Он не любил, когда хвалят вообще.— Что там у тебя было с вычислителем, Николай?

— Ничего не было,— сказал Коля Ермаков, усаживаясь за стол.— Дядя Миша прав, там все в порядке. Но зато я видел старт «Фотона».

— Как так? — Дауге посмотрел на часы.— Собирались стартовать в двадцать два...

— Нет,— сказал Алексей Петрович.— Они уже два часа в полете.

— Ах ты, какая жалость,— сказал Дауге.— Я хотел попрощаться с Ляховым.

— Они уже два часа в полете,— повторил Алексей Петрович.

— Но как же, черт возьми,— сказал Дауге, растерянно озираясь,— ах, какая жалость...

Алексей Петрович хотел сказать, что еще не все потеряно, что нужно только подождать лет десять-двенадцать, но вдруг заметил, что Михаил Антонович медленно поднимается с дивана и рот у него открыт и глаза — тоже. Алексей Петрович оглянулся на дверь и увидел Юрковского. Юрковский улыбался, и брови у него были те же, что и раньше,— густые, черные, только на лбу блестели залысины и волосы поседели, а на плече у него, на широком, обтянутом роскошной материей плече...

— В-ва...— неожиданно и совершенно невразумительно произнес Михаил Антонович.

— Что это? — сказал Алексей Петрович и встал.

Юрковский неторопливо, вразвалочку двинулся к столу. На плече его, неестественно задрав страшную прямоугольную голову, сидела здоровенная мокрая ящерица.

— Володя,— сказал Алексей Петрович,— что это?

Ящерица медленно мигнула. У нее были огромные, выпуклые, очень темные глаза.

— Это? — сказал Юрковский очень обыкновенным голосом.— Это — Варечка, а что?

Он подошел к Алексею Петровичу и протянул к нему руки.

— Обними меня, капитан,— сказал он.

Алексей Петрович увидел, как Варечка поднялась на задние лапы и шевельнула полуметровым хвостом, сплющенным с боков.

— К чертям собачьим, Владимир,— с чувством сказал Алексей Петрович.— Убери, пожалуйста, эту гадость.

Тогда Юрковский захохотал и обхватил Алексея Петровича длинными руками.

— Капитан,— заорал он прямо в ухо брыкающемуся Быкову,— капитанчик! Не бойся! Она не кусается.

Ящерица неслышно соскользнула на пол и кинулась в угол, где стала столбиком и принялась озираться. Тогда Алексей Петрович обнял Юрковского и прижал его к себе. Юрковский взмолился о пощаде, но сзади его схватил за ухо Михаил Антонович и стал тянуть, приговаривая: «Ах ты паршивец, поросенок ты этакий!»

— Алексей! — сипел Юрковский, извиваясь судорожно.— Не буду! Мишка! Троглодиты! Спасите!

Дауге хохотал, дрыгая ногами, а Коля Ермаков стоял в сторонке и глядел на Юрковского. Глаза у него блестели.

Потом Алексей Петрович отпустил Юрковского и сказал:

— А теперь давайте пить шампанское.

Юрковский упал в кресло и начал тихо стонать. Он стонал на разные лады долго и жалобно, до тех пор, пока Алексей Петрович не протянул ему стакан.

— Пей,— сказал Алексей Петрович.

— Не буду,— сказал Юрковский.

— Пей,— повторил Алексей Петрович, надвигаясь.

Юрковский взял стакан и поднялся.

— Ох,— сказал он, хватаясь за поясницу.

Все стали вокруг стола с поднятыми стаканами. Алексей Петрович обвел всех глазами и сказал глухо:

— Вместе.

— Вместе,— сказал Юрковский.

— Вместе,— сказал Дауге.

— Слава богу,— вздохнув, молвил Михаил Антонович.

Они выпили, не чокаясь, и Николай Ермаков выпил вместе с ними. Мокрая ящерица шелестя выскользнула из своего угла и вскарабкалась на плечо Юрковского.

— Так,— сказал Алексей Петрович, уставясь на нее.— Уж не собираешься ли ты взять ее на Амальтею?

— Умгу,— сказал Юрковский, ласково дернув ящерицу за хвост.— Обязательно.

— Что? — сказал Алексей Петрович ужасным голосом.— В мой корабль?

— Умгу,— сказал Юрковский и осведомился: — А нет ли у вас чего-нибудь съестного? Смерть, как есть хочется.

Коля Ермаков метнулся к буфету, а Дауге сказал:

— Эту дрянь — прощу прощения, это милое существо — Владимир Сергеевич изволят таскать с собой везде. Однажды он пришел с ней на прием к министру.

Юрковский ел хлеб с маслом.

— Не мог же я оставить ее дома одну. Она страшно скучает в одиночестве. Зато на приеме было очень весело.

— Могу себе представить,— сказал Алексей Петрович.— Николай, там должна быть курица.

— Курица — это хорошо,— сказал Юрковский.

— Нет здесь курицы, дядя Леша,— сказал Коля Ермаков из буфета.

— Поищи,— сказал Алексей Петрович и посмотрел на Михаила Антоновича.— Впрочем, не стоит.

— Тут есть какая-то рыба,— сообщил Коля Ермаков.

— Рыба — это великолепно,— сказал Юрковский нетерпеливо.— Вы очень медлительны, юноша.

Коля поставил на стол блюдо с заливным. При виде заливного Юрковский заурчал.

— Уксусу и горчицы,— воскликнул он.

— А ведь Володька не узнаёт,— сказал Дауге.— Ей-ей, не узнаёт.

— Кого? — осведомился Юрковский, жуя и причмокивая.

— Колю Ермакова ты не узнаешь,— сказал Дауге.

Юрковский оторвался от рыбы и посмотрел на Колю.

— Черт возьми,— сказал он.— Ведь это Николашка.

— Ясно даже и ежу,— сказал Коля Ермаков.

Все засмеялись. Михаил Антонович заливался серебристым колокольчиком, и Дауге хлопнул его по спине.

— Николашка,— сказал Юрковский торжественно,— да ведь ты совсем мужчина! Я, черт возьми, произвожу тебя в Николаи.

Он взял кусочек рыбы и сунул его под нос ящерице. Ящерица сидела неподвижная как чучело и медленно мигала.

— Не хочет,— сказал Юрковский.— Еще рано.

— Эта тварь,— пояснил Дауге,— виноват, эта очаровательная старушка кушает раз в сутки. Дышит она, кажется, тоже раз в сутки, а что касается сна, то она не спит вообще. Так, во всяком случае, говорит Володька, но, по-моему, он врет.

— Отнюдь,— сказал Юрковский.— Всё так. Варечка родилась на Марсе, где дышать трудно и мало еды. И она вообще неприхотлива. Когда нас с Дауге однажды засыпало, мы провалялись под завалом часов пятьдесят. И когда нас откопали, то мы с Дауге моментально угодили в госпиталь, где и провели полмесяца в разнообразных развлечениях, а Варечка только потеряла хвост и переднюю ногу, но вскоре обросла вновь.

Алексей Петрович смотрел на друзей со странным чувством. Все было так, как раньше, и все-таки совсем не так. Юрковский стал совсем седой. Щеку Дауге пересекал тонкий старый шрам. Они шутили и болтали, как прежде, но Алексей Петрович почему-то не верил шуткам. Не то они говорят, думал он, не то. Неужели нам не о чем говорить, кроме как об этом чудище...

— Это чудо приспособляемости,— разглагольствовал Юрковский.— Я держал ее долгое время в термостате, но потом она удрала оттуда и стала жить в чисто земных условиях, как

мы с вами. Один раз ее облили серной кислотой. Я уверен, что если ее сунуть в поток плазмы твоего «Хиуса», Алексей, ничего не случится.

Ящерица круглым глазом уставилась на Быкова. Алексей Петрович поглядел на нее с ненавистью. Юрковский наконец умолк и откинулся на спинку стула, катая хлебные шарики. Все замолчали, только время от времени шумно вздыхал чувствительный Михаил Антонович. Вместе, думал Алексей Петрович. Вы понимаете, что это такое — вместе? Или вы этого не понимаете? Вот я помню все. Багровые тучи над черными пустынями Венеры. Берега Дымного моря. Перекошенный, вплавившийся в растекшийся гранит «Мальчик». Сто пятьдесят тысяч шагов. Обуглившееся тело Дауге, хрип Юрковского в наушниках. С тех пор прошло много лет. Я многое узнал и многое повидал. Я видел Бурый Джуп с Амальтеи и сверкающие поля колец Сатурна. Я узнал, что такое сын. Ведь вы оба не знаете, что такое сын. И сына я назвал Володей, потому что жене не нравилось имя Григорий. Но каждый раз, когда мне приходилось слышать или читать стихи, я вспоминал Юрковского. И каждый раз, когда я видел черноволосого сухощавого человека, у меня ёкало сердце, но это был не Дауге. Мне очень хочется сейчас рассказать вам об этом. Как орал на Михаила Антоновича, когда тот вздыхал: «И где-то сейчас наши мальчики? Каково им там?» Как просился на рейсовый танкер Венера — Земля. Как потом добивался перевода на грузовой планетолет второго класса, ходивший четыре раза в год к Марсу, и мне сказали: «Вы слишком хороший капитан для таких полетов»...

— Кто-нибудь еще летит с нами? — спросил Юрковский.

— Да, летит,— медленно сказал Алексей Петрович.— Летят еще двое. Летит Шарль Моллар — радиооптик, и один японец — некто Окада Сусуму.

— Ничего себе — некто,— сказал Юрковский.— Действительный член Академии Неклассических Механик.

Алексей Петрович равнодушно сказал:

— Вот как? Ну, академиков мы возили. И не раз. Академики очень любят Юпитер.

— Я так и не понял, будем мы облетать Юпитер или прямо пойдем на Амальтею,— сказал Дауге.

— Как же,— сказал Михаил Антонович.— Обязательно. Четыре витка вокруг Юпитера.

— Потом, мы летим не одни,— сказал Алексей Петрович.— Мы стартуем вместе с «Викингом». На «Викинге» полетят киношники. Будут снимать Джуп, «Хиус», Амальтею, Джей-станцию...

— Они делают фильм «Страшная большая планета»,— тихонько вставил Коля Ермаков.

Юрковский криво усмехнулся и сказал жестко:

— Это будет интересный фильм. Очень интересный. Героический.

— Н-да,— сказал Алексей Петрович, знавший хорошо, что такое Юпитер.

— Вот чего я все-таки никак не могу понять,— задумчиво произнес Дауге, уставясь в потолок,— зачем нам все это. Венеру мы штурмовали, потому что там была Урановая Голконда. На Марсе выращивают хлореллу. Прелестно. Но ради чего погиб Поль Данже? На Юпитере мы угробили массу средств и несколько замечательных капитанов. А ведь Юпитер — это нуль, ничто. Толстый водородный пузырь...

— А зачем Ляхов ушел в Первую Звездную? — сказал Алексей Петрович.

— Да. Зачем?

— Че-ло-век,— сказал Юрковский.

— Ну и что?

— Всё,— сказал Юрковский.— Просто — Че-ло-век. Сначала он говорит: «Я хочу есть»,— тогда он еще не человек. Потом он говорит: «Я хочу знать» — и становится человеком.

— Ясно даже и ежу,— сказал Коля Ермаков вполголоса.

Алексей Петрович посмотрел на часы и сказал:

— Ляхов вышел в зону абсолютного полета. Вы бы лучше рассказали, что нового в мире.

— Этот ваш че-ло-век,— сказал Дауге,— еще не знает толком, что делается в центре Земли, а уже размахивается на звезды.

— На то он и че-ло-век,— сказал Юрковский.

— Ладно,— сказал Дауге.— Расскажи лучше про сороконожку.

— Могу,— сказал Юрковский.— Но сначала мы выпьем.

...В это время Василий Ляхов кончил укладывать пилотов в анабиотические ящики и остался один. Он сидел перед пультом в капитанской рубке, пил содовую прямо из бутылки и прислушивался, как у него что-то скрипит и щелкает внутри. «Фотон» двигался со скоростью 150 километров в секунду. Это была еще очень маленькая скорость.

Гл. II. Шарль Моллар, радиооптик

В комнате было полутемно, только вспыхивали разноцветные огоньки на пульте управления и на громадном, в полстены, экране ослепительно горело на солнце фантастических форм сооружение.

— Ну, видишь теперь? — спросил Быков.

— Угу,— сказал Дауге неуверенно и, подумав, добавил: — Ни черта я, вообще-то, не вижу. Что это за громадина?

Теперь было видно, как медленно поворачивается вокруг оси блестящая толстая труба, утыканная иглами антенн, опутанная мерцающей металлической сетью. Вокруг трубы, нанизанные на нее как бублики на веревку, крутились тороидальные спутники. Дауге насчитал их шесть, но труба не влезала в экран целиком, и других спутников просто не было видно.

— Это склад 18,— сказал Быков.— А «Хиус» во-он там, в верхней части трубы, у кессонов. Ну, неужели не видишь?

— Нет,— сказал Дауге. Он не видел ни «Хиуса», ни верхней части трубы. Их закрывала голова диспетчера. Диспетчером был Валька Страут, и он был занят сейчас ужасно — попросить его убрать голову было бы просто неловко. Кроме того, он важничал и говорил «коротко, ясно и всегда правду». Он чувствовал себя солдатом Космоса.

Кроме чудовищной трубы склада, на экране не было ничего. Дауге не видел даже звезд. Труба, опутанная противометеоритной сетью, висела в бездонной тьме, и светила на солнце так ослепительно, что Дауге иногда начинало казаться, что она пульсирует. Но это был, конечно, обман зрения.

Валька Страут зашевелился и сказал, по-видимому в микрофон:

— Це-десять, це-десять. Ты готов?

— О да,— откликнулся це-десять из репродуктора.— Вполне готофф.

— Це-десять,— строго сказал Страут.— Выходи на старт, даю «зебру».

— Данке,— сказал це-десять.

В пульте что-то загудело, труба на экране погасла. Стало светлее — по экрану побежали змеясь узкие волнистые линии. Дауге увидел в голубоватом свете сосредоточенное лицо Страута с насупленными жиденькими бровями. Потом на экране снова появилась черная бездна, но теперь она была утыкана ослепительными точками звезд. В верхнем правом углу экрана сверкал белый шарик, но был так далеко, что совершенно нельзя было разобрать, что это такое.

Потом из нижнего угла наискосок медленно выползла тяжелая туша звездолета и повисла в центре экрана.

— Ну и старье,— сказал тихонько Дауге.— Импульсник типа «Астра».

— Это Рихтер,— сказал Быков строго.— Рихтер и «Лорелея».

— А-а,— сказал пораженный Дауге.— Так вот она какая, «Лорелея».

Двадцать с лишним лет назад космогатор Карл Рихтер на своем корабле «Лорелея» совершил беспримерную по смелости высадку на Меркурий, где потерял половину экипажа и свои глаза. Оставшись в корабле единственным пилотом, он, ослепший и израненный, сумел привести к Земле изувеченный корабль и остался его капитаном навсегда.

— Це-десять,— сказал Страут.— Старт!

— Есть старт,— отозвался голос из репродуктора.

— Долгой удачи и спокойной плазмы, товарищ Рихтер,— сказал Страут.— И не забывайте про Леониды!

— Данке, мой малтшик,— откликнулся Рихтер.— Трудно в мои годы забыть про Леониды.

Послышался короткий смешок, и все стихло. Из дюз «Лорелеи» ударили бесшумные струи пламени, корабль медленно прополз по черному небу и скрылся за экраном.

— Спутник-9 Земля — Цифэй Луна,— сказал медленно Страут.— Груз — стройматериалы и жидкий кислород.

— Каботаж,— сказал Дауге.— Он что — до сих пор слеп?

— Да,— сказал Быков.

— А электронные преобразователи?

— А! — Быков махнул рукой.

В репродукторе щелкнуло, и раздраженный голос произнес:

— Диспетчер?

— Да,— сказал Страут.— Диспетчер Страут, Ю Эс Си Ар.

— Це-два,— сказал голос.— Капитан Холмов. Валька, ты мне дашь «зебру» или нет?

— Не дам,— сказал Страут.— Леониды.

— Леониды,— произнес капитан Холмов с невыразимым презрением.— Может быть, я из-за твоих Леонид и вторые сутки здесь проторчу?

— Может быть,— сказал Страут.

Холмов помолчал и потом сказал просительно:

— Валя, голубчик, у меня ученые бунтуют. Дай мне «зебру», пожалуйста.

— Нелетная погода,— сказал Страут металлическим голосом.— Леониды, метеорный поток высокой плотности, полеты к внешним планетам прекращены вплоть до особого распоряжения.

— Пожалуйста,— сказал Холмов угрожающе.

— Иди вон и не занимай линию,— сказал Страут.— Отключаюсь.

— И черт меня сюда принес,— тоскливо проговорил Холмов.— Надо было...

В репродукторе щелкнуло.

— То есть,— сказал Быков,— ты и меня не выпустишь, Валентин?

— Сегодня — нет,— сказал Страут.— Завтра — пожалуй.

— Ладно,— сказал Быков,— завтра так завтра. Мне собственно и нужно — завтра.

Репродуктор снова заговорил, на этот раз по-китайски. Страут отвечал коротко и потом переключил экран. Алексей Петрович увидел черное небо и знакомые очертания своего корабля.

— Узнаешь? — сказал он Дауге.

— Нет,— сказал Дауге.

— Это «Хиус». Новый «Хиус». Мой.

— Он похож на перевернутый бокал,— изрек Дауге.

Фотонный корабль неподвижно висел в центре экрана. Он действительно очень напоминал фужер для шампанского с толстым дном.

— Я таких не видел,— сказал Дауге.— На марсианских трассах работают старенькие «Хиус-1» и «Хиус-3».

— Еще бы,— сказал Быков.— Такая рюмочка сожгла бы любой ракетодром. У него мощность в семь раз больше, чем у старой черепахи.

Старой черепахой межпланетники называли первые модели фотонных кораблей.

— Это «Хиус-9»,— сказал Алексей Петрович.— Для планет с атмосферами не годится, тем более если там есть люди. Действует только на трансмарсианских линиях.

— Красавец,— сказал Дауге.— А где жилые помещения?

— Донышко рюмки,— сказал Быков.— Там два этажа. Верхний для жилья, нижний для грузов.

— Чтобы быть подальше от зеркала? — медленно сказал Дауге.

Быков кивнул. Они разговаривали вполголоса, и Страут, кричавший в микрофон по-китайски, заглушал их. На экране появился край какого-то огромного сооружения. «Хиус», медленно разворачиваясь, становился зеркалом вверх, приближаясь к ослепительно сверкавшей площадке. Потом изображение вдруг сменилось, и Дауге увидел давешнюю толстую трубу с тороидальными спутниками — склад. В верхней ее части, маленький, чуть заметный, шевелился «Хиус».

— Ого,— сказал Дауге совершенно невольно.

Алексей Петрович посмотрел на него блестящими глазами.

— Бог мой,— сказал Дауге, словно оправдываясь.— Я сто лет не был на Земле. Никогда не думал, что Спутник-9 такое колоссальное хозяйство.

— А что такое?

— Ну, вот эта труба, например,— сказал Дауге.— Это же чертова громадина. Километров сто, наверное, в длину?

— Да,— сказал Алексей Петрович.— Сто двадцать.

— Бог мой. У нас на Марсе ничего такого нет.

Алексей Петрович засмеялся и сказал в спину Страуту:

— Ты слышишь, Валентин? У них на Марсе...

— На ваш Литтл Арес я бы не пошел в директоры,— сказал Страут не оборачиваясь.— Не мешайте,— быстро добавил он.

— А ты видал Спутник-3? — спросил Быков. Дауге помотал головой.— А Спутник-10 — «Звездочку»?

— Нет,— сказал Дауге униженно.

— А что ты вообще видел?

— У нас на Марсе противометеоритные истребители,— сказал Дауге. Быков засопел так выразительно, что Дауге предпочел промолчать и стал смотреть на экран. Там над краем трубы склада висел «Хиус». Он висел «вверх ногами» — зеркалом вверх — и был сейчас особенно похож на фужер.

— Один-один-шесть-три? — быстро спросил Страут.

— Да,— так же быстро ответил Алексей Петрович и, повернувшись к Дауге, прошептал: — Это код автоматического управления. Смотри.

В тишине что-то звонко щелкнуло, и с потолка вдруг опустились какие-то суставчатые стержни, черными тенями пересекая экран. Страут ухватился за них и застыл в странной позе, скособочившись. Он не отрываясь смотрел на экран.

Из трубы вдруг выдвинулись странно изломанные металлические щупальцы — пять и потом еще пять. Судорожно подергиваясь, они потянулись к «Хиусу» и потом вдруг разом вцепились в донышко фужера. Это было похоже на кальмара, хватающего кита[1]. Страут, кряхтя, привстал с кресла — светлая его шея стала темной. Щупальцы оторвали дно фужера, медленно притянули его к трубе и потом втянулись внутрь вместе с ним. Дно «Хиуса» стало вдвое тоньше.

— Ффу,— сказал Страут и сел.— Чертова тяжесть.

— Триста тонн,— сказал Алексей Петрович.— Ты могуч, Валентин.

Валентин вытер лоб платком — запахло духами.

— Придется все-таки вызвать Мака,— сказал он.— Наши никак не могут отрегулировать манипуляторы. Спину сломишь на этих гектатоннах.

---

[1] Любопытно, а у кого из персонажей — здесь — возникают такие странные ассоциации? Никто из них вроде бы подобных ужасов не видел. Этого, кстати, вообще никто не видел, да и существуют ли такие огромные кальмары — бо-ольшой вопрос. — *В. Д.*

— Да,— сказал Быков.— И это в мире невесомости.

— Веса нет, но инерция остается,— сказал Страут и принялся говорить в микрофон. Рукоятки манипулятора тихо покачивались над его головой.

— Понял? — спросил Быков.

— Это была разгрузка? — сказал Дауге.

— Это была разгрузка,— сказал Алексей Петрович.— А сейчас будет погрузка.

Дауге помолчал, а потом сообщил:

— У нас на Литтл Арес тоже есть манипуляторы.

Алексей Петрович засопел.

— А загрузка производится на складе,— сказал он.— Весь грузовой этаж или трюм сменяется, как обойма. Есть недостаток. Жилой отсек обнажается, и в прошлый раз у Михаила взорвались контрабандные консервы, которые он забыл в чемодане в своей каюте.

— Бедный Михаил,— сказал Дауге.

— Они взорвались вместе с чемоданом, и все это прилипло к стенам, замерзло мгновенно, конечно, но потом растаяло.

— И ты заставил его вылизать все это со стен языком? Ты, флибустьер космоса.

— Что-то вроде того,— согласился Быков.— Я устроил ему разнос а-ля Краюхин. Он слишком толст для консервов, наш штурман.

Страут кончил разговор и снова взялся за манипулятор. Загрузка заняла несколько больше времени. Надо было точно подогнать сменный этаж, и это было довольно трудно. Страут пыхтел и принимал самые невероятные позы. Межпланетники молчали, чтобы не сболтнуть под руку, и только Дауге один раз прошептал: «Сейчас он встанет на голову». Потом Страут упал в кресло и сказал сипло:

— Это надо, черт возьми, механизировать. Так нельзя.

Межпланетники почтительно молчали. Правда, Быков вспомнил, как десять лет назад грузили «Хиус-1»: в течение нескольких дней протаскивали десятки тонн груза через игольные ушки четырех метровых люков. И на загрузке было занято человек сто рабочих и уйма различных механизмов. Но Быков промол-

чал. Если человек на работе потеет, и пыхтит, и поминает черта, и багровеет — значит где-то что-то надо механизировать.

В репродукторе послышался знакомый тенорок Михаила Антоновича:

— Валя,— сказал он.— Превосходно. Мне ничего, кажется, не придется регулировать. Большое спасибо вам, Валя.

— На здоровье,— вежливо откликнулся Страут.

— Точность — два-три миллиметра,— сказал Михаил Антонович.— Это необыкновенно. Херцберг в прошлый раз дал сдвиг в девять сантиметров.

— Херцберг — старый коновал,— сказал Страут.

— Ммм...— раздалось в репродукторе. Херцберг считался одним из лучших манипуляторщиков Девятого. Дауге хихикнул.

— Херцберг работал у нас на Литтл Арес,— сказал он.

— Я не пошел бы на ваш Литтл Арес даже заместителем Краюхина,— сказал Страут, не оборачиваясь. Он был полон достоинства.— Михаил Антонович, уводите, пожалуйста, «Хиус». Я сейчас буду грузить «Викинг».

— Да-да, конечно,— торопливо откликнулся штурман.— Немедленно. Конечно. Еще раз — большое спасибо.

— Не за что,— сказал Страут с великолепной небрежностью.

Быков посмотрел на Дауге.

— Ну что ж, пошли. Спектакль окончен.

— Я хочу посмотреть на «Викинг»,— сказал Дауге.

— Пошли, пошли, тебя ждет Юрковский.

— Ах, да. Жаль. Я очень хотел...

— Валентин,— сказал Быков, поднимаясь.— В общем, мы пошли. Спасибо.

— Ага,— сказал Страут.— Счастливо, ребята.

— Надеюсь, ты завтра дашь мне «зебру».

— Еще бы,— сказал Страут.— Желаю удачи.

Они пошли к дверям, как вдруг репродуктор каркнул:

— Диспетчер. Диспетчер.

— Диспетчер Страут, Ю Эс Си Ар.

— Це — двадцать два, капитан Шиптон. Прошу посадку.

— Это твои ученые, Алексей,— сказал Страут.— Кэптэн Шиптон, даю третий пассажирский, код один-один-тринад-

цать, база — двадцать семь, двадцать восемь, триста один. Повторяю: даю третий пассажирский...

— Ну, вот и прибыли спутники,— сказал Алексей Петрович.— Надо встречать. Пошли, Иоганыч.

— Капитана Шиптона я хорошо знаю,— сказал Дауге.— Он работал у нас на Марсе.

Они услыхали, как Страут, кончив повторять цифры, крикнул им вслед:

— На ваш Марс я не пошел бы даже Десантником.

— Все ясно,— сказал Дауге и закрыл дверь.

Юрковский сидел в своем номере за столом, заваленном бумагами, и писал. Он мрачно посмотрел на Дауге и сказал:

— Знаешь что, Григорий. К чертям таких соавторов.

— Прости, Володя. Я...

— Разгильдяй ты,— сказал Юрковский.

Дауге крякнул и, присев за стол напротив Юрковского, взял пачку листов. Это была книга, которую они написали вместе. Она называлась «Планетология и проблемы космогонии».

— Завтра мы улетаем,— сказал Юрковский,— три четверти корректуры лежат нетронутые, а соавтора черт носит по Спутнику, и никто не знает, где он.

— Я был в диспетчерской,— пробормотал Дауге, бессмысленно листая корректуру.

— Я все видеофоны оборвал,— продолжал Юрковский.— И один раз мне сказали, что какой-то Дауге полчаса назад улетел на Землю по вызову Краюхина.

— Ну, ладно, ладно,— пробормотал Дауге.— Давай, где тут моя половина...

— Твоя половина уже просмотрена,— сказал Юрковский,— осталось просмотреть мою. И пошлет же господь соавтора-разгильдяя!

Дауге схватил пачку листов и сел на диван, но тут же вскочил с коротким воплем. С дивана бесшумной тенью соскользнула ящерица и уселась посреди комнаты, недовольно поворачивая квадратную голову. Она была оранжевая в мелкую клеточку, такая же, как обшивка дивана.

— Это называется — мимикрия,— сказал Юрковский. Дауге перевел дух и снова уселся на диван — на этот раз осторожно, в три разделения.

— Сейчас она станет серой,— сообщил Юрковский, глядя на ящерицу.— Варечка, жизнь моя...

Дауге остервенело шуршал бумагой, не поднимая глаз. Он был полон невысказанных слов.

Стало тихо. Варечка долго сидела, неподвижная, с закрытыми глазами, потом уползла в угол и оттуда рассматривала обоих, шевеля мокрой кожей на горле.

— Вот это фраза,— сказал Дауге.— «Принимая во внимание (4), учитывая, что наклонность должна быть функцией σ, а также замечая, что (7) при условии (2) обращается в величину, которая, будучи умножена на σ, даст...» и так далее. Всего... раз-два-три... девять строчек. И в конце нет точки.

— Ужасная фраза,— согласился Юрковский.— Я выписал ее из твоей последней статьи.

— Что ты говоришь?! — И Дауге принялся чиркать пером.

Через некоторое время Юрковский сказал:

— Вот еще перл: «Взглянем на Солнечную систему с северного полюса эклиптики...»

— А что?

— Я ее вычеркну.

— Почему?

— Это мне напоминает одного студента, который рассказывал о галактическом вращении: «Посмотрим на небесный свод и увидим массу звезд».— «И все они вращаются»,— добавил один из членов комиссии.

— По-моему, это звучит совсем неплохо: посмотрим на небесный свод.

— Это звучит, как корреспонденция о пуске ТЯЭС: «Инженер нажал рубильник, и ток медленно потек по проводам».

Дауге хихикнул и взял новую пачку листов. Варечка задремала в углу серым столбиком.

Когда в дверь постучали, Юрковский поднял голову и сказал:

— Меня нет дома.

— Меня тоже,— сказал Дауге.

В дверь постучали еще раз — громче, из коридора просунулась голова, осмотрела присутствующих и произнесла:

— Войдите.

— Вот именно,— сказал Юрковский.

Дверь отъехала в сторону, и на пороге появился невысокий сухощавый человек в сером с иголочки костюме.

— Mais non! — сказал он, всплеснув руками.— Pardonez-vous, non войдите, я хотел узнать: войтить?

— Конечно,— сказал Юрковский, поднимаясь и запахивая купальный халат.— Конечно, войтить и немедленно.

Человек в сером подошел к нему, несколько секунд шевелил губами и наконец произнес, великолепно картавя:

— Шарль Моллар, радиооптйкь. Лечу aves vous на Амальтею.

— Владимир Юрковский, планетолог. Чрезвычайно рад познакомиться.

Они пожали друг другу руки.

— Григорий Дауге, планетолог,— сказал Юрковский. Дауге поклонился и пожал руку Моллару.— А где же Быков? — спросил он.

— Capitaine marchand, мсье Быкофф...— сказал Моллар и взмахнул руками.— Как это сказать?.. Э-э-э...

— Он не встречал вас? — спросил Дауге.

— Нет,— сказал Моллар и посмотрел на Варечку.— Прекрасный... э-э-э... чучело! Я говорю только по-русску со вчера. Я нашел вас трудно. Я встречал здесь один соотечественникь — он прекрасно говорилль по-русску, и я нашел вас.

— Вы отлично говорите по-русску,— сказал Юрковский, поглядывая на Варечку, приоткрывшую один глаз.— Просто прекрасно.

— Да вы садитесь, мсье Моллар,— сказал Дауге, подвигая кресло.

— Спасибо,— сказал Моллар и покачал головой.— Я иду в свой кабинет. Я весь запылен.— Он пошевелил пальцами.— Метеоритная пылль! Надо принять душ, n'est pas?

— Же парль франсе,— сказал Дауге с ужасным акцентом.

— Нет-нет,— вскричал Моллар.— Только не так! Только по-русску!

— Конечно, мсье Моллар,— сказал Юрковский.— Конечно. Мы не дадим мсье Дауге говорить по-французски. Это было бы бесчеловечно. N'est pas, Григорий Иоганнович?

Моллар весело улыбаясь оглянулся вокруг и встретился глазами с Варечкой, медленно приближающейся к нему из своего угла.

— О,— сказал он.— Се n'est pas чучело!

— Это Варечка,— сказал Юрковский.— Она родилась на Марсе.

— Прелестно,— сказал Шарль Моллар, пятясь,— прелестно.

В дверях он столкнулся с Колей Ермаковым.

— Здравствуйте,— сказал Коля.

Юрковский взял ящерицу за шиворот, проволок по полу и кинул в ванную комнату.

— Вы ей очень понравились,— сказал он Моллару.

— Прелестно! — воскликнул Моллар.— Я надеюсь, она тоже съедобна. Я ел игуан на Амазонке — они мне тоже очень понравились.

Все засмеялись, а Юрковский сказал:

— Не беспокойтесь, мсье Моллар, она очень редко ест.

— Но, наверное, помногу сразу, n'est pas!

Юрковский простер руку к Коле Ермакову и сказал:

— Это наш борт-инженер, Ермаков Николай.

— О! — вскричал Моллар, сверкая улыбкой.— Le pettit ingenieur. Как жизнь — хорошё-о?

— Хорошо,— сказал Коля.

— Как девушки — хорошё-о?

— Хорошо,— сказал Коля.— Bon.

— Моллар,— сказал Моллар.— Зовите меня Шарль, mon petit, я буду звать вас Nicolas!

Потом он повернулся к безмолвствующему Дауге и сообщил ему:

— Иду в свой кабинет. Надо посмыть метеоритную пылль!

— Йес,— сказал Дауге,— натюрлихь!

— Non, non,— закричал Моллар, скрываясь за дверью,— только по-русску!..

— Утешный парень,— сказал Юрковский.— Но где наш отец родной?

— Он должен был встречать Моллара,— сказал Дауге.

— Я видел его,— сказал Коля. Он стоял у стола, рассматривая листы корректуры.— Алексей Петрович ходил встречать ученых, но никого не нашел. Он в ярости и сейчас будет здесь.

— Алексей в ярости,— задумчиво сказал Дауге,— это интересно.

Алексей Петрович вошел не постучавшись и рухнул в кресло.

— Николай,— сказал он.— Почему ты здесь?

— Корабль к походу готов,— сказал Коля, подобравшись.

— Так,— сказал Алексей Петрович.— В таком случае, где штурман?

— Михаил Антонович проверяет курс.

Алексей Петрович посмотрел на Колю в упор и веско произнес:

— Проверку курса штурман производит вместе с борт-инженером.

— И с капитаном,— сказал Дауге так, чтобы его никто не услышал.

— Михаил Антонович выгнал меня обедать,— сказал Коля сердито.

— Так. Ты обедал?

Юрковский сказал:

— Я бы поел лукового супа.

Алексей Петрович посмотрел на него, выпятив челюсть.

— Где Моллар? — спросил он.

— Моется в душе,— сказал Дауге.— По-моему, он прекрасный парень.

— Он сразу же полюбил Николашку,— сказал Юрковский.— Они уже на «ты».

Алексей Петрович пробурчал что-то неразборчиво и встал.

— Пошли обедать,— сказал он.— Сусуму сегодня прибыть не изволил. Они изволили телеграфировать, что задерживаются в Москве в Академии Наук. Черт меня побери, если я буду его ждать. Николай, иди свяжись с Михаилом — пусть немедленно идет обедать. Скажи, что я запрещаю ему нарушать режим. Владимир, хватит причесываться, ты нас задерживаешь. Григорий, перестань читать.

Юрковский бросил халат на диван и стал натягивать пиджак с испуганным лицом. Дауге бросился ему помогать. Вдвоем они надевали пиджак в течение трех минут, после чего Алексей Петрович, багровея, рявкнул:

— Ну!

— Яволь,— вскричал Дауге, искусно дрожа с головы до ног,— оф коуз натюрлих!

— Я вполне готов,— заявил Юрковский. Он был при галстуке, в длинном щегольском пиджаке, из-под которого торчали голые ноги.

— Штаны,— сказал Алексей Петрович.

— Да, конечно,— засуетился Юрковский.— Дауге, где мои штаны? Скорее, суп остывает!

— На штанах спит Варечка! — отчаянным голосом прокричал Дауге из гардеробной.

Юрковский посмотрел на Алексея Петровича остановившимися глазами. Он был бледен.

— Придется идти так,— сказал он.— У меня больше нет штанов. Капитан, я готов понести любое наказание.

— Ну вас к черту,— сказал Алексей Петрович, расплываясь.— Хватит.

— Я готов ко всему,— сказал Юрковский, бледнея еще больше.— Я виноват и не прошу снисхождения. Варечка заснула и будет теперь спать двое суток. Я вынужден лететь на Амальтею так.— Он кончиками пальцев приподнял полы пиджака.

— Ладно,— сказал Алексей Петрович.— Просто меня расстроили эти ученые. Вы представить себе не можете, какая с ними возня.

— Мы тоже в некотором смысле ученые,— сказал Дауге.

Они стояли и смотрели, как Юрковский натягивает на себя брюки.

— Откуда у тебя шрам под коленкой? — спросил Алексей Петрович.

— Марс,— сказал Юрковский.— У меня много шрамов. С каждой планеты по шраму. Ну что ж, пошли?

Они вышли в коридор и зашагали к лифту. В коридоре было пусто и светло. Весь этаж был отведен под гостиницу, и все были на работе.

— Вот здесь живет Страут,— сказал Алексей Петрович.

— Он что — Десантник? — спросил Юрковский, небрежно заламывая бровь.

— Нет, диспетчер. Вот Иоганыч его знает.

— Серьезный товарищ,— сказал Дауге.— Он не пошел бы работать на Марс даже Десантником.

— Ах, вот как,— сказал Юрковский.— А взяли бы его, если бы он все-таки согласился?

— Нет,— сказал Быков медленно.— У него искусственное легкое. Он штурмовал Япет.

— Черт возьми,— сказал Юрковский, оглядываясь на дверь номера.

Дожидаясь лифта, они услыхали, как в коридоре кто-то запел приятно, хотя и несколько сипло по-французски.

— Это Моллар,— шепнул Дауге в восторге.— Сейчас начнется кино.

Алексей Петрович посмотрел на него, насупившись, и спросил:

— Моллар? И что же он поет?

Дауге послушал и перевел:

— Что-то в таком роде: две ласточки целуются за окном моего звездолета в ледяной пустоте-тетете. И как их туда занесло? Они очень любили друг друга и сиганули туда случайно, полюбоваться на звезды. Тра-ля-ля, и не все ли вам равно?

— Отлично,— сказал Юрковский.— Вот твое призвание. Ты переводишь как ЛИАНТО. «Сиганули туда случайно» — шедевр!

— Тра-ля-ля,— сказал Быков.— Так. Подождите-ка меня здесь.

Он повернул за угол, и песенка смолкла.

— Я не хотел бы быть Молларом, если бы Моллар был даже Десантником,— сказал Юрковский. Дауге кивнул, и оба, подкравшись, выглянули в коридор, откуда доносились мощные командирские раскаты.

— То, что останется от Моллара,— сказал Юрковский, наглядевшись всласть,— не сможет оценить лукового супа. Все-таки мы с тобой хорошие ученые, Иоганыч. И знаем, как плохо не представиться капитану немедленно по прибытии.

— Я думаю, что Окада Сусуму лучше вообще не прилетать сюда,— добавил Дауге.

Юрковский кивнул.

Когда, спустя пять ужасных минут, Быков и Моллар подошли к лифту, капитан был багров и взъерошен. Моллар шел, засунув руки в карманы пестрой жилетки, и...

— Я, кажется, сошел с ума,— сказал Юрковский.— Он посвистывает.

— Да,— сказал Дауге. Во взгляде его светилось восхищение.

Моллар посмотрел на планетологов, подмигнул и пропел негромко:

— Les hirondelles, les hirondelles...

Капитан Быков ринулся в кабину лифта.

Стругацкие были недовольны и этим началом. Они начинают переделывать его, сокращать, но, так и не закончив исправления, отвергают и этот вариант.

Глава третья. СПУ-17

Спу-17, семнадцатый по времени запуска на орбиту постоянный искусственный спутник Земли, представлял собой вполне автономную систему складов, заправочных станций, стартовых конструкций и жилых помещений, большею частью торовидных, вращающуюся вокруг общего центра тяжести. Спу-17 был крупнейшим межпланетным портом для рейсовых и исследовательских кораблей. Он был построен несколько лет назад, и здесь уже была размеренная налаженная жизнь, были свои старожилы и новички, были свои традиции и обычаи, существовали свои мнения и разногласия. Алексей Петрович любил Спу-17 и отлично знал многих работников Спу-17, и многие работники Спу-17 отлично знали его. Он даже пользовался некоторыми привилегиями на Спу-17. Он мог посещать диспетчерскую, присутствовать на совещаниях, которые проводил Директор Спу-17, и даже подавать советы. Возможно, это объяснялось тем немаловажным вообще в жизни обстоятельством, что постоянный экипаж Спу-17 был укомплектован главным образом однокурсниками и близкими товарищами Алексея Петровича по Высшей Школе Космогации, а также тем, что Алексей Петрович был одним из немногих тогда командиров кораблей на трансмарсианских трассах. Алексей Петрович сказал Страуту, что сам придет наблюдать за погрузкой «Тахмасиба», и вышел из рубки Диспетчерской. Диспетчерская соединялась с жилыми отсеками узким, овального сечения

коридором с мягкими пружиняшими стенами. На середине коридора Алексей Петрович встретился с двумя юношами, тащившими в Диспетчерскую какой-то механизм: в Диспетчерской монтировалась дополнительная система сверхманипуляторов. Механизм был похож на большую многолучевую звезду и цеплялся за стены, и юноши громко выражали свое недовольство друг другом. Увидев Алексея Петровича, они замолчали и прижали механизм к стене. Алексей Петрович вежливо поблагодарил и стал протискиваться между механизмом и противоположной стеной. В тот момент, когда лицо его оказалось вровень с покрасневшим от напряжения лицом одного из юношей, зажатого в неудобной позе позади механизма, раздалось звонкое «бом-памм» и затем длинное свистящее шипение. В коридоре потянуло холодом, и в лицо Алексея Петровича ударил воздух. Лицо юноши мгновенно сделалось белым как снег. Даже немного желтоватым. «Шшшшшшшш» визжал воздух, вырываясь из коридора в Пространство. Алексей Петрович схватил юношу за шиворот, дернул вперед и огромными скачками понесся по коридору, волоча его за собой. «Я сам! — завопил юноша.— Колька, беги!» Сейчас же загремели звонки сигнала противометеоритной тревоги. Алексей Петрович вышвырнул юношу из коридора в жилой отсек, обернулся и уперся ногой в закрывающийся люк. Надо было поглядеть, что случилось со вторым пареньком. Стены коридора уже покрылись инеем и клубились паром, но можно было разглядеть, что в коридоре остался только звездообразный механизм, а второй парень исчез за закрытым люком Диспетчерской. Алексей Петрович убрал ногу, и люк захлопнулся. «Все в порядке»,— сказал он юноше. Затем он отправился к себе. Метеориты часто попадали в различные узлы ИС, но жертв никогда не было. Щели затягивались сами через пять минут после удара, затем приходили ремонтники и накладывали страховочные заплаты.

В его комнате сидел Михаил Антонович Крутиков и пил чай. Михаил Антонович был толст, лыс, красен и по обыкновению добродушен. Стол он придвинул к дивану. На столе стоял чайник и большая банка с вареньем, к которой была прислонена раскрытая книжка. Когда Алексей Петрович вошел, Михаил Антонович взял книжку и положил ее на диван.

— Здравствуй, Алешенька,— сказал он.— Садись чай пить.

— Здравствуй, штурман,— сказал Алексей Петрович. Он подтащил стул к столу и уселся напротив Михаила Антоновича. Он заглянул в банку с вареньем и с сомнением сказал: «Гм».

— Третий стакан пью,— торопливо сказал Михаил Антонович и стал наливать чай.

— Третий, значит,— сказал Алексей Петрович. Он отхлебнул горячего чая, зацепил ложечкой варенья и прищурился на штурмана.

— Третий,— подтвердил штурман.— Отличное варенье делает тебе твоя Антонина Николаевна.

— Я говорил со Страутом,— сказал Алексей Петрович.— В восемнадцать тридцать подавать «Тахмасиб» на погрузку.

Михаил Антонович взглянул на часы. Было десять пять.

— Успеется,— сказал он.

— Штурман,— сказал Алексей Петрович.— Где твои борт-инженеры, штурман?

Михаил Антонович опустил глаза и стал скрести ложечкой по блюдцу с вареньем.

— Иван на «Тахмасибе»,— сказал он с запинкой.— Копается в вычислителе. Редкий парень, Алешенька. Из него выйдет о-отличный штурман. Он составил алгоритм.

— А где Колька? — прервал его Алексей Петрович.

— Колька...— штурман шарил глазами где-то поверх головы Алексея Петровича.— Коленька... это... Он, кажется... это...

— Он в радиорубке, штурман,— сурово сказал Алексей Петрович.— И ты это отлично знаешь. Ты его покрываешь, штурман.

— Ничего подобного,— сказал штурман, алея еще больше.

— Покрываешь. Мальчишка и месяца не пробыл на спутнике, а уже обжимается с какой-то вертихвосткой-радисткой. Уже на ты со всеми бабами на Спутнике. А ты его покрываешь.

— Она не вертихвостка,— запротестовал штурман.— Она очень славная девочка. Очень скромная и милая. И он с ней не обжимается, а беседует о... о кибернетике.

— Знаю я эту кибернетику! — рявкнул Алексей Петрович.— Черт знает что. Через восемь часов подавать корабль на погрузку, штурман жрет чай, один борт-инженер занимается исследованиями, другой крутится с девчонками. Черт знает что!

— Не ори, пожалуйста,— сердито сказал Михаил Антонович, подумал и добавил: — Черт возьми.

Алексей Петрович отлично знал, что «Тахмасиб» был готов к погрузке уже два дня назад и что сердится он, собственно говоря, на Николая. Хотя, по совести, не стоило сердиться и на Николая. Парень превосходно справлялся с работой, только оказался редкостным проказником. В нем не было и следа отцовской сосредоточенности. Первый рейс, самостоятельный дальний рейс, Амальтея, Юпитер, Джей-станция, а он крутится вокруг девчонки. Как будто перед отъездом на курорт. Алексей Петрович вспомнил свой первый рейс. Десять лет назад, «Хиус-два», первый фотонный корабль. Волнение, бессонная ночь «на пороге». А для нынешних мальчишек это все равно, что ожидание электрички, два шестнадцать, Москва — Кратово, остановки по всем пунктам. Впрочем, может быть, так и нужно?

— Алешенька,— сказал Михаил Антонович. Он уже поостыл от непривычной вспышки раздражения и, как всегда в таких случаях, просил мира.— Алешенька, ведь сейчас наши мальчики приезжают.

— Да,— сказал Алексей Петрович.— Я и то смотрю, запаздывают.

Десять лет мы не виделись, подумал Алексей Петрович. Пошли по разным дорогам. И отпуска у нас были в разное время. Один раз я чуть не поймал Володьку, но оказалось, что он уже вылетел накануне. Не мог подождать несколько дней. Это было три года назад на Таймыре. Я жил потом в комнате Юрковского и нашел его письмо ко мне, которое он забыл отправить. А потом в Новосибирске я слышал, как объявляли по радио о его докладе в Доме Ученых, но нужно было улетать на Юпитер. Все на тот же Юпитер, на Джей-станцию. И с Дауге та же история. Пока он отлеживался по черноморским и средиземноморским курортам после поцелуев Урановой Голконды, я продирался через тернии науки в Высшей Школе, а затем он снова вышел в Пространство и долго работал на Венере вместе с Юрковским. Они все время работали вдвоем, он и Юрковский, и они год назад ухитрились слетать на Амальтею. Наши корабли встретились в Пространстве и прошли на расстоянии каких-

нибудь десяти тысяч километров друг от друга... Тесен мир, тесно даже Пространство, но трудно встретиться, если одни — планетологи, а другие — рейсовики. Хорошо еще, что хоть Миша — штурман. Алексей Петрович с удовольствием посмотрел на штурмана. Десять лет...

— Налей-ка еще,— сказал Алексей Петрович.— Эх, ты... покровитель порока.

Михаил Антонович расплылся в улыбке и уже открыл рот, чтобы сказать что-то, как вдруг дверь с коротким всхлипом отъехала в сторону, и в комнату влетел Коля Ермаков — тонкий, гибкий, в клетчатой рубашке с засученными рукавами и расстегнутым воротом. Он вытянулся по стойке смирно и провозгласил:

— Григорий Иоганнович Дауге!

Михаил Антонович вскочил, толкнув животом стол. Алексей Петрович медленно поднялся. В дверях появился Григорий Иоганнович Дауге, межпланетник и планетолог, милый друг Григорий Иоганнович, черный, сухой, с высоким залысым лбом, с заросшим шрамом через правую щеку, с веселыми светлыми глазами. Секунду он стоял на пороге, переводя взгляд с Алексея Петровича на штурмана и обратно.

— Сволочи,— сказал он радостно.— Здравствуйте, черти.

— Иоганыч,— сказал Михаил Антонович.

Алексей Петрович молча пошел к Дауге, обходя его сбоку. Дауге, не спуская с него глаз, двинулся к нему, тоже норовя зайти сбоку. Они сошлись посередине комнаты.

— Петрович! — воскликнул Дауге и ударил Быкова по плечу.

— Иоганыч! — сказал Быков и тоже ударил Дауге по плечу. У Дауге подкосились колени.

— Петрович! — завопил он и бросился обниматься.— Боров здоровый! Мишка, черт!

Несколько минут они обнимались. Михаил Антонович всплакнул, дожидаясь своей очереди. Коля Ермаков стоял у дверей и глядел во все глаза. Алексей Петрович оторвал Дауге от себя и швырнул его Михаилу Антоновичу. Михаил Антонович принялся тискать Дауге, прижимая его к толстой доброй груди. Алексей Петрович некоторое время смотрел на них, затем не вытерпел — оторвал Дауге от штурмана и принялся тис-

кать сам. Дауге вырвался и, измятый и взъерошенный, повалился на диван.

— Черти,— сказал он.— Мишка, Алеша! Постарели, морды стали какие-то солидные... Лешка, ведь тебя не узнать! Откуда у тебя это гусачье выражение на роже?

— А что? Какое такое гусачье?

— А вот такое. Впрочем, понятно. Капитан. Кэптн ов вотерлесс сииз. «Бесконечно чужой, беспокойный душой, бороздящий эфирные волны...»

— Поди ты,— сказал Алексей Петрович.

— Высох, высох,— повторял Михаил Антонович, сидя рядом с ним на диване и гладя его по плечу.— Совсем высох, Гришенька, черный стал...

— «...без улыбки в глазах, только трубка в зубах, беспокойный, упрямый, бессонный...» Ужасно дурацкие стихи Володька писал во младости...

— Постой,— сказал Алексей Петрович.— А где же Володька?

— Здесь, здесь, не волнуйся.

— Да где же?

— Вы разве не вместе прилетели? — спросил Михаил Антонович.

— Вместе,— сказал Дауге, приглаживая волосы.— Но он... В общем, он моет свое чудище.

— Какое чудище? — спросил нетерпеливо Алексей Петрович.

— Он что, женился? — спросил Михаил Антонович.

Дауге хихикнул.

— Сами увидите,— сказал он.— На это стоит посмотреть.

— Я пойду разыщу его,— сказал Алексей Петрович.— Что это, право...

— Ни-ни, не вздумай,— сказал Дауге.— Он сейчас придет.

— Ох,— сказал Михаил Антонович.— Прямо не верится. Сколько ждал этого момента, а теперь не верится.

— Штурман,— сказал Дауге нежно.— Разъелся, штурман. Распустил тебя этот рыжий. Восемьдесят пять кило как минимум, да?

— Восемьдесят восемь,— сказал Алексей Петрович.— А после обеда — девяносто два.

— Позор,— нежно сказал Дауге.— Ах, черти вы, черти. А вот и Володька, рекомендую.

Михаил Антонович встал с дивана, рот у него был широко раскрыт, глаза тоже. Алексей потряс головой и зажмурился. В дверях стоял Юрковский. Юрковский улыбался, и брови у него были прежние — густые, черные, только на лбу блестели залысины, и волосы на висках поседели, а на плече его, на широком, обтянутом роскошной материей плече...

— К-как?..— невразумительно промямлил Михаил Антонович.

— Что это? — сказал Алексей Петрович.

Юрковский неторопливо, плавной скользящей походкой двинулся к столу. На плече его, неестественно задрав страшную квадратную голову, сидела здоровенная мокрая ящерица.

— Володя,— сказал Алексей Петрович.— Что это?

Ящерица мигнула. У нее были выпуклые темные глаза.

— Это пустяки,— сказал Юрковский.— Это Варечка. Обними меня, капитан.

Он пошел к Алексею Петровичу с протянутыми руками. Ящерица поднялась на задние лапы и шевельнула полуметровым хвостом, сплющенным с боков.

— Обними меня, мой краснорожий друг,— сказал Юрковский, приближаясь.

— К чертям собачьим, Владимир,— сдавленным голосом сказал Алексей Петрович.— Убери ее.

Тогда Юрковский захохотал и обхватил Алексея Петровича длинными руками.

— Капитан! — заорал он. Быков брыкался и вырывался, и он орал ему прямо в ухо: — Капитанчик! Не бойся! Она не ядовитая!

Ящерица неслышно соскользнула на пол и кинулась в угол, где встала столбиком и принялась озираться. Тогда Алексей Петрович обнял Юрковского и прижал к себе. Юрковский захрипел и закатил глаза, Михаил Антонович схватил его сзади за ухо, Дауге на диване хохотал и дрыгал ногами, а Коля Ермаков стоял у дверей и глядел на них блестящими глазами. Он впервые видел их всех вместе, этих фантастических людей, участников фантастического похода его отца.

— Ах ты паршивец, поросенок ты этакий,— приговаривал Михаил Антонович.

— Я тебя научу, пижон, как являться по начальству! — рычал Алексей Петрович.

— Взбутетеньте его, любезного,— орал Дауге.

А Юрковский вопил:

— Алексей! Не буду! Мишка! Здравия желаю, товарищ капитан! Ваше благородие! Троглодиты! Спасите!

При этом он сипел и судорожно извивался. Наконец Алексей Петрович отпустил Юрковского и сказал:

— А теперь будем пить шампанское. Распорядись, старший штурман.

Юрковский упал в кресло и начал тихо стонать. Он стонал на разные лады долго и жалобно, а Михаил Антонович тем временем достал из холодильника запотевшую бутылку и поставил на стол стаканы. Алексей Петрович, наклонивши голову набок, критически рассматривал Юрковского, затем поглядел на Варечку, застывшую в углу, и сказал с сожалением:

— Мало я его подавил.

Он откупорил бутылку, наполнил стакан и протянул Юрковскому:

— Пей,— сказал он.

— Не буду,— сказал Юрковский.— Убийца.

— Пей,— повторил Алексей Петрович.

Юрковский взял стакан и поднялся.

— Ох,— сказал он, хватаясь за поясницу.

Алексей Петрович наполнил стаканы.

— Ермаков,— сказал он.— Возьмите стакан.

Коля Ермаков подошел к столу и взял стакан. Все стали вокруг стола с поднятыми стаканами. Алексей Петрович обвел всех глазами и тихо сказал:

— Вместе.

— Вместе,— сказал Юрковский.

— Вместе,— сказал Дауге.

— Вместе, мальчики,— сказал Михаил Антонович.— Как в старину.

Они выпили, не чокаясь. Коля Ермаков поставил пустой стакан и опять отошел к двери. Ящерица, шелестя, вылилась из угла и взобралась на плечо Юрковского. Алексей Петрович уставился на нее.

— Ты воображаешь, что возьмешь ее с собой на Амальтею? — сказал он.

— Обязательно,— сказал Юрковский, ласково щелкнув ящерицу в морду.

— Ты воображаешь, что возьмешь ее на мой корабль?

— Несомненно,— сказал Юрковский.— Она же не ядовитая.

— Володька везде таскает ее с собой,— сказал Дауге серьезно.— Однажды он пришел с нею на прием к министру.

Юрковский развалился на стуле, закинув ногу на ногу. Ящерица сидела у него на плече, покачиваясь, чтобы сохранить равновесие, задрав голову с отвисшей кожей под горлом и цепляясь за материю пиджака шестипалыми лапами.

— Не мог же я оставить ее дома одну,— сказал Юрковский.— Она очень скучает, когда одна. Зато на приеме было очень весело.

— Так,— сказал Алексей Петрович, вертя в пальцах стакан.

— Володька не берет ее с собой только в театр,— сказал Дауге.

— Да, друзья,— сказал Юрковский оживленно.— Походил я в театры в этот отпуск. За всю жизнь походил. Представляешь, Лешка, за месяц был восемь раз в Большом и шесть раз в Зале Чайковского.

— Бедная Варечка,— сказал Дауге вполголоса.

— Ничего не поделаешь, пришлось ей поскучать. Министр, знаешь, это одно, а милиция — это совсем другое.

— Врет он,— сказал Дауге.— Милиция здесь ни при чем. Володька оставлял свою гадину дома, но по театрам-то шлялся все равно вдвоем!

— Тц-тц-тц,— сказал Михаил Антонович.

— Это вранье,— сказал Юрковский, слегка краснея.

— Тц-тц-тц,— сказал Алексей Петрович.

— Знаете,— сказал Дауге,— симпатичная такая особа. Журналистка. Высокая, статная, кровь с молоком. Рашн бьюти, так сказать.

— Чепуха,— сказал Юрковский недовольно.— Бьюти. Чепуха.

— Попался бычок на веревочку,— сказал Михаил Антонович.

— Да ничего подобного,— сказал Юрковский.— Просто моя хорошая знакомая. Я ее знаю вот с такого возраста.— Юрковский показал ладонью от пола, с какого возраста он знает свою хорошую знакомую.— Мы были знакомы домами. И она заядлая театралка. Вот я и попросил.

— У нее громадный недостаток,— сказал Дауге.— Она терпеть не может Варечку.

— О, черт подери,— сказал Юрковский.— Ты знаешь кто, Дауге? Ты банный лист.

— Нечего теперь,— сказал Дауге.

Юрковский взял со стола кусочек булки и сунул в нос ящерице. Ящерица сидела неподвижно, как чучело, и медленно мигала.

— Не хочет,— сказал Юрковский.— Еще рано.

— Она жрет раз в сутки,— пояснил Дауге.— Дышит она тоже, кажется, раз в сутки. И Володька говорит, что она совсем не спит. Но это уж, по-моему, вранье.

— Ничего подобного,— сказал Юрковский.— Все так. Варечки водятся на Марсе, где дышать трудно и мало еды. Варечка вообще неприхотлива и выносliва. Однажды нас с Дауге засыпало, и мы провалялись под завалом часов пятьдесят. Когда нас откопали, мы с Дауге моментально угодили в госпиталь на полтора месяца, а Варечка только потеряла хвост и переднюю лапку, но вскоре обросла снова.

Алексей Петрович смотрел на друзей со странным чувством. Все было так, как раньше, и все-таки совсем не так. Юрковский поседел. Щеку Дауге пересекал заживший шрам. Они шутили и болтали, как прежде, но Алексей Петрович почему-то не верил шуткам. Разве такой должна быть встреча, о которой они все мечтали столько лет? Неужели больше не о чем говорить, кроме как об этом марсианском чудище?

— Это чудо приспособляемости,— разглагольствовал Юрковский.— Я долгое время держал ее в термостате, но потом она удрала оттуда и стала жить в чисто земных условиях, как и мы с вами. Однажды она свалилась в бак с серной кислотой. Я уверен, что если ее сунуть в плазму твоего «Хиуса», Алексей, ничего с ней не случится. С Варечкой, я имею в виду.

Ящерица круглым глазом уставилась на Быкова. Алексей Петрович смотрел на нее с ненавистью. Юрковский наконец

умолк и стал катать хлебные шарики. Все молчали, только время от времени вздыхал чувствительный Михаил Антонович. Вот мы и вместе, подумал Алексей Петрович. Вместе. Вы понимаете, что такое вместе? Или вы все забыли, друзья? Вот я помню все. Багровые тучи над черными пустынями Венеры. Берега Дымного моря. Перекошенный, вплавленный в растекшийся гранит танк. Сто пятьдесят тысяч шагов до спасения. Обуглившееся тело Дауге, хрип Юрковского в наушниках. Потом... Потом прошло десять лет без вас. Я многое узнал и многое повидал. Я видел обглоданные Пространством камни астероидов и Бурый Джуп с Амальтеи. Я стал мужем и отцом. У меня есть дети. Ведь вы оба не знаете, что такое дети. Сына я назвал Владимиром, потому что в русском алфавите «в» стоит перед «г». Я все время думал о вас. Каждый раз, когда мне приходилось слышать или читать стихи, я вспоминал Юрковского. Каждый раз, когда я видел черноволосого сухощавого человека, у меня ёкало сердце, но это был не Дауге. Мне очень хотелось бы рассказать сейчас об этом и послушать, что вы на это скажете... У меня много добрых друзей, но вы всегда были самыми лучшими и близкими...

— Между прочим,— сказал Алексей Петрович.— Завтра стартует Ляхов.

— Надо будет повидаться с ним,— сказал Юрковский.

— Я приглашен на старт,— сказал Алексей Петрович.— Я передам ему, что вы хотели его видеть.

— Что, не удастся? — сказал Дауге.

— Нет. Они сейчас под охраной медкомиссии.

— Жаль,— сказал Дауге.— Хорошо бы повидать Ваську.

— Еще не все потеряно,— успокоил его Алексей Петрович.— Придется только подождать лет десять-двенадцать, пока он вернется.

— Жаль,— повторил Дауге.— Мы и так не виделись десять лет.

— Помнишь, Володенька,— сказал Михаил Антонович,— как ты поругался с Васей? Тогда, перед самым стартом на Венеру?

Юрковский кивнул.

— Ох и дурак тогда был Володька,— сказал Алексей Петрович.

Юрковский промолчал.

— Энтузиаст-одиночка,— хихикнул Дауге.

Десять лет назад, на ракетодроме Седьмой полигон, когда Василий Ляхов вернулся из испытательного полета с «Хиусом-2», Юрковский сильно поругался с ним по вопросу о том, кому принадлежит ведущая роль в межпланетных исследованиях. Юрковский тогда обвинил Ляхова в отсутствии романтики и в неприличной любви к Земле, во взгляде на Пространство просто как на очередную сферу производственной деятельности человека. Юрковского тогда здорово высек Краюхин.

— Ладно,— сказал Юрковский.— Ты передай ему от нас привет, Алексей.

— Передам,— сказал Алексей Петрович.

— Кстати,— сказал Дауге.— Кто-нибудь еще летит с нами?

— Летит,— сказал Алексей Петрович.— Летит на Амальтею один специалист по радиооптике — некто Шарль Моллар, и один ученый японец — некто Сусуму Окада.

— Некто,— обиженно сказал Михаил Антонович.— Ничего себе — некто. Сусуму Окада, действительный член Академии Неклассических Механик. Лауреат премии Юкавы и Нобелевской премии. Почетный член АН СССР.

— Здорово,— сказал Юрковский.

— Ничего,— равнодушно сказал Алексей Петрович.— Академиков мы возили. И не раз. Академики очень любят Юпитер.

— Я так и не понял,— сказал Юрковский.— Будем мы облетать Юпитер или прямо пойдем на Амальтею?

— Если ваш академик не опоздает, мы по его просьбе сделаем три-четыре витка вокруг Юпитера. Он хочет там что-то проверить. А если опоздает к старту — прямо на Амальтею.

Михаил Антонович хотел что-то сказать, но не решился и только покачал головой.

— Вот чего я все-таки никак не могу понять,— задумчиво сказал Дауге, уставясь в потолок.— Зачем нам все это. Венеру мы штурмовали потому, что там Урановая Голконда. Актиниды и прочее. Марс нам нужен для колонизации, для опытов по созданию новой атмосферы. Это все ясно. И спутники больших планет. Тоже ясно. Металлы, минералы, новые формы жизни, трали-вали семь пружин. Но ради чего погиб Поль Дан-

же на Юпитере? На Юпитере мы угробили массу средств и несколько замечательных капитанов. А ведь Юпитер — это нуль, ничто. Толстый водородный пузырь...

— А зачем Ляхов уходит в Первую Межзвездную? — сказал Быков.

— Да, зачем? Вот послушайте.— Дауге положил ладони на стол.— Завтра Ляхов уходит в Первую Межзвездную. Если так будет идти дальше, то лет через десять-двадцать мы пошлем первую экспедицию на звезду. Представляете? Мы — звездолетчики. Люди вне времени. Мы уходим навсегда. Фактически мы умираем. Мы летим долгие годы, добираемся до чужого мира, до чужих планет у чужих звезд и делаем там то, что должны делать. Потом мы опять долгие годы летим обратно, возвращаемся на Землю и замечаем, что попали на три века вперед. Нас встречают внуки наших правнуков и сообщают, что город, где мы родились, больше не существует, там теперь музей, но зато нам построен памятник. Мы осматриваем памятник и пытаемся понять, что здесь, собственно, изображено. «Вот это вы, товарищ Дауге»,— говорят мне. Я смотрю на самого себя и осведомляюсь, почему у меня рога. Ответа я не понимаю. Ясно только, что это не рога. Мне говорят, что двести лет назад, кажется, было в моде так изображать героев бесконечных пространств, но что в точности это неизвестно, и надо справиться в Центральном Бюро Вечной Памяти. При словах «вечная память» у нас возникают нехорошие ассоциации, которые, однако, не кажутся нехорошими внукам наших правнуков. И мы начинаем чувствовать, что снова попали в чужой мир. Результаты, полученные нашей экспедицией, встречаются очень сдержанно. Мы отчетливо ощущаем, что они представляют узкоисторический интерес. Праправнукам уже все известно. Они уже успели побывать на той планете, откуда мы пришли, и успели побывать там не раз, не два, а пять. Они делают такие перелеты в два-три месяца, потому что, видите ли, обнаружено некое свойство пространства-времени, которого мы не понимаем, называемое как-нибудь вроде тирьямпампации. Мы, возвратившиеся, смотрим друг на друга и думаем в унисон: «А стоило ли?»

— Конечно, стоило,— убежденно сказал Михаил Антонович.

Алексей Петрович смеялся, покачивая головой, и повторял: «Ну и выдумал. Ну и распотешил, Иоганыч».

— Стоило? — спросил Дауге.— А зачем?

— Че-ло-век,— сказал Юрковский.

— Ну и что?

— Все,— сказал Юрковский.— Че-ло-век. Сначала он говорит: «Я хочу есть» — тогда он еще не человек. Потом он говорит: «Я хочу знать» — и становится человеком.

— Это ты, братец, загнул,— сказал Алексей Петрович.

— Ну, скажем, так. Стремление познавать, чтобы жить, превратилось теперь в стремление жить, чтобы познавать.

— Отличный афоризм,— восхищенно сказал Михаил Антонович.— Люблю афоризмы.

— Этот ваш че-ло-век,— сказал Дауге сердито,— еще не знает толком, что делается в центре Земли, а уже размахивается на звезды.

— На то он и че-ло-век. Потому мы и лезем на Юпитер, потому Ляхов и уходит в Межзвездную.

— Все это так,— сказал Дауге,— но очень уж все это туманно. Неопределенно.

— Дурень ты,— рассердился вдруг Михаил Антонович.— Право, дурень, Гриша. На Юпитере исследуют возможности создания двигателя времени. Не знаю я, что ищут наши в Зоне АСП, а на Юпитере работают с экспериментальной проверкой асимметричной механики. Мы еще, может быть, полетаем на кораблях с двигателями времени.

— Браво, штурман,— сказал Юрковский.

— Ни одна крупинка знаний...— начал ободренный Михаил Антонович, но Алексей Петрович перебил его:

— Вот что, ангелы,— сказал он.— Мне сейчас на корабль. Располагайтесь здесь. Обед в пятнадцать. Штурман, проследить за режимом.

— Слушаюсь,— сказал Михаил Антонович.

— В восемнадцать погрузка. Я могу провести вас в диспетчерскую,— сказал Алексей Петрович.— Я покажу вам такое, чего вы на своем Марсе и не нюхали. Пойдете?

Дауге нерешительно поглядел на Юрковского.

— Понимаешь, Петрович,— сказал он.— У нас корректура.

— Какая корректура?

— Корректура статьи. Нужно успеть до старта.

— Успеете.

— Нет уж,— сердито сказал Юрковский.— Я буду работать. А Гришка пусть идет, если хочет.

По глазам Дауге Алексей Петрович видел, что ему очень хочется пойти.

— Ладно,— сказал он.— Я зайду за тобой в половине шестого.

***

В зале Диспетчерской было полутемно, только вспыхивали разноцветные огоньки на пульте управления, и на широком, в полстены, экране горело на солнце фантастических форм сооружение.

— Видишь теперь? — спросил Быков.

— Вижу,— неуверенно сказал Дауге и добавил после молчания: — Ни черта я, вообще-то, не вижу. Что это за громадина?

Было видно, как медленно поворачивается вокруг продольной оси блестящая толстая труба, утыканная иглами антенн, опутанная мерцающей металлической сетью. Вокруг трубы, нанизанные на нее, как обручи на палку, крутились тороидальные спутники. Дауге насчитал их шесть, но труба не помещалась на экране целиком, и других спутников просто не было видно.

— Это Большой Склад,— сказал Быков.— А «Тахмасиб» во-он там, в верхней части трубы, у манипуляторных отсеков. Ну, неужели не видишь?

— Нет,— сказал Дауге. Он не видел ни «Тахмасиба», ни верхней части трубы. Их загораживала голова диспетчера. Дежурным диспетчером был Валя Страут, и он был занят сейчас ужасно, так что попросить его подвинуться было бы просто неловко. Кроме того, Страут важничал и говорил «коротко, ясно и всегда правду». Он чувствовал себя солдатом Космоса.

Кроме чудовищной трубы Большого Склада, на экране не было ничего. Дауге не видел даже звезд. Труба, опутанная противометеоритной сетью, висела в бездонной тьме и сияла на

Солнце так ослепительно, что Дауге иногда казалось, что она пульсирует.

Страут шевельнулся, придвинул к себе микрофон селектора и сказал:

— Зэт-фюнф, зэт-фюнф. Берайт?

— Я,— откликнулся зэт-пять.— Иммер берайт.

— Зэт-фюнф,— строго сказал Страут.— Гее ауф цум старт. Гебе «зебра».

— Данке,— сказал зэт-пять.

В пульте что-то загудело, труба на экране погасла. Стало светлее — по экрану побежали волнистые линии. В голубом свете стало видно сосредоточенное лицо Страута с насупленными жиденькими бровями. Затем на экране снова возникла черная бездна, только теперь она была утыкана светлыми точками звезд. В верхнем правом углу экрана засиял белый шарик, но он был, по-видимому, очень далеко, и разобрать, что это такое, было нельзя. Потом из нижнего левого угла наискосок медленно выползла на экран... тяжелая туша планетолета.

— Смотри-ка,— сказал Дауге,— старье какое. Импульсник типа «Астра».

— Это «Лорелея»,— сердито сказал Быков.— «Лорелея» и Рихтер.

— Вот оно что,— сказал пораженный Дауге.— Вот она какая, «Лорелея»!

Двадцать с лишним лет назад Карл Рихтер на своем корабле «Лорелея» совершил беспримерную по смелости высадку на Меркурий, при которой потерял половину экипажа и обе ноги. Оставшись на корабле единственным пилотом, искалеченный, он сумел привести к Земле поврежденный корабль и остался его капитаном навсегда.

— Зэт-фюнф,— сказал Страут.— Старт!

— Есть старт,— отозвался голос из репродуктора.

— Удачи и спокойной плазмы, геноссе Рихтер,— сказал Страут.— Не забывайте про Леониды.

— Данке, майн кнабе,— откликнулся Рихтер.— В мои годы не забывают про Леониды.

Все стихло. Из дюз «Лорелеи» ударили бесшумные струи пламени, корабль медленно прополз по черному небу и скрылся за краем экрана.

— Спу-17 Земля — Цифэй Луна,— сказал Страут.— Груз — титан и вода.

— Он что — до сих пор калека?[1] — спросил Дауге.

— Да,— сказал Быков.

— А биопротезы?

— А! — Быков махнул рукой.— Рихтер — человек старого закала.

В репродукторе щелкнуло, и раздраженный голос произнес:

— Диспетчер?

— Йэс,— сказал Страут.— Диспетчер Страут, Ю Эс Си Ар.

— Зэт-два,— сказал голос.— Капитан Холмов. Валентин, дашь ты мне сегодня «зебру» или нет?

— Не дам,— сказал Страут.— Леониды.

— Леониды! — произнес капитан Холмов с невыносимым презрением.— Может быть, я из-за твоих Леонид и вторые сутки здесь проторчу?

— Может быть,— сказал Страут.

Холмов помолчал и сказал просительно:

— Валентин, голубчик, у меня ученые бунтуют. Дай «зебру», будь другом.

— Нелетная погода,— сказал Страут металлическим голосом.— Метеорный поток высокой плотности, старты к внешним планетам запрещены вплоть до особого распоряжения.

— Честью прошу,— сказал Холмов угрожающе.

— Капитан Холмов,— сказал Страут.— Убирайтесь вон с линии.

— Зверь,— сказал капитан Холмов.— В будущем году перейду работать в Диспетчерскую.

В репродукторе щелкнуло, и голос оборвался.

— То есть,— сказал Быков,— ты и меня не выпустишь, Валентин?

— Сегодня — нет,— сказал Страут.— И завтра нет. Послезавтра — пожалуй.

---

[1] По-видимому, Авторам очень не хотелось вводить в текст безногого пилота: смахивает на «Повесть о настоящем человеке». Но это, конечно, реалистичней, чем слепой капитан из предыдущего варианта. Вмажет ведь рано или поздно куда-нибудь сослепу... — *В. Д.*

— Ладно,— сказал Быков.— Мне, собственно, и надо послезавтра.

Репродуктор снова заговорил, на этот раз по-китайски. Страут ответил коротко и переключил экран. На экране теперь было черное небо и странные очертания какого-то корабля.

— Узнаешь? — сказал Быков Дауге.

— Нет,— сказал Дауге.

— Это «Тахмасиб». «Хиус-9». Мой «Хиус».

— Он похож на перевернутый бокал,— изрек Дауге.

Фотонный корабль неподвижно висел в центре экрана. Он действительно напоминал фужер для шампанского с очень толстым дном.

— Я таких еще не видел,— сказал Дауге.— У нас на марсианских трассах работают «Хиус-3» и «Хиус-4».

— Еще бы,— сказал Быков.— Такой бокал спалил бы любой ракетодром. У него мощность в восемь раз больше, чем у старых черепах.

Старыми черепахами межпланетники называли первые модели фотонных кораблей.

— Для планет с атмосферами он совершенно не годится,— сказал Алексей Петрович.— Особенно, если на них есть люди. Работает исключительно на трансмарсианских линиях.

— Красавец,— сказал Дауге.— А где жилые помещения?

— Дно бокала,— сказал Быков.— Там два этажа. Верхний для жилья, нижний — для грузов.

— Это чтобы быть подальше от зеркала? — усмехнулся Дауге.

Быков не ответил. На экране появился край какого-то огромного сооружения. «Тахмасиб», медленно поворачиваясь, приближался к ослепительно сверкавшей площадке. Изображение вдруг сменилось, и Дауге увидел давешнюю толстую трубу с тороидальными спутниками — Большой Склад. В верхней части трубы крошечный, еле заметный, шевелился «Тахмасиб».

— Здорово,— непроизвольно вырвалось у Дауге.

Алексей Петрович поглядел на него с усмешечкой.

— Это тебе не у вас на Марсе,— сказал он.

— Понимаешь,— сказал Дауге, словно оправдываясь,— я сто лет не был на Земле. Что только здесь не наворотили за это время!

— Например?

— Ну вот эта труба,— сказал Дауге.— Это же невообразимая громадина. Километров сто, наверное, в длину?

— Сто двадцать,— сказал Алексей Петрович.— И восемь в ширину.

— С ума сойти. У нас на Марсе ничего подобного не было.

Алексей Петрович гулко захохотал и сказал в спину Страуту:

— Ты слышишь, Валька? У них на Марсе!

— На ваш Марс я не пошел бы и в директоры,— сказал Страут, не оборачиваясь.— Не мешайте,— быстро добавил он.

— А ты видел Спу-3? Нет? А «Звездочку»? Тоже нет?

— Нет,— сказал Дауге униженно.

— А что ты вообще видел, планетолог?

— У нас на Марсе противометеоритные истребители,— робко сказал Дауге. Быков засопел так выразительно, что Дауге замолчал и стал глядеть на экран. Теперь опять весь экран занимал «Тахмасиб», вернее, его «дно». Было хорошо видно, что дно состоит из двух дисков, наложенных один на другой. Внизу под «Тахмасибом» в блестящей площадке верхней части Склада открылись черные люки.

Страут обернулся:

— Один-один-шесть-три? — быстро спросил он.

— Да,— так же быстро ответил Быков. Он сказал Дауге вполголоса: — Это код автоматического управления. Смотри.

В тишине что-то звякнуло, и с потолка вдруг спустились какие-то суставчатые стержни, черными тенями пересекая экран. Страут ухватился за них и замер в странной скособоченной позе. Он не отрываясь глядел на экран. Из черных люков под «Тахмасибом» выползли гигантские металлические суставы — пять и за ними еще пять. Неровно дергаясь, они протянулись к «Тахмасибу» и вдруг разом вцепились в дно «бокала». Это было похоже, как будто кальмар схватил кита. Суставы, словно ощупывая, поползли по дискам, затем застыли. Страут, кряхтя, приподнялся. Черные тени стержней суматошно двигались на экране. Суставы рывком выдвинули из дна верхний диск, затем медленно притянули его к трубе и скрылись в открывшемся посередине люке. Дно «Тахмасиба» стало вдвое тоньше.

— Поразительно,— льстиво сказал Дауге.

— Дрянь,— сказал Страут сердито.— Старье допотопное. Второй год просим отрегулировать биомеханические манипу-

ляторы — нет, они там все, видишь ли, усовершенствованиями занимаются. А ты здесь потей: манипуляторов десять, а рук у тебя всего две. Черт бы их побрал.

Он вытер лоб платком — запахло хорошими духами. Рукоятки манипулятора тихо покачивались над его головой.

— Понял? — спросил Быков.

— Это была разгрузка? — сказал Дауге.

— Это была разгрузка,— сказал Алексей Петрович.— А сейчас будет погрузка.

Дауге помолчал, затем сказал:

— У нас на Марсе тоже есть манипуляторская.

Алексей Петрович засопел.

— А загрузка производится внутри, на складе,— сказал он.— Весь грузовой отсек, трюм, сменяется, как обойма. Он стандартный. Есть недостаток. Жилой отсек обнажается, и в прошлый раз у Михаила взорвались консервы, которые он забыл в чемодане в своей каюте. Михаил тайком нарушал режим. А я и не знал.

— Бедный штурман,— сказал Дауге.

— Тресковая печень. Они взорвались вместе с чемоданом, и все это прилипло к стенам, мгновенно замерзло, конечно, но потом растаяло.

— И ты заставил его вылизать стены языком? Ты, старый пират.

— Вроде того,— согласился Быков.— Я устроил ему разнос а-ля Краюхин. Он слишком толст для тресковой печени, наш штурман.

Страут снова взялся за манипулятор. Загрузка заняла несколько больше времени. Надо было точно подогнать сменный этаж, и это было довольно трудно. Страут пыхтел, и постанывал, и принимал самые невероятные позы. Быков и Дауге молчали, чтобы не сболтнуть под руку, и только раз Дауге пробормотал с благоговением: «Он сейчас встанет на голову». Потом Страут упал в кресло и сипло сказал:

— Так нельзя. Здесь, черт возьми, нужны биоманипуляторы.

Быков и Дауге почтительно молчали. Правда, Быков вспомнил, как десять лет назад грузили «Хиус-2»: несколько дней протаскивали десятки тонн груза через игольные ушки четырех лю-

ков. И на загрузке было занято человек сто рабочих и уйма всевозможных механизмов. Но Быков промолчал. Если человек на работе потеет, и пыхтит, и поминает черта, и багровеет — значит где-то что-то уже не соответствует своему назначению.

В репродукторе послышался знакомый тенорок Михаила Антоновича:

— Валя,— сказал он.— Отлично. Мне ничего, кажется, не придется регулировать. Спасибо вам, Валя.

— На здоровье, Михаил Антонович,— вежливо сказал Страут.— Пожалуйста, уводите «Тахмасиб». Сейчас на разгрузку подойдет «Викинг».

— Да-да, конечно,— торопливо сказал штурман.— Сию минуту. Еще раз, большое спасибо.

— Не за что,— с великолепной небрежностью сказал Страут.

Быков поглядел на Дауге.

— Спектакль окончен. Если хочешь, посмотрим «Викинг».

— Юрковский меня ждет,— с сожалением сказал Дауге.

— Тогда пойдем.

— Диспетчер, диспетчер,— каркнул вдруг репродуктор.— Дис из кэптн Кавамото. Корэ ва Кавамото сэнтё да.

— Йес, кэптн Кавамото,— быстро сказал Страут.— Тэйк зэ форт эмбаркмэнт, уан-уан-фифтин, бэйз туони сэвен. Репит...

— Мы пошли, Валентин,— сказал Быков.— Спасибо.

Он поднялся. Дауге тоже поднялся.

— Спасибо,— сказал он.

— Не за что,— сказал Страут.

— Кавамото я хорошо знаю,— сказал Дауге Быкову.— Он работал у нас на Марсе.

Они услыхали, как Страут, кончив повторять цифры, крикнул им вслед:

— На ваш Марс я не пошел бы даже Десантником.

— Все ясно,— печально сказал Дауге и закрыл дверь.

Начало опять не нравится Авторам. Неизвестно, почему Стругацкие решили отказаться от этого варианта, но я считаю, что в данных текстах они отошли от первоначального образа Быкова. Не может Быков «Страны багровых туч» — служака-военный, несколько неразвитый эмоционально (вернее, эмоции у него столь

глубоко спрятаны, что даже Авторам не дано проникнуть в его душевные переживания), всегда ровный и внешне отстраненный тип — превратиться за десять лет в этакого чувствительного, нервно-эмоционального рохлю.

Стругацкие перескакивают через встречи персонажей и начало полета и пишут еще одно начало, которое ближе к окончательному варианту, но еще присутствуют в нем ранее задуманные персонажи: Коля Ермаков и Сусуму Окада...

КАПИТАН БЫКОВ ЗАСТУПАЕТ НА ВАХТУ, А АКАДЕМИК ОКАДА ПРОСИТ АУДИЕНЦИИ.

Проснувшись, капитан Быков долго глядел в низкий потолок каюты и старался вспомнить, что ему снилось. Снилось что-то хорошее и печальное, и очень далекое, чего уже совсем не помнишь наяву,— не то милая девушка-студентка в белом платьице, не то весенняя ночь над туманной рекой. Сон вызвал забытые непривычные ощущения, неясные и приятные, и Быкову хотелось удержать эти ощущения. Но они медленно уплывали вместе с обрывками сна и наконец исчезли совсем. Быков полежал еще немного, затем огорченно крякнул и поднялся. Он проспал четыре часа, пора было заступать на вахту.

Он принял два душа, водяной и ионный, прибрал постель и задержался у стенной ниши с книгами. Управление кораблем было полностью автоматическим, вахта сводилась к периодическому и выборочному снятию показаний контрольных приборов, поэтому межпланетники обычно знакомились на вахте с книжными новинками по своей специальности. Быков взял «Теорию времени и пространства» — сборник статей крупнейших физиков. Книжка вышла недавно, перед самым стартом «Тахмасиба». Быков не успел прочесть ее и сейчас, бегло листая исписанные незнакомыми формулами страницы, подумал, что это будет нелегко. Сборник открывался статьей академика Сусуму Окада «Введение в сигмарный анализ». Быков понятия не имел о сигмарном анализе, однако знал, что без него в теории времени и пространства далеко не уедешь. Он вздохнул, сунул книжку под мышку и, застегивая пилотскую куртку, вышел в коридор.

В коридоре было пусто. Дверь в кают-компанию была открыта, и оттуда доносились голоса.

— Не могу назвать этот ход удачным,— сказал голос академика Окада. Голос был скрипучий и показался Быкову противным.

— Посмотрим,— отозвался голос Юрковского.— Посмотрим, господин Окада.

Окада и Юрковский третий день играли партию в четырехмерные шахматы. Эту сумасшедшую игру, в которой доска и фигуры существовали лишь в воображении и в четырех пространственных измерениях, выдумал, наверное, сам Окада. В первый же день после старта Юрковский предложил академику сыграть в трехмерный морской бой, выиграл четыре партии из пяти, и теперь академик брал реванш. Он играл в уме, а Юрковский после каждого его хода изводил на схемы и расчеты целые тетради. Радиооптик Шарль Моллар предлагал биться об заклад, что Юрковский сдастся не позже двадцатого хода. Дауге был уверен, что Юрковский продержится тридцать ходов, но биться об заклад не предлагал.

Быков вошел в кают-компанию. Окада сидел в низком кресле и курил сигарету[1], лениво перелистывая журнал. Сусуму Окада был профессор, действительный член Академии Неклассических Механик, лауреат Нобелевской премии и премии Юкавы. У него было еще несколько степеней и званий, которые трудно запомнить с первого раза. Он считался крупнейшим специалистом в асимметричной механике и был стар, как Мафусаил. Говорили, что он лично знал Юкаву и видел Тодзё за неделю до казни. Этому было легко поверить, стоило поглядеть на его сморщенную физиономию и лысый, в сером пуху, череп. Никто не знал, что ему понадобилось на Амальтее, и борт-инженер Жилин высказал чудовищное предположение, что престарелый академик будет строить на спутниках Юпитера фантастические «вечные» двигатели времени, о которых много писали в последнее время в связи с достижениями асимметричной механики.

---

[1] И здесь курильщики! Если бы у Лозовского из «Извне» было с собой курево, он бы и Пришельцам в их звездолете надымил. — *В. Д.*

Юрковский сидел за столом и грыз карандаш. Лицо у него было хмурое и решительное, и он торопливо перебирал листки записей. На его плече, вцепившись шестипалыми лапами в материю пиджака и задрав страшную прямоугольную голову, сидела марсианская ящерица Варечка. Ее полуметровый, сплющенный с боков хвост, свисал вдоль бока Юрковского и был темно-синим — под цвет костюма Юрковского. Планетолог вывез ее из пустыни Большого Сырта три года назад и всюду таскал за собой. Ящерица была безвредной и совершенно ручной, но имела отвратительную привычку укладываться спать на диванах и креслах, где немедленно принимала цвет и узор обивки. В результате никто теперь, не исключая и самого Юрковского, не садился на диван или на кресло, не похлопав предварительно по сиденью ладонью.

Когда Быков вошел, Варечка повернула к нему голову, задрожала морщинистой кожей на горле и медленно мигнула. Юрковский сказал:

— Да, господин Окада. Все верно. Пешка е-один-гамма-ни. Гардэ, как говорилось когда-то.

— Не могу назвать этот ход удачным,— повторил Окада и сложил журнал.— Ферзь же-шесть-эпсилон-до. Ферзь уходит, как привидение.

— Здравствуйте, господин профессор,— сказал Быков.

— А, капитан Быков,— сказал Окада.— Добрый день, капитан.

— Здравствуй, Лешка,— рассеянно сказал Юрковский.— Да пошла ты, чтоб тебя...— сказал он сердито.

Ящерица серо-синей молнией соскользнула с его плеча, встала столбиком в углу и принялась осматриваться.

— Проигрываешь? — сказал Быков.— Который ход?

— Семнадцатый,— ответил Юрковский.— Не мешай.

— Тогда у Шарля еще есть шанс,— сказал Быков.

Окада с кряхтеньем поднялся и, мелко семеня ногами, приблизился к нему.

— Когда вы рассчитываете быть на месте, капитан? — осведомился он.

— На Амальтее? — спросил Быков.

— Нет,— сказал Окада.— У Юпитера.

Быков насторожился.

— Полагаю, мы войдем в космогационную область Юпитера через двадцать часов, не позже.

— Угу.— Окада на секунду задумался.— Да. Отлично. Мне надо поговорить с вами, капитан.

— К вашим услугам, господин профессор.

— Совершенно приватно, капитан.

— Ага.

— И, вероятно, разговор займет некоторое время.

— Ага.

Быков поглядел на Юрковского. Юрковский грыз карандаш и соображал. Быков поглядел на Варечку. Варечки уже почти не было видно. Она пожелтела, как обивка стены.

— Хорошо, господин профессор,— сказал Быков.— Мне сейчас на вахту, а вот через четыре часа соблаговолите зайти ко мне.

— В каюту? — спросил академик.

— В каюту. Честь имею.

Быков прошел через кают-компанию и вышел в лабораторный отсек. За его спиной Юрковский сказал с торжеством:

— Конь бе-четыре-эпсилон-хэ! Вам шах, господин Окада!

— Отнюдь, господин Юрковский,— отозвался академик. Быков приостановился, чтобы дослушать.— Кони так не ходят. Ваш конь прошелся по четырехмерной спирали.

Быков затворил за собой дверь. Лабораторный отсек был до отказа забит аппаратурой академика Окада. Вся она была незнакома Быкову, кроме вделанных в стену перископов с замшевыми нарамниками. Возле одного из приборов сидел Григорий Иоганнович Дауге и просматривал ленту автоматической записи. Дауге поглядел на Быкова, прищурился и сказал:

— Капитан, эхой! По бим-бом-брамселям! Свистать всех наверх! Как дела, капитан?

Дауге был чем-то доволен. Он возился в лаборатории все свободное время. Как-то так случилось, что Окада заставил работать на себя и его, и Юрковского, и Моллара, и даже штурмана Михаила Антоновича. Все они копались в этих непонятных приборах и бегали к Окада с какими-то вопросами и листками.

— Ничего дела,— сказал Быков.— Вот иду на вахту.

— Бог помощь,— сказал Дауге.— Удачи и спокойной плазмы.

— Тебе тоже. Понимаешь,— сказал Быков.— Приснился мне сейчас сон...

Он остановился.

— Это ничего,— рассеянно сказал Дауге, торопливо разматывая ленту.— Сны видят даже кошки, если верить тете Полли.

— Да,— сказал Быков.— А Володька продолжает биться с академиком.

— Ему тоже надо пожелать удачи,— сказал Дауге.— И особенно спокойной плазмы. Что?

— Ладно,— сказал Быков.— Я пошел.

Он стал подниматься по трапу.

— Какой у них ход? — спросил Дауге вдогонку.

— Семнадцатый,— сказал Быков.

Он вошел в рубку управления. У пульта сидел штурман, Михаил Антонович Крутиков. В рубке было светло и тихо. Негромко шелестел вычислитель, уставясь неоновыми огоньками контрольных ламп. Михаил Антонович посмотрел на Быкова маленькими добрыми глазками и спросил:

— Хорошо поспал, Лешенька?

— Хорошо,— сказал Быков. Он хотел было рассказать штурману о своем сне, но вспомнил, что рассказывать, собственно, нечего.

— Когда снимал показания?

— По расписанию, Алешенька. Час назад.

Быков кивнул, включил бортовой журнал и пробормотал в микрофон скороговоркой:

— Пятнадцатое четвертое семь ноль две капитан корабля Быков принял вахту у штурмана Крутикова.

Затем он положил «Теорию времени и пространства» на стол и провел обычный контроль. Он начал с системы аварийной сигнализации. Все оказалось в порядке. Значит, двигатель работает бесперебойно, плазма поступает в заданном ритме, магнитные ловушки не барахлят, электронный киберштурман ведет корабль согласно программе, и остается проверить немногое. Быков обогнул выпуклую стену — кожух реактора,— подошел к пульту контроля отражателя и вынул запись. Он стоял, прислонившись к беззвучно гудящей обшивке кожуха и разматы-

вал плотную тонкую ленту. На эту ленту автоматически записывались данные исключительной важности. «Тахмасиб» был фотонным кораблем, и основной частью его двигателя был гигантский параболический отражатель, придающий кораблю сходство с фужером. Отражатель был покрыт составом, обладающим свойством отражать почти все виды лучистой энергии и элементарных частиц. Отражатель отражал практически сто процентов потока энергии, падающего на него из фокуса, где взрывались ежесекундно, превращаясь в излучение, тысячи порций дейтерие-тритиевой плазмы. Отражатель состоял из трех рабочих слоев и двух аварийных. Несмотря на свои удивительные свойства, состав постепенно выгорал, не выдерживая стотысячных температур. Кроме того, отражатель разъедался метеоритной коррозией — многими тысячами микроскопических частичек вещества в Пространстве. Но отражатель был жизнью корабля. Если отражатель прогорит, корабль погибнет. Корабль превратится в пар, в ослепительную мгновенную вспышку. Поэтому отражатель меняли через каждые сто астрономических единиц, пройденных с работающим реактором. И поэтому тончайшие приборы каждые две минуты замеряли состояние рабочего слоя отражателя и записывали данные на ленту.

Быков заложил ленту в читающее устройство. Все было в порядке и здесь. Он проверил запас лент в контролирующем автомате, взял еще раз наугад несколько пробных отсчетов по всей поверхности отражателя и вернулся к Михаилу Антоновичу.

— Иди отдохни, Миша,— сказал он.

Михаил Антонович яростно замотал головой. Так он отвечал, когда был очень занят. Штурман работал. По столу были разбросаны листки голубой бумаги, покрытые строчками формул. Полуавтоматическая приставка к электронному вычислителю была включена и гудела, мигая лампочкой включенной блокировки по «фи» на пульте. Быков подошел к столу и опустился в кресло. Михаил Антонович вдруг спел дрожащим тенорком: «Ласточки, ласточки», замолк и опустил голову, шевеля губами.

Быков смотрел на него с уважением. Зная математику так, как знал ее Михаил Антонович, можно было прочитать сбор-

ник по теории пространства и времени за несколько дней. Штурман прекрасно освоился с сигмарным анализом — у Быкова хранился дарственный оттиск его статьи «Относительно четвертой фундаментальной теоремы Окада». Статья начиналась словами: «Рассмотрим отражение пространства Римана в сигма-неограниченное гиперпространство Окада — Саблина...» и обосновывала заключение о том, что «пространство Римана деритринитивно проницаемо в сигма-смысле». Михаил Антонович был чрезвычайно доволен, получив этот результат. «Это — шаг! — говорил он.— В будущих звездолетах на двигателе времени будет кусочек и моего труда». Впрочем, он тут же спохватывался и добавлял извиняющимся голосом: «Окада просто не заметил этого возможного следствия. Надо написать ему. Обязательно». При встрече академик долго жал штурману руку и дважды отрывисто произнес: «Чрезвычайно рад. Польщен».

Михаил Антонович, не отрываясь от записей, протянул руку к пульту и пробежал по клавишам, быстро переставляя пальцы. Рука его стала похожа на огромного хищного паука. Вычислитель загудел громче и остановился, сверкнув стоп-лампочкой.

— Ласточки, ласточки!..— пропел Михаил Антонович дребезжащим голосом и замолк.

Из выводного устройства на стол перед ним выпала табулограмма.

— Благодарю вас,— сказал штурман.— Извините... Ласточки, ласточки...— снова пропел он и снова оборвал внезапно.

Быков встал, прошелся по рубке, заложив руки за спину, заглянул в широкоугольный перископ, где в черном круге дрожал сплющенный полосатый Юпитер, и снова уселся в кресло.

— Слушай, Михаил,— сказал он.— Отвлекись-ка на минутку.

— А? — сказал штурман, подняв голову.

— Отвлекись на минутку.

— Что, Алешенька?

— Окада хочет говорить со мной,— медленно сказал Быков.— О чем?

Штурман наморщил лоб и поморгал.

— Понятия не имею, Алешенька.

— А ты не врешь?

— Что ты!

Быков сказал сквозь зубы:

— Хотел бы я знать, что делается на моем корабле...

— Алеша,— укоризненно сказал штурман.

— Ладно, занимайся.

Быков взял книгу и раскрыл ее на первой странице. Несколько секунд Михаил Антонович смотрел на него, затем покачал головой и вернулся к работе. Потом Быков спросил:

— Слушай, Миша, что это такое: «Гомосистемное полуотражение в полиполярных координатах»?

Опубликованный «Путь на Амальтею» отличается от задуманного кардинально. Изменена сама цель полета (первоначально задумывался эксперимент с «двигателем времени», который везет с собой Окада), изменен стиль (Б. Н. Стругацкий в «Комментариях» называет его «хемингуэевским лаконизмом»). Но, будучи напечатанным, «Путь...» переиздавался в одном и том же варианте, за исключением публикации в журнале «Наука и техника» (Рига, 1961), где печатался сильно сокращенный вариант.

Однако же в то время обойтись совсем без изменений в тексте было нельзя: снова убиралось из повести все китайское (иногда даже на стадии подготовки рукописи к печати). Заместитель начальника Высшей Школы Космогации назывался последовательно: в первом (АБС, ПНА, 1960) и втором изданиях (ж-л «Наука и техника», 1961) — Чэнь Кунь; в третьем (сб. «В мире фантастики», 1964) — Тодор Кан; в последующих — Сантор Ян. Соответственно менялось и прозвище: «Железный Чэнь» — «Железный Кан» — «Железный Ян».

Когда Жилин вспоминает, как он проспорил, утверждая, что знает все марки автомобилей, в рукописи неизвестная ему машина называется «“Счастливый Дракон”, новая китайская марка», в первом издании — «“Золотой Дракон”, новый китайский атомокар», в сборнике «В мире фантастики» — «“Влтава”, новый чешский атомокар», позже — «“Золотой Дракон”, новый японский атомокар».

Во время подготовки собрания сочинений и доработки текста имена и названия не менялись на предыдущие — так читатели уже привыкли. Правка и восстановление текста были минимальными,

поскольку более поздних рукописей повести почти не сохранилось: только разрозненные страницы на обороте других черновиков.

На одной из уцелевших страниц черновика «Пути на Амальтею» после слов: «Он выбирался вторым и застрял и все-таки лег носом в холодный пол, но быстро пришел в себя и тогда увидел у самого лица ботинок Быкова. Ботинок нетерпеливо притопывал»,— была интересная вставка: «Наверное, это нелегко — притопывать ногой при перегрузке, подумал Жилин. Надо будет попробовать».

«ПОЛДЕНЬ. XXII ВЕК»

ЦИКЛ НОВЕЛЛ ИЛИ РОМАН?

В современной оценке произведений (во всяком случае, в неклассическом отечественном литературоведении и критике) претерпели изменение термины жанровой формы: то, что ранее называлось повестью, теперь часто называется романом (по аналогии с западными категориями, разделение в которых зависит от объема произведения, а не от количества сюжетных линий и хронологических размеров повествования). В категорию «роман или повесть» попали почти все крупные произведения Стругацких.

Но с произведением «Полдень. XXII век» еще сложнее. Некоторые его считают романом, некоторые — повестью в рассказах, некоторые — циклом новелл. В данной работе «Полдень. XXII век» будет называться романом, а главы его — новеллами. Не потому, что я считаю именно так, а чтобы не было путаницы с частями романа (которые Стругацкие назвали главами), с циклом, включающим в себя все последующие романы — или повести? — о мире Полдня, и с рассказами, существовавшими ранее отдельно, а затем включенными в виде новелл в роман. Определение же правильных терминов оставим профессиональным литературоведам.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Отдельной папки с черновиками «Полдня» (или, как иногда склоняют это слово сами Авторы, «Полудня») в архиве Стругацких нет. Конечно, она была. Вспоминая содержимое папок с чер-

новиками других произведений и судя по количеству переделок, трудно представить себе, что все перестановки новелл и изменения в новеллах были проделаны Авторами без каких-либо записей. Это подтверждают и отрывки рукописей этого романа, обнаруженные, в основном, на оборотах черновиков «Стажеров».

Почти все новеллы «Полдня» в процессе работы претерпели солидные изменения, некоторые — существовали ранее как отдельные рассказы, а потом включались в роман, некоторые — кардинально перерабатывались. Изменения текста (в черновиках и в разных изданиях) далее будут отслежены отдельно по новеллам (последовательность — как в каноническом варианте). Сохранились в архиве, однако же, неизвестные новеллы, которые опубликованы так и не были.

Президиум ЭСМ

В президиум Экономического Совета Мира входили семь человек: Председатель Президиума Виктор Говорков, он же последний Секретарь ЦК Коммунистической Партии СССР, по профессии преподаватель; его заместитель Марта Гинзбург, знаменитый хирург; Юй Си-тан, педиатр и психолог; Джеймс Нортон, экономист; Яйла Гайрубекова, заслуженная учительница; Форто Каспаро, инженер-кибернетист, племянник великого ученого; Поль Андерсен, Главный врач лечебно-профилактических учреждений Европейского Юго-Запада.

Президиум собирался раз в декаду (за исключением очень редких экстренных случаев). В подмосковном Городе Совета имелось немало специальных помещений, оборудованных специально для всякого рода торжественных заседаний, и некоторые составы Президиума охотно пользовались просторными, пронизанными светом залами, прямо соединенными с Большим Информаторием и другими консультативными устройствами и органами. Но состав нынешний, избранный в позапрошлом году, предпочитал собираться на окраине Полтавы в яблоневом саду возле старомодного коттеджика Марты Гинзбург. Семеро членов Президиума и немногочисленные консультанты по вопросам повестки дня располагались за деревянным столом в тени под тяжелыми ветвями яблонь. Посередине стола,

между бутылками с минеральными водами и тарелками с вишней и яблоками ставилась крошечная серебристая коробочка кристаллофонографа, но старик Говорков, кроме того, вел протокол и вручную — писал в блокноте вкривь и вкось, царапая бумагу карандашом и постоянно ломая грифели. Он говорил, что это помогает ему сосредоточиваться. Аккуратный Нортон, вздыхая, чинил для него карандаши.

Заседания проходили довольно быстро. Во всяком случае, кроме завтрака и обеда, других перерывов не делали и к шести часам вечера разъезжались. Завтрак и обед подавала внучка Марты, красивая черноглазая украинка, вечно ворчавшая на Каспаро, который имел неопрятную привычку бросать огрызки яблок и вишневые косточки мимо мусорной корзины. В таких случаях Каспаро похлопывал ее ниже талии (племяннику великого ученого было за сто) и говорил: «Не сердись, малышка, не сердись», а Говорков сердито стучал карандашом по столу и просил не отвлекаться.

В этот день все было как обычно. Как обычно, внучка Марты встретила высоких гостей у входа и поздоровалась с каждым за руку, показывая блестящие красивые зубы. Как обычно, все сразу направились в сад и остановились вокруг стола. Как обычно, гигант Нортон согнулся, чтобы не задеть головой ветви, с которых свисала спелая антоновка, а Андерсен, скептически усмехаясь, уперся руками в края табурета и покачал его, и табурет заскрипел — тоже как обычно. Затем Говорков сказал: «Ну, приступим», и все сели.

Говорков достал из кармана блокнот в матовой пласттканевой корке и десяток карандашей. Раскрыв блокнот, он оглядел всех и сказал:

— На сегодня у нас три больших вопроса и несколько мелочей. Затем я оглашу меры по решениям последней нашей встречи.

— Принято,— сказала Марта.

— Принято,— повторил Каспаро и перегнулся через стол, выбирая яблоко.

— Все одинаковые, можешь не выбирать,— заметил вполголоса Юй Си-тан.

— Мне помягче...

Говорков постучал карандашом.

— Внимание. Вопросы следующие. Первый — экономика Планеты и проект «Марс — Венера». Второй...

— А что с проектом? — удивленно осведомилась Яйла.

— Погоди. Второй вопрос — положение с шахтой «К центру Земли». Он, между прочим, связан с первым вопросом, хотя ставили вопросы разные организации. Наконец, третий вопрос — сигма-деритринитация.

— Что это еще за сигма? — с любопытством спросил Андерсен.

— Разъяснения дам позже. И мелкие вопросы. Петиция группы учителей и воспитателей Приморья. Проступок старшего оператора Сувайло — требование наказания. Вопрос о перепроизводстве устаревшего оборудования в некоторых экономических сферах.

— Такие вопросы можно было бы решать на местах и просто информировать Совет,— недовольно заметила Яйла.

— Посмотрим. Итак, первый вопрос. Наша экономика и проект «Марс — Венера». Сообщение сделает экономист Коллиган, заместитель Генерального Руководителя проекта. Прошу вас, экономист Коллиган.

Один из консультантов, сухой гладко выбритый человек в куртке и коротких штанах, кивнул и немного покашлял.

— К настоящему времени в проект втянуты сто шестьдесят семь миллионов человек и тридцать два процента экономической мощности планеты. Работы по генерации атмосферы на Марсе ведутся полным ходом и, по-видимому, будут закончены раньше планового срока — через семь-восемь лет. Но с проектом «Венера» дело обстоит не так благополучно. Вернее, совсем не благополучно.

— Вот как? — произнес Каспаро и выплюнул в кулак вишневую косточку.— Почему?

— Дело в том, что в ходе работ выяснились некоторые чрезвычайно неблагоприятные факторы, остававшиеся не известными до сих пор...

— Насколько я знаю,— очень мягко сказал Каспаро,— на эти так называемые непредвиденные факторы были выделены резервы.

Коллиган кивнул. Он сидел, опустив глаза на свою руку, лежавшую на краю стола.

— Были,— сказал он.— Но они оказались совершенно недостаточными. По сути дела...— Он замялся, затем наконец решительно поднял глаза на Каспаро.— По сути дела, они уже израсходованы. Это капля в море.

— И проект...

— Проекту угрожает крах. Если мы не найдем выхода, не подкрепим проект немедленно новыми экономическими мощностями, все, что сделано за последние шесть лет, пойдет насмарку.

Воцарилось молчание. Говорков задумчиво рисовал что-то в своем блокноте. Марта хмурилась и размышляла. Нортон кусал губы, торопливо подсчитывая что-то на карманном счетно-решающем устройстве. Юй Си-тан глубоко вздыхал, отдувался и осторожно промакивал испарину, выступавшую на его смуглом лбу. Андерсен огорченно покачивал головой. Каспаро, не отрываясь, в упор смотрел на Коллигана.

— Когда это выяснилось? — отрывисто, уже совсем не мягко, спросил он.

— Три декады назад,— глухо проговорил Коллиган.

— Разрешите справку,— сказал поспешно другой консультант, толстый лысый человек в белом костюме.

— Прошу, планетолог Иващенко,— сказал Говорков.

— Резкое снижение темпов уменьшения концентрации активных газов в атмосфере Венеры было замечено еще в прошлом году. Но это явление было отнесено за счет недостаточной эффективности наших дезактивационных установок. Проверка их заняла несколько месяцев, а за это время концентрация активных газов стала не только замедлять уменьшение, но и увеличиваться. Это было совершенно неожиданно, и вначале думали, что это просто ошибка измерений. Но теперь-то мы знаем, в чем дело.

— В чем же? — это спросил Андерсен.

— Выяснилось, что помимо основного источника активности — Урановой Голконды — которая, кстати сказать, теперь полностью блокирована и обезврежена — существуют и еще так называемые паразитные очаги. Их три. Один у южного полюса...

— Вы хотите сказать,— перебил Каспаро,— что проект был начат исполнением без достаточной проверки исходных данных?

— Да кто мог подумать? — вскричал сердито толстяк.— Ведь и до сих пор существует... господствует в планетографии мнение, что Голконда — это явление уникальное на Венере, в Солнечной системе, во Вселенной, наконец...

— Так. А почему пропадет весь затраченный труд, если сейчас приостановить работы?

— Боже мой, но это же ясно! Газовая дезактивация — сложнейшее дело! Чтобы как-то блокировать и обезвредить одну только Голконду, нам понадобилось восемь лет. А оказывается, что работают еще три таких же источника, в сумме по крайней мере в полтора раза мощнее Голконды! Если приостановить работы и держать в послушании только Голконду, через год атмосфера Венеры будет такой же загаженной, как во времена Краюхина! А что уж говорить о миллиардах тонн кислорода...

Толстяк махнул рукой и замолк.

— Так. Ясно,— сказал Каспаро. Он казался совершенно спокойным и даже опять потянулся через стол за яблоком, но было видно, как трясется его рука.

— В Президиум поступила объяснительная записка,— сказал Говорков.

— Чья?

— Руководства проекта, конечно. У них есть одно позитивное предложение. Зачитываю... Впрочем, просто перескажу.

— Да, объяснения потребуются теперь в другом месте[1],— сказала Марта.

— Вот что они предлагают. Подключить к проекту «Венера — Марс» до пятидесяти процентов экономических мощностей Планеты...

— Ого! — это Андерсен.

— ...свернуть работы на Марсе и перебросить все средства и всех людей оттуда на Венеру...

— Это уже что-то...

---

[1] Объясняться будете в Академии Горя и Радости, то-ва-рищ экономист. Десять лет Острова Забвения без права переписки! — *В. Д.*

— ...обратиться ко всем... подчеркнуто, ко всем инженерно-техническим работникам, ко всем работникам межпланетного и особенно звездолетного транспорта, ко всем научным работникам с призывом включиться в проект. Вот все.

Говорков закрыл блокнот и обвел членов Президиума спокойным взглядом. Снова воцарилось молчание. Потом с ветки упала крупная налитая антоновка и стукнулась о доски стола. Все машинально уставились на нее и проследили, как она прокатилась по столу, задержалась на краю, покачалась и замерла.

— Страшно подумать,— пробормотал Нортон.— Половину экономической мощи... по крайней мере полмиллиарда лучших специалистов...

Каспаро взял упавшее яблоко, вытер его об рукав и яростно, так, что сок брызнул во все стороны, закусил его.

— А ты как думаешь, Виктор? — спросила Яйла.

— Нет уж, сначала вы мне скажите, что вы думаете.

— Не упрямься, старик,— сердито сказала Марта.— Мы же видим, что ты уже принял какое-то решение.

— Принял.

— Вот и выкладывай. А мы уж тогда будем рвать тебя на кусочки.

Говорков невесело засмеялся и шибко почесал лоб.

— Вот этого я и боюсь. Мне сначала хотелось бы знать, есть ли у меня единомышленники...

— Может быть, временно свернуть работы на Венере и провести дополнительные исследования? — робко предложила Яйла.

— Это невозможно,— не утерпел толстяк-консультант.

— Почему невозможно? — с деланным удивлением осведомился Говорков.

Толстяк раскрыл рот, набрал в грудь побольше воздуха, но его опередил Каспаро:

— Да ясно же — почему! Двести миллионов замечательных ребят и девчонок трудились там восемь лет... Да пятьдесят лет готовились к этому... Да что пятьдесят лет — всю историю свою мы готовились к переделке других миров! А вы — свернуть работы!

— Вот именно,— сказал Андерсен.

— Мальчишки-школьники бредят этим проектом, бегут на Венеру и на Марс, как бегали когда-то на Северный полюс и в Америку, поколениям людей этот проект озарял жизнь... Да нет, это чепуха, к такой рекомендации Совет и прислушиваться не станет. Нас просто разгонят за такое предложение.

— И будут правы,— добавила Марта.— Я лично никогда не видела особой практической необходимости в этом проекте, но...

— Вот то-то что «но»! Таких как ты, которых заботит только богатырское здоровье и безопасность населения, сейчас мало и становится все меньше.

— Они вымирают? — с любопытством спросил Говорков.

— Они меняют взгляды,— отпарировал Каспаро.— Времена, когда людям нужна была только сытость и бычачье здоровье...

— Сейчас говорят «здоров, как кашалот»,— заметил Нортон, не поднимая головы от счетной машинки.

— ...Эти времена далеко позади. Теперь все живут мечтами — большими и маленькими, и эти большие и маленькие мечты — о больших делах. «Практическая необходимость»! Если на то пошло, у нас нет сейчас — и никогда больше не будет — практической необходимости ни в чем. Хлеб? Пожалуйста. Мясо? Ради бога! Кров? Только дай команду. Так что же, это конец?

Марта сморщилась и замахала руками.

— Ну пошел, пошел... Нельзя же так, Форто. Кому ты это говоришь?

— Тебе, тебе! Проект «Венера — Марс» — это и есть первоочередная практическая необходимость теперь! Осуществление великой мечты!

Юй Си-тан сказал:

— Бесцельный разговор. Совершенно очевидно, что никто, кроме разве что ничтожного меньшинства, не поддержит предложения свернуть проект. И мы спорим напрасно. Надо говорить о том, какими средствами можно спасти проект.

— Золотые слова,— сказал Говорков.

— Так что ты предлагаешь?

— Вот,— сказал Говорков и опять раскрыл блокнот.— Слушайте. «Рекомендовать Экономическому Совету Мира в кратчайший срок привести работу действующих предприятий в

соответствие с потребностями... скажем, с новыми потребностями...— он пометил карандашом,— с новыми потребностями проекта «Венера — Марс». Рекомендовать Совету Космогации передать все имеющиеся сейчас в наличии, а также построенные межпланетные и звездолетные транспортные средства в распоряжение проекта «Венера — Марс». Рекомендовать Мировой Академии Наук немедленно перестроить работу таким образом, чтобы все научно-исследовательские учреждения и организации обслуживали проект «Венера — Марс» и содействовали максимально его скорейшей реализации». Так?

— Так,— сказала Марта.— Начать и кончить. Все в порядке.

— Как это будет выглядеть практически...

— Погодите,— сказал Нортон.— Я вот здесь произвел некоторые подсчеты.

— Послушаем,— сказала Марта.— Только имей в виду, что ни одного предприятия, ни одной новостройки, работающей для здравоохранения и для детей...

— Разумеется, я с самого начала исключил это. Выходит так. Если мы сократим на семьдесят процентов все научно-исследовательские работы, не имеющие отношения к проекту и к здравоохранению, если переведем восемь десятых межпланетного флота на проект, если нам удастся направить в проект хотя бы три четверти молодежи, достигшей совершеннолетия в этом году, тогда можно будет считать, что Планета выполнила свои обязательства перед проектом. Остальное дело за учеными и за руководством.

— Кстати, о руководстве.— Каспаро опять пристально поглядел на Коллигана.— Все руководство проекта сменить. Разрешить им работать только с машинами.

— Принято, я думаю? — спросил Говорков.

— Принято,— сказала Яйла.

Коллиган опустил голову. Ему было стыдно.

— Отлично,— сказал Говорков. Он достал из-под ворота рубашки плоский круглый ящичек, висящий на шнуре.— Центральная Информационного центра. Здесь Председатель Президиума Говорков. Экстренный созыв Совета Экономики завтра в десять утра по Пулкову в московском Дворце.

Он снова опустил ящичек радиофона за ворот и потянулся к тарелке с вишнями.

— Консультантам прибыть тоже,— сказал он.— Будете завтра выступать перед Советом — просите и резерв побольше. На всякие непредвиденные обстоятельства.

— Давай следующие вопросы,— нетерпеливо сказала Марта.

— Следующие вопросы таковы, что наше мнение по ним уже определилось решением по первому вопросу.— Говорков заглянул в блокнот.— Значит, так. Прежде всего это претензии Генерального Руководства проекта «К центру Земли».

— Какие претензии? — возмущенно осведомилась Яйла.— Они еще смеют предъявлять претензии! Это мы им должны...

— Я не так выразился. Не кипятись, Яйла. Не претензии, а просьба. Вернее, заявка на очередной год. Энергия, рабочая сила, механизмы, обслуживание... Читать подробно?

— Не надо,— сказал Каспаро.— Ясно, проект «К центру Земли» придется отложить до тех пор, пока не выправится положение на Венере.

— Это несправедливо,— тихо сказал третий консультант — представитель Руководства проекта.

— А что вы предлагаете? — повернулся к нему Каспаро.

— Надо продолжать работу. В проекте «К центру Земли» заинтересованы тоже очень многие. К нам все время прибывают добровольцы. По сто — сто пятьдесят человек в сутки.

— Что составляет...— Нортон защелкал рычажками на счетной машинке.

— Глубоко вы прорыли? — с любопытством спросила Яйла.

— На вчерашний день — пятьсот тринадцать тысяч шестьсот двадцать три метра.

— Скорость проходки?

— Два метра в сутки,— еще тише сказал консультант.— Очень трудно. Приходится сильно крепить шахту.

— И катастрофы,— сказала Марта.— И люди гибнут. Я, например, никогда не видела особой практической необходимости...

— Оставь, пожалуйста,— раздраженно сказал Каспаро.— Дело совсем не в том, видишь ты практическую необходимость или нет. Конечно, этот проект — на самом пределе наших возможностей, но всё равно мы все за этот проект. Но послушайте.— Он повернулся к консультанту-шахтеру.— Вы же здесь были и слушали, как обстоит дело с Венерой. Вы же понимаете.

— Понимаю,— сказал консультант шепотом.

— Наоборот, мы будем просить от имени Совета весь ваш коллектив — сколько у вас сейчас человек?

— Шесть миллионов.

— Будем просить их включиться в проект «Венера». И мы сейчас вот от имени Совета просим вас и ваше руководство содействовать нам в этом... Разъяснить молодежи...

— Это очень неприятно.

— А что делать?

— Очень неприятно. А сколько времени придется бездействовать шахте?

Каспаро вопросительно оглянулся на Говоркова.

— Лет десять,— сказал Говорков.

Консультант даже застонал.

— Ну-ну, будьте мужчиной,— прикрикнула Марта.

— Итак,— сказал Говорков, быстро записывая в блокноте.— Итак, решение: «Рекомендовать Совету приостановить работы по проекту «К центру Земли» и...— Карандаш с треском сломался. Говорков выбрал новый, осмотрел острие и продолжал: — ...«К центру Земли» и высвободившихся людей, оборудование и экономические мощности перебросить на проект "Венера"».

— Принято,— сказали Яйла и Марта.

Нортон взял сломанный карандаш, достал обломок победитового резца и стал с удовольствием чинить карандаш.

— Третий вопрос,— нетерпеливо сказал Андерсен.

— Сигма-деритринитация. От группы молодых звездолетчиков поступил проект переброски нескольких специально оснащенных экспедиций в отдаленное будущее — в пятое и шестое тысячелетия.

— Зачем? — спросила Марта.

— Чтобы помочь тогдашним профессорам истории,— проворчал Андерсен.— Я уже слыхал об этом. Пустая затея.

— А как это делается?

Четвертый консультант, молодой красивый негр в берете со значком заслуженного звездолетчика, рассказал о принципах деритринитации — начиная с альфа-, бета- и гамма-деритринитации, позволяющих перебрасывать материальные предметы на громадные расстояния в пространстве со скоростями,

много большими скорости света, и кончая сигма-деритринитацией, вырывающей материальный предмет из континуума пространство-время.

— До последнего времени сигма-деритринитация была только в теории,— заключил он,— но вот двое товарищей прибыли к нам из двадцать первого века, и сигма-деритринитация подтвердилась экспериментально.

— И вы собираетесь улететь в пятое тысячелетие? — спросил с любопытством толстый консультант.

— Да. Нас пятнадцать человек, и мы просим отдать нам три устаревших звездолета.

— И вы больше не вернетесь? — наивно спросила Яйла.

— Господи, конечно же, нет,— воскликнул Каспаро.— Это героическая затея, но...[1]

— Да,— сказал Говорков.— Сейчас мы не можем этого позволить себе. Нам нужен каждый корабль и каждый звездолетчик.

— Я понимаю,— сказал негр.

— Но когда проект «Венера» будет закончен, мы вернемся к вашему проекту.

— Понимаю,— сказал негр и высыпал себе на ладонь горсть черешни.— Мы будем ждать.

— Работать,— напомнил Каспаро.

— Мы будем очень хорошо работать,— сказал негр и улыбнулся.

— Докладывать Совету об этом проекте мы не будем,— полуутвердительно-полувопросительно произнес Говорков.

— Нет. Сейчас все внимание — проекту «Венера».

Говорков кивнул, полистал блокнот и снова поднял голову.

— Теперь вопросы поменьше. Первый на очереди — петиция группы учителей интернатного городка в Приморье. Бухта Находка, если говорить точнее.

Яйла положила на стол белые тонкие руки и подперла щеки, готовясь слушать.

---

[1] А и в самом деле: зачем бы это надо? Ведь экипаж «Таймыра» в отличие от этих молодых звездолетчиков вовсе не ставил своей целью перебраться на ПМЖ в XXII век... — *В. Д.*

— Учителя предъявляют претензии Владивостокской Океанологической базе, передавшей для городка в Находке восемнадцать исправных, но устаревших субмарин. В качестве учебного пособия, так сказать.

— Так на что они жалуются? — изумился Андерсен.

— Они не могут нести ответственность за старшеклассников, для которых эти субмарины предназначены. Был уже случай, когда одну субмарину засосало в ил на глубине полутора километров, и двое юношей и одна девушка едва не затонули.

— Но их спасли? — спросила Яйла.

— Да. Дальневосточный ЭПРОН[1].

— Молодцы ребята,— сказал вполголоса консультант-негр, перехватил возмущенный взгляд Яйлы и спрятался за миску с черешней.

Говорков сказал:

— Полагаю, рационально будет представить Совету проект правила о том, что оборудование впредь должно передаваться в школы в сопровождении опытных инструкторов, которые остаются при оборудовании до тех пор, пока не подготовят себе замену в школе.

— Принято,— сказала Яйла. Остальные слушали довольно рассеянно.

— Следующий вопрос,— продолжал Говорков.— Преступление старшего оператора Сувайло. Латинская Америка, Экономическая сфера Амазонка.

— Так уж и преступление,— проворчал Нортон.

— Сейчас увидишь. Упомянутый старший оператор Сувайло, по профессии — химик-катализник, весьма талантливый болван, открыл в прошлом году замечательный способ катализа азота. В июне этого года он самовольно, с группой молодых операторов, развернул серию опытов в широких масштабах...

— Это что — катализ азота атмосферы? — спросил Каспаро.

— В том-то и дело. В результате Ориноко в течение четырех суток несла в Амазонку чистую азотную кислоту.

— Боже мой! — воскликнула Яйла.

---

[1] Этой конторы (экспедиция подводных работ особого назначения), в основном занимавшейся подъемом затонувших судов, аж с войны не существует. А ОСОАВИАХИМ в Полудне тоже есть? — *В. Д.*

— А куда смотрел Совет Новых Открытий и Исследовательский надзор? — спросила Марта.

— В том-то и дело, что Сувайло не удосужился получить разрешение на опыты. К счастью, обошлось без жертв. Пострадал только сам Сувайло. Когда он увидел, как оборачивается дело, он самолично вручную уничтожил катализационную установку и при этом сильно обжегся. Мировой Совет охраны природы требует строжайшего наказания виновных.

— Есть предложение рекомендовать Совету лишить Сувайло на три года права проводить эксперименты.

— Как вы, друзья? — спросил Говорков.

— Принято,— сказал Нортон.— Пусть посидит на теории, раз не умеет обращаться с практикой.

Говорков записал что-то в блокноте.

— Третий вопрос,— сказал он.— Устаревшее оборудование...

— Погоди,— сказала Марта.— Убирайте со стола. Сейчас нас будут кормить.

Начало еще одной новеллы, не вошедшей в опубликованные варианты, указывает на то, что черновики раннего «Полдня» все-таки были, так как номера сохранившихся страниц: 183, 184. Эта глава, вероятно, носила название «У рифа Октопус», и ею начиналась вторая часть раннего, неопубликованного варианта.

По-латыни «октопус» значит «осьминог», и риф Октопус вполне оправдывает свое название. В водах вокруг рифа водятся много осьминогов — бородавчатых цирра таурна с телескопическими глазами и мясистой перепонкой между щупальцами. Но к северу от рифа, в районе, где упал контейнер, их оказалось еще больше. Осьминоги вообще любопытные, а цирра таурна дает в этом отношении сто очков вперед любому головоногому. Иногда казалось, что робот-разведчик плывет в супе с клецками — на телеэкране были видны только цирра таурна, десятки цирра таурна разных размеров и степеней упитанности. ТРР является полукибернетическим вертоплавом с двумя вертикальными винтами. Он оборудован телепередатчиком, магнитным искателем, системой манипуляторов и прожекторами — ультрафиолетовым и ультразвуковым. Вероятно, шум винтов

и «крик» ультразвукового прожектора ассоциировался у цирра таурна с чем-нибудь съестным. Они надоедливо липли к роботу-разведчику, оглаживали его щупальцами и пробовали на зуб. Наконец Зайцев разозлился и ударил их электрическим током. Только тогда они потеряли интерес к вертоплаву и обиженно разбрелись в разные стороны. ТРР доставил на «Онекотан»[1] несколько небольших экземпляров. Экземпляры часа два ползали по доковой палубе, злобно хватая людей за ноги, и возбуждали нездоровый восторг у толстого планетолога, который до сих пор видел осьминогов только на тарелках в китайских кафе. К счастью, у цирра таурна нет чернильного мешка.

Предварительная разведка подтвердила опасения Костылина. Визуальные и ультразвуковые средства были бессильны в сугробах полужидкого ила. Контейнер, увлекаемый скоростью падения, конечно, глубоко вонзился в ил, где его могли обнаружить только магнитные искатели. Нам предстояло обследовать около тридцати квадратных километров сильно пересеченного дна, и Александр предложил капитану и представителям разделить район поисков на три концентрических участка. Центральным участком займутся два БПГ. Третий БПГ с тральщиками-автоматами будут искать в среднем участке, а внешний участок обследует с борта «Онекотана» телевизионный робот-разведчик. Такая расстановка средств давала значительную экономию времени и, кроме того, обеспечивала непрерывную связь батискафов с «Онекотаном», так как дальность действия ультразвуковых передатчиков не превышала шести-семи километров.

Капитан не возражал, а представители были согласны на все. Костылин сейчас же вызвал в салон экипажи БПГ и операторов автоматических систем, объяснил задачу и приказал готовность к выходу из доков через пятнадцать минут. Экипажи разбежались переодеваться. Александр тоже переоделся и спустился на доковую палубу. У трапа его ожидал неприятный сюрприз.

---

[1] Онекотан — это остров Большой Курильской гряды, находится в 50 км от острова Парамушир — за Четвертым Курильским проливом. — *В. Д.*

У трапа стояли с видом деловым и решительным планетолог Царев Геннадий Васильевич и инженер Дудник Виктор Андреевич. Они были в одинаковых синих шерстяных свитерах, черных шерстяных брюках и красных шерстяных колпаках. На них были одинаковые тяжелые ботинки на толстой микропористой подошве. Александр сразу все понял, и ему захотелось запереть их в якорный ящик. Стараясь быть очень любезным, Александр сообщил им:

— На дворе двадцать четыре градуса в тени.

Толстяк решительно хлопнул себя ладонями по круглому животу, обтянутому синей шерстью, и объявил:

— Прибыли в ваше распоряжение, Александр... э... Сергеевич.

— Свободны,— сказал Александр. Ему оставалось только действовать решительно.

— Что? — не понял инженер.

— Вольно,— объяснил Александр.— Можно разойтись и переодеться.

— Но позвольте,— сказал планетолог.— Мы считали, что поскольку груз послан в наш адрес, а в том, что он затонул, виноват Гидромаш...

[Далее текст отсутствует.]

ИЗДАННЫЕ ВАРИАНТЫ

Каноническим вариантом «Полдня» принято считать издание 1967 года. В нем 20 новелл. Б. Н. Стругацкий в «Комментариях» насчитывает их 19, не беря во внимание главку «Хроника», так как отдельной новеллой, повествующей о мире Полдня, ее трудно считать (нет отдельного сюжета, нет художественного повествования, это лишь отрывок из издания СМИ будущего). Сам роман содержит в себе четыре главы, каждая из них состоит из отдельных главок-новелл. Главы имеют названия: «Почти такие же» (2 новеллы), «Возвращение» (7 новелл), «Благоустроенная планета» (8 новелл) и «Какими вы будете» (3 новеллы).

Всего изданий, различающихся наличием-отсутствием каких-либо новелл, четыре, но вариантов только три, так как издание

1975 года отличается от канонического только отсутствием одной новеллы («Скатерть-самобранка»), изъятой, как пояснил Б. Н. Стругацкий, из-за объема (нужно было сократить текст).

Остальные же два варианта отличаются от канонического более существенно.

Издание 1961 года (журнал «Урал») состоит из десяти новелл: «Перестарок», «Хроника», «Двое с "Таймыра"», «Самодвижущиеся дороги», «Скатерть-самобранка», «Известные люди» (название в других вариантах: «Возвращение»), «Десантники», «Свидание», «Благоустроенная планета», «Какими вы будете».

В данном варианте нет разбиения на главы, новеллы идут последовательно, причем отличается от канонического варианта и порядок этой последовательности: «Благоустроенная планета» идет после «Свидания».

Название романа в варианте журнала «Урал» выглядит так: «Полдень, XXII век (Главы из научно-фантастической повести «Возвращение»)». Полностью именно данный вариант опубликован так и не был, да и существовал ли он? Вероятно, Стругацкие, дорабатывая этот вариант, добавляя новые новеллы и изменяя тексты имеющихся, создали следующий вариант романа, который вышел отдельной книгой в 1962 году и был переиздан в том же виде в 63-м.

Это издание имеет название «Возвращение (Полдень, 22-й век)» и состоит из пяти глав и 16 новелл: «Двое с "Таймыра"» (новеллы «Перестарок», «Злоумышленники», «Хроника», одноименная новелла), «Самодвижущиеся дороги» (одноименная новелла, «Скатерть-самобранка», «Пациенты доктора Протоса» — в каноническом варианте новелла «Возвращение»), «Люди, люди...» («Томление духа», «Десантники», одноименная новелла — ранее и позже название новеллы «Свидание»), «Благоустроенная планета» («Моби Дик», «Свечи перед пультом», «Загадка задней ноги», «Естествознание в мире духов», «Благоустроенная планета»), «Какими вы будете» (одноименная новелла).

Этот вариант «Полдня», по моему мнению, надлежит сделать каноническим наряду с вариантом 67 года. Он имеет право на существование в таком качестве не менее, чем «Беспокойство» («Улитка на склоне» — 1) или каждый из вариантов «Сказки о Тройке». Недаром некоторые исследователи хронологии мира «Полдня» (В. Казаков, С. Лифанов) предпочитают пользоваться имен-

но данным изданием, добавляя отсутствующие (по сравнению с изданием 1967 года) новеллы их публикациями в виде рассказов.

Если сравнивать этот вариант (в дальнейшем — «Возвращение») с вариантом «Урала», то помимо многочисленных изменений в новеллах, данных ниже, в нем добавлена линия, повествующая о жизни четверки обитателей 18-й комнаты Аньюдинской школы (новеллы «Злоумышленники», «Томление духа»), и новеллы о разных сторонах мира Полдня: Океанская охрана — «Моби Дик», кодирование мозга — «Свечи перед пультом», программисты и «разумные» машины — «Загадка задней ноги», передовая физика и ридеры — «Естествознание в мире духов».

Изменения в издании 1967 года возникли из-за желания Стругацких превратить всё же «цикл новелл» именно в «роман»: некоторые персонажи как из «Возвращения», так и из отдельных рассказов, включенных Авторами позднее в «тело» романа, меняли свои имена, профессии, судьбу. «Посторонние» или эпизодические персонажи становились основными героями повествования (подробнее — в описании изменений отдельных новелл). Так возникла предыстория из XXI века — новеллы «Ночь на Марсе» и «Почти такие же», изменена последовательность (новелла «Свидание» перенесена в конец повествования), продолжены линии Горбовского («О странствующих и путешествующих») и Атоса-Сидорова («Поражение»)[1]. По той же или иной причине

[1] Линии Горбовского и Атоса продолжены не одинаково. Про Горбовского просто написана еще одна новелла, очень красивая. А вот Атос отождествлен с героем «Белого конуса Алаида». И Полли с Лином тоже отождествлены — с героями новеллы «Люди, люди...». (Генке-Капитану повезло больше — он только упоминается в последней новелле.) Такое отождествление немедленно и критически растянуло время действия романа: от одного-двух десятилетий XXII века до многих, не менее шести-семи (в варианте 1967 года у Костылина выходит замуж правнучка).

И сразу меняется восприятие! «Возвращение» — это набор ярких «снимков» прекрасного мира, как фотографии со вспышкой. «Полдень» — это целая эпопея. И видно, что этот мир застыл. Ведь за эти многочисленные десятилетия ничего не меняется! Это ощущение усиливают две новеллы прологовой главы «Почти такие же» — оказывается, ничего не меняется уже давным-давно. Но так не бывает! Такой застывший мир нежизнеспособен. И резко падает ощущение реальности описываемого. (Крамольная мысль: а может, это Авторы нарочно? Ну, снижали убедительность коммунистической утопии, потому что уже разуверились в коммунизме?) — *В. Д.*

(существует несколько версий, о которых опять же — дальше) «Глубоким поиском» Авторы заменили новеллу, которая публиковалась только в «Возвращении» и более нигде (ни в составе романа, ни отдельным изданием).

МОБИ ДИК

К концу октября стада усатых китов и кашалотов начинали миграцию в экваториальную зону. Их принимали малайские и индонезийские базы, а работники Океанской охраны Курильско-Камчатско-Алеутского пояса уходили в отпуск, или занимались любительским патрулированием, или помогали океанологическим и океанографическим экспедициям. Зимние месяцы на северо-востоке — неприятное время года. Это бури, дожди, серое, угрюмое небо и серый, злой океан. Собственно, исправление климатических условий в Беринговом море и южнее не составило бы большого труда: достаточно было бы опустить вдоль дуги ККА несколько сотен мезонных реакторов — стандартных микропогодных установок, какие используются в мире уже полстолетия. Но ни один синоптик не мог сказать, к чему это приведет. После катастрофы, вызванной на Британских островах попыткой утихомирить Бискайский залив, Мировой Совет воспретил такие проекты до тех времен, когда теоретическая синоптика будет в состоянии предсказывать все долговременные последствия значительных изменений макроклимата. Поэтому зимние месяцы по берегам Берингова моря остались почти такими же в XXII веке, какими были, скажем, в XV веке.

Что касается командира звена субмарин Кондратьева, то он не ездил в отпуск, очень редко ходил в патруль и никогда не предлагал своих услуг океанологам. Как говорили его друзья, Кондратьев тешил свои «родимые пятна капитализма» — предавался зимой безудержной лени. Великолепное овальное здание базы «Парамушир», уходящее на шесть этажей в гранит и возвышающееся стеклянно-стальным куполом на три этажа, располагалось на мысе Капустном. Квартира Кондратьева (кабинет и спальня) находилась на втором этаже, окна выходили

на юг, на Четвертый Курильский пролив[1]. Летом в особенно ясные дни из окон можно было видеть на юго-западе за синей гладью океана белый, как облачко, крошечный треугольник — вулкан Маканруши, а зимой чудовищной силы прибой ляпал в стекла зеленоватую, пузырящуюся пену. Обстановка квартиры была стандартной. Кондратьев по привычкам и по профессиональному духу был аскетом, и она казалась ему достаточно роскошной. Поэтому он и не пытался как-то обжить и украсить ее, только в кабинете над столом повесил полутораметровый клык нарвала, убитого в рукопашной во время подводной прогулки лет пять назад, да завел самодельную полочку со старыми книгами, взятыми из походной библиотеки «Таймыра».

Кондратьев очень любил свою квартиру. Особенно зимой. Он часами сидел у огромного, во всю стену, окна в кабинете, беспричинно улыбаясь, вглядываясь в бушующие волны. Едва слышно пощелкивает система кондиционирования, в комнате полумрак, тепло и уютно, возле локтя чашка черного кофе, а за окном страшный ураган несет сжатые массы воздуха, перемешанного с дождем и снегом, вихри соленой воды, и не понять, где кончается воздух и начинаются пенистые гребни волн.

Еще хорошо было встать среди ночи, чуть-чуть приоткрыть затененное освещение и чуть-чуть включить Грига или Шумана и покойно слушать тихую музыку и едва различимые шумы зимней ночи. А потом взять с полки потрепанную книжку автора, которого давно уже забыли на Планете, и не читать — только вспоминать о далеком прошлом, не то грустя, не то радуясь. Никак не понять, грусть или радость приносили эти часы одиночества, но они приносили счастье.

Зимой многие уезжали. Улетал в Среднюю Азию с женой веселый Толя Зайцев, на недели пропадал в экспедициях жадный до дела Эдик Свирский, отправлялся в дальние зимние

---

[1] Курильские острова представляют собой цепочку вулканических конусов, седловины между которыми затоплены и образуют проливы, соединяющие Охотское море с Тихим океаном. Курильских проливов насчитывается 26, индивидуальные названия некоторых включают номера, и 4-й Курильский пролив действительно находится к югу от острова Парамушир. Остров Маканруши, мыс Капустный и поселок Васильево там тоже имеются. — *В. Д.*

рейсы серьезный насмешник Макс. Из тех, кто оставался на базе, одни уходили по вечерам в Васильево и там танцевали и веселились до утра, другие сидели по своим квартирам и обрабатывали материалы, полученные летом, занимались исследовательской работой. Сергея Ивановича частенько эксплуатировали — он очень любил помогать. «Слушай, Сергей, прости, беспокою тебя... Ты, кажется, был в июне на Зимней банке. У тебя есть данные по солености воды? Дай, пожалуйста... Спасибо». «Здравствуй, холостяк! Бездельничаешь? Будь другом, помоги труженику — дай твою статистику по зубам верхней челюсти у кашалотов... Вот спасибо, дружище!.. Будь здоров». «Сергей Иванович, разрешите... У меня спешная работа, завтра надо передать в Хабаровск... Я боюсь, что не успею, помогите мне посчитать вот это... Поможете? Вот хорошо-то!»

Сергею Ивановичу очень нравилось, что все незанятые люди собирались, как правило, в компании — большие и маленькие. Пестрые отряды скалолазов, обмотанных вокруг пояса тридцатиметровыми шарфами, карабкались по обледенелым кручам, куда, впрочем, можно было при желании спокойно подняться по тропинкам с другой стороны. Зимние аквалангисты набивались в субмарины и переправлялись через пролив на Маканруши, где дни напролет бродили по лабиринтам подводных пещер. Из спортивных залов доносились выкрики, топот и буханье мячей. В клубах витийствовали дискуссионеры — там в утилитарных целях развития сообразительности и логического мышления обсуждались очень странные вопросы. В музыкальных комнатах, неподвижные, как покойники, возлежали в глубоких креслах ценители нежнейших мелодий. Люди, как правило, чувствовали себя особенно хорошо, когда были вместе.

Некоторое исключение составляли художники, предпочитавшие развлекаться в одиночку. Их чем-то влекло серо-свинцовое однообразие скал, ледяной воды, низкого неба. Большинство из них прямого отношения к базе не имело. Они приезжали на зиму с материка и были необычайно трудолюбивы, но гениальности, по крайней мере, по мнению Кондратьева, не обнаруживали. Иногда они устраивали в коридорах выставки своих этюдов. На выставки сбегался народ, и начинались

свирепые споры: должен ли художник писать то, что видит, или то, что он чувствует, или то, что он думает. Был еще на базе один скульптор, опытнейший работник Океанского патруля, страдавший, однако, гигантоманией. Он мечтал создать грандиозную статую чего-то такого, и все скалы в окрестностях базы носили неизгладимые следы его вдохновения.

Время от времени база оглашалась непривычным оголтело-веселым шумом. Это случалось, когда в гости приходили юноши и девчонки с Васильевского рыбного комбината. На комбинате работало шестьдесят человек — двадцать пять операторов, тридцать практикантов и пять кибернетистов-снабженцев, на обязанности которых лежало грузить и отправлять во Владивосток и в Магадан самоходные кибернетические баржи с готовой продукцией. Налаживать управление подводными баржами так, чтобы они без промаха и в назначенный срок приходили в нужный порт,— это была труднейшая и интереснейшая задача, поэтому многие студенты-практиканты склонны были отлынивать от переработки сырья и примазывались к кибернетистам. Молодой народ базы и молодой народ завода были тесно связаны. Обычно внепроизводственная связь осуществлялась на вечеринках в комбинатском клубе, но иногда Океанская охрана приглашала гостей к себе, и тогда на базе начиналось столпотворение.

Явившись на базу, эта толпа сразу рассыпалась кучками по комнатам хозяев. Но двери в пустой обычно коридор были распахнуты, все наполнялось шумом споров, песнями, музыкой, шарканьем танцующих, веселые компании шатались из комнаты в комнату... Одним словом, было весьма весело. Комнаты были великолепно звукоизолированы, так что весь этот шум и гам никому из «взрослых» не мешал. Первое время Кондратьев запирался в такие «праздничные» вечера, но потом любопытство и зависть победили, и он стал оставлять свою дверь открытой. И много пришлось ему услышать — и новые странные песни со всех концов света, и яростные споры по очень специальным и по очень общим вопросам, и маленькие локальные сплетни о старших, в том числе и о самом себе, и объяснения в любви, такие же мучительно бессвязные, как и в прошлом веке, и даже звуки поцелуев.

Сразу за дверью комнаты Кондратьева находился узенький тупичок-ниша, которым оканчивался коридор. Кто-то соответственно обставил его: поставил кресла, сосну в стеклянном ящике, повесил газосветную лампу, тусклую и подмигивающую. Эта ниша называлась «ловерс дайм» — «пятачок влюбленных». Именно сюда приходили в плохую погоду объясняться, строить пла̀ны и выяснять подпорченные отношения. Кондратьев вздыхал, стоя на пороге своей комнаты и слушая этот шепот. Он был отлично виден влюбленным на фоне светлого коридора, но на него никто не обращал внимания, его не стеснялись, как не стеснялись вообще никого из старших. Это его задевало — ему казалось, что сопляки смотрят на него как на мебель. Но однажды он подслушал, что его назвали «стражем ловерс дайма», и он понял, что его просто считают неким негласным судьей и свидетелем, общественной совестью. Впрочем, это тоже было достаточно обидно. Кондратьев захлопывал дверь и подолгу с ворчанием рассматривал в зеркале свою худую коричневую физиономию и ежик жестких волос над широким большим лбом. «Да уж,— уныло думал он старую мыслишку.— Где уж мне...»

Как-то раз случился сильный тайфун, и волны разбили пластмассовую балюстраду, огораживавшую оранжерейную площадку базы. На следующий день по вызову базы с комбината прибыла вся молодежь и принялась за починку. Старшие тоже приняли участие. Самые ловкие и сильные ребята опускались в люльках со скалы и крепили легкие пластмассовые плиты к камню вдоль обрыва, предварительно размягчив камень ультразвуком. Бури уже не было, но серые ледяные волны накатывались на берег из серого тумана и с ужасным громом лупили в скалы-стены, обдавая висящих в люльках потоками брызг. Работали весело, с большим шумом.

Кондратьев взялся крепить размякший, как тесто, камень вокруг оснований балюстрадных плит. Надо было густо намазывать это каменное тесто, как цемент, заглаживать специальной лопаточкой и затем обрабатывать место крепления ультразвуком второй раз. Тогда пластмасса и камень схватывались намертво и плита балюстрады становилась как бы частью скалы. В разгар работы Кондратьев обнаружил, что ему не при-

ходится шарить рукой в поисках инструментов. Инструменты сами попадали в его протянутую руку, и именно те, которые были нужны. Кондратьев обернулся и увидел, что рядом с ним сидит на корточках лаборантка базы Ирина Егорова. Она была закутана в меховой комбинезон с капюшоном и казалась непривычно неуклюжей.

— Спасибо,— сказал Кондратьев.

— Сколько угодно,— сказала Ирина и засмеялась.

Несколько минут они работали молча, прислушиваясь к сварливому спору о природе ядов в молоках кистепера, доносившемуся от соседней плиты сквозь рев волн и ветра.

— Вы всё один да один,— сказала Ирина.

— Привычка,— ответил Кондратьев.— А что?

Ирина глядела на него странными глазами. Она была очень славная девочка, только очень уж суровая. Поклонники от нее стоном стонали, и Сергей Иванович тоже ее побаивался. Язык у нее был совершенно без костей, а чувство такта было явно недоразвито. Она была способна ляпнуть все, что угодно, в самый неподходящий момент и неоднократно делала это. Так вот посмотрит-посмотрит странными глазами и ляпнет что-нибудь. Хоть плачь.

— Я хочу давно спросить вас, Сергей Иванович,— сказала Ирина.— Можно?

Кондратьев покосился опасливо. «Ну вот, пожалуйста. Сейчас спросит, почему у меня волосатая спина,— был такой случай прошлым летом на пляже при большом скоплении народа».

— М-можно,— сказал он не очень уверенно.

— Скажите, Сергей Иванович, вы были женаты тогда, в своем веке?

«Пороть тебя некому!» — с чувством подумал Кондратьев и сказал сердито:

— Легко видеть, что не был.

— Почему это легко видеть?

— Потому что как бы я мог пойти в такую экспедицию, если б был женат?

Подошел океанский охотник Джонсон, который три года назад был строителем и сейчас взял на себя руководство работами, покивал одобрительно, погладил Кондратьева по спине, сказал: «О, вери, вер-ри гуд!» — и ушел.

— Тогда почему вы, Сергей Иванович, такой нелюдимый? Почему вы так боитесь женщин?

— Что? — Кондратьев перестал работать.-- То есть как это — боюсь? Откуда это, собственно, следует?

«А ведь и вправду боюсь,— подумал он.— Вот ее боюсь. Все время привязывается и вышучивает. И все вокруг хохочут, а она нет. Только смотрит странными глазами».

— Дайте-ка насадку,— сказал он, сдвинув брови до упора.— Нет, не эту. На малую мощность. Спасибо.

— Я, наверное, неудачно выразилась,— сказала Ирина тихо.— Конечно, не боитесь. Просто сторонитесь. Я думала, может быть тогда, в своем веке...

— Нет,-- сказал он.

Она и говорила как-то странно.

— Сегодня вечером будем танцевать,— быстро сказала она.— Вы придете?

— Я же не умею, Ирина.

— Вот и хорошо,— сказала Ирина.— Это самое интересное.

Кондратьев промолчал, и до конца работы они больше не разговаривали.

Работа была закончена к вечеру. Затем было много шума и смеха, много плеска в бассейне и в ванных, и все сошлись в столовой, чистые, розовые, томные и зверски голодные. Ели много и вкусно, пили еще больше — вино и ананасный сок главным образом, затем стали танцевать. Ирина сразу вцепилась в Кондратьева и долго мучила его, показывая, с какой ноги надо выступать под левый ритм и почему нельзя делать шаг назад при правом ритме. Кондратьев никак не мог разобраться, что такое правый и левый ритмы, вспотел, рассердился и, крепко взяв Ирину за руку, вывел ее из толпы танцующих в коридор.

— Будет с меня.

— Еще немножко,— просительно сказала Ирина.

— Нет. У меня уже бока болят от толчков. А что я ног сегодня отдавил — счету нет...

Он повел ее по коридору, бессознательно прижимая ее руку к себе. Она молча шла за ним. Потом он вдруг остановился и нервно рассмеялся.

— Куда это я вас веду? — сказал он, глядя в сторону.— Идите, идите, танцуйте.

— А вы?

— А я... это... Да что я, пойду к старичкам, сыграю в го.

Они остановились посреди коридора. Из раскрытых дверей доносились звуки хориолы, кто-то пел сильным, свободным голосом:

Deep blue sea, baby, deep blue sea.
Deep blue sea, baby, deep blue sea.
Deep blue sea, baby, deep blue sea...
Hit was Willy, who got drowned in the deep blue sea...[1]

— Джонсон поет,— тихо сказала Ирина.— Красиво поет Джонсон.

— Да, красиво,— согласился Кондратьев.— Но вы тоже красиво поете.

— Да? А где вы слыхали меня?

— Ну господи, да хотя бы месяц назад, когда ребята с комбината приходили в последний раз.

— И вы слушали?

— Я всегда слушаю,— уклончиво сказал Кондратьев.— Встану у себя в дверях и слушаю.

Она засмеялась:

— Если бы мы знали, мы обязательно...

— Что?

— Ничего.

Кондратьев насупился. Затем он встрепенулся и с изумлением осмотрелся. Да полно, он ли это? Стоит в коридоре, не зная, куда идти, не желая никуда идти, чего-то ожидая, что-то предчувствуя, чему-то странно радуясь... Наваждение. Колдовство. Эта синеглазая тощая девчонка. Праправнучка. Если бы у него были дети, это могла бы быть его собственная праправнучка.

Мимо пробежали юноша и девушка, оглянулись на них, подмигнули и скрылись в открытых дверях. Из дверей сейчас же донесся взрыв многоголосого хохота. Ирина словно очнулась.

— Пойдемте,— сказала она.

---

[1] В синем море, детка, в глубоком синем море...
Там наш Вилли утонул — в глубоком синем море *(англ.)*.

Кондратьев не спросил куда. Он просто пошел. И они пришли на «ловерс дайм». И сели в кресла под пахучей смолистой сосной. И над ними замигала мягко слабая газосветная лампа.

— Сергей Иванович,— сказала Ирина,— давайте помечтаем.

— В мои-то годы...— печально отозвался Кондратьев.

— Ага, в ваши. Очень интересно, о чем в ваши годы мечтают?

Положительно, никогда за свою жизнь Кондратьев не вел таких разговоров. Он удивился. Он до того удивился, что серьезно ответил:

— Я мечтаю добыть Моби Дика. Белого кашалота.

— Разве бывают белые кашалоты?

— Бывают. Должны быть. Я добуду белого кашалота и... это...

— Что?

— И все. Тогда моя мечта исполнится.

Ирина подумала. Затем сказала решительно:

— Нет. Это не мечта.

— Почему не мечта? Мечта.

— Не мечта.

— Ну, мне-то лучше знать...

— Нет. Это... Цель работы, что ли... Не знаю. Вот если бы белых кашалотов не существовало, тогда это была бы мечта.

— Но они существуют.

— В том-то и дело.

Она смотрела на лампу, и глаза ее вспыхивали и гасли.

— А раньше... Сто лет назад какая была у вас мечта? Большая мечта, понимаете?

Он стал добросовестно вспоминать.

— Было всякое. Но теперь это неважно. Мечтал... Мы все мечтали достигнуть звезд...

— Теперь это уже сделано.

— Да. Мечтали, чтобы всем на земле было хорошо.

— Это невозможно...

— Нет, это тоже сделано. Так, как мы тогда мечтали. Чтобы все на Планете не заботились о еде и о крыше и не боялись, что у них отнимут...

— Но ведь это так мало!..

— Но это было страшно трудно, Ирина. Вы тут и представить себе не можете, как это много — хлеб и безопасность...

— Да, да, я знаю. Но теперь это история. Мы помним об этом, но ведь все это уже сделано, правда?

— Правда.

— Вот я и спрашиваю: какая теперь у вас большая мечта?

Кондратьев стал думать и вдруг с изумлением и ужасом обнаружил, что у него нет большой мечты. Тогда, в начале XXI века он знал: он был коммунистом и, как миллиарды других коммунистов, мечтал об освобождении человечества от забот о куске хлеба, о предоставлении всем людям возможности творческой работы. Но это было тогда, сто лет назад. Он так и остался с теми идеалами, а сейчас, когда все это уже сделано, о чем он может еще мечтать?

Сто лет назад... Тогда он был каплей в могучем потоке, зародившемся некогда в тесноте эмигрантских квартир и в застуженных залах экспроприированных дворцов, и поток этот увлекал человечество в неизведанное, ослепительно сияющее будущее. А сейчас это будущее наступило, могучий поток разлился в океан, и волны океана, залив всю планету, катились к отдаленным звездам. Сейчас больше нет некоммунистов. Все десять миллиардов — коммунисты. «Милые мои десять миллиардов... Но у них уже другие цели. Прежняя цель коммуниста — изобилие и душевная и физическая красота — перестала быть целью. Теперь это реальность. Трамплин для нового, гигантского броска вперед. Куда? И где мое место среди десяти миллиардов?»

Он думал долго, вздыхал и поглядывал на Ирину. Ирина молча смотрела на него странными глазами, такими странными и чудными, что Сергей Иванович совсем потерял нить разговора.

— Что же это, Ирина,— произнес он наконец.— Что же, мне теперь и мечтать не о чем?

— Не знаю,— сказала Ирина.

Они смотрели друг на друга — глаза в глаза. Господи, подумал Кондратьев с тоской. Вот взять ее тихонько за руку и погладить тонкие пальцы. И прижаться щекой...

— Сергей Иванович,— сказала Ирина тихо,— мы хорошие люди?

— Очень.

— Вам нравится здесь?

— Да. Очень.

— И вам не одиноко?

— Нет, что вы, Иринка...

Это «Иринка» получилось у него как-то само собой.

— Мне очень хорошо. И Моби Дик... Мне это очень нравится, Иринка,— Моби Дик. Пусть сначала Моби Дик, а потом видно будет.

— Жаль.

— Ну, что делать. Не великой я мечты человек. Моя звезда — близкая звезда.

Ирина усмехнулась и покачала головой. Она сказала:

— Я не об этом. Я думала, вы одинокий... Я думала, вам тяжело одному... Я люблю вас.

Утром звено субмарин Кондратьева подняли по тревоге. С дежурного вертолета Океанской охраны сообщили, что в стаде кашалотов, идущем на кальмарное пастбище, произошла драка между старым самцом — вожаком стада — и одинцом-пиратом. Кашалоты ходят стадами до тридцати голов, старый опытный самец-вожак и старые и молодые самки. Вожак не подпускает других самцов к стаду и изгоняет молодых, а иногда и убивает их, но время от времени стадо подвергается нападению злющего одинца, которого Океанская охрана называет пиратом. Тогда происходит бой. Океанская охрана всегда старается помочь вожаку. Прежде всего потому, что вожак, как правило, приручен и водит стадо по привычным и известным трассам — к специально организованным пастбищам кальмаров и подальше от трасс миграций усатых китов. Известны случаи, когда одинец, которому удавалось отделить от стада несколько самок, вел их прямо в районы китового молодняка и устраивал там кровавую бойню.

Летчик вертолета атаковал одинца, но вертолет так сильно трепало и противники находились так близко друг от друга, что он расстрелял весь боезапас и попал анестезирующей бомбой только один раз — и не в пирата, а в вожака. Оглушенный вожак перестал сопротивляться. Одинец быстро добил его, ловко отделил от стада молодых самок и погнал их на юг, в район планктонных полей, где благоденствовали молочные, только

что ощенившиеся матки. Вдогонку пирату были брошены два звена субмарин охраны, и еще одно звено готовилось встретить его на дальних подступах к району щена.

Все в этой операции шло с самого начала неудачно. Первое звено, под командой Коршунова, разделилось в пылу погони и потеряло ориентировку. Звено субмарин Кондратьева было сброшено с транспортного турболета — оно должно было попасть в район впереди одинца и отрезать его от самок, но вследствие ли поспешности или неопытности пилотов субмарины оказались далеко позади стада. Кондратьев распорядился всем идти на глубине в сто метров и только сам время от времени выскакивал на ходу на поверхность принять радиограммы с сопровождающих вертолетов.

Погоня продолжалась весь день. Около семи вечера Ахмет, который шел правым ведомым, закричал:

— Вот он! Командир, цель обнаружена, дистанция триста — триста пятьдесят метров, четыре сигнала! Ух, понимаешь, настоящий Моби Дик!

— Координаты? — спросил Кондратьев в микрофон.

— Азимут... Высота с глубины двести десять...

— Вижу.

Кондратьев подрегулировал ультразвуковой прожектор. На экране всплыли и закачались большие светлые пятна-сигналы. Пять... Шесть... Восемь... Все здесь. Семь угнанных самок и сам одинец. Дистанция триста пятнадцать — триста двадцать метров. Идут «звездой»: самки по периферии вертикально поставленного кольца диаметром в пятьдесят метров, самец — в центре и немного позади.

Кондратьев круто повернул субмарину вверх. Надо было выскочить на поверхность и сообщить вертолетам, что стадо беглецов обнаружено. Субмарина задрожала от напряжения, пронзительно завыли турбины. У Кондратьева заложило уши. Он наклонился над приборной доской и вцепился обеими руками в мягкие рукоятки руля. Но он не отрывал взгляда от иллюминатора. Иллюминатор быстро светлел. Мелькнули какие-то тени, неожиданно ярко блеснуло серебряное брюхо небольшой акулы, затем — у-ах! — субмарина стремительно вылетела из воды. Кондратьев торопливо отпустил кормовые крылья.

Раз-два! Сильная волна ударила субмарину в правый борт. Но инерция движения и крылья уже подняли ее и перебросили через пенистый гребень. На несколько секунд Кондратьев увидел океан. Океан был лилово-черный, изрытый морщинистыми волнами и покрытый кровавой пеной. Кровавой — это только на мгновение так подумалось Кондратьеву. На самом деле это были отблески заката. Небо было покрыто низкими сплошными тучами, тоже лилово-черными, как и океан, но на западе — справа по курсу — низко над горизонтом висело сплюснутое багровое солнце. Все это — свинцово-лиловый океан, свинцово-лиловое небо и кровавое солнце — Кондратьев увидел на один миг через искажающее, залитое водой стекло иллюминатора. В следующий миг субмарина вновь погрузилась, зарывшись острым носом в волну, и вновь натужно взвыли турбины.

— Я — Кондратьев, цель обнаружена, курс...

Субмарина неслась, как глиссер, прыгая с гребня на гребень, тяжело шлепая округлым днищем по воде. Бело-розовая пена плескалась в иллюминатор и сейчас же смывалась зеленоватой пузырящейся водой. Быстроходные субмарины Океанской охраны способны передвигаться, как летающие[1] рыбы: вырываться на полной скорости из воды, пролетать в воздухе до пятидесяти метров, снова погружаться и, набрав скорость, совершать новый прыжок. При преследовании и при других обстоятельствах, требующих поспешности, этот способ передвижения незаменим. Но только при спокойном или хотя бы не слишком беспокойном океане. А сейчас была буря. Субмарине так поддавало под крылья, что она подпрыгивала, как мяч на футбольном поле. Притом ее непрерывно сбивало с курса, и Кондратьев злился, не получая ответа на вызовы.

— Я — Кондратьев... Я — Кондратьев... Цель обнаружена, курс...

Ответа не было. Видимо, вертолет отнесло в сторону. Или он вернулся на базу из-за бури? Буря сильная, не меньше десяти баллов. Ладно, будем действовать сами.

Солнце то скрывалось за теперь уже черными валами, то вновь на короткое время выскакивало из-за горизонта. Тогда

[1] Летающих рыб не бывает. Есть семейство летучих рыб. — *В. Д.*

можно было видеть кроваво-черный океан. И бесконечные гряды волн, катившиеся с живым злым упрямством с запада. «С запада — это плохо,— думал Кондратьев.— Если бы волны шли по меридиану, то есть по курсу преследования, мы в два счета по поверхности догнали бы Моби Дика...»

Моби Дик! Пусть это еще не белый кашалот — все равно, это Моби Дик, кашалот, громадный самец в двадцать метров длиной, в сто тонн весом, грузный и грациозный. С тупой мордой, похожей на обрубок баобабьего бревна, твердой и жесткой снизу и мягкой, расплывчатой сверху, где под толстой черной шкурой разлиты драгоценные пуды спермацета. С ужасной пастью, нижняя челюсть которой распахивается, как крышка перевернутого чемодана. С мощным горизонтальным хвостом, с одной длинной узкой ноздрей на кончике рыла, с маленькими злыми глазами, с белым морщинистым брюхом. Моби Дик, свирепый Моби Дик, гроза кальмаров и усатых китов. Интересно, когда наконец это животное выведет своих невест на поверхность? Пора бы им и подышать немного...

Кондратьев бросил субмарину под воду. Он обогнал звено, уклонился немного к востоку, повернул и снова занял свое место в строю звена. В звене пять субмарин. Звено идет «звездой», как и кашалоты. В центре — Кондратьев. Левее и на двадцать метров выше — Ахмет Баратбеков, кончивший курсы всего год назад. Правее и выше — его жена Галочка. Левее и ниже — серьезный здоровяк Макс, громадный сумрачный парень, прирожденный глубоководник. Правее и ниже — Николас Дрэгану, пожилой профессор, известный лингвист, двадцатый год проводивший отпуск в охране.

Теперь до стада не более ста метров. На экране ультразвукового прожектора отчетливо виден силуэт Моби Дика — круглое дрожащее пятно, разбрасывающее светлые искры.

— Плотнее к стаду! — скомандовал Кондратьев.

— Командир, включи ультраакустику! — крикнул Ахмет.

— Частота?

— Шестнадцать шестьсот пятьдесят... Они поют! Моби Дик поет!

Кондратьев наклонился к пульту. Каждая субмарина оснащена преобразователями ультразвука. На некоторых даже есть

преобразователи инфразвука, но это только на исследовательских. Океан полон звуков. В океане звучит все. Звучит сама вода. Гремят пропасти. Пронзительно воют рыбы. Пищат медузы. Гудят и стонут кальмары и спруты. И поют и скрипят киты. И кашалоты в том числе. Некоторые считают, что красивее всех поют кашалоты.

Кондратьев завертел штурвальчик преобразователя. Когда тонкая стрелка на циферблате проползла отметку 16.5, субмарина наполнилась низкими, гулкими звуками. Несомненно, это пел Моби Дик, великий кашалот, и самки хором подпевали своему новому повелителю.

— Вот прохвост! — сказал Дрэгану с восхищением.

— Какой голосистый! — отозвалась Галя.

— Скотина горластая! — проворчал Макс.— Пират...

Моби Дик орал: «Уа-ау-у-у... Уа-ау-у-у... Уа!..»

Его подруги отвечали: «И-и-и... Иа-и-и... И-и-и...»

Кондратьев переводил: «Скорее, скорее, еще немного, и мы будем там... Роскошное угощение... Маленькие молочные киты... Жирные, вкусные беспомощные матери... Скорее... Не отставайте!» И ему отвечают: «Мы спешим... Мы спешим изо всех сил... изо всех сил...»

Расстояние сократилось до шестидесяти метров. Пора было начинать. До искусственных пастбищ, где отлеживались сейчас синие киты с детенышами, оставалось не более сорока километров. Но когда Моби Дик собирается подышать?

— Макс, Дрэгану, вниз!

— Есть...

Макс и Дрэгану круто нырнули, заходя под «звезду» кашалотов. Кашалоты плохо видят, но все же следовало быть осторожным. Заметив преследователей, они могли бы начать игру в трех измерениях, ведь они способны погружаться на километр и более, и игра в прятки при наличии всего пяти субмарин сильно затруднила бы дело. Макс и Дрэгану, выйдя под «звезду», перерезали ей дорогу вглубь и ограничивали маневр Моби Дика двумя измерениями.

Ага, вот, наконец-то! «Звезда» сжалась и вдруг пошла к поверхности.

— Макс, Дрэгану, не зевать!

— Не зеваем,— недовольно отозвался Макс.

А профессор лингвистики весело сказал:

— Есть не зевать! — Видимо, ему нравились все эти «есть», атрибуты старинного морского и военного обихода.

Моби Дик вел свое стадо на поверхность, и снизу его подпирали Макс и Дрэгану. Кондратьев сказал:

— Иду на поверхность!

Он повернул субмарину носом кверху и включил турбины на полную мощность. Сейчас мы увидим тебя воочию, великий Моби Дик, пират и убийца!

Субмарина с ревом вырвалась из водоворота, пронеслась, сверкнув чешуей, над пенистым гребнем волны и снова ушла носом в воду, оставляя за собой клочья синтетической слизи. Солнце уже зашло, только на западе тускло горела багровая полоска. Но ночи не было над океаном. Потому что светились тучи. Над океаном царили сумерки. А буря была в самом разгаре, волны стали выше, двигались стремительнее и расшвыривали мохнатые клочья пены. Это было все, что увидел Кондратьев при первом прыжке. И при втором прыжке он разглядел только белесое светящееся небо и черные волны, плюющиеся пеной во все стороны.

Зато, когда субмарина вылетела из пучины в третий раз, Кондратьев увидел наконец Моби Дика. Метрах в ста от субмарины из волн вырвалось громадное черное тело, повисло в воздухе — Кондратьев отчетливо увидел тупое, срезанное рыло и широкий раздвоенный хвост,— описало в белесом небе длинную и медленную дугу и скрылось за бегущими волнами. Сейчас же впереди вылетел из волн ровный ряд теней поменьше и тоже скрылся. И субмарина тоже ушла под воду, и сразу же на ультразвуковом экране запрыгали огромные светлые пятна. И опять вверх... Минуты полета над кипящим океаном... гигантская туша вылетает из волн впереди, пролетает над пенистыми гребнями и исчезает, еще семь туш поменьше в полете... и снова иллюминатор заливает пузырчатая, белесая, как небо, вода.

Ну что ж, пора кончать с Моби Диком, гигантским кашалотом. Он прижат к поверхности, уйти вниз теперь стадо не мо-

жет — там сердитый Макс и азартный Дрэгану. Повернуть вправо или влево оно тоже не может — на его флангах опытные охотники Ахмет и его жена Галочка. В хвосте стада идет сам Кондратьев, и он уже ловит в прицел акустической пушки черный горб Моби Дика. Надо целиться именно в горб, в мозжечок, так будет наверняка и Моби Дику не придется мучиться. Бедный глупый Моби Дик, груда свирепых мускулов и маленький мозг, набитый жадностью. Сто тонн прочнейших в мире костей и сильнейших в мире мускулов и всего три литра мозга. Мало, слишком мало, чтобы соперничать с человеком, Моби Дик, пират и разбойник!

А Моби Дик ликовал! Он выскакивал стремглав из кипящей бури, мчался в спокойном теплом воздухе, захватывая его чудовищной пастью, открытой, словно перевернутый чемодан, и снова плюхался в волны, и семь самок, семь невест, из-за которых он на рассвете убил слугу человека, весело прыгали вслед за ним. Они мчались за ним, торопясь на подводные лежбища синих китов, где сладкие, жирные матери, повернувшись на спину[1], подставляют черные соски новорожденным китятам. Моби Дик вел подруг на веселый пир.

До Моби Дика осталось всего тридцать метров. Отличное расстояние для инфразвуковой[2] пушки.

Командир звена субмарин Кондратьев нажал спусковую клавишу.

И Моби Дик потонул. Ахмет, Галочка и Дрэгану повернули растерянных и негодующих самок на север и погнали их прочь. В голове стада пристроился Макс. Он успел записать песни Моби Дика, и теперь снова под водой понеслись вопли «Уа-а-у-у... Уа... Уа-а-ау!» Молодые глупые самки сразу повеселели и

---

[1] Никуда они не поворачиваются, зачем бы? Китиха выпрыскивает молоко сильной струей в воду, и китенок ловит ее ртом. — *В. Д.*

[2] Фант., не бывает. Т. е. настолько не бывает, что никакая наука будущего не поможет. Да, инфразвуком можно убить, но инфразвуковую пушку таких размеров сделать нельзя. Направленная излучающая система должна быть по своим размерам много больше длины волны излучения, иначе волна пойдет по всем направлениям из-за дифракции. А самая короткая длина волны инфразвука в воздухе около 20 м, в воде около 100 м. — *В. Д.*

устремились за субмариной Макса. Их больше не приходилось подгонять. А Кондратьев опускался в пучину вместе с Моби Диком. На черном горбу Моби Дика, там, куда пришелся мощный удар инфразвука, вспух большой бугор. Но Кондратьев вбил под толстую шкуру кашалота стальную трубу и включил компрессор. И под шкуру Моби Дика хлынул воздух. Много сжатого воздуха. Моби Дик быстро располнел, бугор на горбу исчез, да и сам горб был теперь едва заметным. Моби Дик перестал тонуть и с глубины полутора километров начал подниматься на поверхность. Кондратьев поднимался вместе с ним. Они рядом закачались на волнах, как на гигантских качелях.

Кондратьев открыл люк и высунулся по пояс. Это опасное дело во время бури, но субмарины Океанской охраны очень устойчивы. К тому же волны не захлестывали субмарину. Они только поднимали ее высоко к белесому небу и сразу бросали в черную водяную пропасть между морщинистыми жидкими скалами. Рядом так же мерно взлетал и падал Моби Дик. У него был и сейчас зловещий и внушительный вид. Он был только чуть-чуть короче субмарины и гораздо шире ее. И мокро блестела живая, раздутая сжатым воздухом шкура. Вот и конец Моби Дику.

Кондратьев вернулся в рубку и захлопнул люк. В горбу Моби Дика остался радиопередатчик. Когда дня через два буря утихнет, Моби Дика запеленгуют и придут за ним. А пока он может спокойно покачаться на волнах. Ему не нужны больше ни невесты, ни нежные новорожденные киты. И хищники его не тронут — ни кальмары, ни акулы, ни косатки, ни морские птицы,— потому что шкура Моби Дика надута не простым чистым воздухом.

«Прощай, Моби Дик, прощай до новой встречи! Хорошо, что ты не белый кашалот. Мне еще долго-долго искать тебя по всем океанам моей Планеты, искать и снова и снова убивать тебя. Над бурной волной и в вечно спокойных глубинах ловить в перекрестие прицела твой жирный загривок.

А сейчас я немного устал, хотя мне очень и очень хорошо. Сейчас я вернусь к себе на базу, поставлю «Голубку» в ангар и, прощаясь, по обычаю поцелую ее в мокрый иллюминатор:

«Спасибо, дружок». И все будет как обычно, только теперь на базе меня ждут».

«НОЧЬ НА МАРСЕ»

В романе эта новелла представлена, начиная с 1967 года. До этого времени существовала как отдельный рассказ, издававшийся в журнале «Знание — сила» (1960) под названием «Ночью на Марсе» и в книге «Путь на Амальтею» (1960) под названием «Ночь в пустыне».

Интересны для исследователя текстов мелкие дополнения-исправления в этой новелле. «Прекрасен, горд и невозмутим»,— говорит Мандель о мимикродоне в романе. «Удивительно невозмутимый гражданин» — характеристика мимикродона в рассказе.

В описании марсианского пейзажа в романе говорится: «В лучах белого закатного солнца горели большие пятна соли». В рассказе добавляется «глауберовой соли, какая на Земле добывается на озере Кара-Богаз».

В рассказе Следопыты выговаривают врачам: «Предупреждаем, объясняем — все без толку. Ночью. Через пустыню. С пистолетиками. А завтра придется разыскивать по всему Сырту ваши обглоданные кости... Вам что, Хлебникова мало?»

Во всех трех изданиях (рассказ журнальный, рассказ книжный и новелла в романе) имена персонажей различны. В журнальном варианте Петр Алексеевич Новаго имеет фамилию Привалов, Лазарь Григорьевич Мандель первоначально именовался Александром Григорьевичем Грицевичем. В книжном издании они уже — Новаго и Мандель. Но и в журнале, и в книге вместо семьи Славиных значится семья Спицыных, что окончательно запутывает исследователей мира Полудня: сын Спицына, родившийся на Марсе, погиб на Венере или перенесся посредством деритринитации в XXII век?

«ПОЧТИ ТАКИЕ ЖЕ»

В романе данная новелла тоже появляется только в 1967 году. До этого публиковалась отдельным рассказом в книге «Путь на Амальтею» (1960). Этот рассказ является основательно передe-

ланной главой из черновиков «Пути на Амальтею». Тодор Кан в рассказе — еще Чэнь Кунь, учащиеся Школы в столовой вовсю дегустируют китайскую кухню[1]:

Они были большими поклонниками китайской кухни и считали, что китайский «цай» является вершиной гастрономических устремлений человечества.

— Салат из медуз с креветками,— говорил Панин.— Салат с вермишелью из гороха «маш»...

— Жаркое «сы-бао»! — воскликнул Гургенидзе и громко глотнул.

— Не надо «сы-бао»! — сказал Малышев.— За обедом «сы-бао», за ужином «сы-бао»... Каракатицу! С ростками бамбука!

— А хороша ли сегодня каракатица? — вдумчиво спросил Панин.

— А вот мы и посмотрим,— сказал Малышев.

— Вах! — сказал Гургенидзе.— Давайте скорее. И бульон тоже.

Они заставили весь стол пиалами и соусниками и схватились за палочки.

Жилин (в ранних рукописях) становится Колей Ермаковым (поздняя рукопись и опубликованный рассказ), а затем Сережей Кондратьевым (роман). Панин в черновике этого рассказа имел фамилию Сидоренко, но в описании его значится, что он «до Школы был глубоководником и обладал нечеловеческой силой». В черновиках «Пути на Амальтею» такой характеристикой обладал именно Жилин, что опять же запутывает исследователя: «Кто был кем и стал кем?»

Мамедов, один из учащихся Школы, в рассказе имеет фамилию Ван Вэ-мин, а в разговоре учащихся о национализации «Юнайтед Рокет Констракшн» мистер Гопкинс (так в романе) имеет фамилию Морган. Значит, до XXI века просуществовал клан потомков корсара Моргана и в мире «Полудня»...

---

[1] Вот не думал, что разлад в советско-китайских отношениях в начале 60-х может иметь положительную сторону: он избавил людей Полудня от китайской кухни. (Правда, пришлось им есть всякую японскую... пищу.) А борщ, а картоха, а селедочка с лучком? — *В. Д.*

«ПЕРЕСТАРОК»

Эта новелла присутствует во всех вариантах романа, отдельно не публиковалась.

Планетолет Д-П (вариант «Урала») поменял название на «Арго» («Возвращение»), а затем снова возвратился к старому Д-П (канонический вариант).

В «уральском» издании диалог между диспетчером и его помощником имеет продолжение:

Помощник следил за планетолетом, неведомо откуда появившемся.

— Изумительно... Ядерная ракета... Ты что-нибудь понимаешь?

— Ничего не понимаю,— с тоской ответил старший диспетчер.— Я думаю о наших ребятах, которые сидят на станции Тэта... Как раз высота восемь пятьдесят, и там сейчас бродит этот перестарок... А им не на чем эвакуироваться.

— Его сейчас перехватят, вот увидишь...

Диспетчер покачал головой.

— Тысяча тонн, и такая скорость... Наткнется на станцию и всю разнесет.

Две светлые точки — аварийные роботы — ползли по экрану. Расстояние между ними и ядерным перестарком постепенно уменьшалось.

— Его перехватят,— повторил помощник.— Но это опасно.

— Для кого?

— Для него опасно.

Старший диспетчер промолчал.

Когда аварийные роботы перехватывают ядерную ракету, помощник диспетчера, глядя на это зрелище, замечает: «Как кальмары кита». Это сравнение возникло не случайно. В издании «Возвращения» о помощнике диспетчера говорится: «Когда-то он работал в Океанской охране».

«ЗЛОУМЫШЛЕННИКИ»

Эта новелла отсутствует в издании «Урала». В 1962 году опубликована отдельным рассказом в журнале «Знание — сила».

Один из листов рукописи «Стажеров» на обороте содержит черновой вариант этой главы:

...не взглянул на Генку, но все знали, кого он имеет в виду.

Несколько месяцев назад выяснилось одно пренеприятное обстоятельство. Оказалось, что в космогационные школы принимают не сразу после десятого класса, а с двадцати пяти лет. Это было чувствительным ударом. Целую неделю в двадцать восьмой спорили и ругались. Фэтти ходил с заплывшим глазом, а Капитан то и дело осторожно ощупывал распухший нос. Либер Полли укоризненно качал головой, словно спрашивая: «Ну можно ли так волноваться из-за пустяков?» И тогда...

Завуч не зря упрекал Турнена и Шейлу в том, что они не следят за событиями в большом мире. Наступила эпоха великих колонизаций. В результате полувековой работы самых упорных и самоотверженных инженеров и ученых Марс и Венера получили наконец вполне пригодную для людей атмосферу. Пятнадцать тысяч энтузиастов — мужчин и женщин, представителей всевозможных народов и профессий — обратились к человечеству с призывом: «Люди Земли! Пустыни Венеры и Марса ждут вас! Покроем соседние миры садами!» На призыв откликнулись. На такие призывы всегда откликались. Когда строили Комсомольск. Когда воевали против фашистов. Когда осваивали целинные земли. Когда строили гигантские дамбы вокруг прибрежных городов и рыли котлован посреди Сахары. Когда садили сады в Антарктике. Когда осваивали бывшие тундры в Сибири и Канаде. Когда развернули подводные хозяйства. И снова Землю охватила веселая деловая лихорадка. Не хватало людей. Не хватало техники. Художники и писатели спешно приобретали технические специальности. Ракетостроительные предприятия работали круглые сутки. Ежедневно к Марсу и Венере уходили десятки звездолетов — звездные экспедиции были временно прекращены,— груженных людьми, машинами, оборудованием, продуктами. За во-

семь месяцев население Марса и Венеры увеличилось до полутора миллионов человек. И вот, после недели ссор и драк, двадцать восьмую вдруг осенило...

Более, к сожалению, ничего не сохранилось. Шейла — это действительно та самая подруга Жени Славина, но об этом позже.

«ХРОНИКА»

Эта главка присутствует во всех трех вариантах «Полудня». Отдельно не публиковалась. Изменений практически не содержит, за исключением разве что добавки в конце сообщения (журнал «Урал»): «Светлая память бесстрашным героям — исследователям Космоса!»

«ДВОЕ С "ТАЙМЫРА"»

Данная новелла присутствует во всех вариантах романа. Отдельно как рассказ не публиковалась.

В архиве сохранились (опять же на обороте текста «Стажеров») четыре страницы новеллы, где она называется: «Звездолетчик и писатель». Изменений, по сравнению с опубликованным текстом, там немного, но они есть. Славин в этом варианте имеет фамилию Лурье; безымянная планета, на которой побывал «Таймыр», называется Альбертиной, а относительно сигма-деритринитации Кондратьев вспоминает: «Тирьямпампация» — и добавляет: «Глокая куздра».

Первая публикация этой новеллы (в журнале «Урал») интересна тем, что в ней Стругацкие предполагают, как в будущем люди будут обращаться друг к другу:

— Как она тебя назвала? Писатель Славин?

— Они все зовут друг друга по профессии.— Женя засмеялся.— Обращение «товарищ» употребляется только к незнакомому человеку. И при знакомстве представляются: «Механик Иванов, агроном Сидоров»[1].

[1] В точности как у Ю. Визбора: «Я, говорит, наследник африканский. А я, говорю, технолог Петухов». — *В. Д.*

— Здорово,— сказал Кондратьев.— А как будут звать меня?

— Тебя? Тебя будут звать — звездолетчик Кондратьев. Или — штурман Кондратьев.

Здесь же впервые появляется информация о Шейле, приятельнице Славина. Фамилия ее в «уральском» варианте — Калиняк (позже — Кадар), по профессии она — учительница, преподаватель литературы (позже — языковед), а по расовой принадлежности — мулатка.

«САМОДВИЖУЩИЕСЯ ДОРОГИ»

Новелла присутствует во всех вариантах романа. Отдельно не публиковалась. В архиве сохранился черновик начала этой новеллы, который Стругацкие не захотели публиковать из-за его чрезмерной публицистичности. Но исследователи мира Полудня найдут в нем много данных о том, как Авторы представляли себе этот мир.

Глава восьмая. ПОЛТОРАСТА ЛЕТ СПУСТЯ

Мимолетные впечатления, случайные встречи, обрывки информации — все это перепуталось в голове Кондратьева, заслоняло одно другое и ставило его в тупик. Иногда ему даже казалось, что он никогда не будет в состоянии разобраться в чудовищно сложной и вместе с тем совершенно открытой жизни мира двадцать второго века. Материальной стороной этой жизни безраздельно владела техника. Причем сложность и тонкость технических приспособлений сплошь и рядом не оправдывались (на взгляд Кондратьева) их назначением. Удивительно точно и сложно устроенные механизмы подметали дорожки, подстригали кустарники, изготавливали бутерброды и закуски в маленьких кафе, готовили обед, стирали белье, доставляли по домам со складов коробки конфет. Техника господствовала везде, где требовалось повторение одних и тех же операций, как бы ни были сложны эти операции. И какая техника! Часто это уже не была техника в старом смысле слова. Например, самодвижущиеся дороги и большинство эскалаторов являлись диковин-

ными (опять-таки на взгляд Кондратьева) биомеханическими приспособлениями, генерировавшими энергию в своих рабочих частях, дышавших воздухом, выделявших кислород, запасавших энергию и расходовавших ее по мере надобности. Многочисленные кибердворники, киберсадовники, киберперевозчики и другие киберы работали на гемомеханическом приводе — у них была мускульная и какое-то подобие кровеносной системы, они питались мусором, который они убирали, ветками, которые они стригли, пылью, через которую они двигались. Органы управления почти всех этих машин не конструировались, не собирались, даже не печатались, а выращивались в готовом виде. И все это было обычным, рутинным и даже, кажется, слегка надоевшим, как обычны и рутинны были во времена Кондратьева бытовые электроприборы и автомобили.

Кондратьев попытался составить сводку уровня науки и техники двадцать второго века. Это было к концу второй недели после его выхода из госпиталя, когда голова его ломилась от впечатлений, а мозг отказывался воспринимать новое. Вот что он записал в своем дневнике как-то вечером — сидя в легком жестком кресле за откидным столиком в кабинете своего нового домика на южной окраине Свердловска:

«ЭНЕРГЕТИКА. Как и следовало ожидать, в мировой энергетической системе главную роль играют термоядерные и водородно-мезонные электростанции. В тропических зонах широко используются гелиостанции. На транспорте и в быту широко применяется биоэнергетика. Там энергию дают специальные, очень экономичные и малогабаритные устройства, использующие квазибиологические процессы (процессы, аналогичные дыханию растений, иногда — аналогичные пищеварению). Сообщалось об успешных экспериментах в области использования гравитационной энергии, энергии субатомного распада и первых, неудачных пока, попытках создать «двигатели времени» — устройства для получения энергии из хода времени. Суммарная энергооснащенность мира на сегодняшний день оценивается в миллиард триллионов киловатт-часов в год! (Это еще не считая энергии внеземных станций и баз и энергии армад межпланетных и межзвездных кораблей.) Считается одна-

ко, что этого далеко не достаточно. Слишком велики потребности. Очень много энергии забирают так называемые «открыватели» — группы людей, работающих в различных областях переднего края науки.

МАТЕРИАЛЫ. Как и следовало ожидать, главенствующее место занимают различного рода пластмассы — большею частью телемерные,— различного рода бетоноподобные материалы. Пластмассы щедро укрепляются разными металлами. Строят из металлопластов и тонкоструктурных цементов. Одеваются в кремнийорганики и ацетоорганики. Металл чистый в технике отошел на задний план, большей частью им пользуются скульпторы. Но металла все равно нужно очень много, особенно редкого. Его по-прежнему добывают из рассеянных россыпей на Земле, а также транспортируют с других планет и лун. Короче, материалы получают какие нужно, по заказу, с любыми заданными свойствами. Неделю назад испытывался корпус какого-то подземного снаряда — он сделан из металлотелепласта «Пиробата», выдерживающего давление в два с половиной миллиона атмосфер при температуре в сто тринадцать тысяч градусов. Мезовещество используется мало, даже в звездолетной технике, его применяют главным образом в физических ядерных лабораториях. Слыхал о новом материале: там, где не требуется большая прочность, предлагают применять какую-то биоорганическую клетчатку — материал, который сам восстанавливает повреждения. Говорят, собираются выращивать из этого материала готовые дома. Активные вещества используются только в медицине, в лабораториях и при некоторых космических исследованиях.

АВТОМАТИКА И КИБЕРНЕТИКА. Как и следовало ожидать, расцвет необычайный. Пока мы летали к УВ Кита, окончательно завершена Вторая Промышленная Революция. Рутинный умственный труд, управление однообразными процессами, все, что поддается алгоритмированию, изгнано из труда людей. Человек больше не управляет процессами, не делает статистических подсчетов, не рассчитывает новые машины и процессы. Он иногда снисходит до надзирания за управлением, всю статистику и даже выводы из статистики (стандартные, конечно) ведут машины, расчетом новых процессов и механизмов

тоже занимаются инженерные машины, человек дает только идеи. Такое впечатление, будто вся творческая мысль человечества брошена только на то, что не может быть (пока) математически точно оформлено. Мне рассказали, что есть комплексные машины-предприятия, в которые только закладываются конструктивные данные и программа. Затем эти предприятия самостоятельно определяют оптимальные варианты материалов и их транспортировки, изменяют свою структуру в соответствии с требованиями программы и пускаются выплевывать одну машину за другой. А грузовики с киберуправлением развозят эти изделия к потребителям — часто тоже автоматическим заводам. Впрочем, почти при каждом заводе есть институт или исследовательское бюро. Сотрудники их часа по три-четыре в сутки присматривают за режимом работы заводов своих, ища, нет ли еще чего уточнить или упростить. Между прочим, кажется, уже назревает Третья Промышленная Революция. Уже созданы и испытаны первые модели эмбриомеханических устройств — устройств, которые получают программу и самостоятельно развиваются в любое заданное устройство. Черт знает, что делается!

АГРОНОМИЯ. Как и следовало ожидать, производство пищевой и технической биомассы полностью механизировано и ведется непрерывным потоком. Широко применяются всевозможные стимуляторы — бактериальные, лучевые, химические и какие-то еще, благодаря чему пшеницу, рожь, рис, просо, гречку получают полными урожаями по три-пять раз в год. Здесь, конечно, большую роль играет и полная власть над климатом. Каждая крупная зерновая фабрика имеет возможность устанавливать над своими полями такую погоду, какая ей заблагорассудится. И еще: селекция позволяет теперь очень быстро создавать растительные и животные организмы с нужными свойствами. Кстати, в земледелии применяются методы биологической вспашки — кажется, это какой-то особый вид червей,— а также системы севооборотов, сущности которых я пока не понимаю. Совершенно необычайные дела делаются в морях и океанах (про реки и говорить нечего). Китов разводят и пасут, как коров. Огромные площади засевают разными видами планктона. Крабов приучили по достижении зрелого воз-

раста самостоятельно мигрировать к крабоконсервным фабрикам. В океанском «сельском хозяйстве» занято около пяти миллионов человек. Хищники и вредители по мере возможности истребляются беспощадно. «По мере возможности» потому, что большие глубины — свыше двух километров — изучены еще мало и слабо. Поэтому, как мне рассказали, получилась большая неприятность: за последние несколько лет почти полностью истребили головоногих — кальмаров и спрутов, и кашалоты начали вымирать, потому что головоногие для них — главная пища. Сейчас пытаются спешно выправить положение.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ. Машины и приборы, подлежащие серийному выпуску, а также предметы бытового обихода и пищевые фабрикаты производятся непрерывно и без всякой статистики и учета. В Мировом Статистическом информарии есть только сведения о наличии на складах готовой продукции к концу рабочей недели. Если это количество обнаруживает тенденцию к увеличению, данную продукцию с производства снимают. Если количество уменьшается — производство увеличивается. За этим следят ребята в Экономических Советах Хозяйственных сфер. Работа там, как говорят, нудная, но и на нее есть энтузиасты. Уникальные машины и приборы производятся исследовательскими институтами и лабораториями — для себя и для тех, кто попросит. Случаи «затоваривания» очень часты — изобретаются все новые устройства и механизмы, пользоваться старыми неинтересно, и старые лежат на складах. Тогда на склады приходят инженеры и думают, как можно старые модели заставить конкурировать с новыми. Когда это удается, старые модели подвергаются обновлению. Когда не удается — все безжалостно идет в переплавку. Энергии достаточно, затраченный труд не является непосредственно человеческим, так что угрызений совести испытывать не приходится.

НАУКА. Почти ничего не знаю. Кажется, биологи наконец разгадали мозг, учатся его копировать и даже создавать искусственно. На днях закончился первый эксперимент по кодированию мозга — не знаю, что это значит. Техники вовсю пользуются биологией для проектирования новых машин. Ведутся работы по регенерации утраченных конечностей и органов. В математике передний край проходит по созданию геометрии

физической точки со статистически заданной поверхностью. Ну, для меня это слишком сложно, но считается, что отставание этой области сильно тормозит целый ряд разделов физики. Собственно, физики больше не существует. Ядерная физика давно уже стала чисто технической дисциплиной, также и электроника. Теоретические и опытные работы ведутся в области вакуумистики и физических гиперпространств — в последней области успехи уже позволили создать сверхдальние звездолеты и осуществлять свободно галактические перелеты. Выход в гиперпространство и называется деритринитацией. В зависимости от рода гиперпространства деритринитация бывает альфа, бета, гамма и сигма. Поздно, слишком поздно для меня. Создана и успешно развивается субатомистика. Что же касается гуманитарных наук, то о них я знаю еще меньше. Вероятно, они на высоте, особенно педагогика и психология, потому что сейчас на Земле две трети взрослых — педагоги и врачи разных профилей».

Перечитав написанное, штурман остался недоволен. Все это помогало мало. Все-таки главное — это были люди. В них был ключ. И этот ключ был пока для него недоступен, потому что штурман по проклятой застенчивости характера своего и привычке к нелюдимости никак не мог обзавестись товарищами. Впрочем, он отлично знал, что бессмысленно пытаться искать товарищей где бы то ни было, помимо совместной работы. А работы у него все еще не было.

Оставалось полагаться на собственные впечатления. В общем, как ни крути, праправнуки были, по-видимому, отличные ребята и мало отличались от прапрадедов. Проверим. Начнем с черных сторон жизни. Во все времена и у всех народов были люди-паразиты, совершенно бесполезные для человечества. Вредные именно своей бесполезностью, более вредные с точки зрения штурмана, чем даже открытые враги человечества, всякие Гитлеры или как их там, ибо враги эти появлялись из их среды и наливались соками именно в их среде, прежде чем выйти на открытую арену. С каждым веком их становилось все меньше, их влияние становилось все слабее, но они оставались, поражая всё ядом равнодушия, трусости и пошлости.

В девятнадцатом веке это были, как явствовало из литературы, соблазнители модисточек, фланировавшие по Невскому проспекту с тросточками и в цилиндрах, а также мордастые сонные лакеи и приказчики в поддевках, в лакированных сапожках, с жирными икрами. В двадцатом веке это были — тоже, как явствовало из литературы — безмозглые и безграмотные прыщавые [2 строки заклеены и нечитаемы из-за вставки на обороте.— *С. Б.*] вечера напролет торчащие в подворотнях домов, предназначенных на слом. В двадцать первом веке — это уже штурман видел сам — это были истощенные любовью хлыщи с томными взглядами и расшатанной нервной системой, кричащие о необходимости немедленно покончить жизнь самоубийством, а также сонные маслянистые мужчины и женщины, днюющие и ночующие возле бесплатных магазинов, живущие в прихожих, потому что комнаты завалены барахлом, натасканным из этих магазинов.

Сейчас их не было. Видимо, они вымерли своей смертью или с помощью настоящих людей, как исчезли франты с Невского и лакеи, стиляги и хулиганы. Но кто пришел на их место? И пришел ли кто-нибудь? До сих пор штурман встречал людей, которые ему нравились. Что ж, женщины кокетничали и болтали о нарядах, видимо, так будет всегда, но сейчас они были и прекрасными работниками. Девушки шептались — вероятно, о любви, о том, что он сказал и что она сказала. Это тоже древнее и вечное, как мир. Юнцы баловались, когда их не видели взрослые, а иногда и назло взрослым. Тоже понятно. Мужчины любили потолковать о смысле жизни, пожаловаться на невыносимые условия и на бюрократизм «этих врачей и педагогов», побаловаться хорошим коньяком[1] и между делом погордиться своей работой... Все, как было, но только теперь у всех, кажется, чувствовалось нетерпеливое желание всевозможных больших перемен и стремление участвовать в этих переменах. То, что раньше называлось энтузиазмом. Довольно часто можно было слышать фразу: «Если я когда-нибудь буду выбран в Совет...»

[1] Любопытно, что врачей и педагогов, как сказано чуть выше, — две трети населения, а мужчины, получается, в их число не входят. Отчего бы такой дисбаланс? Наверное, из-за хорошего коньяка: по бутылке на нос для настоящих людей не много, одно баловство. — *В. Д.*

Этакое нестерпимое как зуд желание вот сейчас же, немедленно устранить все недостатки. «Если меня когда-нибудь выберут в Совет, я добьюсь, чтобы эту дурацкую лабораторию убрали с Планеты...» (Штурман уже знал, что Планетой теперь принято называть Землю. Милая старушка, ты стала Планетой с большой буквы!) Или: «Если я буду в Совете, мальчишкам запретят болтаться в парках после полуночи». Или: «Когда меня выдвинут в Совет, мы предложим такой проект, что вы все ахнете!» (Это в жестоком споре об ответственности родителей.) Или даже: «Куда смотрит Совет? Держать эти самые кафе открытыми всю ночь — просто антиобщественно!»

Кстати, о родителях. Видимо, в мире давно уже назревает проблема матери. Женщины увлечены жизнью как и мужчины, и они уже не желают тратить драгоценные годы жизни на вынашивание и выкармливание детей. Разум и общественное сознание против биологической необходимости! Очень много случаев, когда женщины отказываются от материнства. Безнравственно? Несомненно. Тем более что медицина научилась сохранять за будущей матерью отличное самочувствие и ясное сознание до последних дней беременности, обеспечивает совершенно безболезненные роды и практически обеспечивает полный уход за ребенком до годовалого возраста, а после этого мать вольна передать ребенка в ясли — дневные, недельные и какие угодно — и быть совершенно свободной. Ясли в этом мире растят ребенка в таких условиях и на таких режимах, о которых сами родители не могут и мечтать. Итак, отказ от материнства безнравственен. Светлое чувство и так далее. По-видимому, он представляется безнравственным и с общественной точки зрения — население Планеты достигло в двадцать первом веке пятнадцати миллиардов и больше не увеличивается. А нужда в рабочих руках — в головах, как теперь говорят — неудержимо растет. Уже не единичны случаи, когда в некоторых отраслях исследований и даже производства люди вынуждены работать по двенадцати часов в сутки, потому что... да все из тех же соображений: нужно скорее, скорее осуществить эту замечательную идею и посмотреть, что получится, а поскольку сменить меня некому, что ж, будем продолжать работу сами, ибо мысль о любой задержке просто нестерпима. Да, безнрав-

ственно и с точки зрения «вечной» морали, и с точки зрения социальной. Но в этом мире не принято приказывать или запрещать. Тем более отвратительно было бы приказать женщинам рожать. Это тоже антиморально и антиобщественно. Необычайное противоречие! И найдется ли из него выход?

И еще другое противоречие. Часть женщин с чрезвычайно выраженным чувством материнства не желают отдавать своих детей в ясли и интернаты. Дети их воспитываются дома, вне влияния передовой психологии и педагогики. Опыт показывает, что, войдя в сферу общения с товарищами по производству, эти «доморощенные» дети — уже взрослые — испытывают значительные трудности, притираясь к коллективу. Правда, эти трудности сравнительно быстро и умело преодолеваются, но ведь можно было бы обойтись и без них... Дети становятся жертвами материнской любви! Сумасшедший мир. И выхода тоже нет. Хотя это пройдет со временем само собой[1].

Правда, следует отдать этому миру справедливость. Первое противоречие в известной мере компенсируется тем, что люди сохраняют возможность творчески работать до полутораста-двухсот лет. Но затем они все равно умирают. Так что, в сущности,противоречие между ослабевшим материнским инстинктом и количественным ростом человечества только вуалируется. И это все понимают.

А какие противоречия есть еще? И есть ли? Есть. Древнее, как мир. Противоречие неравенства. Раньше оно отступало на задний план, когда шли схватки между мирами и когда люди дрались за еду и крышу. А теперь оно обнажено. И иногда мешает жить. Это противоречие в неравенстве способностей. Два мальчика учатся в одном классе. Один учится легко, схватывает все на лету. Другой — тяжелодум, посредственник. В школе это не страшно. В школе эти мальчики даже дружат. Но потом они начинают работать. Часто в одной и той же области, или в смежных. И вот бывший отличник очень быстро становится человеком выдающимся, творцом, а его друг — рядовым работ-

[1] Конечно, пройдет. Дети будут рождаться в инкубаторных баках, притираться к коллективу в яслях и с трех лет работать по двенадцать часов в сутки, сгорая от нестерпимого как зуд энтузиазма. — *В. Д.*

ником. То есть они оба подготовлены еще в школе к творческой работе, но один выполняет то, что блестящей вспышкой таланта задумывает другой. Это тяжело, это портит жизнь, порождает эгоизм и чувство превосходства и собственной ущербности. Когда-то это не замечалось, а теперь всплыло на поверхность. Неравенство в способностях! Сам штурман никогда не считал себя особенно одаренным человеком, и он лично не мечтает поразить новое человечество вспышкой своего таланта. Но вот те, кто выросли в этом мире...

Выход? Есть выход. Наиболее прогрессивные работники в области психологии утверждают — на основе вековых наблюдений,— что нет человека со средними способностями вообще. Есть человек со средними способностями в д а н н о м деле. И всегда найдется дело, в котором[1] [Далее текст отсутствует.]

Превращать роман в футурологическую статью Стругацкие не захотели и просто выпустили Кондратьева походить по городу, посмотреть его глазами на мир будущего. Они пишут второй вариант этой новеллы, уже более близкий к опубликованному. От него в архиве сохранилось шесть страниц (со второй по шестую и шестнадцатая).

...от этого не легче. Они стали такими хорошими, что не способны понять, как это кому-нибудь может быть плохо. Такие вещи у них могут понять только специалисты-психологи. Например, врач Протос. Да, врач Протос.

Мимо Кондратьева, дробно стуча каблуками по ступенькам, сбежали две молоденькие девушки. Последняя — маленькая, в белой блузе и ярко-синей юбке, заглянула ему в лицо. У нее было круглое загорелое лицо, нос в веснушках и отчаянные веселые глаза светло-серого цвета. Что-то в лице Кондратьева поразило ее — глаза ее широко раскрылись, улыбка пропала. На несколько мгновений она остановилась, и тело ее по инерции медленно наклонилось вперед. Затем она догнала подру-

[1] «Свое дело для каждого, и каждый для своего дела». Это, правда, совсем другая... «мечта». (А. Бестер, «Феномен исчезновения».) Противоположности сходятся. — *В. Д.*

ту, что-то шепнула ей, они приостановились, быстро обе оглянулись на него и снова пустились бегом.

Кондратьев глядел им вслед, пока они не скрылись за спиной какого-то толстого мужчины в сером комбинезоне. Да, и все они необычайно здоровые, веселые и переполнены энергии. И не стараются скрыть этого. А я почему-то стараюсь. Хотя я тоже — спасибо Протосу — вполне здоров. Уже неделю, как совершенно здоров. Странно и приятно ощущать себя совершенно здоровым. Не бояться больше сумасшедшей боли в спине и затылке. Иметь возможность, как любой другой человек, вставать, прыгать, ворочать головой, даже выжимать стойку на руках. Но я не могу быть веселым. В этом, наверное, все дело. Я могу сколько угодно быть здоровым, но у меня нет ни радости, ни энергии. А это самое главное здесь. И потому я всегда останусь здесь белой вороной.

Неделю назад, когда он выписывался из больницы, к нему пришли сразу несколько человек. Никольс, член Совета Космогации, потом работник Большой Диспетчерской, Лурье со своей Шейлой, Директор больницы и, конечно, врач Протос. Все собрались в палате Кондратьева, откуда уже была убрана постель. На столе стояли бутылки с вином и вазы с яблоками и виноградом. Все выпили за здоровье штурмана Кондратьева, затем член СК Никольс сказал:

— Да, мы все время считали, что «Альберт Эйнштейн» погиб. В Калуге на площади Рабочих есть даже памятник экипажу «Альберта Эйнштейна».

— Очень неплохой памятник, по-моему,— заметил Женя Лурье.— Просто прекрасный памятник, по-моему.

— Надо будет посмотреть,— сказал штурман, усмехаясь.— Не всякому удается посмотреть на памятник самому себе.

Он сидел, усмехался и барабанил пальцами по колену. Все еще трудно было поверить, что раздавленная кукла опять превратилась в превосходный и отчетливо работающий механизм. Кондратьеву все время хотелось двигаться. Когда на него смотрели Никольс, оператор, Шейла и другие, двигаться было неуместно, поэтому Кондратьев мог позволить себе только барабанить пальцами по колену. Но даже от этого он испытывал наслаждение власти над собственным телом. Кондратьев раз

за разом выстукивал на колене первую фразу из старинного — теперь — «Марша планетолетчиков»: «Огненных молний крутой зигзаг, черного вихря взлет...»[1]

Когда он сказал про памятник самому себе, все засмеялись. Они часто смеялись, люди двадцать второго века, праправнуки. Гораздо чаще, чем их прапрадеды.

— Вы сами — лучшие памятники самим себе,— сказал Никольс.

Штурман насупился.

— Пожалуй,— сказал он.— Мы... я во всяком случае, конечно, живой анахронизм в этом мире.

— Ну что ты, Сережа...— укоризненно сказал Лурье.

— Я не это имел в виду,— перебил его Никольс.— Просто, знаете ли, как у Стивенсона: «Хоум из зэ сэйлор, хоум фром си».

— Да,— усмехнулся Кондратьев.— Только там двумя строчками выше сказано еще: «Хиэ хи лайз уэа хи лонгд ту би».

Никольс спокойно, глядя ему в глаза ласковым взглядом, сказал:

— Вам только надо заменить одно слово в этой строчке. Не «хиэ хи лайз», а «хиэ хи ливз». Или «хиэ хи уоркс». Впрочем, это одно и то же. Вы открыли нам путь в глубокий космос. Это досталось вам не легко. И вам, и многим другим. Вы потеряли свое время и своих друзей, но, поверьте, вы найдете теперь новых друзей и свое новое время. Так я говорю? — спросил он, обращаясь к остальным.

Все кивнули, улыбаясь.

— Возможно,— проворчал штурман.

— Вы не верите? — живо спросил Никольс.

Штурман пожал плечами. Никольс повернулся к Протосу:

— Скажите, врач Протос, может штурман Кондратьев работать?

— Штурман Кондратьев не может не работать,— сказал Протос.— Как и любой из нас. Но дело в том, что... Я бы посовето-

---

[1] Вариант этого марша включен в новеллу «Десантники». Авторы, видимо, имели в виду исполнение марша на мотив замечательной песни из ленфильмовского кинофильма «Последний дюйм» по рассказу Дж. Олдриджа (М. Вайнберг, слова М. Соболя, 1958 г.), хотя размер и не совсем совпадает. — *В. Д.*

вал штурману Кондратьеву сначала хорошенько осмотреться и избавиться от своих сомнений. Я уже говорил об этом со штурманом.

— От каких сомнений? — спросил оператор и поглядел сначала на штурмана, затем на Протоса.

Врач Протос не ответил. Штурман тоже не ответил. Врач Протос хорошо понимал его. Лучше, чем Женька Лурье. Лучше всех в этом мире.

Кондратьев так задумался, что не заметил, что эскалатор кончился. Он едва успел соскочить на упругую рубчатую площадку перед выходом из здания, и эскалатор сейчас же остановился. Видимо, на эскалаторе никого не было — он включался только тогда, когда кто-нибудь ступал на ступеньку.

Куда же теперь? — подумал Кондратьев. Он вышел на улицу, широкую и светлую, словно площадь большого города, и остановился, оглядываясь. Это был проспект Восьмого Марта — одна из центральных магистралей уральской столицы. С воздуха такие проспекты казались Кондратьеву гипертрофированными стартовыми полосами для трансокеанских лайнеров эпохи первых звездных. Стартовыми полосами, края и середина которых по чьей-то дикой фантазии засажены ровными шеренгами великолепных сосен и полосами густого кустарника. Стартовыми полосами, окаймленными бесконечными рядами сверкающих стеклом и пластмассой легких многоэтажных зданий. Это зрелище казалось совершенно нелепым бывшему штурману-звездолетчику Кондратьеву, но он никак не мог отделаться от ощущения необычайной свежести и чистоты, какой-то радости и веселого спокойствия, исходившего от высоких коричневых сосен, от сплошных, каких-то диких зарослей кустарников с мягкими колючками, от блестящих стен домов, от матово-серой, безукоризненно гладкой поверхности тротуаров. Впрочем, здесь, в этом городе, все улицы представляли собой сплошные тротуары. Кажется, в городе наземные машины были только грузовыми или специальными, они проносились где-то под городом, и улицы были отданы в безраздельное пользование пешеходам. Улицы-площади. Улицы-сады. Улицы-стадионы и улицы-пляжи. Редко-редко над центральным сквером осторожно снижались вертолеты или какие-то

странные шарообразные аппараты, из них прямо в траву соскакивали люди, и вертолеты и летательные аппараты немедленно взвивались в небо и уходили за крыши. А по краям центрального сквера тянулись бесконечной лентой удивительные самодвижущиеся дороги. Они тянулись через многие города, образуя беспрерывную разветвленную материковую систему от Пиренеев до Тянь-Шаня и на юг, через равнины Китая, до Ханоя. И это казалось Кондратьеву куда более неправдоподобным, чем способность праправнуков достигать отдаленнейших звезд за считанные месяцы.

И люди на улицах. Их было очень много, этих праправнуков на странных улицах странного города. Старые и молодые — впрочем, самые старые вряд ли могли быть намного старше штурмана,— веселые и озабоченные, молчаливые и беспечно болтающие. Они шли, стояли парами и группами, сидели в траве под соснами или прямо на мягком сером «асфальте». Некоторые даже лежали. Мужчины постарше были в длинных брюках и мягких куртках с открытым воротом, женщины — тоже в брюках или в длинных платьях строгой изящной раскройки. Молодые люди и девушки почти все были в коротких широких штанах и белых или светло-голубых блузах. Впрочем, встречались и модницы в пурпурных или золотых плащах-тогах, наброшенных на короткие белые туники, открывавшие всегда загорелые крепкие ноги. На них оглядывались — иногда с восхищением, иногда с насмешкой, как показалось Кондратьеву, иногда даже с завистью. Все эти люди — и те, что куда-то спешили с озабоченными лицами, и те, что шли неторопливо, то и дело останавливаясь и присоединяясь то к одной, то к другой группе вокруг сидевших или лежавших (эти сидевшие и лежавшие играли в какую-то игру, о которой штурман понятия не имел), и те, что медленно брели парочками, прижимаясь друг к другу немного теснее, чем этого требовало обычное человеческое дружелюбие,— все они были пока чужими. Кондратьев еще не понимал их. Мало того, он сомневался, что когда-нибудь поймет их. А впрочем...

Кондратьев медленно пошел наискосок через улицу к блестящим полосам самодвижущихся дорог. Он шел мимо людей, прислушиваясь и приглядываясь, не привлекая, по-видимому, к себе особого внимания. Только иногда кто-нибудь случайно

взглядывал в его лицо, и тогда Кондратьев видел на мгновение округленные удивлением глаза, озадаченные лица, приоткрытые на полуслове рты.

<...>

— Красиво,— сказал Кондратьев.— Это Желтая Фабрика?

— Да.— Человек подошел ближе и вгляделся в лицо штурмана.— Вы, вероятно, глубоководник? — спросил он неожиданно.

— Нет. Почему вы так думаете?

— Глубоководники никогда ничего не знают.

— Нет, я не глубоководник.

Они помолчали.

— Что там делается? — спросил Кондратьев.

— Мы производим телепласты. Там...— Рука человека на мгновение вытянулась к колпаку.— Там давление в десятки тысяч атмосфер... Температуры, вакуум...

— А если колпак взорвется? — спросил штурман.

— Колпак не взорвется.

Они опять помолчали, затем человек добавил:

— Не было еще случая, чтобы колпак взорвался. Для этого нужны температуры и давления в десятки раз бóльшие. У нас котел еще не очень мощный. Вот Серая Фабрика под Лхассой...— Он вздохнул.— На там работают только самые опытные операторы.

— Сколько вам лет? — спросил Кондратьев с любопытством.

— Двадцать восемь.

— Вы здесь работаете?

— Да. Нас здесь пятнадцать человек. Два года бьемся, не можем отрегулировать автоматику.

— Ничего, еще отрегулируете,— сказал Кондратьев рассеянно.

— Конечно,— сказал человек.— Обязательно. Ну, я пошел. До свидания, товарищ.

— До свидания,— сказал Кондратьев. Он мог бы пойти вместе с этим работником, но ему хотелось побыть одному.

Опубликованные варианты журнала «Урал» и в «Возвращении» практически не отличаются друг от друга, но отличаются от варианта 67-го года. Авторы сократили разговор в кафе Кондра-

тьева с улетающими на Венеру добровольцами, переделав диалог во впечатление Кондратьева от этого разговора. Ниже приводится диалог из журнала «Урал»:

— Ура звездолетчикам! — неожиданно заорал юноша и протянул к Кондратьеву стакан.

— Ура! Ура! — охотно откликнулось кафе, кто-то запел превосходным гулким басом: «Тяжелые громады звездолетов уносятся в Ничто...» — остальных слов разобрать было невозможно, все потонуло в невообразимом шуме, смехе, аплодисментах... Кондратьев торопливо отхлебнул из стакана и снова уткнулся в тарелку. Селянка была превосходна.

Химик-технолог тоже ел селянку, одновременно рассказывая:

— С Д-космолетами мы уже через месяц будем иметь на Венере полмиллиона человек... Все оборудование и снаряжение... Нужны свои заводы. Хватит! Сто лет живем там как собаки — носа не высунешь без спецкостюма. Давно пора!..

— Совершенно незачем было там жить,— сказала вдруг хирург Завадская.

— Как вы можете так говорить? — жалобно запищала оператор тяжелых систем.— Всегда вы так, Елена Владимировна... Вы ее не слушайте,— обратилась она к Кондратьеву.— Елена Владимировна всегда так, а на самом деле вовсе этого не думает...

— Нет, думаю.— Елена Владимировна поглядела на девушку.— И моя точка зрения известна Совету. Прекрасно можно было поставить там автоматические заводы и уйти оттуда.

— Уйти? — химик усмехнулся.— Еще чего!.. Нет уж, матушка Елена Владимировна, уйти...

Юноша произнес металлическим голосом:

— Куда ступила наша нога, оттуда мы не уйдем.

— Там слишком много наших могил,— крикнула девушка-оператор.

— В том-то и дело,— сказала Елена Владимировна.— А теперь и еще будут.

— На Земле тоже умирают,— возразил юноша.— Даже великие. Даже молодые! И если нужно умереть для того, чтобы после нас жили, любой из нас пойдет без колебаний на смерть. Так всегда было и всегда будет!

«Эк его!» — подумал Кондратьев с восхищением.

— Мы не позволим вам умирать,— спокойно ответила Елена Владимировна.

— Ах, да не в этом дело.— Девушка даже раскраснелась.— Мы не об этом говорили. У вас, Елена Владимировна, так получилось, будто план «Венера» не нужен.

— Да, не нужен,— сказала просто Елена Владимировна.

— То есть как не нужен? — угрожающе спросил химик, отодвигая тарелку.— Нас там двадцать тысяч человек, мы даем Земле семнадцать процентов энергии, восемьдесят пять процентов редких металлов, и все живем как собаки. В оранжерею полежать на травке ходим по очереди. Голубого неба месяцами не видим...

— Так зачем же вы там торчите? — вмешался в разговор широкоплечий человек, сидевший за соседним столиком.— Обошлись бы как-нибудь без ваших процентов...

— У тебя не спросили,— ответствовал химик, не поворачивая головы.

Широкоплечий немедленно схватил свой стул и втиснулся между Кондратьевым и Еленой Владимировной.

— Не спросили?! — возмутился он.— Зря не спросили! — Он повернулся к Кондратьеву.— Я — шахтер Зегерс. Посудите сами, штурман Кондратьев. Мы десять лет роем шахту к центру Земли. Нас тоже десять тысяч. Теперь всё бросают на Венеру. У нас отбирают производственные мощности и просят помочь. Где же справедливость?

— А вы бы отказались,— посочувствовал штурман. На лицах праправнуков изобразилось замешательство, и Кондратьев понял, что наконец-то что-то ляпнул. На него смотрели так, словно он посоветовал шахтеру обокрасть детский сад.

— Так ведь на Венере тоже нужны шахты,— сказал шахтер натянутым голосом.

— Простите,— пробормотал Кондратьев.— Я, кажется... В общем, не обращайте на меня внимания.

Все заулыбались. Шахтер, сообразив, видимо, что от экс-штурмана толку мало, апеллировал к хирургу-эмбриомеханику Завадской:

— Ведь верно, Елена Владимировна?

— Вашу шахту я предлагала закрыть пять лет назад,— ледяным голосом сказала Елена Владимировна.

Химик злорадно захохотал.

— О врачи, врачи! Выбираем мы вас в Совет на свою голову!

— Мы хотим работать! — горячилась девушка.— Чтобы весело было и трудно! А как же иначе? Что мои тяжелые системы на Земле? Ну, передвинуть домик с места на место, ну, котлованчик для фабрики отрыть... Да разве я это только могу? Дайте мне построить ракетодром.— Она взмахнула сжатым кулачком.— Дайте построить город на болоте! И чтобы буря была! И подземные взрывы! И чтобы потом сказали: «Этот город строила Марина Черняк», понимаете?

— Конечно... без бури и взрывов было бы лучше,— негромко сказал химик.

— Правильно, Маринка! — закричали за соседними столиками.— А то зажали нас здесь, на Земле, и развернуться негде...

За спиной Марины воздвигнулся худющий юноша с большим носом.

— Это все правильно,— произнес он рассудительно.— Я сам подрывник и ужасно хочу больших взрывов. Но есть еще другая сторона. Самая главная, простите меня, Елена Владимировна. Двадцать тысяч человек работают на Венере в ужасных условиях. Это очень хорошие люди. Я бы прямо сказал, лучшие люди. А мы, пятнадцать миллиардов землян, никак не соберемся им помочь! Это просто срам! Ну и что же, что они хотят работать на Венере? Это их право — работать на Венере! И раз они не хотят уходить оттуда, мы должны им помочь. И, простите, Елена Владимировна, поможем.

— Милый! — растроганно пробасил химик-технолог.— Милые вы мои пятнадцать миллиардов! Нет, я просто обязан съесть еще одну порцию!

Елена Владимировна бесконечно умными глазами поглядела на носатого юношу, улыбнулась и сказала:

— Да, да, в том-то все и дело.

«Ах, молодцы, молодцы,— весело подумал Кондратьев.— Черт знает что! Все правы!»

— Елена Владимировна,— понизив голос, спросил он,— а вы-то сами почему летите на Венеру?

— На Венере пока еще очень мало хирургических кабинетов,— тоже вполголоса ответила Елена Владимировна.— А я хирург-эмбриомеханик. Я могу работать без кабинета, в любых условиях, даже по пояс в болоте...

Кондратьев огляделся. Шахтер перебрался поближе к химику и юноше-подрывнику. Спор между ними разгорелся с новой силой. Коренастый метеоролог шептался с оператором тяжелых систем. Елена Владимировна, прищурившись, задумчиво смотрела поверх голов.

В издании 62—63 и 67 годов эта новелла заканчивалась словами: «С вами я тоже согласен,— ответил Кондратьев». В «уральском» варианте было добавлено:

На веранде захлопали в ладоши. Женский голос крикнул:
— «Марш добровольцев»! Прошу подпевать!

Мы пройдем горячими черными пустынями —
Миллионы яростных, сильных, молодых!
Если надо будет — горы передвинем мы,
На вулканах атомных взрастим сады!

И кафе подхватило так, что Кондратьев вздрогнул.

Если надо будет — горы передвинем мы,
На вулканах атомных взрастим сады!

В «Комментариях» к собранию сочинений Б. Н. Стругацкий пишет: «Однако парочку-другую «лакейских» абзацев мне таки пришлось из повести выбросить, готовя ее к настоящему изданию. И первой же жертвой чистки стала многометровая статуя Ленина, установленная над Свердловском XXII века по настоятельной просьбе высшего редакционного начальства — таким образом начальство хотело установить преемственность между сегодняшним и завтрашним днем. Мы, помнится, покривились, но вставку сделали. Кривились мы не потому, что имели что-нибудь против вождя мировой революции, наоборот, мы были о нем самого высокого мнения». Эта вставка выглядела так:

Стеклянные этажи над вершинами сосен внезапно кончились; гигантская глыба серого гранита выросла спереди. Кондратьев поднялся. На вершине глыбы, вытянув руку над городом, весь подавшись вперед, стоял Ленин — такой же, какой когда-то стоял, да и сейчас, наверное, стоит на площади перед Финляндским вокзалом в Ленинграде. Ленин протягивал руку над этим городом и над этим миром, над сияющим и прекрасным миром, который он видел два столетия назад... Кондратьев стоял и смотрел, как громадный монумент уходит в голубую дымку над стеклянными крышами.

«СКАТЕРТЬ-САМОБРАНКА»

Эта новелла публиковалась только в романе, но существовала она и в виде отдельного рассказа. Правда, рассказ этот так нигде и не был опубликован и сохранился в архиве в двух похожих вариантах.

СКАТЕРТЬ-САМОБРАНКА

(фантастическая история)

1

— Вот вы говорите — синхрофазотрон,— сказал Литературовед.— Хорошо. Вы мне объяснили, что это такое, и, предположим, я ничего не понял.

— Предположим,— сказал сосед-Физик и тонко улыбнулся.

— На мой взгляд, самое ужасное заключается не в этом.

Они стояли у калитки на ровной дорожке, посыпанной крупным красным песком. Из-за кустов смородины в глубине сада поднимались стены дач: белые — Физика и кремовые — Литературоведа и его жены. Темная зелень отражалась в стеклах веранды.

— А в чем заключается самое ужасное? — спросила жена Литературоведа.

— А в том, дорогие мои, что сейчас — на данном этапе развития цивилизации — средний человек лишен возможности по

смыслу некоего технического термина определить, что он — термин — означает.

— Например — электровоз,— сказала жена. Физик вежливо засмеялся.

— Нет-нет, позволь... Хотя, действительно, электровоз. То, что везет с помощью электричества. Или — гидролиз. Гидро — вода, лизис — разложение. Разложение водой. Теперь — новая терминология, скажем, ваш синхрофазотрон. Синхро — синхронос — одновременный. Фазотрон — тут уж я пас. Услышав слово, я не в состоянии понять, что оно может означать.

— Мне это не кажется ужасным,— сказал сосед-Физик.— Я даже как-то не задумывался, что означает слово «синхрофазотрон»[1].

— Естественно, раз вы с ним работаете,— сказал Литературовед.— Но что делать нам, гуманитарам? Например, я читаю рекламный проспект завода универсальных кухонных машин и встречаю там термин «триггерная ячейка»...

— Кстати,— сказала жена Физику.— Мы приобрели универсальную кухонную машину. Приходите посмотреть и попробовать, как она готовит.

— Благодарю вас,— сказал Физик.— Но кухонная машина — это не последнее слово...

Он взглянул на свои часы и вскричал:

— Ради бога, извините! Я же приглашен... Уже три часа, а я еще не одет!

Он махнул рукой и побежал к своей даче, мелькая загорелыми плечами в лучах солнца, кое-где пробивающихся сквозь зелень. Литературовед сказал, провожая его глазами:

— Не последнее слово. Еще бы! Если он работает с синхрофазотроном.

Супруги прошли по саду и свернули к дверям своей дачи.

У дверей, рядом со ступеньками стоял большой ящик.

---

[1] Ничего себе физик! Научные термины — это, как правило, искусственные слова, их структура вовсе не бессмысленна, и профессионал не может ее не знать. Так, синхрофазотрон — это не «синхро-фазотрон», а синхротрон с автофазировкой пучка (древняя, давно вымершая конструкция ускорителя заряженных частиц). В названии подчеркнуты особенности конструкции. — *В. Д.*

— Она! — сказал Литературовед.— Смотри, Танечка: она! Молодцы «Доставка на дом»!

Они бегом кинулись к ящику.

— А какая упаковка! — сказал Литературовед.— Прелесть. «Красноярск»,— прочитал он сбоку.— Она!

— А ну-ка, взялись,— деловито скомандовала жена, ухватившись за ящик.

Ящик оказался совсем легким, и они втянули его в кухню без особого труда и там поставили посередине, отодвинув стол. Литературовед сильно потер руки и сказал:

— Шекснинска стерлядь золотая...

— Распаковывай,— сказала жена.— Я накрываю на стол.

Литературовед принялся распаковывать, громко цитируя наизусть рекламный проспект:

— «Универсальная Кухонная Машина «Красноярск-2» есть автомат с полукибернетическим управлением, рассчитанный на шестнадцать стандартных сменных программ. УКМ объединяет в себе механизм для переработки сырья, сдабривания специями и обработки различными температурами (варение, жаренье, готовка на пару), а также механизм мойки и сушки столовой посуды. УКМ одновременно способна готовить обед из трех блюд, в том числе на первое: щи свежие с мясом, борщ украинский, суп из свежих (сушеных) грибов (вегетарианский), окрошка летняя; на второе — бифштекс по-английски...»

— Не надо,— сказала жена.

Литературовед громко глотнул и сказал:

— Сил нет ждать инструктора.

— А зачем нам его ждать? — сказала жена, подходя к машине, которая стояла, горделиво поблескивая гладкой пластмассой стенок, среди вороха мятой бумаги.— И не думай даже — ждать. У Вари точно такая же машина, и я уже делала на ней гуляш. Это совсем просто. Здесь,— она стала показывать,— окно для подачи продуктов. Здесь окно для подачи посуды. Здесь — выход продукции...

Литературовед обошел машину сзади и, открыв какую-то дверцу, сказал:

— Ага. Вот система настройки, по-видимому. Кишок-то, кишок! Не дай бог, она испортится...

— Только почему-то четыре кнопки,— сказала жена.— У Ва-риной машины кнопок гораздо больше — двенадцать.

— Значит, это усовершенствованная машина,— сказал Литературовед.

— Вероятно,— сказала жена.— Ну конечно. Четыре кнопки — первое, второе, третье...

— И четвертое,— сказал Литературовед.

— Да. Четвертое. Чай, например. Или пирожки.

— А может быть, это четыре стихии Фалеса Милетского? — сказал Литературовед.— Вода, огонь, воздух, земля. Или четыре арифметических действия.

Он был настроен скептически.

— Принеси, пожалуйста, мясо из холодильника,— сказала жена.— И картошку.

— Так,— сказал муж.— И что будет?

— Гуляш,— сказала жена довольно резко.

Когда Литературовед принес продукты, жена сказала:

— Я поняла, зачем четвертая кнопка — для нарезки хлеба.

— А,— сказал Литературовед, но возражать не стал.

Жена вложила мясо и картошку в окно справа и со шнуром в руке отправилась в угол кухни к розетке.

— Включи машину,— сказала она издали.

— Как? — осведомился Литературовед.

— Нажми кнопку.

— Какую?

— Господи — вторую! Мы же делаем гуляш.

Машина ответила на нажатие кнопки глухим рокотом. На переднем щитке ее зажглась белая лампочка, и Литературовед, заглянувший в окно подачи продуктов, увидел, что там ничего нет.

— Кажется, она приняла мясо,— сказал он изумленно. Он не рассчитывал на это.

— Ну вот видишь,— сказала жена с удовлетворением.

Они стояли рядом и любовались своей машиной и слушали, как она щелкает и жужжит. Потом белая лампочка погасла и зажглась красная. Машина перестала жужжать.

— Всё! — весело сказала жена и пошла к столу за тарелками.— Вынимай гуляш.

Литературовед обеими руками взялся за ручки в верхней части машины и потянул их к себе. Из машины выдвинулось не-

что вроде ящика, и странный запах распространился по комнате.

— Что там? — спросила жена.

— Посмотри сама,— сказал Литературовед. Он стоял, держа в руках ящик, и со странным выражением на лице рассматривал его содержимое.

Жена посмотрела и сказала: «Ой». В ящике лежала пачка каких-то тонких листов — красных, испещренных белыми пятнами. От листов поднимался смрад.

— Боже мой! — сказала жена и взяла верхний лист двумя руками, и лист сломался у нее в пальцах, и куски его упали на пол, дребезжа, как консервная жестянка.

— Прелестный гуляш,— сказал Литературовед.— Гуляш Гремящий. Пятая стихия. Интересно, каков он на вкус?

Жена, глядя в сторону, сунула кусочек гуляша в рот.

— Я всегда говорил, что ты мужественная женщина,— сказал Литературовед, следя за ее движениями.— Ну?

— Очень хорошо,— сказала жена металлическим голосом и быстро вышла из кухни. Тогда муж поискал глазами, куда бы все это высыпать и вывалил содержимое ящика в кучу оберточной бумаги. Запах усилился. Жена вернулась с буханкой хлеба.

— Какую кнопку ты нажал? — спросила она.

— Вторую сверху,— робко сказал Литературовед, и ему сразу же стало казаться, что он нажал вторую снизу.

— Я уверена, что ты нажал четвертую кнопку,— сказала жена и решительно сунула буханку в «окно подачи продуктов».— А это хлебная кнопка.

Литературовед хотел было спросить, как это может объяснить странные метаморфозы, происшедшие с мясом и картошкой, но вовремя остановился. Жена оттолкнула его в сторону и, сухо сказав: «Извини», нажала четвертую кнопку. Раздался какой-то лязг, и стали слышны частые негромкие удары.

— Видишь,— сказала жена.— Режет хлеб.

— Хотел бы я знать, что там сейчас делается внутри,— глубокомысленно сказал Литературовед.

Жена не ответила.

— Почему-то не загорается лампочка,— сказал Литературовед.

Машина стучала и пофыркивала, и это длилось довольно долго, так что Литературовед начал уже обдумывать вопрос, на что нужно нажать, чтобы ее остановить. Потом машина издала приятный для слуха звон и принялась мигать красной лампочкой, не переставая жужжать и стучать.

— Я всегда думал,— сказал Литературовед, глядя на часы,— что приготовить гуляш легче, чем нарезать хлеб.

— А куда ты, собственно, спешишь? — осведомилась жена.

Это был резонный вопрос. Спешить было совершенно некуда.

Через три минуты Литературовед обошел машину и заглянул внутрь. Он не увидел ровным счетом ничего такого, что могло бы послужить пищей для размышлений. Ничего такого, что могло бы послужить просто пищей, он тоже не увидел. Поднявшись, он встретился глазами с женой и в ответ на ее вопрошающий взгляд покачал головой.

— Там все в порядке,— сказал он. Он ничем не рисковал, делая это заявление. Оставалось еще две неисследованные кнопки, а также масса всевозможных сочетаний.

— Ты не могла бы ее остановить? — спросил он жену. Жена не ответила, и некоторое время они еще стояли в ожидании, глядя, как машина мигает лампочками — белой и красной попеременно.

Потом жена протянула руку и ткнула пальцем в самую верхнюю кнопку. Раздался звон, и машина остановилась. Стало тихо.

— Хорошо как,— невольно сказал Литературовед. Было слышно, как ветер шумит кустами и стрекочут кузнечики.

— Куда ты девал ящик? Горе мое! — сказала жена. Он испуганно оглянулся и увидел, что ящик стоит на столе среди тарелок.

— А что такое? — спросил он.

— Ты же забыл вставить на место ящик, и теперь я не знаю, где нарезанный хлеб.

Литературовед обошел машину кругом и заглянул в оба окна — справа и слева. Хлеба не было. Он со страхом посмотрел на черную глубокую щель в машине, где раньше был ящик. Машина ответила угрожающим взглядом красной лампочки.

— М-может быть, мы обойдемся без? — спросил Литературовед неуверенно.

— Как так — без? Какой может быть обед без хлеба?

— А он вообще может быть? — спросил Литературовед и залез рукой в щель. Там было горячо, и он нащупал какие-то гладкие поверхности, но это был не хлеб. Он вытащил руку и пожал плечами.

— Нет хлеба,— сказал он и, став на колени, заглянул под машину.— Тут какой-то шланг,— сказал он.

— Что? — спросила жена. В голосе ее был ужас.

— Нет-нет, это не хлеб,— сказал он.— Успокойся. Это действительно шланг.

Литературовед вытащил из-под машины длинную гофрированную трубку с блестящим кольцом на конце.

— Глупый,— сказала жена.— Ты же не подключил к машине воду! Понимаешь — воду! Вот почему гуляш вышел таким...

— Н-да,— сказал Литературовед, косясь на останки гуляша.— Воды в нем действительно немного... Но где же все-таки хлеб?

— Ну, не все ли равно! — сказала жена весело.— Словно мы не можем сходить и купить еще хлеба. Смотри, вот я подключаю шланг к водопроводу.

— А может быть, не стоит? — с опаской сказал Литературовед.

— Что значит — не стоит! Сейчас я принесу овощи, а ты вставь ящик.

На этот раз машина, побужденная к действию нажатием первой кнопки сверху, работала секунд тридцать-сорок.

— Неужели борщ тоже выливается в ящик? — сказал муж, нерешительно берясь за ручки.

— Давай-давай,— сказала жена.

Ящик был до краев наполнен розовой кашей, лишенной запаха.

— Борщ украинский,— сказал Литературовед веско.— Это похоже на...

— Вижу сама,— сказала жена.— Иди немедленно к соседу. Позови его. Он физик. Иди немедленно!

— Иду,— сказал он. В коридоре он заглянул в холодильник. Холодильник был пуст.

2

— Войдите,— сказал голос Физика.

Литературовед вошел и, пораженный, остановился в дверях.

— Надеюсь, супруги с вами нет,— сказал Физик.— Я не одет.

На нем была плохо выглаженная рубаха и яркий галстук. Из-под рубахи торчали голые загорелые ноги. На полу по всей комнате были разложены какие-то странные детали и валялась мятая бумага. Физик сидел прямо на полу, держа в руках ящик с окошечками, в которых бегали световые зайчики.

— Что это? — спросил Литературовед.

— Это тестер,— сказал Физик устало.

— Нет, вот это все...

Физик огляделся и сказал:

— Это — Универсальная Стиральная Машина «Красноярск-16» с полукибернетическим управлением. Стирает, гладит и пришивает пуговицы. Идите сюда, только осторожнее, не наступите...

Литературовед посмотрел под ноги и увидел кучу черного тряпья, лежащего в луже воды. От тряпья еще шел пар.

— Это мои брюки,— сказал Физик.— Я хотел их выгладить. Я думал, что так будет лучше.

— Значит, ваша машина тоже не в порядке,— сказал Литературовед.

— Она в полном порядке,— сказал Физик сердито.— Я разобрал ее по винтикам и целиком понял принцип работы. Вот видите — это подающий механизм. Это анализатор — я его не стал разбирать, но он и так в порядке. Вот транспортный механизм и система терморегулирования. Машина в полном порядке. Но у нее почему-то двенадцать клавиш программирования, а в проспекте было сказано — четыре. Я думаю, вся беда в этом...

— Четыре? — спросил Литературовед.

— Угу,— сказал Физик, рассеянно почесывая колено.— А почему вы сказали «ваша машина тоже»? У вас тоже есть стиральная машина? Мою мне привезли всего час назад. «Доставка на дом».

— Четыре,— повторил Литературовед упавшим голосом.— Не двенадцать. Скажите, а вы не пробовали закладывать в нее мясо?

«Уральский» вариант значительно отличается от последующих. В начале новеллы Женя и Шейла читали книги. А здесь:

Шейла и Женя смотрели стереовизор. Славин сидел на полу. Шейла лежала рядом и грызла яблоки. Показывали фильм «Стажер» — о приключениях планетолетчиков начала двадцать первого века. Отважные планетологи, совершая чудеса храбрости, искали в кольцах Сатурна остатки догалактических форм существования материи. Фильм был трагический и кончался всеобщим неудовлетворением. Поиски и жертвы ни к чему не привели. Когда фильм закончился, Женя заметил:

— Хорошая картина. Самое главное — все это было на самом деле. Эту экспедицию затеял Юрковский, я был тогда совсем сопляком. И Юрковский там погиб. Очень талантливый был человек. Только аннигиляционных лучей тогда еще не было.

Шейла бросила в него огрызок яблока.

— Марк Твен был прав,— трагическим голосом сказал Женя.— Он говорил, что правнуки во все времена будут закидывать мусором своих предков. И будут кричать несчастным старцам: «Проваливай, лысый!»

— «Проваливай, рыжий!» — поправила Шейла.— Уникальный муж. Живое ископаемое.

— Зато как сохранился! — вскричал Славин.— И какой неподдельный интерес к жизни!

«Какую сливную станцию вы обслуживаете?» в варианте «Урала» звучит так: «Сколько вы нынче очистили выгребных ям?»

Отличается и разговор о полилогах:

— Хотел бы я посмотреть сейчас на какого-нибудь полилога,— с внезапным раздражением сказал Юра.— Ведь мы часто полжизни мучаемся над решением какой-нибудь весьма частной задачи. А в двадцать первом веке об этой задаче были написаны целые тома всяких общих рассуждений. Возьмите теорию информации. Когда-то она считалась синтезом целой груды дисциплин — и математики, и лингвистики, и логики, и еще чего-то... А сейчас? Очень узкая отрасль знания.

— Я никого не хотел обидеть! — вскричал Женя.— Я просто пошутил!

— Дерево науки разрастается,— патетически продолжал Юра.— И хорошо, если вам за жизнь удастся переварить хотя бы один его листочек! Современные Ньютоны свихнулись бы, если бы им в головы пришли сразу все проблемы, связанные с падением яблока.

В разговоре с ассенизатором наконец выясняется, почему Шейла в данном варианте имеет профессию учительницы. Можно сделать вывод, что хотя новеллы «Злоумышленники» в «уральском» варианте нет, но Стругацкие ее задумывали уже тогда.

— Приятно встретить человека, который ничего не знает,— вздохнул Юра.— Самый лучший отдых — растолковывать кому-нибудь общеизвестные истины. А теперь вы, Женя, расскажите что-нибудь о Краюхине.

— Я не устал.

— А правда, что Краюхин еще в детстве пытался забраться в геодезическую ракету?

— Было такое происшествие,— сказал Женя.— Как сейчас помню. Иду это я мимо ракеты...

— Женька, Женька,— покачала головой Шейла.— Тебя тогда, по-моему, еще на свете не было.

— В том-то все и дело,— вздохнул Женя.— Я это помню потому, что тогда как раз вышла замуж моя бабушка. Она была геодезистом.

— Да, Шейла, а как ваши злоумышленники?

— Какие злоумышленники? Ах, мальчишки, которые собирались на Венеру? Ничего, учатся. Вчера поставила Комову тройку за сочинение.

— Их поймали?

— Конечно. И поймав, учинили им экзамен по газовой динамике. Там же, в Аньюдине. Мальчишки, конечно, с треском провалились, и их с позором отправили назад в школу.

— А если бы не провалились? — поинтересовался Женя.

Шейла презрительно фыркнула.

— А если тебя проэкзаменовать по Д-принципу?

— Да, это был бы цирк.

— Кстати, позавчера я был в цирке,— вставил Юра.

— Цирк еще сохранился? — удивился Женя.

— Очень хорошо сохранился. Выступала Харуко Катаяма с дрессированными спрутами из полинезийского заповедника.

— С ума сойти!

— Это было очень эффектно. В огромном бассейне с флюоресцирующей водой маленькая смуглая девочка среди омерзительных чудовищ. Хлопали ужасно. Но самый сильный номер она приберегла под конец. Взяла крошечного спрутика, этакого серенького гаденыша, вспрыснула ему что-то и тут же, на глазах у всех, вырастила из него вполне взрослый экземпляр. Мы — хлопать. А она поклонилась очень изящно и объявила, что никакой магии здесь нет, что это последние результаты работы их лаборатории.

— Правда,— подтвердила Шейла.— Я слыхала, что в Полинезии ведутся работы по восстановлению поголовья головоногих на корм кашалотам...

Вся же история с путаницей кухонной и стиральной машин отличается лишь частично. В «уральском» варианте Шейла не возражает против приобретения кухонной машины:

— Это то, что нам нужно,— обрадовался Женя. Глаза его загорелись.— Как ты думаешь, Шейла?

— Пожалуй. Пока нас не подключили к фабрике-кухне[1], это было бы очень недурно. А то ты в последнее время одними бутербродами питаешься.

Проснувшись и увидев агрегат у дома, они не сразу начинают экспериментировать:

— Ужасно кушать хочется,— жалобно сообщила Шейла.— Давай распакуем и попробуем...

---

[1] Уже в 60-х так называли просто крупные столовые. Но ранее существовала грандиозная идея: сосредоточить массовое приготовление пищи на специальных фабриках, откуда развозить ее по раздаточным пунктам. Однако очень быстро выяснилось, что сварить в одном котле три тонны борща, конечно, можно, да только вкус получается не очень.— *В. Д.*

— Ну уж нет,— решительно возразил Женя.— А зарядка? А душ?

— Ты нарочно оттягиваешь удовольствие,— заявила Шейла.— Ты — гурман несчастный.

— Для спасенья ваших душ принимайте йонный душ,— продекламировал Славин и потащил Шейлу делать зарядку.

Рассматривая машину, они шутят:

— Конечно. Проста и неприхотлива в обращении. Четыре кнопки — это первое блюдо, второе, третье...

— Четвертое,— добавил Женя. Он кончил набирать шифры и нежно обнял машину.— Милая, спасительница ты наша!

— Да, наверное, четвертое. Чай, например. А если будешь обниматься с машиной, я оболью тебя кислотой. Дезоксирибонуклеиновой. Так, кажется, поступали ревнивые женщины в твоих романах?

Далее все развивается так же, как и в каноническом варианте, но с изменением ролей: Славин сомневается, а вдохновленная Шейла экспериментирует.

«ВОЗВРАЩЕНИЕ»

Эта новелла присутствует во всех изданиях романа. Отдельно не публиковалась. Различий в вариантах немного, но они интересны.

В вариантах «Урала» и «Возвращения» после коронного вопроса Горбовского «Можно я лягу?», Кондратьев, испугавшись, спрашивает: «Может быть, вам водички?» — «При чем здесь водичка, если человеку просто хочется полежать?» — отвечает Горбовский.

О «рогатых» спортсменах на море Кондратьев добавляет: «Нет уж, Леонид Андреевич. Море вы не трогайте. Я и сам не прочь так... в рогатом костюме!»

Отличается также и окончание главы:

— Вот,— сказал он с грустью,— пожил здесь всего неделю...

Званцев переминался с ноги на ногу. Видимо, ему было непонятно, что переживает экс-штурман.

— Поедем,— махнул рукой Кондратьев.— До свиданья, Леонид Андреевич. Спасибо вам за ласку.

Горбовский уже устраивался на кушетке.

— До свидания, Сергей Иванович,— отозвался он.— Мы еще много раз увидимся.

Кондратьев затворил за собой дверь и вслед за Званцевым вышел в сад. Они пошли рядом по песчаной дорожке.

— Николай Евсеевич,— сказал Кондратьев.— Почему вы так заинтересовались моей скромной персоной? Вы обо всех здесь так заботитесь?

— Нет,— просто ответил Званцев.— О других заботиться не надо. Они хозяева. А вы пока гость. А почему именно мы... Видите ли, Сергей Иванович, и я, и Леня Горбовский в свое время были весьма тяжелыми пациентами у врача Протоса. Он нас, как видите, спас. И он наш друг на всю жизнь. И он попросил помочь вам.

— Ага,— сказал Кондратьев. Он остановился.— Вот что, Николай Евсеевич,— произнес он решительно.— Мы сию минуту едем к врачу Протосу. А Жене Славину я позвоню с дороги.

«ТОМЛЕНИЕ ДУХА»

Присутствует только в романе с 1962 года.

Среди возгласов, сопровождавших Костылина и Поля, кроме прочих («Странника ведут! — На вивисекцию, болезного! — Это новый гибрид?»), в издании «Возвращения» есть реплика: «Саша, он дает мясо с живого тела?»

Там же при описании разговоров в лаборатории Костылина есть еще один персонаж:

Гибкий черноволосый японец вскочил со скамьи и стремительно прошелся по комнате.

— Больше так нельзя! — сказал он яростно.— Всё неверно. Сама идея ложна. Да, ложна! Надо пересматривать всё. Сначала. Просто мы боимся начинать сначала! — Он остановился.— Слушает меня кто-нибудь? Что за манера молчать!

— Все слушают,— сказал человек со скучным голосом.— А что толку?

И разговор позже, за ужином, происходит у Поля не с Васей (человеком со скучным голосом), а с этим японцем по имени Итиро.

«ДЕСАНТНИКИ»

Присутствует только во всех изданиях романа.

В изданиях журнала «Урал» и «Возвращения» Рю Васэда имеет другое имя (Лю Гуань-чэн) и Валькенштейн говорит не по-японски, а по-китайски. В остальном же эта глава существенных изменений не имеет[1].

«ГЛУБОКИЙ ПОИСК»

Эта новелла появляется сначала в виде отдельного рассказа: сборник Стругацких «Шесть спичек» (1960) и межавторский сборник «Глубокий поиск» (1962). В роман она включена только с 1967 года.

Рассказ и новелла в первую очередь отличаются персонажами. В рассказе в главной роли — Званцев, в новелле — Кондратьев.

---

[1] Смотря что считать существенным... Вот этого в «Возвращении» не было:

«— Говори по-русски, — строго сказал Горбовский.

— А зачем? Он же знает японский.

Сидоров покраснел.

— Да, — сказал он. — Знаю...»

Не знаю, зачем это понадобилось Авторам, но из-за такой вставки слегка провисает вот этот кусок: «...Горбовский спросил его: «Ну, и что вы намерены предпринять, Михаил Альбертович?», а Валькенштейн что-то сказал на незнакомом языке и полез обратно в планетолет...» Раньше было понятно, что незнакомый язык — китайский (японский), а так — неведомо. В одном вопросе офлайн-интервью было сделано гениальное предположение, что Марк выругался на иврите...

И вот этого не было в «Возвращении»: «...И каждый Десантник был когда-то таким, как этот Атос...» Здесь, впрочем, все ясно: прокидывается мостик к новелле «Поражение». — *В. Д.*

В рассказе упоминается название субмарины Званцева:

— Господин субмарин-мастер,— сказала Акико.— «Орига» будет спускаться по вертикали?

Субмарина Званцева называлась «Ольга», а не «Орига». Акико никогда не выговаривала букву «л». Званцев ни разу не встречал японца, который выговаривал бы «л» всегда правильно.

В рассказе же еще встречается курение — порок, практически отсутствующий при описании Стругацкими XXII века:

Затем он [Белов.— С. Б.] вспомнил лиловое щупальце толщиной в телеграфный столб и поспешно вскарабкался на субмарину. Подойдя к люку, на котором сидел и курил Званцев, он сказал:

— Вода теплая, как парное молоко. Дай сигарету.

Званцев дал ему сигарету, и они сидели и молча курили, пока Акико плескалась в воде. Голова ее черным пятном качалась на фоне светящихся волн.

— Завтра мы перебьем их всех,— сказал Званцев.— Всех, сколько их там осталось. Нужно торопиться. Киты пойдут над впадиной через неделю.

Белов, вздохнув, щелчком отбросил окурок.

«ЗАГАДКА ЗАДНЕЙ НОГИ»

Эта новелла была опубликована отдельным рассказом под названием «Великий КРИ» в сборнике «Золотой лотос» (1961). В романе появляется с 1962 года.

В процессе работы над рассказом меняются имена персонажей. В варианте рассказа начало (где Славин беседует с биотехником Гибсонского заповедника Жаном Парнкалой) отсутствует, поэтому маленький курчавый австралиец, к которому обращается Рудак, зовется не Таппи, а Парнкала. Пауль Рудак в варианте рассказа имеет имя и фамилию — Пабло Руда. Семь принципов Комацувары в рукописи были семью принципами Сунь Си-тео, в рассказе и в «Возвращении» — Сунь Си-тао. Августос Ломба в

рукописи и «Возвращении» меняет имя: Августус Ломба, а в рассказе — и фамилию: Августус Ламба. Заведующая фильмотекой (хорошенькая таитянка лет двадцати пяти) в рассказе имеет имя: Энни Кент[1].

В рассказе Славин не прилетает в Джакой на птерокаре, так как птерокар упоминается в отсутствующем начале. Вместо «Когда он выскочил из машины» идет «Когда он спрыгнул в траву и освободился от крыльев».

В романе Рудак держит пари на заднюю ногу, что Славин еще не обедал. В рассказе это звучит так:

— Ставлю свой микроэлектрометр против вашего диктографа, что вы еще не обедали,— провозгласил Руда, появляясь в дверях лаборатории.

И в рассказе же обыгрывается задняя нога семиножки:

— Нахалы,— сказал Руда с некоторым смущением.— Пойдемте, товарищ Славин, я постараюсь загладить их вину. Я угощу вас филе.

— Из задней ноги? — спросил Женя.

— Из окорока кенгуру,— сказал он.— Я подстрелил кенгуру вчера вечером. В Гибсоне нам разрешают охотиться, потому что нас здесь мало и иногда нам бывает скучно.

Далее вариант рассказа тоже отличается от поздней версии:

Угощал он щедро и обильно. Женя ел так, что трещало за ушами. Руда не отставал, одобрительно на него поглядывал и время от времени подкладывал ему ломтик. Ломтики были крупные. Наконец Женя решительно отодвинул тарелку, сказал: «Пас»,— и они отправились на кухню мыть посуду.

— Вы вовремя приехали, товарищ корреспондент,— сказал Руда, когда все было убрано и они разлеглись в траве перед

[1] Совершенно непонятно, как Славин сразу определил, что перед ним именно таитянка, а не гавайка, маори или самоанка. Тем более с таким англизированным именем. У таитянки следовало ожидать чего-то французского. — *В. Д.*

крыльцом коттеджа.— Здесь сейчас действительно очень интересно. Особенно интересно будет, наверное, сегодня. Завтра будет уже поздно, а сегодня в самый раз. Если вам повезет, вы даже увидите, как бьют палками. И другие любопытные вещи. Разрешаю задавать вопросы.

Рассуждения о свободе воли и рассказ о работе КРИ в рассказе несколько иные:

— Интересная задача,— сказал Женя.— Вопрос о свободе воли. Очень интересно.

Руда усмехнулся.

— Вы думаете? — сказал он.— Да, возможно... Ламба ведь не только кибернетист, он еще и психолог. Прямо помешан на психологических проблемах. Вы это правильно поняли — задача о свободе воли. Вот он и выясняет, существует эта самая свобода воли или нет. Сначала для червей, затем для лягушек... Теперь вот очередь дошла до барана. Какие факторы — если нам известно о баране все, начиная с... гм... количества его ног и кончая распределением участков возбуждения у него в мозгу в данный момент — заставляют барана выбрать именно, скажем, правую, а не левую кормушку?..

Так вот, два месяца КРИ работал вполне нормально. Жужжал и гудел. Ламба с нетерпением ждал моделей. Понимаете, обыкновенно КРИ, получив задачу, строит модели и затем вводит в себя данные об их поведении. Эффекторные машины часто решают задачи по моделям. КРИ изготавливает иногда необыкновенно интересные модели. Вот когда он решал задачу о поведении земляного червя, то построил модель, на основе которой были созданы новые типы землепроходных устройств. Месяц назад появились модели и по задаче «Буриданов баран». И когда они появились, все ахнули...

— Уродцы,— пробормотал Женя.

— Вот именно. Те самые Уродцы, которые так заинтересовали Европейский Информационный Центр. Всякие шесты на колесиках, семиногие ползуны и так далее. КРИ производит их во множестве, и никто не понимает почему. У них есть одна странность: все они до крайности нелепы, и их нельзя привя-

ать ни к одному аспекту задачи. Восхитительные машинки! В особенности задняя нога.

— Черная тень задней ноги,— продолжал, немного помолчав, Руда,— легла на Джакой. Высказываются удивительные предположения. Кое-кто считает, что КРИ свихнулся от натуги,— такое, мол, бывает. Некоторые слабонервные вообразили, что КРИ слишком умен для человека и всех дурачит. А директор Ламба уверен, что что-то не в порядке с программой. Умный старикан. Как только увидел первого Уродца — сейчас же забрал программу и укатил в Москву, в Институт Теории Программирования. Сегодня он возвращается, так что вы приехали вовремя.

— А кого будут бить палкой? — спросил Женя.

— Увидите.— Руда странно усмехнулся.— Всё в свое время. Будет очень интересно.

Кадр семь тысяч пятьсот двенадцатый, который советует посмотреть Пауль, в книге — резня в Константинополе, в рукописи — танковое сражение, в рассказе — битва при Маренго.

Встреча профессора Ламбы с Рудой в рассказе выглядит по-другому и, как мне кажется, яснее раскрывает происшедшее:

— Значит, тебя тоже беспокоит поведение КРИ, Поль, сынок мой? — ласковым вкрадчивым голосом осведомился старик.— Всерьез беспокоит?

Руда сошел с платформы. Жене показалось, что он как-то сразу усох.

— Что же ты молчишь, Поль? — продолжал Августус Ламба.— Ведь это гениальная идея — вскрыть причину неправильной работы аналитического сектора, проследив... Что вы там хотели проследить? И у тебя уже есть, наверное, какие-нибудь соображения на этот счет, да? Так, предварительные, правда?

Руда глядел себе под ноги и молчал. Вокруг стало тесно от кибернетистов. Видимо, никто ничего не понимал, но все чувствовали что-то неладное. Августус Ламба мелкими шажками обошел Руду и вдруг, размахнувшись, с треском опустил свою трость на его широкую спину.

— Ох,— сказал Руда и втянул голову в плечи.

— Только не говори мне, что это у тебя вышло не нарочно,— сказал Ламба, замахнулся еще раз, но раздумал и сел на край платформы, поставив трость между колен.

— Вот, дети,— сказал он, тяжко вздохнув и оглядев испуганные лица кибернетистов.— Мы целый месяц бьемся, потеем, ломаем себе головы... А этот человек... Скажите, дети... Нет, ты мне скажи, Поль, сынок мой. Сколько ног у обыкновенного австралийского мериноса?

Гробовое молчание.

— Я спрашиваю, сколько у барана ног?

— Грубо говоря, четыре,— ответил Руда и кашлянул. Кибернетики переглянулись. Кажется, они начали понимать.

— А кто последним контролировал программу задачи «Буриданов баран» перед вводом, Поль, сынок?

— Я,— сказал Руда. Трудно было поверить, что он способен разговаривать таким тихим голосом.

— Дети,— сказал старик,— этот мошенник сделал в программе маленькое исправление. В задаче «Буриданов баран» он показал, что у барана семь ног.

— Ой,— сказала какая-то девушка.

— Мало того, этот интеллектуальный пират убрал из программы всё, что касается мозжечка барана!

Руда тяжело вздохнул — не очень искренне, как показалось Жене.

— Задача о семиногом баране без малейших признаков органов равновесия!

Кибернетисты хохотали. Августус Ламба ткнул Руду в живот концом трости.

— Почему ты не желаешь работать над моей темой, ты, рыжий разбойник?

Руда опять вздохнул и слегка развел руками.

— Почему ты хватаешься за десять тем сразу и обманываешь своего учителя?

— У меня дурная наследственность,— уныло пробубнил Руда.

Ламба еще раз ткнул Руду тростью.

— Долго это будет продолжаться? Долго ты еще будешь донимать несчастную машину задачами о пятиугольных треугольниках? Долго ты будешь водить меня за нос?

— Не могу,— сказал один из кибернетистов и упал на траву.

— Бедный, славный, добросовестный КРИ! — продолжал профессор.— Он так старался! Разве он мог предположить, что его хозяева окажутся такими... такими...

— Я больше не буду,— уныло сказал Руда.

Разговор на рассвете, который услышал Славин, в рассказе был более эмоциональным и информативным:

— Мне тоже показалось, что старик не очень рассердился,— сказал Парнкала.— Меня он однажды гнал через весь поселок. А что это он говорил насчет пятиугольных треугольников?

— Это моя тема,— ответил Руда.— Мы с Энни исследуем поведение машины в специальных условиях... Хотим создать экспериментальную основу для теории больших ошибок. Старик очень неохотно дает для этого машину.

— Он считает, что это оскорбляет ее достоинство,— сказала Энни.— Но получилось все-таки неудобно. Ребята месяц ломали головы, старик в Москву ездил...

— Ерунда,— уверенно сказал Руда,— ребят очень интересует эта тема. А старик любит Россию и с удовольствием ездит туда. Ведь если бы я сразу ему сказал, он попросту прекратил бы опыт, вот и всё. Жди потом другого случая! А сейчас, когда есть готовые результаты, ему и самому интересно. Ох, и поработаю я теперь, друзья!

После длительной паузы, когда Женя уже начал дремать, Парнкала вдруг сказал:

— О семиногий баран! До чего грустно, что больше нет твоей загадки!

А еще вариант рассказа изобилует сносками-примечаниями Авторов: к эффекторным машинам («Эффекторные машины — счетно-логические машины, оборудованные исполнительными механизмами (эффекторами) для изготовления моделей или для выполнения каких-либо операций (фант.)»), к фразе «Она (сверхновая) породила динозавров» («Существует гипотеза, что возникновение на Земле динозавров было обусловлено мощным потоком радиации от сверхновой звезды, взорвавшейся сравнительно недалеко от Солнечной системы»), к теории больших ошибок

(«Теория больших ошибок — раздел математической логики, изучающий ход логических построений на основе заведомо бессмысленных и противоречивых исходных данных (фант.)»).

«СВЕЧИ ПЕРЕД ПУЛЬТОМ»

Эта новелла была опубликована сначала в виде рассказа в сборнике «Янтарная комната» (1961), затем была включена в роман «Возвращение». Рассказ от первого издания в романе отличается мало. Из названий изменено только местонахождение Института Биологического Кодирования: в рассказе он Свердловский, в романе — Новосибирский.

Различия же этой новеллы в «Возвращении» и поздних изданиях более существенны. Кроме надписей на указателях (в рассказе и «Возвращении» они на китайском и английском языках, позже — на французском и английском), вызванных изменением внешней политики СССР по отношению к Китаю, остальные изменения были вызваны заменой новеллы «Моби Дик» «Глубоким поиском».

До издания 1967 года все роли (в романе и отдельных рассказах) были расписаны таким образом. Океанолог Званцев приглашает Кондратьева работать у них в Океанской Охране. Кондратьев (командир звена субмарин) патрулирует миграции китовых стад, а в свободное от работы время живет отшельником. Ирина Егорова (ранее работала на ферме «Волга-Единорог», в нее попытался влюбиться Либер Полли, но Лин ему посоветовал не тратить время даром: «Ты будешь ей только мешать и путаться под ногами. Я знаю Ирину, и я знаю тебя. Ты на пятьдесят лет глупее ее героя») приезжает на Дальний Восток и там находит героя своего романа — Кондратьева, возвратив его к полноценной жизни. Званцев в это время охотится на гигантского кальмара вместе с японкой океанологом-стажером Акико Канда, которая впоследствии становится его женой. В данной новелле Званцев вместе со своей супругой спешат сообщить важную информацию академику Окада, умирающему в Институте Биологического Кодирования.

При замене «Моби Дика» на «Глубокий поиск», в котором вместо Званцева действует Кондратьев, обрубилась ниточка Ирины Егоровой, Акико становится супругой Кондратьева, исчезает описание охоты на кашалота и быта тружеников моря.

В новелле произошли мелкие замены (Званцев вспоминает, как они вдвоем несли академика Окада — ранее с Хен Чолем, позже — с Кондратьевым), убрано воспоминание Званцева («...Как тридцать два года назад, когда она вот так же сидела справа от работника Океанской Охраны Званцева в его одноместной субмарине, в первом своем глубоководном поиске. Только тогда лицо ее освещали огоньки глубоководных креветок, стукавшихся об иллюминатор»), заменено представление Акико оператору Михайлову («Океанолог Канда... Моя жена» на «Океанолог Кондратьева... Мой сотрудник»).

Версий причины таких изменений было несколько. Два рассказа о работе Океанской Охраны — много для одного романа, где каждая глава рисует какую-то грань мира Полудня. О гигантских кальмарах (любимом объекте) Стругацким было рассказывать много приятнее, чем о каких-то нейтральных кашалотах[1]. Званцев — второстепенный персонаж романа, Кондратьев — главный; лучше рассказывать о нем. И так далее.

Настоящую причину Б. Н. Стругацкий указал в офлайновом интервью, которое уже шестой год публикуется на сайте «Русская фантастика»: «Этот рассказ был написан где-то в самом конце 50-х под большим впечатлением от романа Кларка о китовых пастухах (не помню, как он назывался... какие-то «Бездны»[2]). Слепок получился слишком уж точным (сходство, переходящее в, страшно сказать, плагиат), и мы решили этот рассказ[3] больше в роман не вставлять. От греха подальше».

---

[1] Но получилось-то наоборот: кашалота жалко, а это чудище так и надо, торпедами. Или вот, летом 1960 года БН пишет в дневнике: «Вставить в главу «Риф Октопус» дрессированных кальмаров, уничтожающих косаток. И дрессировщика». (Из «Комментариев».) Хотя гигантских головоногих Авторы действительно уважали, но здесь, похоже, просто желание сделать «не как у Кларка». Косатки, красавицы, умницы, замечательные звери, вот с кем надо дружить в море! А кальмаров этих... под майонезом. — *В. Д.*

[2] Как уточнил В. Борисов, имеется в виду роман А. Кларка «Большая глубина» (The Deep Range). — *С. Б.*

[3] Удивительно! «Моби Дик» — да, напоминает Кларка, но ведь «Глубокий поиск» куда сильнее похож на некоторые места «Большой глубины». Что ж, Авторам, конечно, виднее, но «Моби Дик» — замечательная новелла, как бы не лучшая, и никто не сможет ее у нас отнять. — *В. Д.*

И еще — маленькое, но любопытное изменение в тексте. В «Возвращении» водитель погоняет верблюдов не словами «Эй, залетные!», а «Ну, мертвая-а!».

«ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ В МИРЕ ДУХОВ»

Данная новелла отдельно не публиковалась, в романе появляется с 1962 года. Изменений в новелле совсем мало, в рукописи и издании 1962—63 годов разговор между ридерами продолжается:

— И все же,— сказал Мак-Конти,— этот эксперимент при всей его бессмысленности сыграл свою роль для нас, ридеров. Кажется, впервые все лучшие ридеры Планеты собрались вместе. Я думаю, нам следует воспользоваться случаем и обсудить целый ряд наших дел. Я активно работаю над проектом первого съезда ридеров. Нас немного, но мы сила, и нам давно пора объединиться в некоторую профессиональную единицу. Пора потребовать у людей особых прав для ридеров. Ваше мнение, Питерс?

Питерс медленно сказал:

— Во-первых, не «Питерс», а «товарищ Питерс». Во-вторых, вашу идею профессионального объединения... успокойся, Сиверсон... я считаю вредным бредом. Вы начитались скверных книжек о тайных организациях, Мак-Конти. Сиверсон, старина, успокойся, еще раз прошу тебя. В-третьих. Вы собираетесь требовать особых прав у людей? А вы кто? Марсианин? Кто вас вырастил и воспитал, Мак-Конти? Чей вы хлеб едите? И кто вам дал вот это? — Питерс двумя пальцами взял и приподнял полу роскошной тоги.— Какой срам, Мак-Конти!

Воцарилось молчание, и так в молчании они дошли до здания института. У подъезда Сиверсон сказал:

— Хорошо, что сначала вы обратились со своим предложением к нам, Мак-Конти. Люди помоложе попортили бы вам тогу. Я вас очень попрошу зайти ко мне сегодня вечером, часов в восемь. До свидания, ридер Мак-Конти. И поберегите вашу тогу. Хотя бы до вечера.

«О СТРАНСТВУЮЩИХ И ПУТЕШЕСТВУЮЩИХ»

Отдельным рассказом эта новелла публиковалась в сборнике «Фантастика, 1963», в романе она появляется с 1967 года.

Изменений в рассказе и новелле мало, но есть и интересные (к примеру, мнение Станислава Ивановича о поиске следов разума во Вселенной, данное лишь в рассказе: «...искать следы идей, носившихся некогда в воздухе»), и странные.

В публикации рассказа Горбовский говорит, что на Леониде нашли здания без окон и дверей. В романе вместо Леониды говорится о Марсе и Владиславе, что странно, так как далее в романе идет новелла «Благоустроенная планета» — именно о зданиях без окон и дверей и именно на Леониде.

«БЛАГОУСТРОЕННАЯ ПЛАНЕТА»

Этот рассказ публиковался в сборнике «Мир приключений» (1961), а также вошел во все версии романа.

До 1967 года Рю Васэда имел имя — Лю Гуань-чэн. В изданиях рассказа и в «уральском» варианте романа вместо Геннадия Комова действовал Анатолий Попов.

В рассказе и «Урале» продолжена тема обращения людей будущего друг к другу: «Следопыт-археолог Фокин. Очень приятно познакомиться с физиком Лю.— Он представился торжественно, по всем правилам, как его, вероятно, совсем недавно учили в школе». А вот одежда Фокина в разных вариантах: «Фокин в волейбольных трусах с остервенением тащил через голову мокрую от пота» гимнастерку (в рассказе), рубашку («уральское» издание), куртку (далее).

В рассказе, рассуждая о биологической цивилизации, Татьяна добавляет: «Дрессированные бактерии! И город этот они, конечно, не построили, а вырастили... Склады... Зернохранилища... А мы стену хотели резать...»[1]

[1] Но остался без ответа вопрос Комова-Попова: «Интересно, как туда попадали хозяева — вот проблема. Тоже резали стены?» — *В. Д.*

«ПОРАЖЕНИЕ»

Эта новелла издавалась отдельным рассказом в «Знание — сила» (1959), в сборнике рассказов Стругацких «Шесть спичек» (1960), в межавторском сборнике «Золотой лотос» (1961). В «Знание — сила» и «Золотом лотосе» — под названием «Белый конус Алаида». В романе появляется с 1967 года.

В процессе переработки менялись имена и названия. Фишер в «Знание — сила» и «Золотом лотосе» имеет фамилию Вахлаков, в «Шести спичках» — Маклаков. Михаил Альбертович Сидоров во всех изданиях рассказа — Федор Семенович Ашмарин. Планеты, на которых бывал Десантник Сидоров, отличаются от списка планет Десантника Ашмарина: «...когда был Десантником, когда прыгал на северный полюс Владиславы [в рассказе — Венера.— С. Б.], когда штурмовал Белинду [в рассказе варианты — Япет и Ганимед.— С. Б.]». В вариантах рассказа система киберразведчиков именуется «СКИБР-системой», а киберы — «СКИБ-Рами» или «скибрами».

Кроме этого, рассказ, войдя в роман отдельной новеллой, был несколько сокращен. Исчезла фраза Вахлакова-Маклакова о помощниках, которых он предлагает Ашмарину: «Знают, что делать по любую сторону от мушки».

Исчезла встреча Ашмарина с Мисима:

В лифте он встретил Тацудзо Мисима, плотного бритоголового японца в голубых очках. Мисима спросил:

— Ваша группа куда, Федор Семенович?

— Курилы,— ответил Ашмарин.

Мисима поморгал припухшими глазками, вынул носовой платок и принялся протирать очки. Ашмарин знал, что группа Мисима отправляется на Меркурий, на Горящее Плато. Мисима было двадцать восемь лет, и он еще не налетал своего первого миллиарда километров. Лифт остановился.

— Саёнара, Тацудзо. Ёросику,— сказал Ашмарин.

О подземной крепости Сорочинский рассказывал более подробно: «Здесь была подземная крепость с двадцатитысячным гарнизоном. Потом их вышибли советские войска, вернее, взяли в плен со всеми пушками и танками».

И подробнее описывались технические особенности развития зародыша в Яйце:

Абстрактные команды, заложенные в позитронное[1] программное управление, видоизменялись и исправлялись в соответствии с внешней температурой, составом атмосферы, атмосферным давлением, влажностью и десятками других факторов, определенных рецепторами. Дигестальная система — великолепный «высокочастотный желудок» эмбриомеханической системы — приспосабливалась к переработке лавы и туфа в полимеризованный литопласт, нейтронные аккумуляторы готовились отпускать точные порции энергии для каждого процесса.

Окончание рассказа также отличается от окончания новеллы (варианты «Знание — сила» и «Золотого лотоса»):

И только когда приходит пора, вспоминаешь [о синем небе.— С. Б.], и каждый раз оказывается, что уже поздно. А потом оказывается, что не поздно.

— Слушайте, а он выживет? — сказал голос Сорочинского.

Ашмарин не знал, о ком идет речь — о нем или о Гальцеве. Гальцев лежал рядом. Он был без сознания и тихо стонал. Он весь обжегся, вытаскивая Ашмарина из-под купола. И Сорочинский обжегся. «Надо выжить»,— подумал Ашмарин.

Десантнику не пристало думать о смерти. Да и катастрофа, как бы то ни было, произошла из-за неслыханно нелепой случайности. Ведь не мог он предположить, что под круглой сопкой спрятан старинный японский дот, что длинная грязная лапа преступлений вековой давности дотянется до него. Он вспомнил, что были годы, когда каждая секунда могла стать его последней секундой. И однажды он уже лежал вот так, искалеченный, лицом вверх. Только небо было другое. Небо было оранжево-черное, по нему тянулись длинные черные полосы, дул ядовитый ураган, и кругом не было никого. Была только боль, тошнота, как сейчас, и обида, что все кончится.

---

[1] Ага! Понятно, почему это не вошло в роман: чтобы не получилось как у А. Азимова. — *В. Д.*

Он пристально глядел в синее небо, и ему стало казаться, что в синеве появляются и уплывают бледные пятна. Он силился понять, что это и почему. Потом понял: он хотел увидеть странное неподвижное облако с четкими очертаниями. Нечеловеческим усилием он поднял голову. Чья-то рука поддержала его затылок. И он увидел прозрачный белый конус над горизонтом.

— Что это? — спросил он.

— Это вулкан Алаид,— сказал кто-то.

— Хорошо бы туда...— сказал Ашмарин.

Он опустил голову и стал думать, как когда-нибудь обязательно поднимется на этот конус. Воздух там, наверное, холодный, такой холодный, что стынут зубы. На нем будут такие же тяжелые горные ботинки, как у Сорочинского. Пожалуй, он даже возьмет Сорочинского с собой.

— Хорошее, синее небо,— сказал Ашмарин громко. Он закрыл глаза и подумал, что боль уходит. И сразу захотелось спать.

— Заснул,— сказал кто-то.

Ашмарин дремал, и ему казалось, что он стоит на белой вершине Алаида и смотрит в синее небо.

«СВИДАНИЕ»

Эта новелла публиковалась только в составе романа, во всех изданиях. Один из вариантов названия: «Люди, люди...»

Многие имена и названия в данной новелле изменились в процессе подготовки издания 1967 года. Вильгельм Эрмлер (Вилли) стал Александром Григорьевичем Костылиным (Лином), Игорь Харин — Полем Гнедых. Действие происходит после возвращения Охотника «с Пандоры, прямо с Серых Болот»; с 1967 года — «с Яйлы, прямо с Тысячи Болот». Родиной безглазого чудовища стала не Венера, а Владислава.

Разнятся имена и названия и в рукописи этой новеллы. Историю о пожаре кислородного баллона на планете Крукса Охотник услышал не в Ленинградском Клубе Звездолетчиков, а в Киевском. Безымянного бортинженера в рукописи и в «Возвращении» звали Адамов, в издании «Урала» — Фалин. Фотография гигантского паука в рукописи сделана Зусманом.

В издании «Урала» о неизвестно чьей посадочной площадке на каменном плато планеты Крукса говорится не прямо:

...в южном полушарии планеты, на обширном каменистом плоскогорье, спутники Крукса случайно обнаружили радиоактивный участок примерно круговой формы диаметром около двадцати метров. Замечательно было то, что радиоактивность была довольно сильной, быстро спадала и распространялась под почву на глубину всего в несколько сантиметров.

В рукописи и издании «Урала» Охотника размышляет:

Мы ни разу еще не встречались с чужими разумными существами. Но мы наверняка встретимся с ними. Разумное существо не может быть похоже на этого бедного четверорука? Но кто может доказать это? Нет прямых доказательств моего преступления? Но нет и прямых доводов моей невиновности. И разве дело в доводах?

Похоже было и в «Возвращении», а вот в «Полдне» это отсутствует.

«КАКИМИ ВЫ БУДЕТЕ»

Эта новелла присутствует во всех изданиях романа.

В публикациях до 1967 года Славин все время пытается заниматься делом. При высадке с субмарины он «снимал командира звена субмарин в момент возвращения из ответственной операции». То есть не просто так снимает, а готовит какой-то репортаж. На приказ Славина «сделать лицо», Кондратьев «делает лицо», но если в издании 67-го и 75-го годов: «— Прекрасное лицо! — воскликнул Славин, припадая на колено», то в изданиях до: «— Ну что ты в самом деле! — обиделся Женя и опустил аппарат». На что Кондратьев ему отвечает: «Вот вернемся на базу, тогда и снимай хоть до белых пятен». Когда Горбовский рассказывает о специалисте, учившем детишек ходить, Славин лениво интересуется, как фамилия специалиста. В ранних вариантах реакция Славина другая: «— Как его фамилия? — быстро спросил Женя и вынул диктофон».

В поздних вариантах предстоит первая встреча Комиссии по Контактам с инопланетным разумом планеты Тагора. В рукописи и ранних изданиях — Леонида. Диалог относительно этой встречи в издании «Урала» выглядит еще сухо:

...Сергей, налей мне еще тарелочку. Я вам невыносимо завидую, Леонид Андреевич. Я бы полжизни отдал, чтобы участвовать в первом контакте. И во втором, и в третьем. Увидеть человека другого мира! Поговорить с ним! Вы смотрите там, не оплошайте, Леонид Андреевич.

— Как можно!.. Сергей Иванович, и мне еще тарелочку. Плошать никак нельзя. Уж больно ответственность большая. Придется отвечать за все человечество. За нынешнее и за будущее. Чтобы потомкам не пришлось краснеть...

В издании 62—63 годов диалог уже ближе к окончательному:

— Я его тоже уважаю,— сказал Женя,— но не испортил бы он первое впечатление у граждан Леониды.

— Первое впечатление уже испорчено,— заметил Горбовский.— Между прочим, и по моей вине тоже. Но дело не в этом. Вы за меня не беспокойтесь, Евгений Маркович. Но благоустроенной планете я буду тих, как улитка.

— Но этого мало! Сергей, ты читал список вопросов, которые будут обсуждаться при первой встрече?

— Читал.

— Там не хватает одного вопроса.

Горбовский с интересом посмотрел на Женю.

— Какого? — осведомился Кондратьев.

— Самого первого: «Можно я лягу?»

В рассказе Горбовского о будущем и его проблемах в издании 62—63 годов (в отличие от более раннего и поздних вариантов, где говорится об испорченном ребенке, которого не смогли перевоспитать и отправили его тушить галактики) рассказывается, как «тушили-тушили одну паршивенькую галактику, да так и отступились».

Разговоры о будущем развитии человечества, которые Кондратьев игнорирует («Философы... Аристотели...»), в разных изданиях варьировались. В черновике и «уральском» издании:

Горбовский дослушал и обиженно возразил:

— Это не сказочка. Это, Евгений Маркович, быль. Не верите?

— Нет,— сказал Женя.

— Спросите Валькенштейна. И поглядите на Диксона. Есть у него шрам на голове или нет у него шрама на голове? По-моему, очень убедительно.— Он помолчал немного и добавил: — И как вообще, по-вашему, мы смогли выбраться, если у нас взорвался обогатитель плазмы?

— В вашей сказочке, Леонид Андреевич, есть только одна правда. Впереди еще миллионы веков разрешения великого и последнего противоречия. Противоречия между бесконечностью тайн природы и ограниченностью наших возможностей в каждый момент времени. Это противоречие заставляет нас двигаться и обещает миллионы веков интереснейшей жизни.

Горбовский промолчал.

В издании 62—63 годов:

Горбовский дослушал и сказал:

— Это не сказочка. Это, Евгений Маркович, быль. Не верите?

— Нет,— сказал Женя.

— Спросите Валькенштейна. И поглядите на Диксона. Есть у него шрам на голове? Нет у него шрама на голове. По-моему, очень убедительно.

Он помолчал немного и добавил:

— И как вообще, по-вашему, мы смогли выбраться, если у нас взорвался обогатитель плазмы?

— Милый Леонид Андреевич,— сказал Женя,— я бы тоже очень хотел повидаться с нашими потомками. Подумать только, какой путь прошел человек, и как много ему еще осталось идти! Вы знаете, Леонид Андреевич, мое воображение всегда поражала ленинская идея о развитии общества по спирали. От первобытного коммунизма нищих, нищих телом и духом, через голод, кровь, войны, через сумасшедшие несправедливос-

ти, к коммунизму неисчислимых материальных и духовных богатств. С коммунизма человек начал и к коммунизму вернулся, и этим возвращением начинается новая ветвь спирали, такая, что подумать — голова кружится. Совсем-совсем иная ветвь, не похожая на ту, что мы прошли. И двигает нас по этой новой ветви совсем новое противоречие: между бесконечностью тайн природы и конечностью наших возможностей в каждый момент. И это обещает впереди миллион веков интереснейшей жизни.

Горбовский промолчал.

Позже:

Горбовский дослушал его и сказал:

— Это по существу. А по форме как?

— Начало удачное,— профессионально сказал Славин.— А вот к концу вы скисли. Неужели трудно было что-нибудь придумать, кроме этого вашего испорченного ребенка?

— Трудно,— признался Горбовский.

Славин перевернулся на живот.

— Вы знаете, Леонид Андреевич,— сказал он,— мое воображение всегда поражала ленинская идея о развитии человечества по спирали. От первобытного коммунизма нищих через голод, кровь, войны, через сумасшедшие несправедливости — к коммунизму неисчислимых духовных и материальных богатств. Я сильно подозреваю, что для вас это только теория, а я ведь застал то время, когда виток спирали еще не закончился. Пусть в кино, но я еще видел, как ракетами зажигают деревни, как люди горят в напалме... Вы знаете, что такое напалм? А что такое взяточник, вы знаете? Вы понимаете, с коммунизма человек начал и к коммунизму он вернулся, и этим возвращением начинается новая ветвь спирали, ветвь совершенно уже фантастическая...

В этой версии при публикации в «Мирах» Б. Н. Стругацкий только убрал слово «ленинская», без которого она существует и сейчас.

ОБ ОПЕЧАТКАХ

Пропущенная опечатка — бич корректора. Вероятно, невозможно издать книгу без единой опечатки. Помню, как в ужасе я смотрела на первую свою опечатку в первом томе Собрания Сочинений Стругацких — «сказал Галя». Ведь пять раз этот текст проверялся и в распечатке, и в макете только мною!

В процессе сверки всех изданий Стругацких фиксировались не только смысловые разночтения, не только мелкие исправления и замены, но и опечатки. Порой встречались любопытные (к примеру, «Анкара» вместо «Арканар» в «Трудно быть богом»), но столько смысловых опечаток, как в «Полдне. XXII век» в издании «Миров братьев Стругацких», я не встречала более нигде.

Маленький СУХОПАРЫЙ Мандель превратился в СУХОВАТОГО. Ночью на ЛИАНТО велись вычисления для дипломантов, ДИПЛОМАНТЫ (что естественно — пишущие дипломные работы) превратились в ДИПЛОМАТОВ (а им-то вычисления зачем?). Сосед-ассенизатор проверяет свою машину не ТЕСТЕРОМ, а ТОСТЕРОМ (вероятно, вычитывая «Скатерть-самобранку», корректор увлекся гастрономическими терминами). НЕЙРОННЫЕ состояния в мозге превратились в НЕЙТРОННЫЕ, а ЮКОНСКАЯ специфика разведения бобра — в ЮНКЕРСКУЮ. Горбовский, говоря о встрече с иным разумом, боится «небывалого унижения человечества, гигантского психологического шока». В «Мирах» вместо слова УНИЖЕНИЯ стоит УНИЧТОЖЕНИЯ. Какой уж тут психологический шок и, главное, чей?

«СТАЖЕРЫ»

ПЛАНЫ

Сохранившиеся в архиве материалы по «Стажерам» — богатый источник для исследователя: два полных текста рукописей, планы разных вариантов, в изобилии представлены наработки, заметки и отрывки.

Всё это (кроме двух черновых текстов повести) вместе с такими же материалами по ПНА находится в папке, озаглавленной «Черновики "Амальтеи" и "Стажеров"». Всё это тщательно перемешано, и если установить последовательность работы над ПНА не составляло большого труда, то разобраться в восьми планах и более чем десяти отрывках ранних текстов «Стажеров» было сложно. Ниже представлена попытка проследить появление на свет «Стажеров» от первых замыслов до конечного результата. Это — лишь один из вариантов расстановки материалов, где они идут в линейной последовательности: от непохожих на окончательный вариант к более похожим. Хотя вполне может быть, что Авторы какие-то из планов разрабатывали параллельно (а потом выбирался один из двух) или замыслы вели их в сторону от окончательного сюжета, а затем они вновь возвращались к исходному.

Один из первых планов, имеющих отношение к «Стажерам», называется «Следопыты». Это трудно даже назвать планом, скорее — наработки сюжета: нет еще никакого стажера, все герои СБТ и ПНА еще бодры и летают, Юрковский еще не администратор, да и полета к Сатурну не предвидится. Все появится позже.

Но время написания этого плана — после ПНА и до «Стажеров». Ибо, с одной стороны, в нем Жилин является полноправным членом экипажа, с другой стороны — все еще живы...

СЛЕДОПЫТЫ

Быков, Крутиков, Жилин, Юрковский, Дауге прилетают на Трансплутон. Трансплутон открыт не очень давно, на нем побывали две экспедиции. Задача экспедиции Юрковского — организовать первые поиски следов Пришельцев, оставивших искусственные спутники у Марса. Одновременно с «Тахмасибом» на Трансплутон прибывают еще три планетолета — два английских и один японский. Они все высаживаются в разных местах планеты и начинают поиски. Связь по радио через планетолеты, которые кружатся как искусственные спутники. Скафандры новых типов — удобные, весьма прочные, с неограниченным запасом кислорода и еды. Передвигаться на гусеничных платформах — «ползунах». Юрковский — начальник экспедиции, это из пакета, который А. П. вскрывает при приземлении. Находят несколько объектов и становятся в тупик. Предположения: 1) Природные образования. 2) Оставлены предыдущими экспедициями. 3) Оставлены пришельцами. Гадания и умозаключения. Приключения.

Обрисовать:

а) Сотрудничество между экспедициями.

б) Старую дружбу и самоотверженность.

в) Логический ход мыслей.

г) Странные пейзажи.

А также все, что понадобится впредь.

От этого плана в окончательном тексте «Стажеров» останется разве что предложение Быкову лететь на Трансплутон, в эпилоге.

Следующий по времени написания план тоже еще очень отличается от окончательного, хотя и появляется на горизонте Сатурн и загадка в его кольце.

«СТАРЫЙ ЖЕЛТЫЙ САТУРН»

Действие в 2015 году. Планетолог Юрковский возвращается из дежурной экспедиции на кольцо Сатурна. У Сатурна про-

изводятся огромные работы по созданию Второго Солнца — зажечь Сатурн и использовать его в качестве местного источника энергии для системы его спутников. Это одно. Второе: провести наблюдения за новыми грандиозными реакциями в природных условиях. Третье, самое фантастическое — периодически меняя яркость Сатурна, сигнализировать возможным наблюдателям из Космоса о наличии разумной жизни. Первый эксперимент назначен в июле 2016 г. Сейчас — февраль 2015. Юрковский приехал, чтобы снарядить к кольцу исследовательскую экспедицию по поискам странного Следа, обнаруженного и сразу затерянного в вихре астероидов. Он обратился в Высший Совет Космогации, там ему предложили: корабль вам дадим, но команду и сотрудников ищите сами. У нас людей не хватает. И Юрковский вспоминает про старых друзей.

Между тем друзья: Быков — по-прежнему работает на трансмарсианских трассах «космическим извозчиком». У него два сына (дочь?). Дауге — давным-давно не летает, руководит сектором больших планет в Институте Планетографии и Планетологии в Новоенисейске. Крутиков — вышел в отставку, работает по теории в вычислительном центре. Жилин по-прежнему у Быкова борт-инженером, женат на дочери Крутикова (или собирается жениться?).

Их и собирается привлечь к своей работе Юрковский. С ним работают два японских планетолога Юкава и Маки.

И еще у Быкова молодой штурман Ермаков.

Герои: Быков, Юрковский, Крутиков, Дауге, Жилин, Ермаков, Юкава, Маки. Жилина посылают наводить порядок на Титане — там такая неприятность: кто-то рвался исследовать засатурновое пространство, его не пустили, он для вида смирился, а затем самочинно захватил один из больших кораблей, предназначенных для «Операции Сатурн» (возжигание Сатурна), забрал огромное количество горючего и удрал. Жилина посылают выправлять положение.

Все трансмарсианские капитаны на учете, все хотят работать для «Операции Сатурн», Юрковскому предложили: хочешь вести свою работу — ступай и найди капитана, который бы захотел пойти на это. В приказном порядке выделить капитана из Великого Дела мы не можем.

Возражение: если вы в кольце затеряетесь, то как вас искать? А дело на носу, и тогда неизбежна отсрочка. Всюду подчеркивать, что работа в кольце — это сложнейшее и смертельное дело.

1. Старт Ляхова — пролог. Быков говорит, что зажигать новое Солнце — это не менее важно, чем летать к новым Солнцам.

2. [Далее текст отсутствует.]

В дальнейшем Авторы пытаются разрабатывать именно этот сюжет, пишут более подробный план, в котором стажера Ермакова заменяют стажером Борисом Пановым. Авторы намереваются использовать невостребованные отрывки из ранних вариантов ПНА. Поэтому появляется СПУ-17 и Диспетчерская. Но наряду со старыми замыслами появляется и новая мысль — большинство эпизодов давать с точки зрения Панова, поэтому название меняется на «Стажер». Пока еще далеко до размышления Юрковского: «Мы все стажеры на службе у будущего. Старые стажеры и молодые стажеры. Мы стажируемся всю жизнь, каждый по-своему». Пока речь идет только о подаче сюжета.

Сам же план изобилует интересными деталями, юмористическими подробностями и насыщен идеями — Авторы вышли на пик генерации сюжетных идей, им тесно в одном произведении. Такой план мог повлечь за собой многотомную эпопею в стиле фантастики того времени.

СТАЖЕР

(научно-фантастическая повесть)

СОДЕРЖАНИЕ: Действие начинается в феврале 2015 года. Отправляется первая межзвездная пилотируемая экспедиция. На землеподобных планетах — прочные базы и исследовательские партии, готовятся эксперименты по созданию атмосферы на Луне и на Марсе. Планетологические партии исследуют астероиды и спутники больших планет. Период активного исследования и освоения Солнечной системы, международное сотрудничество.

Готовится грандиозный опыт по определению возможности «зажечь» большую планету — создать в глубине большой планеты термоядерный костер (очаг распада) с тем, чтобы а) ис-

пользовать большую планету для обогрева крупных спутников; б) проверить на практике некоторые теории по особенностям течения термоядерных реакций в сверхмакроскопических масштабах; в) попробовать создать такую реакцию, чтобы ее можно было по желанию быстро гасить и зажигать — способ световой сигнализации с другими планетными системами и с космическими кораблями своими, кои скоро устремятся к звездам. Это пока первый опыт, и никто не знает, что из него получится. Поэтому решили проводить на Сатурне — возле Юпитера боятся повредить иовологическим станциям, а до Урана слишком далеко. К тому же меньшая плотность Сатурна должна позволить забросить инициирующую аппаратуру в более глубокие слои. Первый опыт назначен на май 2016 года. База эксперимента — Титан.

2014 год Юрковский провел в исследованиях кольца Сатурна. Он неожиданно обнаружил небольшую планетку в кольце, на которой оказался След — не то обломки космического корабля, не то остатки базы одной из прежних экспедиций, не то необычное природное образование. Это надо придумать. Но он упустил планетку из виду, не определив точно ее координаты, и вновь не нашел. Для исследования и поисков необходимо снарядить новую экспедицию. По возвращении на Землю он спешит в Управление Космогации и выясняет, что а) все трансмарсианские корабли заняты на обслуживании «Операции Желтый Сатурн»; б) нельзя уделить для такого дела ни одного межпланетника — все заняты; в) никто ему не верит и все пожимают плечами. В конце концов ему удается добиться: а) ему дадут на Тритоне десантный бот; б) штурмана и пилота он должен найти и уговорить на поиски сам; в) ему придется найти командира, который согласится взять с собою его и его экспедицию до Тритона. Все осложняется тем, что кораблей, обслуживающих «ОЖС», очень мало — всего около десятка, каждый из них загружен до предела грузами и пассажирами; во вторых, кольцо Сатурна почти не исследовано из-за огромных трудностей в пилотировании в них, а все самые искусные штурманы заняты в другой работе. Тогда Юрковский вспоминает про старых друзей.

С Юрковским солидаризируется только один человек — японский планетолог, крупнейший специалист по кольцам Су-

суму Окада. Он просит Юрковского взять его с собой, Юрковский с радостью соглашается. Кроме того, он надеется склонить на свою сторону Дауге. Старых друзей он не видел с 2005 года. Им всем уже по пятьдесят. Десять лет они не виделись, со времени катастрофы на Юпитере. Прежде всего он мчится найти опытнейшего штурмана для пилотирования в кольце — это должен быть Михаил Антонович. Кстати, необходимо торопиться, остался всего год, во время «ОЖС» их не допустят в кольцо. Он узнает, что штурман уже три года назад ушел в отставку и преподает в Новосибирском университете. Юрковский едет к нему и заручается его поддержкой. Затем к Дауге — тот уже пять лет пишет книгу «Планетология и проблемы космогонии». Удается уговорить и его. Теперь вопрос о корабле, который доставит их на Тритон. И тут Дауге сообщает, что на этой трассе работает Быков, что он неделю назад вернулся и готовится к новому рейсу и что он никогда не берет пассажиров, потому что идет всегда кратчайшими и опаснейшими маршрутами. У него самый отчаянный экипаж в мире. Но он, возможно, согласится по старой дружбе взять пассажиров на этот раз. Едут к Быкову. Он в Мирза-Чарле. Дружно уговаривают его. Он страшно нехотя соглашается ради друзей, однако говорит, что поведет планетолет в этот рейс самым безопасным путем. На том и решено. Экипаж Быкова — штурман Сергей Гоцкало, бортинженер и суперкарго Жилин и стажер бортинженер Борис Панов. Большая часть повести ведется от лица Панова. Вся кодла перебирается на СПУ-17, где Юрковский читает гранки книжки Дауге, Дауге осматривает Диспетчерскую, экипаж занимается подготовкой к старту, а Сусуму слегка запаздывает. Наконец все в сборе и стартуют на фотонном грузовике «Тахмасиб».

По прибытии на Титан события развиваются следующим образом... Но сначала хорошо бы забить гвозди в период рейса. «Тахмасиб» — старый корабль, можно что-нибудь скрыть в его трюмах, кстати, показать, что в рейсах не скучают, какие-нибудь хохмы с невозмутимым Окада и развеселым хохлом Гоцкало, дать вставные эпизоды — из приключений первых Следопытов и о находках первых Следов, можно в виде рассказа Юрковского дать рассказ о Гигантской Флюктуации — хотя

трудно предположить, чтобы Юрковский не знал о том, что такое математическое ожидание.

Итак, что случилось на Титане. Титан — крупная планетка, больше Луны. Метано-азотная атмосфера, нефтяные океаны, два крупных острова, несколько архипелагов, бактериальная и грибковая анаэробная жизнь, в океанах — некоторые виды моллюсков. Черные аммиачные тучи. Оба острова-материка находятся, как и полагается, в северном полушарии. Один — Материк Кушакова, на нем База «ОЖС», строятся склады и пусковые устройства для запуска инициирующих снарядов. Другой, Материк Оранжевый, пустынен, там работают только планетологи, ведется глубокое бурение. Оба материка лежат на пути вулканического пояса, который большей частию проходит по дну нефтяных океанов. Вообще, Титан почти не изучен. На него возлагаются большие надежды, если «ОЖС» удастся: с Сатурном вместо солнца Титан можно будет очистить и дать пригодную для жилья атмосферу. Атмосфера сейчас на нем исключительно спокойная, густая, плотная, почти земного атмосферного давления. Электрических разрядов мало, радиосвязь идеальная. Единственная опасность — вулканы. Есть установка по производству искусственных материалов на природном сырье — метане, азоте и нефти, а также для производства топлива для импульсных ракет.

Базой «ОЖС» руководит Совет Директоров из трех ведущих энтузиастов-ученых (русского, француза, англичанина). На Базе уже свыше тысячи человек, из них триста занято на основных, остальные — на обеспечивающих работах. Часть людей перебрасываются на внутренние спутники — на Мимас, Энцелад и Диону, где строятся укрытия с обсерваториями. Около Титана обращается наскоро построенный перевалочный пункт — ИС Титан-2. К нему пристают фотонные гиганты и перегружают грузы на импульсные ракеты, заряженные атомарным водородом. Прибыв к Титану-2, Быков разгружается и сопровождает Юрковского и его товарищей на Титан. Разговор с Советом Директоров. Они довольно равнодушны. Они бы с радостью, но свободных ботов нет. Все заняты на рейсах в системе Сатурна — перевозят оборудование и пассажиров со спутника на спутник. Юрковский кипятится, показывает бумагу от Совета

Космогации, но те только улыбаются и пожимают плечами: на Земле плохо представляют местные условия. Впрочем, вызывают пилота Санчо — испанца, командира эскадры ботов. Он старый друг Быкова и знает Юрковского, почитает Крутикова. Он дает понять Быкову, что сделать ничего не может, но потихоньку сообщает ему, что еще год назад вынужден был передать превосходный бот титанологам, которые им почти не пользуются. Нужно попытаться отнять у них. Он, Санчо, вынужден умыть руки, но ничего не будет иметь против того, чтобы планетологи завладели ботом хотя бы силой. Начинается военная хитрость. Группа титанологов — швейцарцы и бельгийцы, всего десяток человек — располагаются на другой стороне Титана, на Оранжевом материке. Быков и Ко прибывают к ним. Переговоры. Титанологи отказываются. Драка. Быков блокирует выход, а Юрковский и его друзья при помощи стажера Панова овладевают ботом. Быков взят в плен, но экспедиция начинается. Хохот над Титаном. Быков потирает помятые бока и ухмыляется. Бот летит в кольцо. Ругань идет по линии: «Разбой!» — «Да, действительно. Но сознайтесь, ведь бот вам не нужен!» — «Это наше дело! Это наше имущество!» — «Да, им не следовало так поступать. Но сознайтесь, ведь бот вам не нужен!» Все заканчивается мирной выпивкой.

В кольце. Экспедиция началась. План Юрковского: прочесать все 26 тыс. км кольца Б, где был замечен таинственный объект. За год это сделать очень трудно, но попытаться стоит. Здесь все зависит от умения штурмана. Михаил Антонович предложил идти над поверхностью кольца, удаляясь от него максимум на сто километров, дважды за оборот проходить сквозь него, и все по суживающейся спирали, пока не будет пройдена вся ширина. В кольце сразу же были обнаружены астероиды диаметром до десяти километров, но исследование их ничего не дало. Вот здесь надобно найти мощные гвозди. Передать ужасное напряжение всех, в первую очередь Юрковского, как начальника экспедиции, затем Михаила Антоновича и Панова, как пилотов, наконец, Дауге и Окада, как участников, между гибелью и великим открытием. Радиосвязь с Быковым — он возвращается на Землю за очередным грузом, увозя эрбий с Япета. По указанию Совета Директоров и по просьбе Санчо

станция на Мимасе держит программную связь с ботом. Работа экспедиции: обвязавшись веревками, лазят по всем маломальски крупным астероидам. А тем временем со станций к ним летят приказания и просьбы расследовать «заодно» то-то и то-то. Юрковский чертыхается, но расследует.

Пейзажи в кольце, немножко жути. Странный, чрезвычайно причудливый мир. Камни, плывущие медленно и важно вокруг, и вдруг среди них, стукаясь и высекая искры, пролетает какой-то болид — это камень с большим эксцентриситетом. Или пролетает таким же образом разогретая столкновениями добела туча пыли. Михаил Антонович только потеет, а Панов стажируется вовсю. Панов мечтает найти гигантские скелеты каких-нибудь пришельцев, разбитые чужие звездолеты и даже развалины циклопических сооружений. Вместо этого находит что-либо другое. Например — плачущую девицу, она кончила Школу на год раньше, пожелала стажироваться на Мимасе и обуревалась мыслью побывать в кольцах. Она тайком завладела одноместной телеуправляемой ракеткой, переключила управление на ручное и удрала «на денек». Но, высадившись на одном из астероидов, забыла причалить ракетку, и та у нее уплыла и затерялась в каменном небе. Девица сидела в скафандре трое суток, ничего не ела, считала себя погибшей и плакала навзрыд, призывая маму. Передатчик у нее был слишком маломощный, кроме того, радиолуч не мог пробиться через каменную гряду. Девица была ничегё, Панов почувствовал себя героем и проникся к ней благородной жалостью и снисхождением. Но когда он притащил ее на бот — и что тут было! Юрковский ругал ее матом. Дауге ругал ее по-латышски. Михаил Антонович ругал ее по-отечески. Окада ругал ее вежливо и язвительно. Панов, как добрый юноша, но впечатлительный, в душе жалея, тоже стал относиться сурово. Вот тут и хорошо показать проблему зайца в ракете. Во-первых, экспедиция все время в опасности. Во-вторых, мало еды. В-третьих, можно, конечно, выскочить на Мимас и вернуть ее, но это — потеря двух-трех дней, а главное — потеря ориентировки и риск, что при возвращении не удастся найти то место, на котором остановились. Собирается совещание. Что делать? У девицы весьма жалкий вид. Она виновата и хлюпает. Михаил Антонович тоже начинает хлюпать. Юрковский чертыхается и говорит: раз

равноправие, так пусть здесь и сидит. Ведь сидит же здесь Варечка! Вопрос решен.

А ровно через сутки Окада обнаруживает «астероид Юрковского» — пирамидальный обломок базальта, покрытый водным инеем и метановым льдом, высотой в тринадцать километров и шириной в десять километров. И на нем находят предполагаемый След. Полагаю, можно представить его себе так. Это неправильный полиэдр общей формой и размерами похожий на усеченный эллипс с большой полуосью в два метра. К базальту прикреплен тонкой металлической ножкой. Цвета стального, ко всеобщему изумлению мягок на ощупь. Черт, надо бы придумать, что это может быть. Одним словом, они закончили работу, забирают находку и возвращаются за полгода до начала «ОЖС». Торжественное возвращение бота титанологам, несколько дней еще и прибытие Быкова. Обратный перелет.

В эпилоге вся компания собирается у Михаила Антоновича в день «ОЖС». Смотрят в бинокли и телескопы. И видят, как Сатурн разгорается и начинает светиться вместо желтого голубым светом. Опыт удался. И разговор о находке.

Основная идея вещи — философия жизни во Вселенной, вероятность экспансии жизни и вероятность перекрытия одной цивилизации — другой, идея о том, что наша Вселенная сравнительно молода, всего несколько десятков миллиардов лет как возникли из прежних нынешние формы материи, что каждая форма материи должна долго «учиться» существовать, усложняться, что существует естественный отбор и у форм материи, и прежние формы вымерли или переродились, как древние ящеры. Эту идею объединить с идеей вероятности — почему существует энтропия и почему чаще получаются наиболее вероятные состояния — это тоже результат развития материи, стремление материи к усложнению. Свойства материи объясняются свойствами пространства и времени, которые в свою очередь развиваются по неведомым причинам. Загнуть это поглубже и тогда можно спокойно дать а) историю гигантской флюктуации и б) столкновение с древнейшей формой жизни во Вселенной, дряхлой, несовершенной, но разумной.

Есть еще одна идея, которая может стать центральной: кто-нибудь, например сам Юрковский, увлечен мыслью о совер-

шенной необходимости и неизбежности расселения любой цивилизации по всем звездам космоса. Сейчас, когда Вселенная еще молода, такое расселение успели произвести только самые древние цивилизации, которые, таким образом, наиболее физически и физиологически несовершенны. Им, этим цивилизациям, миллиарды лет, они могут все и вместе с тем с точки зрения землян они очень несовершенны. И вот в кольце Сатурна расселились представители этих суперменшей — здесь приплести и идею Циолковского о непременности заселения человеком пустоты. «Из воды на сушу, с суши в пустоту». Юрковский эти свои взгляды скрывает, боится, что его засмеют. Это внесет в повесть привкус тайны.

Существа, живущие в пустоте, неизмеримо далекие от нас, медлительные и величественно-равнодушные. Они готовятся эвакуировать Солнечную систему, поскольку в ней человек вышел в космос. И они обладают необычайными способностями — полтергизмом, телепатией, полнейшей властью над материей без машин. И это дать с нарастанием по всем правилам классического романосложения — капельки, ручеек, река, водопад событий, океан — и эпилог.

Здесь, в этом плане, впервые появляется упоминание о рассказе «Гигантская флюктуация», который до этого был написан именно как отдельный рассказ. В архиве сохранились два его варианта. Время действия — наши дни. Первый вариант сохранился не полностью. А может быть, и не был дописан.

ГИГАНТСКАЯ ФЛЮКТУАЦИЯ

Вероятно, я не смогу его узнать, если нам случится встретиться где-нибудь на улице или, скажем, в гостях. Было слишком темно, и лица его я не видел, а голос у него был самый обыкновенный, слегка сиплый, наверное потому, что он много курил. Ночной ветер высекал огненные искры из его папирос, искры неслись над ночным каменистым пляжем и гасли. Мне так и запомнился этот занимательный разговор: шорох волн, звездное небо, красная луна над кипарисами и оранжевые искры, летящие над пустынным пляжем.

Началось с того, что в звездном небе появилась радуга. Это была ночная радуга — тусклая, белесая,— и я принял ее сначала за луч прожектора. Но это была радуга. Край ее уперся в темное море, как мне показалось, совсем недалеко от берега. Не всякому доводится увидеть ночную радугу. Мне немедленно захотелось поделиться с кем-нибудь своими наблюдениями. Поэтому я очень обрадовался, когда услыхал позади, как хрустит гравий под шагами. Я обернулся и сказал в темноту:

— Смотрите, ночная радуга!

Я видел только его силуэт и огонек его папиросы. Он опустился на камень в двух шагах от меня и спокойно сказал:

— Вижу.

Помню, меня обидело такое равнодушие.

— Не каждую ночь можно видеть радугу,— сказал я.

— Да,— откликнулся он.— Ночью мы обыкновенно спим.— Он затянулся, осыпав меня дождем искр.— Ночной радугой меня, знаете ли, не удивишь.

— А землетрясением? — спросил я, стараясь говорить язвительно.

— Землетрясением, знаете ли, тоже,— ответил он мягко.

Мы замолчали. Я смотрел, как радуга медленно тает, меркнет в звездном небе. Потом он сказал:

— Мир полон удивительных вещей.

Мне уже расхотелось разговаривать, и я спросил из вежливости:

— Вы, вероятно, много ездили по свету?

— Да нет, не очень,— сказал он.— Мне ведь, знаете ли, нельзя.

— Почему? — удивился я.

Он не ответил, затянулся несколько раз подряд, бросил окурок и вдруг сказал:

— Но мне всё же придется набраться храбрости и кое-куда съездить.

— Куда же именно? — спросил я.

— В Москву,— сказал он.

Можно было подумать, что ему предстояла поездка на Северный полюс или на Марс. «Ай да путешественник»,— подумал я.

— Да,— сказал я.— Конечно, это очень сложно.

Кажется, он не обратил внимания на мой тон. Он закурил новую папиросу и сказал задумчиво:

— Еще очень многое нужно обдумать. На чем ехать? На поезде? На самолете? Или, знаете ли, автобусом?

— Идите пешком,— посоветовал я.

— Это, знаете ли, исключается,— сказал он серьезно.— Это слишком долго.

— Тогда на такси,— веселился я.— Или верхом.

— Легко вам советовать,— сказал он, и я всё никак не мог понять, действительно ли он не понимает моего тона, или просто игнорирует его.— Если бы дело касалось, знаете ли, только меня... Это вам не ночная радуга,— сказал он неожиданно.

— При чем здесь ночная радуга? — осведомился я.

Мне показалось, что он усмехнулся.

— Кто вы, простите, по профессии? — спросил он.

Я сказал. Я не понимал, для чего это ему нужно и зачем я ему ответил.

— Тогда вам, знаете ли, не понять,— мягко сказал он.— Вы не сердитесь, пожалуйста, но право... Это, знаете ли, довольно специальные вещи.

— А кто вы, простите, по профессии? — спросил я. Я чувствовал себя оскорбленным.

— Я библиотекарь,— сказал он.— Мне пришлось стать библиотекарем. Это, знаете ли, самое безопасное.

«Да уж,— подумал я.— Симеонова-Тян-Шанского из тебя бы не вышло».

— Пожалуй, рискну на такси,— сказал он вдруг решительно.— В крайнем случае, пострадают двое.

— Да зачем же обязательно пострадают? — снисходительно удивился я.— Сотни тысяч людей ездят и на такси, и на автобусах, и на поездах...

— Люди людям рознь,— сказал он.— И потом... крушения все-таки бывают. Вероятность крушения сравнительно мала, но, знаете ли, отлична от нуля даже для обыкновенного человека.— И он снова повторил: — Это вам, знаете ли, не ночная радуга.

— Опять ночная радуга,— сказал я.— Ничего не понимаю.

— Сколько раз в жизни вы видели ночную радугу? — спросил он.

— Ни разу,— ответил я.— Сегодня впервые.

— Ну вот,— сказал он.— А я видел ночную радугу больше ста раз. Точнее сказать не могу, но дома у меня есть картотечка, и можно, знаете ли...— Он замолчал.

Я попробовал привести в порядок свои мысли и затем спросил его, не синоптик-любитель ли он.

— Нет,— ответил он.— Синоптик-любитель, знаете ли, любит редкие явления, а со мной наоборот, редкие явления любят меня.— Он помолчал и добавил: — Да, это я, пожалуй, точно выразился. Я не люблю редких явлений, но редкие явления любят меня.

Я снова признался, что решительно ничего не понимаю.

— Тогда, может быть, рассказать вам? — задумчиво проговорил он.— Все-таки вы журналист, знаток, знаете ли, человеческих душ... Может быть, вы даже поможете мне. Хотя вы, наверное, не поверите.

— Поверю,— пообещал я. Мне было действительно очень интересно, как развязывается этот узел из ночных радуг и крушений поездов.

— Это началось еще в детстве,— сказал он.— Я начал учиться играть на скрипке и разбил четыре стакана и блюдце.

— Как? Сразу? — спросил я. Его слова напомнили один разговор в автобусе: «Вы представляете, вчера Николай носил дрова и разбил люстру».

— Нет, не сразу. В течение первого месяца обучения. Уже тогда мой учитель, знаете ли, сказал, что в жизни не видел чего-либо подобного.

Я промолчал, но тоже подумал, что это должно было выглядеть довольно странно.

— Это известное физическое явление,— пояснил он.

— Н-да, я, кажется, припоминаю,— промямлил я, тщетно пытаясь сообразить, при чем здесь физика.

— Явление резонанса. Каждое тело, знаете ли, обладает так называемыми собственными колебаниями. Если внешнее воздействие также представляет собой колебательный процесс, и частота колебаний совпадет с частотой собственных колебаний тела, возникает резонанс, тело начинает вибрировать со всё большей амплитудой и наконец разваливается.

— Амплитуда,— произнес я. По-моему, это вышло довольно глупо, но он сразу же подхватил:

— Вот воинские части, проходя по мосту, специально сбивают шаг, идут не в ногу, и это, знаете ли, потому, что бывали случаи, когда таким вот образом разрушались мосты.

Я наконец вспомнил соответствующий анекдот из школьной физики, а он уже рассказывал про стаканы. Как выяснилось, стаканы тоже имеют собственные колебания, и можно дробить их резонансом, если подобрать соответствующую частоту звука. Звук — это ведь тоже колебания. Мне это как-то не приходило в голову уже много лет.

— Но главное,— продолжал странный незнакомец,— главное, знаете ли, в том, что это очень редкое явление. На производстве резонанс — это реальная опасность, различные, знаете ли, вибрации, а в обыденной жизни, в быту это редчайшая вещь. Какой-то древний правовой кодекс, например, поражает исчерпывающим учетом всех случайностей. В нем указывается даже компенсация, которую должен уплатить владелец петуха, криком разбившего чужой кувшин.

— Я слыхал что-то в этом роде,— сказал я.

— Ну так вот. А я своей, знаете ли, скрипкой за месяц разбил четыре стакана и блюдце.

Он помолчал, раскуривая новую папиросу, а я всё пытался понять, какое это имеет отношение к крушениям поездов и ночным радугам.

— Вот с этого и началось,— продолжал он.— Родители запретили мне заниматься музыкой. У отца был большой красивый сервиз севрского фарфора. Отец очень боялся за него, и мать тоже была против. Но это было самое начало. Потом все мои знакомые отметили, что я нарушаю «закон бутерброда».

— Чей закон? — спросил я.

— Не «чей», а какой,— сказал он.— Знаете, есть поговорка — бутерброд всегда падает маслом вниз. Это и есть закон бутерброда, или его еще называют «четвертое правило термодинамики»: вероятность желаемого исхода всегда меньше половины.

— Половины чего? — озадаченно спросил я.

— Половины, знаете ли... Половины...— Он бросил окурок и сказал печально: — Ну вот, вы уже не знаете, что такое вероятность.

— Не знаю,— сказал я, хотя тут же вспомнил о таинственной отрасли математики, именуемой «Теория вероятностей».

— Вероятность,— сказал он,— это количественная характеристика возможности наступления того или иного события.

— Ага,— сказал я.— А при чем здесь бутерброды?

— Ну, ведь бутерброд может упасть или маслом вниз, или маслом вверх. Так вот, вообще говоря, если вы будете бросать бутерброд наудачу, случайным образом, то он будет падать то так, то эдак. Пусть вы бросили бутерброд сто раз. Сколько раз он упадет маслом вверх?

Почему-то я вспомнил, что еще не ужинал.

— Думаю, раз пятьдесят,— сказал я.— Если наугад, то как раз половинка на половинку.

— Правильно,— похвалил он.— Вот и можно подсчитать вероятность: всего событий сто, благоприятных событий — бутерброд маслом вверх — пятьдесят, делим пятьдесят на сто, будет половина — одна вторая. Понимаете теперь?

— Что ж, это несложно,— осторожно сказал я.

— А сейчас будет посложней,— сказал он и, прежде чем я успел остановить его, принялся читать мне лекцию по теории вероятностей.

Кое-что я все-таки понял. Оказывается, если бросать бутерброд сто раз, он может упасть маслом вверх не пятьдесят раз, а пятьдесят пять или даже двадцать, но если бросать его очень долго и много, то как раз получится, что масло вверху окажется приблизительно в половине всех случаев («с достаточной точностью», как он выразился). Я представил себе этот несчастный бутерброд с маслом (и, может быть, даже с икрой), после того, как его бросали тысячи раз на пол, пусть даже на не очень грязный, и спросил, неужели действительно были люди, которые этим занимались. Он засмеялся и сказал, что для этих целей пользовались в основном не бутербродами, а монеткой, как в игре в орлянку. Он сказал, что такие эксперименты проводились неоднократно и послужили базой для введения научно строгого определения понятия вероятности.

Он говорил минут двадцать, увлекся и забирался во всё более глухие дебри, и скоро я совсем перестал его понимать и сидел, глядя в звездное небо. Из всей лекции я запомнил только полузнакомый термин «математическое ожидание». Он употреблял этот термин неоднократно, и каждый раз я представлял

себе большое помещение типа вокзала, с кафельным полом, где сидят люди в очках и, подбрасывая время от времени к потолку монетки и бутерброды, чего-то сосредоточенно ожидают. Должно быть, ужина. Но тут он оглушил меня новым термином «предельная теорема Муавра — Лапласа», спохватился и замолк на полуслове.

— У вас, однако, незаурядная подготовка,— сказал я, чтобы заполнить неловкую паузу.

— Да,— сказал он.— Боюсь, что я отвлекся.

— Вы рассказывали о «законе бутерброда»,— напомнил я.

— Это, знаете ли, первым заметил мой дядя. Я был очень рассеян и часто ронял бутерброды, и бутерброды у меня всегда падали маслом вверх.

— Ну и прекрасно! — вырвалось у меня.

Он невесело хмыкнул.

— Это хорошо, когда изредка, а вот если всегда!.. Мой дядя немного знал математику и увлекался теорией вероятностей. Он посоветовал мне попробовать бросать монетку. Мы ее бросали вместе. Я даже ничего не понял тогда, а дядя понял. Он так и сказал мне: «Да ты, дружок, феномен».

— Так что же все-таки произошло? — нетерпеливо спросил я.

— В первый раз я бросил монетку сто раз, и дядя сто раз. У него орел выпал пятьдесят три раза, а у меня — девяносто восемь. У дяди, знаете ли, глаза на лоб полезли. У меня, впрочем, тоже. Потом я бросил монетку еще двести раз.— Он остановился, раскуривая очередную папиросу.

— Ну? — спросил я.

— Сто девяносто шесть раз,— сказал он.— Сто девяносто шесть раз орел. Но я тогда ничего не понял. Я был, знаете ли, слишком молод. Всё это представлялось мне очень забавным. Я чувствовал себя средоточием всех чудес на свете...

— Чувствовал чем? — изумился я.

— Средоточием чудес. Чудеса не давали мне покоя. От них, знаете ли, отбоя не было. Но потом я стал учиться и много читал, кое-что понял, хотя, знаете ли, далеко не всё.

Он принялся рассказывать всё по порядку, куря папиросу за папиросой. Тут я хочу оговориться. Я не стану излагать здесь всё, что он мне сообщил. Многие из эпизодов его действительно необыкновенной жизни я просто забыл. Их стерли наибо-

лее яркие и потрясающие случаи. Он рассказывал подробно, старательно описывая детали и неизменно подводя научную базу под все излагаемые события. Он поразил меня если не глубиной, то разносторонностью своих знаний. Он осыпал меня терминологией из физики, приправляя свою речь грустно-насмешливым «знаете ли», он пускался в философские отступления. Иногда он казался мне, мягко выражаясь, не самокритичным. Так, он несколько раз назвал себя «феноменом», «чудом природы» и один раз даже «гигантской флюктуацией». В его присутствии происходили невообразимые вещи, которые невежды назвали бы чудесами, но которые, по его словам, были просто весьма маловероятными событиями, легко объяснимыми даже с точки зрения современной науки.

— Во Вселенной,— говорил он,— все процессы разворачиваются таким образом, что из всевозможных событий в подавляющем большинстве случаев осуществляются события наиболее вероятные[1]. Возьмем, например, газ в сосуде. Молекулы движутся там с огромными скоростями и совершенно хаотически. Хаотически, ибо состояние молекулярного хаоса есть наиболее вероятное состояние для газа. Поэтому газ распределяется по сосуду с равной плотностью, и в любом, достаточно большом участке этого сосуда число молекул остается постоянным с огромной степенью точности, если только это число достаточно велико.

И всегда и везде в природе так: осуществляются именно те события (он говорил: «состояния»), которые наиболее вероятны. Но кроме таких нормальных процессов могут иметь место процессы и не совсем естественные с обыденной точки зрения. Например, газ в сосуде может собраться весь в одной его половине. Такое событие чрезвычайно маловероятно, но в принципе возможно. Он заявил, что существует масса таких процессов, которые маловероятны, но возможны, и если о них ничего не известно, то это вовсе не значит, что никто не был их

[1] Ну да: они потому и называются наиболее вероятными, что осуществляются в большинстве случаев. От этой тавтологии («наиболее вероятные события наиболее вероятны») в той или иной форме Авторам не удалось, к сожалению, избавиться ни в одном варианте этого рассказа, включая и текст «Стажеров». — *В. Д.*

свидетелем и уж во всяком случае не значит, что их вообще не может быть.

— Предположим, что такой процесс осуществился,— говорил он.— Скажем, весь, знаете ли, воздух собрался в одной половине комнаты. Тогда все, кто сидел в другой половине, задохнулись бы, а остальные сочли бы происшествие чудом. Но это не чудо, а просто чрезвычайно маловероятное явление, которое совершенно не противоречит нашим представлениям о газе. Это была бы громадная флюктуация, ничтожно вероятное отклонение состояния газа от среднего.

Сам он по его словам был тоже громадным отклонением от среднего. Вокруг него постоянно происходили чрезвычайно маловероятные явления. Нормальный средний человек может иногда похвастаться, что раз в жизни видел двенадцатикратную радугу или что-нибудь в этом роде. Незнакомец их видел шесть или семь раз. Процессы, разворачивающиеся с участием или в окрестностях обыкновенного человека, редко приводят к сколько-нибудь необыкновенным явлениям. Но стоит появиться ему, незнакомцу, как получается что-нибудь такое, что и объяснить-то не всегда удается.

— Значит, ночная радуга...— сказал я.

— И ночная радуга тоже,— сказал он.— Но ночная радуга это, знаете ли, пустяки. Я побью любого синоптика-любителя. Я видел полярные сияния здесь, на юге, Брокенское видение, три раза наблюдал «зеленый луч» или [Далее текст отсутствует.]

Второй вариант рассказа отличается от первого, помимо всяческих мелких интересных деталей, тем, что в нем отсутствует даже намек на необычные события (вроде ночной радуги), фантастичен лишь рассказ незнакомца.

Аркадий Стругацкий
Борис Стругацкий

ГИГАНТСКАЯ ФЛЮКТУАЦИЯ

(научно-фантастический рассказ)

Вероятно, я не смогу его узнать, если нам случится встретиться где-нибудь на улице или, скажем, в гостях. Было слиш-

ком темно, и лица его я не видел, а голос... Что ж, голос у него был самый обыкновенный, немножко печальный и сиплый, и он изредка покашливал, словно от смущения. Он много курил. Морской ветер высекал огненные искры из его папирос, искры неслись над ночным каменистым пляжем и гасли где-то вдали. Мне так и запомнился этот занимательный разговор. Негромкий голос, шум набегающих волн, туманное хмурое небо, огоньки маяка вдали и оранжевые искры, летящие над пустынным пляжем...

Я слышал, как он приближался: сначала позади загрохотали камни (это он спускался с насыпи), потом донесся запах табачного дыма, потом он хрустнул гравием совсем рядом и остановившись пробормотал как бы про себя:

— Мир полон удивительных вещей!..

Это было не совсем обычно. Я ожидал чего-нибудь вроде «Баллов семь, как вы думаете, а?», но все-таки решил не отвечать. Я уезжал утренним поездом — мой отпуск кончился, я вспоминал чудесные дни, проведенные здесь, на море, настроение было слегка лирическое, и разговаривать, тем более с незнакомым мужчиной, мне совсем не хотелось. Но он повторил:

— Мир полон удивительных вещей.— И затем затянулся, осыпав меня дождем искр.

Во всяком случае, такое замечание не требовало ответа, и я снова промолчал. Мы молчали так довольно долго, я делал вид, что не замечаю его, но он не уходил. Он докурил папиросу, закурил новую и даже присел на валун рядом со мной. Время от времени он принимался что-то бормотать, но рокот воды скрадывал слова, и я слышал только неразборчивое ворчание. Наконец он заявил громко:

— Нет, это уже слишком! Я должен это кому-нибудь рассказать! — И обратился прямо ко мне, впервые с момента своего появления: — Вы когда-нибудь бывали в Калистратове?

— Нет,— сказал я и добавил чисто из вежливости: — А что это такое?

— Город,— отвечал он,— это город. Так никогда там не бывали?

— Нет,— сказал я.

— Это, знаете, даже к лучшему,— заметил он. Я не возражал.

— Со мной только что случилась одна вещь,— растерянно сказал он, и я почувствовал, что, несмотря на его решительное заявление, он еще далеко не решился на полную и окончательную откровенность. Я вдруг почувствовал себя заинтригованным и притворно равнодушно проговорил:

— Вы совсем не обязаны рассказывать об этом первому встречному.

Мне показалось, что при одной только мысли, что ему придется что-то скрыть, он испугался. Во всяком случае, он замахал руками — кончик горящей папиросы принялся описывать замысловатые кривые:

— Что вы, что вы!.. Как же так — не обязан! Это зашло слишком далеко... Если бы вы только знали, как далеко это зашло!

«Любовная история»,— уныло подумал я и ограничился нейтральным:

— Что вы говорите!

— Да! — с жаром воскликнул он.— Очень далеко! Но, знаете ли...

Он помолчал несколько секунд, словно не решаясь продолжить, потом сказал виноватым голосом:

— Знаете, я думаю, мне надо начать издалека... С самого начала. А то вы совсем не поверите...

Я представил, что мне угрожает, и совершенно искренне на этот раз возразил:

— Ну стоит ли рассказывать о таких вещах незнакомому человеку? Я понимаю, вам тяжело, но...

— Да, да! — перебил он меня.— Вы правы, мне очень тяжело! Мне и раньше было нелегко чувствовать в себе такое, но раньше это, знаете ли, касалось только меня... Окружающие, знаете ли, страдали мало, но теперь... Это, в конце концов, может касаться даже вас!

«История с моралью»,— моментально решил я. Это было ужасно. Но уйти я уже не мог: меня удерживал его жалобный голос.

— Это началось еще в детстве,— сказал он.— Я начал учиться играть на скрипке и разбил четыре стакана и блюдце.

— Как? Сразу? — спросил я, чтобы что-нибудь сказать. Его слова мгновенно напомнили один разговор в автобусе: «Вы представляете, вчера дворник бросал нам дрова и разбил люстру!»

— Нет, не сразу. В течение первого месяца обучения. Уже тогда мой учитель сказал, что в жизни не видел чего-либо подобного.

Я промолчал, но тоже подумал, что это должно было выглядеть довольно странно.

— Это известный физический закон,— пояснил он.

— Н-да, я, кажется, припоминаю,— промямлил я, тщетно пытаясь сообразить, при чем тут физика.

— Явление резонанса. Каждое тело, знаете ли, обладает так называемыми собственными колебаниями. Если внешнее воздействие также представляет собой колебательный процесс, и частота колебаний совпадет с частотой собственных колебаний тела, возникает резонанс. Тело начинает колебаться со всё большей амплитудой и наконец разваливается.

— Амплитуда,— произнес я. По-моему, это вышло довольно глупо, но он сразу же подхватил:

— Вот воинские части, проходя по мосту, специально сбивают шаг, идут не в ногу. И это, знаете ли, потому, что бывали случаи, когда вот таким образом разрушались мосты.

Я наконец вспомнил соответствующий анекдот из школьной физики, и мне стало несколько легче, а он уже рассказывал про стаканы. Оказывается, стаканы тоже имеют собственные колебания, и можно дробить их резонансом, если подобрать соответствующую частоту звука. Звук — это ведь тоже колебания, мне это как-то не приходило в голову уже много лет.

— Но главное,— продолжал мой новый знакомый,— главное, знаете ли, в том, что это очень редкое явление. На производстве резонанс — это реальная опасность: различные, знаете ли, вибрации, а в обыденной жизни, в хозяйстве — это редчайшая вещь. Какой-то древний правовой кодекс, например, поражает исчерпывающим учетом всех случайностей. И там — это обычно приводится как анекдот — указывается компенсация, причитающаяся с владельца того петуха, который криком разбил кувшин,— владельцу кувшина.

— Действительно, анекдот,— согласился я.

— Да. А я вот своей, знаете ли, скрипкой за месяц разбил четыре стакана и блюдце,— закончил он горестно.

Мы помолчали. Я приводил в порядок мысли, пытаясь сообразить, какое всё это имеет отношение к любовной истории этого человека. Потом он сказал:

— Вот с этого и началось. Родители запретили мне заниматься музыкой. У папы был большой красивый сервиз севрского фарфора. Папа очень боялся за этот сервиз. Мама тоже была против... Но дело, знаете ли, не в этом... Это всё — семейное...

Я почувствовал, что он стыдливо заулыбался.

— Потом все мои знакомые отметили, что я нарушаю закон бутерброда.

— Странная фамилия,— сказал я глубокомысленно.

— Какая фамилия?.. Ах, закон... Нет, это не фамилия. Это просто... ну просто шутка, что ли. Знаете, есть поговорка: «Бутерброд всегда падает маслом вниз»? Вот отсюда и пошло «закон бутерброда», или его еще называют «четвертое правило термодинамики»: вероятность желаемого исхода всегда меньше половины.

— Половины чего? — спросил я, чтобы скрыть смятение, в которое меня повергло слово «термодинамика».

— Как вам сказать...— Он, казалось, был озадачен моим замечанием.— Ну, половины, знаете ли, всех возможных... То есть, простите, вы правда не знаете, что такое вероятность?

— Я как-то никогда не задавался таким вопросом,— сказал я с деланной развязностью.— Если позволите, я подумаю и, возможно...

— Пожалуйста,— сказал он несколько растерянно, и я честно принялся думать. Сначала мне припомнился ряд выражений типа «возможность, действительность, случайность и необходимость». Потом всплыла формулировка, всегда поражавшая меня своей очевидностью: «Возможность далеко не есть действительность».

— Что-нибудь из области философии? — предположил я.

Он покашлял недоуменно и сказал:

— Н-нет... Это, знаете ли, математика... Вероятность — это количественная характеристика возможности наступления того или иного события.

Я почувствовал себя уязвленным и разочарованным:

— А при чем здесь бутерброды?

— Бутерброды... Ну, ведь бутерброд может упасть или маслом вниз, или маслом вверх. Так вот, вообще говоря, если вы будете бросать бутерброд наудачу, случайным образом, то он бу-

дет падать то так, то эдак... Пусть вы бросили бутерброд сто раз... Сколько раз он, по-вашему, упадет маслом, знаете ли, вверх?

Я подумал. Почему-то я вспомнил, что еще не ужинал. Но я сказал:

— Думаю — раз пятьдесят... Если наугад, то как раз половинка на половинку.

— Именно! — воскликнул он.— Вот и можно подсчитать вероятность: всего событий сто, благоприятных событий — бутерброд маслом вверх — пятьдесят, делим пятьдесят на сто, будет половина, одна вторая.

— Ага! — сказал я.

— Это, конечно, очень грубый пример, но я надеюсь...

— Да, да,— сказал я поспешно, но мне не удалось его остановить.

Он начал читать лекцию по теории вероятностей. Я кое-что понял. Оказывается, если бросать бутерброд сто раз, он может упасть маслом вверх не пятьдесят раз, а пятьдесят пять или даже двадцать, но если бросать его очень долго и много, то как раз получится, что масло вверху окажется приблизительно в половине всех случаев («с достаточной точностью», как он выразился). Я представил себе этот несчастный бутерброд с маслом (и может быть, даже с икрой!) после того, как его бросали тысячи раз на пол, пусть даже не на очень грязный, и спросил, неужели действительно были люди, которые этим занимались. Он так увлекся, что даже не обратил внимания на мой вопрос, но потом выяснилось, что для этих целей пользовались в основном не бутербродами, а монеткой, как в игре в орлянку. Он говорил минут двадцать, забираясь всё в более глухие дебри, и скоро я совсем перестал его понимать, и сидел, глядя в хмурое небо, и думал, что, вероятно, скоро пойдет дождь. Из всей лекции я запомнил только полузнакомый термин «математическое ожидание». Он употреблял этот термин неоднократно, и каждый раз я представлял себе большое помещение типа вокзала, с кафельным полом, где сидят люди в очках и, подбрасывая время от времени к потолку монетки и бутерброды, чего-то сосредоточенно ожидают. Должно быть, ужина.

Но тут он оглушил меня новым термином: «предельная теорема Муавра — Лапласа» и сказал, что всё вышерассказанное к делу не относится.

— Я, знаете ли, совсем не об этом вам хотел рассказать,— проговорил он голосом, лишенным прежней живости.

— Вы, вероятно, математик? — спросил я с участием. Он вызывал у меня какую-то жалость. Не ту почтительную жалость, которую я испытывал ко всем работникам точных наук, а какую-то особую... Слишком резок был переход от вдохновенного изложения основ к этому печальному «знаете ли». И тут он меня удивил:

— Нет,— сказал он уныло.— Я не математик, я — библиотекарь.

— Позвольте! Но такие, я бы прямо сказал, познания!..

— Э, знаете ли! Мне пришлось! Я вам ведь, кажется, еще не рассказал своей истории... Про закон бутерброда я еще не рассказал?

— Ммм... Почти...

— Это, знаете ли, первым заметил мой дядя с материнской стороны: я был очень рассеян, знаете ли, и часто ронял бутерброды. И бутерброды у меня всегда падали маслом вверх...

— Ну и хорошо,— вставил я.

Он горестно покашлял.

— Это хорошо, когда изредка... А вот когда всегда... Вы понимаете — всегда!

Я ничего не понимал и сказал ему об этом. Он не обратил на меня внимания. Голос его стал невнятным и монотонным.

— Мой дядя немного знал математику и увлекался теорией вероятностей. Он посоветовал мне бросать монетку. Мы ее бросали вместе. Я сразу тогда даже не понял, что я конченый человек. А мой дядя это понял. Он так и сказал мне тогда: «Ты конченый человек»...

Я по-прежнему ничего не понимал.

— В первый раз я бросил монетку сто раз и дядя сто раз. У него орел выпал пятьдесят три раза, а у меня девяносто восемь... У дяди, знаете ли, глаза на лоб вылезли. И у меня тоже. Потом я бросил монетку еще двести раз и... и...

Он даже всхлипнул.

— Сто девяносто шесть раз! — Он засопел и замолк, видимо, стараясь успокоиться, потом закурил новую папиросу и продолжал.

— Мне уже тогда следовало понять, чем такие вещи должны кончиться. Мне надо было понять, что когда-нибудь наступит и сегодняшний вечер! (Он снова всхлипнул.) Но тогда я, знаете ли, был слишком молод. Мне все это представлялось очень интересным. Мне казалось очень забавным чувствовать себя средоточием всех чудес на свете...

— Чувствовать — чем? — изумился я.

— Средоточием чудес. Я не могу другого слова подобрать, хотя и пытался, знаете ли...

Он немножко успокоился и принялся рассказывать всё по порядку, беспрерывно куря и покашливая. Тут я хочу оговориться. Я не стану излагать здесь всё, что он мне сообщил. Многие из эпизодов его действительно необыкновенной жизни выпали из моей памяти. Их стерли наиболее яркие и потрясающие случаи. Он рассказывал подробно, старательно описывая все детали и неизменно подводя научную базу под все излагаемые события. Он поразил меня если не глубиной, то разносторонностью своих знаний. Он осыпал меня терминологией из теории вероятностей, математической статистики и статистической физики, обильно приправляя свою речь бесконечно печальными «знаете ли». Зачастую он пускался в философские рассуждения, а иногда казался мне даже, мягко выражаясь, несамокритичным. Так, он несколько раз назвал себя «феноменом», «чудом природы» и один раз даже «гигантской флюктуацией» (кто его знает, что это может означать). Он мне заявил, что чудес не бывает (с этим я немедленно согласился), но тут же добавил, что «чудо есть не что иное, как весьма маловероятное событие».

— Во Вселенной,— говорил он,— все процессы разворачиваются таким образом, что из всевозможных событий в подавляющем большинстве случаев осуществляются события наиболее вероятные. Возьмем, например, газ в сосуде. Молекулы движутся там с огромными скоростями и совершенно хаотически. Хаотически, ибо состояние молекулярного хаоса есть наиболее вероятное состояние для газа. Поэтому газ распределяется по сосуду с равной плотностью и в любом достаточно большом участке этого сосуда число молекул остается постоянным с огромной степенью точности, если только это число достаточно велико.

По его словам, это был простейший пример, но я его понял как-то хуже, чем историю с бутербродами. И везде и всегда в природе так: осуществляются именно те события (он говорил — «состояния»), которые наиболее вероятны. Но кроме таких нормальных процессов могут иметь место процессы и не совсем естественные с обыденной точки зрения. Например, газ в сосуде может весь собраться в одной его половине. Такое событие чрезвычайно маловероятно (он называл какие-то действительно очень маленькие числа, которые я забыл), но в принципе возможно. Он заявил, что существует масса таких процессов, которые маловероятны, но возможны, и если никто не был свидетелем их осуществления, то это еще не значит, что их вообще не может быть.

— Если бы такой процесс осуществился,— говорил он,— скажем, знаете ли, весь воздух собрался бы в одной половине комнаты, то все, кто сидели в другой половине, задохнулись бы, а остальные сочли бы происшедшее чудом. Но это не чудо, а вполне реальный и возможный, но необычайно маловероятный факт.

— Это была бы громадная флюктуация,— сказал он,— ничтожно вероятное отклонение от среднего.

Он, по его словам, и был такой... таким отклонением от среднего. Его окружали чудеса. Увидеть, например, двенадцатикратную радугу — необычайно редкое явление природы — было для него пустяком. Он видел их шесть или семь раз. В течение всего времени обучения в школе и в вузе он сдал несусветное количество экзаменов и каждый раз вытаскивал билет номер пять. Однажды он сдавал спецкурс и было точно известно, что будет всего четыре билета. И он все-таки вытащил билет номер пять, потому что за час до экзамена преподаватель вдруг решил добавить еще один билет. (После этого случая он уверовал в свои способности и стал учить только пятый билет и срезался на ближайшем же экзамене — нумерация билетов оказалась перепутанной.) Бутерброды продолжали у него падать маслом вверх («На это я, по-видимому, обречен до конца жизни,— сказал он.— Это всегда будет мне напоминать, что я не какой-нибудь обыкновенный человек, а гигантская флюктуация»). Дважды ему случалось присутствовать при образовании

больших воздушных линз («Это макроскопические флуктуации плотности воздуха»,— объяснил он), и оба раза эти линзы зажигали спичку у него в руках. В каждом спичечном коробке, который он приобретал, было не по пятьдесят спичек, а ровно по пятьдесят две. Все чудеса, с которыми он сталкивался, он делил на три большие группы: на чудеса приятного, неприятного и чисто научного свойства. Пятьдесят две спички в коробке и бутерброды маслом вверх, например, относились к первой группе. Ко второй группе относился тот факт, что все консервы, которые он приобретал, были испорченными. Точно так же ему не везло с тортами («Я три раза травился тортом и один раз отравил жену, пока, знаете ли, не понял, что это тоже закономерность»). К третьей группе чудес он относил разнообразные редчайшие явления породы, которые имели честь происходить в его присутствии.

— Я побью любого синоптика-любителя,— заявил он.— Я видел полярные сияния в Алма-Ате, Брокенское видение на Кавказе и три раза наблюдал знаменитый «зеленый луч» или «меч господа»[1], как его называют.

Однажды в его присутствии произошло нарушение второго закона термодинамики — закипела вода в кувшине с цветами. Он рассказывал, что после этого его жена несколько дней ходила как пришибленная и, знаете ли, до сих пор пробует воду губами, прежде чем пить, даже если это вода из родника.

— Я считал это самым замечательным чудом в своей коллекции,— печально сообщил он,— но только, знаете ли, до сегодняшнего вечера.

Он вообще очень часто прерывал свою речь для того, чтобы заявить: «Всё это, знаете ли, было очень хорошо, но сегодня!.. Это уже слишком, уверяю вас...»

Пока он рассказывал, меня осенила одна мысль.

— А вы играете в карты? — спросил я.

Он поперхнулся дымом и долго кашлял. Потом он сказал, что не играет с тех самых пор, как его научили покеру, и он выиграл за вечер восемнадцать миллионов рублей у своего товарища студента. С тех пор он играет только в подкидного дурач-

[1] Можно обратить внимание будущих исследователей: в тексте «Стажеров» — «меч голода». — *В. Д.*

ка и предпочитает проигрывать. Потом он ни с того ни с сего спросил, знаю ли я, что такое метеорит. Я это знал.

— Метеориты,— сказал я,— это падающие звезды, которые не имеют ничего общего с теми звездами, которые не падают.

Ему понравилось такое определение.

— Метеориты иногда попадают в дома,— задумчиво сказал он.— Но это очень редкое событие. И зарегистрирован, знаете ли, только один случай, когда метеорит попал в человека. Единственный, знаете ли, в своем роде случай.

— Ну? — сказал я.

Он наклонился ко мне и сказал зловещим шепотом:

— Так этот человек — я.

Это показалось мне гораздо более замечательным, чем нарушение второго закона.

— Вы шутите,— сказал я, вздрогнув.

— И этот человек — я,— повторил он грустно.

Оказалось, что всё это произошло на Урале. Он был студентом и участвовал в турпоходе. Остановился на минутку, чтобы завязать шнурок на ботинке. Раздался резкий шелестящий свист, и он ощутил толчок в заднюю, знаете ли, часть тела и боль от ожога.

— На штанах была вот такая дыра,— рассказывал он,— кровь текла, знаете, но не сильно. Жалко, что сейчас темно, я бы показал вам шрам.

Он подобрал там на месте несколько подозрительных камешков и хранит их теперь в столе. Может быть, один из них и есть тот метеорит.

— Надо было бы показать их специалистам,— сказал я и остановился. Мне пришло в голову еще одно соображение.

— А вы не находите,— сказал я,— что вы сами по себе представляете интерес для науки?

— Я думал об этом,— сказал он.— Я писал. Я, знаете ли, предлагал.

— Ну?

— Никто не верит,— вздохнул он.— Сами понимаете, если уж мне не поверил мой близкий друг — тот самый, у которого я выиграл восемнадцать миллионов,— то посторонний человек тем более, знаете, не поверит. Да я, впрочем, никому почти и

не рассказывал всё полностью. Разве, знаете ли, жене... Ведь чем бы всё это кончилось?..

Он бросил окурок и вздохнул.

— Выделили бы мне комиссию, она бы за мной везде ходила и ждала чудес... А я, знаете ли, человек, в общем-то, нелюдимый. Мне бы это, знаете ли, было неприятно... Потом, у меня дети...

Я был вынужден с ним согласиться. Ведь и в самом деле, он сам не мог вызывать чудеса по желанию, он был только «средоточием чудес», точкой пространства, как он говорил, где происходят маловероятные события. Без постоянной комиссии и наблюдения не обошлось бы...

— Я писал одному ученому. В основном, правда, о метеорите и воде в кувшине. Ну, он, знаете ли, отнесся к этому юмористически. Он написал, что метеорит упал вовсе не на меня, а на одного японского, кажется, шофера... И посоветовал обратиться к врачу.

Я заметил, что он становится всё печальнее и вздыхает всё чаще.

— Меня очень заинтересовал этот шофер, я подумал, что это, может быть, тоже флюктуация — вы сами понимаете, это возможно,— но потом оказалось, что он уже умер... Да, знаете ли...

Он задумался.

— А к врачу я все-таки пошел. Оказалось, что я человек физиологически совершенно нормальный, но нервная система сильно расшатана. Он послал меня сюда, на курорт... И я поехал, знаете ли... Себе на горе,— добавил он, помолчав.

— А может быть,— начал я,— именно в нервном состоянии и содержится разгадка...

— Нет. Я, знаете ли, думаю, что это от того, что жена разрешилась шестью...

— Как? — Я даже подскочил на месте.

— Да, знаете ли, шестью... Тоже весьма маловероятное событие...

Я не нашелся, что ответить. Он долго молчал, а потом вдруг всхлипнул:

— Отец шестерых детей! Поделом мне! Поделом, знаете ли...

— А что такое?

Он нагнулся ко мне, и в голосе его вдруг зазвучала решимость, он даже перестал говорить «знаете ли».

— Час назад у меня улетела дама.

Я не понял.

— Мы прогуливались там наверху по парку. Ну, черт возьми, я же еще не старый человек! Мы познакомились в столовой и пошли прогуляться в парк. И она улетела.

— Куда?!! — возопил я.

— Не знаю. Мы шли об руку, вдруг она вскрикнула, ойкнула, оторвалась от земли и поднялась в воздух... Я опомниться не успел, только схватил ее за ногу и... вот...

Он ткнул мне в руку какой-то твердый предмет. Это была босоножка. Обыкновенная светлая босоножка, размер тридцать пять. Я повертел ее в руках и вернул несчастному феномену.

— Это возможная вещь,— бормотал феномен,— хаотическое движение молекул тела, броуновское движение частиц живого коллоида стало упорядоченным, ее оторвало от земли и унесло, знаете ли, черт знает куда... Очень, очень маловероятное... Вы мне теперь только скажите, должен я считать себя убийцей?

Не дождавшись ответа — я был слишком потрясен,— он продолжал:

— И дело, знаете ли, даже не в этом. Она, может быть, зацепилась где-нибудь за дерево — я не стал искать, побоялся, что не найду. Но, знаете ли... Раньше все эти чудеса касались только меня. Я не очень любил флюктуации, но, знаете ли, флюктуации очень любили меня, а теперь? Если этакие штуки начнут происходить и с моими знакомыми? Сегодня улетает дама, завтра взрывается жена, послезавтра... Или, знаете ли, вот вы. Вы ведь сейчас ни от чего не застрахованы...

Эта мысль осенила меня минутой раньше. Я встал. Ноги у меня подгибались. Я уже представил, как кровь начинает кипеть у меня в жилах и что я при этом ощущаю, кроме благородного сознания, что я являюсь носителем редчайшего нарушения второго закона термодинамики. Возможность скоропостижно умереть или выбить себе зубы языком представлялась мне совершенно реальной в присутствии этой «гигантской флюктуации». Я не стал прощаться (честное слово, впервые в жизни!), я торопливо полез по откосу. Один раз мне показалось, что я взлетаю, я прижался к камням и ушиб ногу. Позади грозно ревело море. Поднявшись наверх, я все-таки оглянулся и до сих пор

горжусь этим. Было очень темно, но мне показалось, что я вижу «средоточие чудес» — маленькую фигурку на фоне чуть фосфоресцирующих волн. И еще мне показалось, что он размахнулся и бросил в волны что-то белое. Я думаю — это была босоножка. Я повернулся и побежал. Бежал до самого дома.

Я не смог бы узнать его в толпе. Разве что случилось бы какое-нибудь чудо. Но чудес, по-моему, все-таки не бывает. Я не слыхал больше ни о нем, ни о чем-либо невероятном, что имело место в то лето на морском побережье. Может быть, он всё придумал. Может быть, его дама все-таки зацепилась за сук и не улетела, и потом он уговорил ее помалкивать — это было и в ее, и в его интересах. Не знаю. Во всяком случае, я надолго запомню этот хмурый поздний вечер, грустное покашливание сквозь шум волн и оранжевые искры над пустынным пляжем. А если когда-нибудь, пожимая руку новому знакомому, вы почувствуете вдруг, что у вас ногти начали стремительно расти внутрь (явление маловероятное, но возможное), и вдобавок заметите, что новый знакомый много курит и часто покашливает (эдак «кхым-кхум»), значит это, знаете ли, он — «феномен», «средоточие чудес», «гигантская флюктуация»...[1]

Но что-то не пошло дальше и с этим вариантом плана. Авторы вновь переделывают его, получается уже нечто среднее между первоначальными задумками и окончательным текстом.

СТАЖЕР

(научно-фантастическая повесть)

Действующие лица:

1. Командир фотонного корабля «Тахмасиб» Алексей Петрович Быков.

---

[1] Описанные в рассказе флюктуации — вода закипела сама собой, женщина улетела — невозможны. Именно невозможны, а не маловероятны, в этом суть статистической физики: на больших (порядка числа Авогадро) ансамблях частиц ее законы выполняются. А раз сама собой такая флюктуация невозможна, значит, этот тип не просто попадал вовремя в то место, где такие штуки бывают, он их своим присутствием вызывал! Т. е. локально изменял вероятность этих событий. Ну, дальше можно не рассуждать, сплошная лезет мистика... — *В. Д.*

2. Начальник трансмарсианского отделения Комитета внеземных ресурсов Владимир Сергеевич Юрковский.
3. Штурман Михаил Антонович Крутиков.
4. Борт-инженер Иван Александрович Жилин.
5. Стажер борт-инженер Юрий Николаевич Чибисов.

Главы
Пролог.
1. На стартовом спутнике.
2. Первый день рейса. Жилин работает с увлечением. Рассказ «Суета вокруг дивана».
3. Марс. Облава.
4. Рейс. Запасы Михаила Антоновича. Рассказ «Сказка о желании».
5. Астероиды. Смерть-планета.
6. Юпитер. Диктатор.
7. Рейс. Рассказ «Гигантская флюктуация».
8. Следопыты. Кольца Сатурна.
9. Сцена в Гостинице. Обман Юрковского. Захват бота. Стажер отражает атаки бельгийцев. Быков не поспевает. Звук.
10. Гибель Портоса.
11. Букет незабудок.

Стажер — уже Юра, но еще с другой фамилией и еще бортинженер. Юрковский — уже администратор, но еще не инспектор. Бамберги тоже еще нет в списке посещений... А начинаться повесть должна была все-таки на Спу-17.

Зато появляется идея сопровождать повествование о рейсе маленькими рассказиками-вставочками, куда Авторы пытаются поместить и «Суету вокруг дивана» — тогда еще маленький эпизод, о котором Б. Н. Стругацкий подробно рассказывает в «Комментариях» в главе о «Понедельнике начинается в субботу». (И хорошо, что не вставили! — восклицаю я вместе с читателем. Мы могли бы лишиться замечательной повести.)

Где-то в это время Авторы решают сделать Юрковского инспектором — очень удобно с помощью такого героя колесить по Солнечной системе, посещая все объекты, которые нужны для повествования. Они начинают разрабатывать план посещений:

1. Марс. Юрковский инспектирует общегеологические работы. Участие в облаве.

2. Астероиды. На некоторых Юрковский инспектирует новые системы, введенные в ход недавно.

Но потом понимают, что сложное это дело — учесть все возможные объекты и проблемы-конфликты, и создают таблицу инспектирования Юрковским внеземных баз:

	Что делают люди	Что делает Юрковский
Марс	1. Следопыты.	1. Журит, что больше обращают внимание на пиявок, а не на археологию.
	2. Биологи — животный и растительный мир Марса. Показать ископаемые Марса.	2. Очень доволен.
	3. Геологи — ищут полезные ископаемые. Геофизики и геодезисты — триангуляция, физическое строение Марса: атмосфера, реки, горы, химия, сейсмология, метеорология и т. д. Приспособить Марс к самосодержанию.	3. Интересуется, когда будет готов проект. Он очень нужен. Он должен решить, что делать: бросить ли силы на уничтожение или на охранение. Облава.
	4. Строители, дорожники. Ок. 1000 чел. Женщины и дети.	4. Ругает за вялую работу и спрашивает, что им нужно? — А нужно больше машин.
Астероиды	1. Геологи-космогонисты — пытаются определить происхождение.	
	2. Физики.	
	3. Служба заправки и ремонта.	Юрковскому не подчиняются.

	Что делают люди	Что делает Юрковский
Церера	— смерть-планета. Физики ведут наблюдение за изменением гравитационного поля в момент взрыва. Уникальный эксперимент. Нестационарное гравиполе, скорость распространения гравитации.	Юрковский спешит и наблюдает.
Ганимед	g = 1/8 ω. Обращен одной стороной к Юпитеру. Одна станция, 20 чел. Астрономы — изучают законы движения спутников. Геологи-космогонисты. Идея частых астрономических открытий.	Низложение диктатора.

Кроме тематических наработок Стругацкие обсуждают и мысли, которые хотелось бы подать-обсудить в повести. Перечисляют идеи, записывают маленькие монологи:

К «СТАЖЕРУ»

1. Рассказ о «Каравелле». Равнодушие Быкова. Он и не видит никакого другого пути и считает, что главное в этой истории — набить морду механикам за отвратительное обслуживание.

2. Рассказ о маленьком кирпичике в башне мироздания. Вот что такое маленький человек. Никто не знает, что из него может получиться и на что он способен. Надо беречь его, и лелеять его, и всячески помогать ему — и в этом смысл жизни. (Быков)

3. Быков — борец за правду. Ненавидит ложь во спасение, отрицает ее. Придумать бешеный спор с Юрковским, сохранившим кастовость.

4. Юра должен по-настоящему прорезаться на Дионе. Ищет Шершня — убить.

5. Разговоры. Юра — Жилин об угрозе мещанства. Быков — Крутиков о детях (Быков — нежный, беспокойный отец). Показать мятущегося Жилина, которого не удовлетворяет то, что он имеет. Он считает, что он не на месте, что способен на большее.

6. Проблемы переходного периода:

а) мещанство;

б) воспитание;

в) судорожное непоспевание за успехами науки (дать на Марсе).

7. Разговор о рационализации человека. О рассудочности и потере чувств.

8. М. б. дать Юру — человека поиска. Старается узнать как можно больше и не поспевает. И Жилин — тоже. Юра человек нового времени — вмешивайся во всё и для этого все предпосылки. Лучше суматоха и неразбериха, чем стоячее болото.

— Мы были поколением молчаливых и сменили поколение запуганных или отказавшихся. Теперь растет еще поколение, но они не молчаливы, они кричат. Они воспитаны так, чтобы вмешиваться во всё. Мне это не всегда нравится. Я уверен, что есть вещи, которые не исправить никаким вмешательством. Но по-моему, они правы в общем. Вмешиваться надо. Если не вмешиваться — море человеческое застоится и превратится в болото. Они вмешиваются, поднимают массу шума, делают тысячи ошибок по неопытности, и вокруг них всегда — взрыв. Они как маленькие бомбы. Они всё разносят в клочья и не любят тишины, тайны и замкнутости. Давайте шуметь! И наверное, так и надо. Нет ничего страшнее болота. Нет ничего страшнее мира, где люди говорят: «Что нам лезть в это дело. Есть люди поумнее, они разберутся». А те принимаются разбираться, и над серым болотом вспучиваются вонючие пузыри мерзостей и исторических ошибок, калечащих миллионы.

— Жил был маленький человек. У него была жена-врач и дети-школьники. У него была немудреная работа, без которой

не обойтись, но которую можно делать только втысячером. В этой работе не бывало героев, и шли на эту работу те, кто не считал себя способным на борьбу в одиночку. Но маленький человек был хорошим славным товарищем, отличным семьянином, его все любили, и никто не принимал его всерьез — ни его самого, ни его дело. Он был счастлив и, умирая, не жалел о своей жизни, потому что был уверен, что она прожита не зря, хотя и не узнал о ней весь мир. И он умер. И в день его смерти океаны волной пошли на берега, сметая целые страны; солнце затянуло красной пылью, звезды пропали на небе, потому что свет их стал инфракрасным, Луна стала вращаться быстрее, а Юпитер сорвался с орбиты и канул в Пространстве. Правое стало левым, и целый час время шло назад. Правда, потом все стало на свои места и жизнь пошла своим чередом, и, конечно уж, никому не пришло в голову, что во всем была виновата смерть, которая унесла маленького человека. Только одному из его друзей пришла в голову мысль, что покойник при всей своей малости и незаметности был, наверное, той самой песчинкой, на которую опиралось чудовищное строение Мироздания. Песчинку унес ветер, и строение покачнулось. Не рухнуло, но покачнулось, а теперь снова стоит твердо, опираясь на какую-то другую песчинку, а может быть, на миллиард песчинок сразу. Я люблю этого маленького и незаметного, которого никто не знает и я не знаю. И именно потому, что я не знаю его, я люблю всех и не люблю смерти.

Разработки нравятся Авторам, и они начинают писать повесть: пролог и первую главу:

ПРОЛОГ

Вместо эпиграфа:

В Высшей Школе Космогации было четыре факультета — Штурманский, Инженерный, Дистанционного управления и Переподготовки. Учебный год кончался в июне, выпускные экзамены длились иногда до ноября. Выпускники получали в Школе так называемые общие назначения. Конкретное назначение каждый получал в соответствующем Управлении. Впрочем, это касалось

только штурманов и инженеров. Девушки и ребята с факультета Дистанционного управления знали свои назначения еще на четвертом курсе, потому что полгода пятого курса они учились на местах своей будущей стажировки. Капитаны с факультета переподготовки возвращались, как правило, на свои прежние корабли. Но инженеры и штурманы узнавали о том, где и с кем им придется работать, только на базовых ракетодромах. Там их никто не знал, и распределение проводила кибернетическая машина, в которую оператор вводил закодированные характеристики будущего стажера. Предварительно в машину вводились данные о кораблях, рейсах и капитанах, у которых имелись вакансии. Машина сравнивала, подбирала, останавливалась на оптимальном варианте и давала на выход в простом буквенном коде: «Такой-то к капитану такому-то, корабль такой-то, рейс такой-то». Решение машины, запрограммированной лучшими космопсихологами и самыми опытными капитанами мира, было окончательным и обжалованию не подлежало[1].

Снега было много, как всегда в ноябре, и он все падал и падал с низкого белесого неба. За пеленой медленных пушистых снежинок, словно за кисейной завесой, смутно виднелись торчащие из сугробов верхушки голого кустарника и — еще более смутно — темная опушка леса. Было очень тихо, воздух был неподвижен, и от этой тишины и неподвижности и от низкого неба казалось, что весь мир завернут в толстые слои ваты. И было тепло, не ниже двух-трех градусов мороза.

Юра взбежал на холм, воткнул палки в снег и, сдвинув рукав, поглядел на часы. Двенадцать километров за сорок четыре минуты — для первого зимнего выхода это было неплохо. Для первого и последнего. Он вытянул из кармана платок и вытер лицо. Растаявший на лице снег был солоноватым от пота. Взяв палки под мышки, Юра подошел к скамейке. Скамейка едва поднималась над снегом, на ней нарос пухлый чистый сугроб.

[1] Это весьма напоминает соответствующее место романа А. Нортон «Саргассы в космосе» (1955), который АНС тогда, конечно, знал. (Потому что вскоре издал перевод.) Видимо, поэтому и не вошло в текст «Стажеров» или другой повести. — *В. Д.*

Юра нагнулся, чтобы смахнуть сугроб, но услыхал хруст ломающихся веток и обернулся.

Вот и Нина пришла. Она поднималась на холм правее его лыжни, прямо через кустарник, равномерно взмахивая палками. Она была уже шагах в двадцати, и он хорошо видел ее милое румяное лицо под вязаным красным колпаком, запорошенные брови и влажный лоб с прилипшей к нему прядкой, и яркий полуоткрытый рот, из которого вырывались облачка пара. Сколько раз они встречались на этом холме, и зимой, и весной, и осенью, и она всегда приходила хоть на минуту, но позже него, и он всегда стоял у скамейки и глядел, как она поднимается на холм, в брюках и свитере, как сейчас, или в цветастом платье, или в блестящем дождевике, туго затянутом в поясе, и он всегда думал, какая она красивая, и всегда немножко боялся, что она слишком красивая и встречается с ним просто так, потому что не успела познакомиться с кем-нибудь более интересным. Позже он заметил, что она чуть-чуть широковата в плечах и бедрах, но все равно считал, что она необычайно красива.

Она поднялась на холм, подъехала к нему, бросила палки и сказала, улыбаясь:

— Здравствуй, инженер.

— Здравствуй,— буркнул он и принялся неловко счищать перчаткой снег с ее плеч. Она начала называть его инженером чуть ли не с первых дней знакомства, еще на третьем курсе, но теперь это звучало совсем по-другому.

— Оставь,— сказала она.— Все равно опять засыплет.

Он взял ее за плечи и поцеловал. Губы у нее были сухие и горячие, а нос мокрый и холодный.

— Уезжаешь? — спросила она.

Он кивнул.

— Когда?

— Сегодня. Через три часа.

Она медленно покивала.

— Да,— сказала она.— Вот ты и уезжаешь.

Они помолчали.

— Что ж,— сказала она.— Посидим?

— Давай. Только подожди, я скамейку очищу.

Он сгреб снег со скамейки. Нина сбросила лыжи и села. Он сел рядом и обнял ее за плечи. Она закрыла глаза.

— У меня сегодня весь день все идет кувырком,— сказала она.— Два раза центрифуга в лаборатории ломалась. Мотор у сепаратора перегорел. Как назло.

Она открыла глаза и отстранилась от него.

— Ну ладно,— сказала она.— Рассказывай.

— Да что рассказывать,— сказал он и вздохнул.

— Не лицемерь, пожалуйста,— сказала она быстро.— Я же отлично знаю, что тебе хочется ехать.

— Я не лицемерю.

— Нет, ты лицемеришь. Ты притворяешься, как подлый Ахав.

— Кто это — Ахав?

— Понятия не имею,— сказала она и отвернулась.— Все равно, ты пять лет ждал этого дня, и нечего притворяться.

Ему показалось, что она вот-вот расплачется, и он испугался.

— Ниночка,— сказал он.— Я совсем не притворяюсь. Мне действительно тяжело, что мы с тобой не увидимся теперь год, а то и больше.

— Вот именно.— Она снова повернулась к нему, и он увидел, что она и не думает плакать.— Ничего,— сказала она спокойно.— Через год ты вернешься, и мы увидимся. Так что ты не огорчайся.

— И я вообще никогда не притворяюсь,— сказал он.— Ты могла бы заметить это за три года.

— Ну конечно, я заметила,— сказала она.— Не сердись.— Она обхватила его шею, притянула его голову к себе и поцеловала в щеку.— Просто мне показалось, что ты рад удрать от меня.

— Глупости,— растерянно сказал он.

— Ну конечно, глупости,— сказала она.— Ладно, рассказывай.

— Что?

— Все. Во-первых, куда ты едешь.

— В Мирза-Чарле.

Она наморщила лоб.

— Что это?

— Базовый ракетодром. В Казахстане.

Она вытянула руку и раскрыла ладонь. Снежинки опускались на маленькую розовую ладонь, таяли и распадались на мельчайшие капли.

— Ну? — сказала она.

— Что?

— Рассказывай дальше. Не собираешься же ты весь год сидеть в Казахстане.

Он развел руками.

— Больше я ничего не знаю.

— Не может быть,— убежденно сказала она.

— Правда, Ни.

— Не верю. Ты ведь получил назначение?

— Получил.

— И не знаешь, куда полетишь?

— Правда не знаю, Ни.

Она сцепила пальцы и сунула руки между колен.

— Ты морочишь мне голову, инженер.

Он принялся обстоятельно объяснять. Да, он получил назначение. Так называемое общее назначение. Школа распределяет выпускников по ракетодромам. Он, например, откомандирован в распоряжение базового ракетодрома в Мирза-Чарле. А уж ракетодром даст ему конкретное назначение. Так всегда делается, потому что данные о вакансиях собираются у начальников ракетодромов. В Мирза-Чарле он явится к начальнику ракетодрома и предъявит свой пакет.

— Пакет? — переспросила она. Она слушала очень внимательно.

— Пакет с документами. Командировочное предписание, характеристики, медицинская книжка... все такое.

— Чепуха какая,— пробормотала она.

Он пожал плечами.

— Так всегда делается.

Они снова помолчали. Потом она спросила, глядя в сторону:

— Ты куда мечтаешь попасть?

Он удивился. Странно, подумал он. А мы ведь ни разу не говорили об этом. За все три года ни разу. Он небрежно махнул рукой.

— А,— сказал он.— Это решительно всё равно. Лет через несколько я буду звездолетчиком. А сейчас это неважно. Не все ли равно, где проходить стажировку? В межзвездные стажеров не берут. Даже в исследовательские межпланетные не берут.

— Куда же тебя могут взять?

— На лунную трассу, например.— Он подумал.— Или вот иногда берут стажеров на трансмарсианские рейсовики. Буду возить людей, продовольствие. Это интереснее. Хотя у них обычно очень длительные рейсы. Лучше уж стажироваться на лунниках. Раз в месяц недельный отпуск, а стаж все равно идет. И мы сможем часто видеться.

— Тоже неплохо,— сказала она, невнятно усмехаясь.

Он, улыбаясь, смотрел на темнеющий за снежной пеленой лес.

— А потом я добьюсь, чтобы меня взяли борт-инженером в межзвездную. Может быть, в первую экспедицию к Проксиме. Или к УВ Кита. Вот тогда начнется настоящая жизнь.

Она вдруг встала и сказала:

— Давай танцевать.

Он изумленно взглянул на нее, поглядел под ноги и сказал с сомнением:

— Ну... давай, если хочешь...

— Последний танец,— сказала она.— Приглашают дамы.

Он достал из кармана приемник и повертел верньер. Он поймал какой-то радиомаяк и поставил приемник на скамейку. Передавали медленный вальс. Они встали, и он обнял ее за талию. Они начали танцевать, проваливаясь в снег, но снег был рыхлый и пушистый, а танец медленный, и танцевать было можно. Нина уткнулась лбом в его плечо, и ему опять показалось, что она едва удерживается от слез.

— У нас сегодня был случай...— торопливо сказал он.

— Ну? — сказала она ему в плечо.

— Ни, ты плачешь?

Она подняла лицо. Она не плакала.

— С чего ты взял?

— Мне показалось,— мрачно сказал он.

Они остановились.

— Почему все-таки ты решил, что я плачу? — спросила она.

— Я не решил. Я же говорю... мне показалось.

— Но почему? Слезы расставания, да? Ариадна брошенная. Любезный друг сделал ей амур и уплыл, видишь парус?

Он молча смотрел на нее сверху вниз.

— Ох,— сказала она.— Давай лучше сядем. Терпеть не могу задирать голову.

Они сели. Он выключил приемник и сунул в карман.

— Слушай, любезный друг,— сказала она.— Сколько тебе лет?

— Двадцать два.

— А мне и того меньше. Так что ты не огорчайся.

— Почему это я должен огорчаться?

— Я и говорю, что ты не должен огорчаться.— Она постучала в его грудь мокрым пальцем.— Ни в коем случае. У тебя еще все впереди.

Он задумчиво потер подбородок.

— Что ты имеешь в виду, Ни?

— Удивительно,— сказала она и покачала головой.— Как это ты не понимаешь, что все портишь?

— Ничего не понимаю.

— Тогда давай объясняться. Давай?

— Давай.

— Хочешь, я скажу тебе, что ты думаешь, инженер? Вернее, не думаешь, а чувствуешь.

— Скажи.

— Ты чувствуешь себя виноватым. Только условимся: не перебивать. Так вот, ты чувствуешь себя виноватым. Я дружил с нею три года. Я даже любил ее. Во всяком случае, эти три года она была самым близким моим другом. Три года мы бегали друг к другу на свидания, целовались и шептали друг другу на ухо разные интересные вещи. А теперь я уезжаю в новую, ослепительную жизнь, а она, бедняжка, остается там же, где была. Ах, как неловко получается! Как мне совестно, бедному!

— Слушай, Нинка,— сказал он, притворяясь раздраженным.— Что на тебя нашло сегодня?

— Мы условились: не перебивать. Так вот. Все это так, но ты, как и подобает мужчине — настоящему мужчине,— стараешься не поддаваться всяким там сантиментам. Это ничего, мужественно думаешь ты. Ведь я не навсегда. Я еще буду работать на луннике, и мы будем еще встречаться, целоваться, шептаться и так далее. А потом я улечу на Проксиму или даже на УВ Кита, совершу подвиги и вернусь в сиянии славы, великий и могучий, и в награду за ее любовь предложу ей руку и сердце. Мы поженимся, и я опять уйду в ослепительную жизнь навстре-

чу необычайным приключениям на неведомых мирах, а она будет преданно и трепетно ждать меня, гордясь, что она жена такого человека, а когда я опять вернусь, она будет подливать мне вина в бокал и ловить каждое слово моих необыкновенных рассказов, и ахать и замирать от запоздалого ужаса, и требовать, чтобы я обещал в следующий раз сворачивать при встрече с этим ужасным чудовищем, и я буду снисходительно обещать все что угодно, зная, что обещания все равно не сдержу... А затем она приведет перед мои светлые очи моих детей и расскажет, что дочка учится на круглые пятерки, а сын уже гуляет с девочкой из соседнего дома...

Она задохнулась и замолчала. У нее даже глаза потемнели от злости.

— Чепуха какая,— неуверенно сказал он.

— А подумавши?

Он добросовестно подумал.

— Ну? Только честно!

— Честно... Ну не надо сердиться на меня, Нинка. Ну что я могу поделать, право?

Она покачала головой.

— Безнадежен,— сказала она со вздохом.

Тогда он тоже рассердился.

— Ты сама намотала на меня знамена всякой глупой романтики, а теперь сердишься и восстаешь против этого. Делаешь из меня какого-то павлина.

Она ласково погладила его плечо.

— Ты не павлин, Юрочка. Просто ты мальчишка.

— Ну вот еще!

— Правда. Ну, не будем об этом.

Он ссутулился, упираясь локтями в колени.

— Глупо,— сказал он.— Ужасно глупо.

— Конечно глупо. Я ведь пришла прощаться, Юра. Мы с тобой уже не мальчик и девочка. Мы взрослые люди. Давай прощаться.

Он смотрел себе под ноги на утоптанный снег.

— Ладно,— сказал он вяло.— Давай прощаться.

Она не должна была говорить так. Ведь она не права. И даже если она права... Он вдруг сжался от стыда и ужаса. Она права, конечно.

Они поднялись и, не глядя друг на друга, надели лыжи. Она взяла палки и несколько раз подпрыгнула на месте, проверяя крепления.

— Проводить тебя? — сказал он.

— Нет, не надо, инженер.

Он взглянул на нее. Как необыкновенно красива была она, крепкая, стройная, в синем свитере и синих брюках, в яркой красной шапочке, из-под которой выбивался на лоб присыпанный снегом локон, с яркими синими глазами и ярким ртом, и пушистыми щеками, на которых таяли пушистые снежинки. Он ощутил странный болезненный толчок в сердце и не понял, что это такое, не понял, что он уже знает, что никогда в жизни не повторится этот день, и другие дни, которые были раньше, что даже если они встретятся еще когда-нибудь, все будет по-другому. Совершенно по-другому.

— Прощай, Юрик,— сказала она.— Как это у вас говорится? Спокойной плазмы.

Она придвинулась к нему, и они поцеловались.

— Прощай,— повторила она.

Ничего нельзя было сделать. Она повернулась и быстро пошла с холма, равномерно взмахивая палками. Он стоял и смотрел, как быстро уменьшается темная фигурка в красном колпачке, как бледнеет и замывается за пеленой падающего снега крошечный силуэт.

Тогда он в последний раз поглядел на скамейку, на истоптанный снег вокруг и, оттолкнувшись палками, тоже пошел с холма. Стратоплан на Мирза-Чарле стартовал через полтора часа, а до Школы было двенадцать километров — минут сорок пять хорошего хода.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Юра Чибисов, выпускник инженерного Факультета Высшей школы космогации, допил кефир, доел булочку с маком и отправился представляться капитану. Он неторопливо шел по круглому тоннелю Большого Спутника, рассеянно поглядывая по сторонам, и обдумывал слова приветствия. На Большом Спутнике Юра бывал неоднократно, еще когда учился в Школе, и знал здесь все уголки и переходы. Капитан Быков остановился в номере седьмом гостиницы. Значит, надо будет, прой-

ди тоннель, свернуть направо, миновать библиотеку, подняться на лифте на второй горизонт, встать на кольцевую дорогу и соскочить у дверей номера седьмого. Не забыть постучать. Говорят, Быков — мужчина свирепый и погрязший в предрассудках. Юра вздохнул и впервые подумал о Школе с сожалением.

Он вышел из тоннеля, свернул направо, прошел мимо библиотеки и поднялся на лифте. На кольцевой дороге его окликнули.

— Здравствуй, Волк!

— Привет, Крокодил! — откликнулся Юра и с удовольствием остановился. Это был Костя Младенцев, выпускник прошлого года. На Спутнике он работал диспетчером. Они пожали друг другу руки.

— Давно с Планеты? — осведомился Костя.

— Сегодня,— сказал Юра.— Иду представляться капитану Алексею Быкову.

Костя присвистнул.

— А что? — спросил Юра с некоторым беспокойством.

— Ничего,— сказал Костя.— Ты к нему сам попросился?

— Почему — сам? Машина распределила. А в чем дело?

Костя внимательно осмотрел Юру с ног до головы и сказал:

— Быков свернет из тебя ленту Мёбиуса и загонит в бутылку Клейна.

— Ах, как страшно,— сказал Юра.— Что такое твой Быков? Быков — это старый брюзга.

— Это ты ему скажи,— предложил Костя.— При первом свидании.

— Ладно, ладно,— сказал Юра.— Нечего меня пугать. Годик я у него постажируюсь, а потом — адью. Что тут у вас новенького на Большом?

— А что тебя волнует?

— Зиночка вернулась?

— Вернулась,— сказал Костя.— Вдвоем.

— Ну да? А он кто?

— Ты его не знаешь. Планетолог один. А куда вы с Быковым идете?

— Повезем какого-то инспектора,— сказал Юра.— По всей Системе. Он главный надзиратель над базами.

— А,— сказал Костя,— Юрковский Владимир Сергеевич...

— Как Юрковский? Юрковский же на покое.

— Эх ты,— сказал Костя.— Это Дауге на покое.

— Юрковский — это здорово,— сказал Юра задумчиво.— Всегда хотел с ним познакомиться.

Они уже третий раз проезжали мимо номера седьмого.

— А тебе не пора? — спросил Костя.

Юра посмотрел на часы и скривился.

— Мне уже двадцать минут как пора,— сказал он.

— Ну, это ты зря.

— Подумаешь,— легкомысленно сказал Юра.— Переведу стрелки, скажу, что часы отстают.

Костя с сомнением покачал головой.

— Самое главное,— продолжал Юра,— не дать начальству с самого начала сесть тебе на шею. Утвердить свое человеческое право на свободу воли. Чем я рискую? Парой рапортов. А выигрываю я свободу.

Костя сказал:

— Быков не пишет рапортов.

— Тем более,— сказал Юра.

Они подъезжали к номеру седьмому в четвертый раз.

— Ты бы все-таки шел,— посоветовал Костя.

— Ну, раз ты просишь...— сказал Юра. Он протянул руку.— Вечером увидимся.

Костя пожал ему руку и сказал:

— Думаю, что не увидимся.

Юра соскочил у дверей.

— Почему? — крикнул он вдогонку.

— Вечером ты будешь сидеть в бутылке Клейна...— донеслось из-за поворота.

Юра небрежно усмехнулся, перевел стрелки часов на двадцать пять минут назад, приосанился и постучал в дверь. Дверь открылась.

За круглым столом сидели Быков и Юрковский. Юра сразу узнал обоих, хотя раньше видел их только в кино. На столе между ними стояла ваза с яблоками и сифон с шампанским. Юрковский полулежал в кресле, держа в руке бокал, отставив мизинец. Быков чистил яблоко пластмассовым ножиком.

— Разрешите,— сказал Юра.

Быков и Юрковский посмотрели на него.

— Заходите,— сказал Быков.

Юра вошел и сказал:

— Я к вам, Алексей Петрович.

Быков мельком взглянул на часы. Юрковский сказал холеным голосом:

— Что это за мальчик, Алексей?

— Это стажер,— сказал Быков.

Юрковский отставил бокал и спросил с изумлением:

— Зачем нам стажер?

Юра почувствовал себя уничтоженным и неловко переступил с ноги на ногу. Быков пожал плечами и сказал:

— Я вас слушаю, стажер.

— Совершенно не понимаю, зачем нам стажер,— сказал Юрковский.

Быков глянул на него, и Юрковский махнул на него рукой:

— Ну хорошо, хорошо, Алексей. Разбирайся.

— Выпускник Школы, Юрий Чибисов, борт-инженер, прибыл в ваше распоряжение,— сказал Юра металлическим голосом.

— Решительно не понимаю, зачем нам еще один борт-инженер,— негромко сказал Юрковский в бокал.

— Садитесь, стажер,— сказал Быков.

Юра чинно сел. Быков глядел на него, не мигая.

— Шифр вашего радиофона, стажер,— сказал Быков.

— Семь один два один,— торопливо сказал Юра.

— Возьмите записную книжку,— сказал Быков. Юра достал записную книжку.— Пишите. Шифр капитана Быкова: три нуля три. Шифр штурмана Крутикова: ноль один семь два. Шифр борт-инженера Жилина: ноль один семь три.

Юра исправно записывал.

— Найдете борт-инженера Жилина,— продолжал Быков,— представитесь и узнаете свои обязанности. Мы стартуем сегодня в двадцать три ноль ноль. Дайте ваши часы.

Юра с неподвижным лицом снял с руки часы и протянул Быкову. Быков перевел стрелки и вернул часы Юре.

— Стажер Чибисов, вы свободны.

Он принялся за яблоко.

Юра поднялся.

— А что? — сказал Юрковский.— От стажера отказаться уже нельзя? Уже поздно?

Быков не ответил, тогда Юрковский обратился непосредственно к Юре:

— Э... слушайте, стажер,— сказал он.— Водку пьете?

— Нет,— сказал Юра угрюмо.

— А в бога веруете?

— Нет.

— И на том спасибо,— сказал Юрковский.— Знатный межпланетник. Вы свободны, стажер.

Юра щелкнул каблуками, повернулся и вышел.

— Э... Алексей,— сказал Юрковский.— Я несколько удивлен. Почему я узнаю об этом стажере... э... последним?

— А почему бы и нет? — сказал Быков, отправляя в рот ломоть яблока.

Юрковский поиграл белыми пальцами и стал рассматривать ногти.

— Немного странно все-таки,— сказал он.— Начальник экспедиции не получил в свое время сведений о составе экспедиции... Согласись, это... э... странно, Алексей.

— Что ты ко мне привязался? — сказал Быков спокойно.— Чем он тебе не потрафил, этот мальчуган? Будешь им командовать.

— Нет, извини,— сказал Юрковский, выдвигаясь из кресла.— Ты заметил, что этот паршивец опоздал? Судя по манипуляциям с часами этого паршивца, я понял, что он опоздал. Недисциплинированный молокосос, а рейс сложный, ответственный, могут быть трудности, даже... э... серьезные трудности...

— Эту песенку ты мне не пой, товарищ начальник,— сказал Быков, тщательно пережевывая яблоко.— Ни о каких... э... трудностях не может быть и речи. Рейс будет очень простой, и я тебя попрошу без авантюр.

Юрковский, полузакрыв глаза, тянул из бокала шампанское.

— Не знаю, что ты... э... подразумеваешь под авантюрами. Нам придется иметь дело с иностранными базами, а там состав не всегда... э... на высоте. Кроме того, могут потребоваться и некоторые дополнительные исследования чисто научного характера.

Быков неторопливо сложил огромный веснушчатый кулак и принялся его рассматривать.

— Вот что, Владимир,— сказал он.— Возьми лист бумаги и вот сейчас же, не сходя с места, составь план этих самых научных исследований. А я сейчас же его посмотрю. И я тебя попрошу: не употребляй, пожалуйста, на корабле спиртных напитков.

— Ты имеешь в виду шампанское? — вежливо осведомился Юрковский.

— Именно шампанское. Тебе придется придерживаться режима, Володя.

Некоторое время Юрковский думал.

— Хорошо,— сказал он.— А теперь дай мне, пожалуйста, листок бумаги.

Борт-инженера Жилина Юра нашел в рубке «Тахмасиба», фотонного грузового планетолета дальнего сообщения. «Тахмасиб» висел на стартовом рейде в ста пятидесяти километрах от Большого Спутника.

Позже Стругацкие переписывают пролог и первую главу, и если пролог остается, в сущности, неизменным (Авторы лишь чуть сокращают его и проводят стилистическую правку), то действие в первой главе переносится на Землю, в Мирза-Чарле.

ГЛАВА ПЕРВАЯ,
по преимуществу информационная

Юра Чибисов, выпускник инженерного факультета Высшей школы космогации, допил кефир, доел булочку с маком и отправился представляться капитану. Он неторопливо шел по широкому, с низким потолком коридору гостиницы, рассеянно поглядывая по сторонам, и обдумывал слова приветствия. В Мирза-Чарле он никогда раньше не был, но все базовые ракетодромы на Планете строились по единому стандарту, и легко было догадаться, что гостиница в Мирза-Чарле ничем не отличается от гостиницы любого другого ракетодрома. Капитан остановился в номере семнадцатом, значит, сейчас надо будет

свернуть налево, миновать массивные двери кабинета справочной библиотеки и свернуть направо. Не забыть постучать и дождаться разрешения войти. Говорят, капитан — мужчина свирепый и погрязший в старческих предрассудках. Юра вздохнул и впервые вспомнил о Школе с сожалением.

У дверей библиотеки он едва не столкнулся с высокой полной женщиной в просторном жакете и широкой плиссированной юбке. Женщина остановилась.

— Юра? — сказала она.

— Женечка? — сказал Юра и с удовольствием остановился. Это была Женя Коврова с факультета дистанционного управления, выпускница позапрошлого года. Женя работала диспетчером на Спу-пятом. Они поздоровались.

— Давно из Школы? — осведомилась Женя.

— Вчера,— сказал Юра. Он оглядел ее и стесненно пробормотал: — Тебя прямо не узнать.

Женя засмеялась:

— Да уж,— сказала она.— Меняемся. Качественно и количественно. Назначение получил?

— Только что. Иду представляться капитану Быкову.

Женя присвистнула.

— А что? — спросил Юра с некоторым беспокойством.

— Ничего. Ты к нему сам напросился?

— Почему — сам? — сказал Юра.— Начальство распределило. А в чем дело?

Женя задумчиво посмотрела на него.

— Очень интересно,— сказала она.— А тебе сказали, куда вы с Быковым идете?

— Повезем какого-то инспектора. По всей системе. Он главный над базами.

— Какого-то,— сказала Женя.— Вы повезете Юрковского.

— Юрковского? Планетолога? Но ведь он, кажется, на покое.

— Эх ты, малек. Это Дауге на покое.

— Слушай, Женька,— умоляюще сказал Юра.— Не морочь мне голову. Расскажи толком, в чем дело?

Женя неторопливо раскрыла сумочку, погляделась в зеркало и попудрила нос.

— Ну? — сказал Юра.

Женя захлопнула сумочку.

— Я думаю, тебе очень повезло,— серьезно сказала она.— Быков не даст тебе резвиться и сделает из тебя работника.

— И только-то? — разочарованно спросил Юра.

— Только-то. Быков свернет из тебя ленту Мёбиуса и загонит тебя в бутылку Клейна.

— Ах, как страшно,— сказал Юра.— Что такое твой Быков? Быков — это старый брюзга.

— Это ты ему скажи,— предложила Женя.— При первом свидании. Только подожди, пока я уйду. Мне сейчас вредно видеть поверженную юность.

— Ладно, ладно,— сказал Юра.— Нечего меня пугать. Годик я у него постажируюсь, а потом — адью. Расскажи лучше, что у вас новенького на Пятом.

— А что тебя волнует?

— Зиночка вернулась?

— Вернулась,— сказала Женя.— Вдвоем.

— Серьезно? А кто он?

— Ты его не знаешь, физик один. А что нового в Школе?

Юра пожал плечами.

— Ничего особенного.

— Обязательно заеду в Школу,— сказала Женя. Она помолчала.— Жалко уходить с работы,— сказала она.— У меня такая интересная работа.

— Ничего, ты еще вернешься, Женечка.

— Обязательно вернусь. Но все равно жалко.

Юра сказал как можно мягче:

— Но ты же знала, Женечка...

— Знала, еще бы. Но как же иначе? Ведь иначе нельзя.

— Я понимаю.

Женя рассмеялась.

— Ничего ты не понимаешь. Кстати, тебе не пора?

Юра посмотрел на часы.

— Мне давно пора,— сказал он.— Ничего, обойдется. Имею я, в конце концов, право поговорить с товарищем, которого не видел два года?

Женя с сомнением поджала губы.

— И вообще,— сказал Юра,— нельзя давать начальству с самого начала садиться тебе на шею. Главное — утвердить свое

человеческое право на свободу воли. Чем я рискую? Каким-то рапортом. А выигрываю...

— Быков не пишет рапортов,— сказала Женя.

— Тем более. А откуда ты это знаешь?

— Это все знают. Ты бы все-таки шел, Юрик.

Юра вздохнул.

— Ну, раз ты просишь...

— Ступай, ступай.

Женя протянула ему руку.

— Может быть, вечером увидимся? — сказал Юра.— Приходи в концертный зал.

— Нет,— сказала Женя.— Вечером мы не увидимся.

— Почему?

— Во-первых, через час я улетаю домой.

— А во-вторых?

— Во-вторых,— серьезно сказала Женя,— вечером ты будешь сидеть в бутылке Клейна. Желаю удачи, Юрочка. И постарайся быть послушным мальчиком.

Она отняла у него руку и, не оборачиваясь, ушла по коридору. Юра задумчиво поглядел ей вслед. Женя чего-то недоговорила. Странно. Диспетчерам на стартовых спутниках известно многое. Но говорят они, к сожалению, не все, что знают.

У двери номера семнадцатого Юра приосанился, провел ладонью по волосам и постучал. «Войдите»,— сказал неприятный скрипучий голос. Дверь открылась.

За круглым столом посередине комнаты сидели двое. Юра сразу узнал обоих, хотя раньше видел их только на фотографиях. На столе между ними стояла ваза с желтыми алма-атинскими яблоками и сифон с шампанским. Юрковский, длинный, седой, в роскошном сером костюме, полулежал в кресле и рассматривал на свет бокал, который держал двумя пальцами, отставив мизинец. Быков в потертой кожаной куртке сидел, ссутулившись, напротив и чистил яблоко пластмассовым ножиком.

— Разрешите,— сказал Юра.

Быков и Юрковский посмотрели на него.

— Войдите,— повторил Быков.

Юра шагнул в комнату, дверь бесшумно закрылась за ним.

— Я к вам, Алексей Петрович,— сказал Юра.

Быков мельком взглянул на часы. Юрковский осведомился холеным голосом:

— Что это за мальчик, Алексей?

— Это стажер,— сказал Быков.

Юрковский отставил бокал и спросил с изумлением:

— Зачем нам стажер?

Юра стиснул зубы. Быков пожал плечами и сказал:

— Я вас слушаю, стажер.

— Совершенно не понимаю, зачем нам стажер,— сказал Юрковский. Быков глянул на него. Юрковский деликатно помахал на него рукой: — Хорошо, хорошо, Алексей. Разбирайся.

Юра металлическим голосом представился:

— Выпускник Высшей школы космогации Чибисов прибыл в ваше распоряжение.

Юрковский откинул голову на спинку кресла и со скучающим видом принялся рассматривать стерильный потолок.

— Садитесь, стажер,— сказал Быков.

Юра чинно сел. Быков глядел на него, не мигая. Юра глядел в угол поверх его рыжей головы.

— Ваше полное имя,— сказал Быков.

— Юрий Николаевич Чибисов.

— Родители?

— Мать — детский врач. Отец — электротехник.

— Братья и сестры?

— Сестра Валентина, тринадцать лет.

— Женаты?

— Нет.

— Невеста?

Юра подобрался и взглянул Быкову в глаза. У Быкова были жесткие холодные глаза. Юра снова уставился в угол.

— Невесты нет.

— Чем занимались до Школы?

— Три года работал на ремонтной станции.

— Взыскания на работе?

— Не было.

— Взыскания в Школе?

Юра помедлил.

— Два выговора. Один на третьем курсе — от начальника Школы за тренировку на перегрузки без разрешения врача, второй на четвертом — от начальника факультета. За опоздание на занятия.

Юрковский взял бокал и стал маленькими глотками прихлебывать шампанское.

— Шифр вашего радиофона, стажер,— сказал Быков.

— Семь-один-два-один,— сказал Юра.

— Возьмите записную книжку,— сказал Быков. Юра торопливо достал записную книжку.— Пишите. Шифр капитана Быкова — три нуля три. Шифр штурмана Крутикова — два нуля семь-два. Шифр борт-инженера Жилина — два нуля семь-три. Общий шифр корабля — а-эс-три.

Юра исправно записывал.

— Шифры выучить наизусть. Спрошу после старта. Сейчас отправляйтесь к борт-инженеру Жилину, тридцать третий номер, налево по коридору, восьмая дверь справа. Представитесь и узнаете свои обязанности. Борт-инженер Жилин будет вашим непосредственным начальником на весь период стажировки. По вахтенному расписанию вы будете числиться вторым борт-инженером.

Юрковский негромко сказал в бокал:

— Решительно не понимаю, зачем нам второй борт-инженер.

— Стажер Чибисов,— сказал Быков,— можете идти.

Юра встал, четко, как в гимнастическом зале, повернулся кругом и вышел. Выходя, он услыхал, как Юрковский противным томным голосом спросил Быкова:

— А что, от стажера отказаться уже нельзя? Уже поздно?

Дверь захлопнулась, и ответа Быкова Юра не услышал.

Вероятно, Стругацкие прислушались к вопросу Юрковского, а может быть, начинать второе произведение с очередного стажера им показалось неуместным, поэтому они изменяют специальность Юры, делая его «как бы стажером», а на самом деле — вакуумсварщиком, отставшим от группы. Где-то в это время, вероятно, была написана и глава под номером 1 — «Венера. Архаизмы». Как рассказывает Б. Н. Стругацкий, эта глава была написана Аркадием Натановичем в одиночку и должна была протягивать ниточку от СБТ к «Стажерам». Глава в повесть не вошла, так как основ-

ная идея данного эпизода была высказана в главе о Бамберге. Произведение «Венера. Архаизмы» было опубликовано отдельным рассказом в 11-м томе Собрания сочинений «Сталкера» в разделе «Неопубликованное», но сохранилось и начало чернового варианта этой главы:

1. ВЕНЕРА. БЕРЕГ ЕРМАКОВА

Памятник находился в центре города, посередине широкой квадратной площади — черные, объеденные адским огнем обломки на грубой черной глыбе базальта. С северной стороны в исхлестанном бурями базальте была вырублена надпись: «ПЕРВЫМ». По площади мела стремительная, тонкая как дым поземка, а в небе неслись вечные кровавые тучи. И слабо, но настойчиво отдавалось в шлемофонах далекое бормотание укрощенной Голконды.

Быков первым пошевелился, поднял руку, стряхнул черно-серый пепел с плеча. За ним зашевелились остальные. Юрковский, молча, на негнущихся ногах пошел к своему вездеходу. Жилин, помахав рукой Юре, отправился за ним. Юра остался стоять на месте, в нерешительности переводя взгляд с бесформенной груды на вершине памятника на двух людей, оставшихся перед ним. У него было странное чувство, словно он участвует в каком-то фильме. И не в каком-то, а в фильме о завоевании Венеры. Все здесь было — и люди, которые первыми высадились здесь, и их легендарный вездеход-транспортер, погибший в атомном взрыве, и грохот Голконды, и багровое небо, и вечный ветер, несущий вечный песок.

— Пойдем, Михаил,— сказал негромко Быков.

В красноватых сумерках Юра увидел, как под прозрачным колпаком спецкостюма тряслась лысая голова Михаила Антоновича.

— Сейчас, сейчас, Алешенька,— сдавленно пробормотал Михаил Антонович.— Минуточку только...

Быков промолчал. Он стал глядеть в сторону, где Жилин и Юрковский упаковывались в ракетомобиль.

— Мы поехали, Алексей,— сухо сообщил Юрковский.

— Поезжайте,— сказал Быков и добавил, когда ракетомобиль медленно задвигался: — Не забывайте, жду вас к девятнадцати. Жилин!

— Слушаю вас, Алексей Петрович...

— Помните...— Юра увидел, как лицо Быкова искривилось в безрадостной усмешке,— помните, что вы сопровождаете Генерального инспектора.

— Я бы попросил, Алексей...— сказал Юрковский.

Из-под ракетомобиля взвилось облако черной пыли. Блеснул язык пламени. Блестящая тонкая машина подпрыгнула, на мгновение повисла в серых потоках поземки и вдруг, развернув крылья, взлетела в красное небо. Затем она четкой тенью ринулась к куполам зданий на другом конце площади и исчезла.

— Пойдем, Михаил,— снова позвал Быков.

Михаил Антонович всхлипнул, повернулся и побрел к вездеходу, загребая носками пыль.

— Пойдемте, стажер,— сказал Быков и пошел вслед за ним. Юра двинулся за Быковым.

Им выделили первоклассный пятиосный вездеход и прикомандировали водителя — честь неслыханная на Венере, как узнал краем уха Юра, потому что здесь постоянно не хватало транспорта, людей и много чего еще. Но то ли потому, что Быков привез генерального инспектора МУКСа, то ли потому, что Быков представлял объект уважения сам по себе, ему ни в чем не отказывали.

От города на север, к берегам Урановой Голконды, пролегало широкое стеклянное шоссе. Юра уселся рядом с водителем, а Быков и Михаил Антонович сели позади. Пока все усаживались, водитель держал руки на пульте управления и, полуобернувшись, ждал.

— Поехали,— кряхтя, сказал Быков.

Водитель нажал на клавиши. Вездеход мягко взял с места и покатил по шоссе почти без толчков. Некоторое время водитель молчал. Молчал и Юра, глядя вперед на блестящую красноватым светом дорогу, на черную пустыню по сторонам, на черную мглу, пронизанную голубоватыми вспышками далеко впереди. Затем водитель спросил:

— Тебя как зовут?

Юра поглядел на него сбоку. Водителю было лет двадцать, не больше. Юра ответил обдуманно:

— Юрий. А тебя?

— Василий,— сказал водитель, нисколько не обидевшись.— Ты пилот?

— Нет. Я рабочий. Сварщик. А ты?

— Метеоролог.

Что-то широкое и темное соскользнуло с низкого красного неба, пересекло дорогу и мгновенно скрылось в пустыне.

— Что это? — спросил Юра.

Василий ответил не сразу. Он что-то тронул на пульте, сейчас же приглушенно завыла сирена и вспыхнули яркие фары.

— Не знаю,— сказал Василий.— Никто не знает. Здесь много такого, чего никто не знает. Черным черно, как чёрна ворона.

— Птица?

— Почему птица? Я говорю — никто не знает. Да нужды нет, и так справляемся.

Юра презрительно сказал:

— Тоже мне... местные жители.

Василий спокойно заметил:

— Ты это брось, молодший. А то я тебя того... выше дерева стоячего.

— Любопытно посмотреть.

Некоторое время водитель молчал. Затем сказал в своей странной былинной манере:

— Наказать бы тебя, добер молодец, по нагому телу за нахальны речи.

— Ладно, не сердись,— примирительно сказал Юра.— Я только удивился, что вы здесь живете и не знаете, что здесь водится.

— Только нам здесь и дела, что этим барахлом заниматься!

Следующим этапом разработки сюжета повести идет так называемый «обратный план действия», написанный как бы с конца повествования. В плане появляется глава о Бамберге (правда, еще не на окончательном месте) и впервые высказывается главная идея повести.

Эпилог.

Н. Букет незабудок — Дауге встречает на ракетодроме потрясенного Быкова.

Н — 1. Стажер прибыл к месту работы, встречает товарищей, приступает к работе. Квинтэссенция смысла книги — изменения в душе стажера.

Н — 2. Гибель Портоса. С момента, когда они начинают гибнуть, гибель, появление Быкова и отчаяние Быкова.

Н — 3. Сцена первая: Юрковский тайно будит Михаила Антоновича, и они улетают. Сцена вторая: Жилина поднимает Быков — в погоню! Быков — попытка связи с М. А., диспетчерская, подслушанный разговор. Сцена третья: бой в ракете, где в ход вступает стажер. Сцена четвертая: старт на пеленг бота. Жилин ловит последний зов Крутикова.

Н — 4. Стажер прощается и переносит пожитки на швейцарский корабль. Быков не поддается Юрковскому, Крутиков ночует на боте.

Н — 5. Рейс, критика следопытства, гигантская флюктуация.

Н — 6. Юрковский расправляется с автократом.

Н — 7. Планета под пятой автократа.

Н — 8. Астероиды, смерть-планеты. Расправа Юрковского с лихачами. В основном расправу чинит Быков. Ворчание Юрковского, что Быков превышает власть. Опыт с гравитацией.

Н — 9. Умиротворение разложившейся базы. Рудники астероида. Космический жемчуг. Спэйс-пёрл. Большая часть рудников принадлежит компании. И банда свободных охотников. Грызня и стрельба. Советский надзиратель — незаинтересованная сторона. Не справившись, послал СОС. В ужасе, что Юрковский один, без армии. «А где остальные?» Арест, атомные торпеды. «Смертники... коммунисты» — из глубины комнаты по-русски, змеиным шепотом. Быков, не оборачиваясь: «А ты как думал, сволочь!» Юрковский напоследок пригрозил сообщить американскому патрулю. Хихикают. «Капитану Джонсону. Он мой личный друг и не откажет мне в маленькой любезности». Лица вытягиваются.

Н — 10. Бытовая сцена. Показать Юрковского барином, зазнайкой. Подписывает бумаги. «Ванюша, это передай через час открыто, а это — моим кодом. Э... Юра. Сбегай в мою каюту и принеси бювар». Подготовка к концовке Н — 6: «Вот и из Володьки может получиться такое». Володя, знаешь, о чем я сейчас подумал? Знаю,— угрюмо ответил Юрковский.

Н — 11. Облава на Марсе.

Н — 12. Подготовка облавы. Необходимость облавы.

Н — 13. Один из первых дней рейса. Стажер бродит по кораблю и приглядывается. Описание корабля. Корабль — уютный дом межпланетника. Приглядывается к людям.

Н — 14. Мирза-Чарле. Мучения стажера.

Этому варианту плана соответствует сохранившаяся глава «Облава». Неизвестно, писали ее Стругацкие для «Стажеров» специально, или это был ранний рассказ, который вроде бы удобно ложился в повествование, или это была оказавшаяся невостребованной новелла из ПХХIIВ, но в данном раскладе материалов она соотносится именно к этому плану «Стажеров», потому что в предыдущем плане еще нет главы, где показывалась бы необходимость облавы, а в следующем Стругацкие уже придумали запоминающееся название для марсианского хищника...

ОБЛАВА

1

У начальника Базы был кабинет — маленькая низкая комната без окон, со стенами из гофрированной пластмассы. Начальник сидел за столом и, рассеянно щелкая переключателем селектора, слушал, как его заместитель по строительству Виктор Гайдадымов орет на его заместителя по материально-техническому обеспечению Ибрагима Константиновича Иваненко. Гайдадымов требовал вездеходы, которые Иваненко накануне поставил на профилактический ремонт. Иваненко, красноглазый от усталости и зверски небритый, отбивался очень ловко. Характерно, что ни тот ни другой не смели обратиться за поддержкой к начальнику: в глубине души каждый сознавал, что прав все-таки противник. Начальнику наконец надоел этот крик, и он сердито сказал:

— Достаточно. Садитесь оба.

Заместители сели. Иваненко сейчас же сунул руки в рукава, втянул голову в пушистый воротник дохи и прикрыл глаза. Гайдадымов яростно шмыгнул покрасневшим носом и уставился на начальника. У обоих заместителей были бледные худые лица с дочерна загорелыми скулами и надбровьями.

— Договоримся так,— сказал начальник.— Сколько у вас инженеров на строительных работах, Виктор?

Гайдадымов снова шмыгнул носом и сказал:

— У меня программа летит. Меня астрономы едят.

— Я спрашиваю, сколько инженеров ты взял на стройки?

— Ну, восемь,— неохотно сказал Гайдадымов.

— Отдашь их в ремонтные мастерские. Ибрагим Константинович, за двое суток кончите ремонт?

Иваненко спал.

— Кончит,— сказал начальник.— Через двое суток получишь свои вездеходы и моих инженеров.

— За двое суток астрономы меня съедят,— сказал Гайдадымов.

— Да нет, не съедят, Витя,— сказал начальник.— Посылай их ко мне. Пошли ко мне Рихтера, хорошо?

— Они к вам не пойдут.— Он достал платок и шумно высморкался.— Собственно, они и меня-то не едят. Просто работают, как бешеные. Мне на них смотреть стыдно.

В коридоре загремели свинцовые подметки, и в дверь постучали.

— Войдите,— сказал начальник. Он покосился на часы. Было десять часов вечера.

В кабинет вошли четверо, и в кабинете сразу не осталось ни вершка свободного места. Это были Следопыты, археологи, работающие вне Базы. Они месяцами копались в марсианских песках, разыскивая Следы исчезнувшей цивилизации, и появлялись на Базе очень редко. Следопыты работали совершенно самостоятельно, База только снабжала их продовольствием и иногда машинами. Начальник даже не всех знал в лицо, но этих он знал: Опанасенко, Морган, Альварес и Хасэгава — старожилы и самые лучшие разведчики Марса.

— Здравствуйте, Борис Максимович,— прогудел Опанасенко.

— Здравствуйте, товарищи,— сказал начальник.— Рад вас видеть, садитесь. Садиться, правда, не на что.

— Благодару вас,— сказал Хасэгава.— Мы будем стоять.

— Мы к вам с просьбой,— сказал Опанасенко.— Нам нужны машины.

При слове «машины» Гайдадымов нехорошо усмехнулся, а Иваненко, не открывая глаз, сказал:

— Очень сожалею, но машин, извините, нет.

— Здравствуйте, Ибрагим Константинович,— сказал Опанасенко.— А мы нефть нашли.

— Где? — Иваненко приподнял набрякшие веки и поглядел на археолога.

— Шестьдесят километров к востоку. Подступы идеальные.

— Это хорошо,— сказал Иваненко.— Кроки сняли?

Опанасенко, широко улыбаясь, расстегнул доху, вытянул планшет и извлек из него несколько сложенных листков бумаги.

— А ну-ка, дайте-ка,— сказал Иваненко. Он развернул листки и стал рассматривать кроки.

— Нам нужны все машины, какие есть на базе,— сказал Опанасенко.— Все краулеры и вездеходы. И все люди, которые умеют стрелять. И побольше динамиту. И ракеты.

— И два мешка луку,— мрачно сказал Гайдадымов.

— Здравствуйте, Виктор Петрович,— радостно сказал Опанасенко.— Вот кстати, ваше поручение мы выполнили. Шесть мачт релейной передачи поставили, до самой биостанции.

— Спасибо,— хмуро сказал Гайдадымов.

— А зачем вам все это нужно? — спросил начальник.

— Бладсакер,— сказал Морган.

— Тора,— сказал Хасэгава.

— Перро,— сказал Альварес.

— Одним словом, рысь,— сказал Опанасенко.— Надо кончать с рысью.

— Что-нибудь случилось? — спросил начальник.

— Две рыси бродят вокруг лагеря,— сказал Опанасенко.— Они все время ходят вдоль трассы.

— Какая там еще рысь,— проворчал Иваненко, тяжело поднимаясь со стула.— Вот нефть — это хорошо. Это вы молодцы. Завтра же пошлю ареологов.

— Какая рысь? — сказал Опанасенко.— Спросите у Хлебникова, какая рысь.

— Нечего было шататься без оружия,— сказал Иваненко.— Сто раз предупреждали.

— А что вы нам скажете, Борис Максимович? — сказал Опанасенко, поворачиваясь к начальнику.

— У нас очень трудно с машинами, Федор Алексеевич,— сказал начальник.— А что вы хотите предпринять?

— Облаву,— сказал Опанасенко. В кабинете воцарилось молчание.

— Ну, я пошел в мастерские,— сказал Иваненко.— До свидания, Борис Максимович.

— Нет уж, вы погодите, Ибрагим Константинович,— сердито сказал Гайдадымов.— Это дело надо решить.

— Мне некогда решать такие дела,— сказал Иваненко.— Мне надо работать. И вам тоже.

— Правильно,— сказал Опанасенко.— Нам надо работать. А мы работать не можем. Мы не можем к каждому работнику приставлять часового.

— Здоровые парни,— сказал Иваненко.— С пушками. Смешно, честное слово.

— По-вашему, таскать на работу пушки нормально? — осведомился Опанасенко.— Ареологи завтра тоже поедут с пушками? Что-то не помню, кто там из них умеет стрелять.

— Хорошо,— сказал Иваненко и снова сел.— Чего вы от меня хотите?

— Поясните себе полёжение,— сказал Морган.— В нее очьень трудно попасть. Она летает быстро. Ее нужно долго гнать, загнать и расстрельять в упор.

— А потому,— сказал Опанасенко,— нам нужно,— он стал загибать пальцы,— все быстроходные машины базы, все лучшие водители, все стрелки, побольше динамиту, побольше ракет...

— ...и два мьешок лука,— сказал Морган, улыбаясь.

— Так,— зловеще сказал Иваненко.— Вы собираетесь гнать краулеры на полной скорости по пустыне, пережжете моторы, порвете ходовую часть, поперетопите машины в зыбучках...

— Но зачем так пьечально? — сказал Морган.

— ...перекалечитесь сами, спалите все горючее... Не дам машин! — рявкнул он неожиданно.

Опанасенко грохнул кулаком в стену.

— Черт побери,— сказал он.— Да кто же для кого? Мы для машин или машины для нас?! Неужели же трудно понять! Да ваших же врачей эта гадина чуть не сожрала на той неделе!

— Спокойно, спокойно,— сказал начальник.

— Надо машины дать,— сказал Гайдадымов.— Я сам одну поведу.

— Черта лысого ты поведешь! — заорал Иваненко.— Нет, я так не могу! Я в таких условиях работать не могу! Охоты, облавы, а на Базе люди живут впятером в такой вот комнатушке! Для женщин комнату едва выделил! Строить надо, а не гарцевать на краулерах!

Опанасенко вдруг успокоился.

— Хорошо,— сказал он.— Не надо машин. Мы пойдем цепью. Все, конечно, пойдем. Пусть облава будет пешая. И горючее будет цело, и в комнатах после облавы станет посвободнее. Это вас устраивает, товарищ Иваненко?

— Не смейте разговаривать со мной в таком тоне,— прошипел Иваненко.— Не смейте!..

Начальник хлопнул ладонью по столу.

— Достаточно,— сказал он.— Это ругань, а не серьезный разговор. Товарищ Опанасенко, расскажите, пожалуйста, что такое эта рысь? О ней много говорят, и никто ничего не знает.

— Мы тоже мало знаем, Борис Максимович,— сказал Опанасенко.— Какое-то хищное животное. Никто его толком не видел. Охотится ночью, нападает длинным прыжком, всегда почему-то справа. Нападает почему-то на людей и всегда норовит вцепиться в правый бок. Что еще? Длинная, с серебристой шерстью, конечностей не заметно, глаз тоже. Вот и все, пожалуй.

— А где она скрывается днем? — спросил начальник.

— Неизвестно. Может быть, зарывается в песок. А может быть, у нее есть логово — передвигается она очень быстро.

— Дело вот в чем,— сказал начальник.— Через четыре месяца с Земли придут два корабля. Они привезут еще пять краулеров. С машинами будет легче. С другой стороны, за это время мы, по-видимому, закончим самые необходимые постройки и станет легче с грузовыми перевозками. Может, имеет смысл подождать с рысью?

Опанасенко поглядел на Моргана. Морган пожал плечами.

— Подождать, конечно, можно,— сказал Опанасенко,— но это опасно. Вам придется либо запретить выход с территории, либо,— он принялся загибать пальцы,— ввести непрерывный

патруль вдоль трассы. На краулерах, конечно. Выделить отряд стрелков для охраны биологов, ареологов, связистов, работающих в поле. Поставить вокруг Базы высоковольтное заграждение. Одним словом, это дороже обойдется.

— Мы ее не знайем,— сказал Морган,— а она наглейет. Вчера я видьел ее сльеды у экскаватора. Раньше этого не было. Скоро она начнет нападать на краулер, а краулер есть открытая машина.

— Да-а,— сказал начальник.— Ну, что вы скажете, Ибрагим Константинович?

— Делайте, как хотите,— сказал Иваненко.— А я бы так просто запретил выход с Базы.

— Ну уж нет,— сказал Гайдадымов.— Такой приказ выполняться не будет. Запереть ученых на четыре месяца!.. Они скажут, что не для того сюда летели, и будут правы.

— Делайте как хотите,— повторил Иваненко.

— Хорошо,— сказал начальник.— Сколько времени нужно на подготовку, Федор Алексеевич?

— Двое суток, я думаю, хватит,— сказал Опанасенко и поглядел на Моргана.— А, Гэмфри?

— Да,— сказал Гэмфри.

— У нас на Базе сто восемьдесят три человека,— сказал начальник.

— Сто восемьдесят четыре,— поправил Гайдадымов, улыбаясь.

— Почему? — сказал начальник.— Сто восемьдесят три.

— А Богдан Богданыч Спицын? Ему уже неделя.

— Да, правда,— сказал начальник. Все улыбались, даже Иваненко.— Одним словом, не считая женщин и... гм... детей, у нас полтораста боеспособных мужчин.

— Боеспособных мужчин у нас человек сорок,— сказал Опанасенко,— и то считая Следопытов. Да нам больше и не нужно. Десять машин, сорок человек. Это не проблема, Борис Максимович. Поручите это нам с Гэмфри.

— Хорошо,— сказал начальник.— Готовьте облаву. И помните, Федор Алексеевич, вы поведете самое ценное, что у нас есть — людей и машины. Берегите, пожалуйста, людей, но не забывайте и о машинах.

— Конечно,— сказал Опанасенко.

Стругацкие продолжают дорабатывать сюжет. Пока еще не начат текст, за исключением ранних вариантов пролога и пары глав. План доводится до совершенства, основная работа еще впереди. Очередная фамилия для стажера, другой порядок глав, появление в прологе и эпилоге Марии Юрковской... И вот — очередной план:

«СТАЖЕР»

Пролог. Дауге и Мария Юрковская после проводов экспедиции.

1. Мирза-Чарле. Вакуум-сварщик Юрий Николаевич Кочин, двадцать лет. Отстал от группы добровольцев. Визит к Быкову после многих мыканий.

2. Один из первых дней рейса. Стажер бродит по кораблю и приглядывается. Описание корабля — уютного дома межпланетника. Стажер приглядывается к людям. Юрковский за работой — радиограммы, переговоры, распоряжения. Капитан на корабле не нужен — только до старта и при катастрофе. Стажер — неутолимое любопытство, добр, наивен, «послушайте, скажите мне, пожалуйста...», очень всех любит. Юрковский называет его кадетом. Рассуждения Юрковского насчет пистолета. Выпендривается перед Кочиным. «Э-э... Кадет, не можете ли вы вакуумно сварить обед?» Может быть, называет прапорщиком. Быков систематически и методически читает журналы и газеты за два прошлых месяца и смотрит кино. Мих. Ант. считает курс, вздыхает про пенсию, жалуется, что это его последний рейс. Разговоры о политике и о текущих событиях. Жилин считает, следит за режимами двигателя, составляет диаграммы, на вопрос стажера — отвечает, что работает над проектом корабля, который пролетит сквозь солнце. Все на полном серьезе, «а для охлаждения на другом конце солнца поставим души». Жилин — фантазер и хохмач. И не понять, где он говорит серьезно. Его идея о передаче предметов в виде лучистой энергии. «Обнадеживают работы средневековых фокусников». Показывает фокусы.

3. Марс. Проблема пиявок. Мнения: ареологи, ареодезисты, следопыты (марсианская цивилизация или пришельцы?),

астрономы, строители, ареобиологи. Дети на Марсе. Песчаный танк «Мимикродон». Решение предпринять облаву. Сомнения ареобиологов: облава не поможет, часть пиявок уйдет в пустоты, под поверхностью Марса, где они, вероятно, размножаются. Смутные планы экспедиций в пустоты.

4. Облава. Юрковский в пешем строю. Удовлетворение Юрковского по поводу того, что вопрос решили без него. Упреки Быкова, рассуждения Юрковского об опасности и храбрости. Юра в облаве участвует.

5. Рейс. Быт. Крутиков: эврика, нашел, что какое-то пространство проницаемо деритринитивно в сигма-смысле. Из наивного хвастовства Юры вытекает спор о смысле жизни. Юра: самое хорошее — красиво умереть. Остальное — по ходу. Юрковский — барин: Ваня, отправьте эту телеграмму моим шифром, эту — открытым текстом. Юра, принесите из моей каюты бювар. Телеграмма. Юрковский сильно мрачнеет, показывает Быкову. Кажется, будет тяжело. Это пострашней пиявок. Юра как ни бьется, не понимает, в чем дело. Жилин загадочно молчит.

6. Подавление бунта. Нищие духом. Космические рудники «Спэйс Пёрл Лимитэд» на астероиде ..... Затравленный представитель комитета МКК, албанец. Держится геройски, но ничего не может сделать. Меры: усовещивал слезами, прятал спиртное, отбирал оружие, бил, вызывал полицию — все куплено компанией. На базе — пьянство, пренебрежение мерами личной и общей безопасности, «компания набрала сброду, хорошие люди с Запада в космос не идут, омещанились». Резня, бои с аутсайдерами. Откуда-то появились и неизвестно куда исчезли три девки. Возможно — убиты. Последнее (телеграмма) — перехвачен и разграблен автотранспорт с медикаментами (спирт). Есть группа культурных рабочих — опереться можно на них. Но они не желают сотрудничать. Представитель компании — первейшая сволочь и мерзавец. Инициатива боев с аутсайдерами принадлежит ему. Оружие прячут, не отдают. Комитетчик в ужасе спрашивает: а где же остальные корабли. Юрковский прибыл только с Жилиным. Арест, атомные торпеды, «смертники-коммунисты» — по-русски змеиным шепотом, Жилин, не оборачиваясь: «А ты как думал, сволочь». Речь Юрковского о нищих духом. Предложение плюнуть и пойти

на чистую работу встречено неловким молчанием. Юрковский назначает самоуправление из группы крепких и грозит закрыть рудник. «Человечество от этого не пострадает».

7. Смерть-планеты. Юрковский мягко журит лихачей, просит их быть осторожнее. Быков учиняет разнос. Юрковский ворчит про превышение полномочий. Опыт с гравитацией. Юре ужасно хочется остаться со смерть-планетчиками.

8. Планета под пятой автократа.

9. Юрковский расправляется с автократом. Юра и киска. Конец главы. Быков думает: вот и из Володьки может получиться такое. Говорит: Знаешь, о чем я сейчас думаю, Владимир? Знаю, угрюмо ответствует тот.

10. Рейс на Япет. Критика следопытства. Гигантская флюктуация.

11. Гостиница, Порт-Япет. Юра прощается, собирает пожитки, идет на швейцарский корабль, который доставит его к месту назначения. Баллада об одноногом пришельце. Юрковский клянчит у Быкова бот. Крутиков ушел ночевать на бот.

12. Глубокой ночью Быков звонит Михаилу Антоновичу, но тот не отзывается. Быков идет в диспетчерскую и подслушивает разговор. Ему кажется не все ладно. Будит Жилина и штурмом берет ракету со стажером. Старт на пеленг бота. Жилин ловит последний зов Михаила Антоновича.

13. Начать со слов, встревоживших Быкова. Гибель обоих. Появление Быкова, отчаяние Быкова. Юра смотрит круглыми глазами.

14. Юра на месте назначения, приступает к работе с товарищами. Показать изменение его характера. Рассуждение: неужели два умных человека должны погибнуть, чтобы один дурак научился ценить жизнь.

Эпилог. Букет незабудок. Женский силуэт в стороне.

Главная мысль повести уже присутствует, но еще нет эпизода с барменом, Юра свою идею («Главное — красиво умереть») высказывает в рейсе. Еще не выбран астероид — Бамберга. Наблюдатель на астероиде — уже не советский, но еще и не венгр.

К этому плану Авторы пишут подробную разработку пролога и двух первых глав. Кое-где они совпадают с окончательным тек-

стом, кое-чем — отличаются. Здесь же содержится и разгадка, с каким Шарлем Быков разговаривает в Мирза-Чарле.

«СТАЖЕР»

Пролог

Ракетодром Мирза-Чарле. Дауге только что проводил своих друзей в рейс. Впервые вся компания отправилась в рейс без него. Ему муторно. Он старенький, изглоданный, летать ему больше нельзя. Да и друзья постарели. Мих. Ант. тоже летит в свой последний рейс. Быкова пригласили возглавить Школу Космогации (международную). Юрковский давно уже работает в высших организациях и тоже летает все реже и реже. Старость, немощь. «Странно, почему это мне так захотелось еще раз обнять Мишу?»

И вдруг Дауге наталкивается на необычайно красивую женщину в бальзаковском возрасте. Это Маша Юрковская, его бывшая жена, с которой он не виделся уже двадцать лет, с тех пор, как перед стартом «Хиуса» на Венеру она отказалась от него. Встреча — сгорбленный, седой, волочащий ноги, опирающийся на палочку Дауге и красивая, элегантная, прямая и стройная женщина с надменным, ослепительно прекрасным лицом.

Она не говорит, что нарочно встретилась с ним, и у читателя не будет тому прямых доказательств. И он, и она совершенно спокойны, даже как будто благодарны друг другу за вновь ожившие полузабытые ощущения далекой молодости. Садятся на скамеечку в парке и спокойненько беседуют. Обычные малозначительные для них, но небезынтересные для читателя вопросы и ответы про жизнь. Неизбежный вопрос Дауге: а ты здесь зачем? Я провожала Володьку,— отвечает она.— Я всегда его провожаю. Дауге поражен. Он знает, как они ненавидят друг друга. Она, оказывается, его любит. Каждый раз, когда Юрковский улетает, она тайком стоит где-нибудь за колонной и смотрит ему вслед, и молится, чтобы он вернулся целым и невредимым. Дауге пожимает плечами, молчит. Маша: Он страшно ненавидит меня. Как-то сказал: Мария, границы открыты, ушивалась бы ты из Союза к чертовой матери. Но я не хочу ушиваться, здесь моя родина и все, что я люблю. Затем Маша спрашивает: на что все это нужно? что вы ищете в пустоте? Дауге:

знания и могущества. Маша: а на что это нам, женщинам? Ее монолог о жене межпланетника. Ее ненависть к Быкову, презрение к Мих. Ант. Дауге сначала поражен, затем холодно смеется. Это не вы — женщины. Женщины работают так же, как мы. Настоящие женщины тоже ищут знания и могущества. Они холодно расстаются.

Глава первая

ЮРА КОЧИН ГОЛОСУЕТ НА БОЛЬШОЙ ДОРОГЕ

1. Юра разговаривает с девушкой в справочном бюро ракетодрома Мирза-Чарле. Ему сочувствуют, но помочь ничем не могут. Пассажирских кораблей в систему Сатурна не будет в течение года, а на грузовые и исследовательские проситься бесполезно. Юра уныло вздыхает, вежливо благодарит и уходит. Мельком: чемодан он оставил на скамейке у птеробусной остановки.

2. Юра сидит в аллее и думает, что делать дальше. Встречаются два межпланетника, разговаривают, смеются, расходятся. Юра идет в ресторан. (Один из межпланетников — забеременевшая девушка со спутника?)

3. А стоит ли идти в ресторан? Может, беременная девушка обращает на него внимание и заговаривает с ним? Он излагает ей свои горести, она задумывается. Наконец решает: следует обратиться к начальнику ракетодрома непосредственно. Начальник может дать указание грузовику захватить Юру. А кто начальник? Не к начальнику, к его заместителю по связи — Шарлю Моллару. Он добрый мужик, его все капитаны любят. Если он попросит, не откажут.

4. Визит к Моллару. Моллар весел и доброжелателен. Как жизнь — хорошё-о? Ничего, это мы попробуем устроить. Доброволец — это отлично. Приятно работать с такими ребятами. Не то что эти головорезы с Запада. Кто же у нас идет в систему Сатурна? Ах, какое несчастье, никого нет. Девушка (вполголоса): А Быков? А Юрковский? Моллар задумывается, чешет голову. У них спецрейс, говорит он нерешительно. Ладно. Попробуем. Я попрошу. Сделаем так. Идите прямо к нему, а я позвоню ему. Если вы уже будете знать, что он отказал, вы не пойдете. А так вы не будете знать. И придете к нему невинно.

5. Визит к Быкову. У Быкова Юрковский. Юра чуть не плача рассказывает о себе: Юрий Николаевич Кочин, двадцать лет, вакуум-сварщик, записался добровольцем на работы в системе Сатурна. Добровольцев была масса, но отобрали десять лучших, в том числе его, Кочина. Вот путевка, если не верите. Но он опоздал. По домашним обстоятельствам. И очень стыдно ему, и вина перед тем, кто мог бы поехать и не опоздал бы. Прошу взять меня. Быков слушает, задает вопросы. Юрковский барствует, попивает шампанское. Быков берет трубку, звонит Моллару: Ладно. Беру. Оформите ко мне стажером. Возьму грех на душу. Обращается к Юре, жестко: Дисциплина железная. Ощущений неприятных будет много. Будет риск. Вызывает Жилина. Вот тебе подчиненный. Жилин: водку пьешь? в бога веруешь? истинный межпланетник. Бегом за вещами. На пороге Юра слышит, как звонит телефон. Дауге приехал? Дальше Юра не слушает. Это его не касается.

Глава вторая

УЮТНЫЙ ДОМ МЕЖПЛАНЕТНИКА

Эта глава — соответствует «Быту мушкетеров» у Дюма. Характеристики всех действующих лиц, их нравы и привычки с точки зрения Юры. И попутно — описание превосходного межпланетного корабля. Все через восприятие Юры. Поражен, что Быков почти ничего не делает. Капитан на корабле не нужен — только перед стартом и на случай катастрофы. Это Юрковский, не поднимая головы, сквозь зубы: «Или в случае бедствия». Быков проводит дни в кают-компании, рассеянно принимает донесения от Крутикова и Жилина, главным образом — систематически и методически читает журналы и газеты за два последних месяца и смотрит кино. В каюте — никаких украшений, только фото жены и детей. Юрковский, напротив, работает очень много и легко — непрерывно принимает и отправляет радиодепеши, читает какие-то материалы, сердится, ругается. Под внешним барским хладнокровием большая тревога и нетерпение. Юру называет прапорщиком: «Э... послушайте, прапорщик, а не можете ли вы вакуумно сварить обед?» Привык выпендриваться. Пытается выпендриваться и перед Быковым, но тот его хладнокровно осаживает. Рассуждение Юрковского

про пистолет. В каюте — все признаки роскоши. Очень много подушек специального назначения. Михаил Антонович считает курс, вздыхает насчет пенсии, жалуется, что это его последний рейс, сообщает, что вот теперь пойдет детишек нянчить — внуков и внучек. В кают-компании разговоры о текущих событиях, о политике. Чаще всего это связано с депешами, которые принимает Юрковский. Жилин становится лучшим другом Юры. Юра за ним, как тень. Очень вежливый, добрый мальчик. Жилин — фантазер и хохмач, непрерывно его разыгрывает. Не понять, где он говорит серьезно, где шутит. Для примера — рассказ о пути на Амальтею и проект проскока через Солнце. Развивает идею передачи предметов лучистой энергией. «Обнадеживают работы средневековых фокусников». И показывает фокусы.

И — последний вариант плана, отличающийся только отсутствием главы «"Тахмасиб". Польза инструкций».

Пролог
1. Мирза-Чарле. Русский мальчик
2. Мирза-Чарле. Гостиница. Триста шестой номер
3. Марс. Астрономы
4. Марс. Старая База
5. «Тахмасиб». Генеральный Инспектор и др.
6. Марс. Облава
7. Эйномия. Смерть-планетчики
8. Бамберга. Нищие духом
9. «Тахмасиб». Гигантская флюктуация
10. Диона. На четвереньках
11. «Кольцо-1». Баллада об одноногом пришельце
12. «Кольцо-2». Должен жить
Эпилог

План готов. Все продумано, теперь можно писать повесть.

ЧЕРНОВИКИ

Черновики повести «Стажеры» имеют мало отличий от окончательного опубликованного варианта, но при сравнении их вид-

но, как тщательно правилась рукопись стилистически. О стилистических изменениях чуть ниже, а пока рассмотрим другие отличия.

Придумывая новые специальности для людей будущего, Стругацкие поначалу употребляют эти термины с заглавной буквы. Так было с «Десантниками», так будет с «Прогрессорами», так в «Стажерах» происходит с термином «Следопыты». Вообще же будущее Авторы не стремились изобразить уж слишком фантастично, и если они могли еще заменить привычное «рулевое колесо» на «рулевую дугу» (как у самолета) в автомобиле Гриши Быкова, то, опробовав название «Вязьминский завод пластконструкций», Стругацкие заменяют его на более привычное «Вязьминский завод металлоконструкций».

Труднее Авторам приходится с описанием увлечений людей будущего. Планетологи на Кольце «не понимают» неореалистическую живопись — это уже в опубликованном варианте. В рукописи они не понимали живопись абстрактную, но Стругацкие вовремя заметили, что не понимать ее — это прошлый век. С предпочтениями в литературе, конечно, полегче — можно ведь наряду с выдуманным великим писателем будущего Строговым любить читать и книги, написанные давно. Поначалу в списке предпочтений планетологов рядом со Строговым стоит Олдингтон, но, вероятно, как раз во время завершения работы над текстом Стругацкие впервые прочли и полюбили творчество Грэма Грина, поэтому в рукописях и в издании «Мира приключений» (об этом издании — чуть ниже) планетологи любят читать Олдингтона и Строгова, а во всех последующих изданиях — Грэма Грина и Строгова.

И еще об именах собственных. Среди названий типов фотонных ракет («Хиус», «Джон Браун») в некоторых вариантах рукописей и изданий вместо «Янцзы» стоит «Эдокко» — это из того же длинного списка изменений из-за ухудшения отношений между СССР и КНР.

Наиболее интересные, как мне кажется, изменения при работе с черновыми вариантами текста произошли с некоторыми образами героев повести. Увлекшись описанием, как повлияли произошедшие события на Юру, Стругацкие забывают о «взрослении» другого «стажера на службе у будущего» — Жилина. В рукописи он более похож на Юру, чем на старших членов экипажа, и в критических ситуациях ведет себя более эмоционально. К примеру, так

он во время охоты на пиявок не пускает Юру в пещеру, куда ушел Юрковский:

— Слушай, Юрка, прости, но тебе туда нельзя,— сказал Жилин просительно. Юра молча рвался. Жилин тряхнул его и сказал: — Тебе нельзя, и мне из-за тебя нельзя.

Он оглянулся на пещеру, там глухо забухали выстрелы.

— Эх! — с досадой сказал Жилин и даже стукнул прикладом о землю.

И на информацию о предстоящем полете к Трансплутону он реагирует по-другому:

Трансплутон, подумал он. Это здорово. Это будет отличный рейс. Надо сейчас же позвонить Сережке, пусть порадуется. А может быть, не обрадуется? Нет, обрадуется. Таким вещам надо радоваться. А маме скажу, что улечу на Марс. К Марсу она уже привыкла.

Авторы спохватываются и переписывают образ Жилина, где он предстает более умудренным, спокойным и ответственным. Соответственно изменяется и судьба самого героя — он решает оставить космос и заняться Землею.

Образ Юры тоже не вписывается в объявленный возраст — двадцать лет, и Авторы делают Юру восемнадцатилетним.

Пожалуй, наибольшим изменениям в процессе работы над рукописью подвергся образ Юрковского, что яснее всего можно видеть по неоднократной переделке (пять вариантов) главы «Диона. На четвереньках». Ниже приводится первый вариант главы, дополненный в скобках более поздними вариантами.

Директора обсерватории на Дионе Юрковский знал давно, еще в те времена, когда тот был аспирантом Института планетологии и планетографии. Владислав Кимович Шершень слушал тогда у Юрковского курс «Планеты-гиганты». Юрковский его помнил и любил. Владислав Кимович вышел встречать Юрковского прямо в кессон, едва в кессоне установилось нормальное давление. Юрковский вылез из скафандра, и они крепко пожали друг другу руки.

— Не ожидал, не ожидал,— говорил Владислав Кимович, ведя Юрковского под локоток к своему кабинету. Он был уж не тот. Не было больше стройного черноволосого парня, всегда загорелого и немного сумрачного. Владислав Кимович был бледен, он облысел, располнел и много улыбался.— Не ожидал, не ожидал,— повторял он с удовольствием.— Как же это вы к нам надумали, Владимир Сергеевич? И никто нам не сообщил...

В кабинете он усадил Юрковского в единственное кресло, а сам сел за свой стол, небрежно отодвинув в сторону кипу фотокорректуры. Юрковский благожелательно озирался, кивал головой. Кабинет был гол, очень скромен и невелик. Да и сам Славка производил впечатление человека на месте. На нем был несколько потертый комбинезон с подвернутыми рукавами, но полное лицо было тщательно выбрито, а жиденькая полуседая прядь на макушке аккуратно причесана.

— А вы постарели, Слава,— сказал Юрковский с сожалением.— И... э-э... фигура не та. Ведь вы спортсмен были, Слава.

— Шесть лет здесь почти безвыездно, Владимир Сергеевич,— сказал Шершень.— Тяжесть здесь в пятьдесят раз меньше, чем на Планете, экспандерами изнурять себя, как наша молодежь делает, не могу за недостатком времени, да и сердце пошаливает, вот и толстею. Да и к чему мне стройность, Владимир Сергеевич, посудите сами. Жене все равно, какой я, девушек ради худеть — темперамент не тот, и положение не позволяет.

Они посмеялись.

— А вы, Владимир Сергеевич, изменились мало.

— Да,— сказал Юрковский.— Волос поменьше, ума побольше.

— Что нового в Институте? — спросил Шершень.— Как идут дела у Габдула Кадыровича? Очень, очень ждем результатов.

— Габдул застрял,— сказал Юрковский.— Получил несколько... э-э... парадоксальных выводов и теперь не знает, что делать. Ходит, держась за голову. Аспирантов своих загонял. У него там сла-авные ребята растут.

— Это хорошо,— сказал Шершень.— Я рад, что он застрял. Мы вот понемножечку продвигаемся в том же направлении. Догнать и перегнать Габдула Кадыровича!

— Догоняйте, Слава, догоняйте,— сказал Юрковский.— Только вот я слыхал, что от вас Мюллер на Тефию ушел. Если

вы таких сотрудников будете упускать, не догоните вы Габдуллу, Слава.

Шершень усмехнулся.

— Догоним, Владимир Сергеевич,— сказал он.— Подумаешь, Мюллер. Мюллером больше, Мюллером меньше... Беда не в этом, Владимир Сергеевич. Снабжение плохое, вот что нас по-настоящему задерживает. Мазеры приходится своими руками изготавливать. Как в прошлом веке, Владимир Сергеевич. Я уже не говорю о струйных усилителях. Эта проклятая, извечная проблема снабжения! У меня от нее все волосы повыпадали.

— Так вот значит, почему ушел Мюллер,— рассеянно сказал Юрковский.— Действительно, он все время работает на мазерах.

Шершень внимательно на него посмотрел.

— В наше время все работают на мазерах,— сказал он.— А в Институте этого никак не могут понять. Кто там сейчас в координационном отделе? Все еще Баркан?

— Да,— сказал Юрковский.

— Оно и видно.

— Нет, Баркан хороший работник. Но сейчас открыты пять новых обсерваторий в пространстве. И всем нужны мазеры.

— Ну так, товарищи,— сказал Шершень,— надо же планировать все-таки по-человечески. Обсерваторий стало больше, а аппаратуры не прибавилось? Нельзя же так.

— Ладно,— весело сказал Юрковский,— ваше... э-э... неудовольствие, Слава, я непременно передам Баркану. Вы и представления не имеете, Слава, как вам повезло, что вы... э-э... жалуетесь именно мне.— Шершень удивленно поднял брови.— Вы жалуетесь, Слава, непосредственно генеральному инспектору МУКСа.

Шершень вздернул голову.

— Ах... вот как? — медленно сказал он.— Вот не ожидал! — Он вдруг опять заулыбался.— Так это же прекрасно, Владимир Сергеевич,— сказал он.— Я вам сейчас поднесу такой рулон жалоб... Вы ведь, кажется, на грузовике прилетели? Очень кстати.— Он засмеялся.— Двадцать тонн жалоб. Могу больше.

Они еще раз посмеялись.

— Послушайте... э-э... Слава,— сказал Юрковский.— Мы очень довольны работой обсерватории. Работаете... э-э... хорошо. Но вот некоторое недоумение вызывает тот факт, что у вас... э-э... Вы понимаете, Слава, вот за последний год у вас закончено двадцать работ. И среди них ни одной самостоятельной. Шершень и Аверин, Шершень и Свирский, Шершень, Кравец и Шатрова... Возникает вопрос — а где просто Кравец и Шатрова? Где просто Свирский? То есть создается впечатление, что вы ведете свою молодежь на помочах. Как это у вас получается?

Шершень развел руками.

— В самую точку, Владимир Сергеевич,— сказал он.— Вопрос совершенно законный. Но как на него ответить — не представляю. И выглядит это подозрительно, я бы сказал, мерзко выглядит, я уж тут несколько раз пытался отказываться от соавторства — знаете, просто чтобы лицо спасти. И представьте себе, ребята не разрешают. И я их понимаю. Вот Толя Кравец.— Он положил руку на фотокорректуру.— Великолепный наблюдатель. Мастер прецизионных измерений. Инженер чудесный. Но,— он снова развел руками,— недостаточно опыта у него, что ли... Огромный, интереснейший наблюдательный материал — и практически полная неспособность провести квалифицированный анализ результатов. Вы понимаете, Владимир Сергеевич, я же ученый, мне до боли жалко этот пропадающий материал, а опубликовывать это в сыром виде, чтобы выводы делал Габдул Кадырович, тоже, знаете ли,— с какой стати? Не выдерживает ретивое, сажусь, начинаю интерпретировать сам. Ну... у мальчика же самолюбие... Так и появляется — Шершень и Кравец.

— М-да,— сказал Юрковский.— Это бывает. Да, Анатолий Кравец. Кажется, я его... э-э... припоминаю. Такой крепыш. Очень вежливый. Да-да, помню. Очень, помню, был старательный студент. Э... да. Знаете, Слава, расскажите мне, пожалуйста, о ваших сотрудниках. Я уже всех их перезабыл.

— Ну что ж,— сказал Шершень.— Это не трудно. Нас здесь всего восемь человек. Ну, Дитца и Оленеву мы исключим, это инженер-контролеры. Славные, умелые ребята, ни одной аварии за три года. Обо мне говорить тоже не будем, итого у нас

остается пять собственно астрономов. Ну, Аверин. Астрофизик. Обещает стать очень ценным работником, но пока слишком разбрасывается. Мне лично это никогда в людях особенно не нравилось. Приходится иногда его придерживать. Свирский Виталий. Тоже астрофизик.

— Позвольте, позвольте,— сказал Юрковский.— Аверин и Свирский. Как же, как же... Это была чудесная пара. Помню, я был в плохом настроении и завалил Аверина, и Свирский отказался мне сдавать. Очень, помню, трогательный был... э-э... бунт. Потом я у них принимал экзамен у обоих сразу, и они еще отвечали мне с этакой... лихостью. Дескать, знай, кого выгоняешь. Большие были друзья.

— Теперь они поохладели друг к другу,— грустно сказал Шершень.

— А что... э-э... случилось?

— Девушка,— сердито сказал Шершень.— Не успели явиться на обсерваторию, как оба влюбились в Зину Шатрову...

— Помню,— воскликнул Юрковский.— Маленькая такая, веселая, глаза синие, как... э-э... незабудки. Все за ней ухаживали, а она отшучивалась. Изрядная была забавница.

— Теперь она уже не забавница,— сказал Шершень.— Запутался я в этих сердечных делах, Владимир Сергеевич, год уже мучаюсь. Но в конце концов, речь не об этом. Хотя я тоже многого ожидал от этой пары — Аверин и Свирский. Но они потребовали разных тем. Теперь их старую тему разрабатываем мы с Авериным, а Свирский работает отдельно. Так вот, Свирский. Спокойный, выдержанный, хотя и несколько флегматичный. Я намерен оставить его за себя, когда поеду в отпуск. Еще не совсем самостоятелен в научной работе. Приходится помогать. Полагаю, дело в том, что он привык работать с Авериным. Ну, о Толе Кравце я вам рассказывал. Зина Шатрова.— Шершень замолчал и шибко почесал затылок.— Девушка,— сказал он.— Знающая, конечно, но... Этакая, знаете ли, во всем расплывчатость. Пустячки все, Владимир Сергеевич. Эмоции. Но я ею, в общем, доволен. Свой хлеб на Дионе она оправдывает. И, наконец, Базанов.

— Базанов,— сказал Юрковский и сел прямо. Его вынесло из кресла, он повис над столом и увидел титульный лист фото-

корректуры. Шершень и Свирский, «Пылевая составляющая полос Сатурна». Почему Свирский? — подумал он. Кравец, наверное, Шершень говорил о Кравце. Шершень поймал Юрковского за руку и, смеясь, усадил обратно в кресло.

— Магнитные подковки у нас полагается держать на полу, Владимир Сергеевич,— сказал он.— Это вам не «Тахмасиб».

— Да уж,— сказал Юрковский.— Так вы говорили о Базанове.

— Базанов — отличный работник,— сказал Шершень.— Немного строптив, но хорошая, светлая голова. Ладить с ним трудновато, правда.

— Базанов,— повторил Юрковский.— Что-то я не помню его последних работ. Чем он занимается?

— Да вы знаете, Владимир Сергеевич, он очень щепетилен. Работа готова, ее можно публиковать, однако — нет! Все время он чем-то недоволен, что-то ему кажется необоснованным... Вы знаете, есть такие... очень самокритичные люди. Самокритичные и упрямые. Его результатами мы давно уже пользуемся... Получается глупое положение, не имеем возможности ссылаться. Но я, откровенно говоря, не очень беспокоюсь. Это пройдет. Пусть работает так, как ему нравится.

— Может быть, мне с ним... э-э... побеседовать?

— Как угодно, Владимир Сергеевич,— сказал Шершень.— Не думаю, чтобы это помогло, не думаю, что в этом есть смысл, но если вы найдете нужным... Отчего же? Упрям он ужасно, Владимир Сергеевич, вы, наверное, должны помнить.

— Да,— сказал Юрковский.— Такой... э-э... очень самостоятельный студент был. Так вот, Слава, раз уж я у вас, не откажите старику, покажите поподробнее, чем и как сейчас занимается молодежь. Черновики, так сказать, черновики, наброски. Хочется посмотреть, как они... э-э... подходят к делу.

(В следующем варианте этого абзаца Юрковского уже интересует не «подход к делу», а само дело:

— Ну хорошо, Владислав, будем считать, что с официальной частью мы покончили. Давайте теперь... э-э... займемся делом. Раз уж я попал к вам, не откажите старику, покажите,

чем вы тут занимаетесь. И покажите, пожалуйста, черновики, наброски... Меня всегда интересовала ваша метода, Владислав. Хочется посмотреть, как вы ее сейчас применяете. И я, кстати, от своей канцелярии немного отдохну...)

— Ну конечно,— сказал Шершень.— Правда, новых инструментов у нас пока не прибавилось, методика, так сказать, пожилая...

В дверь постучали.

— Извините, Владимир Сергеевич,— сказал Шершень.— Войдите!

В низкий овальный люк, согнувшись, пролез костлявый бледный парень. Юрковский узнал его — это был Петя Базанов, славный мягкий юноша, умница, добряк. Юрковский уже начал благожелательно улыбаться, но Базанов, даже не взглянув на него, подошел к столу и положил перед Шершнем папку.

— Это расчеты,— сказал он.— Коэффициенты поглощения.

— Вот, Владимир Сергеевич,— весело сказал Шершень.— Это наш Базанов, о котором я вам сейчас говорил.

— Узнаю... э-э... узнаю,— сказал Юрковский.— Ну и как вам, Петр... э-э... не помню отчества... самостоятельная работа?

Базанов холодно поглядел на него и снова повернулся к Шершню.

— А о Генрихе Мюллере вы ничего не рассказывали? — спросил он.

Шершень с грустной усмешкой сказал Юрковскому:

— Вот вам наш Базанов, Владимир Сергеевич.

— Что же это вы... э-э... Петр,— спокойно сказал Юрковский,— и поздороваться со мной не хотите?

Базанов снова холодно посмотрел на него.

— Простите, Владимир Сергеевич,— сказал он без улыбки.— Здравствуйте. С этой самостоятельной работой становишься невежливым.

Он повернулся и вышел, захлопнув за собой люк. Юрковский озадаченно смотрел ему вслед. И это Базанов? — подумал он.

— Вы не удивляйтесь, Владимир Сергеевич,— сказал Шершень.— Мы с ним немножко повздорили из-за этих коэффициентов поглощения, он полагает ниже своего достоинства

считать коэффициенты поглощения и уже два дня терроризирует всю обсерваторию.

Юрковский все смотрел на закрытый люк. Какой же это Базанов? — думал он.

От реакторного кольца «Тахмасиба» через каменистую равнину к цилиндрической башне лифта был протянут тонкий стальной трос. Юра неторопливо и осторожно шел вдоль троса, с удовольствием чувствуя, что практика в условиях невесомости, приобретенная еще в период подготовки, не пропала даром. Впереди, шагах в пятидесяти, поблескивал в желтом свете Сатурна скафандр Михаила Антоновича.

Огромный желтый серп Сатурна выглядывал из-за плеча. Впереди над близким горизонтом ярко горела зеленоватая ущербленная луна — это был Титан, самый крупный спутник Сатурна. И вообще самый крупный спутник в Солнечной системе. Юра оглянулся на Сатурн. Колец с Дионы видно не было, Юра видел только тонкий серебристый луч. Неосвещенная часть диска Сатурна слабо мерцала зеленым. Где-то позади Сатурна двигалась сейчас Рея.

Михаил Антонович уже добрался до башни лифта и ждал Юру. Они вместе протиснулись в низкую полукруглую дверцу. Обсерватория размещалась под землей, на поверхности оставались только сетчатые башни интерферометров и параболоиды антенн, похожие на исполинские блюдца. В кессоне, вылезая из скафандра, Михаил Антонович озабоченно сказал:

— Я, Юрик, должен идти в библиотеку, а ты здесь походи, посмотри, сотрудники тут все молодые, ты с ними быстро познакомишься... А часа через два заходи за мной в библиотеку.

Он похлопал Юру по плечу и, гремя магнитными подковами, пошел по коридору налево. Юра сейчас же пошел направо. Коридоры были круглые, облицованные матовым пластиком, только под ногами лежала неширокая стальная дорожка. Вдоль коридора тянулись трубы, в них клокотало и булькало. Пахло сосновым лесом и картофельным супом. Видимо, где-то неподалеку была кухня. Юра прошел мимо открытого люка и заглянул в него. Там мигали разноцветные огоньки на пультах и никого не было. Тихо как, подумал Юра. Никого не видно и не

слышно. Скучища здесь, наверное, смертная. Он свернул в поперечный коридор и услыхал музыку. Где-то кто-то играл на гитаре, уверенно и неторопливо выводя печальную мелодию. Вот тоска-то, подумал Юра. Он любил, чтобы вокруг было шумно, чтобы все были вместе, и смеялись, и острили, и спорили, и ругались, и пели. Впервые ему пришло в голову, что самое страшное на далеких планетах — это не смертельная пустота за толстыми стенами, не несчастные случаи на работе, не все эти действительные и воображаемые опасности, а самая обыкновенная тоска, когда друзья устают друг от друга, когда все надоедает, и ничего не хочется, кроме смены обстановки. Потом он подумал, что со своими друзьями он никогда не скучал, но все же так и не смог отделаться от ощущения, что здесь, в этих круглых пустых коридорах людям очень и очень скучно.

Вдруг кто-то яростно крикнул над самым его ухом: «Какого черта ты мне все это рассказываешь?» Юра остановился. Коридор был по-прежнему пуст. Извиняющийся голос заговорил:

— Виталий, ты только пойми меня правильно. Мне самому очень неприятно все это слышать. Я ему так и сказал. По-моему, он поступает очень некрасиво. Но я же не могу молчать...

Яростный голос сказал:

— Лучше бы уж ты помолчал. Когда это вам всем надоест? Сплетни, сплетни, шушуканье... Он сказал, она сказала... Наплевать мне на это, ты понимаешь или нет? Дайте мне отбарабанить мои три года и провалитесь в тартарары совсем...

Слева от Юры бесшумно распахнулся люк, и в коридор выскочил беловолосый парень лет двадцати пяти. Светлые вихры его были взъерошены, покрасневшее лицо искажено бешенством. Он с наслаждением грохнул люком и остановился перед Юрой. Минуту они остолбенело глядели друг на друга.

— Вы кто такой? — спросил беловолосый.

— Я...— сказал Юра,— я с «Тахмасиба».

— А,— с отвращением сказал беловолосый.— Еще один любимчик!

Он обошел Юру и стремительно зашагал по коридору, то и дело подлетая к потолку и бормоча: «Провалитесь вы все в тартарары... Провалитесь вы все...» Юра, вытаращив глаза, глядел ему вслед. Ну и ну, думал он. Здесь совсем не так скучно, как я

думал. Он повернулся к люку и обнаружил, что перед ним стоит еще один человек, должно быть, тот, что говорил извиняющимся голосом. Он был коренаст, широкоплеч и одет с большим изяществом. У него была красивая прическа и румяное грустное лицо.

— Вы с «Тахмасиба»? — тихо спросил он, приветливо кивая.

— Да,— сказал Юра.

— Здравствуйте,— сказал человек, протягивая руку.— Меня зовут Кравец. Анатолий. Вы будете у нас работать?

— Нет, что вы,— сказал Юра.— Я так, проездом.

— Ах, проездом? — сказал Кравец. Он все еще держал Юрину руку. Ладонь у него была сухая и горячая.

— Юрий Бородин,— сказал Юра.

— Очень приятно,— сказал Кравец и отпустил Юрину руку.

— Я вакуум-сварщик,— пояснил Юра.— Меня везут на Рею.

— Как интересно,— сказал Кравец.— Скажите, Юра, Владимир Сергеевич действительно приехал сюда инспектировать?

— Не могу вам сказать,— сказал Юра.— Не знаю.

— Ну конечно, откуда вам знать? — подхватил Кравец.— Тут у нас, знаете, распространился вдруг этот странный слух... Вы давно знакомы с Владимиром Сергеевичем?

— Скоро месяц,— отметил Юра не без важности.

— А я его знаю больше,— сказал Кравец.— Я у него учился.— Он вдруг спохватился.— Что же мы тут стоим? Заходите.

Юра шагнул в люк. Это была, по-видимому, вычислительная лаборатория. Вдоль стен тянулись прозрачные стеллажи электронной машины. Посередине стоял матово-белый пульт и большой стол, заваленный бумагами и схемами. На столе стояло несколько небольших электрических машин для ручных вычислений.

— Это наш мозг,— сказал Кравец.— Присаживайтесь.

Юра остался стоять, с любопытством осматриваясь.

— На «Тахмасибе» тоже такая же машина,— сказал он.— Только поменьше.

— Сейчас все наблюдают,— сказал Кравец.— Видите, никого нет. У нас вообще очень много наблюдают. Очень много работают. Время летит совершенно незаметно. Иногда такие ссоры бывают из-за работы...— Кравец махнул рукой и засме-

лся.— Наши астрофизики совсем рассорились. У каждого своя идея и каждый другого — дураком. Объясняются через меня.

Юра вспомнил: «Дайте мне отбарабанить три года и проваливайтесь». Кравец выжидательно смотрел на него.

— Что ж,— сказал Юра, глядя в сторону.— Бывает.

— Постороннему человеку,— сказал Кравец,— может показаться, что у нас здесь невыносимо скучно. Да так это и есть — для постороннего. Нас здесь мало, все мы очень заняты, директор наш, Владислав Кимович, очень хороший человек, но он тоже очень занят. Вот мы и сидим круглыми сутками каждый со своей работой.— Он снова выжидательно посмотрел на Юру.

Юра вежливо сказал:

— Да, конечно, чем тут еще заниматься. Космос ведь для работы, а не для развлечений. Правда, у вас здесь действительно пустовато немножко. Я тут прошелся по коридорам — никого нет, тихо, только где-то гитара играет. Печально-печально.

— А,— сказал Кравец, улыбаясь,— это наш Дитц думает.

Люк отворился, и в лабораторию неловко протиснулась маленькая девушка с большой охапкой бумаг. Она плечом затворила люк и посмотрела на Юру. Наверное, она только что проснулась — глаза у нее были слегка припухшие.

— Здравствуйте,— сказал Юра.

Девушка беззвучно шевельнула губами и тихонько прошла к столу. Кравец сказал:

— Это Зина Шатрова. А это Юрий Бородин, Зиночка, приехал вместе с Юрковским.

Девушка кивнула, не поднимая глаз. Наступило неловкое молчание. Юра старался сообразить, почему вот уже второй человек на обсерватории относится к нему как-то странно. Он взглянул на Кравца. Кравец, прикусив губу, прищурившись, смотрел на Зину. Зина молча перебирала листки. Потом придвинула к себе электрическую машину и принялась считать, звонко щелкая цифровыми клавишами. Кравец сказал:

— Ну что ж, Юра, хотите...

Его прервало мягкое пение радиофонного вызова. Он поспешно вытащил из кармана радиофон.

— Слушаю.

— Анатолий? — спросил густой голос.

— Да, я, Владислав Кимович.

— Анатолий, навести, пожалуйста, Базанова. Немедленно. Он в библиотеке.

Кравец покосился на Юру.

— У меня...— начал он.

Голос в радиофоне стал вдруг далеким.

— А вот и вы, Владимир Сергеевич... У меня все готово.

Послышались частые гудки отбоя. Кравец засунул радиофон в карман и стал смотреть по очереди на Юру и на Зину.

— Мне придется уйти,— сказал он.— Зина, будь добра, покажи нашему гостю обсерваторию. Он хороший друг Владимира Сергеевича, надо его принять получше.

— Хорошо,— едва слышно сказала девушка. Кравец вышел. Зина встала и, по-прежнему не поднимая глаз, сказала: — Что бы вы хотели посмотреть?

— Что я хотел бы посмотреть? — сказал Юра задумчиво. Он все время смотрел на Зину. У нее было милое и какое-то безнадежно усталое лицо. Юра вдруг почувствовал, что у него подкатил ком к горлу.— Ничего я не хочу смотреть,— сердито сказал он.— Работайте себе, пожалуйста.

— Хорошо,— беззвучно сказала Зина и снова села.

Юра, искоса поглядывая на нее, подошел к пульту и уставился на мигающие огоньки. Зина прилежно работала. О чем она думает? И что все это вообще значит? Юра инстинктивно чувствовал, что все это должно означать что-то нехорошее. Он испытывал настоятельную потребность во что-то вмешаться, кому-то помочь. Никогда он еще не видел, чтобы такая милая девушка была так печальна и молчалива. Было очень тихо, только откуда-то доносились еле слышные утомляюще-печальные переборы гитары.

— А это что? — громко спросил Юра и ткнул пальцем наугад в одну из мигающих ламп. Зина вздрогнула и подняла голову.

— Это? — сказала она. В первый раз она подняла на него глаза. У нее были необыкновенно синие большие глаза. Юра с испугом посмотрел на лампу. Сморозил я что-то, подумал он. Затем, разозлившись, сказал:

— Да, вот эта лампа.

Зина все еще смотрела на него.

— Скажите,— спросила она,— вы будете работать у нас?

— Да нет же,— сказал Юра и прижал к груди руки.— Не буду я у вас работать. Я вакуум-сварщик. Я здесь проездом. Я спешу на Рею. Не на ту рею, на которой вешают пиратов, а на спутник Сатурна. Соседями будем. И никакой я не любимчик.

— Вакуум-сварщик? — переспросила она и провела ладонью по лицу.— Почему вакуум-сварщик?

— А почему бы нет? — сказал Юра. Он чувствовал, что это имеет огромное значение и очень хорошо для этой милой печальной девушки, что он именно вакуум-сварщик, а не кто-то другой. Никогда он еще не радовался тому, что он вакуум-сварщик.

— Простите,— сказала девушка.— Я вас спутала.

— С кем?

— Не знаю. Я думала... Не знаю. Это не важно.

И вдруг она заплакала. Она уронила голову на стол, на кипу исписанных листков, жирно перечеркнутых красным карандашом, и заплакала во весь голос, как плачут маленькие дети. Юра остолбенело стоял, открывая и закрывая рот.

— Погодите! — закричал он в ужасе.— Постойте! Да погодите же, не надо, я вас прошу!

Он с разбегу перепрыгнул через стол, сбросив какие-то папки, и схватил девушку за плечи.

— Что же это такое? — сказал он в отчаянии.— Кто вас так?

Девушка отпихнула его локтем, и он отступил, опустив руки. Она все плакала, только уже не в голос, а просто всхлипывая. Тогда он грозно сказал:

— Прекратите реветь! Какой срам!

Она остановилась и подняла голову. Лицо у нее было мокрое и жалкое, глаза припухли еще больше.

— Вам бы... так...— проговорила она. Он достал носовой платок и положил ей на мокрую ладонь. Она стала вытирать щеки.— Опять глаза красные будут,— сказала она почти спокойно.— Опять он за обедом будет спрашивать: «В чем дело, Зинаида? Когда же кончатся ваши эмоции?»

— Кто он? — спросил Юра.— Кравец? Так я ему пойду и сейчас морду набью, хотите?

Она сложила платок и попыталась улыбнуться.

— Что Кравец? — сказала она.— Кравец — это холуйчик. Такая же бездарь, как я.

Юра нашарил ногой стул и сел.

— Ну? — сказал он.

— Слушайте,— сказала она.— Вы правда вакуум-сварщик?

— Правда,— сказал Юра.— Только пожалуйста не ревите. В первый раз вижу человека, который плачет при виде вакуум-сварщика.

Она уже улыбалась. Затем она снова насторожилась.

— А почему же вы друг Юрковского?

Юра озадаченно на нее посмотрел.

— Ну... друг — это сильно сказано. Просто мы случайно попали на один корабль.— Она внимательно смотрела на него.— А что? — сказал он.— Это нехорошо, когда вакуум-сварщик дружит с Юрковским?

Она не ответила. Юра лихорадочно соображал. Она отложила платок и взялась за свои листки. Листки были исписаны мелким красивым почерком. Там было много сложных замысловатых формул. И все это было жирно, крест-накрест перечеркнуто красным карандашом.

— Кто это вам начеркал? — спросил Юра.

Она прикрыла листки ладонью.

— Не надо смотреть,— попросила она.— Это все ерунда. Так у меня всегда.

— Не получается что-нибудь? — сочувственно спросил Юра.

— У меня ничего не получается,— едва слышно сказала она.— Меня, наверное, скоро отправят на Землю. Шершню нужны настоящие работники.

— Кому? — спросил Юра.

— Директору. А у меня здесь одни глупости выходят. Он правильно рассуждает. Незачем здесь держать бездарей, вроде меня. Он мне уже два предупреждения сделал. Спасибо еще, что хоть сразу на Землю не вернул. От стыда бы сгорела.

— Это что — директор? — спросил Юра.

Она кивнула.

— И поделиться не с кем. Базанов вообще всех ненавидит, а эти два дурака вообразили невесть что, перессорились и теперь ни со мной, ни друг с другом не разговаривают.

Ну и обстановочка, подумал Юра.

— А Кравец? — спросил он.

— Кравец — холуйчик,— равнодушно сказала она.— Ему на все наплевать.

— Знаете что,— сказал Юра.— Я здесь ничего не знаю. Вот кто все знает, так это Жилин. Пойдемте к Жилину, расскажите ему все.

— К какому Жилину? — спросила она устало.

— К Ване Жилину. Это борт-инженер. Он очень хороший человек.

— Зачем? — сказала она.— Мне он все равно не поможет. Лучше от этого не станет, а хуже — может быть. Лучше вообще помалкивать. У нас всякие разговоры к хорошему не приводят. И без того полно слухов и сплетен.— Она вдруг повернулась к Юре.— Вы, пожалуйста, никому не рассказывайте, что я здесь ревела. А то опять начнутся всякие укоризненные замечания.— Она помолчала.— А правда, что Юрковский привез на обсерваторию своего протеже?

— Кого? — спросил Юра, наморща лоб.

— Своего протеже. У нас тут говорили, что Юрковский хочет устроить на Дионе какого-то своего любимца — астрофизика...

— Что за чушь? — сказал Юра.— На борту только экипаж, Юрковский и я. Никаких протеже, никаких астрофизиков.

— Правда?

— Ну конечно, правда! И вообще дико — у Юрковского любимцы! Это надо придумать...

— А,— устало сказала Зина.— Значит, опять врали. У нас здесь все время врут.

— Постойте,— сказал Юра.— Так вы меня принимали за этого самого... протеже? — Он с ужасом на нее посмотрел.

— Да,— сказала она.— Так говорили. Мне сказали, что меня, возможно, заменят.

Юра ожесточенно вцепился в свою шевелюру.

— Слушайте,— сказал он.— Что у вас тут за гадости творятся? Как вы здесь можете работать?

Она пожала плечом.

— Слушайте, да уезжайте вы отсюда! — сказал Юра.— Пропади они здесь все пропадом!

— Я думала об этом,— сказала она.— А куда мне деваться? Кому нужен плохой работник? — Она что-то вспомнила и ус-

мехнулась.— Да еще с неуравновешенной психикой. Здесь меня как-то держат. Свою работу я очень люблю, а на Земле придется менять специальность. А мне этого вовсе не хочется. Здесь у меня хоть и ничего не получается, зато я на обсерватории, у талантливого руководителя. Я очень люблю все это,— повторила она тихо, положив руку на листы.— Ведь я думала, что у меня... призвание.

Юра сказал сквозь зубы:

— В первый раз слышу о человеке, чтобы он любил свое дело и чтобы у него ничего не получалось.

Она снова дернула плечом.

— Ведь вы любите свое дело? — спросил Юра.

— Да.

— И у вас ничего не получается?

— Я бездарь,— сказала она.

— Как это может быть? — закричал Юра.

— Не знаю,— сказала она тихо.

Быков расхаживал по кают-компании, заложив руки за спину и опустив голову. Жилин стоял, прислонившись к двери в рубку. Юрковский сидел за столом, сцепив пальцы. Все трое слушали Михаила Антоновича. Михаил Антонович говорил страстно и взволнованно, прижимая к левой стороне груди коротенькую ручку.

— ...Поверь мне, Володенька, никогда в жизни я не выслушивал за каких-нибудь полчаса столько гадостей о других людях. Все гадкие, все дурные, и только Базанов хороший. Владислав Кимович, видите ли, шантажист и вымогатель. Базанов выполнил три великолепные работы, а Шершня эти работы почему-то не удовлетворяют, Шершень требует доработки и, видите ли, соавторства. На обсерватории все боятся Шершня. Был один смелый человек Генрих Мюллер, и того Шершень, видите ли, выжил. Хотя заметь, в конечном итоге прав таки был тот же негодник Шершень, это вынужден признать даже сам Базанов. Шершень завел себе осведомителя и клеврета. Подумай только, ни дать, ни взять прошлый век! Клеврет этот — некто бездарь Кравец. Этот Кравец везде подслушивает, а потом наушничает директору, а потом по указанию директора распро-

страняет всякие гнусные слухи! Кстати, этот Кравец потом зашел в библиотеку за какой-то книжкой. Как на него Базанов закричал! «Пошел вон!» — кричит. Бедный Кравец, такой симпатичный юноша, даже представиться не успел толком. Весь покраснел и ушел, даже книжки не взял. Я, конечно, не сдержался, я был очень возмущен и сделал Базанову выговор. Я ему прямо сказал: «Что же это вы, Петя? Разве можно так?» Но он даже внимания на меня не обратил.

Михаил Антонович перевел дух и вытер лицо платочком.

— Ну вот,— продолжал он.— Базанов, видите ли, необычайно нравственно чистоплотен. Он совсем не может видеть, как кто-то за кем-то ухаживает. Здесь есть молоденькая сотрудница, Зина Шатрова, астрофизик, так он приклеил к ней сразу двух кавалеров, да еще вообразил, что они из-за нее передрались. Она, видите ли, делает авансы и тому и другому, а те как петушки... Причем сам, заметьте, добавляет, что это все слухи, что он этим слухам не верит, но что факт остается фактом, все трое в ссоре. Сам, между прочим, Базанов особой нравственностью не отличается. Во всяком случае, инженер-контролер обещает отхлестать его. Мало того, что он склочничает со всеми астрономами, он втянул в свои склоки и инженер-контролеров. Все у него кретины, сопляки, работать никто не умеет, недоучки... У меня волосы дыбом вставали, когда я все это слышал! Извините меня, мальчики, но я уже, наверное, двадцать лет ничего подобного не слышал. Вообрази, Володенька... Как ты думаешь, кого он считает главным виновником всего этого, как он говорит, кабака?

Михаил Антонович сделал эффектную паузу. Быков остановился и посмотрел на него. Юрковский, сильно прищурясь, играл желваками на обрюзглых щеках.

— Тебя! — сказал Михаил Антонович сорвавшимся голосом.— Я прямо ушам не поверил. Генеральный инспектор МУКСа прикрывает все эти безобразия, мало того, возит с собой по обсерваториям каких-то таинственных любимцев, чтобы их там пристроить! Набил все обсерватории в космосе своими протеже-недоучками и своими ставленниками, вроде Шершня! Этого я уже не выдержал. Я возмутился! Я ему сказал: «Извините,— говорю,— голубчик, извольте отдавать отчет в своих словах! Как вам не стыдно»,— говорю.

Михаил Антонович снова перевел дух и замолчал. Быков снова стал расхаживать по кают-компании.

— Так,— сказал Юрковский ровным голосом.— Чем же ваша беседа кончилась?

Михаил Антонович смущенно задвигался на диване.

— Ты знаешь, Володенька,— сказал он.— Базанов произвел на меня гадкое впечатление. Но разговор кончился как-то странно. Может быть, если бы не эти последние слова, я бы не стал тебе рассказывать. Я его спросил: «Петя,— спрашиваю,— а зачем вы мне все это рассказываете?» Он вдруг как-то странно осекся, как-то странно на меня посмотрел и как-то странно сказал: «Может быть,— говорит,— Михаил Антонович, вы это еще кому-нибудь расскажете?» И пошел из библиотеки. Мне вдруг его стало так жалко, так жалко. Я кричу: «Петя!» А он не обернулся и вышел.

Михаил Антонович помолчал.

— И все-таки Базанов гадкий человек. Я бы на твоем месте, Володенька, сделал выводы.

Юрковский сидел, опустив глаза. Все молчали.

— Да,— сказал наконец Юрковский ржавым голосом.— Базанов — гадкий человек. Петр Базанов — отвратительный склочник. Мерзкая личность Петр Базанов — лучший студент своего курса, любимец всего выпуска, человек, который никогда не врал.

(Последнего абзаца в более позднем варианте уже нет.

— Ну хорошо,-- сказал Юрковский, не поднимая глаз.— Спасибо, Михаил. Придется принять меры. Видимо, Базанова придется убрать.)

Михаил Антонович ошарашенно глядел на него. Быков сказал:

— Хорошо живут у тебя на базах, генеральный инспектор. Дружно живут.

— Давайте я пойду, поговорю с ребятами,— тихо предложил Жилин.

В коридоре послышался стук магнитных подков.

— Не надо,— сказал Юрковский.— С ребятами говорил Юра.

(В более позднем варианте Юрковский уже не ждет Юру, чтобы узнать, что творится на станции:

Жилин спросил тихо:

— А где Юра?

— Да,— сказал Быков.— Где стажер, Михаил?

Михаил Антонович растерянно поглядел на него.

— Он... там... в обсерватории. Он разве не вернулся? Странно... Значит, он еще там...

— С астрономами заболтался, вероятно,— решил Быков.— Что ж, пора, пожалуй, обедать. Ты обедаешь с нами, Владимир?

— Нет,— сказал Юрковский и поднялся.— Я совсем забыл. Шершень опять приглашал нас всех на обед. Прошу собираться.

И в этот момент в коридоре послышался стук магнитных подков.)

Все посмотрели на него.

— Как это понимать? — сказал Быков.

— Сейчас увидишь,— сказал Юрковский.

Дверь распахнулась, и в кают-компанию влетел Юра. Быков поймал его за плечо и поставил на пол. Юра вырвался от него.

— Ваня! — закричал он отчаянно. Глаза у него были совершенно круглые.— Владимир Сергеевич! Немедленно пойдемте на обсерваторию! Сейчас же! Нельзя терять ни минуты!

— Тихо, тихо, кадет,— сказал Юрковский.

— Ты говорил с Базановым? — спросил Быков.

— С каким Базановым? — закричал Юра.— Я говорил с девушкой! Понимаете? Надо ее немедленно спасать! Она там умрет! Тут любой умрет! В этом притоне! Куда вы смотрите, Владимир Сергеевич? Это же застенок! Вы понимаете, она плачет!

— Плачет? — сказал Юрковский.— Значит, это Зина Шатрова.

— Да, Зина,— сказал Юра.— Откуда вы знаете?

— Я сообразил,— медленно сказал Юрковский.— Если плачет, значит это Зина Шатрова, которую в Институте никогда никто не видел хмурой, у которой каждое третье слово было шуткой. Только она может здесь плакать.

— Так что же вы сидите? — закричал Юра.

— Молчать, стажер,— жестко сказал Быков. Он повернулся к Юрковскому: — Пойдем?

— Пойдем,— сказал Юрковский. Он достал из кармана радиофон и морщась набрал какой-то номер.— Шершень? — сказал он.— Это Юрковский. Соберите астрономов в свой кабинет. Я сейчас буду у вас.

(В более позднем варианте речь о Зине уже не идет. Юра рассказывает о дальнейших происшествиях:

— Я дрался,— хмуро ответил Юра.

— Господи! С кем?

— Сначала я дрался со Свирским...

— Ну?

— Затем, пока Свирский отлеживался, я разговаривал с Аверины м.

— Кто это — Аверин? — брезгливо осведомился Быков.

— Это один молодой астрофизик,— нетерпеливо пояснил Юрковский.— И Свирский тоже. Продолжайте, кадет.

— Затем мы все вместе пошли искать Кравца...

— Господи! — сказал Михаил Антонович.— Кравца? Этого симпатичного юношу?

— Да. Аверин и Свирский решили его покарать немедленно, я отговаривал, но им очень хотелось.

— Ну?

— Кравца мы не нашли, зато встретили Базанова.

— Ну?

Юра опустил голову и печально вздохнул.

— Базанов нокаутировал меня на второй минуте. Я совершенно не учел, что у него...

— Одну минуту, кадет... Ты мне разрешишь, Алексей?

Быков кивнул. Юрковский встал, прошелся по каюте и остановился перед Юрой, глубоко засунув руки в карманы.

— Я так понимаю, кадет, что вы устроили на обсерватории отвратительный дебош. Вы избили сотрудников обсерватории...

— Не всех,— быстро сказал Юра.— К сожалению, не всех.

— Вы хамите, кадет,— холодно сказал Юрковский.

— Не всех,— упрямо повторил Юра.— К сожалению, я не добрался до Кравца и до Шершня...

— Молчать, стажер! — проревел Быков.

Воцарилось молчание. Михаил Антонович горестно вздыхал и кивал головой. Юрковский в задумчивости глядел на Юру. Быков, насупясь, расхаживал по каюте. Жилин все стоял у входа в рубку. Глаза его блестели.

Вдруг Жилин оттолкнулся от стены, неслышно подошел к Юре и положил руку ему на плечо.

— Простите, Алексей Петрович,— сказал он.— Я думаю, Юра знает что-то очень важное. Надо его выслушать.

— Пусть рассказывает, разумеется,— раздраженно сказал Быков.— Только безо всякой этой литературщины. Терпеть этого не могу.

— Рассказывай, Юра,— сказал Жилин.

Далее Юра рассказывает примерно так же, как и в окончательном тексте.)

— ...Вы совершили преступление, Шершень,— говорил Юрковский. Он говорил с омерзением, как будто жевал улитку[1].— Вы за три года отбросили вверенных вам людей на полстолетия назад. Вы мерзавец, Шершень.

Шершень процедил сквозь зубы:

— За эти слова вы тоже ответите.

— Замолчи! — закричал маленький смуглый парень, сидевший рядом с Юрой. Это был Аверин.— Не смей перебивать! Товарищи, как он смеет все время перебивать?

Юрковский переждал шум и продолжал:

(В более позднем варианте рукописи есть слова Юрковского, которые отсутствуют как в начальном варианте — ибо он все знал заранее,— так и в последнем, ибо там Юрковский уже игнорирует свои промахи, не хочет их даже замечать.

— Да, я отвечу. Мне придется отвечать за многое. Видимо, я изрядно устарел. Мне все казалось, что больше всего важен

[1] А почему, собственно, с омерзением? Эскарго из виноградных улиток — очень даже неплохое блюдо. Уж во всяком случае, не хуже салата из медуз.— *В. Д.*

результат... Да. Самая лучшая обсерватория. Изумительные открытия. Понадобилось вмешательство совершенно постороннего человека... Мальчишки... Да.— Он повернулся к астрономам. Они сидели кучкой и с ненавистью смотрели на Шершня и Кравца.— Пожалуй, больше я самобичеваться перед вами не буду, молодые люди. Не заслужили.

Еще позже Юрковский уже не «самобичуется», но еще упоминает о своей ошибке:

...Что ж, сочетание жажды бесконтрольной власти и подлости — это не такое уж частое явление в наши дни. Настолько редкое, что я, старый дурак, вообще исключил всякую возможность такого явления...)

— Вы, Шершень, сделали из обсерватории маленькую империю. По-моему, этого достаточно, чтобы называть вас мерзавцем. Ну, о вас разговаривать больше не будем. Теперь вы, молодые люди.

Он повернулся к астрономам. Они сидели кучкой. Они собрались в кучку уже в середине перекрестного допроса, который учинил Юрковский, когда выяснилось, что Аверин никогда не называл Свирского бездарем и подхалимом; что Свирский понятия не имел о том, что его, оказывается, вывели ночью из комнаты Зины; что Базанов никогда не распускал слухов, порочащих Таню Оленину; что считать Зину Шатрову недоучкой, неспособной к самостоятельной работе, невозможно даже из педагогических соображений... Теперь они сидели вместе и с ненавистью смотрели на Шершня. Только Кравец сидел отдельно.

— Шершня и Кравца я с работы снимаю,— говорил Юрковский.— Только прошу без эксцессов. Их отправят на Землю, и я надеюсь, что никто из вас с ними больше не встретится. Нового начальника вам пришлют через неделю с Титана. Пока посидите и подумайте. Вы мне очень, очень не нравитесь. Ведь я же вас всех помню еще по Институту. И я никак не ожидал, что вас будет так легко поставить на четвереньки. Вам еще предстоит искупить эту вину друг перед другом. Бедные слабые людишки. Идите. И думайте.

Они поднялись и, понурившись, пошли из кабинета. Шершень тоже встал и, нелепо раскачиваясь на магнитных башмаках, подошел к Юрковскому вплотную.

— Это самоуправство,— сипло сказал он.— Это вам даром не пройдет. Вы нарушаете работу обсерватории.

Юрковский гадливо отстранил его.

— Слушайте, э-э... Шершень,— сказал он.— На вашем месте я бы застрелился.

В следующей главе в первом и втором вариантах рукописи Юрковский говорит директору Титана: «Ты оказался прав, Федя».

Постепенный переход от Юрковского, который знает все и с тщанием исполняет свою роль инспектора, наводя порядок, до Юрковского, который занимается инспектированием по обязанности, но без охоты и как-то поверхностно, полностью перекроил сам образ, и если ранее можно было прощать хорошему, но с выпендрежем (у каждого человека есть какие-то недостатки) Юрковскому многое, то с изменением этой главы Юрковский теряет в глазах читателя, еще не знающего о последующем (о предательстве дружбы ради самореализации), свои былые (а бывшие ли вообще?) положительные качества...

Впрочем, целью данной работы не является исследование образа Юрковского, здесь показываются только аспекты исследования, а книга (хорошая, интересная) о преломлении образа Юрковского в глазах Авторов и в глазах читателя, надеюсь, еще будет кем-то написана. Материалов для такого исследования достаточно.

В данной же работе при публикации именно материалов для исследования, а особенно — больших отрывков из черновых работ, хочется предостеречь читателя еще раз. Б. Н. Стругацкий в прологе уже говорил: «Это все необработанное, черновики». Не торопитесь, прочитав какую-то часть черновика, восклицать: «И правильно, что они убрали этот отрывок, это же совершенно дубово написано... И правильно, что они не повели сюжет в этом направлении — это же банальщина... Только посмотрите, какой неправильный оборот... А здесь вот явный фактический ляп...» Это действительно именно черновики. Это действительно было выброшено, или исправлено, или переписано со вкусом. Не ради

придирок читателей (а уж тем более — критиков) публикуются эти тексты — пусть читатель придирается к окончательным текстам[1]. Цель (напоминаю здесь еще раз) — показать, как создавалось, задумывалось, переписывалось, исправлялось произведение, чтобы в итоге получилось талантливо, ново, свежо, оригинально. Критиковать приведенные тексты бессмысленно — искусствоведы не критикуют же наполовину вытесанную скульптуру... или музыкальные критики — первую репетицию оркестра.

А вот посмотреть на этот процесс (рождение Произведения из куска камня или из диссонанса группы инструментов), заглянуть в писательскую кухню хочется. И если уловить рождение замысла, персонажей, идеи и антуража произведения необычайно трудно (тут даже сам автор зачастую не может объяснить, что толкнуло его на такой поворот сюжета или на создание этого образа), то проследить «доводку до кондиции» черновика не только можно, но для многих, особенно для молодых авторов, еще и полезно.

Сейчас у многих авторов почему-то принято отдавать в издательства сырые рукописи — там редакторы доделают. Поэтому авторы получают так много отказов или жалуются, что публикация совершенно не похожа на то, что они писали. Создать, записать придуманное — это только половина работы автора. А вот довести рукопись до чистовика, исправляя где-то слово, где-то фразу, убедиться, что каждое слово на своем месте и что это именно нужное слово,— пожалуй, не легче, чем придумать. Если у человека нет литературного вкуса — ему писателем не стать (так же, как не стать композитором не имеющему музыкального слуха), но даже если у начинающего писателя отменный литературный вкус, ему все равно надо учиться — учиться видеть свои «ляпы» так же легко, как он видит чужие.

Примеры, приведенные ниже, как раз и показывают эту работу — мелкую стилистическую правку рукописи.

В прологе раннего варианта Юрковский говорит: «В стратоплане спрошу бутылочку ессентуков и выпью...» Добавляется ха-

[1] Я, конечно, полностью разделяю мнение Светланы и напоминаю: мои примечания-замечания имеют единственной целью несколько отвлечь читателя от серьезных мыслей. Никаких придирок.— *В. Д.*

рактерная особенность речи: КАК говорит и ЧТО говорит персонаж, и сразу видна его вальяжность:

Юрковский ТОМНО сказал:
— В стратоплане спрошу бутылочку ессентуков и ВЫКУШАЮ...

Портфель у Юрковского в черновиках «огромный роскошный», позже — «великолепный».

Юрковский говорит Дауге: «Ах, да не кисни ты, Григорий» — в рукописях «неожиданно тонким» голосом, позже — «страдающим».

Сначала Быков говорит сыну: «Пока я в рейсе, будь все время возле мамы». Это позже исправляется Авторами на более точное: «Пока я в рейсе, будь поближе к маме».

Юрковский, обращаясь к Грише Быкову, называет его в черновике — «сынок», позже — «малыш».

После пожелания Юрковского «чтобы рейс отменили» Быков на него с изумлением — сначала «посмотрел», позже «возрился».

О том, что Дауге остается, а они улетают, в рукописи Юрковский говорит Быкову: «Плохие мы с тобой товарищи». Позже: «Нехорошо. Нечестно». А Быков отвечает в рукописи: «Перестань ныть», а позже просто: «Перестань».

Дауге говорит Быкову-младшему в черновике: «Что я, жить не могу без этих самых космических бездн и песков Марса?», а в публикациях: «Что я жить не могу без этих самых таинственных бездн и пространств?»

Изменяется причина горечи Дауге. В рукописи: «Если бы здесь был Володька,— продолжал Дауге,— если бы остался твой отец, Михаил Антонович... Я страшно буду тосковать по ним. Я уже тоскую. Я уже старый, Гриша. Старый! Мне нельзя одному». В публикациях: «Почему я остался один? За что? Почему именно меня... именно я должен быть один? Ведь я не самый старый, тезка. Михаил старше, и твой отец тоже...»

На фразу Гриши о последнем рейсе Крутикова в рукописи Дауге отвечает: «Вот и Миша тоже». В публикациях: «Миша наш состарился...»

Быков-младший реагирует на состояние Дауге, увидевшего бывшую жену, в рукописи «испуганно», в публикациях «встревоженно».

О «человеческом» и «животном» в человеке Дауге в рукописи говорит: «Так вот, по-моему, человеку свойственны другие законы развития. Не такие, как у животных». В публикациях: «Так вот. Человек — это уже не животное». И дальше: «Разум этот НЕОБХОДИМО должен развиваться» — в рукописях; «Разум этот НЕИЗБЕЖНО должен развиваться» — в публикациях.

После обидчивого «спасибо» Маши Юрковской на замечание Дауге о мещанах Дауге говорит: «Я не хотел тебя обидеть»,— и добавляет: в рукописи: «Просто всех вас очень жаль», в публикациях: «Но мне показалось, что ты хочешь обидеть нас».

О мирских удовольствиях в рукописи Дауге говорит: «Я очень доволен своей жизнью», в изданиях: «Я даже был изрядным шалопаем».

Последние слова Дауге, обращенные к Маше Юрковской, в рукописи сначала были: «Прощай, Маша,— сказал он.— Нехорошо быть эгоистом, но спасибо за этот разговор. Ты мне очень помогла, а я...— Он слегка развел руками». Абзац Стругацким не нравится, в более поздней рукописи они «Он слегка развел руками» меняют на «Извини меня, если я говорил жестоко». А в издании переделывают абзац полностью: «Прощай,— сказал он, ласково улыбаясь.— Извини, если я говорил жестоко... Ты мне очень помогла сегодня».

А вот изысканного, непривычно-языкового «сьеста» жаль. Хотя и «сиеста» литературно правильнее, да и образу молодого паренька из Вязьмы оно более соответствует.

«Солнце светило точно вдоль проспекта» в ранних черновиках рукописи было заменено на «Солнце жгло вдоль проспекта» в более поздних, а в издании — более коротко и ясно: «Солнце жгло проспект».

После слов Юры, что «ужасно скучно всю жизнь простоять за стойкой», в ранних вариантах рукописи стоит: «Сказав это, он сильно покраснел и испугался: "Не бестактно ли?"» В поздних вариантах рукописи это убирается.

Юра о Джойсе в ранних вариантах черновика говорит: «Мне он как-то неприятен», затем: «Какой он там славный!», а в поздних вариантах рукописи и далее в издании: «Никакой он не славный».

На предположение Матти о разумности пиявок в ранних вариантах рукописи Сергей обращается к Феликсу: «А что скажут наши следопыты?» В поздних рукописях и в изданиях: «...уничтожь это изящное рассуждение».

В ранних вариантах рукописи Феликс говорит, что «пиявки помогут нам отыскать эту расу», в поздних и в изданиях: «...пиявки наведут нас на эту расу».

В предложении «У нас тут за оградой на тысячи километров протянулся совершенно незнакомый и совершенно чужой мир» Авторы меняют 3 слова и убирают 2, а звучит это гораздо приятнее: «Прямо за оградой на тысячи километров протянулся совершенно незнакомый, чужой мир».

Пеньков в рукописи говорит: «Брось ты всё это, Серега. Зачем себя насиловать? Попросись к строителям или вот к Феликсу». Авторы исправляют речь немногословного Пенькова, получается удачнее: «А ты плюнь, Серега. И иди себе. Попросись к строителям. Или вот к Феликсу».

В черновике: «Сергей, поджав губы, помотал щеками». «Щеками» исправлено на «светлым чубом», ибо это же не Михаил Антонович...

Сергей, выбегая из комнаты, на вопрос Наташи: «Куда?» отвечает: «Я подвезу его». В вариантах рукописи он это «крикнул», а в изданиях — «на ходу откликнулся».

В рукописях Наташа замечает среди развалин Старой Базы «человеческие следы». В издании неконкретный образ (что означает «человеческие следы»?) заменяется «следами ботинок».

В первом черновике Юра думает: «Это, наверное, здорово плохо...»; во втором черновике: «Это, наверное, ужасно плохо...»; затем: «Это, наверное, ужасно...»

Юра при помощи инфракрасных очков различил широкую корму танка, «где находился атомный реактор» (в рукописи), «нагретую атомным реактором» (в изданиях).

Во время погрузки на танк ящиков с боеприпасами Юра «покинул цепь» (первый черновик), «вышел из конвейера» (второй черновик), «отошел к танку» (издания).

Во время выстрела ракетного ружья искры «посыпались дождем» (в рукописи), «брызнули» (в изданиях).

Дымная полоса вспышек по пустыне в рукописях — «быстро двигалась», в изданиях — «катилась».

В рукописи Юра «молча ОТДАЛ карабин опомнившемуся загонщику», в изданиях — СУНУЛ.

Юрковский говорит о поселенцах Марса, что у них «ЗАВЯЛИ извилины, ведающие ЛЮБОПЫТСТВОМ». В опубликованных вариантах: СГЛАДИЛИСЬ и ЛЮБОЗНАТЕЛЬНОСТЬЮ.

Рассуждения Жилина о маленьком человеке Юре были чужды. «Как-то было на это наплевать» — в рукописи. «Как-то не трогало» — в изданиях.

В раннем черновике «Быков разворачивает СЛЕДУЮЩУЮ газету». Позже — ОЧЕРЕДНУЮ.

При радиовызове Титана в рукописи требуется сойти с линии, в «Мире приключений» — сойти с волны, далее — освободить частоту.

При походе в обсерваторию («оденьтесь потеплее») на Юрковском кроме джемпера с парусом Крутикова: в рукописи — «очень красивый белый парусиновый пиджак», в «Мире приключений» — «очень хорошо сшитый белый пиджак не по росту», позже — «очень красивый белый пиджак».

Там же в кессоне была удушливая жара... в рукописи и книжных изданиях 1962, 1968 годов — как в шведской бане, в «Мире приключений» — как в парной, позже — как в финской бане.

После спора с Быковым об исследовании колец Сатурна Юрковский: в рукописи — «схватился за лицо», в «Мире приключений» — «схватился за голову», позже — «закрыл лицо руками».

«Если не знаешь того, кто совершил подвиг, для тебя главное — подвиг. А если знаешь — что тебе тогда подвиг?» — думает Юра. В раннем варианте рукописи последние слова: «...плевать тебе на подвиг».

ЛЮДИ БУДУЩЕГО...

При доводке текста для издания Стругацкие тщательно искореняли фразы, привычные нашему времени, и ругательства. Вероятно, повлиял ряд статей после публикации сборника «Путь на Амальтею» (к примеру, статья Ю. Горбунова с таким ясным заголовком: «Неужели так будут говорить люди будущего?»). Причем часто эта правка производилась уже при первых публикациях повести.

«Ни черта бы вы друг друга не поняли»,— говорит Жилин в рукописи о Юре и Джойсе. «Ни черта» изменено на «нипочем». Подпольного вербовщика Жилин в рукописи называет: «Дерьмо собачье».

Даже нужное для понимания, но некультурное убирается. После слов Юры «Вот этот баллон не пойдет» в рукописи были слова: «...сказал Юра и ткнул пальцем».

«Необычайно дурацкие рекламы», с точки зрения Юры, становятся просто «рекламами».

«Сергей скорчил ужасную» не «рожу» (рукопись, сокращенный вариант «Мира приключений»), а «мину».

Вместо слов Жилина по поводу его работы «Радуюсь, горжусь и прочее» в черновике — «Думал, и радовался, и слюноточил».

Капитан Варшавский в рукописях не выражается: «Динозавры, прохвосты, тунеядцы несчастные». Он ругается: «Сук-кины дети, австралопитеки, пропадите вы все пропадом».

Быков компанию «Спэйс Пёрл» и тому подобных в рукописи называет «всякой сволочью», а в изданиях уже «всякими лишенцами»[1]. Юрковский ему отвечает: «Сколько СВОЛОЧИ еще у нас в системе». А в изданиях: БЕЗОБРАЗИЙ.

Смерть-планетчики в рукописи говорят, что «жрать нечего», в издании «Искателя» — «есть нечего», потом Стругацкие находят компромисс — «лопать нечего».

Бэла Барабаш о секретаре профсоюза на Бамберге в рукописи и в «Искателе» говорит: «Эта сволочь», а в других изданиях: «Этот подлец».

Юрковский говорит, что космический жемчуг нужен горстке сытых ДАМОЧЕК, в рукописи и в «Искателе» более грубо: БАБ. Ричардсона в рукописи Юрковский называет не господином, а субчиком.

---

[1] Слово «лишенец» (человек, лишенный некоторых гражданских прав) используется здесь, следовательно, как синоним слова «сволочь». Что ж, все зависит от того, как человека лишили прав и за что. Лишение прав из-за принадлежности к тому или иному «классу», или поражение в правах («по рогам») от сталинских «троек» — это одно, а судебный запрет нынешним проворовавшимся чиновникам несколько лет после отсидки занимать государственные должности — другое. Судебное поражение в правах могло бы стать эффективным способом и для пресечения попыток проникновения во власть уголовников.— *В. Д.*

В рукописи и первых изданиях: «Утром Быков дочитал последний журнал, долго и внимательно разглядывал обложку и даже, кажется, посмотрел, сколько он стоит». Цены журнала при коммунизме, где все бесплатно, быть не может. И вряд ли можно предположить, что Быков читает капиталистический журнал. Поэтому позже конец фразы исправлен на «посмотрел, каков тираж», а в первом собрании сочинений Стругацких (издательство «Текст») — конец фразы вообще убирается и предложение оканчивается «внимательно разглядывал обложку».

Убран вопрос Юры о столкновении грузовиков: «И есть жертвы?» Убрано замечание бармена Джойса: «Знаете, как говорят: "Лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным"».

В рукописях и изданиях 60-х годов загонщики в мегафон кричали о пиявках не «Гони! Гони!», а «Дави! Дави!», что, конечно же, не пристало людям коммунистического будущего.

ИЗДАНИЯ

Повесть «Стажеры» впервые была издана в 1962 году сразу в трех изданиях: полностью отдельной книгой в издательстве «Молодая гвардия», сокращенный вариант под названием «Должен жить» в сборнике «Мир приключений» и отрывок под названием «Генеральный инспектор» в журнале «Искатель». Все три издания содержат отличающиеся друг от друга тексты. Где-то поработали редакторы, где-то — сами Авторы.

ИЗДАНИЕ «МИРА ПРИКЛЮЧЕНИЙ»

По некоторым изменениям в опубликованном тексте можно судить, что это издание готовилось по какой-то рукописи, предшествующей чистовику, который публиковался в отдельной книге, так как некоторые первоначальные варианты слов или предложений идентичны в рукописях и в издании «Мира приключений», но отсутствуют или переделаны во всех остальных изданиях. К примеру, Вельяминов просил разрешения у Юрковского не ИССЛЕДОВАТЬ развалины Старой Базы (как во всех изданиях), а РАЗОБРАТЬ их (как в черновиках). «Быков с первого же дня УСАДИЛ ЮРУ ЗА

теоретические основы сварочного дела». В черновиках и данном издании: ЗАСТАВИЛ ЮРУ ИЗУЧАТЬ. Кислородные маски на Марсе назывались кислородными намордниками. В танке Юра хватается за ПРОДОЛГОВАТЫЙ ПРЕДМЕТ (в рукописи и данном издании), за СТЕРЖЕНЬ (во всех остальных изданиях). После сообщения Феликса о совещании у директора все ВЫЖИДАТЕЛЬНО смотрят на него, а в рукописи и в этом издании: С ИНТЕРЕСОМ.

Много изменений в тексте повлекло за собой сокращение повести. К примеру, дежурную по пассажирским перевозкам заменили на появляющуюся позже администратора гостиницы. И несколько странным выглядят слова администратора гостиницы, что сведения о специальных рейсах к ним не поступают (а кто бы подумал информировать гостиницу вообще о рейсах?).

В первой главе несколько изменен порядок повествования, бармена Джойса в данном издании нет, а Жилин и Юра знакомятся на пляже:

Обедать не хотелось. Юра свернул в тенистый переулок и совершенно неожиданно вышел к большому прозрачному озеру, вокруг которого росли араукарии и пирамидальные тополя. При виде такой массы прохладной воды Юра даже застонал от наслаждения и двинулся к берегу почти бегом, на ходу стягивая через голову сорочку. Искупавшись, он вылез на берег, лег животом на песок и огляделся.

На той стороне несколько молодых людей и девушек, выскакивая из воды по пояс, перебрасывались огромным блестящим мячом. Посередине озера ныряли с надувной лодки. Шагах в двадцати в тени араукарии сидел, скрестив по-турецки ноги, грузный мужчина в белой чалме, черных очках и ярко-красных трусах и читал книгу. Книгу он держал в правой руке прямо перед лицом, а левую руку упирал в бок. Рядом с ним лежали четыре бутылки из-под лимонада. Юра лег лицом на сорочку и закрыл глаза.

Кто-то похлопал его по плечу холодной ладонью и сказал:

— Сгоришь, эй, паренек!

Юра поднял голову. Перед ним сидел на корточках коричневый молодой человек великолепного сложения. Он глядел на Юру сверху вниз веселыми синими глазами.

— Сгоришь,— повторил он.— Перейди в тень.

Юра сел.

— Да, я, кажется, задремал немного,— сказал он смущенно.

— Приезжий? — спросил незнакомец.

— Приезжий. Как вы узнали?

Незнакомец засмеялся:

— Все местные сейчас скрываются в помещениях с кондиционированным воздухом.

Они поднялись и отошли в тень араукарии.

— А вы тоже не местный? — спросил Юра.

— Да, пожалуй, что и не местный.

— Интересный город — Мирза-Чарле,— сказал Юра.— Никого сейчас на улицах. Словно здесь сьеста, правда?

— Сьеста...— согласился незнакомец.

Далее идет известный разговор Жилина и Юры, где Жилин узнает об опоздании на рейс и предлагает Юре позвонить заместителю начальника ракетодрома, а после звонка, когда Юра возвратился, Жилин не «стоял на тропинке перед входом в кафе», а «ходил на руках вокруг араукарии. Увидев Юру он встал на ноги и отряхнул с ладоней песок».

— Пошли еще раз искупаемся,— предложил Иван.

Они сплавали на середину озера и поныряли с надувной лодки.

Далее поговорили еще, полежав на песке, а затем:

Затем Иван вскочил и стал одеваться.

— Мне пора,— сказал он, натягивая клетчатую ковбойку.— До свидания, Юрий Бородин.

— До свидания,— несколько обиженно ответил Юра.— Может, еще раз искупаемся?

— Нет-нет, я тороплюсь.

И предлагает прийти в известный номер гостиницы, но не в девять часов (как в полном варианте), а почему-то в семь часов вечера.

Ровно в семь часов вечера Юра поднялся в холл гостиницы и подошел к администратору. Она встретила его приветливой улыбкой.

— Добрый вечер,— сказал Юра.— К начальнику мне попасть не удалось — он улетел в Москву.

— Я знаю. Мне позвонили, едва вы ушли, голубчик. Но вы можете обратиться к его помощнику, не правда ли?

— Возможно, так и придется сделать.

Главы с седьмой по девятую («Польза инструкций», «Смерть-планетчики», «Нищие духом») в этом издании отсутствуют.

Помимо просто сокращений, в издании были и несколько странные изменения в тексте, которых нет ни в рукописях, ни в других изданиях. Дауге на вопрос Маши Юрковской, сколько лет Грише Быкову, отвечает не «восемнадцать», а «семнадцать». На вопрос Пучко, сколько потребуется человек для облавы на пиявок, во всех рукописях и изданиях Ливанов говорит о четырехстах пятидесяти, а в этом издании — о пятистах.

Но если вышеприведенные изменения, в общем-то, не ухудшали текста, то многие нельзя объяснить ничем, кроме как «редактор перестарался».

После того как Дауге сказал, что счастливее теперь он, Маша Юрковская «откровенно оглядела его и засмеялась». В данном издании «откровенно оглядела его» заменено на «оглядела его уничтожающим взглядом», что существенно меняет акценты...

«Не опоздаем?» — спрашивает Дауге у своего тезки. В этом издании, вероятно, чтобы подчеркнуть рабочую принадлежность молодого Григория, он спрашивает: «На фабрику к себе не опоздаешь?»

На вопрос, не дует ли ему, Дауге «повел носом» — отличное выражение! Редактора почему-то меняют его на привычное «поежился».

«Вот подлюга!» — говорит Матти во всех изданиях, кроме этого. Здесь: «Скверное животное».

«Кому Володя, а кому генеральный инспектор Международного управления космических сообщений»,— говорит директор системы Теплый Сырт. В рукописях и во всех других изданиях он это «с тихим отчаянием сказал». Здесь — «простонал», что, по-моему, менее зрелищно.

Размышления Юры («Неужели Ивану надоело? Это, наверное, ужасно плохо, когда десять лет занимаешься любимым делом и вдруг оказывается, что ты это дело разлюбил. Вот тошно, наверное! Но что-то не похоже, чтобы Ивану было тошно...») заменены на: «Жилин всегда с готовностью отвечал на все его вопросы относительно технических деталей своей работы, но терпеть не мог касаться ее психологической стороны. «И кто меня за язык тянет?» — с досадой подумал Юра».

Вместо «Безобразий в космосе» (по выражению Юрковского) — «нарушения режима работы в космосе», а высокопарное жилинское «Зевес» в отношении Юрковского превратилось в просто «Зевс».

ИЗДАНИЕ «ИСКАТЕЛЯ»

Отрывок в «Искателе» включал восьмую и девятую главы «Стажеров» («Смерть-планетчики» и «Нищие духом»). Это издание также печаталось по более ранним вариантам рукописей, чем последующие. К примеру, одного из космогонистов в рукописи и в данном издании зовут не Пагава, а Франта, также там было дополнение: «По-видимому, генеральные инспектора накатывали на «Эйномию» не реже трех раз в сутки: к завтраку, к обеду и ужину».

После вопроса Кости, зачем Юрковский занялся генеральной инспекцией, во всех изданиях: «Юра весь сжался, ожидая, что вот-вот разразится гром», а в рукописи и здесь: «Юра кусал губы, чтобы не рассмеяться непочтительно».

БЕЗ «СКАЗАЛ»

Не избежали Стругацкие и многих «стремлений молодого автора» улучшить свой текст. В художественных произведениях после прямой речи обычно стоит слово «сказал», используемое чаще всего для уточнения — кто именно сказал. В тех местах, где идут длинные диалоги, слово «сказал» встречается очень часто. Чрезвычайно часто, можно сказать. Рано или поздно каждый молодой автор начинает замечать это навязчивое «сказал», и не каждый, но многие пытаются либо заменить это слово дру-

ними словами, тоже выражающими «говорение», либо отказываются вообще от атрибутации прямой речи, косвенно указывая на говорящего.

Позже это проходит, автор даже начинает находить в этом некий шарм. Помните, в «Хромой судьбе»: «Тут ценно как можно чаще повторять «были», «был», «было». Стекла были разбиты, морда была перекошена...»

У Стругацких этап навязчивого «сказал» проявился в начале 60-х годов в публикациях «уральского» «Полдня» (новеллы «Десантники», «Благоустроенная планета») и в «Стажерах» («Мир приключений»). Именно тогда слово «сказал» убиралось из текста, а вот в других публикациях этих же произведений, до или после, таких исправлений не наблюдается.

Для начинающих авторов (как пример) можно привести перечень заменяющих «сказал» слов, употребленных Стругацкими: бросил, буркнул, вздохнул, возмутился, возразил, воскликнул, восхитился, вспомнил, выговорил, добавил, доложил, заверил, заметил, закончил, закричал, заметил, запротестовал, засмеялся, заявил, изумился, кивнул, крикнул, настаивал, начал, не унимался, объявил, оживился, осведомился, ответил, отозвался, перебил, поблагодарил, повторил, подтвердил, поморщился, пообещал, поправил, попросил, посоветовал, пояснил, предложил, предположил, представил, пригласил, признался, пробормотал, пробурчал, провозгласил, проворчал, проговорил, продолжал, произнес, промолвил, промычал, протянул, процедил, прошептал, прояснил, пытался оправдаться, размышлял, рассердился, согласился, сообщил, спохватился, спросил, убеждал, удивился, улыбнулся, успокоил, уточнил...

Остается добавить: воистину богат русский язык... если автор постарается.

РАССКАЗЫ

Если количество крупных произведений Стругацких можно установить точно (сомнение внушают только СОТ и УНС: считать их вторые варианты отдельными произведениями или все же вариантами), то с рассказами гораздо сложнее.

Многие рассказы позднее вошли в повести и романы. Некоторые из них публиковались самостоятельно (к примеру, многочисленные рассказы, вошедшие новеллами в «Полдень. XXII век»), некоторые — нет («Дорожный знак», вошедший прологом в ТББ, или «Машина времени», составившая в измененном виде главу в ПНВС). Эти рассказы будут рассматриваться в главах о соответствующих произведениях.

Тексты некоторых (ранее неопубликованных и никому не известных) составили раздел «Неопубликованное» в 11-м томе собрания сочинений «Сталкера». Они, как и те, что публиковались несколько ранее («В наше интересное время», «Бедные злые люди»), практически не претерпели изменений со дня написания, вариантов их почти не сохранилось, поэтому в данной работе они рассматриваться не будут.

Рассказ «Чрезвычайное происшествие» публиковался в 1960 году в авторском сборнике «Путь на Амальтею», затем — в 1986 году (сборник «Жук в муравейнике»). В адаптированном варианте (для изучающих русский язык) печатался в двух изданиях сборника «Формула невозможного». В этом варианте текст подвергся мелким, но тщательным изменениям, сделанным, видимо, редактором для упрощения чтения, поэтому здесь не рассматривается. Черновики рассказа, к сожалению, не сохранились.

Рассказ «Первые люди на первом плоту» впервые публиковался в повести «Летающие кочевники» (1968). Эта повесть-бу-

роме была задумана журналом «Костер» как эксперимент, где популярные фантасты, сменяя друг друга, придумывали главу за главой. Первую главу написали Стругацкие, вернее, отдали в качестве затравки свой рассказ, который тогда назывался «Дикие викинги», продолжение писали О. Ларионова, А. Шалимов, А. Мерцов, В. Дмитревский, А. Шейкин и А. Томилин, В. Невинский, Г. Гор — весь цвет фантастики шестидесятых. Рассказ публиковался позже в собраниях сочинений в неизменном виде.

ТЕМЫ ДЛЯ РАССКАЗОВ

Из «Комментариев» БНС, письмо АНС: «Для чего я это рассказываю? Тема эта — кибернетика, логические машины, механический мозг — висела в воздухе у нас под носом, но никому из нас она и в голову не приходила — к а к т а к о в а я. Ты понимаешь меня? Может быть, есть еще земные темы, не замеченные нами? Думай, думай, думай!» Вероятно, в то время и была составлена Стругацкими таблица с темами для рассказов. Это было время, когда о фэнтези еще и не слыхали, а научная фантастика твердо стояла на ногах и должна была повествовать о перспективах научных исследований, в крайнем случае — о гипотезах. Научную фантастику литературоведение еще ставило между научно-популярной и художественной литературой, и, как всякая наука, она требовала систематики. Более всего были известны тогда таблицы, составленные Г. Альтовым, карту Страны Фантазий рисовал Г. Гуревич, и Стругацкие не избежали того же. Таблица сохранилась на обороте ГЛ не полностью — с шестой по одиннадцатую страницы.

2. ОТКРЫТИЯ НА ДНЕ ОКЕАНА	1. Затонувшие страны (напр., Атлантида), города и т. д. 2. Затонувшие корабли 3. Необычайные формы жизни
3. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕСУРСОВ ОКЕАНА	1. Новые способы использования энергии океана 2. Подводные рудники 3. Подводное сельское хозяйство 4. Подводные поселения

4. Подкласс четвертый — ПЕРЕСТРОЙКА ЗЕМЛИ

1. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ	1. Изменение угла наклона земной оси к плоскости орбиты. 2. Новые материки, острова, моря и тому подобное. 3. Создание искусственных вулканов
2. КЛИМАТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ	1. Отепление Арктики, Антарктики, уничтожение вечной мерзлоты и так далее. 2. Изменение направления теплых и холодных течений. 3. Управление климатом с помощью космических устройств 4. Изменения в ионосфере и других верхних слоях атмосферы
3. КРУПНЫЕ ИНЖЕНЕРНЫЕ СООРУЖЕНИЯ	1. Межконтинентальные подземные туннели 2. Подводные туннели, плотины и т. д.

5. Подкласс пятый — ПРОШЛОЕ ЗЕМЛИ

1. ЗАТЕРЯННЫЕ МИРЫ	1. Атлантида 2. Изолированные участки суши
2. ПЕРВОБЫТНЫЕ ЛЮДИ	1. «Недостающие звенья» и т. д. 2. Снежный человек
3. ВСТРЕЧИ С ЖИВОТНЫМИ, СЧИТАЮЩИМИСЯ ВЫМЕРШИМИ	1. Динозавры 2. Эпиорнисы[1] 3. Мамонты 4. Вымершие морские животные
4. ОБНАРУЖЕНИЕ ИЗОБРАЖЕНИЙ ПРОШЛОГО	1. Фотоотпечатки, возникшие естественным путем 2. Фотограммы, возникшие естественным путем

[1] Как известно, Авторы и особенно АНС любили и знали творчество Г. Уэллса. По-видимому, своим появлением в таблице эти вымершие птицы обязаны прекрасному рассказу Уэллса «Остров Эпиорниса». — *В. Д.*

6. Подкласс шестой — ОТКРЫТИЯ НА ЗЕМЛЕ

1. ГЕОЛОГО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АНОМАЛИИ	1. Необычайные месторождения полезных ископаемых, например, ртутные озера 2. Подводные озера (скопления в океанских глубинах сжиженных газов и жидкостей, ставших тяжелее воды)
2. НЕОБЫЧАЙНАЯ РАСТИТЕЛЬНОСТЬ	1. Растения, считавшиеся вымершими 2. Растения, оказывающие необычайное физиологическое действие 3. Растения, имеющие космическое происхождение

7. Подкласс седьмой — КАТАСТРОФЫ (КРОМЕ СВЯЗАННЫХ С КОСМОСОМ)

1. ИЗМЕНЕНИЕ ОБЫЧНЫХ УСЛОВИЙ	1. Климатические изменения 2. Изменение состава атмосферы 3. Увеличение радиации
2. ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ	1. Борьба с землетрясениями 2. Борьба с цунами 3. Использование сейсмической энергии

3. КЛАСС ТРЕТИЙ — «ЧЕЛОВЕК»

1. Подкласс первый — ОБЩИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ОРГАНИЗМА

1. ИЗМЕНЕНИЯ РОСТА	1. Увеличение роста 2. Ускорение роста 3. Уменьшение роста
2. ИЗМЕНЕНИЕ ТЕМПОВ РАЗВИТИЯ	1. Ускорение развития 2. Замедление развития
3. ИЗМЕНЕНИЕ ВНЕШНОСТИ	1. Превращение уродов в красавцев и наоборот 2. Изменение цвета кожи

4. ПРИСПОСОБЛЕНИЕ ОРГАНИЗМА К НЕОБЫЧАЙНЫМ УСЛОВИЯМ ЖИЗНИ	1. Человек-амфибия 2. Летающий (без ничего) человек 3. Изменение терморегуляции
5. ИЗМЕНЕНИЕ ОБМЕНА И СТРУКТУРЫ ОРГАНИЗМА	1. Создание глиняных и т. п. людей 2. Ускорение и замедление нормального темпа жизни
6. ДВОЙНИКИ	1. Искусственное выращивание организмов из клеток 2. Прочие способы искусственного создания двойников

2. Подкласс второй — ИЗМЕНЕНИЯ СТРУКТУРЫ МОЗГА

1. ОБОСТРЕНИЕ ЧУВСТВ	1. Усиление зрения 2. Усиление слуха
2. ИЗМЕНЕНИЕ ЧУВСТВ	1. Способность видеть электрический ток 2. Способность видеть инфракрасные лучи 3. Способность слышать ультра- и инфразвук
3. УСИЛЕНИЕ И ИЗМЕНЕНИЕ УМСТВЕННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ	1. Усиление мыслительных способностей 2. Усиление и ослабление памяти 3. Чтение записанного в памяти 4. Наследственная память 5. Превращение психической энергии в механическую
4. ТЕЛЕПАТИЯ	1. Передача зрительных образов от человека — телевизору 2. Передача зрительных образов от одного человека другому (видеть мир глазами другого человека) 3. Конфликты, вызванные возможностью знать чужие мысли
5. СОН И СНОВИДЕНИЯ	1. Избавление от сна 2. Обучение во время сна 3. Управление сновидениями

6. ГИПНОЗ	1. Обучение с помощью гипноза 2. Управление людьми посредством внушения

3. Подкласс третий — ПРОДЛЕНИЕ ЖИЗНИ, ИЗЛЕЧЕНИЕ БОЛЕЗНЕЙ, БИОТОКИ

1. ИЗЛЕЧЕНИЕ НЫНЕ НЕИЗЛЕЧИМЫХ БОЛЕЗНЕЙ	1. Излечение рака 2. Излечение лучевой болезни 3. Возвращение зрения 4. Восстановление утраченных частей тела
2. ПРОДЛЕНИЕ ЖИЗНИ	1. Различные способы непосредственного увеличения продолжительности жизни 2. Использование анабиоза 3. Запись «я» человека для последующего воспроизведения 4. Замена отдельных органов тела
3. ОЖИВЛЕНИЕ ОТДЕЛЕННЫХ ОТ ТЕЛА ЧАСТЕЙ	1. Мозг, живущий без тела 2. Голова, живущая без туловища 3. Оживление отдельных частей тела (кроме головы)
4. БИОТОКИ	1. Управление организмом с помощью биотоков, например, изменение настроения 2. Передача биотоков больного для диагностики 3. Насильственное использование мозга в качестве вычислительной машины 4. Недоразумения, казусы и т. п.

4. Подкласс четвертый — КОНФЛИКТЫ ЧЕЛОВЕКА С ОБЩЕСТВОМ

1. БОРЬБА ЗА МИРОВОЕ ГОСПОДСТВО	1. Попытка стать властелином мира 2. Попытки создания изолированного мира

2. СТОЛКНОВЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА С БЛИЖАЙШИМ ОКРУЖЕНИЕМ	1. Конфликты из-за разного уровня развития 2. Конфликты социальные и т. д.

4. КЛАСС ЧЕТВЕРТЫЙ — «КИБЕРНЕТИКА»

1. Подкласс первый — УСТРОЙСТВО РОБОТОВ

1. ОБЫЧНЫЕ КОНСТРУКЦИИ	1. Механические 2. Биологические 3. Системы роботов
2. САМОРАЗВИВАЮЩИЕСЯ КОНСТРУКЦИИ	1. Механические 2. Биологические 3. Эмбриомеханические
3. НЕОБЫЧНЫЕ КОНСТРУКЦИИ	1. Роботы из газа

2. Подкласс второй — ВОЗМОЖНОСТИ И ОСОБЕННОСТИ РОБОТОВ

1. РОБОТЫ-ДУРАКИ	1. Превосходство человека 2. Неполадки, недоразумения и т. д.
2. УМ И ЧУВСТВА РОБОТОВ	1. Технические возможности 2. Несовершенство чувств 3. Особое восприятие мира

3. Подкласс третий — ВОССТАНИЯ И ПР. КОНФЛИКТЫ

1. КОНФЛИКТЫ МЕЖДУ ЧЕЛОВЕКОМ И РОБОТОМ	1. Бунт одного робота 2. Восстания роботов 3. Конфликты из-за любви робота к человеку 4. Конфликты из-за ревности робота к человеку
2. БЕЗОБИДНЫЕ ЗАСКОКИ	1. Человеческие слабости роботов 2. Недоразумения, казусы и т. д.

4. Подкласс четвертый — ПРОЧИЕ ЭЛЕКТРОННЫЕ МАШИНЫ

1. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ ОБОРУДОВАНИЕ	1. Новые конструкции ускорителей 2. Машина Открытий
2. ОБОРУДОВАНИЕ ДЛЯ СВЯЗИ	1. Отличающиеся особой компактностью 2. Отличающиеся особой мощностью

5. КЛАСС ПЯТЫЙ — «ИНОПЛАНЕТНЫЕ РАЗУМНЫЕ СУЩЕСТВА»

1. Подкласс первый — ЧЕЛОВЕКОПОДОБНЫЕ

1. КАК ЛЮДИ ИЛИ ПОЧТИ КАК ЛЮДИ	1. Не имеющие сколько-нибудь существенных отличий 2. Имеющие небольшие отличия, например, иной цвет кожи, рост и т. д.
2. «СДЕЛАННЫЕ ИЗ ДРУГОГО ТЕСТА»	1. Люди из антивещества 2. Фторные люди 3. Люди типа дюрелян 4. Люди прозрачные, полупрозрачные, светящиеся
3. ЛЮДИ, ЖИВУЩИЕ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ	1. Гидро-люди (живущие под водой) 2. Живущие под землей 3. Живущие в ином темпе времени

2. Подкласс второй — НЕЧЕЛОВЕКОПОДОБНЫЕ

1. ГЛОБАЛЬНЫЕ	1. Мыслящие планеты 2. Мыслящие океаны, реки и т. д.
2. НЕОБЫЧНЫЕ ФОРМЫ	1. Кристаллические разумные существа 2. Специальные разумные существа, например, селениты Уэллса 3. Разумные существа, не имеющие постоянной формы, например, шары К. Саймака

3. РАЗУМНЫЕ СУЩЕСТВА, ПОХОЖИЕ НА ЗЕМНЫХ ЖИВОТНЫХ	1. Спрутообразные 2. Кенгуруобразные 3. Муравьи 4. Летучие мыши 5. Кентавры 6. Квази-люди, порожденные озером протоплазмы, например, «резиновые люди» Э. Гамильтона
4. РАЗУМНЫЕ РАСТЕНИЯ	1. Грибообразные

6. КЛАСС ШЕСТОЙ — «ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ИСХОДНЫЕ СИТУАЦИИ»

1. Подкласс первый — ИЗМЕНЕНИЯ В ОКРУЖАЮЩЕМ МИРЕ

1. ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ВЕЩЕСТВ	1. Исчезновение железа 2. Пыли 3. Бумаги 4. Воздуха
2. ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ИЛИ ИЗМЕНЕНИЕ СВОЙСТВ	1. Исчезновение или изменение силы тяжести 2. Изменение скорости света 3. Изменение скорости вращения Земли 4. Исчезновение магнитного поля 5. Изменение уровня радиации атмосферы 6. Непроницаемость газообразных и жидких тел 7. Проницаемость твердых тел 8. Исчезновение трения 9. Исчезновение гниения и тления 10. Исчезновение боли 11. Прозрачность непрозрачных тел 12. Непрозрачность прозрачных тел

2. Подкласс второй — ВРЕМЯ

1. МАШИНЫ ВРЕМЕНИ	1. Использование машины времени в качестве условного приема

	2. Недоразумения, связанные с перемещением во времени, например, «парадокс дедушки»
2. ИЗМЕНЕНИЯ ПРИРОДЫ ВРЕМЕНИ	1. Замедление и убыстрение темпа времени 2. Превращение времени в энергию и обратно

3. Подкласс третий — СИТУАЦИИ «ШИВОРОТ-НАВЫВОРОТ»

1. НЕСООТВЕТСТВИЕ ОТКРЫТИЯ УРОВНЮ ОТКРЫВАТЕЛЯ	1. Открытия, сделанные идиотами, например, «эффект Уорпа» 2. Незаметный человек, вдруг делающий великое открытие
2. ПОДВИГИ, СОВЕРШЕННЫЕ НЕГЕРОИЧЕСКИМИ ЛЮДЬМИ	1. Подвиги новичков 2. Подвиги незаметных людей

7. КЛАСС СЕДЬМОЙ — «ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ЖИВОТНЫЕ»

1. Подкласс первый — ЖИВОТНЫЕ, ОБИТАЮЩИЕ НА ЗЕМЛЕ

1. ЖИВОТНЫЕ, ИМЕЮЩИЕ ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ	1. Составные организмы, типа «хозяина бухты» С. Гансовского 2. Карликовые животные
2. ИСКУССТВЕННО СОЗДАННЫЕ ЖИВОТНЫЕ	1. Животные с аномальным количеством тех или иных частей тела 2. Гибриды

2. Подкласс второй — ИНОПЛАНЕТНЫЕ ЖИВОТНЫЕ

1. ТРАНСФОРМИРОВАННЫЕ ЗЕМНЫЕ ФОРМЫ	1. Гигантские микробы 2. Амебообразные 3. Электро-медузы 4. Гибриды, например, хаши А. Толстого

5. Земные формы, имеющие аномальные размеры
6. Земные формы, имеющие одно или несколько необычайных свойств, например, прозрачность

«СПОНТАННЫЙ РЕФЛЕКС»

Первый опубликованный рассказ Стругацких (если не считать отрывка повести «Извне», напечатанного как отдельный рассказ) сохранился в нескольких черновых вариантах. Работа над рассказом велась в основном в сторону сокращения текста, уменьшения научности и увеличения увлекательности. Была переделана завязка рассказа — убран эпизод, предшествующий тому, как Урм остался один.

СПОНТАННЫЙ РЕФЛЕКС

(научно-фантастический рассказ)

1

Урм стоял посередине комнаты, а Николай Петрович и Ратиани озадаченно глядели на него. Затем они поглядели друг на друга. Николай Петрович сказал:

— Попробуем еще раз?

— Попробуем.

Николай Петрович откашлялся.

— Урм,— начал он,— подойди...

— Пароль,— торопливо подсказал Ратиани.

— Урм-Ар, подойди сюда.

Урм медленно повернул к ним плоское лицо. Они затаили дыхание. В узких глазах Урма зажглись и мгновенно погасли зеленые огоньки. Сухой, лишенный интонаций голос произнес:

— Не хочу.

— Неслыханно,— пробормотал Ратиани.

— Урм-Ар,— сказал Николай Петрович, четко выговаривая каждый слог,— Урм-Ар, почему ты не хочешь подойти?

— Мне надоело,— ответил Урм.

Николай Петрович выругался.

— Погоди.— Ратиани поскреб подбородок, подумал.— Вот что. Урм-Ар, помножь двести пятьдесят семь тысяч шестьсот тридцать девять на триста восемьдесят три.

Прошла секунда, другая.

— Ответ,— сказал Урм.— Девяносто восемь, точка, шестьсот семьдесят пять, точка, семьсот тридцать семь.

— Правильно? — спросил Николай Петрович.

Ратиани пожал плечами.

— Откуда я знаю? Я же не считал... Наверное, правильно. Ты заметил, что он считает медленнее?

— Пожалуй.

Они помолчали. Ратиани грыз ногти. Николай Петрович встал и обошел вокруг Урма.

— Фантастический урод,— пробормотал он.— Похож на помесь купеческого комода с кенгуру.

Урм невозмутимо молчал. Николай Петрович вернулся к столу и посмотрел на Ратиани.

— Ну, что будем делать?

Ратиани опять поскреб подбородок, скрипя двухдневной щетиной.

— Не знаю, дорогой,— сказал он.— Не знаю. Странное дело. В жизни не видел ничего подобного.

— Сознательное неповиновение,— сказал Николай Петрович.— Подумать только! Он не хочет, ему надоело... Прямо голова кругом идет.— Он наморщил лоб, шумно вздохнул.— Сознательное... Чушь, конечно. Но сами мы не разберемся. Придется оставить для Стремберга. Стремберг...

— Товарищ Стремберг вышел,— объявил Урм.— Что ему передать?

Ратиани схватился за голову, а Николай Петрович вскочил, разъяренный.

— Передай Стрембергу, скотина ты этакая, что в тебе слишком много ослиного упрямства!

— Хорошо,— безразлично сказал Урм.

— Черт знает что.— Николай Петрович сел, затем снова вскочил.— Слушай, Ратиани, либо это огромная, небывалая победа, либо...

Он замолчал.

— Либо? — спросил Ратиани.

— Либо... Посмотри на Урма!

Урм тихонько покачивался на коротких ногах, поворачивая куполообразную голову вправо и влево. Черные отполированные раковины ушей шевелились, в глазах вспыхивали и гасли зеленые огоньки.

— Кто-то идет,— сказал Ратиани.

Дверь распахнулась, и на пороге появились Стремберг и инфраоптик Костенко, оба веселые, замерзшие, с ног до головы покрытые снегом.

— Наконец-то,— пробормотал Николай Петрович.

— Добрый вечер, дрессировщики! — крикнул Стремберг.— Как дела?

— Здравствуйте, как поживаете,— сказал Урм.

— Отлично, Урм, здравствуй, Урм.

Костенко отряхивал доху и топал ногами в унтах, не спуская глаз с Урма.

— Вот ты какой, оказывается,— сказал он.— Я думал, ты повыше, постройнее.

— Ничего.— Стремберг вытер мокрое красное лицо носовым платком.— Ничего, нам его не женить. Правда, Урм-Ар?

— Для передачи Стрембергу,— сказал Урм.— Во мне слишком много ослиного упрямства.

— Что такое? — изумленно спросил Стремберг.

— Слишком много ослиного упрямства,— повторил Урм.

Стремберг повернулся к Николаю Петровичу.

— Это еще слишком мягко сказано,— мрачно проворчал тот.— Он не слушается.

— То есть?

— Он отказывается выполнять приказания,— пояснил Ратиани.— Говорит, что ему надоело.

Костенко захохотал, разевая широкую белозубую пасть.

— Может быть, требует прибавки жалования?

— Может быть,— сухо ответил Николай Петрович.

Стремберг сел к столу, взял у Ратиани папиросу, закурил.

— Рассказывайте,— потребовал он.

— А что здесь рассказывать? — сердито сказал Николай Петрович.— После обеда, когда ты уехал, взялись за проверку ло-

тических цепей. Шахматные задачи, интегральные уравнения и прочее. Сначала все шло хорошо. Но когда перешли на систему силы и движения... Да ты попробуй сам.

— И попробую,— сказал Стремберг.— Урм-Ар, шаг назад!

Урм качнулся, но не двинулся с места. Костенко перестал улыбаться.

— Смотри-ка...

— Урм-Ар, шаг вперед!

— Не хочу,— сказал Урм.

Воцарилось молчание. Костенко встал и отошел к двери.

— Я плохо разбираюсь в этих ваших анализаторах и полях памяти, но... Мало ли что ему придет в голову!

Стремберг положил окурок на край стола.

— Та-ак,— медленно сказал он.— Это я, пожалуй, не учел.

Николай Петрович и Ратиани вопросительно взглянули на него.

— Что ты не учел? — осведомился Николай Петрович.

— Понимаешь... Мне еще не все ясно, конечно. Может быть, спонтанные дуги... Господи, конечно! — Он хлопнул себя по лбу.— Конечно, спонтанные дуги! Институт битком набит счетными машинами, а я, идиот, не попытался даже рассчитать возможные варианты рефлексов! Но тогда...

Стремберг остановился, уставившись на Урма невидящим взглядом.

— Ничего не понимаю,— честно признался Ратиани.

— Я тоже,— сказал Николай Петрович.

— И я тоже,— подумав, сказал Костенко.— Что такое спонтанные дуги?

— Спонтанные дуги,— рассеянно сказал Стремберг,— это самопроизвольно возникающие дуги.

— Понятно,— упавшим голосом сказал Костенко.

— Слушайте, товарищи.— Стремберг вскочил на ноги и крепко потер ладони.— Если я не ошибся, это будет изумительное открытие. Мы перевернем всю нашу науку...— Он взглянул на часы.— Десятый час. На сегодня довольно. Сейчас едем ко мне ужинать, о делах больше ни слова.

Николай Петрович нерешительно оглянулся на Урма.

— Нет, нет,— сказал Стремберг.— Отложим до завтра. Вам нужно как следует отдохнуть, а мне как следует подумать. Завт-

ра у нас много нового и, обещаю вам, весьма и весьма интересного. Спонтанные дуги, черт побери! Программирование было перед обедом, а после обеда появились спонтанные дуги. Разумеется, программа триста тридцать три и спонтанные дуги... Пошли, одевайтесь. Жена обещала угостить нас превосходным шашлыком. Ратиани, любишь шашлык?

— Люблю,— ответил Ратиани. У него был слегка обалдевший вид.

Николай Петрович выходил последним. На пороге он задержался, чтобы погасить свет. Когда лампа погасла, в темноте сверкнули искрами глаза Урма. Николай Петрович передернул плечами и захлопнул дверь.

— Фантастический урод,— пробормотал он.

[Далее текст отсутствует.]

Была убрана слишком наукообразная и скучная концовка рассказа:

Николай Петрович Востряков, заместитель директора Института Экспериментальной Кибернетики, рассказал авторам следующее.

Идея УРМа — Универсальной Рабочей Машины — возникла в связи в необходимостью создания автоматов для работы в чрезвычайно сложных, не поддающихся предварительному учету обстоятельствах.

Как известно, любой кибернетический механизм программируется в соответствии с условиями его работы. Например, кибернетические землеройные машины, обслуживающие строительство Большого Кара-Кумского Канала, рассчитаны на сравнительно простые операции: они выбирают грунт в заданном направлении и на заданную глубину, автоматически сменяют изношенные или сломавшиеся детали. При резких непредвиденных изменениях структуры или плотности грунта они сигнализируют диспетчеру, который меняет их программу применительно к новым условиям. Благодаря этому, между прочим, было сохранено для археологов большое древнее захоронение, оказавшееся на трассе канала.

В подобных машинах, рассчитанных на простые и монотонные операции, роль управляющего центра — «мозга» — выпол-

няют несколько десятков реле. Этим машинам не нужна память, они обходятся весьма несложным набором восприятий — изменения прочности грунта, изменения температуры, давления ртутного столба и так далее.

Другое дело, если машина предназначена для разнообразных действий в непрерывно меняющейся сложной обстановке.

Для разработки и создания моделей таких машин был организован Институт Экспериментальной Кибернетики, и УРМ является своего рода творческим отчетом огромного коллектива ученых, инженеров и техников за пятнадцать лет напряженного труда.

Первая и основная задача состояла в том, чтобы построить достаточно вместительный и вместе с тем компактный аппарат управления — управляющий сектор, анализатор и память. В обычных цифровых и переводческих машинах для этого используют триггеры — электронные реле и ферритовые решетки. Иногда применяются наборы ионных трубок. Но такой «мозг» получается слишком громоздким, и машины на десятки тысяч логических ячеек — элементарных органов, получающих, хранящих и отдающих сигналы — занимают огромные залы. Очевидно, следовало идти в другом направлении.

Начальник Лаборатории Программирования Василий Федорович Стремберг много лет работал над заменой триггеров и ферритовых решеток металлическими пенопластами. Мысль эта не новая, но трудности были настолько велики, что большинство специалистов у нас и за границей вскоре отказались от нее. «Мозг» нового типа — платиново-германиевую пену — Стрембергу и его сотрудникам удалось изготовить сравнительно недавно. Одновременно была разрешена представлявшая собой неразрешимой проблема программирования на таком «мозге». Управление УРМа заключено в объеме в несколько кубических дециметров и состоит из платиново-германиевого анализатора и «памяти» — ферритового пенопласта.

У человека в мозгу несколько миллиардов клеток. У обычной цифровой машины — не больше ста тысяч триггеров. У УРМа было сразу задействовано около восемнадцати миллионов логических ячеек. Это дало возможность запрограммировать реакции на множество положений, на различные ва-

рианты изменения условий, а также выполнение огромного количества разнообразных операций.

Следующей задачей была разработка совершенной рецепторной системы. Чем больше рецепторов — органов восприятий, подающих сигналы на управление,— тем более точной и логичной будет реакция механизма. УРМ располагает пятнадцатью рецепторами, причем каждый из них сам по себе представляет огромное достижение в области той или иной отрасли техники. У него есть радиоприемники, инфраглаз, обычное зрение, ультрафиолетовое зрение, гамма-глаз, орган обоняния, акустические рецепторы для восприятия инфра-, ультра- и обычного звука, устройство для видения потоков заряженных и нейтральных частиц, анализатор печатного письма, анализатор человеческой речи и так далее. Кроме того, у УРМа есть гироустройство для сохранения равновесия, визуальный и локационный определители расстояний, хронометр, барометр, гигрометр. Вся рецепторная система УРМа чрезвычайно точна и надежна.

Наконец, много сил положила на УРМа и Лаборатория Силы и Движения. Источником энергии машины служит плутониевый реактор большой мощности, питающий девять мощных электромоторов, тридцать пять соленоидов, рецепторную систему и схему усиления. Остроумно разработанные и точно выполненные системы рычагов позволяют УРМу совершать около пятисот различных движений с практически любой скоростью и в любой последовательности.

Как работает УРМ? Создавая «мозг» УРМа, Лаборатория Программирования заложила в него некоторые аксиомы, так называемые рефлекторные цепи, с которых, собственно, и начинается поведение всякой кибернетической машины. Благодаря этим готовым рефлексам машина «знает», где верх, где низ, ходит по дорожкам и не топчет газоны, ищет двери и не ломится сквозь стены, знает хозяина и слушается его голоса и так далее. Кроме того, «память» машины загружается типовыми реакциями на наиболее вероятные условия, в которых ей придется работать. Так, УРМ отступает перед глубоким обрывом, удирает (и всегда в нужную сторону), если на него падает стена или рухнувшее дерево, не приближается к источникам интенсивных излучений, уступает дорогу поезду или грузовику.

Когда УРМ включен, показания рецепторов, преобразованные в двоичный шифр, начинают непрерывно поступать в анализатор. Анализатор устроен таким образом, что, получая восприятия, он сравнивает их с тем, что у него уже есть в памяти и из всех возможных комбинаций ответной реакции на эти восприятия выбирает наиболее выгодное и логически оправданное с точки зрения выполняемой УРМом в данный момент операции.

Благодаря огромной емкости «мозга» УРМа оказывается возможным запрограммировать реакции на все мыслимые обстоятельства. Так, если бы УРМ выполнял земляные работы на Кара-Кумском Канале и наткнулся на древнее захоронение, он бы не только мог дать об этом знать диспетчеру, но и начал бы самостоятельно, с большой осторожностью и аккуратностью раскапывать находку, счищать с нее налипший грунт, мыть обнаруженные черепки и складывать их в укромном местечке.

Но Лаборатория Программирования не остановилась на этом. Легко видеть, что было бы чрезвычайно невыгодно применять УРМа на таких работах, как рытье каналов, строительство и тому подобное. С самого начала УРМ был предназначен для работы в условиях, где присутствие человека-надзирателя невозможно ф и з и ч е с к и. Например, в океане на больших глубинах, на других планетах. Но вся беда в том, что и составитель программы не может предсказать точно, какие условия будут окружать машину в подобных случаях, и, следовательно, не может задать УРМу реакции на эти условия. Тогда Стремберг предпринял попытку создать самопрограммирующуюся машину. Анализатору была задана новая готовая рефлекторная цепь, сущность которой сводится к тому, чтобы побуждать УРМа самостоятельно заполнять пустующие ячейки памяти. Следует помнить, что таких ячеек у УРМа десятки миллионов. И результат получился совершенно неожиданный. Новый готовый рефлекс оказался источником возникновения десятков новых, не предусмотренных программистами рефлексов. Эти самопроизвольные рефлекторные дуги, или спонтанные рефлексы, как окрестил их Стремберг, направили деятельность «мозга» УРМа в совершенно новом направлении. Пока «мозг» управляется готовыми рефлексами, которые вложены программистом, можно предсказать все действия УРМа в любой обста-

новке. Но с появлением спонтанных рефлексов УРМ выходит из повиновения и начинает «вести себя». Так случилось и в памятный зимний вечер, когда УРМ вырвался из своего подвала и разрушил трансформатор.

Приходится признать, что, по крайней мере в настоящее время, наделять машину способностью программировать свои действия не представляется возможным. С таким же успехом можно было бы позволить железнодорожным составам выбирать время и путь следования по своему усмотрению. Для уточнения программы действий универсальной рабочей машины в условиях, не предусмотренных программистом, пока приходится идти по более медленному, но зато гораздо более верному пути: оттачивание анализаторских способностей «мозга», дальнейшее усовершенствование рецепторной системы и... ликвидация самой возможности возникновения спонтанного рефлекса.

Более близкий к опубликованному варианту черновик рассказа не полностью, но сохранился на оборотах черновика ПНВС. Пискунов там еще имеет фамилию Стремберг, Рябкин — Шустов. Реакции УРМа там еще описаны более человеческими: «Он был поражен. <...> Он испытал то смутное чувство, которое человек называет «ощущением нереальности окружающего». Урм не любил смутных ощущений...» Погоня за УРМом в черновике описана более подробно, более эмоционально и со всяческими нюансами. К примеру:

Последние слова Николай Петрович выкрикнул уже на бегу. Шустов кинулся вслед за ним, но споткнулся и с минуту барахтался в сугробе, ругательски ругая проклятую пургу, свинячьего Урма и вообще всех, причастных к происшествию.

<...>

— Бежать туда всем вместе, найти его и... ну, и схватить.

— Схватить! — Стремберг взорвался.— Схватить! За что прикажете? За штаны? Полтонны весу, живая сила удара кулака — триста кило... Чушь какая!

<...>

Глаза их привыкли к кромешному мраку, и они увидели низкое мглистое небо и белесое свечение сугробов под ногами. Несколько раз они валились в какие-то ямы, срывались с не-

высоких обрывов. Наконец Стремберг остановился и, тяжело дыша, сел прямо в снег.

<...>

Костенко присел рядом на корточки и стал отдирать ледяную корку с усов и бороды. Корка не отдиралась, и он тоненько повизгивал от боли.

<...>

— Побежали? — предложил Костенко.

— По... погодите... Передохнем... немного...

Стремберг снова сел в сугроб, не выпуская руки Костенко, шумно, со свистом дыша, потом наклонился, схватил горстью снег и сунул в рот.

— Понимаете... у меня легкие... обожжены. Не могу... бегать.

Он снова зачерпнул снега и приложил к лицу.

— Простудитесь,— нерешительно сказал Костенко.

<...>

Горячая металлическая поверхность толкнула Костенко в лицо, и он кувырком покатился в сугроб.

<...>

— Ну что ты, дорогой, успокойся! — бормотал Шустов, гладя его взъерошенные заиндевевшие волосы.

— Эх, я же говорил вам...— мрачно сказал Рябкин, но Николай Петрович оборвал его.

— Говорил, говорил,— крикнул он.— Молчи ты, ионная трубка... Стремберг, дружище, неужели ты не понимаешь? Ведь это же победа! Неожиданная и громадная победа!

Все с изумлением уставились на него, а он пританцовывал от возбуждения и хлопал себя по бокам.

— Победа! Ну что вы глаза вытаращили? Разве вы не видели? Ведь это с о з н а т е л ь н о е неповиновение! Сознательное, понимаете?

Стремберг выпрямился.

— Погоди... О дьявол, я ничего не соображаю.

— Хороша победа,— брюзгливо проворчал Рябкин.— Машина не слушается человека, и он называет это победой. Что ж тогда провал?

Из письма АНС к БНС: «С.Р. им весьма понравился, за исключением конца (твоего конца). Я это предвидел и привез им свой

конец. Мой конец им не понравился еще больше». Какая это из перечисленных концовок рассказа — неизвестно. Может быть, и не та и не другая, а еще какой-то вариант, тоже не вошедший в окончательный текст.

В шесть часов утра вернулся маленький Рябкин. Он положил на стол солидный пакет с бутербродами, стащил с себя доху и стряхнул снег с унт. На столе, как и много дней назад, лежал Урм — покорный, неподвижный, с раскрытой грудью и без головы. За соседним столом Стремберг сосредоточенно копался острой иглой микроэлектрометра в блестящем, круглом как мяч «мозге» непослушного Урма. Николай Петрович, осунувшийся и слегка охрипший за ночь, беседовал с Костенко, водя волосатым пальцем по листу кальки. Костенко почтительно слушал, вздыхал и то и дело вытирал пот со лба.

— Бутерброды есть,— сообщил Рябкин тоном заговорщика.— С сыром. И с ветчиной.

Стремберг нетерпеливо мотнул головой. Николай Петрович просто не услышал, но Костенко вздрогнул и оглянулся.

— И с телятиной тоже есть,— сказал Рябкин.

— Я бы съел,— жалобно сказал Костенко и виновато взглянул на Николая Петровича.

Стремберг усмехнулся.

— Нет, серьезно... Со вчерашнего дня не евши. Давайте, товарищи, а?

Он запустил руку в пакет. Николай Петрович укоризненно крякнул и принялся сматывать схемы в трубку.

— Раб желудка,— сердито сказал он, но не удержался и тоже выбрал себе бутерброд.— Ладно. Расскажу тебе в общих чертах, не вдаваясь в подробности.

— Вот-вот,— обрадовался Костенко.— В самых общих, так сказать, чертах. Давай, Николай Петрович.

Рябкин хихикнул, сел на угол стола и заболтал короткими ножками.

— И расскажу.— Николай Петрович с досадой взглянул на него, затем снова повернулся к Костенко.— Ты специалист по инфракрасной оптике, но раз уж попал на работу в Институт Экспериментальной Кибернетики — должен знать такие вещи.

— В самых общих чертах,— подсказал Рябкин.

— Хотя бы. Итак, кибернетическая машина «УРМ» имеет пятнадцать рецепторов... то бишь органов чувств. Инфраглаз, обычное зрение, гамма-глаз, обоняние, акустические рецепторы — инфра-, ультра- и обычные, радиолокаторы, гигрометр и так далее. Кстати, все эти «глаза» и «уши» и связанные с ними устройства сами по себе являются замечательными техническими новинками, нашей гордостью. Двести с лишним человек работали над Урмом больше пяти лет...

— Понятно, Николай Петрович...

— Дальше. Урм снабжен мощным источником энергии — портативным атомным реактором-бридером[1] — и великолепной силовой и двигательной системой. Бессмертная заслуга Лаборатории Силы и Движения. Ну, как и во всяком мало-мальски сложном кибернетическом устройстве, показания рецепторов преобразуются в двоичный шифр и подаются в анализатор, в память, а затем снова через анализатор на усилители и в рабочую часть. Это довольно элементарно и имеется в каждой цифровой машине. Но чем УРМ отличается от обычного кибернетического устройства?

— Действительно, чем? — с интересом спросил Костенко и взял пятый бутерброд — с сыром.

— У обыкновенной цифровой машины — десятки тысяч триггеров. У Рябкина — в его ионизационном обозе, или, что то же самое, в ионизационной лаборатории — пытаются ставить ионные трубки, и такая машина занимает целый зал. У нас — пенопласт. Вон в том шарике, с которым возился Стремберг,— десятки миллионов ячеек...

— Э-э... Что такое пенопласт?

— Наш пенопласт — платиновая или ферритовая пена с прослойками диэлектрика. У Урма задействовано сейчас восемнад-

---

[1] При описании силовой установки «Мальчика» в СБТ тоже был бридер (в каноническом тексте — «урано-плутониевый воспроизводящий реактор», это то же самое). По-видимому, это дань тогдашней технической моде. Даже на вездеходе бридер ни к чему, а уж для робота это вовсе лишнее. Обычный, не воспроизводящий, чисто плутониевый реактор (как в предыдущем варианте рассказа) можно сделать в десять раз компактнее. — *В. Д.*

цать миллионов логических ячеек. У человека в мозгу несколько миллиардов клеток...

Костенко перестал жевать.

— Значит, главное — количество логических ячеек?

— Да.

— Но это ж не принципиально!..

— Ха! В том-то все и дело! Чем больше логических ячеек, тем сложнее и гибче программа, которую можно задать машине. Вот, например, последняя программа Стремберга — это же шедевр! Готовая рефлекторная цепь, побуждающая Урма заполнять пустующие ячейки памяти. Урм получил замечательное свойство — стремление узнавать новое. Тут, дорогой, с триггерами, с ионными трубками далеко не уедешь. Тут нужны миллионы ячеек! И вот...

— А как задается такая программа?

— Мнэ-э... Это, знаешь ли... М-м-м... Словом, это пока не подлежит огласке... Ну, ты понимаешь...

— Ладно,— сказал Костенко,— давай дальше.

— Да-а-а... И вот тут-то и начались все эти чудеса. В металлическом мозгу начали возникать непредусмотренные нами связи, понял? Непрограммированные, самопроизвольные, спонтанные, если хочешь, рефлексы. Машина начала в е с т и с е б я! Она стала выбирать между двумя заданными ей рефлексами: рефлексом повиновения и вот этой вот программой Стремберга...

— Увы и ух! — со скорбью произнес мстительный работник «ионизационного обоза».

— Что? — рявкнул Николай Петрович, резко поворачиваясь к нему.

— Я сказал «увы и ух»,— вежливо пояснил Рябкин.— Шустов сейчас бегает по институту и выясняет убытки, которые возникли как результат вышеупомянутого... кхе-кхе... выбора...

— Ладно,— умиротворяюще проговорил Костенко, доедая последний бутерброд,— не ссорьтесь. Урм — знатная машина, и эти спонтанные рефлексы... Над ними надо подумать...

— Еще бы! — разгорелся Николай Петрович.— Никогда еще моделирование сознания не достигало такого успеха. Урм сопротивлялся, он не хотел, ему надоело... По-моему, это каче-

ственный скачок. Количество ячеек перешло в качество, в новое качество, сходное с сознанием. Это, конечно, не настоящее мышление, но! Кто поручится, что кроме мышления нет других форм разумного отношения индивида к обстановке?

Стремберг встал наконец и потянулся:

— Избавь меня, Коля, от философии, а от прочего я сам избавлюсь. И начну я с этой проклятой программы. Завтра соберем Урма, и завтра же я его кастрирую — уничтожу программу... этот самый шедевр. Нам нужна очень умная машина, а не очень глупый человек. Спонтанных рефлексов и второй охоты с бульдозерами нам тоже не надо...

— Слушай, Стремберг!..— взмолился Николай Петрович.

— Сказано, Коля! Нам нужен Урм — Универсальная Рабочая Машина. И такой УРМ у нас не останется без работы. А вот когда-нибудь потом, когда мы сами станем умнее и опытнее, мы создадим Урм — Ученого, Рабочего, Мыслителя,— и пусть он тогда потягается с нами — своими создателями.

Рассказ был опубликован в 1958 году в журнале «Знание — сила» и более, кроме собраний сочинений, нигде не переиздавался.

«ЧЕЛОВЕК ИЗ ПАСИФИДЫ»

Рассказ представлен в архиве двумя страницами раннего варианта и полностью сохранившимся черновиком, довольно близким к опубликованной версии. В более позднем варианте рукописи автором значился А. Бережков, ресторан назывался не «Тако», а «Ика», газета — не «Токио-симбун», а «Асахи-симбун». Сохранившиеся страницы более раннего варианта:

— Это случилось первого апреля, рано утром,— сказал лейтенант Исида,— в самый разгар «сиохигари».

Он отложил веер, нагнулся, взял палочками и аккуратно отправил в рот кусочек маринованной редьки. Нас разделял низенький столик «цкуэ», уставленный тарелками, блюдами и горшочками. Рядом со столиком стояли черные бутылки. Было

жарко и душно. Сквозь щели бамбуковой шторы на веранду падало горячее солнце ясной японской осени. Лейтенант Исида был в легком шелковом кимоно, но его круглое лицо и наголо обритая голова блестели от пота. Время от времени он снимал очки и прикладывал к мокрой переносице пестрый платок.

Собственно, Исида не был лейтенантом. Он служил в морской обороне в звании младшего инспектора какого-то ранга. В императорском флоте до капитуляции это звание соответствовало чину лейтенанта. Поэтому я звал его либо по имени, либо «тюи» или «тюи-доно» — «господин лейтенант». Так было короче и, кажется, больше ему нравилось. Вообще, он относился ко мне очень благожелательно. Японский язык я знал плохо, и мы разговаривали по-английски. Запив редьку долгим и громким глотком холодного пива, он сказал:

— Вы знаете, что такое «сиохигари»? Нет? Тогда я объясню, если не возражаете. Дословно это значит «собирание ракушек при отливе». Дело в том, что на песчаном морском дне у побережья, обычно скрытом под водой, селятся массы съедобных ракушек. В большие отливы дно обнажается. Тогда жители побережья, все — взрослые, дети, старики — спешат воспользоваться случаем. Особенно велики отливы в конце марта — начале апреля. Это «сиохигари» совпадает с наступлением весны, и в ясную погоду жители устраивают настоящие пикники. Они подтыкают подолы повыше, заходят подальше в мелкую воду, и начинается веселая охота. Для женщин и, особенно, для ребятишек это целое событие. Они скребут песок граблями и совками, отыскивают ракушки и устрицы, вылавливают в лужах рыбу, ищут под скалами крабов и маленьких «тако» — осьминогов. И при этом смеются, визжат и кричат во все горло.

На следующее утро у него сильно болела голова, не хотелось шевелиться. Апрельское солнце проникало через щели бамбуковой шторы и неприятно щекотало зажмуренные веки. Скрипнули раздвигаемые сёдзи — хозяйка боязливо заглянула в комнату. «Надо вставать»,— покорно согласился Исида. Он открыл глаза, громко, с прискуливанием, зевнул и сел, щурясь на солнечные пятна на циновке. У изголовья, чистые и выглаженные, лежали мундир и брюки. Капитан Исида вскочил, похлопал себя по голому животу и занялся гимнастикой.

В тот момент, когда он делал стойку на одной руке, внизу под окном зафыркал автомобиль. Знакомый пронзительный голос крикнул:

— Исида-сан! Исида!

«Като?» Исида легко перевернулся, мягко, как кошка, упал на пятки и поднял штору.

— Да! — хрипло рявкнул он.

Рассказ издавался в журнале «Советский воин» (1962), сборниках «Только один старт» (1971), «Фантастика-72». В последнем варианте он и переиздавался в собраниях сочинений, хотя в нем отсутствовало предуведомление от Авторов:

Пайщики акционерного общества «Алмазная Пасифида» до сих пор ждут известий о том, что в порты Японии придут грузовые субмарины странного подводного народа. Возможно, им (пайщикам) будет интересно узнать некоторые подробности, касающиеся предыстории этой многообещающей компании, любезно предоставленные авторам настоящего рассказа одним из свидетелей ее возникновения...

В собрании сочинений «Сталкера» начало текста восстановлено.

«ШЕСТЬ СПИЧЕК»

ВАРИАНТЫ...

О ранних вариантах Б. Н. Стругацкий подробно писал как в «Комментариях», касающихся собственно рассказа «Шесть спичек», так и сопровождая первопубликации ранних версий этой идеи в 11-м томе собрания сочинений «Сталкера»: «Затерянный в толпе» и «Кто нам скажет, Эвидаттэ?».

Вариант, более близкий к окончательной версии, но содержащий еще некоторые элементы предыдущих, сохранился в архиве, к сожалению, не полностью.

ВОСЬМОЙ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ПОЛГОДА

Комлин Александр Николаевич, сотрудник Института Высшей Нервной деятельности, 29 лет. Несчастный случай при эксперименте, связанном с облучением частицами высоких энергий. Доставлен 16 сентября в бессознательном состоянии. При общем вполне удовлетворительном состоянии организма — психическая травма первой степени, потеря памяти, сильное нарушение координации движений. Симптомов лучевой болезни нет. Будучи приведен в себя, кричал, метался, рвал одежду. Связность речи потеряна. Реакция Петера — Чернявского — 57.12. Применена радиотерапия по методу Чернявского.

...Ослепительно белые вершины Комо. Горячий клубок Сиу погрузился в вечерние заросли, и дыхание теплого ветра гонит по меркнущему небу розовые легкие облака... Джунгли темнеют. Джунгли чуть колышутся, нависая над тяжелой черной водой Ста, где в желтой тине у самых берегов лениво шевелят прозрачными плавниками большие белые рыбы в ожидании Вечерних Песен. Когда с горячих болот придет слоистый туман и ляжет как плоское облако над неподвижной водой, вершины Комо померкнут, и наступит час Вечерних Песен. Небо станет черно-синим, и одна за другой поднимутся из далеких лесов четыре Ночных Огня, белых, как священные рыбы Ста. Это моя родина. Здесь мой дом у самого берега, хороший высокий дом, где так прохладно в период Зноя и так тепло в период Туманов. Здесь мой народ — племя славных копьеносцев, прозванных Победителями Дао — страшных лесных драконов, спускавшихся с Комо в период туманов. Где все это? Что со мной? Уже разгорался огонь вечернего костра, и звучала в ушах Песня Белой Рыбы, и зоркий Хитта закричал, что видит кончик первого Ночного Огня, высунувшийся из-за темной стены джунглей... Уже плескалась вода у берега под плавниками священных рыб, поднявшихся из ила, и пустила первую трель добрая птица Кги, подавая знак, что беззубые Дао заснули и она слышит их сонный храп... Уже поднялась, опираясь на копье, старая Акка, не отрывая глаз от оживающего пламени костра, и стихли голоса и смех невидимой толпы соплеменни-

ков...[1] Что произошло? Все исчезло сразу, мгновенно, как исчезает копье, брошенное в воду, не оставляя после себя даже всплеска. И как река возвращает копье, так память возвращает образы — родные и далекие, похожие на сладкий сон, но это не сон. Наверное, сон — это язык, не слушающийся меня, чужой голос, исходящий из груди — из чужой груди, слабой, тщедушной и белой, и — если открыты глаза — белолицые карлики, закутанные в странные одежды, бесшумно скользящие вокруг меня... Но не надо открывать глаз. Уши доносят скрипы и шорохи, кто-то бродит рядом и переговаривается хриплым каркающим шепотом... Не надо открывать глаз — они увидят низкий потолок, и непонятные предметы вокруг, и маленькое холодное Сиу на толстой короткой ножке, изливающее слабый свет, и — самое страшное — чужое тело на белом ложе, покрытое толстой греющей материей тело, к которому прикреплена теперь моя голова... Кто вы? Язык не слушается, хрип течет из горла, густой, как горячий болотный ил. Кто вы, карлики, отнявшие мое тело у моей головы? Пустите меня! Развяжите веревки, прижимающие тело! Я хочу петь Вечернюю Песню, а для этого надо сесть! Я хочу петь Песню Кли, но ведь я... не помню ее. Я не помню своего имени... Пустите!.. Ослепительно белые вершины Комо, когда Ночные огни погружаются в Горячие Болота...

17 сентября. Общее состояние удовлетворительно. Около часа ночи — сильная вспышка болезни: бред, беснование. Введен в состояние искусственного сна. Весь день пролежал с закрытыми глазами. Радиотерапию перенес спокойно. Реакция П.–Ч.: утром — 59.0, вечером — 76.3. Улучшение заметно.

***

В палате висел прозрачный уютный сумрак. Маленькая лампа-ночник слабо освещала аккуратно застланную койку у даль-

[1] Замечательная история! «Старая Акка» — это, несомненно, навеяно Аккой Кнобекайзе из «Путешествия Нильса с гусями». Добрая птица, Белая Рыба... — *В. Д.*

ней стены, окно, затянутое тяжелой портьерой, и вторую койку — на ней лежал человек, до подбородка укрытый мохнатым больничным одеялом. Его лицо резкой тенью выделялось на яркой белизне подушки. Рядом сидел другой в накинутом на плечи халате.

— По-моему, это был очень удачный опыт,— сказал сидевший нерешительно. Тот, что лежал, шевельнулся, согнул ногу под одеялом, не отвечая.

— Тебе было очень больно? — спросил сидевший.

— Нет... Впрочем, я не помню.— Голос больного был глух. Говорил он заметно запинаясь, словно подбирал слова. Одеяло соскользнуло на пол, сидевший торопливо нагнулся и поправил его.

— Больше всех напугался, наверное, Дим Димыч,— снова заговорил посетитель.— Он весь трясся, когда приехала скорая помощь... Ты ведь сильно кричал, знаешь...

— Я... совсем... помню... плохо...— с расстановкой проговорил лежащий.— Плохо помню... я...— Он оборвал, не договорив.

— Знаешь, как это было, Витя? Сначала всё, как обычно: я включил психотрон, киноаппараты. Ты сидишь железно — не шевелишься, глаза открыты, молчишь. Тишина, психотрон верещит — все в полном порядке... И вдруг — на седьмой минуте — вопль! И какой! У меня волосы встали дыбом. А ты кричишь, кричишь, кричишь... Я давно всё выключил, бегаю вокруг, раскупориваю камеру, а ты — кричишь! И тут врывается Дим Димыч и с ним — этот новенький из охраны, оба ощетинились, Димыч рвет кобуру, никак пушку вытащить не может и — на меня! Ну, и смех и грех, ей-богу!

Посетитель неуверенно засмеялся, потом наклонился вперед, пытаясь разглядеть лицо лежащего.

— Слушай, Витя, ты, может, думаешь, тебе вредно разговаривать? Наоборот — мне все врачи говорят, расшевелите вы его! Он-де с нами говорить не хочет. Ты говори, говори, Витька, это тебе полезно.

Лежащий снова шевельнулся под одеялом:

— Понимаешь... Ты не думай... Я не... не нездоровый... То есть... Словом... Я хорошо себя чувствую, но... Не говорить... не гово... говориньетн-ну...

— Что? — Сидящий придвинул свое лицо вплотную к лицу больного.— Что, что? Повтори, повтори, Витя...

Глаза больного выкатились, остекленели, из сведенного судорогой рта выскакивали какие-то странные хриплые слова.

— Ануо гуанни узна ро дао...

— А, опять,— прошептал посетитель, отшатываясь. Он поспешно, чуть дрожащими руками, вытащил из бокового кармана пиджака плоский блестящий диктограф, включил его.

— Н'наа вуэна нао гоаон'наа...

Голос слабел, задыхался. Подбородок больного опустился, веки упали на расширенные зрачки. Голос смолк. Сидевший подождал еще немного, выключил диктограф и положил его на тумбочку рядом с лампой.

— Витя.

— Мм,— сказал больной.— Видал? И все время, все время я и там, и здесь... Ты понимаешь?

Теперь он говорил тихо, но почти не запинался и не хрипел.

— Ты записывай, записывай все это. И скажи этим кретинам, чтобы разрешили поставить здесь магнитофон — ведь мой, с позволения сказать, бред — это единственное, что доходит оттуда... Ты меня понимаешь, Кристо?

— Это не единственное, Витя...— Кристо помолчал и вдруг выпалил, словно окунулся в ледяную воду: — Есть еще рисунки!

— Что-о! — Больной приподнялся.

— Рисунки, товарищ Комлин! Черт с ними с докторами, они...

— Они считают меня обыкновенным сумасшедшим.

— Да. Они запретили мне это показывать: возвратный процесс, патологический стимул и все такое...

— Где рисунки, покажи! — Комлин быстро поднялся и сдвинул абажур: яркий свет брызнул на его худощавое лицо, бронзовое от загара.

— Ого! — сказал Кристо, роясь в кармане.— А ты не так плох!

— Господи, ну конечно! Давай, давай!

Оба склонились над большой записной книжкой в толстом кожаном переплете.

— Вот. Номер один,— сказал Кристо.

Комлин жадно схватил листок бумаги и поднес его к свету. Губы его разжались, брови поползли на лоб.

— Да,— сказал он после минутного молчания,— да...

На желтоватом клочке твердые четкие штрихи сливались в чудесную странную картину: пылающий огонь, несколько человеческих фигур у костра, бесформенная глухая чаща вокруг и темное, неуловимо прозрачное ночное небо с четырьмя узкими светлыми серпами, висящими над вершинами леса... Странное неземное очарование струил этот диковинный пейзаж. Теплый ветер, полный аромата незнакомых цветов, дыхание тех, что сидели у костра...

— Слышишь? — спросил Комлин, чуть шевеля губами.

— Да. Надо только вглядеться внимательно и... и... я не знаю, как это объяснить...

— Я тоже не знаю. Но это можно слышать...

Они надолго замолчали, вглядываясь в чудесное изображение.

— А номер два? — спросил наконец Комлин.

— Это не оконченный рисунок,— сказал Кристо с заметным сожалением.— Ты не успел его закончить — пришел в себя.

— Вновь обрел здравый рассудок,— невесело ухмыльнулся Комлин, рассматривая второй листок.— Не пойму, к чему здесь эта башня в джунглях...

— Ты же не успел закончить, Витя,— повторил Кристо.

— Дда-а...— протянул Комлин.— Опять заросли и какая-то явно металлическая башня. Но это — уже день...

Он повертел рисунок в руках и вернул его товарищу.

— Подумать только — это нарисовал я! Ты же знаешь, как я рисую, Кристо?

Он снова откинулся на подушку и закрыл глаза.

— Ты... помнишь это? — осторожно спросил Кристо.

Комлин мотнул головой.

— Нет. Этого я не помню, но...

— Но...

— Именно, но! — Комлин устроился поудобнее, закинул руки за голову.— Это больше всего похоже на очень яркий сон. Иногда бывает так: идешь по малознакомой улице и вдруг чувствуешь, что все это где-то видел — серые дома, пустой тротуар, лужу посреди мостовой... И потом вспоминаешь — во сне! Или — просыпаешься утром... Уже не спишь, но еще не проснулся совсем и... и... И, понимаешь, рядом — знакомые стены и остатки твое-

го сна — какие-нибудь люди, или улица, или какой-нибудь забор с объявлениями... Это очень трудно объяснить...

— Да-да! Я тебя почти понимаю...

— В жизни это не играет никакой роли, поэтому у нас нет даже слов, чтобы верно описать такое ощущение. А то, что я испытываю, очень похоже на такое вот состояние.

Кристо тихонько потянулся к диктографу и включил его.

— Вот сейчас, например, я почти здоров. Мои прежние ощущения кажутся сном, и, как всякий сон, они расплывчаты и не поддаются словесному описанию... А бывает, я помню, наоборот: эта палата кажется сном, а я — совсем другой человек — удивляюсь этому странному сну...

[Далее текст отсутствует.]

...ЧЕРНОВИКИ...

Черновики этого рассказа обнаружены на оборотах черновиков «Обитаемого острова» и «Гадких лебедей». Один из ранних вариантов еще называется «Восьмой за полгода», но сюжет уже ближе к окончательному. Собственно, это черновик данного рассказа. Начало в черновике было более длинным и подробным:

1

Инспектор наконец перестал копаться в бумагах и сказал:

— Н-ну, хорошо. С кого же, собственно, мы начнем?

— Как вам будет угодно,— сказал Директор Института.

— А вы, товарищ Леман, не злитесь, пожалуйста.

— А я, товарищ Рыбников, не злюсь.

— Ну и отлично,— сказал Инспектор.— Тогда начнем с этого вихрастого мэнээса. Симаков, кажется?

— Как вам будет угодно,— сказал Директор необычайно вежливо. Он передвинул рычажок видеофона и спросил, не глядя на голубоватый экран: — Младший научный сотрудник Симаков вызван?

— Вызван, Иосиф Петрович,— ответил женский голос.

— Пусть войдет.

Инспектор Рыбников сел поудобнее и уставился на большую, обитую стеганой кожей дверь. Дверь дрогнула, приоткры-

лась, и в образовавшуюся щель протиснулся младший научный сотрудник Симаков. Он прочистил горло и, несколько склонившись вперед, осведомился:

— Разрешите?

— А вы, пожалуйста, садитесь, товарищ Симаков,— сказал Инспектор, приветливо кивая.— Вот сюда, пожалуйста. И не стесняйтесь.

— Благодарю вас,— прошептал Симаков.

Он оторвался от дверной ручки, деревянным шагом подошел к директорскому столу и ухватился за толстую спинку черного тяжелого кресла. Кресло было напротив Инспектора. Симаков снова кашлянул и опустился на сиденье, забыв поддернуть узкие серые брюки. Затем он пригладил вихор на макушке, кашлянул еще раз и дрыгнул коленкой, словно собираясь перебросить ногу на ногу, но не решаясь это сделать.

— Мы с вами уже виделись сегодня,— сказал Инспектор.— А теперь я хотел бы задать вам несколько вопросов. Вот вы показывали нам лабораторию. Начальник ее — товарищ Комлин, а вы, кажется, его заместитель и теперь — исполняющий обязанности?

— Да,— сказал Симаков и поглядел на Директора.

Инспектор тоже поглядел на Директора. Директор внимательно изучал пустую, залитую асфальтом и солнцем площадь под окном.

— А не могли бы вы, товарищ Симаков,— спросил Инспектор,— рассказать мне, чем занималась ваша лаборатория последние, скажем, полгода?

— Да, разумеется...— Симаков запнулся и снова поглядел на Директора.— Э-э... Лаборатория выполняла заказ... Э-э... Заказ одного из...

— Виталий Константинович,— проговорил Директор, по-прежнему глядя в окно.— Товарищ Рыбников — инспектор Управления охраны труда при Совете Министров. Он в курсе.

— Да-да, разумеется,— заторопился Симаков.— Лаборатория выполняла заказ Управления межпланетных сообщений. В сентябре прошлого года нам была предложена исследовательская тема относительно воздействия космического излучения и вообще частиц высоких энергий на психическую деятель-

ность человека. Следовало выяснить несколько вопросов. Какие изменения вызывает такое облучение в сером веществе. Какие именно участки спектра энергий оказываются наиболее эффективными в смысле воздействия. Каковы внешние признаки поражения коры. Существуют ли достаточно простые методы борьбы с последствиями таких психо-лучевых травм, и как их предупредить... Вот приблизительно в таком плане.

Симаков наконец решился перекинуть ногу на ногу. Впрочем, он сам этого не заметил.

— Лаборатория выполнила эту тему? — спросил Инспектор, играя карандашом.

— Нет. Еще нет,— озабоченно произнес Симаков.— То есть основные результаты, разумеется, получены, обобщены, готовится доклад, но появилось еще немало любопытнейших проблем. Вот например...

— Простите, товарищ Симаков,— поспешно сказал Инспектор.— Это страшно интересно, но вот мне сейчас пришел в голову еще один вопрос.

— Слушаю вас,— сказал Симаков. Он казался несколько обиженным.

— А скажите... Вот прибор в небольшой комнатке рядом с виварием. Это ведь генератор нейтринных пучков, если я не ошибаюсь.

Симаков насторожился и подобрал ноги.

— Да,— сказал он.

— Это новейшая аппаратура. Вы ее получили недавно?

— Совсем недавно.

— И Комлин работал именно с этим генератором.

Симаков поглядел на Директора и подумал.

— Андрей Андреевич действительно с ним работал,— сказал он и принялся успокаивать бунтующий вихор.

— Почему я спрашиваю? — сказал Инспектор.— Дело в том — вы это знаете лучше меня,— что облучение нейтринными пучками представляется мне как-то не связанным с основной темой лаборатории. Я имею в виду заказ Управления межпланетных сообщений. Нейтрино несет весьма небольшую энергию, и потом... Изучение нейтринного облучения вряд ли может принести практическую пользу, если говорить о нуждах межпланетников.

Директор поджал губы. У него давно болела шея, на площади перед Институтом не происходило ровно ничего интересного. Но он упрямо сидел отвернувшись. Так он выражал свой протест. Директор был молод и страстно ненавидел комиссии и инспекции. Рыбников ему особенно не нравился. «Выпытывает,— думал он со злостью.— Все ясно, как шоколад, но выпытывает».

Симаков сказал нерешительно:

— Видите ли, Андрей Андреевич вел на этом генераторе некоторые эксперименты по своей собственной теме. Это был его собственный замысел...

— А вы в курсе его работы? — прервал Инспектор.

— Да... То есть в самых общих чертах. Я в основном работал над заказом Управления, но... Андрей Андреевич делал недавно доклад, там он говорил кое о чем...

Директор наконец обернулся к ним лицом.

— Комлин сделал этот доклад за два дня до несчастья. Копия доклада приложена к делу, вы можете с ней ознакомиться.

— Обязательно ознакомлюсь,— сказал Инспектор.— А теперь скажите мне, пожалуйста, товарищ Симаков, кто принимал этот нейтринный генератор?

— Я,— сказал Симаков.— Я лично принимаю все приборы, поступающие в лабораторию.

— Генератор был в порядке?

— Безусловно. Генератор работал прекрасно. Я сам отрегулировал его, и Андрей Андреевич был очень доволен моей работой.

Инспектор записал в блокнот несколько слов и поднялся.

— Благодарю вас, товарищ Симаков. Извините, что оторвал вас от работы.

Симаков вскочил, пожал протянутую руку и, неловко поклонившись в пространство между Директором и Инспектором, устремился прочь.

— Минуточку! — окликнул его Инспектор.— А вы не замечали, товарищ Симаков, в последнее время и в день несчастья, в частности, чего-либо необычного в поведении Комлина?

Симаков был уже одной ногой за порогом.

— Н-не знаю... Пожалуй, нет.— Он сделал рукой жест, выражавший удивление и полную неосведомленность.

— Спасибо.— Инспектор сел и принялся вертеть карандаш в пальцах.

Низко над площадью повис небольшой пассажирский вертолет. Сверкая ртутным серебром фюзеляжа, тихонько покачиваясь, принялся медленно поворачиваться вокруг оси. Сел. Откинулась дверца, из черного квадратного отверстия вылез спиной вперед человек в сером комбинезоне, легко спрыгнул на асфальт и неторопливо пошел к зданию Института, на ходу раскуривая папироску. Директор узнал вертолет Рыбникова. «На заправку ходил»,— рассеянно подумал он.

Рыбников положил карандаш на стол и сказал:

— Вызовите, пожалуйста, эту девушку-лаборанта, товарищ Леман, будьте добры.

2

Беседа с Еленой Григорьевной Нилиной, старшим лаборантом физической лаборатории Комлина, прошла прекрасно. Этому, вероятно, способствовало то обстоятельство, что в самом начале беседы Директор покинул кабинет, сославшись на необходимость присутствовать на каком-то совещании. «Очень, очень милая девушка»,— почти растроганно думал Инспектор все время разговора и называл старшего лаборанта не иначе, как Леночкой. «Добрый и милый человек»,— думала Леночка и недоумевала, почему Симаков, вылетевший из кабинета бомбой, заявил: «Вежливый бюрократ и въедливый притом», и принялся разглаживать вихор с таким видом, словно в кабинете его драли за волосы.

Отпустив старшего лаборанта, Рыбников подвел некоторые итоги. Из беседы выяснилось, во-первых, что пострадавший Комлин был человеком совершенно замечательным: талантливый специалист, знает все и обо всем, делает не меньше шести докладов на семинарах ежегодно, пишет чудные стихи, не выходит из лаборатории и пробегает стометровку за десять и пять десятых. Начальник заботливый, чуткий, внимательный, умелый, строгий, всегда спокойный, любитель пошутить, непреклонный в решениях, прекрасный, отличный, не в пример другим,— ангел без крыльев за спиной, но с ежовыми рукавичками в правом верхнем ящике стола.

По правде говоря, все это мало заинтересовало Инспектора: он читал личное дело Комлина, там об этом говорилось, но, конечно, на тон ниже и несравненно более сухо. Гораздо более интересными показались Рыбникову сведения другого рода. Что-то случилось с начальником лаборатории после того, как он сделал первое обзорное сообщение по результатам работы над темой Управления межпланетных сообщений. Сначала он увлекся установкой нейтринного генератора: целыми днями просиживал в маленькой комнате рядом с виварием, просил не мешать, работу по незаконченной теме переложил на заместителя. Это продолжалось две недели. Через две недели Комлин оставил свою келью, совершил обход лаборатории, подписал бумаги, устроил два публичных разноса, очень весело пошутил, засадил Симакова писать полугодовой отчет и вновь заперся в маленькой комнате, прихватив с собой Александра Горчинского, лаборанта.

Столь же более подробно Горчинский «объяснял» Инспектору вопросы нейтринной акупунктуры:

— Извольте,— прогудел он, словно раздумывая,— извольте, можно и поподробнее. Изучалось воздействие сфокусированных нейтринных пучков на серое и белое вещество головного мозга, а равно и на организм подопытного животного в целом. Фокусировка производилась последовательно на зональный слой, наружный и внутренний зернистые слои, на ганглиозный слой и на слои больших пирамидальных и полиморфных клеток. Такая именно последовательность эксперимента обусловлена удобством последовательной смены радиофокусированных нейтринных присосков...

Горчинский говорил монотонно, без выражения и с совершенно равнодушным видом.

— ...Попутно с фиксацией патологических и иных изменений организма в целом, производились — с помощью обычной аппаратуры — измерения тока действия, дифференциального декремента и кривых лабиальности в различных тканях, а также замеры относительных количеств нейроглобулина и нейростромина...

— Позвольте, позвольте,— пробормотал пораженный Инспектор.— Что такое этот... нейростролин?

— Нейростромин? — переспросил Горчинский.— Нейростромин — это один из протеидов серого вещества...

— Ага,— произнес Инспектор, багровея вновь: он начал понимать.

— ...относится к рибонуклеопротеидам[1],— добавил Горчинский, словно извиняясь за необходимость уточнять такие банальные истины.

Инспектор откинулся на спинку кресла и с восхищенной яростью думал: «Ну и подлец! Ну и хулиган! Ну, погоди ты мне...» Директор по-прежнему глядел в окно, дробно постукивая белыми сухими пальцами по столу.

Горчинский продолжал, не меняя тона:

— Одновременно производились также микроскопические срезы коры с последующим химикофизическим анализом в целях выяснения изменений, возникающих в невронах[2] и нейроглии. Как известно, в невроплазме, кроме обычных в любой клетке органоидов, содержатся неврофибриллы и субстанция Нисселя — или, что то же, тигроидное вещество. Оказалось, в частности, что нейтринное облучение задерживает тигролиз и — более того — при определенных условиях увеличивает количество... [Далее текст отсутствует.]

Более подробно описывались и другие случаи нарушения техники безопасности:

— В вашем Институте... А в других институтах? А на предприятиях? Комлин — это восьмой случай за последние полго-

---

[1] Удивительно, но в отличие от Инспектора WORD'овский спеллер это слово знает... — *В. Д.*

[2] По всем признакам, лаборатория Комлина — физиологическая. А произношение «неврон» и т. д. характерно для гистологов, физиологи говорят «нейрон». (Как выше: нейроглобулин и нейростромин.) Лет тридцать назад это послужило причиной известного казуса. Для (за) академика, директора крупного института, его сотрудники написали монографию. А поскольку полкниги писали физиологи, а полкниги гистологи, то до середины монографии нервная клетка называлась «нейрон», а потом без перехода — «неврон»...— *В. Д.*

да. Восьмой! Варварство, варварский героизм... Изволите видеть: в январе двое океанологов-практикантов — мальчишка и девчонка — выгружают из батистата приборы и самовольно опускаются на дно Сейшельской впадины. Восемь тысяч метров. Мальчишка умер, девчонка отдышалась и заявила, что приборы дают противоречивые показания. В феврале буквально за минуту до старта выволакивают из беспилотной ракеты аспиранта-метеоролога. Очень торопился товарищ, ему нужно было проверить какие-то там данные. В том же феврале на Таймыре взорвалась фотонная ракета. Пятеро сотрудников в ясном уме и трезвой памяти садятся в автомобиль и едут на место взрыва. Двое умирают, трое гниют заживо, заявляют, что добыли ценнейшие данные, и называют вас рутинером и консерватором. Каково? В марте выходит из строя реактор на одной из сибирских АЭС. Кибернетические манипуляторы повреждены, и инженер лезет в реактор голыми руками. В апреле...

— Умер?

— Кто? Инженер? А вы как думаете? И еще были дела... в апреле, в июне.

В более поздних вариантах черновика «Шести спичек» еще существуют отличия от окончательного варианта рассказа.

Помня, что дело происходит в будущем, Авторы убирают замечание директора, обращенное к Горчинскому («Вы не на суде, Инспектор не следователь. Не будьте мальчишкой... Помогите распутать это дело...»), вычеркивают привычные времени написания фразы из речи Инспектора («А дело в том <...> что я не специалист по нейтринной акупунктуре. Я специалист по теории приводов. Всего лишь. И судить по собственным впечатлениям не имею права. Партия послала меня на эту работу не для того, чтобы фантазировать, а для того, чтобы знать. А вы — мальчишка, товарищ Горчинский. Комсомолец, научный работник, а в партизанщину ударился. И еще истерику здесь закатывает») и из его мыслей («Пусть этот петушок сегодня не работает. Ему есть о чем подумать»).

В окончательном варианте директор распорядился, чтобы вскрыли сейф Комлина с рабочими записями. В раннем черновике:

— Да, документы,— вспомнил Директор.— Они затребованы больницей. Врачи пытались уяснить причину заболевания Комлина, но так ничего и не поняли. Говорят, слишком много физики.— Директор слабо улыбнулся.— Я уже звонил им, документы они перешлют.

И далее, когда Директор сообщает Инспектору свои соображения по этим рабочим записям:

Перед Директором лежали две пачки документов — тонкая и пухлая. Листки тонкой пачки были исписаны ровным четким почерком, по которому опытный графолог без труда установил бы, что имеет дело с человеком волевым, принципиальным, себе на уме, с рассудком, подавляющим чувства. Это были записи Директора. Пухлая пачка содержала чертежи, диаграммы, графики и даже рисунки. Целый ряд листков был покрыт строчками записей, напоминающих арабскую вязь. Здесь были просто листы писчей бумаги, листки из блокнотов, листки из тетрадей в линейку, в клеточку и в косую линейку, квадратики оранжевой и голубой миллиметровки. Нужно было действительно прекрасно знать физику, химию и физиологию, чтобы разобраться в этом хаосе бумаг, безбожно, вдобавок, перепутанных врачебной комиссией, в рабочих записях Андрея Андреевича Комлина.

В черновиках более подробно описываются сами записи Комлина, перечисляется ряд фактов, большую часть которых Авторы потом убрали.

Комлин начал с экспериментов над животными и получил целый ряд любопытных, но не совсем понятных результатов. Оказалось, например, что нейтринные уколы (терминология Комлина) оказывают на животных действие, аналогичное действию некоторых сильных наркотиков на человека.

«Странно,— писал Комлин,— что общего между мексиканским кактусом пейотлем и потоком нейтрино? Те же эффекты: состояние нирваны, повышенная возбудимость, реакция на внешнее электромагнитное поле, смешение рецепторных восприятий...»

На расстоянии десяти сантиметров от черепа облученной обезьяны помещался сильный электромагнит. Вращение электромагнита вызывало, по-видимому, поворачивание изображения в глазах животного: обезьяна беспомощно размахивала руками, словно пытаясь за что-нибудь ухватиться, и валилась набок. Дальнейшее вращение электромагнита заставляло обезьяну делать попытки встать на голову.

Вероятно, Горчинскому первому удалось заметить, что при сильном звуке облученное животное не только и не столько настораживало уши, сколько жмурилось или заслоняло морду, словно от сильного света. Внимательное изучение этого эффекта обнаружило, что зрачок подопытного животного с у ж а л с я при крике, стуке или ином звуковом раздражении.

«Раздражение слухового органа ведет к возникновению ощущения вспышки света! Полная аналогия с действием пейотля. Непонятно, но интересно. Молодец, Саша!»

Этот отрывок вычеркнут, на полях рукописно: «Зачем пейотль — лучше мецкалин!»[1] И далее — снова более подробные описания экспериментов:

Служитель вивария жаловался, что некоторые из животных иногда словно теряют память, и показывал на руках следы укусов и царапин.

Одна из обезьян совершенно перестала есть бананы. При виде банана вскакивала, начинала жалобно кричать, порывалась спрятаться.

<...>

У некоторых животных вырабатывались новые рефлексы без всякой к тому причины, а старые, выработанные искусственные рефлексы исчезали. Такое ненормальное состояние длилось иногда довольно долго, но всегда не дольше трех суток.

---

[1] А еще лучше ЛСД! Там, говорят, сразу полный приход. И мнемогенезис: «Только что его было пять, и всем этим пяти было так нехорошо, что Татарский мгновенно постиг, какое это счастье — быть в единственном числе...» (В. Пелевин) Золотые времена, наркомания еще не была неразрешимой всемирной проблемой: до 1972 г. героин значился в списке разрешенных лекарственных средств... — *В. Д.*

<...>

«Я сказал Саше, что хочу проверить метод иглы на себе. Это ошибка, но я все равно не мог бы от него этого скрыть. И все же это ошибка: мальчишка слишком увлечен проблемой».

<...>

Во всяком случае, сохранилась запись Комлина: «...только что всыпал Саше за опыты. Удручен». Кто именно удручен, неясно. Вероятно, Горчинский.

<...>

Вот что, например, пишет Комлин по поводу одного из замечательных результатов облучения нейтринными пучками.

«Я бы назвал это м н е м о г е н е з и с о м или т в о р е н и е м п а м я т и, как угодно. Более всего это походит на раздвоение личности, но это явление несомненно более сложное и странное. У меня осталось только ощущение необычайно яркого сна, какие бывают чрезвычайно редко. Бывает: проснешься утром и еще не совсем придешь в себя. Одновременно видишь и остатки своего сна — какая-то полузнакомая улица, дощатые заборы, лужица под ногами,— и тут же рядом, н а э т о м и в э т о м — стены спальни, штора на окне, стеллаж с книгами, сползшее на пол одеяло. Одно в другом и рядом с другим. Минутами я не мог отличить, где бред, а где явь. Прямо из воды бассейна (имеется в виду, вероятно, тот самый бассейн в Голубом парке, где Веденеев видел Комлина в воскресный вечер) поднималась густая чаща, а под ней — сверкающие на солнце серебряные купола. Или какая-то каменистая пустыня, голая, как ноготь, которая однажды всплыла перед глазами, когда я сидел дома в кабинете. Я не мог ничего понять. Минутами мне казалось, что пустыня понятна и близка мне, а стены кабинета — что-то дикое, бредовое.

Меня поражают рисунки. Я не помню, когда их сделал, и я ли. Во всяком случае, сюжеты мне так же незнакомы, как и талант художника. Никто и никогда не поверит мне, что рисунки сделаны моей рукой».

Рисунков было два. Директор показал их Рыбникову. Один из них был на желтоватом блокнотном листе и изображал большого зверя, похожего на пантеру, набросанного несколькими смелыми штрихами, словно наспех. Этот рисунок казался занимательным и не более того. Но другой!..

На большом листе ватмана твердые четкие штрихи сливались в чудесную странную картину: пылающий огонь, несколько человеческих фигур у костра, бесформенная глухая чаща вокруг и темное, неуловимо прозрачное ночное небо с четырьмя узкими светлыми серпами, висящими над вершинами леса... Странное неземное очарование струил этот диковинный пейзаж. Темный ветер, полный аромата незнакомых цветов, влажный и теплый... Шорохи затаившегося леса, крик ночной птицы, дыхание тех, что сидели у костра...

Инспектор, человек пожилой и отнюдь не сентиментальный, ощутил какое-то теснение в груди.

— Слышите? — спросил Директор, едва шевеля губами.

— Да. Надо только вглядеться внимательнее и... я не знаю, как это объяснить...

— Я тоже не знаю,— прошептал Директор.— Но это можно слышать.

Был еще и третий рисунок. Это был, по-видимому, результат попытки Комлина срисовать большого зверя. Рисунок ничего не струил, не вызывал теснения в груди, и его нельзя было слышать. «Детей пугать»,— написал Комлин в правом нижнем углу.

«У меня нет объяснения всему этому,— писал далее Комлин по поводу мнемогенезиса.— Либо нейтринное облучение способствует возникновению очень ярких галлюцинаций, и творение памяти здесь ни при чем, либо мнемогенезис. Искусственные связи в мозгу, дающие впечатление чего-то виденного и теперь приходящего на ум. Интересно бы посмотреть на себя в такой момент. Это должно выглядеть как сумасшествие: возникают новые связи, новая память, а все вокруг остается прежним. Чингачгук, неожиданно и внезапно очутившийся на искусственном спутнике. Это похуже, чем Генька, обнаруживший вдруг в себе умение ходить на задних лапах и неистребимое желание носить поноску».

«Пока я «здесь», меня нет «там». Пока я Комлин, я не Чингачгук. Мнемогенезис нельзя изучать на эксперименте. Во всяком случае, на эксперименте над собой. Разве что рисунки, сделанные рукой Комлина, пока у него была память и умение рисовать Чингачгука. Эти рисунки — большая удача. Это доказательство. И проблема сумасшествия! Подумать».

<...>

Больше по поводу мнемогенезиса в записках Комлина ничего не было обнаружено. Обращает на себя внимание странная и непонятная запись: «Вижу за углом и сквозь бумагу»,— и крупными буквами на всю страницу: «Отвертка в кармане у Саши — галлюцинация?»

<...>

Оставшиеся несколько страничек были посвящены наиболее интересному и удивительному из всех открытий Комлина.

— Тут он упоминает о полтергистах,— сказал Директор.— Вы знаете, что это?

Инспектор подумал.

— Нет,— сказал он.— Понятия не имею.

— Это слово взято из арсенала спиритов.— Директор сильно потер щеки ладонями.— Poltergeist — дословно «звучащий призрак». За рубежом это слово теперь употребляется в другом смысле: «человек, способный усилием воли управлять материальными явлениями».

— Гм,— сказал Инспектор недоверчиво и стал слушать дальше.

«Сочинители романов о полтергистах — дураки и мошенники,— писал Комлин.— Никто из них даже не удосужился подумать, возможно ли такое явление, а если возможно, то почему. В романах полтергисты ворочают сейфами — и все усилием воли. Чепуха в квадрате».

<...>

Оставался только листок с последними цифрами, полученными уже, вероятно, за несколько часов до несчастья.

— Ну, что вы на это скажете? — спросил Директор.

— Он дошел до шести спичек,— сказал Инспектор задумчиво.

— Комлин — гений! — Директор стиснул руки и стал ходить по кабинету.— Вся физиология мозга — вверх дном. Какая гениальная и простая мысль! Пучок нейтрино... Не хирургический нож, не грубая бомбежка нуклонами и жестким излучением, а маленькими нежными нейтрино! Теперь только работать, работать...

— Вы забыли о Комлине,— сухо сказал Инспектор.

Директор остановился.

— Да... конечно. Комлин... Комлин — гений. Он великолепный человек, и он сделал великолепное открытие. Теперь надо продолжать по его следам.

«Нет, голубчик,— подумал решительно Инспектор.— Директором Института ты не будешь. Ты пойдешь по следам Комлина, но за тобой будут следить, чтобы ты не обрил голову».

Указывая на время происходящих событий, в издании упоминается: «Четвертое поколение коммунистов». В рукописи: «Четвертое поколение социалистического мира».

...И ПУБЛИКАЦИИ

Рассказ впервые был опубликован в 1959 году в журнале «Знание — сила» и в межавторском сборнике «Дорога в сто парсеков»; годом позже, в слегка измененном виде, в авторском сборнике «Шесть спичек».

Постепенно при переизданиях из рассказа убирались «лишние» с точки зрения художественной литературы наукообразные подробности. Исчезли подробности доклада («На этом этапе, когда Комлин еще не разрабатывал метод лечения, а только доказывал его принципиальную осуществимость, никакой прямой необходимости эксперимента над человеком не было») и программы, в нем изложенном («...программа осторожная, учитывающая возможные ошибки...»), создания нейтринным пучком новой памяти и новых навыков («...Или не создает, а только вызывает опосредованно...»)

В первые издания рассказа проникли и ошибки Авторов, позже убранные. К примеру, в журнале «Знание — сила» и сборнике «Дорога в сто парсеков» при исследовании телекинеза описывается подвешенная спиралька в вакуумном колпаке, и тут же, описывая этот опыт, Комлин в дневнике пишет: «Воздух (насколько я понимаю) начинает в точке приложения поля двигаться турбулентно». Воздуха в вакууме нет, поэтому это предложение годом позже (авторский сборник «Шесть спичек») убрано.

«ИСПЫТАНИЕ СКИБР»

Рассказ публиковался в 1959 году в журнале «Изобретатель. Рационализатор» и в 1960 году в сборниках «Альфа Эридана» (межавторский) и «Шесть спичек». В названии и тексте рассказа варьировалось наименование кибернетической системы: «СКР», скибр, «СКИБР», а в рукописи еще и «СРР». Когда использовалось слово «скибр», то оно даже склонялось: скибра, скибров...

Переиздания рассказа печатались по двум изданиям в сборниках, тексты которых отличаются друг от друга. Так же отличаются друг от друга и отрывки черновиков, сохранившиеся в архиве.

В одном варианте Нина, вспоминая взгляд Быкова на нее при знакомстве, думает: «...словно приценивался», в другом — «словно прицеливался». Оба варианта хороши.

Отличается часть разговора Акимова и Нины.

Вариант «Альфы Эридана» (позднее переиздавался в 1986 году в сборнике «Жук в муравейнике» и в 1991 году журнале «Полиграфия»):

— Быков будет лететь долгие годы. День за днем, месяц за месяцем. Вокруг ледяная пропасть.— Она поежилась.— Далеко впереди сверкает крохотная звездочка... Интересно, какая у него жена? И кто она? Ты не знаешь?

— Не знаю, не видел,— сказал Акимов.— Я и Быкова никогда не видел.

— А на аэродроме? Ты ведь встречал нас на аэродроме.

— Я видел только тебя,— признался он.

Вариант «Шести спичек» (собрания сочинений «Текста» и «Terra-Fantastica»):

— Быков будет лететь долгие годы. День за днем, месяц за месяцем. Далеко впереди сверкает звездочка...— Она заглянула ему в глаза.— А ты бы полетел?

— Еще бы! — сказал он. Он даже усмехнулся.— Только меня не возьмут.

— Почему?

— Потому что я слишком узкий специалист. А в такие экспедиции отбирают людей с двумя, с тремя специальностями... Мне не чета.

— Все равно,— сказала она.— Ты лучше всех.

В варианте «Альфы» упоминается, что Сермус приехал несколько лет назад из Дортмунта, присутствует большой эпизод об «Оранге» и минах, отсутствующий в варианте «Шести спичек», отличается название университета, где планирует работать Акимов (Новоенисейский, а не Новосибирский), но главное отличие, конечно, в окончании рассказа.

Вариант «Альфы Эридана»:

— Дело, собственно, в том, что... Да. Видите ли, две недели назад наш кибернетист сломал позвоночник. Спортивные игры, несчастный случай. Да. Он лежит в госпитале... Говорят, он уже никогда не сможет летать.

«Турболет улетает через полтора часа»,— подумал Акимов. И вдруг он понял, о чем говорит Быков.

— Сломал позвоночник? — спросил он.— И никогда уже не сможет летать?

Быков кивнул, не поднимая глаз.

— Никогда. А мы стартуем через неделю.

Тогда Акимов вспомнил ночь, многие ночи, яркий спутник «Цифэй» над бледными тенями далекого хребта. И маленькую хрупкую Нину, которая так счастлива, что они будут вместе и навсегда.

— Я понимаю,— сказал Акимов.

Быков молчал, глядя себе в колени.

— Я понимаю,— сказал Акимов.— Я тоже кибернетист. Вы хотите, чтобы я...

— Да, да,— сказал Быков.— Мы стартуем через неделю. У нас совсем нет времени... Да, конечно. Я тоже понимаю, это тяжело. Шесть лет туда и шесть обратно... И большой риск, конечно... Только...— Он растерянно взглянул на Акимова.— Вы понимаете, экспедиция немыслима без кибернетиста.

Акимов медленно поднялся.

— Что касается работы,— поспешно заговорил Быков,— пожалуйста. Вы можете работать во время рейса. Книги, микро-

фильмы, консультации... У нас есть отличные математики. Я понимаю, это слабое утешение, но...

Не год, не два, а двенадцать. Это будет двенадцать лет без Нины. Акимов не знал, как он скажет ей. Он знал только, что в его глазах сейчас то же выражение мучительного напряжения, какое он видел сегодня в глазах Быкова.

Он повернулся и пошел к двери. На пороге он обернулся и сказал с горьким удовлетворением:

— Вы, оказывается, совершенно обыкновенный человек.

Быков стоял лицом к прозрачной стене, глядел на серое небо и думал. Да, он, Быков, совершенно обыкновенный человек. Такой же, как и остальные восемь миллиардов обыкновенных людей, которые работают, учатся, любят на нашей планете... и вдали от нашей планеты. И любому из них было бы так же тяжело на его месте. Просто невыносимо тяжело.

Вариант «Шести спичек»:

— Дело, собственно, в том, что... Да. Видите ли, две недели назад наш кибернетист сломал позвоночник. Спортивные игры, несчастный случай. Да. Он лежит в госпитале... Говорят, он уже никогда не сможет летать.

«Турболет улетает через полтора часа»,— подумал Акимов. И вдруг он понял, о чем говорит Быков.

— Сломал позвоночник? — спросил он.— И никогда уже не сможет летать?

Быков кивнул, не поднимая глаз:

— Никогда. А мы стартуем через неделю.

Акимов встал, не спуская глаз с Быкова, и снова сел.

— Мы обратились в Институт экспериментальной кибернетики,— сказал Быков,— и нам порекомендовали вас. Вы абсолютно здоровы, вы отлично знаете свою систему, вы... Разумеется, если вы откажетесь, мы найдем кого-либо другого. Я понимаю, принять такое решение трудно... очень трудно...

— Нет,— поспешно сказал Акимов.— Я согласен. Разумеется, я согласен. Никто лучше меня не знает систему. Лучше меня и Сермуса. Но у Сермуса слабое здоровье...

— Я знаю.

Акимов почувствовал себя спокойнее и вдруг понял, почему Быков вел себя так странно. Звездолетчик Быков опасался, что кибернетист Акимов откажется от участия в полете. И звездолетчик Быков приехал сюда специально для того, чтобы уговаривать кибернетиста Акимова. Акимову стало смешно. Да, Быков — пожилой человек, и он уже забыл, что значит быть молодым и всей душой стремиться к неведомому. Акимов торопливо перебрал в памяти своих друзей и знакомых. Любой из них не стал бы колебаться и минуты.

— Кроме того,— продолжал Быков,— у Сермуса большая семья.

Тогда Акимов вспомнил ночь, многие ночи, яркий спутник «Цифэй» над горизонтом. И маленькую, хрупкую Нину, которая так счастлива, что они будут вместе и навсегда.

— Но мне понадобится помощник,— сказал он возможно спокойнее.— Сервомеханик.

Быков поднял на него бледные глаза и поджал губы.

— Сколько она весит? — спросил он резко.

— Кто? — не понял Акимов.

— Ваша жена, конечно.

Акимов вытер ладонью испарину на лбу.

— Не знаю точно. Кажется, сорок пять килограммов.

— Звездный перелет,— сказал Быков,— это не прогулка. Это опасно...

Акимов промолчал.

— Хорошо! — сказал Быков.— В экспедиции есть две женщины. Пусть будет и третья.

Акимов встал, кивнул и пошел к двери. На пороге он обернулся и сказал насмешливо:

— Не советую вам мерить людей на килограммы, товарищ Быков. С вашего разрешения, я сейчас попрошу Нину Акимову зайти к вам.

Быков отвернулся к прозрачной стене. Дождь прекратился, серые тучи разошлись, открывая синее небо, в каплях на стекле загорелись крошечные радуги. «Старый дурак! — подумал Быков.— Старый брюзгливый дурак! Интересно, сколько поколений еще потребуется, чтобы старые брюзгливые дураки перестали повторять: «Вот были люди в наше время...»?» Он сказал, не оборачиваясь:

— Да, пожалуйста, попросите, товарищ Акимов.

Когда готовилось собрание сочинений в «Сталкере», Б. Н. Стругацкому было предложено третье окончание рассказа, обнаруженное в рукописях. Он согласился, но эксперимент провалился: широкий читатель так и не заметил этого изменения[1].

«ЗАБЫТЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ»

Черновиков рассказа в архиве практически не сохранилось. Несколько страниц соответствуют первому изданию рассказа в журнале за исключением некоторых отличий. В рукописях фамилия Круглиса была чуть другой — Круглик. Действие «голубого тумана» Иван Иванович комментирует: «Ничего...», в рукописи: «Гнусная падаль». В объяснении Беркута в конце рассказа в рукописях было сказано: «Леминг даже вычислил полупериод квантования протоматерии — время, за которое проквантовывается половина данного количества протоматерии»[2].

Рассказ публиковался сначала в журнале «Знание — сила» (1959), затем в сборнике «Шесть спичек». Второй вариант переиздавался в собраниях сочинений. В этих двух изданиях изменений очень много, но все они мелкие и несущественные за исключением некоторых. К примеру, в журнальном варианте лось-мутант описывается более полно: «Беркут увидел его рога. Они потрескались и сочились кровью. Белая скользкая плесень покрывала рога».

Вариации слов в двух изданиях интересны по-своему. Фонарь над шлагбаумом — малиновый или ядовито-красный. Биолог

---

[1] Любопытно, какой такой широкий читатель должен дословно помнить варианты древних рассказов или читать журнал «Полиграфия»? А мне, узкому читателю, отличие «канонического» конца от первого варианта не кажется существенным. (Второй вариант — слащавый и надуманный хэппи-энд — написан Авторами, видимо, под давлением редакторов. А что? Всех возьмем, и вперед, к звездам! Теща ваша сколько весит?) — *В. Д.*

[2] Полупериод — это такое упрощенное название; на самом деле всегда, когда говорят о полупериоде, имеют в виду изменение не вдвое, а в «е» (2,718...) раз. — *В. Д.*

обращается к Полесову «уважаемый» или «мальчик». Мутации характеризуются как «страшные и уродливые» или «странные и удивительные». Крапиву Иван Иванович называет «сволочью» или «просто сущим наказанием». «Тау-механика» в журнале называется «причинной механикой». И так далее.

«ЧАСТНЫЕ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ»

Этот рассказ, как и «Испытание СКИБР», был опубликован в двух вариантах. Первый — в журнале (на этот раз — журнал «Знание — сила») и в сборнике «Альфа Эридана» (переиздания — «Жук в муравейнике», 1986; «Полиграфия», 1991), второй — в сборнике «Шесть спичек» (переиздания — московское, питерское и донецкое собрания сочинений).

Кроме множества мелких (слово-два) изменений, к примеру, конвертоплан в первом варианте, стратоплан — во втором, варианты в основном различаются второй главой рассказа. Так как более известен второй вариант, теперь ставший «каноническим», ниже приводится первый вариант второй главы. Интересен он тем, что здесь Стругацкие опять ведут рассказ от лица женщины, что делают они в своем творчестве чрезвычайно редко.

В тот день Валя вернулся поздно. Он долго мешкал в своем кабинете, что-то фальшиво насвистывал, преувеличенно сердито накричал на мартышку. Я поняла, что все кончено. Я села и не могла подняться. Валя вошел и остановился возле меня. Я чувствовала, как ему трудно заговорить. Потом он нагнулся и поцеловал меня в волосы. Так он делал всегда, когда возвращался домой, и на секунду у меня появилась сумасшедшая надежда. Но он сказал тихо:

— Я улетаю, Руженка.

— Когда? — спросила я.

— Через декаду.

Я встала и принялась собирать его в дорогу. Он любил, чтобы я собирала его в дорогу. Обычно он ходил вокруг меня, пел, мешал и дурачился. Но сейчас, когда я собирала его в последний раз, он стоял в стороне и молчал. Может быть, он тоже вспоминал вечер на взморье.

Десять лет назад мы давали шефский концерт в санатории межпланетников в Териоках. Было страшно выступать перед самыми смелыми в мире людьми. Страшнее, чем перед обычными слушателями, пусть каждый третий из них артист, каждый пятый — ученый, а каждый десятый — и артист, и ученый. Объявили меня, я спела арию Сольвейг и «Звездный гимн». Кажется, получилось удачно, потому что меня несколько раз вызывали.

На обеде после концерта возле меня сел молодой межпланетник. Некоторое время он молчал, потом сказал:

— Мне понравилось, как вы поете.

— Спасибо,— сказала я.— Я очень старалась.

Но я знаю, что ему понравилось не только мое пение. Он тоже понравился мне. Он был длинный, не очень складный, с худым загорелым лицом. Лицо у него было некрасивое и очень милое. И хороши были умные веселые глаза. Хотя, вероятно, я заметила это гораздо позже. Ему было лет двадцать пять. Я спросила, как его зовут.

— Петров,— сказал он.— Собственно, Валентин Григорьевич Петров.

Тут он почесал согнутым пальцем кончик носа и добавил:

— Но вы зовите меня просто Валя. Хорошо?

Он поглядел на меня испуганно и даже втянул голову в плечи. Я засмеялась. Он был необыкновенно милый.

— Хорошо,— сказала я.— Я буду звать вас просто Валя.

Потом мы танцевали, потом стемнело, и мы пошли гулять на взморье. Мы стояли лицом к желто-красному закату. Валя рассказывал мне о последней — неудачной — экспедиции к Ганимеду. Я слушала, и мне представлялось, что, кроме меня, он никому в целом свете не рассказал бы так о своей ошибке, которая привела экспедицию к неудаче. Я слушала, глядела на закат, и больше всего мне хотелось сказать Вале что-нибудь доброе и ласковое. Но я еще не смела. Валя остановился и сказал:

— Ружена, я тебя люблю.

Я не знала, что ответить, и он спросил:

— Ты на меня сердишься?

Мы поцеловались. Я осталась в Териоках, и это была самая счастливая неделя в моей жизни. Так я стала женой межпланетника.

Мало-помалу я все лучше узнавала Валю. Он всегда был веселый, внимательный, ласковый. («Ласковый! — возмутился однажды Сережа Завьялов.— Все мы ласковые под голубым небом. Ты бы поглядела на своего Валечку, когда «Навои» попал в метеоритный поток...») И он был совершенно особенный человек. Похожих на него я не встречала даже среди его друзей. Конечно, он не один такой, но я-то таких больше не встречала.

Он очень любил свою профессию и знал в ней все новое из теории и техники. Но довольно скоро я обнаружила, что главные его интересы лежат в какой-то другой области. В промежутках между рейсами (и, наверное, во время рейсов) он штудировал новейшие исследования по теории тяготения, по асимметричной механике, по специальным разделам математики. У нас собирались его друзья, спорили на ужасном русско-французско-китайско-английском жаргоне. У них были какие-то грандиозные планы, но я и не пыталась понять что-либо.

Как-то весенним вечером, четыре года назад, Валя спросил, как бы я отнеслась к его участию в звездной экспедиции. Я знала, что такое звездные экспедиции, о них много говорили и писали в последнее время. Корабль улетает с возлесветовой скоростью к дальним мирам и возвращается через сотни лет. Я сказала:

— Я умру.

Я знала, что умру, если он навсегда уйдет от меня. И еще я сказала:

— Ты не сделаешь этого. Пожалуйста, не делай этого.

Он испуганно посмотрел на меня и втянул голову в плечи. Затем он сказал с улыбкой:

— Собственно, это еще не так скоро.

Но я знала, что он уже решил. Тень этого разговора легла на мою жизнь. Через два года стартовала Первая звездная. Ее вел ближайший друг Вали, Антон Быков. Еще через год улетел Горбовский. Валя сказал мне:

— Следующим буду я, Руженка.

Он знал, что причиняет мне боль. Но он хотел подготовить меня. А мне хотелось кричать от боли. Мне захотелось, чтобы он ослеп или сломал позвоночник, только бы остался со мной. Но я знала, что все бесполезно. Он был разведчиком великой и проклятой Вселенной и не мог быть никем другим. Поэтому я ничего не сказала.

Нас часто навещал Саня Кудряшов. Валя и Саня знали друг друга с детства. Саня был поэт. Мне казалось, что он был единственным человеком, который понимал и жалел меня. Нет, конечно, Валя тоже понимал и жалел.

И вот осталась последняя неделя. Она прошла быстро — самые горькие семь дней в моей жизни. Нас доставили на стартовую станцию Цифэй, с которой совсем недавно ушли корабли Быкова и Горбовского. С нами был Саня. Я знала, что это Валя пригласил его, и знала, для чего. Валя все понимал. Я глядела на Валю, а куда глядел он и что он видел, я не знаю. Но его пальцы сжимали и мяли мою руку, словно старались запомнить ее.

Было объявлено время старта. Валя обнял меня. Я думала, что сойду с ума. Я оттолкнула его, и он попятился, глядя мне в глаза, пока не исчез в люке. Между нами легли столетия.

Я осталась одна. Я сказала Сане, что хочу быть одна. Рядом со мной кипела огромная прекрасная жизнь, люди учились, любили, строили, а я не могла быть с ними. Я перестала петь, никуда не выходила, ни с кем не разговаривала. Я завидовала. Или, может быть, я надеялась. Вероятно, где-то в глубине моей души упорно жила уверенность, что Валя может совершить невозможное.

А потом мне сообщили, что «Муромец» возвращается. Я не удивилась. Оказывается, я все время ждала этого. Не помню, как я позвонила Сане, как я попала на аэродром. Кто-то осторожно, но очень решительно втолкнул меня в кабину конвертоплана и опустил в кресло. Я поблагодарила. Появился Саня, и конвертоплан взлетел. Пассажиры — межпланетники, ученые, инженеры — гадали о причинах возвращения «Муромца». Один отвратительный человек даже сказал, что Петров струсил. Мне было смешно: никто из них не догадывался, что Валя возвращается ко мне.

Мы бесконечно долго стояли и глядели на черный силуэт «Муромца» на горизонте. Потом с синего неба упал вертолет. Из вертолета вышли трое и направились к нам. Впереди шел высокий худой человек в потрепанном комбинезоне. Он был однорукий, лицо его было похоже на глиняную маску, но это был мой муж — самый смелый и прекрасный человек на свете. Я закричала и побежала к нему. Он побежал мне навстречу.

В тот день я никому не отдала его. Я заперла двери и выключила видеофон. Может быть, мне не следовало так поступать. Ведь Валю ждала вся планета. Но я ждала его больше всех.

— Тебе было трудно? — спросила я.

— Нам было очень трудно, Руженка,— ответил он.

— Ты любил меня там?

— Я любил тебя везде. Там осталась планета, которую я назвал твоим именем. Только я уже не знаю где. Там остался Порта. И моя рука тоже осталась там. Это была злая планета, Руженка.

— Почему же ты назвал ее моим именем?

— Не знаю. Собственно, это прекрасный мир. Но он дорого нам достался.

Он улыбался, и мне казалось, что он такой же, как десять лет назад на взморье в Териоках. Я взяла его за плечи и поглядела в глаза.

— Как тебе удалось вернуться, Валя?

Он ответил:

— Я очень хотел, Руженка. Я очень люблю тебя, поэтому я вернулся. Ну и, конечно, немного физики.

Фамилия Ружены варьируется в разных вариантах. В «Знание — сила» она — Кунертова[1], в остальных изданиях первого варианта — Томанова, во втором варианте — Наскова.

НЕИЗВЕСТНЫЕ РАССКАЗЫ

В архиве сохранились несколько неизвестных, ни разу не публиковавшихся, законченных и незаконченных рассказов. Рассказы разные: есть и юморески, есть и вполне укладывающиеся в цикл «Полудня», есть и странные.

---

[1] Это имя заимствовано Авторами у Я. Гашека, и, по-моему, таких имен всего два (еще Бэла Барабаш, есть такая серия рассказов Гашека «Похождения Бэлы Барабаша»). В «Швейке» пьяный подпоручик Дуб обещает предсказать своему денщику Кунерту фамилию его будущей супруги. Через четверть часа Кунерт узнает: «Фамилия вашей будущей супруги: пани Кунертова». Правда, мне почему-то всегда казалось, что Ружена — болгарка... — *В. Д.*

К «странным» относится рассказ, который в пересказе был включен в первый роман С. Витицкого «Поиск предназначения». Теперь с этим рассказом можно познакомиться полностью. На последней странице рукописи сохранилась его дата написания: 5 октября 1955 года.

ИМПРОВИЗАТОР

(перевод-плагиат с неизвестного английского автора)

В то лето, помню, я отдыхал в Северной Шотландии, на берегу моря. Тамошние места чаруют — скучные и сказочно прекрасные, тоскливые и бесконечно живые, суровые и солнечные — они обладают замечательной способностью глубоко западать в память и заставлять вас уже через много лет с судорожной поспешностью, пугающей родных и друзей, собираться в дорогу, чтобы вновь увидеть эти серые потрескавшиеся от ветра скалы, груды мшистых валунов у самой воды, хмурое, всегда неспокойное море... И свежий пьянящий воздух, полный тугого ветра, солоноватой влаги, криков морских птиц, и бесконечно пустынный берег, и вересковые поля, и купы сухих, согнутых ветрами деревьев...

Я поселился в маленькой прибрежной гостинице «Крыло Альбатроса», где и жил один неделю или две, упиваясь восхитительным одиночеством, чудесной погодой и великолепным элем, который готовила своими руками миссис Бибз — хозяйка гостиницы, вдова, женщина весьма почтенная, исполненная множества достоинств, из которых главным было то, что она принимала меня за какое-то официальное лицо, а потому и никогда не рисковала завлечь меня в свою беседу, за что я ей и был весьма благодарен. Я, собственно, приехал туда отдыхать, но на всякий случай захватил с собой мольберт и не пожалел об этом. Обычно я весь день проводил у моря, пытаясь красками передать то странное чувство, которое охватывало меня, когда я видел эти груды камня, влажные от ударов тяжких мутных волн, вечером ужинал, пил эль, выкуривал трубку в темной гостиной и шел спать, сладко уставший от ходьбы, от шума ветра в ушах, от мыслей и впечатлений.

Однажды, когда я сидел углубившись в работу, смакуя игру света на изломах прибрежных камней, позади меня послышал-

ся легкий шум, и, оглянувшись, я увидел невысокого, очень худого человека, который стоял, опираясь на тяжелую, темного дерева трость и с интересом через мое плечо заглядывал на картинку, стоявшую на мольберте.

— А,— лаконично произнес он, поймав мой взгляд,— художник!..

Я выразительно промолчал, давая ему возможность убедиться, что я именно художник, а не шофер и не охотник за черепами. Я ожидал неизбежного в подобных случаях разговора, когда вам сначала выражают весьма сдержанное восхищение вашим пейзажем, называя его почему-то акварелью, хотя бы это было явное масло, потом без особого перехода сообщают о собственных способностях к живописи, проявлявшихся в детстве, и о том, что «им неизвестно, кем бы они были сейчас, если бы пошли не по пути торговли сапожным кремом, а по пути свободного художника», и наконец у вас осведомляются, не импрессионист ли вы, и переходят к самому главному — к собственной трактовке нового искусства, причем невыносимо путают Моне с Мане, Дерена с Роденом и Гогена с Ван-Гогом. Я повернулся к нему спиной и ждал этого потока глупости с терпением, достойным лучшего применения. Но он молчал. Переступал с ноги на ногу, пару раз кашлянул, но молчал. Это было настолько необычно, что я не выдержал и оглянулся. Он уже уходил прочь вдоль берега, слегка прихрамывая и сильно опираясь на черную трость. Мне пришло в голову, что со спины он кажется старше лет на двадцать — сутуловатый сухой старик с белыми волосами — он был без шляпы. Я проводил его взглядом, пока он не скрылся за холмом, и снова принялся за работу, думая о том, что моему безмятежному одиночеству пришел конец.

Так я впервые повстречался с Эриком П. Доваджером, человеком в высшей степени любопытным. Познакомились мы в тот же день за столом — он, конечно, остановился в той же гостинице «Крыло Альбатроса», и обедать нам накрыли за одним столом. Я внимательно украдкою рассмотрел его за время обеда. Он был очень молчалив и казался утомленным. Представившись и бросив несколько отрывистых фраз о погоде, он замолчал и молчал до самого конца обеда — худой, с редкими белыми волосами и очень длинным бледным лицом. Глаза его

были всегда полузакрыты, что придавало ему вид сонный и равнодушный. Голос его был тих и бесцветен, фразы коротки и отрывисты. Он не располагал к себе с первого взгляда, вызывал смешанное чувство жалости и недовольства. Разглядывая его, я думал, что, пожалуй, было бы слишком жестоко намекнуть ему, как я собирался, на то, что мне больше нравится проводить время в одиночестве. Я совсем было уже примирился с потерей всех выгод своего прежнего положения, как обед кончился и мистер Доваджер, подымаясь вместе со мною из-за стола, чтобы идти в курительную комнату, неожиданно заговорил. Он был очень краток и прям и произнес только несколько фраз как раз в промежутке между отодвиганием стула, на котором он обедал, и обрезанием кончика сигары в курительной комнате. После этого он закурил, а я, поклонившись, выразил свое полное удовлетворение тем, что только что услышал: мистер Доваджер сразу разъяснил положение вещей, сказавши мне именно то, что я не решался сказать ему.

Вскоре мы стали большими друзьями, хотя вряд ли обменялись больше чем дюжиной слов. После завтрака обычно мы вместе выходили из дому, я с мольбертом, он — со своей тяжелой тростью, вежливо кивали друг другу и шли в разные стороны. Я проводил время на берегу, работая или просто размышляя, он бродил по холмам или сидел где-нибудь под скалой, сложив руки по-стариковски на набалдашнике трости, и глядел на море. Вернувшись, мы обедали вместе, потом шли курить и проводили вечер либо каждый у себя, либо в гостиной у открытого окна, выходящего на пляж. С ним чертовски приятно было молчать, следя за голубоватым слоистым дымом трубки, наблюдая, как сгущается сумрак в углах маленькой гостиной, как разгорается и гаснет огонек на кончике его сигары. Иногда мы встречались взглядами и улыбались друг другу — не больше,— и именно в такие минуты я чувствовал, что мы друзья. Наступала тьма, мы отодвигали наши кресла, вставали и желали друг другу доброй ночи.

Но лето подходило к концу, погода портилась, и однажды мы оказались на целый день заперты и отрезаны от мира отвратительным моросящим дождем, превратившим дороги в грязь, а лето в осень. С моря приполз и тяжело улегся на берегу

холодный густой туман, и, глядя в окно, мы видели только струйки воды, сбегающие по стеклу, да бездонную белесую мглу. День я провел, валяясь на диване и читая какую-то чушь, а вечером за холодным ужином Доваджер вдруг сказал мне:

— В такую погоду жалеешь, что ты не рыба.

— Мгм,— согласился я, с отвращением разжевывая холодное мясо.

— У вас не появлялось еще желание пустить себе пулю в лоб?

Я сказал, что такое желание у меня еще не появлялось, но будь я проклят, если я уверен, что оно не появится у меня завтра. Тогда он проговорил, обрезая кончик сигары:

— Что вы думаете о том, чтобы провести этот вечер у меня? Покурить, выпить портвейну с горячей водой... поговорить?

Я согласился немедленно — воистину этот человек угадывал мои желания — перспектива провести этот вечер одному пугала меня.

Мы попросили миссис Бибз затопить камин в комнате Доваджера и в халатах расположились у огонька со стаканами горячего портвейна, трубкой и сигарами. Сначала мы довольно оживленно болтали о том, о сем и в общем ни о чем, потом замолчали, глядя, как пляшет огонь по сырым поленьям.

Доваджер приподнялся, чтобы подбросить хворосту, и я впервые заметил, что он плохо владеет своей левой рукой, а когда он потянулся за сигарой, рукав соскользнул, и я увидел, что рука сильно изуродована — неестественно изогнута в запястье и покрыта старыми, довольно жуткого вида шрамами. Он перехватил мой взгляд. Усмехнулся.

— Неприятное зрелище, да?

— Нет, отчего же,— сказал я неловко.

Он несколько секунд молча разглядывал свою руку, потом резко опустил рукав.

— Это память об одном странном случае в моей жизни,— сказал он задумчиво.— И об одном человеке... Моем друге... Очень хорошем друге.

Он встал и, хромая сильнее, чем обычно, отошел вглубь комнаты к окну. Я глядел на него через плечо украдкой, скорее удивленный, чем заинтересованный. Он отодвинул портьеру и некоторое время стоял, прижавшись лбом к темному стеклу. Потом вернулся, взял свой стакан с камина и поглядел на меня.

— Не думайте, что я всегда был таким... заморышем... Десять лет назад я учился в Оксфорде, носил коричневую шапочку, жег книги по праздникам и играл в университетской футбольной команде... И играл неплохо...

— О,— сказал я, пораженный неожиданной догадкой,— Эрик Доваджер — центральный бек «Полосатых дьяволят»...

Он кивнул головой.

— Господи, да я видел вас десятки раз... Издали, конечно... Как же, как же... Эрик Доваджер, Эрик-Стена, вас тогда называли...

Он опустился в кресло и уставился на огонь. Это уже был не тот Доваджер, которого я видел каждый день в течение этой недели за обедом. Его глаза были широко раскрыты — огромные, серые, удивительно печальные,— и в них плясали розовые огоньки. И даже голос его изменился, когда он начал говорить.

— Я был коренастым, плечистым парнем тогда, мастером на веселые шутки, душой общества, кумиром родных и близких. У меня была куча приятелей, богатые родители, невеста и один друг. Джонаган Бауэр, сын известного Бауэра, автора «Пропадающих Звезд»,— помните, конечно. (Я не помнил, но кивнул в знак того, что припоминаю.) Мы знали друг друга с детства, я больше не встречал таких людей... Да и не встречу, должно быть...

Он повторил последние слова дважды, помолчал и потом поглядел на меня исподлобья.

— Это случилось так. Мы с Джо шли поздно ночью с небольшой студенческой вечеринки, веселые и пьяные, как никогда. Джо всю дорогу шутил, громко пел песни и предлагал то ограбить полисмена, то выкупаться в Темзе, то взорвать Вестминстер. Мы могли бы доехать на такси, но вечер был хорош, поэтому мы шли пешком. Было очень поздно, город спал, газовые фонари освещали пустынные мрачноватые улицы. Мы дошли до его дома и, стоя в парадной, еще немного поболтали и выкурили по сигарете. Потом Джо пригласил меня ночевать к себе, я отказался, и, простившись, мы разошлись... Разошлись, чтобы больше никогда не увидеться... Я успел отойти не более чем на десять шагов, и остановился, чтобы закурить еще одну сигару, и в этот момент раздался громкий — очень гром-

кий в ночной тишине — крик, полный, как мне показалось, злобы, бешенства, ярости... Я сразу обернулся, пытаясь сообразить, откуда он донесся. Бренди стучало в виски, и я подумал, помню, что я ошибся, но второй вопль заставил меня сорваться с места и броситься вперед. Кричали в парадной, кричали теперь жалобно, моляще, и, клянусь Юпитером, я узнал голос своего друга.

— Нет! — услыхал я.— Нет!!

Сжимая кулаки, потеряв шляпу на бегу, я ворвался в вестибюль, охваченный страхом и тревогой. Дверь, бешено распахнутая мной, со звоном ударилась в стену и так и застряла в этом положении. Споткнувшись о несуразно высокий порог, я влетел внутрь и застыл в изумлении. Вестибюль был пуст! Обыкновенный грязноватый вестибюль, освещенный мигающей желтой электрической лампочкой. Испорченный лифт с заржавевшей решеткой. Огромный камин, который никогда не топили и который должен был по идее обогревать лестницу. Сама лестница, довольно крутая, замусоренная и очень плохо освещенная. И никого! Было очень тихо, но мне вдруг пришло в голову, что в этот момент какие-нибудь личности обшаривают Джо, зажав ему рот, где-то на втором-третьем этаже. Я ринулся вверх, поднялся до самого последнего этажа — до пятого — и остановился там, задыхаясь, смущенный и пораженный. Потом стал медленно спускаться вниз, внимательно оглядывая пол и стены в тщетной надежде обнаружить какие-нибудь следы. Их не было. Я снова очутился в вестибюле и, подумав, заглянул за дверь; там тоже никого не было, и я сердито захлопнул ее. Все это было странно до такой степени, что я вдруг подумал о слуховой галлюцинации и решил подняться к Джо и посмотреть, дома ли он.

Мне открыл старый слуга семьи Бауэров, которого старик Бауэр отпустил к сыну на его холостую квартиру.

— Нет, сэр,— сказал он сиплым со сна голосом,— мистер Джо еще не приходил, сэр. Я ждал его до полуночи, а потом лег спать. Вообще никто не приходил, сэр.

Старик рассматривал меня с изумлением: у меня действительно должен был быть очень странный вид — частое дыхание, запах спирта, растрепанные волосы и никаких признаков

шляпы. Я чувствовал себя очень глупо и, потоптавшись на месте, вышел. Добрый старик удерживал меня — он думал, наверное, что я сильно выпил, и боялся, что я не доберусь домой — я разуверил его в этом как мог.

Выйдя на улицу, я пригладил волосы, подобрал свою шляпу и направился домой, решив отложить решение этой задачи до завтра. Сам не знаю почему, но я успокоился, полагая, что это всё милые шутки моего друга. Но я ошибся. На другой день мне подали письмо, в котором я приглашался в полицию для дачи показаний по делу мистера Джонатана Бауэра. По-видимому, обеспокоенный слуга рассказал об исчезновении Джо родителям, а те, обзвонив знакомых, заявили в полицию. В то время убийства и ограбления в Лондоне были очень частым явлением, и тревога Бауэров передалась мне. Я собрался и пошел...

Тут Доваджер отвел свой взгляд с пляшущего пламени и отчетливо произнес, глядя мне прямо в глаза:

— В двух шагах от Скотланд-Ярда, на глазах у дюжины полисменов я был сбит огромным автомобилем, номер которого не успели заметить. Ко мне бросились — я был без сознания, и прошло по крайней мере полгода, пока я наконец снова обрел способность думать и говорить. У меня было сотрясение мозга, и весь я был изуродован до неузнаваемости и лишился памяти. Когда я пришел в себя и выписался из больницы, то узнал, что нашумевшее в свое время дело моего друга уже забыто, а сам он исчез бесследно... навсегда... Больше его не видел никто на целом свете. С тех пор прошло уже лет восемь, я стал таким, каков есть сейчас,— неизлечимо больным стариком, стариком в тридцать лет... В тридцать лет... И мое уродство — единственная память о днях молодости, о Джонатане К. Бауэре... и об этом случае — самом странном в моей жизни.

Он утомленно откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Камин угасал, было уже поздно, я искал и не находил удобного случая откланяться. Доваджер и тут помог мне.

— Вы, наверное, ждете объяснений,— сказал своим прежним скучным голосом,— их не будет. Никто не знает об этой истории больше меня, а я, как видите, не знаю ничего.

Я встал и пожелал ему доброй ночи.

Утром — я плохо спал эту ночь — за завтраком миссис Бибз передала мне письмецо от мистера Доваджера, который, как

оказалось к моему немалому изумлению, совершенно неожиданно выехал сегодня очень рано поутру. Письмо гласило:

«Дорогой сэр,
начну прямо с главного. Разрешите мне принести свои искренние извинения за ту маленькую мистификацию, разыграть которую вчера меня заставила отвратительная скука — спутница столько же отвратительной погоды. Оправдание себе я нахожу (надеюсь, вместе с Вами) только в том, что скука была слишком велика, а случай слишком удобен. К тому же, мне кажется, история получилась не так уж плоха. Позвольте также поблагодарить Вас за те чудесные минуты, которые я провел в Вашем присутствии, и выразить надежду, что эти минуты повторятся и, может быть, даже достаточно скоро.

Остаюсь искренне Ваш, Эрик П. Доваджер.

Р. Т. Что бы Вы сказали о тех же числах этого же месяца в следующем году здесь же в «Крыле Альбатроса»?»

Я прочитал письмо, пожал плечами и рассмеялся. Что мне еще оставалось делать?

.....

И мы действительно встретились с ним в следующем году на том же самом месте, встретились как друзья. Мы снова бродили вдоль берега, но на этот раз уже вдвоем, хотя по-прежнему обменивались не более чем парой слов за день. Доваджер похудел еще больше, ссутулился и постарел. Он по-прежнему не расставался со своей тяжелой черной тростью, но хромать почти перестал.

Однажды мы стояли с ним у самого моря на скользких валунах и глядели, как багровый диск солнца заползает за огромную черную тучу над самым горизонтом. Чайки, крича, носились над волнами, почти касаясь их крыльями, опускались на прибрежную гальку.

— Ну, ждите сегодня ночью шторм,— сказал я, оборачиваясь к Доваджеру, и замер удивленный. Его лицо было бело, как никогда, широко открытые глаза блуждали. Он стоял неестественно выпрямившись, сжимая побелевшими пальцами набалдашник трости.

— Чайки...— вдруг с трудом сказал он и облизнул губы,— море и чайки...

Я невольно снова глянул на неспокойное море и, ничего там не заметив, вопрошающе повернулся к Доваджеру. Он стоял в прежней позе и некоторое время молчал, а потом вдруг проговорил:

— Эти кричащие птицы над волнами... и закат... Они напоминают мне страшную историю... страшную историю... Дело было на...

Следующий рассказ несколько напоминает по тематике опубликованный в том же 11-м томе «Возвращение (Из бумаг покойного Антуана Понтине)». Неизвестная тропическая страна, иностранные персонажи... Рассказ этот, к сожалению, не закончен. Можно, конечно, предположить, что он являлся прологом к так и не написанной повести о странных обезьянах, «которые питаются не бананами, а мыслями потерпевших кораблекрушение».

БЕЗ ПОВЯЗКИ

Динн очнулся наконец, принял сидячее положение и, подняв руку, потрогал жесткую повязку на глазах. Было очень жарко, одежда его уже высохла и стала заскорузлой от соли, пропитавшей ее. Страшно хотелось пить. Где он? Совсем рядом, казалось в нескольких шагах, плескалось море — журчала вода, пробираясь среди камней. Налетал порывами слабый теплый ветер, приносил сладковатый неприятный запах. Где же он, черт побери? Динн осторожно пощупал руками землю вокруг себя — галька. Песок и крупная галька. Динн уселся поудобнее, скрестил ноги и задумался. Память медленно возвращалась к нему.

Архипелаг Сикху. Плантации чая и табака. Странная глазная болезнь. Доктор Саттон — необходимо отправиться на материк, сделать операцию. «И не снимайте повязку, Динн, дружище... Что бы там ни было, не снимайте повязку, если еще когда-нибудь хотите стать нормальным человеком». Шхуна «Удача». Шторм, рифы, дурак капитан... Дикие крики пассажирок, отвратительный скрежет железа по камню, сумятица,

вопли, топот многих ног по палубе... Молчаливая, страшная своей яростью резня у шлюпок... Злобное сопение Саттона, втаскивающего Динна в переполненную шлюпку. Кто-то жалобно стонет, извиваясь под ногами. Выстрел, еще один... Бешеный взрыв ругательств. Страшный удар в лицо и ледяные волны... Динн содрогается. Остального он совершенно не в состоянии припомнить. Наверное, вынесло на какой-нибудь берег. Что это за земля?

Он кряхтя поднимается на ноги. Проклятая тьма вокруг! Осторожно нащупывает ногою, куда ступить. Делает шаг, другой, спотыкается обо что-то мягкое и, чтобы не упасть, опускается на песок. Его руки нащупывают чью-то ногу, голую грудь, бородатое лицо... Вот он откуда — запах... Мертвец. Почти голый, в одних подштанниках — европеец... Наверное, кто-нибудь из команды.

Запах отвратителен, надо уйти, тошнит... Динн поднялся, вытянув руки вперед, сделал несколько быстрых неверных шагов и вскрикнул от боли, зацепив голой ногой за острый камень. Боль была так сильна и неожиданна, что он упал ничком и некоторое время только стонал, уткнувшись лицом в горячий песок. Потом пощупал ушибленный палец на ноге — кровь... Вытер липкие руки о землю, встал и, стиснув зубы, двинулся вперед. Надо найти воду, надо обследовать местность, надо попытаться понять, куда его занесло. Сначала ему пришло в голову закричать, позвать на помощь, но потом он решил приберечь это средство напоследок. Если земля необитаема, кричать незачем. Если же здесь кто-нибудь есть... Это, скорее всего, один из островов Сикху... Людоедов здесь, пожалуй, уже нет, но встречается кое-что похуже — беглые с плантаций... Нет, лучше пока помолчать. Но пить, как хочется пить...

Два раза он наступал на обломки кремня, раз налетел на огромный валун и разбил колено. Галька была нестерпимо горяча (солнце, верно, поднималось все выше и выше), обожженные ступни горели, губы потрескались от жара. Он шел упорно, хромая все сильней, весь облитый потом, хрипящий, с отвисшей челюстью. Только бы добраться до травы, до тени деревьев... Здесь не может не быть деревьев — араукарии, бананы, кокосы и вода, вода, вода... Тень, прохлада и вода...

Знакомый сладкий запах ударил ему в нос, он вильнул в сторону, бессознательно намереваясь избежать столкновения, но это ему не удалось. Он споткнулся и упал прямо на мертвеца, на того же самого, сразу же узнал он, нащупав обросшие бородой щеки... Он со стоном откатился в сторону и лег на спину. Отчаяние и страх охватили его. Солнце обжигало распухшие губы, начали сильно болеть глаза — повязка ссохлась, стала нестерпимо горячей.

Полежав так минуты две, Динн вскочил. Воды, воды! Он побежал вдоль берега, стараясь бессознательно держаться так, чтобы шум моря оставался справа от него. Он спотыкался, падал, ноги его были изуродованы, закушенные губы — тоже. А сверху тяжелыми, почти осязаемыми лучами било солнце. Это не могло продолжаться долго — Динн начал спотыкаться все чаще и чаще и наконец упал, чувствуя, как сознание медленно покидает его. Начинался бред. Кто-то бродил во мраке рядом с ним, почти касаясь его влажным — он знал — телом. Слышались далекие голоса, журчание прохладной чистой влаги. Потом мягкие руки подняли его и понесли, тихонько покачивая на весу. Скрипела галька под ногами, где-то шелестели деревья, кричали птицы...

Динн пришел в себя. Кто-то легкий прошел мимо — зашумел песок, пахнуло ветром. Это уже не бред. Шаги вернулись, покружились рядом, остановились. Динн приподнялся на руках и прохрипел:

— Помогите... Воды...

Ответа не было. Стало очень тихо — только плескалось море о камни.

— Помогите же, дьявол! — Динн снова упал лицом в песок — не было сил.— Воды... воды...

Снова шаги, шелест песчинок под легкими ногами. Сквозь гул в ушах, сквозь журчание волн — слабые, но отчетливые голоса, негромкий смех. «Беглые»,— равнодушно решил Динн. Ему было уже, пожалуй, все равно. Он медленно, с огромным трудом попытался подняться. Пусть дадут только глоток воды, а потом — хоть в ад. Но эти могут и не дать. Снова прошелестел смех — совсем рядом, шагах в двух. Да, не дадут, пожалуй.

— Воды,— лепечет Динн. Ему удалось подняться на ноги, и он стоит, покачиваясь, с бессильно повисшими руками. Тьма

перед глазами кружится, колеблется, плывет. И снова этот запах, ужасный запах тления. Динн вспоминает восстание на плантациях в начале прошлого года. Сикху горел. Двенадцать тысяч негров штурмовали резиденцию правительства — город Бунга. Над островами стоял столб дыма, густого и тяжелого, ветер был не в силах разогнать его,— это горели нефтяные разработки близ Бунгу, горели плантации, горели джунгли... Хозяева применили против восставших огнемет и радиоактивный газ. Тысячи черных трупов — обугливших и гниющих, страшно изуродованных, покрытых язвами и нарывами, отвратительно раздутых — устилали окрестности Бунгу. Четыре месяца невыносимый смрад стоял над островами... Бунгу опустел, жители покинули город, только коренастые загорелые полицейские в тропических шлемах и противогазовых масках разъезжали на мотоциклах по безлюдным улицам.

[Далее текст отсутствует.]

Следующий рассказ также не закончен, но похож он на рассказ «В наше интересное время». Тоже дача, тоже наши дни, тоже неожиданное появление...

ДАЧНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

— Разлейте, доктор,— сказал хозяин,— повторим, что ли...

— Жарко сегодня,— сказал инженер,— не развезло бы.

Низко над крышей дачи, над верхушками деревьев со свистящим шелестом прошли два реактивных самолета. Все подняли головы, проводили их глазами.

— В который раз уже,— сказал доктор и потянулся за бутылкой.

— Ах, вы представить себе не можете,— сказала хозяйка,— днем и ночью, днем и ночью. Тут аэродром где-то поблизости...

Доктор разлил всем, зацепил кусок селедки, положил на хлеб.

— Ну, пусть мы будем все здоровы, а они нехай все подохнут!

Все засмеялись, а жена инженера спросила:

— Это вы про кого, про летчиков, что ли?

— Ну что вы!..— Доктор смутился.— Просто тост есть такой...

Выпили. Хозяин крякнул и понюхал корочку хлеба. Его сын Володя — студент первого курса — тоже крякнул и понюхал

согнутый указательный палец. Инженер, крутя головой, полез в селедочницу. Дамы часто дышали носами. Доктор хакнул[1] и просипел:

— Отрава... И как ее беспартийные пьют...

Все опять засмеялись. Хозяйка сказала:

— Ну, доктор, уж вы скажете!.. Володя, а ты бы закусил — захмелеешь.

— Смотрите, опять идут,— сказал Володя, глядя вверх.

Два истребителя шли на посадку, один на секунду закрыл солнце, пройдя черной тенью в ярко-голубом небе, и исчез за крышей дачи. Другой прошелестел вслед и вдруг резко клюнул. Дамы взвизгнули. Все произошло в одно мгновение: перед самым носом самолета вспыхнула ослепительная радужная вспышка, истребитель резко пошел вниз, потом выпрямился и с ревом взмыл к небу. Воздушная волна колыхнула верхушки деревьев, донесся тяжкий глуховатый грохот.

— Нну, сила! — восхищенно сказал Володя.

— Что он, пьяный, что ли? — сказал инженер, провожая глазами едва видимый теперь в синеве самолет.

Его жена открыла рот, но сказать ничего не успела. В воздухе промелькнуло что-то черное, раздался треск ломающихся ветвей, что-то с шумом обрушилось в кусты сирени шагах в двадцати от них. И все стихло. Некоторое время они сидели молча, обмениваясь изумленными взглядами,— жена инженера все еще с открытым ртом,— потом хозяйка проговорила:

— Этого еще не хватало! Теперь деревья в садике ломать начали... Только прошлой весной посадили сирень, и вот на тебе...

Володя вскочил.

— Как вы не понимаете! Ведь это летчик упал! Он, наверное...

Все поднялись. Хозяин смущенно оглянулся на жену.

---

[1] Любопытно, что это слово восходит к тому же звукоподражанию, что и «хакнуть» (hack) в современном околокомпьютерном сленге. Подобные звуки издает человек при работе топором, поэтому исходно «хакер» означало «рубщик», в шутку — столяр-халтурщик, «топорная работа». Затем это последнее значение преобразовалось в «программист, быстро лепящий программы». И только в последние десятилетия стараниями журналистов слово «хакнуть» стало означать «взломать»... — *В. Д.*

— Похоже на то... Надо бы сходить посмотреть.

— Кстати, у нас и доктор здесь есть... Володя, вернись сейчас же!

Но студент махнул рукой и спрыгнул с веранды. Доктор торопливо дожевал бутерброд, вытирая руки о салфетку.

— Надо сходить посмотреть,— проговорил он.— Хотя если это действительно летчик, то я вряд ли смогу быть полезным.

Предводительствуемые доктором все спустились в сад.

— Думаю, нам лучше разделиться в цепь и пройти... прочесать, так сказать...

Но тут послышался взволнованный голос Володи:

— Сюда, товарищи! Он здесь! Доктор, скорее!

Поспешно и суетливо, но не очень быстро дачники двинулись через сирень. Хозяйка надменно вскинула голову и демонстративно пошла в обход по аккуратно посыпанной песком дорожке.

Доктор первым увидел в кустах сгорбленную спину сидящего на корточках Володи. Солидно хмыкнув и засучивая на ходу рукава сорочки, он подошел к нему, заглянул через его плечо и попятился. Заметив это, жена инженера взвизгнула и вцепилась в руку мужа, а хозяйка, подходившая с другой стороны, остановилась.

— Эк как его-о-о...— протяжно произнес доктор и опустился на колени рядом с Володей. Затем, не оборачиваясь, крикнул: — Воды принесите, побольше... и марганцовки, и бинтов... Володенька, помогите-ка мне, голубчик.

В то время как обе дамы с готовностью пустились к даче, инженер и хозяин подошли ближе и увидели, как доктор и студент с трудом и осторожно приподнимают что-то продолговатое, черное и, по-видимому, очень тяжелое. Володя вдруг растерянно сказал:

— А где же у него голова?

Тогда инженер остановился и положил руку на горло.

— Не могу,— пробормотал он.— Не выношу я таких вещей. Раз крушение поезда видел, такая, понимаешь, каша,— так, веришь ли, неделю потом снилось.

Хозяин нахмурился, решительно приблизился к месту происшествия, посмотрел, затряс головой, наклонился и посмот-

рел еще раз. И еще раз затряс головой, словно не веря глазам. На слегка опаленной траве, судорожно сокращаясь, дергался длинный, метра полтора-два, черный сверток — очень черный, вероятно, обугливший. В воздухе стоял отвратительный запах горелого мяса и еще чего-то, от свертка доносилось слабое, но отчетливо слышное в растерянной тишине жужжание. Доктор очнулся первым:

— Ну-с, ну-с,— бодро сказал он,— прошу лишних отойти... Володя и вы, милейший, останьтесь... Так, помогите мне его перевернуть лицом вверх. Да нет, господи, берите его под руки и... того... осторожненько... Ну!..

Отец с сыном растерянно топтались вокруг:

— Н-да... Н-да... Под руки... Володя, бери его... Гм, доктор, у него вроде и рук нет... А? Катить его, может, просто...

Сверток осторожно покатили по траве. Он был очень горяч на ощупь и упруго пульсировал. Жужжание стало громче.

— Вот так... На спину... Глаза целы ли...— пыхтел доктор, бережно переворачивая тяжелое тело.— Жаль парня... ожог сильный... Та-ак!

Потом все разом разогнулись и выпрямились, пораженные. Лица не было. Не то чтобы оно обгорело или было изуродовано до неузнаваемости — а просто отсутствовало. У их ног корчился бесформенный горячий мешок, без рук, без ног, без головы...

— А я бы так просто запретила бы им летать, где люди есть... Да-да, вот как хотите...— донесся голос хозяйки. Женщины приближались, неся домашнюю аптечку и бинты. За ними шел бледный инженер с двумя ведрами воды.

— Ну как, доктор, он жив?.. Ай!..— дамы взвизгнули разом, а инженер поставил ведра и торопливой неверной рысью направился к дому.

— Бедненький,— сказала сентиментальная хозяйка, не отрывая взгляда от пульсирующего тела.— Помогите же ему, доктор! Что вы стоите?.. Папаша, да спрысни ты его хоть водичкой... Он же обгорел...

Хозяин с натугой подтащил ведро, зачерпнул кружку воды, нерешительно посмотрел на доктора и, поколебавшись, плеснул прохладной влагой на один конец свертка.

— Господи, какой дурак! На лоб надо брызнуть, на лоб! — с сердцем воскликнула хозяйка и испуганно оборвала. Черный

мешок судорожно изогнулся, выбросил из себя два темных гибких отростка, облачко голубого пара поднялось над ним и растаяло, распространяя удушливый запах. Жужжание прервалось, а потом возобновилось вновь с большей силой. Все переглянулись и потом уставились на доктора. Тот имел вид необычайно смущенный и растерянный. Жена инженера сказала вдруг:

— Да это просто комбинезон обгоревший. А человек внутри... Запутался в одежде и рвется! Кричит, а мы не слышим...

— Глупости,— сказал доктор сердито, но тем не менее опустился на колени и начал что-то делать руками. Володя присел рядом на корточки, а остальные, вытянув шеи, с боязливым любопытством заглядывали через него. Было видно, как доктор осторожно прощупывает длинными белыми пальцами какую-то складку посередине свертка.

— Ага! — торжествующе сказал он.— Сейчас мы тебя... того... Нет, как будто не здесь... А, вот оно где!

Он ухватился обеими руками за то, что показалось всем свисавшим лоскутом толстой материи. Володя, видевший, по-видимому, что-то другое, поспешно положил ладонь на руку доктора.

— Подождите...

Доктор, тянувший до этого момента осторожно, сердито взглянул на него и вдруг дернул изо всех сил. И тут произошло нечто неожиданное. Черный продолговатый сверток, словно игрушка «уйди-уйди», невероятно раздулся. В одно мгновение он увеличился втрое и принял почти шарообразную форму. Внутри его послышался глухой хлопок, и прямо на руки и на колени изумленному доктору быстрой струйкой потекла омерзительного вида зеленовато-коричневая жидкость. Изрыгая проклятия, белый как мел доктор откинулся на спину и поспешно отполз в сторону. Володя прыгнул назад, налетел на отца и повалил его. Дамы молча повернулись и побежали прочь. Когда доктор обернулся, он увидел, что черная, безобразная распухшая масса медленно сокращается, а из нее, как иглы ежа, торчат во все стороны прямые короткие отростки. Резкое жужжание усилилось.

Тогда доктор отполз еще на несколько шагов в сторону и громко сказал, вытирая испачканные руки о траву:

— Как хотите, друзья мои, но это не человек.

Держась горстью за распухший нос и помаргивая слезящимися глазами, к нему подошел хозяин. Володя продолжал сидеть на земле, не отрываясь глядя на черный мешок, который успел уже принять прежнюю форму. Только напряженные мясистые отростки все еще торчали из него, слегка покачиваясь в такт судорожной пульсации влажно блестевшей черной кожи.

— Я думаю,— вполголоса сказал хозяин,— что это какой-либо новый вид вооружения.

— Пустите-ка,— сердито сказал доктор, отталкивая его в сторону и поднимаясь.— Глупости какие...

— Володя! — истерически закричали со стороны дома.— Немедленно сюда! Немедленно! Ты слышишь меня?

— А я вам говорю — вооружение,— настаивал хозяин, стараясь оттащить доктора подальше,— очень просто — химическая бомба...

При этих словах он вдруг отпустил молча сопротивлявшегося доктора пораженный какой-то новой мыслью.

— А вы бы помылись, доктор,— сказал он опасливо и понюхал свои ладони. Доктор, не отвечая, осторожно приближался к странному телу. Володя поднялся и последовал за ним. Остановившись в паре шагов, они некоторое время сосредоточенно разглядывали таинственный предмет, потом доктор пробормотал:

— Не-ет, это не человек, черт возьми... Бомба? Вздор, вздор...

Он оглянулся, привлеченный пыхтением и плеском воды за спиной — хозяин мыл руки в ведре. Крики около дачи стихли — видно было, как хозяйка рассматривает их в театральный бинокль. Около одного из деревьев стоял, держась за голову, согнутый в дугу инженер. Низко над головами снова прошелестели два реактивных самолета. Стало очень тихо.

— Доктор, а вдруг это...— сказал, тронув его за локоть, Володя и замолчал, стараясь поймать взгляд врача. Тот неловко пожал плечами, вытащил было носовой платок и вдруг резко шагнул вперед:

— Вот оно! — Он смело наклонился над пульсирующей массой, разглядывая широкую рваную щель, сочащуюся зеленой жидкостью. Один из отростков осторожно ощупывал это место, каждый раз судорожно отдергиваясь, когда касался краев страшной раны. Трава темнела коричневыми золотистыми пятнами.

— Слушайте, он ранен, страшно ранен!..— шепотом проговорил Володя над самым ухом.— Это же кровь течет... Он, может быть, умирает...

Доктор, поколебавшись, сначала осторожно прикоснулся к ране, а потом решительно принялся что-то делать с ней. Странное существо взмахнуло было отростками, вздулось, но вдруг сразу опало и втянуло все щупальцы. Володя не дыша следил за быстрыми пальцами доктора. Тот, копаясь в ране, бормотал:

— Поищем, поищем... Тэ-эк-с!.. Па-анятно... Вот оно... Вот...

Он напрягся, отрывая от тела что-то невидимое со стороны. Жужжание перешло в протяжный вопль, который поднялся над зеленой лужайкой и резко оборвался. Доктор выпрямился, протягивая Володе кусок коричневого мяса. Тот невольно отшатнулся.

— Осколок! — торжествующе вскричал доктор.— Обыкновенный осколок!

— А я вам что говорю,— сказал ничего не понявший хозяин.— Пойдемте отсюда от греха подальше. А то ОНО жужжит-жужжит, а потом как даст. Заявить надо кое-куда... Да пойдемте же, ей-богу! Доктор, Володя!

Доктор опустил бесформенный комок в ведро и снова склонился над своим необычайным пациентом.

[Далее текст отсутствует.]

Еще один рассказ, также незаконченный, имеет прямое отношение к циклу «Полудня» и повествует о первых экспериментах с нуль-транспортировкой.

ОКНО

I

Отец и мать были монтажниками и больше всего на свете любили строить термостанции. Как известно, термостанции строятся иногда в самых неожиданных углах нашей планеты, поэтому на каникулы Коля ездил обычно на трансконтинентальных поездах и самолетах. И так случилось, что на зимние каникулы во втором классе он поселился в новеньком бревенчатом домике на высоком берегу маленькой речки Силигир посреди почти первобытной якутской тайги.

До стройки было десять километров. Место для дома мать всегда выбирала подальше от стройки, считая, что, с одной стороны, хорошая прогулка по утрам может принести рабочему человеку только пользу и что, с другой стороны, три-четыре часа работы, пусть даже самой интенсивной, не могут утомить настолько, чтобы не ощущалось удовольствие от прогулки предобеденной. Только в непогоду, когда разыгрывалась пурга, отец звонил дежурному и просил прислать вездеход с программным управлением.

Итак, рабочий день отца и матери начинался с похода на работу. Коля, кутаясь в отцовскую меховую куртку, выходил на крыльцо и смотрел, как они становятся на лыжи. Рядом с отцом мать казалась маленькой, как школьница. Отец поправлял у нее крепления, а она давала Коле последние инструкции: непременно выпить молоко, не трогать кухонную машину, смазать двигатель аэросаней, не прикасаться к отцовскому ружью, не заходить далеко в тайгу и вообще вести себя славно. Затем отец говорил что-нибудь вроде: «Не донимай мальчишку», они брали в руки палки и пускались бегом вдоль берега на свою стройку.

2

Жизнь была вполне сносной. Отделавшись от молока и повозившись с аэросанями, Коля влезал в красивую, вышитую бисером кухлянку и отправлялся в первобытную тайгу.

Вообще-то, Коля тайгу не любил. Он немного побаивался тусклой тишины и застывшего беспорядка, кое-как прикрытого пушистыми сугробами. И ему не нравилось, что там всегда сумрачно, даже в яркие солнечные дни. Но якутская тайга на берегах маленькой речки Силигир оказалась интересным местом. Отойдя подальше от дома, Коля обнаруживал любопытные и совершенно неожиданные вещи. Например, кучи крупного рыжего песка — словно великан рассеянно зачерпнул где-нибудь на приморском пляже гигантскую горсть и небрежно высыпал здесь, за десятки тысяч километров от теплых морей. Или почерневшую, сморщенную от холода ветку какого-то тропического растения. А однажды Коля нашел маленького зеленого попугая. Попугай запутался в дремучей прово-

локе схваченного морозом кустарника и замерз, растопырив крылья и разинув черный клюв. Коле стало жутко. Он вытащил попугая из куста, торопливо закопал в снегу и ушел, не оглядываясь. Но в тайгу он продолжал ходить каждый день, ожидая новых находок. Монтажникам он ничего не говорил — боялся, что все объяснится очень просто и неинтересно.

3

Когда возвращались монтажники, жизнь становилась веселой. Родители отправлялись в ванную. Пока мылась мать, Коля помогал отцу готовить обед на киберкухне, и отец рассказывал всякие смешные истории из своей школьной жизни. Пока мылся отец, Коля помогал матери накрывать на стол, и мать рассказывала, что вытворял сегодня отец на работе. Потом все садились за стол, и Коля рассказывал, как прошел день. «Я все мечтаю встретить медведя,— врал он, глядя на своих монтажников ясными глазами.— Почему вы не даете мне ружье?» Мать сердито говорила: «Я очень прошу тебя, Колька-Николай, не ходи в тайгу. Возьми лыжи и катайся по реке». Отец ничего не говорил и только неопределенно-весело смотрел на Кольку-Николая.

После обеда полагался мертвый час. Отец брал Колю к себе на диван и начинал волшебную сказку: «Давным-давно на очень далекой планете жил один герой-монтажник...» Вечером, после лихой лыжной пробежки по замерзшей реке, садились ужинать. За ужином включали СВ и смотрели и слушали новости науки и техники.

«...При строительстве стационарного плавучего острова «Лена» применен интересный метод крепления понтонов...»

«...В Иркутском институте экспериментальной генетики продолжаются опыты по «воспитанию» хромосомных структур. Зародышевая клетка с «воспитанными» хромосомами будет развиваться в особь с готовыми условными рефлексами...» («Нет,— говорила мать.— Это выше моего понимания».— «Почему же? — возражал отец.— Почитать надо, и все поймешь...»)

«...Океанологическая субмарина «Хигаси» сообщила о новом виде гигантских головоногих моллюсков, близких к архитойтисам...»

«...Международная академия транспорта во взаимодействии с Харьковским институтом физики пространства продолжает эксперименты по осуществлению нуль-транспортировки. Руководители работ, связанных с нуль-транспортировкой, утверждают, что главная трудность сейчас состоит в невозможности локализовать точку нуль-перехода и зону финиша...» («Я уже несколько месяцев слышу про эту нуль-транспортировку,— говорил отец.— Что это такое?» — «Надо будет почитать,— отвечала мать.— Найти литературу и почитать...»)

«...На верфях Плато Солидарности, Луна, заложена новая серия фотонных планетолетов типа «Хиус-Молния», проект коллектива Варшавского института МУКСа...»

После ужина Колю отправляли спать. Коля, как правило, сопротивлялся. Тогда отец сажал его на колено и пел странную веселую песенку, в которой утверждал, что они — видимо, имелись в виду он сам и мать — отнюдь не кочегары и не плотники и нимало об этом обстоятельстве не сожалеют. «А что такое кочегары?» — спрашивал Коля. Отец отвечал что-нибудь смешное, и тогда Коля соглашался, наконец, отойти ко сну. Засыпал он быстро и сквозь сон слышал, как монтажники переговариваются в кабинете: «Ой, мне еще четыре задачи надо решить... и все на волновые функции».— «Где моя линейка? Ты опять куда-то засунула мою линейку, рыжая?» — «Передай таблицы и не ворчи на меня, пожалуйста».

4

До конца каникул оставалась всего одна декада. Таежные находки все еще занимали Колю, но он уже изрядно соскучился по школе и по друзьям. Конечно, размышлял он, мои монтажники — отличные люди, и с ними всегда очень интересно, и весело, и все такое. Но как-то это не то. Все-таки это родители. И вдобавок еще взрослые. Вот если бы здесь были Вовка и Лисица... или Кира с Галькой... вообще все наши — тогда бы было совсем другое дело. Впрочем, будем тактичными, раз уж мы дети. Монтажники не должны знать, что мне скучновато. И он твердо решил пожертвовать собой для спокойствия монтажников.

Но двадцать первой ночью пребывания Коли на берегах Силигира все изменилось. На дворе взвыли и сразу же замолкли моторы, в окна ударила снежная пыль, затем раздался стук в дверь, шум, удивленные восклицания. Коля не смог проснуться. Он только почувствовал, что в его комнате зажгли свет, необычайно знакомый голос шепотом сказал: «Спит Заяц», задвигали мебель, и все стихло. Коля повернулся на другой бок и крепко заснул.

Когда он открыл глаза, было утро. В морозных окнах искрилось солнце, на голубой стене лежали солнечные квадраты, а по другую сторону медвежьей шкуры, покрывавшей пол, сидел на раскладушке и улыбался молодой человек лет четырнадцати. Улыбался он весело и радостно, так что на веснушчатой его переносице собрались тонкие морщинки.

— Здравствуй, Заяц,— сказал он необычайно знакомым голосом.

5

Это было просто отлично: было солнечное утро, а на раскладушке, появившейся в комнате, сидел и улыбался старый добрый друг.

— Тойво? — растерянно проговорил Коля.

Тойво был совершенно такой же, как прошлым летом в Приморье,— худой, вихрастый, загорелый, в черных трусах и синей футболке молодежного спортивного общества «Дальний Восток».

Коля отбросил простыню и подбежал к нему.

— Как ты к нам попал?

— Меня привезли.

— Ночью, да? Когда я спал?

— Конечно. Тут был такой шум, а ты хоть бы что.

— А кто тебя привез?

— Шахразада.

— О, Шахразада тоже у нас?

— Нет. Она сразу улетела обратно. У нее дела.

— Вечно у нее дела... Послушай, ты опять что-нибудь натворил?

— Ну что ты, Заяц, как можно?

— Тогда почему ты здесь?

— Если тебе не нравится, могу уехать.

— Что за глупости... Это просто мирово, что ты приехал. По правде говоря, я по тебе даже соскучился.

Тойво захохотал, схватил Колю и посадил к себе на плечо.

— Ого! — закричал Коля.— Вот здорово! А до потолка можешь?

— Могу. Только потом, ладно? — Тойво опустил Колю на медвежью шкуру.— Я по тебе тоже соскучился. Потому и приехал.

Коля задумчиво подтянул пижамные брючки и оглядел комнату. В углу стоял небольшой сверкающий чемодан.

— Ты мне что-нибудь привез? — спросил Коля.

— А как же... Вот позавтракаем, я тебе покажу.

— Давай лучше сейчас. Если тебе не трудно, конечно.

— Сейчас так сейчас...

Тойво открыл чемодан и извлек из-под белья великолепного краба, рыжевато-зеленого, с угрожающе растопыренными клешнями.

— Вот,— сказал он и поставил краба на пол.— Нравится?

Коля опустился на корточки. Краб неподвижно глядел на него выпуклыми тусклыми бусинами глаз.

— Здоровый,— сказал Коля.— Ты сам поймал?

— Сам. Попробуй, нажми на него сверху.

Коля потрогал пальцем панцирь. В ту же секунду краб зажужжал и пополз на него, царапая пол когтистыми лапами. Коля отскочил назад. Краб сейчас же остановился и затих.

— Ну как? — спросил Тойво.

— Я даже испугался,— признался Коля.— Ты сам сделал?

— Сам. И краба сам поймал, и механизм сконструировал. Ползет на источник тепла. Как кибердворник. Вылезет на солнце и стоит, заряжается. Потом в тень уползает.

Коля снова сел на корточки и повторил опыт.

— У него не очень-то приятный вид,— объявил он.— Но он нам пригодится. Сначала мы покажем его монтажникам.

Тойво опять захохотал и хлопнул Колю по попке.

— Не выйдет! — сказал он.— Они уже знают.

— Жаль,— разочарованно сказал Коля. Он повернулся и поглядел на часы.— Клянусь честью! — воскликнул он.— Половина десятого! А где же наши монтажники?

— Они уже давно ушли. Решили не будить тебя сегодня. Они решили... только чур не обижаться, Заяц, ладно? Они решили, что теперь я буду присматривать за тобой. Завтрак и все прочее... Пусть они так думают. А на самом деле ты будешь присматривать за мной. Договорились?

Коля важно наклонил голову.

— Договорились,— сказал он.— Давай одеваться, убирать постель и завтракать. Не забудь умыться. И вычистить зубы.

— Непременно. Только сначала сделаем зарядку, как ты думаешь?

— Разумеется... Я это тоже имел в виду.

Тойво весело потер руки.

— Ты знаешь, что я сейчас вспомнил? — спросил он.

— Что?

— Прошлым летом ты явился ко мне и гордо сообщил, что знаешь целых двух русских царей...

— Не помню что-то.

— Царя Додона и царя Салтана.

Коля принялся убирать постель.

— Я был маленький,— сказал он.— И не будем мешкать. Я хочу показать тебе тайгу.

6

Коля повел Тойво излюбленным маршрутом — прямо от берега, в самую чащу, где сразу наступили сумерки. Они шли неторопливо, осторожно ставя широкие короткие лыжи между торчащих из сугробов жестких колючих прутьев. Тойво сначала с любопытством осматривался по сторонам, затем стал глядеть себе под ноги. На лбу у него выступили маленькие капельки пота. Коля, шедший впереди, спросил не оборачиваясь:

— Скажи правду, Тойво, ты что-нибудь натворил?

— Угу,— ответил Тойво.

— Рассказывай.

— Да нечего рассказывать, Заяц.

— Это нечестно. Я тебе всегда рассказываю.

— Правда, ничего особенного. Мы с ребятами хотели уйти в поход.

— Куда?

— На Камчатку.

— Пешком?

— Угу. На лыжах.

— И вас поймали...

— Как видишь.

— И Шахразада...

— Шахразада решила, что всем будет спокойнее, если я проведу остаток каникул с тобой. Она считает, что ты оказываешь на меня хорошее влияние. Так она говорит.

— Она правильно говорит. За тобой нужен глаз да глаз.

Тойво засмеялся.

— Да,— сказал Коля серьезно.— Теперь я вижу: Кира тебе не подходит.

— Какая Кира?

— Девочка такая. Моя подруга. Я хотел выдать ее за тебя замуж.

— И она мне не подходит? — с любопытством спросил Тойво.

— Нет. Она слишком слабохарактерная. Лучше я женю тебя на Гале. Она будет держать тебя в руках.

— А она хорошенькая?

— Очень. Самая красивая в нашем втором. И у нее железная воля.

— Нет,— решительно сказал Тойво.— Не получится.

— Почему? Она тебе понравится, честное слово.

— Понимаешь, Заяц, мне нельзя жениться.

— Глупый, я же не говорю, что сейчас. Она еще маленькая, как и я. И ты тоже еще слишком молод.

— Ох,— сказал Тойво.— Ты как-то слишком быстро идешь. Давай отдохнем.

Они остановились.

— Понимаешь,— сказал Тойво,— все равно ничего не выйдет. Я твердо решил пойти в космонавты, вот в чем дело.

— Ну и что же? Дядя Федор тоже космонавт, и он женат...

— Но я буду совсем другим космонавтом. Я буду летать к звездам.

— Какая разница?

— Огромная. Дядя Федор приезжает домой каждый месяц, а я буду летать годами.

— Кира будет ждать, уверяю тебя... то есть Галя...

— Это не годится, Заяц, и ты сам это понимаешь. Что это будет за жизнь, если один несколько лет где-то летает, а другая все это время сидит и ждет?

— Тогда бери ее с собой.

— А кем она собирается быть?

— Кажется, учительницей...

— Вот видишь! Что она будет делать в звездолете?

— Как что? У вас будут дети? Будут. Вот их она и будет учить.

Тойво снял варежку и потер замерзшую щеку.

— Пожалуй,— сказал он задумчиво.— Только ведь дети не сразу будут... и потом нужно, чтобы они выросли, а что она будет делать тем временем?

Коля опустил голову. Ему стало грустно. Он очень любил Тойво и очень хотел женить его на ком-нибудь из девочек, в которых был влюблен сам.

— Тойво,— сказал он,— а зачем тебе быть звездолетчиком?

— Надо открывать новые миры.

— Может, лучше тебе стать кем-нибудь другим? Например, монтажником, как папка... Тогда бы вы...

— Нет, Заяц, это невозможно. Я все время мечтаю о новых мирах. Неужели человек не имеет права открывать новые миры?

7

Коля взялся за палки и снова двинулся в путь. Тойво последовал за ним. Разлапистые ветви, тяжело нагруженные снегом, проплывали у них над головами.

— Это самое интересное, по-моему,— сказал Тойво.— Открывать новые миры. В Солнечной системе уже все открыто. Надо лететь к звездам. Увидеть новые миры... с иными солнцами, с иными формами жизни... с братьями по разуму...

— С кем?

— С братьями по разуму. Должны же быть где-то миры, где живут наши братья по разуму.

— И они прозрачные?

— Не знаю.

Коля сказал упрямо:

— Они прозрачные и летают на крыльях. Мне папа рассказывал. А Шахразада?

— Что Шахразада?

— Она тебя пустит?

— Почему же нет?

— На Камчатку не пустила, а уж к другим мирам и подавно.

— Так ведь это не сейчас. Это еще не скоро.

Коля оживился.

— Верно! Тебе еще нужно закончить школу...

— Конечно, Заяц. Закончить школу, поработать года два на верфях[1], пройти институт... Время еще есть, правда, Заяц? Слушай, Заяц, а куда ты меня ведешь?

Коля прямо ответил:

— Туда, где я нашел попугая.

Тойво некоторое время молчал.

— Ты шутишь?

— Нет. Я нашел здесь попугая.

— Живого?

— Что ты...

Выслушав историю с попугаем, Тойво заметил:

— Удрал из зоосада... или из живого уголка.

— Но здесь поблизости нет зоосадов. И интернатов тоже.

— Тогда просто из дома...

— До рабочего городка далеко, десять километров.

— Да, пожалуй, не долететь по такому морозу.

— А откуда песок, Тойво?

— Какой песок?

— Я нашел песок тоже...

Тойво поднял руку, и они остановились.

— Погоди-ка...

Коля огляделся. Кругом была тайга, холодная, тихая, совершенно безразличная. Коля подошел к Тойво поближе.

— Ты чего, Тойво?

---

[1] Эта идея — брать в институт только «производственников», отработавших два года где придется, — появилась и реализовалась в хрущевские времена. Позднее она выродилась во всякие «рабфаки» и льготы при поступлении. — *В. Д.*

Тойво принюхивался.

— Понюхай, Заяц. Ты ничего не слышишь?

Коля потянул воздух носом. Пахло тайгой. Морозом и чуть-чуть сухой корой. И, пожалуй...

— Что у вас здесь, свалка какая-нибудь? — спросил Тойво.

Посторонний запах несомненно был. Тонкий, едва уловимый запах падали.

8

Они переглянулись и поспешно пошли вперед. Воображению их представлялись странные картины. Свалка — это, конечно, чепуха. Кому вздумается устраивать свалки в чаще? Им виделись раздутые трупы лосей, или медведей, или — почему бы и нет? — целые гиппопотамы, заброшенные сюда той же непонятной силой, которая оставила здесь попугая. Правда, у Коли мелькала смутная мысль — на таком морозе ничто мертвое пахнуть не может. Но ведь что-то пахло! И запах усиливался с каждым шагом.

— Стой,— сказал Тойво вполголоса, и Коля сейчас же остановился.

Впереди, за стволами вековых сосен, начиналась поляна. Та самая, где на опушке Коля нашел трупик попугая. Но поляна эта вы- [Далее текст отсутствует.]

Далее следует страничка с письмом, то ли АНС к БНС, то ли наоборот:

Дальше они обнаруживают огромную яму, вырытую словно громадным взрывом. Что-то прорыло громадный ров, разбросало деревья, взрыло огромный холм, всё вокруг забрызгано льдом и воняет странной гнусной вонью, которая действует не только и не столько на эстетические чувства мальчиков, но и на какие-то инстинкты — страх, незнакомое, чужое и угрожающее. Любопытство их одолевает, они решили, что здесь кто-нибудь приземлился — чужой, несомненно, судя по запаху, начинают копаться в этих кучах снега пополам со льдом и землей и поваленными деревьями и вдруг находят странных

существ — совершенно чуждых земному, раздавленных, с выпученными глазами и разбросанных по веткам сосен. Они окончательно убеждены, что имеют дело с пришельцами, неудачно высадившимися.

Вернувшись домой, сообщают отцу. Тот говорит, что, действительно, в ночь, когда Тойво приехал, когда все в доме угомонились, он, засыпая, слышал в тайге отдаленный взрыв, грохот, но думал, что это работают геологи. Обещает на следующий день после работы привести с собой ребят-монтажников со стройки и сообщить куда надо и самим разобраться на месте. А ребятам предлагается больше туда не ходить.

Но ребята таки идут. Они снова на той же поляне. Все уже присыпано свежим снежком, вонь заметно уменьшилась. Они снова спускаются в ров и рассматривают обломки деревьев, как вдруг посредине рва открывается О К Н О.

Дальше даю еще две странички (из первого варианта):

И еще две машинописные страницы:

...Над проталиной, колыхаясь, висел огромный шар, окруженный туманной оболочкой испарений. Пар поднимался к синему небу и искажал диковинную картину, открывавшуюся внутри шара, словно внутри хрустального яйца, найденного несчастным Кэйвом в своей лавочке[1].

— Что это? — прошептал Коля.— Что там показывают?

Тойво всматривался в глубину шара. Порывы ветерка сгоняли пары, и тогда перед глазами появлялся странный пейзаж — песчаный склон, странно, наискось растущие деревья, похожие на пальмы, а вдали, на фоне густого фиолетового неба — снежные вершины гор, опрокинутые набок.

— Это похоже на стереопроектор,— пробормотал Тойво.— И все-таки...

Он сбросил лыжи и, проваливаясь в снег, пошел поближе к шару. Коля, тесно к нему прижимаясь, следовал за ним. Это была настоящая тайна, даже если здесь был всего лишь стерео-

[1] Трудно сказать, так ли хорошо знаком с классикой современный читатель, как подразумевали Авторы, поэтому можно уточнить: речь идет о персонаже рассказа Г. Уэллса «Хрустальное яйцо».— *В. Д.*

проектор, но в связи с мертвым попугаем и с падением снаряда пришельцев это приобретало совсем иной смысл, от которого было жутко, и восторженно, и любопытно, и не хотелось оставаться одному.

Они остановились в шаге от поверхности шара и чувствовали на лицах пульсирующее тепло от влажных паров. Теперь шар уже не воспринимался как шар, это было гигантское окно в какой-то необычный перекошенный мир — с опрокинутым песчаным пляжем, с ядовитого цвета зеленью, с наклоненными горами под фиолетовым небом. И это было именно окно, а не экран проектора,— это чувствовалось каким-то седьмым чувством. За пленкой пара было настоящее пространство.

— Вот он, новый мир,— глухо сказал Тойво.

Коля не успел и слова сказать, как Тойво поднял руку и уперся ею в окно. Рука прошла!

— Погоди,— сказал Коля.— Не надо. Не надо, Тойво.

— Надо.

— Погоди, сейчас сюда придет папка...

— Это новый мир,— сказал Тойво, не спуская глаз с далеких гор на горизонте.— Я иду.

Он пригнулся и прыгнул вперед. Он прыгнул как пловец в воду, распластавшись в воздухе и вытянув вперед руки. Раздался тонкий жалобный звон. Коля зажмурился. Когда он открыл глаза, Тойво был уже по ту сторону. Он странно сидел боком, в неестественной позе, словно готовый вот-вот покатиться вниз по песчаному склону. Он ободряюще улыбался Коле, но был очень бледен.

— Здесь жарко,— сказал он.— Не бойся, Заяц! Я буду...

Он вдруг оглянулся, и на лице его изобразились испуг и смущение. Позади него появился, стоя так же косо, как и все за окном, высокий полуголый человек, меднокожий и лоснящийся. В руке у него было копье, на лице круглая зеленая маска с огромными очками. Человек в величайшем изумлении оглядел Тойво, затем бросил взгляд на Колю, изумился еще больше и закричал:

— Кими! Сорэ-ананка?

И тут окно исчезло. Словно его и не было. Коля, ошеломленный и беспомощный, стоял совершенно один на дне ши-

рокого рва перед проталиной в снегу. Кругом стояла тишина. Коля стал потихоньку пятиться, не сводя глаз с проталины. Он видел, что к этому месту подходят две пары следов: его собственные следы — маленькие ямки от валенок — подходили к краю проталины и возвращались назад. А другая цепочка — от пары пьексов — обрывалась в шаге от проталины, словно тот, кто ее оставил, взлетел внезапно на небо. Коля повернулся и со всех ног кинулся вон из рва. Он забыл про лыжи и бежал, проваливаясь в снег и падая, стиснув зубы, ничего не видя от слез. Он не остановился даже тогда, когда впереди послышались голоса людей и голос отца, звавшего их.

На обороте последней страницы написано от руки:

Старший попадает в иной мир и долго думает, что это ИНОЙ мир. Потом он видит автомобиль с надписью на трех языках «Молоко». Страшное разочарование. «Великая вещь — нультранспортировка...» — «Подумаешь!..» Ему бы ящеров и пр. А отец объясняет малышу, что произошло (для шестилетнего, объясняет ЗАЧЕМ, но не КАК).

ИДЕЯ: Великое в глазах ученых = малое в глазах обывателя.

Следующий рассказ, скорее — юмореска, посвященная хаянию фантастики в шестидесятые годы, сохранился в двух вариантах. Первый вариант оборван, вероятно, он послужил черновиком ко второму варианту. Здесь приводится второй, полный, вариант.

Аркадий Стругацкий
Борис Стругацкий

ТРЕЗВЫЙ УМ

(научно-фантастический скетч)

За завтраком Виктор Борисович сказал жене:

— В последнее время мы совсем не следим за Гришей. Это может окончиться плохо для мальчика.

— Что-нибудь серьезное, милый? — осведомилась жена, разливая чай.

— Собственно...— Виктор Борисович нахмурился и поднес к губам салфетку.— Собственно, мне не нравится его чтение.

— Чтение?

— Да. У нас сейчас аврал, и я не имею возможности поговорить с Гришей так, как хотелось бы. Может быть, ты?..

Жена сказала:

— Хорошо, милый.

Она откусила кусочек бутерброда с ветчиной, задумчиво взглянула на мужа и спросила:

— Что-нибудь действительно серьезное? «Декамерон»? Петроний Арбитр?

— Этого еще не хватало! В его возрасте мальчишки не читают таких книг. Нет. Вчера вечером я обнаружил на его столе один из этих ужасных журналов... «Приключения и фантастика», так он, кажется, называется?

— Возможно. В его возрасте все мальчишки читают приключения и фантастику.

— И очень плохо! — Виктор Борисович сердито смял салфетку.— И очень плохо, Лена! Дикие, необузданные идеи! Нельзя разрешать детям читать эту белиберду. «Приключения и фантастика»! Детское государственное издательство! Безобразие. Как мы можем после этого требовать от детей... Нет, как только немного освобожусь, непременно выступлю с протестом.

— Неужели это так скверно?

— Это ужасно! Я просмотрел этот журнал и был потрясен. Забивать головы детей такой беспардонной чушью... Путешествия в другие галактики через четвертое, видишь ли, измерение, машины времени, телекинетика, психодинамика... черт, дьявол... превращение времени в энергию... Глупо, дико! Ни на грамм материализма. Кого воспитывает такое чтение? Фантазеров? Пустоголовых мечтателей?

Жена сказала:

— Хорошо, милый. Сегодня после работы я просмотрю этот журнал и подумаю.

— Спасибо, Леночка.

Он взглянул на часы, торопливо встал и поцеловал жене руку.

— Я пошел. Вернусь, вероятно, опять поздно. Перелистай этот журнальчик и постарайся отвлечь мальчугана. Пусть читает детскую энциклопедию... или исторические романы.

Нельзя позволить отравить его ум бредовыми измышлениями. Ведь он принимает все это всерьез!

Виктор Борисович выбежал из дома и прыгнул в атомокар. Он настроил кибернетическую схему атомокара на проспект Первых Межпланетников, 12, Управление Глубоких Работ. Атомокар плавно выкатился на шоссе, и Виктор Борисович включил стереовизор. Он хотел узнать, как идут работы по созданию искусственной атмосферы на Марсе. Но по главной программе передавали урок электроники для учеников шестых классов. Он вспомнил о сыне, нахмурился и покачал головой. У Виктора Борисовича был на редкость трезвый холодный ум. Он был одним из лучших инженеров большого строительства на дне Тихого океана.

И еще две очень странные пьески, сохранившиеся приклеенными к внутренней стороне какой-то азиатской газеты: то ли корейской, то ли вьетнамской. Понятны только номера страниц газеты да год издания — 1960, остальное — иероглифы. И смотрелись бы эти юморески[1] совершенно чуждыми творчеству Стругацких, если бы не их ярко выраженный стиль речи, столь знакомый по «Улитке на склоне»...

СЕ ЛЯ ВИ

(Героическая комедия в одном действии)

Действующие лица:
Тесть
Теща
Жена
Знающий мальчик
Я и моя жена

Кухня. Тесть раскладывает с тещей «носики». Жена читает по вертикали детектив. Мальчик с видом знатока ковыряет в носу. Вхожу я.

---

[1] Маленькие пьески — это сочинение АНа. Он одно время выпускал (по настроению) домашнюю газету для семьи. Это — оттуда. Очень смешные и очень точные зарисовки действительности.— *БНС.*

Я: Пожрать бы.

Все молчат. После длительной паузы Мальчик с видом знатока говорит.

Мальчик: Да. Такова жизнь.
Жена: Тебе чего, хлебца или сухарика?
Тесть: Двойка пик.
Я: Водочки ба.
Мальчик: Да. Водка хороша после работы.

Я некоторое время с изумлением гляжу на Мальчика, затем принимаюсь грызть сухарь. Жена читает детектив.

Теща: Дама треф.
Я (*жалобно*): Еще один зуб сломал.
Жена: А ты не жадничай, ешь по кусочку.
Мальчик: Да. Такова жизнь. Когда на зуб попадает твердый предмет, он ломается.
Я: Кто ломается?
Мальчик: Зуб.
Тесть: Тройка буб.
Я: Меня в армию забирают. На сборы.
Теща (*рассеянно*): Надолго?
Я: На полгода.
Мальчик: Ну, это пустяки.

Я хочу сказать кое-что, но не в силах.

Мальчик: Да, такова жизнь.
Тесть: Король червей.
Жена: А куда?

Я не успеваю ответить. Мальчик принимает академическую позу и говорит:

Мальчик: Вероятно, в Кара-Кумы.

Я хочу что-то сказать, но не могу. Вместо этого я подбираю крошки и ссыпаю их в рот.

Мальчик: Да, такова жизнь.

Теща: Надо будет еще сухариков подкупить.

Мальчик: Да, если не покупать продуктов, в доме продуктов не остается.

Тесть (*рассеянно*): Как?

Мальчик (*объясняет*): Съедят.

Жена: Бож-же...

Тесть: А-а... Пожалуй. Кстати... (*Произносит длинный монолог касательно свары между дескриптивными лингвистами и сектором языка и литературы. Никто ничего не понимает.*)

Мальчик: Да, такова жизнь. Вы бы, дединька, вызвали милиционера. Я бы на вашем месте вызвал.

Тесть и я переглядываемся. Затем мы молча поднимаемся, берем мальчика за штаны и за шиворот и выносим в уборную. Там суем его головой в унитаз и возвращаемся.

Теща: Бедный мальчик.

Из унитаза глухо: Да, такова жизнь.

ВЕСЕЛЫЙ РАЗГОВОР

(Бытовая пиэса)

Действующие лица:

Е. Е.

Л.

Передняя квартиры № 46. Полутемно. Е. Е. и Л. стоят посередине с какими-то шмутками в руках.

Е. Е.: Я думаю, Наташу можно отпустить в школу в синих штанишках.

Л.: Я тоже так думаю. Сегодня тепло.

Е. Е.: Да. Сегодня тепло и даже тает.

Л.: Да. Сегодня тает и даже лужи.

Е. Е.: Да. Сегодня лужи и даже тепло.

Л.: Да. Сегодня тепло. Тает. Лужи. Я думаю, Наташу можно отпустить в школу в синих штанишках.

Е. Е.: Я тоже думаю, что Наташу можно отпустить в школу в синих штанишках. Ведь сегодня тепло. Как ты думаешь?

Л.: Не знаю. На твоем месте я бы отпустила ее в школу в синих штанишках.

Е. Е.: Что значит на моем месте? Ты — мать.

Л.: Да нет, я не потому чтобы что, а потому что так как бы нужно.

Е. Е.: Так как же?

Л.: Не знаю. Я думаю, сегодня достаточно тепло. Лужи. Даже тает. Я думаю, можно отпустить Наташу в синих штанишках.

Е. Е.: В школу.

Л.: Да. В синих штанишках.

Е. Е.: Ну решай. Я полагаю, сегодня достаточно тепло, ведь правда?

Л.: Да. Вон лужи какие. Ну куда девочку наряжать в красные.

Е. Е.: Действительно. Нет, о красных и речи быть не может.

Л.: Значит, отправляем в синих?

Е. Е.: Думаю, в синих. А ты как думаешь?

Л.: Ведь сегодня тепло, в красных ребенку будет жарко, а какой смысл, если ребенку жарко? Придется синие.

Е. Е.: Да. Пусть будут синие. Ведь сегодня все тает... Темно что-то.

Зажигает свет. Передняя освещается. Продолжая разговаривать, Е. Е. и Л. удаляются на кухню. Передняя пуста. Одиноко горит лампа под потолком.

«ПОПЫТКА К БЕГСТВУ»

Судя по «Комментариям» Б. Н. Стругацкого, «Попытка к бегству» перерабатывалась неоднократно и материалов по работе над нею в архиве должно было быть много. Это:

1) план-разработка повести, в которой земляне будущего вместе с «сириусянами» прилетают на отсталую планету, где когда-то какая-то сверхцивилизация оставила свою мощную технику, в которой пытаются разобраться жрецы и местные ученые. В результате столкновения двух цивилизаций с одной стороны и двух (отсталой и сверхцивилизации — вернее, ее техники) с другой начинается война;

2) рабочий план и черновик (двадцать страниц — две или три главы), где действуют молодые ребята и специалист по экспериментальной психологии,— опять же с прилетом на эту отсталую планету;

3) план и полный текст повести «Возлюби дальнего», которая отличается от ПКБ тем, что в ней отсутствовал эпилог (она заканчивалась на расстреле техники Странников), а Саул Репнин — еще просто пришелец из прошлого;

4) отдельно придуманный эпилог, в котором Саул Репнин бежит из советского концлагеря, и, вероятно, правки по предыдущему тексту, делающие отсылки к прошлому Саула.

К сожалению, в архиве не сохранилось вообще ничего. Ни одного листочка с текстом или с наработками сюжета — пусть хотя бы на обороте черновиков других произведений.

Хочется, однако, верить, что где-то эта папочка лежит, погребенная под папками с переводами А. Н. Стругацкого, или в многочисленных рецензиях, или в других материалах архива, так как

обработана была только художественная его часть. Возможно, полностью эта папка и не сохранилась, но вдруг на оборотах каких-то нехудожественных материалов найдутся эти тексты. А может быть, папка с ранними текстами «Попытки к бегству» была подарена кому-то из друзей Авторов — и теперь хранится у них.

Сейчас же можно только предположить, что часть рассказа Драмбы из «Парня из преисподней» («...В зоне контакта вспыхнул неожиданно пожар, контакт был прерван, из-за стены огня раздались вдруг выстрелы, штурман группы семи-гуманоид Кварр погиб, и тело его не было обнаружено, Эварист Козак, командир корабля, получил тяжелое проникающее ранение в область живота...») была именно частью разработки-плана первого варианта ПКБ. Это можно предположить, зная, что Стругацкие обычно использовали наработки, которые не вошли в окончательный сюжет или текст планируемого произведения, для других произведений, что произошло, к примеру, с началом повести о Максиме Каммерере на планете «Надежда» (операция «Мертвый мир»), позже вошедшим в отчет Абалкина в ЖВМ.

Публиковалась же эта повесть в одном варианте практически без изменений. Если не считать, конечно, изменения названия придуманной планеты («...что-нибудь вроде Смеховины, Подраки или Бровии...»): вместо Подраки в первом издании («Фантастика, 1962») планета называлась Падрака.

И если не считать многочисленных опечаток в издании «Миров братьев Стругацких», которые значительно ухудшают тонкую стилистику текста.

Здесь опять хотелось бы показать, как изменение даже не одного слова, а всего лишь его части, размывает понимание текста либо меняет смысл до противоположного.

Конечно, опечатки есть не только в издании «Миров», просто там они встречаются с неподобающей частотой. Редактор или корректор в издании 1986 года (сборник Стругацких «Жук в муравейнике») посчитал опечаткой образное выражение в японском хокку и заменил слово УКРАЛ («Снег тихонько все украл...») на УКРЫЛ. А в издании трехтомника (1990) привычный любителям фантастики (но, вероятно, не знакомый издательским работникам) глайдер изменился на клайдер.

Но вернемся к изданию ПКБ в «Мирах». К примеру, «"Корабль" плавал в стратосфере». Вместо СТРАТОСФЕРЫ — СТАР-

ТОСФЕРА (нечто совсем уже фантастическое — Земля обладает, оказывается, не только биосферой, литосферой, гидросферой, атмосферой... но еще и сферой, из которой стартуют). Вадим пел свои четверостишья ГРУДНЫМ голосом... В «Мирах» он поет ТРУДНЫМ голосом, что непонятно.

Привычное словосочетание «обдавали жаровню водой» изменилось на «обливали жаровню водой», что в принципе верно, но менее наглядно. Да и Вадиму — лингвисту будущего — более присуще употреблять именно «книжную» форму словосочетания (в то время — уже устаревшего), чем понимать смысл действия...

«ЗДОРОВЕННЫЕ, упитанные парни в шубах» превратились в ЗДОРОВЫХ. «ПОТНЫЙ кулак с мечом» человека в шубе изменился на ПЛОТНЫЙ.

Саул за рулем глайдера. «Глайдер шел неровными толчками». Вместо НЕРОВНЫМИ — НЕВЕРНЫМИ. Из всех значений последнего слова с трудом, но можно применить значение «неправильное»...

Когда Антон пытается управлять машиной Странников, всовывая пальцы в дырочки, он ощущает «короткий болезненный укол, и в то же мгновение в двигателе что-то с рычанием провернулось». В «Мирах» последнее слово заменено на ПРОСНУЛОСЬ, что более присуще квазиживым механизмам землян.

Донесение «Лучезарному колесу в золотых мехах» от стражника пронизано уничижением пишущего: «...уголь кончается, а топить мертвецами по вашему милостивому слову мы за невежеством и недоумием не умеем». НЕДОУМИЕМ заменено на НЕДОУМЕНИЕМ, что перечеркивает подобострастность письма.

Несмотря на вышеизложенное и на некую претенциозность предисловий С. Переслегина в томах «Миров братьев Стругацких», никоим образом не хочу умалить главное достоинство этого издания, ибо более ни одно собрание сочинений Стругацких (ни первое, издательство «Текст», — по причине плохой в то время распространяемости, ни третье, издательство «Сталкер», — по причине дорогостоимости) не смогло удовлетворить многотысячную армию любителей творчества Стругацких и полностью насытить рынок книгами Авторов.

«ДАЛЕКАЯ РАДУГА»

В архиве черновиков, к сожалению, не сохранилось никаких, хотя Б. Н. Стругацкий в «Комментариях» и пишет: «Сохранились заметки. Разнообразные варианты реакции различных героев на происходящее; готовые эпизоды; подробный портрет-биография Роберта Склярова; подробный план «Волна и ее развитие», любопытное «штатное расписание» Радуги <...> Первый черновик «Далекой Радуги» начат и закончен был в ноябре-декабре 1962-го, но потом мы еще довольно долго возились с этой повестью — переписывали, дописывали, сокращали, улучшали (как нам казалось), убирали философские разговоры (для издания в альманахе издательства «Знание»), вставляли философские разговоры обратно (для издания в «Молодой Гвардии»)...» Возможно, всё это сохранилось в рабочих дневниках или в письмах? Но их публикация еще впереди...

Первая публикация повести была в сборнике «Новая сигнальная» (1963), годом позже — издание в книге совместно с ТББ, еще годом позже — в одном из томов «Библиотеки фантастики и путешествий» (приложение к журналу «Сельская молодежь»).

Первая публикация несколько отличается от остальных и, что интересно, в лучшую сторону. В некоторых местах текст был полнее, в некоторых — изменены песни (эти места были восстановлены в окончательном тексте повести в собрании сочинений «Сталкера»). И хотя в обоих вариантах нуль-перелетчики поют песню на слова из переводов С. Маршака, поздний вариант:

Когда цветут луга весны
И трель выводит дрозд,

Мы честной радости полны,
Бродя с утра до звезд...

как-то менее отвечает сущности «ревущей десятки» Габы, чем первоначальный:

Мне нужна жена,
Лучше или хуже,
Лишь была бы женщиной,
Женщиной без мужа...

«Где-то за северным горизонтом, над необозримыми пустырями мертвой земли били в стратосферу исполинские фонтаны горячей ядовитой пыли...» В первом варианте было не МЕРТВОЙ, а ВЫЖЖЕННОЙ. То есть первоначально Авторы считали, что до появления человека на Радуге там земля была не мертвой? Ибо раз «выжжено», значит было что выжигать.

В первом издании присутствует характеристика Шота Пагавы — носатый, горбоносый.

Изменения в последующих изданиях иногда путают читателя. Последовательность «пития» Горбовским соков в кабинете Директора Радуги в первом издании правильная: он смешивает коктейль из соков, потягивает через соломинку, затем, «отложив соломинку, отхлебнул прямо из стакана». Уже со второго издания и во всех последующих, смешав коктейль, Горбовский лежит, прихлебывая из стакана, а затем снова идет фраза «отложив соломинку, отхлебнул прямо из стакана», что странно.

Десантники в первом издании еще пишутся с заглавной буквы, как в «Полдне».

Убранная после первого издания фраза точно характеризовала незнание (или неприятие) физиками масштабов катастрофы. В одном из заявлений, услышанных Скляровым по радио, после слов «Не вернуться ли мне на базу? Сейчас, по-моему, не до ульмотронов» идет ответ: «Нет, уж ты, будь другом, дотерпи до конца. Все равно день пропал...»

О сносках и переводах. В первом издании, чтобы развлечь детей, Габа «запел детскую песню-считалочку». В последующих изданиях Габа «запел:

One is none, two is some,
Three is a many, four is a penny,
Five is a little hundred...»

И следует сноска: «Английская детская считалка». По-моему, правильнее было бы оставить эти слова в основном тексте, а вот в сноске дать ее перевод, по-своему смешной. Это сейчас, при общей компьютеризации читающей публики и стандартах, заданных «англоговорящей» частью планеты, английский язык на уровне этой детской считалочки знают все, но в середине шестидесятых перевод был бы полезен.

В размышлениях Горбовского в первом издании встречается фраза: «Но можно надеяться, что шахты спасут плоды трудов наших».

Отступление. С передачей текста от автора в издательство сейчас стало полегче. Все пользуются электронными версиями текста. Довести до читателя верный текст — это работа редактора, а работа начальника — бить по рукам слишком неистовых редакторов или, в противоположном случае, доказывать автору, что редактор здесь все-таки прав. При сканировании или наборе текстов, которые были опубликованы давно, все недочеты сканирующего или наборщика устраняются сверкой текста — нового со старым. Без этого получаются такие казусы... как в «Мирах».

Пропущена фраза в рассказе Патрика об очередном эксперименте: «Понимаешь, в чем соль? Жиденький такой фонтанчик...»; в первом появлении Камилла убрано «и, как всегда, лицо его выражало снисходительную скуку»; в размышлениях Горбовского о людях Радуги — «Верю, верю во что бы то ни стало»; из мысленного перечисления Горбовским — что ему жалко молодых, старых, детей — убрано: «Очень жалко труда».

Потеря «не» меняет смысл на прямо противоположный. И естественный вопрос Камиллу: «Вы хоть недавно здесь?», когда Роберт обнаруживает, что они с Таней находятся в комнате не одни, превращается в нечто странное, когда Роберт в этой ситуации спрашивает Камилла: «Вы хоть давно здесь?»

Неизвестно, зачем произошла замена яркой картинки на неопределенную. В предложении: «Поля ульмотронов перекрывают-

ся так, что резонирующая поверхность...» ПЕРЕКРЫВАЮТСЯ заменено на ПЕРЕСЕКАЮТСЯ...

Другая яркая картинка: «Атлет, красавец, физик-нулевик несет воспитательницу на плече, а воспитательница тает от любви...» Вместо «на плече» в тексте идет «на плечах», что сразу ставит в тупик читателя: то ли он перекинул воспитательницу через плечи, то ли посадил на шею, как в игре в лошадки...

Роберт включил свет и, «жмурясь от света», разговаривает с Камиллом. ЖМУРЯСЬ заменено на ЩУРЯСЬ. Картинка опять размывается, ибо «жмурясь» — это естественно, а вот щуриться можно, показывая пренебрежение и вообще нехорошее отношение к человеку, с которым разговариваешь. Простодушный Роберт может только естественно жмуриться...

Внешний вид Канэко при появлении в кабинете директора описывается так: «В гладко зачесанных черных волосах его торчали какие-то репьи...» Присутствие репьев поясняется дальнейшим текстом. Уходя, Канэко наклоняет «голову с репьями». В данном издании: «...голову с перьями». Никогда бы не пришло в голову, что Канэко — индеец...

У Горбовского появляется подруга по имени Камилла: «...меня считают чуть ли не другом Камиллы»,— говорит Горбовский и добавляет: «И все меня спрашивают, что да как». В данном издании вместо И ВСЕ стоит ИНОГДА. Разница понятна?

При чтении возникает вопрос: можно ли прыгнуть не НА, а В сиденье флаера? ЗУБЬЯ «крота», землеройной машины, превратились в ЗУБЫ. Пренебрежение Альпы в словах: «...миллиарды людей рисуют картинки, рифмуют слова...» смазывается заменой КАРТИНКИ на КАРТИНЫ. Когда Ганс пересказывает размышления Камилла, смысл фразы «Человек рождается эмоциолистом или логиком» кардинально меняется заменой ИЛИ на И. А когда тот же Ганс на заявление Банина о невозможности раскола человечества на эмоциолистов и логиков (в противоречие версии Камилла) говорит: «Я тоже так подумал»,— добавляя: «Но он [Камилл — С. Б.] говорил...», ПОДУМАЛ — это реакция Ганса на слова Камилла. В случае публикации в «Мирах» слово заменено на ДУМАЮ, что говорит об общих воззрениях Ганса.

В Гринфилде вместо ЗАПАДНОЙ окраины появляется ЗАПАСНАЯ окраина. После бегства ученых из Гринфилда «площадь была

пуста, газоны вытоптаны, всюду валялись ценнейшая уникальная аппаратура, коробки с уникальными записями, и легкий ветерок лениво перелистывал уникальные дневники уникальных наблюдений». Последнее слово в данном издании исправлено на НАБЛЮДАТЕЛЕЙ. И чем же они уникальны?

Роберт, видя сверху (из флаера) детей рядом с аэробусом, думает: «Странно, какие они все маленькие!» В данном издании вместо СТРАННО — СТРАШНО.

Душный КИСЛОВАТЫЙ запах денатурированного базальта превратился в КИСЛОТНЫЙ[1]. Институт дискретного пространства — просто в институт пространства (как-то это слишком расплывчато).

Размывается и яркая зловещая картинка в эпилоге. «Справа от них была черная, почти до зенита, стена, и слева была черная, почти до зенита, стена, и оставалась только узкая темно-синяя прорезь неба, да красное солнце, да дорожка расплавленного золота...» Помните? А теперь уберите «и слева была черная, почти до зенита, стена...», как это произошло в «Мирах».

---

[1] Слово «кислотный» имело в 1962 только одно значение: содержащий кислоту, скажем, кислотный раствор. Дополнительные жаргонные значения это слово приобрело только лет через 15—20, а главное, оно стало куда более распространенным. В общем, выражение «кислотный запах» выдает возраст наборщика.— *В. Д.*

«ТРУДНО БЫТЬ БОГОМ»

РУКОПИСИ

Полных черновиков ТББ не сохранилось. Нет варианта с доном Рэбия, нет раннего варианта без Араты...

Из черновика с доном Рэбия уцелела лишь одна страничка, из которой можно узнать, что Королевская площадь первоначально называлась площадью Благосостояния.

Этот, первоначальный вариант, судя по записям работы над рукописью, состоял из восьми глав и эпилога (на 2 главы и пролог меньше). Меньше был и его объем — 7,5 авторских листа.

К этому же или, может, вообще к первоначальным задумкам относится сохранившаяся карта местности с названиями: Варвары, Королевство Вертимур, Герцогство Картагенское, Свободный город Горгия, Бау, Картагена, Внутреннее море и Империя. Сохранился и перечень имен, которые Стругацкие намеревались задействовать в этой повести: «Румата, Мика, Тамэо, Хамахар, Киун, Арканар, Рэбия, Удина, Бако, Пампа дон Бау, Ирукан, Тоц, Дрэгон, Соа, Сиу, Пэх, Ы, Вага, Ирма, Кабани, Кондор, Гуг, Будах, Кац, Фуман, Багир, Кси, Пэрта Позвоночник, Сатарина, Уно, Мидара, Рипат, Пифа, Сэра, Акана, Кин, Тарра, Нанин, Цурэн, Пит, Каску, св. Тукка, Тата, Синда, Пэпин Славный, Гур, Кэу, Сикка, Цупик, Аба, Арата Горбатый, Муга, Кикус, Тибак, Фика, Пакка, Арима». Там же, на этом листочке, есть зарисовки и интересная фраза около «Гл. I»: «Больше комаров вдоль главы». Это замечание относится к одной из задач, поставленных Авторами: «Это можно написать весело и интересно, как «Три мушкетера», только со средневековой мочой и грязью, как там пахли женщины, и в вине была масса дохлых мух».

Сохранился и список вопросов, которые Авторы рассчитывали обрисовать в тексте. Часть вопросов перечеркнута, около других поставлены «крестики» (выполнено).

1. Наблюдение — эксперимент — операция.
2. Метафоры нашего времени.
3. Чуждость психологии (менее понятны, чем тагорцы).
4. Рассуждение о роли воображения.
5. Упоминания об Ордене.
6. Все интеллигенты занимали крупные посты.
7. Причины дружбы и любви. Пампа и Кира — Румата.
8. Возможность: униженное предложение Рэбия.
9. Любознательность Руматы («Зачем вы пьете?»).
10. Противоречие: люди — животные. Никак не заставил себя думать о них хорошо.
11. Даже здесь выдающиеся мерзавцы действуют не ради покоя, а ради действия.

Как известно, Арату в «Трудно быть богом» настоятельно рекомендовали вставить издательские работники. Вернее, рекомендовано было вставить борьбу рабочего класса, а когда АБС справедливо заметили, что там нет рабочего класса вообще, борьбу крестьянства. О переработке ТББ по включению Араты в архиве сохранились заметки. Судя по записке, Авторам было предложено поработать над следующими вопросами:

1. Пролог. Учесть, что действие происходит за 20 лет до романа.
2. После гибели Оканы ввести упоминание и рассуждения о ней (утро Руматы: письмо от доны Оканы).
3. Принизить Рэбу: дать понять, что это мелкий интриган и запутавшийся негодяй (в главе допроса и в беседе с Кондором).
4. Глава с Аратой.

План работы над четвертым пунктом тоже сохранился:

Глава № X

1. Румата возвращается к себе в кабинет и находит там Арату.
2. Арата в монашеском одеянии, приехал с Орденом.

3. Все «политруки» у них горбатые и увечные, поэтому Арату не заметили.

4. Как попал в дом? Так, как никто, кроме меня, не пройдет.

5. Дело Араты (излагает): надобно золото.

6. Биография Араты через внешность: клеймо, выбитый глаз, горб, проломленный нос, без пальцев на левой руке. На правой руке — кольцо от цепи (им он убивал).

7. Разговор о планах:

Каковы планы у Араты, что он делает и что собирается.

Становится ясно, что он не надеется победить.

8. Румата: а какова твоя конечная цель?

9. Ответ Араты:

1) из истории пиратства — республика на воде;

2) из истории империи — первый император — крестьянин;

3) император понижает цену на водку.

10. Взгляды Араты на крестьянство. (Будучи пиратом, ограбил Соанскую библиотеку, читал, пока заживал горб.)

11. Арата рассказывает о Ваге Колесе — его конец.

12. Арата считает Румату «добрым призраком». Он живет в мире, где за одним углом кровавый призрак, за другим — ведьма. С призраком он схватится на мечах, ведьме переломает кости, а доброму призраку снисходительно скажет: отойди и не мешай.

13. Ответы на возражения Брускина[1]: доброта не может, только ненависть. Надеюсь, доживу до того, когда вы возненавидите то, что сейчас жалеете. Лучше не мучайтесь, уходите отсюда.

14. Вопросы Брускина.

15. Земляне потеряли что-то. Нет сплошного преимущества перед людьми прошлого. Те, кто были на баррикадах, умели то, что не умеет сейчас никто на Земле. Чем вам еще можно помочь?

16. Уход Араты: «За мной шпик. Впрочем, не надо. Я сам».

И сохранился рассказ «Дорожный знак», который позже послужил прологом к ТББ. Текст рассказа практически не отлича-

[1] Д. Брускин, известный переводчик С. Лема, один из друзей БНС в 60-е годы.— *С. Б.*

ется от пролога ТББ, за исключением названий. Во время написания рассказа Авторы еще не выдумали Арканар, его окрестности и его жителей. Ребята еще играют в земных пиратов. Вместо сайвы упоминается сельва, вместо ста золотых — два миллиона кило стерлингов, вместо коры белого дерева — кактус пейотль, вместо ируканских пиратов — голландские, а вместо Урочища Тяжелых Мечей — пылающий Порто-дель-Карто.

Обращений «благородный дон» и «дона» в рассказе также не было, вместо них — «hombre» и «mañana» (видимо, имеется в виду «muchacha»), аккуратно вписанные в пропущенные места машинописного текста. Кстати, обращение к женщинам «дона» было придумано Стругацкими, ибо у нас, на Земле, женский род к слову «дон» — «донья» (испанское) и «донна» (итальянское и португальское), что было замечено одним въедливым корректором.

Имена же, упоминаемые в рассказе, Авторами были взяты из приключенческой литературы (А. Дюма, Р. Стивенсон, Жюль Верн, О. Генри), так любимой мальчишками советских времен: Генрих Наварра (маршал Тоц), Себастиан Перейра (Бон Саранча), Великий Альвец (дон Сатарина Беспощадный), Джон Гопкинс (Арата Красивый). Интересна переделанная фраза о последнем персонаже. Вместо «Да разве станет Арата связываться с таким негодяем, как ты!» в рассказе говорится: «Да кто же не знает, что Гопкинс со всей своей компанией уже год как национализирован!» (Ср. в ПХХIIВ: «Данную акцию мистера Гопкинса одобряю. Жду следующих в том же духе. Кондратьев».)

Единственный персонаж, чье имя было придумано Стругацкими уже давно, но до того времени не было нигде задействовано, «Румата-Освободитель», был изменен в прологе на Гексу Ируканского. Ибо странно было бы будущему Румате играть в Румату...

Более поздние черновики, где Рэбия уже стал Рэбой, сохранились лишь отрывочно на оборотах рукописей ХВВ и ГЛ. Улица Премногоблагодарения в них значится как Куроедова улица, Урочище Тяжелых Мечей — Урочище Больших Мечей. Отец Гаук в них собственного имени еще не имел — просто хозяин оружейной лавки.

В этих же черновиках, мало отличающихся от окончательного текста повести, присутствуют и интересные варианты отдельных отрывков. К примеру, интересное дополнение к эпизоду, когда Румата отдал бумагу смотрителю:

— Ну и пишут же люди! Все как есть. Отдай, мол, Будаха-отравителя сему дону. Ты, дон, постой в сторонке...

По-другому спорили и Румата с Будахом (начало спора, к сожалению, отсутствует):

...королей, слово раб станет непонятным, и все люди станут учеными...

— А! — сказал Будах и махнул рукой.

— Уверяю вас,— сказал Румата, развеселившись.— Будет такое время! Человек посмеется над вашими пирамидами и станет сам управлять историей... Ему больше будет нравится работать, чем отдыхать, он будет всемогущим и всезнающим.

— У вас богатое воображение,— с удовольствием сказал Будах.— Это хорошо. Вы грамотны? Прекрасно! Я бы с удовольствием позанимался с вами. Потому что, мой благородный друг, воображение никак не может заменить знание. Вероятно, все, что способен вообразить человек, существует где-то в неизвестности. Но вообразить и познать — это совершенно разные вещи. Вот например, вы наверняка легко можете вообразить себя отцом,— лицо его вдруг стало удивительно добрым и ласковым,— но я вижу, вы не знаете, что вот эта милая молодая женщина ожидает ребенка. И я вижу, она этого тоже не знает...

Румата заморгал, медленно повернул голову и встретился взглядом с испуганными глазами Киры. Доктор Будах еще долго и, кажется, очень тонко разглагольствовал о соотношении между воображением и знанием, но ни Румата, ни Кира не слыхали больше ни слова.

Позже этот отрывок был переделан из-за мелодраматичности эпизода, а жаль[1]. Была бы еще возможность читателю порассуждать о воображении и познании.

[1] Жаль... А по-моему, мелодраматичность в ТББ никак не вписывается, и вообще ни к чему ставить земного разведчика в нелепое положение перед пещерным ученым. Особенно в этой сильнейшей сцене, «посоветуйте богу». Что же до соотношения воображения и знания, то какие такие у Будаха знания? О сушеной селезенке вепря Ы? — *В. Д.*

Какие-то особенности и странности, отмеченные Руматой при выходах в город, обдумывались им позже — наедине с собой. В рукописи размышления шли сразу за новостями и были отстраненными от героя. Скорее, передавались не мысли главного героя, а рассказ об этих мыслях. Перед разговором с Вагой Колесом:

И сейчас Румата был озадачен. Он не надеялся найти ночного короля так быстро. Вага в городе! Это надлежало тщательно обдумать.

Когда Румата узнал, что он обворован и чуть не зарубил ухмыляющихся штурмовиков:

Тогда он сразу остыл, ему стало смешно и стыдно. Положив ладони на рукоятки мечей, он двинулся домой, посвистывая сквозь зубы и с некоторой горечью размышляя о том, что нервы у него стали не те. Что если все пойдет дальше таким же путем, то скоро он примется рубить всех в капусту направо и налево. Впрочем, это, наверное, сказывалось напряжение последних недель и темное неопределенное ощущение каких-то грозных неотвратимых событий.

Убирается и публицистичность...

Если бы не были так темны крестьяне, если бы не были так разъединены ремесленники в тысячах крошечных мастерских, если бы они уже были способны подняться над мыслишками о лишнем медяке — словом, если бы было кого объединить, научить, направить. Нет, серая волна в Арканаре поднялась слишком рано вопреки всем теориям и ожиданиям...

<...>

Для Руматы, редко сталкивавшегося с детьми, десятилетний принц был антиподом всех сословий этой дикой страны: и тупых запуганных крестьян, и замученных ремесленников, и невежественных звероподобных лавочников, и оскотиневших в своих замках баронов, и развратного глупого дворянства.

И даже размышления «в лоб»:

...и снова поднялся в гостиную, лег на диван и с некоторым усилием заставил себя вернуться к мыслям о Будахе. По-видимому, случилось самое вероятное. Дон Сатарина и Вага Колесо к Будаху не причастны. Значит, все-таки дон Рэба.

Убирается излишняя фантастичность: плазменные взрывы заменяются выстрелами, плазменные пистолеты на пулеметы, а лучевые удары убираются вообще.

В заявлении дона Сэры «а эти девочки (он указал на караульных гвардейцев, игравших в карты за другим столом) пусть идут сюда» было добавление: «Я буду их ласкать». Речь и так смешна, лишнее Авторы убирают. Как убирают и фразу в обсуждении покушения на короля: «Однако все решительно сомневались относительно возможности пребывания на королевском ложе доны Мидары или какой-нибудь иной доны».

Архаизмы из речи Руматы убраны тоже («давеча», «братец»), как и книжное «искушен в истории» заменено на «силен в истории». Чистится и речь остальных персонажей. Из речи барона Пампы убрано «король, на которого я, впрочем, чихал».

Хотя некоторые эпизоды в черновиках были описаны более зримо и как-то знакомей... К примеру, опьянение Руматы.

Этой ночью неодолимое ощущение чего-то страшного, надвигающегося на город, стало таким давящим, таким острым и горьким, что он сдался. Да, давайте называть вещи своими именами: он сдался. Как никогда отчетливо он ощутил свое совершенное бессилие в этом грязном и алогичном мире. Он даже не заметил, как им овладело отчаяние. Эксперимент? Наблюдение? Да разве может коммунар, настоящий человек, быть наблюдателем? Разве может землянин спокойно и равнодушно наблюдать всю эту подлость и безобразие? А если не может, то зачем я здесь?[1] Обстоятельства убили во мне человека. Челове-

[1] А мне вот жаль этого куска, он лучше того, что в романе. Румата и в самом деле плохой разведчик — он пришел не разведывать, а спасать. И здесь это есть: «Разве может коммунар?..» Может, если это не актерствующий историк, а профессионал-Прогрессор. Тойво Глумова, который через десятилетия сменил Румату в Арканаре, мучили совсем другие проблемы, нежели судьбы туземцев. — *В. Д.*

ка больше нет. Есть Румата Эсторский, благородный дон! Так падайте же, дон Румата Эсторский, падайте, черт вас возьми. Падайте вместе со всем этим миром. И он упал. Как-то незаметно для себя он обнаружил, что мир не так уж плох, что безденежные доны — настоящие остряки, а выходки барона просто очаровательны. Он ощутил непреодолимую потребность избить какого-нибудь неприятного типа. И кажется, он неоднократно делал это под одобрительные возгласы собутыльников, и эти одобрительные возгласы чрезвычайно льстили его самолюбию. Он дошел до такого состояния, когда все кажется простым и ясным, и он окончательно понял, что он в самом деле Румата Эсторский, наследник двадцати поколений великих предков, прославленных грабежами и пьянством, а дон Рэба просто жалкий выскочка, которого надлежит осадить, в отличие от короля, личности, несомненно, светлой, хотя и уступающей ему, Румате, в родовитости... А суть жизни заключается в том, чтобы безудержно пить, рубить мечами столы (одним махом, наискось, пусть все знают), тискать служанок и вообще делать все, что хочется. А Земля, Эксперимент — вздор, очень бла-ародно, но совершенно непонятно, как там насчет баб...

Мысли о том, что он — плохой разведчик, что он ненавидит реально, хотя должен только жалеть, в рукописи продолжены:

Но почему — в трясину? Что это, собственно, значит? Перестать быть бесстрастным наблюдателем? Дать волю эмоциям? А если сама идея Эксперимента порочна? Разведчика посылают сюда в уверенности, что он будет работать, как работают на необитаемых планетах. Что он будет наблюдать, постигать, делать выводы. Никаких эмоций. И на Земле он сам в этом уверен. Все необычайно просто. На необитаемую планету посылают люди, которые собираются перестроить ее природу. В инопланетное общество посылают люди, которые собираются перестроить это общество. Вот и вся разница. В обоих случаях от разведчика требуется любовь к делу, большие знания и быстрая реакция. Отличная аналогия. Очень утешительная для тех, кто изучает историю по книгам. Только забывают, что на необитаемой планете не плюют в живую человеческую душу, не льется красная кровь, не глумятся над всем, что нам дорого.

Забывают, что это страшнее самых страшных извержений, землетрясений, ураганов, страшнее самых страшных чудовищ — электрических, кристаллических, химических и какие там есть еще. Забывают, что разведчик — это землянин, коммунар, человек, рожденный для борьбы, для действия, для радости победы...

ИЗДАНИЯ

Слово «книгочей» мне всегда казалось придуманным, составленным из двух слов «книга» и «грамотей». Причем пренебрежительное значение второго слова удачно ложилось на значение новообразованного — в книге. Замена в издании ТББ в «Библиотеке современной фантастики» этого слова на «книгочий» повлекла за собой пересмотр словарей, и в результате обнаружилось странное несоответствие. В словаре Даля есть слово «книгочий» с двумя значениями: «любитель чтенья, много читающий» и церковное «книжный, письменный человек, письмовод». В словаре Ожегова есть слово «книгочей» со значением «человек, любящий читать, увлекающийся чтением». В современном словаре русского языка и в словаре Ушакова этого слова ни в том, ни в другом написании нет. Неизвестно, придумали Авторы это слово или взяли его откуда-то, но смысл его в повести отличается от встречающихся. Мало просто читать книги, чтобы быть книгочеем, Кира ведь не книгочей. Ученый, изобретатель, поэт — человек созидающий и глубоко мыслящий — новое значение этого слова, данное Авторами[1].

Если же говорить об именах и различных названиях в фантастических произведениях, то их появление и употребление в тексте часто весьма любопытны и привлекают исследователей. Выдуманные Стругацкими имена персонажей в ТББ интересны не только привязкой к месту («Румата» — два японских иероглифа)

[1] Думаю, все же не совсем новое, а возрожденное. Это у нас, современных, нет такого общего понятия — ученый, поэт, читатель (и писатель) книг, не просто грамотный, а именно книжный человек. А в Арканаре все применяют это слово абсолютно правильно. (Но, заметим, с презрением, как ругательство. Такая уж эпоха...) — *В. Д.*

или прототипом (Берия-Рэбия-Рэба), но и лингвистическими вопросами. К примеру, в рукописи и первых изданиях слово «Рэба» не склонялось, позже (может быть, став привычным для Авторов?) стало склоняться. То же произошло у дона Сэры («дона Сэра» в первых изданиях) и брата Абы («брата Аба»). Даже о единице измерения в тексте говорится поначалу как не о децирэбах, а о децирэба.

Издателя любое придуманное слово или словосочетание настораживает. Так и хочется заменить незнакомое, непривычное чем-то известным, употребляемым. Так произошло в издании ТББ в «Библиотеке современной фантастики», где в одном месте вместо Арканара стоит Анкара. Так в издании «Миров братьев Стругацких» произошло с действием, отгоняющем нечистого. В ТББ многие жители Арканара для этого ОМАХИВАЮТСЯ большим пальцем. Похоже на «крестятся щепотью», но отличается от привычного и поэтому добавляет колорит. В «Мирах» они ОТМАХИВАЮТСЯ. Можно было бы просто попенять на невнимательность, но... попробуйте отмахнуться большим пальцем...

Иногда варианты одного слова ставят не только издателя, но и исследователя в тупик. К примеру, известное стихотворение Гура Сочинителя:

«Велик и славен, словно вечность,
Король, чье имя — Благородство!
И отступила бесконечность,
И уступило первородство!»

В изданиях в последней строке иногда употребляется «уступило», иногда «уступила», что меняет смысл, но не меняет сути. Как хотели сказать Авторы, можно узнать в рукописи. Там именно «уступила»[1].

Издания начала 80-х годов возмутили любителей творчества Стругацких политическими правками в тексте. Исправление «товарища» на «мужика» в диалоге Румата — Кира:

---

[1] Очень интересно! «Уступила» — лучше, цельнее. Здесь всего два субъекта: Благородство и бесконечность, и последняя отступает и даже признает себя вторичной, неперворожной. А в варианте «уступило» приходится домысливать третье лицо — первородство. Можно, конечно, с натяжкой принять его за дворянство, но получается коряво.— *В. Д.*

«— Барон Пампа — отличный товарищ.

— Как это так: барон — товарищ?»

Стихи УЛЬТРАПАТРИОТИЧЕСКОГО содержания стали стихами ультраарканарского содержания. В фразе: «...И серые люди, стоящие у власти...» — «серые люди» исчезли. Полюбившуюся фразу «весь народ, в едином порыве» заменили на просто «все». Вместо «гнева народного» поставили «правосудие». Из провозглашаемого доном Тамэо «Я был убежден, что он в конце концов свергнет ничтожного монарха, проложит нам новые пути и откроет сверкающие перспективы» исчезла вся вторая половина: «Я был убежден, что он в конце концов свергнет ничтожного монарха». Изменено было и другое знаменитое высказывание дона Тамэо: в фразе «дабы вонючие мужики» слово ВОНЮЧИЕ поменяли на ГРЯЗНЫЕ.

В таком виде ТББ издавался до конца восьмидесятых, пока не вышло первое собрание сочинений Стругацких в издательстве «Текст». И там бы оно вышло в таком же переделанном виде (произведения для собрания брались, в основном, по последним изданиям), если бы не настойчивость Алексея Керзина, «людена»-москвича, узнавшего об этом и заставившего возвратить любимые фразы уже при верстке тома.

«Миры братьев Стругацких» опять внесли свою лепту в текст ТББ. Из эпиграфа Хемингуэя повтор «Ни при каких обстоятельствах» выпал. В прологе изменено: в лесу было «тихо и томно», «Миры» — «тихо и темно». В ответе Киры («Я не могу думать о других») на Руматово «Счастлив тот, кто думает о других», вероятно, смысл не понравился издателю (разве подруга Руматы может так говорить?), поэтому она отвечает: «Я не могу не думать о других».

И пропуски, пропуски, пропуски... Так же, как в свое время любители ТББ, знающие текст почти наизусть (во всяком случае, «любимые кусочки»), негодовали, видя искажения в изданиях начала 80-х, и здесь современный читатель будет тщетно искать после «Мы знатоки боевых верблюдов» замечание Руматы на эту тему: «Хорошо, что в Арканаре почти нет верблюдов». Его там нет. В предложенном Будахом описании системы общества («Внизу крестьяне и ремесленники, над ними дворянство, затем духовенство и, наконец, король») исчезла средняя часть, получилось обрезано: «Внизу крестьяне и ремесленники, над ними король».

Впрочем, об этом издании не стоило бы говорить, если бы не его столь многотысячный тираж. Мы знаем, каково оно было, но молодое поколение будет впервые читать ТББ именно в этом издании. Тем более что ТББ уже изучают в школах.

ПЬЕСА И КИНОСЦЕНАРИЙ

Почитатели творчества какого-либо писателя обычно настороженно относятся к киноверсиям или театральным постановкам по любимому произведению, даже если киносценарий или пьесу писал тот же самый автор. Любой отступ от канона (сюжета и повествования произведения) раздражает широкую публику. Но по таким изменениям произведения можно понять не только насколько литература отличается от кино или театра, но и, отслеживая конкретные переделки в тексте, узнать, что для самого автора является в его произведении основным (уж это-то он переделывать или выбрасывать не будет), либо увидеть, как изменилось само мировоззрение автора и его отношение к своему детищу, если пьеса или киносценарий писались спустя некоторое существенное время после написания основы — прозаического произведения.

Здесь не будут отслеживаться различия между прозаическим произведением и его кино- или сценоверсиями, так как основные тексты опубликованы и сравнить их может каждый желающий. Но различные варианты киносценария или пьесы, при наличии материала, будут рассмотрены.

Пьесу «Без оружия», опубликованную в «Мирах братьев Стругацких», Авторы считали неудачной. Настолько неудачной, что, формируя состав томов собрания сочинений «Сталкера», Б. Н. Стругацкий вычеркнул ее из перечня публикуемых пьес и киносценариев, чем подверг некоему сомнению свою же фразу о «наиболее полном собрании сочинений».

Любитель творчества Стругацких найдет в ней немало интересного, широкий читатель, как всегда, возмутится многочисленными изменениями в сюжете (брат Аба, духовное лицо, превратившийся в серого штурмовика и брата Киры; Будах, приобретший черты и биографию Кабани; сцены бесед доны Оканы и Киры и многое другое), но ведь ставили же эту пьесу в театрах, пусть хотя бы и в любительских! Даже тогда еще, когда пьеса по ТББ не была

опубликована, находились почитатели ТББ, которые сами писали пьесу по повести. К примеру, в театре Олди[1] — с песнями и стихами.

Пьеса же самих Авторов по ТББ существует в двух версиях: «Без оружия», о которой шла речь выше, вторая — с подзаголовком «Человек с далекой звезды». Вторая версия может несколько обескуражить читателя, когда он прочтет, что дело происходит на Гиганде (уж не «Парень из преисподней» ли?), что землянин случайно оказался на этой планете, потерпев аварию, и долго думал, что он — один-одинешенек, пока не узнал, что земляне уже долго и осторожно исследуют данную цивилизацию (уж не «Обитаемый остров» ли?)...

Впрочем, так как второй вариант опубликован был лишь единожды, да еще в приложении к новокузнецкой газете «Пресс-курьер» в 1991 году, да еще в сокращении... Чем описывать многочисленные изменения при сравнении данного варианта с другой версией пьесы по ТББ либо с самим романом, лучше дать этот вариант текста полностью, а уж маститые литературоведы-критики поспорят, какой из вариантов лучше и где ярче выражена идея произведения...

Аркадий Стругацкий,
Борис Стругацкий

БЕЗ ОРУЖИЯ

(Человек с далекой звезды)

Пьеса в 2-х действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Румата (он же Максим).
Кира (она же Уно).
Будах.

---

[1] Кстати, о привычности имен собственных. Сейчас, когда, пожалуй, уже все знают, что под псевдонимом «Генри Лайон Олди» скрываются два харьковских писателя, «Олди» стало привычным наименованием, и я с трудом удержалась, чтобы не написать: «В театре Олдей». — *С. Б.*

Арата.
Рэба.
Муга, камердинер Руматы.
Кондор (он же Александр Васильевич).
Пилот.
Цупик.
Штурмовики, монахи.

ПРОЛОГ

По авансцене перед закрытым занавесом под грохот барабана маршируют серые штурмовики — серые рубахи до колен, серые штаны, черные сапоги, на правом плече — топор, на правом предплечье — знак: белая повязка с черной трехвостой свастикой. Последние два штурмовика волокут на веревке связанного избитого человека в партикулярном платье.

За занавесом на фоне шума толпы — крики:

— Братья! Вот они, защитники! Разве эти допустят? Да ни в жисть!

— А мой-то, мой-то... На правом фланге! Вчера еще его порол!

— Да, братья, это вам не смутное время! Прочность престола, спокойствие! Ура, серые роты!

— Ура, дон Рэба! Слава королю нашему!

— Книгочеев — на кол!

— Грамотеев — на фонарь!

— Ура, орел наш дон Рэба!

Штурмовики проходят, шум стихает, занавес раздвигается. На сцене внутренность Пьяной Берлоги, убогое помещение с корявыми бревенчатыми стенами, крошечное окошко, одна дверь на выход, вторая — в соседнюю «комнату». Стол, две длинных скамьи. За столом над грудой обглоданных костей и кусков вареной брюквы, прочно ухватив огромную глиняную кружку, восседает пьяный Будах. Седой красавец в растерзанном платье средневекового горожанина, он немузыкально мурлыкает какую-то мелодию. Слышится стук копыт, стихает. В Берлогу входит Румата — лет двадцати, в дворянском одеянии, при шпаге и пистолетах.

Румата. Добрый вечер, отец Будах!
Будах (*хрипло*). Я вас приветствую, дон Румата!

Румата подходит к столу, бросает на стол перчатки и садится на скамью напротив Будаха.

Ящик... Это мы говорим, будто мы выдумываем. На самом деле все давным-давно выдумано. Кто-то все выдумал, сложил все в ящик, провертел в крышке дыру и ушел... Тогда что? Приходит отец Будах, сует руку в дыру. Х-хвать! Выдумал! Я, грит, это самое и выдумывал! Сую руку — раз! Проволока с колючками. Скотный двор от волков... Молодец. Сую руку — два! Умнейшая штука — мясокрутка. Нежный мясной фарш... Молодец! Сую руку — три! Горючая вода... сырые дрова разжигать...

Будах замолкает, голова его клонится к столу. Румата берет кружку, заглядывает в нее, с отвращением отшатывается, трясет головой. Наливает несколько капель на тыльную сторону ладони, брезгливо принюхивается, затем тщательно вытирает руку платком. Будах выпрямляется.

Кто сложил все в ящик — он знал, для чего это выдумано... Колючки от волков? Это я, дурак,— от волков... Рудники, рудники оплетать этими колючками! Чтобы рабы с рудников не бегали! А я не хочу! А меня спросили? Спросили! Колючка, грят? Колючка! От волков, грят? От волков... Хорошо, грят, молодец! Оплетем рудники... Сам дон Рэба и оплел. И мясокрутку мою забрал. Молодец, грит! Голова, грит, у тебя!.. И теперь, значит, из грамотеев нежный фарш делает... Очень, говорит, способствует...

Будах хватает кружку и с рычанием припадает к ней. Сует кружку на стол и засовывает в рот кусок брюквы. По щекам его текут слезы.

Или вот — горючая вода... Для растопки костров и производства веселых фокусов. А ее в пиво ежели — цены пиву не будет. А я ее и без пива... День пью. Ночь. Опух весь. Падаю все вре-

мя. Давеча, дон Румата, не поверишь, к зеркалу подошел — испугался... Смотрю — помоги господи! — где же отец Будах? Морской зверь спрут — весь цветными пятнами иду. То красный. То синий. Выдумал, называется, воду для фокусов... (*Будах сплевывает, затем спрашивает.*) Какой нынче день?

Р у м а т а. Канун Каты Праведного.

Б у д а х. А почему нет солнца?

Р у м а т а. Потому что ночь...

Б у д а х (*с тоской*). Опять ночь...

Он падает лицом в объедки. Румата обходит стол, берет Б у д а х а под бока и уволакивает в соседнюю «комнату». Возвращается, оглядывает помещение. Берет со стола кружку, выливает содержимое в угол, в крысиную нору. Затем берет веник, смахивает мусор со стола и подметает пол. За это время из соседней «комнаты» доносятся сонные возгласы Будаха: «Гиена вы, дон Рэба, вот вы кто!» и, на игривый мотивчик, начало песенки: «Ты как цветочек аленький в моей ладошке маленькой», затем густой храп.

Прибрав помещение, Румата садится к столу и задумывается, подперев голову ладонью. И вдруг настораживается, прислушиваясь. Слышно нарастающее характерное жужжание вертолета. Жужжание усиливается, перерастает в оглушительный грохот и смолкает. Румата встает (видно, что он очень волнуется). И в Берлогу входят двое.

П е р в ы й — сухощавый, пожилой, с бородкой клинышком, в обтягивающем бархатном костюме средневекового вельможи, при шпаге и в шляпе с пером. В т о р о й — в серебристом рабочем комбинезоне землянина 22-го века, моложавый, курносый, в пилотском шлеме.

Румата, протянув к ним руки, делает шаг вперед, но пожилой срывает шляпу, делает глубокий поклон, согнув ногу в колене, усаживается на скамью, поставив шпагу между колен.

П и л о т. Благородные доны, прошу познакомиться. Генеральный судья и хранитель больших государственных печатей торговой республики Соан, вице-президент Конференции двенадцати негоциантов и кавалер имперского Ордена Десницы милосердной дон Кондор.

Пожилой важно наклоняет голову.

Дон Румата Эсторский Восемнадцатый, единственный отпрыск и наследник рода герцогов Румат Эсторских.

Румата кланяется Кондору и садится.

А по-нашему, по-земному,— резидент Института экспериментальной истории в Соане на Гиганде Александр Васильевич Симонов и курсант Ленинградской школы высшей космогации Максим Литвинчев.

Румата (*бормочет*). Бывший курсант...

Пауза.

Кондор (*резко*). Как ты сюда попал?

Румата. Вышел в первый самостоятельный рейс. Предельно простая программа — Земля — система ЕН 22. Дурацкая случайность, уникальный случай: на втором промежуточном выходе из подпространства врезался в голову кометы. Киберпилот не успел сработать — у него время релаксации полторы секунды,— получил две пробоины под индикаторное кольцо. Два месяца блуждал на планетарных двигателях по местной системе, пока не добрался до Гиганды. Благополучно и скрытно сел в тридцати километрах от Эстора.

Кондор. Потом?

Румата (*пожимает плечами*). Вживался, изучал язык... Здесь очень ценится золото, а у меня был полевой синтезатор... настроил его на производство золота из морского песка... Скитался, долгое время не знал, как быть... насмотрелся здесь всякого. Думаю: надо вживаться. Я же не знал, что на Гиганде есть наши, земляне... Год назад попал в плен к ируканским пиратам. Соседом по веслу оказался Румата Эсторский, его захватили за месяц до меня. Хороший парень, но совершенно безмозглый... Пираты его убили, и тогда я...

Кондор. Ну?

Румата (*опустив голову*). Мне не хотелось бы говорить об этом. Короче говоря, мне удалось освободиться, я привел га-

леру к берегам Арканара, распустил пленников, а сам под видом Руматы пустил корни в столице...

П и л о т. Замаскировался он превосходно. Орловский так и не заподозрил его. И если бы не это несчастье, мы бы тоже проглядели его...

Кондор поднимается и в раздумье прохаживается по Берлоге. Останавливается перед Руматой.

К о н д о р. Тосковал по Земле?

Р у м а т а. Да. Очень. Думал, что никогда больше не увижу...

К о н д о р. Увидишь. И очень скоро. Отправишься на Землю сегодня же... (*Поворачивается к Пилоту.*) Субмарина на месте?

П и л о т. Так точно, Александр Васильевич.

К о н д о р (*снова поворачивается к Румате*). Вот так. Полчаса лету до Зеленой бухты, там на субмарину, через два часа будешь на полярной базе и — домой.

Р у м а т а (*отступает на шаг*). Погодите... Как это — домой?

К о н д о р. На Земле мать по нему с ума сходит... Отец работу забросил... девицы какие-то звонят непрерывно...

Р у м а т а. Погодите, Александр Васильевич... Это невозможно. Я не могу отсюда уехать...

К о н д о р. То есть как это — не можешь?

Р у м а т а (*решительно трясет головой*). Не могу. Я здесь столько увидел... столько узнал... Нет, мое место здесь. Отныне и навсегда — мое место здесь.

Пилот и Кондор переглядываются.

(Страстно.) Поймите, я ведь не историк... Когда я оказался на Гиганде, я подумал, что здесь происходит что-то ужасное... какое-то стихийное бедствие, что ли... И только потом убедился: здесь просто своя жизнь, здесь так живут, вот и все... Но так же нельзя жить, как они... А уж здесь, в Арканаре...

К о н д о р (*недовольно*). Тихо, тихо, не так темпераментно...

Р у м а т а. Простите... Вот сейчас этот орел наш, министр охраны короны, дон Рэба... Ведь он сознательно натравливает всю серость в королевстве на каждого, кто хоть немного поднимается над средним серым уровнем! Если ты умен, образован...

да просто не пьешь вина, наконец! — ты под угрозой. Любой лавочник вправе затравить тебя хоть насмерть. Сотни и тысячи людей объявлены вне закона. Их ловят штурмовики и развешивают вдоль дорог. Голых, вверх ногами...

К о н д о р (*криво усмехаясь*). И ты, разумеется, возмущен тем, что мы здесь сидим и бездействуем...

Р у м а т а (*после короткого молчания*). Нет. Не возмущаюсь. Я не историк, но кое-что знаю. Знаю о Совете Галактической Безопасности. И знаю немного о вашем Институте экспериментальной истории. Знаю о тех, кто отдает свою жизнь, свой талант за счастье гуманоидных рас во Вселенной... Знаю, каким ужасом может обернуться бездумное вмешательство в чужие истории...

К о н д о р. И все-таки?

Р у м а т а. Месяц назад дон Капада, командир роты мушкетеров его величества... это, конечно, был наш, вы его называли... Орловский, кажется? Во время публичной пытки восемнадцати ведьм он приказал солдатам открыть огонь по палачам, зарубил королевского судью и двух судебных приставов и был поднят на копье дворцовой охраной. Он корчился в предсмертной муке и кричал: «Вы же люди! Бейте их, бейте!» И его едва было слышно за ревом толпы: «Огня! Еще огня!»... (*Помолчав.*) Я кинулся к нему на помощь, и тогда этот негодяй, главарь серых рот Цупик, выстрелил мне в грудь из пистолета... Отец Будах подобрал и выходил меня...

К о н д о р. Ты твердо решил остаться здесь?

Р у м а т а. Да. И мне все равно, примите вы меня к себе или нет...

Пауза.

К о н д о р. Ты должен твердо понять, что никто из нас реально ощутимых плодов своей работы не увидит. Мы не физики, мы историки. У нас единица времени не секунда, а век, и дела наши — это даже не посев, мы только готовим почву для посева...

Р у м а т а. Я понимаю.

К о н д о р (*горько*). Ничего ты не понимаешь. И наладил бы я тебя отсюда в два счета, да только вот с гибелью Орловского

никого у нас в Арканаре не осталось. А ты как-никак здесь уже год, легенда у тебя — не подкопаешься... И пусть случай с Орловским будет тебе уроком. Твое дело — наблюдение, изучение, спасение культурных ценностей... (*Он вскакивает, подходит к Румате вплотную и хватает его за плечо.*) Кто спас Арату Горбатого?

Р у м а т а. Простите, я, Александр Васильевич...

К о н д о р. Мальчишка... Как ты это сделал?

Р у м а т а. Я познакомился с ним еще в метрополии... Его схватили и посадили в башню. А у меня был ранцевый птицелет. Ну, вот я и... гм...

К о н д о р (*с отвращением*). Невиданная безответственность...

П и л о т (*смеясь*). Легендой больше, легендой меньше, Александр Васильевич! Представляю, какое это произвело впечатление на стражников!

Р у м а т а (*тихонько*). На Арату тоже...

К о н д о р. Ладно. Еще одно, Максим. Еще одного бойся — самого страшного. Ты — Румата Эсторский, благородный подонок до восемнадцатого предка. Так вот, бойся войти в роль. В каждом из нас благородный подонок борется с коммунаром. И всё вокруг помогает подонку, а коммунар — один-одинешенек, до Земли тысяча лет и тысяча парсеков. Ладно. Мне с тобой еще не раз беседовать. А теперь пора.

Он пожимает Румате руку и двигается к выходу. Пилот тоже обменивается с Руматой рукопожатием. В дверях Кондор вдруг останавливается.

Да, чуть было не забыл... (*Возвращается к Румате.*) Я бы... э-э... не хотел быть бестактным, и не подумай, будто я... э-э... вмешиваюсь в твои личные дела...

Р у м а т а. Я вас слушаю.

К о н д о р. Все мы разведчики. И всё дорогое, что у нас есть, должно быть либо далеко на Земле, либо внутри нас. Чтобы его нельзя было отобрать у нас и взять в качестве заложника.

Р у м а т а (*медленно*). Я вас понял, Александр Васильевич.

Сцена погружается во тьму.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

На темной сцене в луче прожектора появляется Румата — в черном трико с ног до шеи.

Румата. То были дни, когда я познал, что значит: страдать; что значит: стыдиться; что значит: отчаяться...

Мужской голос из темноты. Должен вас предупредить вот о чем. Выполняя задание, вы будете при оружии для поднятия авторитета. Но пускать его в ход вам не разрешается ни при каких обстоятельствах. Ни при каких обстоятельствах. Вы меня поняли?

Женский голос из темноты. Спаси, спаси нас! Нам бы хоть как-нибудь да пожить!

Луч прожектора гаснет. Сцена освещается. Зала в доме Руматы.

Входит, вытирая на ходу лицо и руки полотенцем, Румата — в цветастых штанах с пуфами, в чулках и башмаках с пряжками, в расстегнутой до пупа сорочке с кружевными манжетами. За ним в двух шагах позади следует его камердинер Муга — длинный, тощий, с барским камзолом в одной руке и с огромным гребнем в другой.

Муга (*ворчит*). У всех как у людей, только у нас с выдумками. Где это видано — в двух сосудах мыться. В отхожем месте горшок какой-то придумали... Полотенце им каждый день чистое... А сами, не помолившись, каждое божье утро голый по комнате скачут, руками машут, ногами выше головы дрыгают...

Румата швыряет ему полотенце, берет гребень и принимается причесываться.

Румата. Я при дворе, не какой-нибудь барон вшивый. Придворный должен быть чист и благоухать.

Муга. Только у его величества и забот, что вас нюхать... А вот дон Рэба и вовсе никогда не моются. Сам слышал, ихний лакей рассказывал...

Румата. Ладно, не ворчи... Кто-нибудь дожидается?

М у г а. Девка какая-то. А может, дона. По обращению вроде девка — ласковая, в одета по-благородному... Красивая...

Румата застывает с гребнем в руке.

Прогнать, что ли?

Р у м а т а. Балда ты... Я тебе прогоню!.. Где она? (*Сует гребень Муге, торопливо застегивает сорочку.*) Проводи сюда, быстро!

Муга подает ему камзол, уходит и возвращается с К и р о й — хорошенькой девушкой лет семнадцати, в строгом, темного цвета платье. Румата подбегает к ней, обнимает, погружает лицо в ее пышные золотые волосы. М у г а деликатно удаляется. Румата отстраняется от Киры, смотрит в ее запрокинутое лицо.

Р у м а т а. Почему ты плакала? Кто тебя обидел?

К и р а. Никто меня не обидел.

Р у м а т а. Нет, ты скажи, почему ты плакала?

К и р а. Увези меня отсюда.

Р у м а т а. Обязательно.

К и р а. Когда мы уедем?

Р у м а т а. Я еще не знаю, маленькая. Но мы обязательно уедем...

К и р а. Далеко?

Р у м а т а. Очень далеко. Ко мне.

К и р а. Там хорошо?

Р у м а т а. Там дивно хорошо. Там никогда никого не обижают.

К и р а. Так не бывает.

Р у м а т а. Бывает.

К и р а. А какие там люди?

Р у м а т а. Обыкновенные. Как я.

К и р а. Все такие?

Р у м а т а. Не все. Есть много других, гораздо лучше.

К и р а. Вот это уж не бывает...

Р у м а т а. Вот это уж как раз бывает!

К и р а. Почему тебе так легко верить? Отец никому не верит. Брат говорит, что все свиньи, только одни грязные, а другие нет. Но им я не верю, а тебе всегда верю...

За окном раздается треск барабана и тяжелый марширующий грохот сапог. Кира вздрагивает и прижимается лицом к груди Руматы.

К и р а. Я больше не могу дома. Я больше не вернусь домой. Страшно мне дома. Можно, я у тебя служанкой буду? Даром...

Румата подводит ее к креслу, усаживает.

(С отчаянием.) Отец каждый день доносы переписывает... А бумаги, с которых переписывает, все в крови. Ему их в канцелярии дона Рэбы дают. И зачем ты только меня читать научил? Каждый вечер, каждый вечер... Перепишет пыточную запись — и пьет. Так страшно, так страшно! А брат придет из патруля — пьяней пива, руки все в засохшей крови... Отца допрашивает, почему, мол, грамотный... Нынче ночью с приятелями затащил в дом какого-то человека... Били его, все кровью забрызгали. Он уж и кричать перестал. Не могу я так, не вернусь, лучше убей меня!

Пауза. Румата берет со стола колокольчик, звонит. Входит М у г а.

Р у м а т а. Эта дама будет жить у меня. Отведешь ее в угловой покой. Переоденешь в мужское платье. Жить будет под видом моего пажа... имя ей будет Уно. (*Подходит к Муге вплотную.*) Если болтать за воротами станешь — язык вырву, понял? (*Возвращается к Кире.*) Ступай, маленькая, переоденься, прическу перемени и приходи сюда, будем завтракать.

К и р а хватает его руку, целует и убегает из залы. М у г а невозмутимо следует за нею.

(Ему вслед.) Да никого в дом не пускать! Хоть король, хоть черт, хоть сам дон Рэба!..

Оставшись один, Румата принимается расхаживать по зале, опустив голову. Останавливается.

Пулемет бы сюда, пулемет!.. Свинцом по серой сволочи, по бледненькой роже дона Рэбы, по окнам его прокисшей от крови канцелярии!.. Это было бы сладостно. Это было бы настоящее дело. Но вот потом... (*Он с силой трет ладонями лицо.*) Ах, они в Институте правы. Прав дон Кондор, дорогой Александр Васильевич. Потом — кровавый хаос в стране. Орды баронских наемников, отлученных всеми церквами, насильников, убийц, растлителей... Огромные толпы слепых от ужаса крестьян и горожан, бегущих в леса, горы, пустыни... и твои сторонники — веселые люди, смелые люди! — которые будут резаться в жесточайшей борьбе за власть и за твой пулемет после твоей неизбежно насильственной смерти...

Размышления Руматы прерываются негодующими криками Муги и благодушным басистым ревом за сценой.

— Пошел, пошел, старый хрыч, отдавлю уши!

— Не велено, говорят вам!

— Брысь, не путайся под ногами!

— Да не велено же... Ох!

В залу вваливается Будах, волоча за собой вцепившегося в него Мугу.

Румата. Отец Будах! Как вы очутились в городе, дружище? Муга, оставь отца Будаха в покое...

Будах. На редкость въедливая старая песочница... (*Приближается к Румате с распростертыми объятиями.*) Но верен, верен, ничего не скажешь... Дайте мне обнять вас! (*Они обнимаются.*) Я вижу, вы совершенно трезвы, мой друг. Впрочем, вы всегда трезвы. Счастливец!

Румата. Садитесь, мой друг. Муга, подавай завтрак! И скажи, чтобы... э... Уно шел сюда.

Муга. Ученый человек, а дерется. Срам какой.

Будах. Па-шел, старый черт, делай, что тебе хозяин велел... Да принеси пива! Я вспотел, мне нужно возместить потерю жидкости!

Муга, ворча что-то под нос, удаляется. Румата и Будах усаживаются за стол.

Р у м а т а. Как вы здесь оказались, отец Будах? Ведь вам опасно появляться в городе, дон Рэба ищет вас.

Б у д а х. А, вздор! Мне надоело сидеть в Пьяной Берлоге. Захотелось проветриться... Между прочим, вчера ночью мне удалось установить интереснейшую вещь. Хотя боюсь, для вас это будет не совсем...

Р у м а т а. Ничего, ничего, я с удовольствием выслушаю вас...

Входит М у г а с подносом, принимается накрывать на стол.

Б у д а х. Вы представляете себе треугольник, у которого один угол равен четверти окружности?

Р у м а т а. Гм... Представляю.

Будах с сомнением глядит на него.

Б у д а х. Ну, хорошо. Так вот, мне удалось доказать, что сумма численных выражений коротких сторон такого треугольника, помноженных сами на себя... Вы следите за моим рассуждением?

Р у м а т а. Самым внимательным образом.

Б у д а х. Так вот, эта сумма в точности равна численному выражению длинной стороны, тоже помноженной на саму себя! А?

Р у м а т а (*с искренним восхищением*). Вы молодец, отец Будах!

Б у д а х. Значит, вы меня все-таки поняли? В жизни еще не встречал такого толкового дворянина. Как правило, все вы — непроходимое дубьё. Впрочем, вы с самого начала показались мне личностью незаурядной... Кстати, как ваша рана?

Р у м а т а. Зажила как на собаке.

Б у д а х. Как на собаке... Оригинальное выражение. Разрешите, мой друг... (*Берет кувшин, наливает Румате и себе пиво, одним глотком осушает свой стакан и наливает снова.*) Недурное пиво... О чем бишь я?

Р у м а т а. Вы говорили...

Входит К и р а в костюме пажа, волосы подобраны под берет с пером. Румата машинально вскакивает, но сейчас же снова садится.

Позвольте представить вам, мой друг, этого мальчика. Мой родственник, прибыл вчера из Эстора. Зовут его... э... Уно. Я взял его к себе пажом. Уно, это отец Будах, знаменитый поэт, механик, астролог и математик... Муга, можешь идти, нам будет прислуживать Уно.

М у г а уходит. Уно-Кира подходит к столу и принимается было прислуживать, но Румата останавливает ее.

Я думаю, отцу Будаху приятнее есть и пить без посторонней помощи. Садись и завтракай с нами.

К и р а. Благодарю вас, господин мой... (*Садится.*)

Будах с благожелательным любопытством разглядывает ее.

Б у д а х. Превосходный цвет лица. Впрочем, у вас тоже, дон Румата. Видимо, это фамильное...

Р у м а т а. Несомненно. Еще пива, отец Будах?

Б у д а х. Охотно... Кстати, мне припомнился анекдотец... игривого такого свойства историйка...

Р у м а т а (*поспешно*). Простите, мой друг, я забыл спросить вас...

Б у д а х. Да?

Р у м а т а. Э-э... Как это... Ага, вот. Меня страшно интересует состав мази, которой вы столь блистательно залечили мою рану...

Б у д а х. Я непременно напишу рецепт и вручу его вам, мой друг. Так вот, анекдот...

К и р а. Разрешите обратиться к вам с вопросом, высокоученый отец Будах...

Б у д а х. Пожалуйста, дитя мое.

К и р а. Как сочиняют стихи?

Б у д а х (*удивленно*). М-м? Как сочиняют стихи? Ты что — грамотен? Удивительное семейство! Но с таким вопросом тебе уместнее было бы обратиться к твоему родственнику. После того как дон Румата прочел мне несколько своих стихотворений, я не позволяю себе именоваться поэтом в его присутствии.

Р у м а т а. Отец Будах, вы смущаете меня, друг мой!

Б у д а х. Но это так, мой друг! Возьмите, например, это ваше...

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом.
Что ищет он в стране далекой...

За сценой вдруг слышится шум, возня, затем из-за кулис вылетает в залу как бы от сильного толчка старый М у г а, падает и катится по полу. Все вскакивают. В залу стремительно входит с обнаженной шпагой в руке командир серых штурмовиков Ц у п и к — в узком сером мундире при белой нарукавной повязке с треххвостой свастикой. За ним вваливаются д в а з д о р о в е н н ы х ш т у р м о в и к а с топорами наизготовку.

Р у м а т а. Какой приятный сюрприз! Никак это Цупик, бакалейщик с улицы Святого Мики?

Ц у п и к (*злобно*). Придет время, я поднесу вам сюрприз еще приятнее, дон Румата. В прошлый раз я промахнулся, но уж в следующий — не промахнусь... Но хватит болтать... (*Поворачивается к Будаху.*) Опасный книгочей, колдун и шпион Будах, ты арестован!

Б у д а х (*с невыносимым презрением*). Арестован? Я? Ах ты серая шпана, как ты смеешь так со мной разговаривать?

Он медленно надвигается на Цупика, тот пятится, выставив перед собой шпагу.

Ц у п и к. Ну-ну-ну! Без этих... безо всяких... Проткну как кабана!

Румата, опершись ладонями на стол, с интересом наблюдает эту сцену. Кира прячется за его спину. Муга проворно отползает в другой угол залы. Штурмовики начинают обходить Будаха сзади.

Б у д а х (*продолжая надвигаться*). Я тебе проткну, сукин сын... Я тебя на мыло пущу, мокрица ты мокрая...

Обходя Будаха, штурмовики оказались между ним и столом спиной к Румате. Румата хватает их сзади за загривок и со страшной силой бьет друг о друга головами. Пороняв топоры,

штурмовики валятся на пол. В ту же секунду Цупик делает выпад. Будах с неожиданной ловкостью отбивает шпагу левой рукой, а правой закатывает Цупику оглушительную затрещину. Цупик кубарем катится по полу. Будах подбирает шпагу и осматривает ее.

(Презрительно.) Тупая... Тоже мне вояка! (*Бросает шпагу под ноги Цупику, который уже поднялся на ноги и, пошатываясь, очумело оглядывается по сторонам.*)

Р у м а т а. У вас все, господин бакалейщик? Можете идти, вы свободны.

Цупик уже пришел в себя. Он молча подбирает шпагу, сует ее в ножны и, ни на кого не глядя, идет к выходу. Ш т у р м о в и к и тоже поднимаются и, поддерживая друг друга, бредут за ним. На пороге Ц у п и к останавливается и обводит всех холодным пристальным взглядом.

Ц у п и к. Мы еще встретимся, благородные доны. Клянусь спиной святого Мики, мы еще встретимся, я надеюсь всласть побеседовать с вами, и это будет очень скоро...

Б у д а х. Ползи, ползи отсюда, лишай серый!

Р у м а т а. Муга, вынеси им эти... инструменты, отдай с вежливостью.

М у г а неохотно подбирает топоры штурмовиков и выносит их.

Б у д а х. Ну вот, теперь настало время как следует выпить и закусить! (*Возвращается к столу.*)

Р у м а т а. А не кажется ли вам, мой добрый друг, что настало вам время бежать из города и скрыться?

Б у д а х (*разливая пиво*). Вздор, мой друг. Я знаю этих лавочников. Пока они соберутся, да пока решатся...

Р у м а т а. Однако ваши мастерские они взяли одним ударом...

Б у д а х. Это потому, что я их не ждал... и меня захватили сонного, а то я бы напек из них пампушек... Полно, мой благородный друг, уж не испугались ли вы их?

Р у м а т а. Испугался? Нет, разумеется. Во всяком случае, не за себя...

Б у д а х. А за меня не бойтесь. Мечом, правда, я владею средне, но в доме, наверное, найдется что-нибудь вроде дубины... В молодости я неплохо дрался на дубинках... (*Мечтательно.*) Видели бы вы, как я проломил башку этому ослу, казначею Барканского монастыря! А он был ба-альшой мастер подраться! А как вы?

Р у м а т а. Что — я?

Б у д а х. Как вы на дубинках?

Р у м а т а (*бодро*). Как-нибудь мы с вами попробуем. Надеюсь в грязь лицом не ударить...

Б у д а х (*Кире*). А ты, дитя мое?

К и р а. Я? Что вы, отец Будах... я в жизни никогда...

Р у м а т а. Он у меня очень робкий мальчик. Драться не любит.

Б у д а х. Жаль. Напрасно. Впрочем, с таким цветом лица... (*Внезапно широко зевает.*) Извините меня, мой друг. Я провел всю ночь в седле...

Р у м а т а. Понимаю, мой друг. И казню себя за недогадливость... Муга! (*Звонит в колокольчик.*)

Входит М у г а.

Муга, постели отцу Будаху у меня в кабинете...

Б у д а х. И принести туда кувшинчик пива... на всякий случай.

Он встает. Румата и Кира тоже встают.

Временно оставлю вас, благородные доны.

Р у м а т а. Отдыхайте, мой добрый друг.

Б у д а х, отчаянно, с прискуливанием зевая и потягиваясь, уходит вслед за М у г о й. Румата глядит ему в спину. Кира подходит и прижимается к нему.

К и р а. Румата, мне страшно...

Р у м а т а. Мне тоже, маленькая...

Кира отшатывается, глядит с изумлением.

К и р а. Тебе?

Р у м а т а. Да. Мне.

К и р а. Ах, да... Ты все-таки боишься за отца Будаха... Он славный, веселый...

Р у м а т а. Нет, за отца Будаха я не боюсь. Он отличный воя-ка... и вообще... (*Он прижимает к себе Киру, бормочет.*) Все дорогое, что у нас есть, должно быть либо далеко на Земле, либо внутри нас. Чтобы его нельзя было отобрать у нас и взять в качестве заложника...

К и р а. Что? Что ты такое говоришь?

Р у м а т а. Ничего, это я так... Ты бы тоже отдохнула... Ведь тоже ночью не спала.

К и р а. Я не хочу уходить от тебя. Можно я прилягу здесь, на диване?

Р у м а т а. Конечно... Ложись, я прикрою тебя...

Кира ложится на диван. Румата достает из шкафа плащ, накрывает ее.

К и р а. Сядь рядом со мной, посиди минутку... (*Румата садится.*) Дай руку. Вот так... Так хорошо...

Они молчат. Сцена погружается в темноту. Прожектор освещает только Румату, который сидит сгорбившись, подперев подбородок кулаком.

Р у м а т а. Дон Рэба, дон Рэба! Что же ты задумал на этот раз, цепкий и беспощадный гений посредственности? Взять Будаха. Это понятно. Будах — известный книгочей. Книгочея — на кол. С треском, с помпой, чтобы все знали. Но где же треск? Приходит командир серых штурмовиков с двумя болванами. Не мог же ты ожидать, что благородный дон позволит без боя арестовать в своем доме своего лучшего друга? Значит, что-то другое. Что? (*Румата поднимается и выходит на середину залы.*) Что? Значит, Будах был не целью, а поводом. А целью был — я? Визит Цупика — разведка?

Сцена освещается. Румата поворачивается и видит: у стола в кресле сидит сгорбленный м о н а х в черной рясе с капюшоном, надвинутым на лицо.

(Резко.) Кто ты такой? Кто тебя пустил?

М о н а х (*откидывает капюшон*). Добрый день, благородный Румата.

Р у м а т а. Ловко! Добрый день, славный Арата. Почему вы здесь? Что случилось?

А р а т а. Все как обычно. Моя крестьянская армия разбрелась, все делят землю, на юг идти никто не хочет. Герцог собирает своих недобитых латников и скоро развесит моих мужиков вверх ногами вдоль Эсторского тракта. Все как обычно.

Р у м а т а. Понятно. (*Садится к столу, придвигает Арате кушанья и бутылки.*) Подкрепляйтесь, Арата.

А р а т а. Благодарю. (*Принимается за еду.*) Иногда мне кажется, что мы бессильны. Я — вечный главарь мятежников, и я знаю, что вся моя сила в необыкновенной живучести... (*На диване Кира приподнимается на локте, слушает. Арата не замечает этого.*) Но эта сила не помогает моему бессилию. Мои победы волшебным образом оборачиваются поражениями. Мои боевые друзья становятся врагами, самые храбрые бегут, самые верные предают или умирают. И нет у меня ничего, кроме голых рук, а голыми руками не достанешь раззолоченных свиней, сидящих за крепостными стенами... (*Отодвигает тарелку, выпивает стакан вина.*) Спасибо, благородный Румата.

Р у м а т а. Как вы здесь очутились?

А р а т а. Приплыл с монахами.

Р у м а т а. Вы с ума сошли. Вас же так легко опознать...

А р а т а. Только не в толпе монахов. Половина из них юродивые или увечные, как я. Калеки угодны богу. (*Усмехается, глядя Румате в лицо.*)

Р у м а т а. Ну, хорошо. И что вы намерены здесь делать? Свести счеты с доном Рэбой?

А р а т а. Счеты? (*Смотрит на свои пальцы.*) Да, он вырвал мне ногти в своей канцелярии... Но мало ли с кем у меня есть счеты? С генеральным прокурором Соана — он выжег мне клеймо на лбу... (*Касается лба ладонью.*) С каким-то бароном з метрополии — он выбил мне глаз булавой в битве под Эстором...

(*Касается пустой правой глазницы.*) С герцогом Убанским — у меня горб от его железных палок... Нет, дело не в моих счетах. Но дон Рэба зарвался. Не пройдет и года, как здешний люд полезет из своих каморок с топорами — драться на улицах с серыми. И поведу их я, чтобы они били тех, кого надо, а не друг друга и всех подряд.

Р у м а т а. Вам понадобятся деньги.

А р а т а. Да, как обычно. И оружие... (*Вкрадчиво.*) Дон Румата, помните, после чудесного спасения на ваших крыльях, вы рассказали о себе... показали даже в небе звездочку, откуда вы к нам явились... Признаться, я был огорчен. Я ненавижу попов, мне было горько, что их лживые сказки оказались правдой. Но бедному мятежнику надлежит извлекать пользу из любых обстоятельств. Попы говорят, что боги владеют молниями... (*Румата вздрагивает.*) Дон Румата, мне очень нужны ваши молнии, чтобы разбивать крепостные стены.

Пауза.

Р у м а т а. Это невозможно. У меня... у меня нет молний.

А р а т а (*спокойно*). Тогда дайте мне ваши крылья...

Румата молчит.

Ладно, мы еще вернемся к этому разговору... (*Поднимается.*) Мне пора, благородный дон. Спасибо за угощение.

Румата молча достает из стола мешок с деньгами, протягивает Арате. Тот так же молча прячет мешок за пазуху и поворачивается, чтобы идти.

Р у м а т а. Кстати... вы говорите, что приплыли с монахами...

Арата останавливается.

А р а т а. Да.

Р у м а т а. Монахи, монахи... За последнее время их стало заметно больше в городе...

А р а т а. Вы думаете... (*Быстро.*) Это точно?

Р у м а т а. Что бы это могло значить?

Несколько секунд они молча глядят друг на друга. Затем Арата надвигает капюшон.

А р а т а. Попробую выяснить... Счастливо оставаться, дон Румата. (*Выходит.*)

Румата глядит ему вслед, затем оборачивается и видит, что Кира сидит на диване и во все глаза смотрит на него. Он быстро подходит, садится рядом.

Р у м а т а. Проснулась, маленькая?

К и р а. Я не спала... Румата, я все слышала!

Р у м а т а. Что ты слышала?

К и р а. Румата, это правда? Ты правда бог с далекой звезды?

Р у м а т а. Ну что ты, дурочка, какой же я бог?

К и р а. Но он говорил...

Р у м а т а. Ты не поняла. Это было иносказание...

К и р а. Но ведь он...

Р у м а т а. И про молнии, и про крылья... Это он все в духовном смысле... Крылья души, молнии мысли, звезды надежды...

Кира ложится навзничь, смотрит в потолок.

К и р а. Иногда я не могу понять, почему ты не бьешь меня.

Р у м а т а (*растерянно*). То есть как это — почему не бью? Разве тебя можно бить?

К и р а (*не слушая*). Ты не просто добрый, хороший человек. Ты еще и очень странный человек. Ты действительно словно архангел. Без иносказаний... Когда ты со мной, я делаюсь смелой. Сейчас вот я смелая... И я спрашиваю: ты — не сейчас, а потом, когда все уладится — расскажешь мне о себе?

Пауза.

Р у м а т а. Да. Когда-нибудь я расскажу тебе все, маленькая.

К и р а. Я буду ждать. А сейчас, если можно, поцелуй меня...

Румата наклоняется над ее лицом, целует. Она обнимает его за шею, и вдруг за окнами залы возникает многоголосый вой. Слышится залп из мушкетов, еще один залп, окна озаряются багровыми бликами. Румата вскакивает, подбегает к окну, всматривается. Поворачивается к Кире.

Румата. Похоже, дело дрянь. Быстро, беги в свою комнату... Муга!

Вбегает растерянный Муга.

Бегом, бери ее, полезайте на чердак, уходите по крышам...

Кира. Румата!

Румата. Спокойно, маленькая, спокойно... возьми себя в руки... Муга, что же ты стоишь, как столб? Бегите, я прикрою... (*Он торопливо достает из стола пистолет, хватает со стены шпагу.*) Кира, за меня не бойся! Я...

Множественный грохот сапог раздается под окнами. Крики:

— Ломай дверь!

— Открывай, именем короля!

— Давай лестницы! К окнам!

Румата. Поздно. Ну, хорошо, сделаем все, что можем.

Что-то с треском рушится за сценой, в залу вбегают штурмовики во главе с Цупиком. Распахивается окно, на подоконник взбираются штурмовики.

Румата стоит, загородившись столом, угрожая шпагой и пистолетом.

Румата. Назад!

Штурмовики, выстроившись вокруг него полукругом, останавливаются. Цупик направляет на Румату пистолет.

Цупик (*задыхаясь*). Дон Румата! Вы арестованы. Отдайте оружие.

Румата (*оскорбительно смеется*). Возьмите!

Ц у п и к. Взять его!

Штурмовики разом кидаются на Румату.

К и р а. Боже мой! Румата! Оставьте его, вы, подлые люди!

Несколько секунд длится свалка. Румату не видно за спинами. Слышатся вскрики, задавленные вопли, шумные вдохи и выдохи. Затем штурмовики откатываются. Румата, слегка встрепанный, стоит на прежнем месте со шпагой в руке. Возле него на полу валяются несколько топоров. Двое штурмовиков со стонами, держась за ушибленные места, отползают в сторону.

Р у м а т а. Сунетесь еще раз — буду отрубать руки! А ну, прочь отсюда!

В зале появляется Б у д а х со здоровенной доской в руках.

Б у д а х. Держитесь, благородный Румата! Мы сейчас славно отделаем эту серую сволочь!

И тут Цупик одним прыжком подскакивает к Кире, хватает ее за плечо и упирает ствол пистолета ей в бок.

Ц у п и к. Только троньтесь с места, и я продырявлю кишки этой девке в штанах!

Будах и Румата замирают.

Р у м а т а. Отпусти ее бакалейщик!

Ц у п и к (*злорадно хихикнув*). Ей и со мной хорошо, благородный дон.

Штурмовики регочут.

Б у д а х. Благородный Румата!

Р у м а т а. Подлец...

К и р а. Бей их, Румата! (*Пытается вырваться.*) Не давайся им в руки! Они убьют тебя!

Ц у п и к. Не дергайся, тварь!

К и р а. Бей их! Бей! Забудь про меня! Я тебя...

Цупик стискивает ей горло, и она замолкает, запрокинув голову.

Ц у п и к (*злобно*). Бросайте оружие. Считаю до трех, затем стреляю. Ну? Раз...

Румата бросает шпагу. Будах, поколебавшись, бросает свою доску. В залу в сопровождении двух монахов в черных рясах и с капюшонами, надвинутыми на лица, входит дон Р э б а — небольшой, полненький, в сером мундирчике.

Р э б а. Ну, что тут у вас? Закончили? Свяжите их.

Штурмовики осторожно приближаются к Румате и Будаху, на ходу разматывая веревки.

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

На темной сцене в луче прожектора сидит, привалившись спиной к стене, связанный Румата — без камзола, в разорванной сорочке.

Р у м а т а. Я просчитался. Ах, как я просчитался! Мне надо было убить их!

Г о л о с К о н д о р а (*гулко, из тьмы*). Кого?

Р у м а т а. Этих мерзавцев. Дона Рэбу. Бакалейщика Цупика.

Г о л о с К о н д о р а. За что?

Р у м а т а. Они убивают все, что мне дорого...

Г о л о с К о н д о р а. Они не ведают, что творят.

Р у м а т а. Они ежедневно, ежечасно убивают будущее!

Г о л о с К о н д о р а. Они не виноваты. Они — дети своего века.

Румата. То есть они не знают, что виноваты? Но мало ли чего они не знают! Я, я знаю, что они виноваты!

Голос Кондора. Тогда будь последовательным. Признай, что придется убивать многих.

Румата. Не знаю, может быть, и многих. Одного за другим. Всех, кто поднимает руку на будущее...

Голос Кондора. Это уже было. Травили ядом, бросали самодельные бомбы в царей. И ничего не менялось...

Румата. Нет, менялось! Так создавалась стратегия революции!

Голос Кондора. Нам не надо создавать стратегию революции, мы владеем ею в совершенстве, она перешла к нам от великих предков наших, первых коммунаров! А тебе хочется просто убивать!

Румата. Да, хочется.

Голос Кондора. А ты умеешь?

Румата молчит.

Мы пришли сюда, чтобы помочь этому человечеству, а не для того, чтобы утолять свой справедливый гнев. Если ты слаб, уходи. Возвращайся домой. В конце концов, ты не ребенок, ты знал, на что идешь.

Пауза.

Румата (*тихо*). А Кира? А Будах? А мятежный Арата?

В кругу света появляются двое монахов. Молча и бесшумно они поднимают Румату, в ту же секунду сцена освещается. Зала в доме Руматы, обстановка прежняя, только за столом в креслах восседают дон Рэба и Цупик, а позади них — двое штурмовиков с топорами. За окнами — ночь, озаряемая колеблющимися отблесками пожаров. Монахи ставят Румату перед столом и, отступив, застывают рядом со штурмовиками.

Рэба. А вот и благородный дон Румата! (*Цупик злорадно скалится.*) Наш старый и весьма последовательный недруг.

Цупик. Раз недруг — повесить!

Р э б а. Что ж, пожалуй...

Ц у п и к. Или еще лучше — сжечь. Нужно сохранять у черни уважительное отношение к сословиям. (*Хихикает.*) Все-таки отпрыск древнего рода...

Р э б а. Хорошо, договорились. Сжечь.

Ц у п и к. Впрочем, дон Румата может облегчить свою участь. Вы меня понимаете, дон Рэба?

Р э б а. Признаться, не совсем...

Ц у п и к. Имущество! Руматы — сказочно богатый род!

Р э б а. Вы, как всегда, правы, почтенный Цупик. Что ж, тогда начнем по всей форме...

Р у м а т а. Развяжите мне руки.

Цупик вздрагивает, отчаянно мотает головой.

Р э б а. А? (*Смотрит на Цупика.*) Я вас понимаю, почтенный. Но если принять некоторые меры предосторожности... Развяжите ему руки.

Один из монахов неслышно подскакивает к Румате и развязывает его. Цупик поспешно достает из-под стола и кладет перед собой два пистолета.

Р у м а т а (*растирая затекшие руки*). Предупреждаю, его величество будет поставлен в известность об этом безобразии. Самоуправное вторжение в дом благородного дворянина...

Р э б а. Его величеству об этом известно. Собственно, мы здесь действуем по королевскому приказу...

Ц у п и к (*злорадно*). Вот так-то, благородный дон!

Р э б а. Итак, начнем. Ваше имя, род, звание?

Р у м а т а. Румата, из рода Румат Эсторских, благородный дворянин до восемнадцатого предка... (*Он оглядывается, садится на диван, продолжая массировать кисти рук.*)

Цупик, засопев, поворачивает к нему стволы пистолетов.

Р э б а. Сколько вам лет?

Р у м а т а. Двадцать два года.

Р э б а. Когда прибыли в нашу страну?

Р у м а т а. Год назад.

Р э б а. С какой целью?

Р у м а т а. Ознакомиться с состоянием наук и искусств в этом городе.

Р э б а. Странная цель для молодого человека вашего положения.

Р у м а т а. Мой каприз.

Р э б а. Вы уверены?

Р у м а т а. Как в самом себе.

Р э б а. Мы хотим правды! Одной только правды.

Р у м а т а. Ага... А мне показалось...

Р э б а. Что вам показалось?

Р у м а т а. Мне показалось, что вы хотите прибрать к рукам мое родовое имущество. Не представляю, каким образом вы надеетесь его получить?

Ц у п и к. А дарственная? А дарственная?

В эту секунду, совершенно неожиданно для Руматы, за спинами Рэбы и Цупика происходит следующее. Монахи одновременно бьют своих соседей-штурмовиков чем-то тяжелым по головам, подхватывают тела и бесшумно уволакивают их из залы, а на их место сейчас же становятся двое новых монахов.

Ц у п и к (*торжествующе*). Ну, что вы молчите, дон Румата? Как насчет дарственной?

Р у м а т а (*с наглым смехом*). Ты дурак, Цупик... Сразу видно бакалейщика. Тебе, конечно, невдомек, что майорат не подлежит передаче в чужие руки...

Разъяренный Цупик хватается за пистолеты.

Р э б а (*строго*). Вам не следует разговаривать в таком тоне.

Р у м а т а. Вы хотите правды? Вот вам правда, истинная правда и только правда: ваш Цупик — дурак и бакалейщик.

Ц у п и к (*сдерживаясь*). Что-то мы отвлеклись, как вы полагаете, дон Рэба?

Р э б а. Вы как всегда правы, почтенный Цупик. Ну-с, так вы богаты, благородный дон?

Р у м а т а. Я мог бы скупить весь ваш город, но меня не интересуют помойки...

Р э б а (*со вздохом*). Мое сердце обливается кровью. Обрубить столь славный росток столь славного рода! Это было бы преступлением, если бы не вызывалось государственной необходимостью.

Р у м а т а. Поменьше думайте о государственной необходимости и побольше думайте о собственной шкуре...

Р э б а. Вы правы. (*Он поднимает руку, щелкает пальцами.*)

Монахи за его спиной мгновенно и бесшумно смыкаются над все еще грозно хмурящим брови Цупиком, хватают его и заворачивают руки к лопаткам.

Ц у п и к (*кривясь от боли*). Ой-ёй-ёй-ёй!..

Р э б а. Скорее, скорее, не задерживайтесь...

М о н а х и выволакивают отчаянно брыкающегося и вопящего Ц у п и к а из залы. Слышится тяжелый удар, и вопль обрывается. Двое новых м о н а х о в бесшумно появляются и становятся за спиной дона Рэбы. Рэба встает, осторожно спускает курки пистолетов и прячет их под стол.

Р э б а (*довольно улыбаясь*). Как я их? А? Никто и не пикнул... У вас, я думаю, так не могут...

Румата молчит.

Да-а... Хорошо! Ну что ж, а теперь поговорим, дон Румата... А может быть, не Румата? И может быть, даже и не дон? А? (*Выжидает секунду, затем тычет большим пальцем себе через плечо.*) При них можно говорить свободно, они не знают языка... Ну?

Р у м а т а. Я вас слушаю.

Р э б а. Вы не дон Румата. Вы самозванец. Капитан пиратской галеры Кэу показал под пыткой, что Румата Эсторский был зарезан полтора года назад и пошел на корм рыбам. И святые давно упокоили его мятежную и, прямо скажем, не очень чистую душу. Вы как, сами признаетесь, или вам помочь?

Р у м а т а. Сам признаюсь. Меня зовут Румата Эсторский, и я не привык, чтобы в моих словах сомневались.

Р э б а (*зловеще*). Я вижу, что нам придется продолжить разговор в другом месте.

Р у м а т а. У вас что, геморрой, дон Рэба?

Рэба вздрагивает и выпрямляется.

Вам следует обратиться к отцу Будаху. Отличный специалист.

Р э б а. Итак, вы отказываетесь признаться.

Р у м а т а. В чем?

Р э б а. В том, что вы самозванец.

Р у м а т а. Почтенный Рэба, такие вещи доказывают. Ведь вы меня оскорбляете!

Р э б а. Мой дорогой дон Румата! Простите, пока я буду называть вас этим именем. Так вот, я никогда ничего не доказываю. Доказывают у меня в канцелярии. Для этого я содержу опытных, хорошо оплачиваемых специалистов, которые могут доказать все, что угодно. Вы понимаете меня? Известное количество крови, содранная кожа, обугленное мясо, ломаные кости... Посудите сами: зачем мне доказывать то, что я и так знаю? (*Помолчав.*) Дон Румата, признание ничем вам не грозит...

Р у м а т а. Мне не грозит. Оно грозит вам.

Пауза.

Р э б а. Хорошо. Видимо, начать придется все-таки мне. Давайте посмотрим, в чем замечен дон Румата Эсторский за год своей загробной жизни в нашем королевстве. А вы потом объясните мне смысл всего этого. Согласны?

Р у м а т а. Мне бы не хотелось давать опрометчивых обещаний. Но я с интересом вас выслушаю.

Р э б а. Мною были предприняты некоторые действия против так называемых книгочеев, ученых и прочих бесполезных и вредных для королевства людей. Эти акции встретили некое странное сопротивление. Кто-то неведомый, но весьма энергичный выхватывал у меня из-под носа и прятал самых важных, самых отпетых и отвратительных преступников — без-

божного астролога Багира, преступного алхимика Синду, мерзкого памфлетиста Цурэна и иных, рангом поменьше. Кто-то похищал, спасая от справедливого уничтожения, богохульные библиотеки, развращающие картины, отвратительные астрологические и химические приборы. Кто он?

Р у м а т а. Продолжайте.

Р э б а. Кто-то при поистине фантастических обстоятельствах, заставляющих вспомнить о враге рода человеческого, освободил из-под стражи чудовище разврата и душегуба, атамана крестьянских бунтов Арату Горбатого, и тот сейчас же пошел гулять по восточным областям метрополии, обильно проливая благородную кровь... Ну?

Р у м а т а. Верю. Он сразу показался мне решительным человеком.

Р э б а. Ага! Вы признаётесь?

Р у м а т а (*удивленно*). В чем?

Пауза.

Р э б а. Я продолжаю. На спасение этих растлителей душ вы, дон Румата, по моим очень неполным подсчетам, потратили не менее пуда золота... Ваше золото! (*Он выхватывает из-за пазухи кошелек и высыпает на стол звонкие золотые кружочки.*) Одного этого золота достаточно было бы, чтобы сжечь вас на костре! Это дьявольское золото! Человеческое искусство не в силах изготовить металл такой чистоты!

Р у м а т а. Вот тут вы молодец. Этого я не учел.

Р э б а. И вообще вы ведете себя очень неосторожно, дон Румата. Я все время так волновался за вас... Вы такой дуэлянт, такой задира! Три десятка дуэлей за год! Три десятка блистательных побед! И ни одного убитого... вывихнутые руки, царапины на задних частях, синяки от ударов плашмя не в счет... Вы — мастер. Вы, несомненно, продали душу дьяволу, ибо только в аду можно научиться этим невероятным, сказочным приемам боя. Я готов даже допустить, что это умение было дано вам с условием не убивать. Хотя трудно представить себе, зачем дьяволу понадобилось такое условие...

Р у м а т а. Довольно. Хватит пустой болтовни.

Дон Рэба замолкает, дрожащей рукой утирает вспотевшее лицо.

Где моя невеста? Где Будах?

Р э б а (*хихикнув*). В надежном месте, разумеется.

Р у м а т а. Не морочьте мне голову. Где они? Немедленно доставьте их сюда!

Р э б а. Ну зачем же так срочно? Мне они самому нужны. Геморрой, знаете ли... Другие старческие слабости... Признаться, ваша... гм... невеста — она, знаете ли, штучка! А? Шельмочка этакая! Цупика, знаете ли,— нехорошо говорить дурно о покойниках, но это был очень жестокий человек,— за нос укусила, представляете?

Румата вскакивает. Дон Рэба тоже поднимается. Монахи за его спиной делают шаг вперед и направляют на Румату стволы мушкетов.

Р у м а т а (*бешено*). Слушайте, Рэба! Я с вами не шучу! Если с Кирой или Будахом что-нибудь случится, вы подохнете, как собака! Я раздавлю вас.

Р э б а. Не успеете.

Р у м а т а. Вы дурак, Рэба. Вы опытный интриган, но вы ничего не понимаете. Никогда в жизни вы еще не брались за такую опасную игру, как сейчас. И вы даже не подозреваете об этом...

Р э б а (*пятясь, плаксиво*). Ну что вы, в самом деле... Сидели, разговаривали. Да живы они, целы и невредимы, ваша девчонка и Будах. Он меня еще лечить будет... Сидят под стражей в подвале. Будах, поди, бочонок эсторского почал...

Р у м а т а. Давайте их сюда! Не сердите меня и перестаньте притворяться! Вы же меня боитесь. И правильно делаете.

Р э б а (*взволнованно, плюясь слюной*). Мальчишка! Я никого не боюсь! Это я могу раздавить тебя, как пиявку!

Слышится множественный грохот копыт. За окнами проплывают силуэты всадников с копьями. Рэба кидается к окну.

Смотри!

Румата идет к окну, монахи-мушкетеры следуют за ним.

Пр-рошу! Смиренные дети господа нашего, конница Святого Ордена! Вы говорили, кажется, о короле? Короля больше нет! Слабый монарх отрекся от престола и отдался под власть Святого Ордена! И армия его святейшества высадилась в порту для подавления варварского бунта возомнивших о себе лавочников. Святой Орден владеет городом и страной, отныне областью Ордена!..

Р у м а т а. Вот это провокация!

Р э б а. Мы еще не знакомы. Позвольте представиться: наместник Святого Ордена в королевстве, епископ и боевой магистр раб божий Рэба!

Р у м а т а. Эх, историки, так вас и не так... Можно же было догадаться: там, где торжествует серость, к власти всегда приходят черные...

Р э б а. Что? (*После паузы.*) Ну? Все еще молчите?

Р у м а т а (*брезгливо*). Я устал. Я хочу спать. Я хочу помыться в горячей воде и смыть с себя кровь и слюни ваших головорезов. Убирайтесь отсюда и дайте мне покой.

Р э б а (*кричит, указывая в окно*). Их двадцать тысяч!

Р у м а т а. Немного потише, пожалуйста. И запомните, Рэба, я вижу вас насквозь. Вы хоть и епископ, но все равно всего лишь грязный предатель и неумелый дешевый интриган... Я вас ненавижу, учтите это. Я согласен вас терпеть, но вам придется научиться вовремя убираться с моей дороги. За каждую подлость по отношению ко мне или моим друзьям вы ответите головой. Вы поняли меня?

Р э б а. Послушайте, дон Румата... Я тоже вижу вас насквозь. Ведь чего хотите вы? Того же, что и я. Власти! Безграничной власти! Так давайте разделим с вами власть, а? Давайте разумно считаться друг с другом!

Р у м а т а. У меня на родине есть такая притча. Ворона спросила орла: «Для чего ты летаешь на такой страшной высоте?» — «Просто я люблю парить в синем небе»,— ответил орел. «Врешь,— сказала ворона.— Там наверняка полным-полно дождевых червей...» Где уж вам понимать меня, Рэба...

Р э б а. Я хочу одного. Я хочу, чтобы вы были при мне, дон Румата. Я не могу вас убить. Не знаю, почему, но не могу.

Р у м а т а. Боитесь.

Р э б а. Ну и боюсь! Может быть, вы дьявол. Может быть, сын бога. Кто вас знает? Я даже не пытаюсь заглянуть в пропасть, которая вас извергла. У меня кружится голова, и я чувствую, что впадаю в ересь... (*Кричит.*) Но я тоже могу убить вас! В любую минуту! Сейчас! Завтра! Вчера! Вы это понимаете?

Р у м а т а. Это меня не интересует.

Р э б а. А что же? Что вас интересует?

Р у м а т а. А меня ничего не интересует. Я развлекаюсь. Я не дьявол и не бог, я — кавалер Румата Эсторский, веселый благородный дворянин, обремененный капризами и предрассудками и привыкший к свободе во всех отношениях. Запомнили?

Р э б а (*утирает лицо платочком и приятно улыбается*). Я ценю ваше упорство. В конце концов, вы тоже стремитесь к каким-то идеалам. И я уважаю эти идеалы, хотя и не понимаю их... а может быть, когда-нибудь и пойму. Я — человек широких взглядов, я вполне могу представить себе, что когда-нибудь стану работать с вами плечом к плечу...

Р у м а т а. Там видно будет. А сейчас я очень прошу вас, господин епископ. Освободите мой дом. Повторяю, я очень устал.

Р э б а. Сию минуту... Действительно, мне пора в канцелярию. Вы — счастливец, будете отдыхать и нежиться в кругу друзей, а мне — увы! — предстоит столько забот...

Он достает свисток и издает три пронзительных трели. Слышится топот, м о н а х и в черных рясах, с надвинутыми капюшонами, вооруженные пиками и мушкетами, пробегают через залу и скрываются за выходной дверью.

А вот и ваши друзья!

Входят К и р а, Б у д а х и старый М у г а. Кира молча бросается Румате на шею. Будах, в изодранном камзоле, слегка пошатывается и опирается на плечо Муги, который и сам нетвердо стоит на ногах.

Р у м а т а (*бормочет, лаская Киру*). Кира, девочка моя... маленькая моя...

Р э б а. Ну, я оставляю вас. Счастливого отдыха.

Р у м а т а. Отдыхать вряд ли придется. Я сегодня же увезу отца Будаха из города. А то вы с вашим геморроем...

Р э б а. Ну что вы, что вы... мы же договорились... Отклоняюсь.

Р э б а выходит. За сценой слышится ржание коней, затем удаляющийся цокот копыт.

Б у д а х. Вот это приключение! Ничего не понимаю!

Р у м а т а (*протягивает к нему руку*). Мой бедный друг!

Б у д а х. Бедный? Ничего я не бедный... Просто у вас в погребе оказался бочонок... Кстати, мой друг, у вас отличные маринованные грибы, а уж окорок копченый — превыше всех похвал... Но ваша девочка, ваша Кира! Подите сюда, дитя мое! (*Отрывает Киру от Руматы и звучно целует ее в лоб.*)

М у г а. Дозвольте к ручке... (*Целует Кире руку.*)

Р у м а т а. Да что произошло?

Б у д а х. Вы не поверите, мой благородный друг. Нас связали и всех троих швырнули в погреб. Ну, там были всякие эксцессы... Нас с Мугой лупили, как в барабан. Этот подлец... Цупик, кажется?.. полез к Кире, она его укусила, ей тоже вломили. Да... Потом оставили в покое, ушли. Сидим в темноте. Слушайте, мой друг, у меня ужасная жажда от этого окорока...

М у г а. Сию минуту... (*Уходит, покачиваясь.*)

Б у д а х. Да, сидим в темноте, готовимся к бесславной гибели... И вдруг, представьте, я чувствую, что меня кто-то грызет!

Р у м а т а. Вас, мой друг?

Б у д а х. То есть, не совсем меня, конечно... Но я чувствую... Короче говоря, эта наша прелесть, эта наша ласточка... Подите сюда, дитя мое! (*Снова отрывает Киру от Руматы и звучно целует ее в щеку.*) Одним словом, она перегрызла на мне веревки! Ну, тут уж пошло другое дело. Я освободился от пут, развязал ее и Мугу, и мы стали готовиться к драке...

М у г а (*входит с кувшином*). Извольте, отец Будах.

Б у д а х. Благодарю тебя, друг мой. (*Залпом выпивает кувшин.*) О чем бишь я? Ну, ждем. Тянется время. Вы знаете, как тянется время в темноте, мой друг? И тут наша красавица... Подойдите сюда, дитя мое!

Р у м а т а. Вы так избалуете ее, мой друг. (*Отстраняет руки Будаха.*)

Б у д а х. Да? Гм... Ну, хорошо. В общем, она нашла в погребе бочонок пива, окорок, грибы и еще что-то... Стыд и позор тебе, Муга, это было твое дело!

М у г а. Я был убит горем и ничего не соображал...

Б у д а х. Так или иначе, мы основательно подкрепились, и тут дверь распахивается. Я схватил бочонок, чтобы проломить башку первому же негодяю, но... этого негодяя бросают к нам с уже проломленной головой. Вы представляете, дон Румата?

Р у м а т а. Продолжайте...

Б у д а х. За несколько минут какие-то монахи накидали нам в погреб десяток дохлых штурмовиков, после чего снова заперли дверь.

М у г а. Я чуть не помер от страха.

Б у д а х. Да, это было неприятное соседство. Я совершенно потерял аппетит и мог только пить. А потом дверь снова открыли, гаркнули: «Выходи! Свободны!», и мы перелезли через трупы и вышли. Так что же произошло все-таки?

Р у м а т а (*устало*). Повторилась история с капитаном Рэмом.

Б у д а х. Простите, не понял.

Р у м а т а. Да ничего особенного. Дон Рэба спровоцировал серые роты на мятеж, ввел в город войска Святого Ордена и перерезал штурмовиков, а короля низложил. Сейчас он во главе королевства.

Пауза.

Б у д а х. Ловкая скотина. Такого даже я не ожидал от него... Ну, а как уцелели вы, мой друг? И мы тоже?

Р у м а т а. Я договорился с доном Рэбой. Временно, во всяком случае. Вам надлежит сегодня же покинуть город, отец Будах. Я отвезу вас.

Б у д а х. Но мой благородный друг!..

Р у м а т а. Сейчас ни слова, мой друг. Идите все, приведите себя в порядок. Муга, обед через час... вернее, завтрак.

Сцена погружается в темноту. Только окна светятся розовым рассветом. На фоне одного из окон — черный силуэт Руматы. Слышится карканье ворон.

Р у м а т а. Город поражен невыносимым ужасом. Солнце озаряет пустынные улицы, дымящиеся развалины, содранные ставни, взломанные двери. Кроваво сверкают в пыли осколки стекол. Неисчислимые полчища ворон спустились на город, как на чистое поле. На площадях и перекрестках по двое и по трое торчат всадники в черном — медленно поворачиваются в седлах, поглядывая сквозь прорези в глухих черных шлемах. С наспех врытых столбов свисают на цепях обугленные тела над погасшими углями. Кажется, что ничего живого не осталось в городе — только орущие вороны и деловитые убийцы в черном...

Румата поворачивается и идет в луче прожектора к авансцене, останавливается лицом к зрительному залу.

В будущих учебниках истории этой планеты ученики прочтут: «В конце года Воды — такой-то и такой-то год по новому летоисчислению — центробежные процессы в древней Империи стали значимыми. Воспользовавшись этим, Святой Орден, представлявший, по сути, интересы наиболее реакционных групп феодального общества...» А как пахли горящие трупы на столбах, вы знаете? А вы видели женщин со вспоротыми животами, лежащих в уличной пыли? А вы видели города, в которых люди молчат и кричат только вороны? Вы, еще не родившиеся девочки и мальчики за партами в школах грядущей Коммунистической Республики Гиганды?

Прожектор гаснет. Сцена освещается. Зала в доме Руматы. Всё более или менее прибрано, в креслах и на диване сидят К и р а, Р у м а т а и Б у д а х, умытые, причесанные, хорошо одетые.

Б у д а х. Когда торжествуют серые, к власти приходят черные. Да. Отличная мысль. Поздравляю, дон Румата.

Р у м а т а. Мысль, в общем, банальная. Но она в какой-то степени отражает закономерности движения нашего мира.

Б у д а х. До чего же ловко научились выражаться эти дворяне! Не обижайтесь, мой друг. Мне очень приятно, что вы совершенно самостоятельно пришли к выводу о существовании закономерностей в нашем мире. Оно свидетельствует в свою очередь о совершенстве мира, не так ли?

Р у м а т а (*удивленно*). Неужели вы серьезно считаете этот мир совершенным? После ваших бесед с доном Рэбой, после погреба с трупами...

Б у д а х. Мой молодой друг, ну конечно же! Мне многое не нравится в мире, многое я хотел бы видеть другим... Но что делать? В глазах высших сил совершенство выглядит иначе, чем в моих...

Р у м а т а. А что если бы можно было изменять высшие предначертания?

Б у д а х. На это способны только высшие силы...

Р у м а т а. Но все-таки представьте себе, что вы бог...

Кира вздрагивает и прижимается лицом к плечу Руматы.

Б у д а х (*смеется*). Если бы я мог представить себя богом, я бы стал им!

Р у м а т а. Ну, а если бы вы имели возможность посоветовать богу?

Б у д а х. У вас богатое воображение, мой дорогой друг. Это хорошо.

Р у м а т а. Вы мне льстите... Но что же вы все-таки посоветовали бы всемогущему? Что, по-вашему, следовало бы сделать всемогущему, чтобы вы сказали: вот теперь мир добр и хорош?

Будах, посмеиваясь и покачивая головой, встает и проходится по залу.

Б у д а х. Что ж, извольте. Я сказал бы всемогущему: «Создатель, я не знаю твоих планов, но захоти сделать людей добрыми и счастливыми. Так просто этого достигнуть! Дай людям вволю хлеба, мяса и вина, дай им кров и одежду. Пусть исчезнут голод и нужды, а вместе с тем и все, что разделяет людей».

Р у м а т а. И это всё?

Б у д а х. Вам кажется, что этого мало?

Р у м а т а. Бог ответил бы вам: «Не пойдет это на пользу людям. Ибо сильные вашего мира отберут у слабых то, что я дал им, и слабые по-прежнему останутся нищими».

Б у д а х. Я бы попросил бога оградить слабых. «Вразуми жестоких правителей»,— сказал бы я.

Р у м а т а. Жестокость есть сила. Утратив жестокость, правители потеряют силу, и другие жестокие заменят их...

Будах останавливается и снова садится.

Б у д а х. Накажи жестоких! Чтобы неповадно было сильным проявлять жестокость к слабым!

Р у м а т а. Человек рождается слабым. Сильным он становится, когда нет вокруг никого сильнее его. Когда будут наказаны жестокие из сильных, их место займут сильнейшие из слабых. Тоже жестокие. Так придется карать всех, а я не хочу этого.

Б у д а х. Тебе виднее, всемогущий. Сделай тогда просто так, чтобы люди получили все и не отбирали друг у друга то, что ты дал им.

Р у м а т а. И это не пойдет людям на пользу. Ибо когда получат они все даром, без трудов, из рук моих, то забудут труд и обратятся в моих домашних животных, которых я вынужден буду впредь кормить и одевать вечно.

Б у д а х. Не давай им всего сразу! Давай понемногу, постепенно!

Р у м а т а. Постепенно люди и сами возьмут все, что им понадобится.

Б у д а х (*чешет в затылке*). Да, я вижу, это не так просто. Я как-то не думал о таких вещах... Кажется, мы с вами, мой друг, перебрали всё. Впрочем, есть еще одна возможность. Сделай так, чтобы больше всего люди любили труд и знание, чтобы это стало единственным смыслом их жизни!

Р у м а т а. Я мог бы сделать и это. Но можно ли лишать человечество его истории? Можно ли подменять одно человечество другим? Это же все равно, что стереть это человечество с лица планеты и создать на его месте новое...

Б у д а х. Понятно... Тогда, господи, сотри нас с лица земли и создай заново более совершенными... или, еще лучше, оставь нас и дай нам идти своей дорогой.

Р у м а т а (*медленно*). Сердце мое полно жалости. Я не могу этого сделать.

Пауза.

Кира отшатывается от Руматы и закрывает лицо руками. Будах медленно поднимается из кресла.

Б у д а х. Слушайте, дон Румата... Я хотел бы...

Торопливо входит старый М у г а, что-то шепчет Румате на ухо. Тот встает.

Р у м а т а. Все готово, отец Будах, мой благородный друг. Вам пора.

Б у д а х. Хорошо. Я иду. Но вы...

Р у м а т а. Я много бы дал, чтобы проводить вас...

Б у д а х. Ни в коем случае. Давайте прощаться. Подите сюда, дитя мое.

Румата смеется. Кира подходит к Будаху и целует его.

Р у м а т а. До свидания, мой друг. Муга, проведешь отца Будаха до Зеленой бухты, сядешь вместе с ним на галеру и перевезешь через залив. Потом вернешься. Вот деньги. (*Протягивает Муге кошелек с деньгами.*)

М у г а. Будет исполнено.

Р у м а т а (*достает из-под стола пистолеты*). Возьми, Муга, и в случае чего — бей без пощады...

Б у д а х. К чертям. Муга стар. Дайте-ка их сюда. (*Забирает оружие.*) Уж я-то не промахнусь. Ах, дон Румата...

Р у м а т а. Прощаемся. Да, минутку... (*Отводит Будаха на авансцену, шепотом.*) Вот одна идея. Обратите внимание, отношение длины окружности к ее радиусу должно быть числом постоянным...

Б у д а х. Как? Отношение длины к радиусу окружности... Слушайте, дон Румата!..

Р у м а т а. Пора, мой добрый друг. Ступайте.

Они обнимаются. Б у д а х, засовывая на ходу пистолеты за пояс, уходит следом за М у г о й. Румата и Кира остаются одни. Он садится на диван, Кира ложится, положив голову ему на колени.

К и р а. Ты, наверно, очень хочешь спать. Ты спи.

Р у м а т а. Нет-нет, ты говори, я слушаю...

К и р а. Ты сейчас заснешь, я знаю...

Р у м а т а. Я все равно слушаю. Я, правда, очень устал, но еще больше я соскучился по тебе. Мне жалко спать, маленькая...

К и р а. Давеча я прибирала твой кабинет. Нашла одну книгу, отца Гура сочинение. Там про то, как благородный принц полюбил прекрасную, но дикую девушку из-за гор. Она была совсем дикая и думала, что он бог, и все-таки очень любила его. Потом их разлучили, и она умерла от горя.

Р у м а т а. Это замечательная книга.

К и р а. Я даже плакала. Мне все время казалось, что это про нас с тобой.

Р у м а т а. Да, это про нас с тобой. И вообще про всех людей, которые любят друг друга. Только нас не разлучат...

К и р а. Ты увезешь меня отсюда?

Р у м а т а. Обязательно.

К и р а. И я все буду знать?

Р у м а т а. Конечно, маленькая. Я увезу тебя в чудесный город Ленинград...

К и р а. Ле-нин-град...

Р у м а т а. Я сам поведу корабль. А ты будешь сидеть рядом, и я буду все тебе объяснять. И ты будешь...

В залу входит черный м о н а х в рясе с надвинутым капюшоном. Румата вскакивает, хватает шпагу.

Р у м а т а. Стой, сукин сын!

М о н а х. Осторожно с железом, благородный дон Румата. Это опять я.

Р у м а т а. Арата? Вы?

А р а т а. Я. У меня срочное дело.

Румата нерешительно поворачивается к Кире.

Ничего. Девушка нам не помешает. А может быть, и поможет.

Р у м а т а. Садитесь, благородный Арата.

Они садятся. Кира на диване во все глаза разглядывает их.

А р а т а. Вы знаете, что творится в стране?

Р у м а т а (*мрачно*). Представляю...

А р а т а. Такого даже я никогда не видел. Трупы, трупы, трупы... людишек режут, распинают и жгут прямо на улицах... (*Пауза.*) Дон Румата, почему вы не хотите помочь мне?

Р у м а т а. Одну минутку. Прошу прощения, но я хотел бы знать, как вы проникли в дом.

А р а т а. Это неважно. Никто, кроме меня, не знает этой дороги. Не уклоняйтесь, дон Румата. Почему вы не хотите дать мне вашу силу?

Р у м а т а (*устало*). Не будем говорить об этом.

А р а т а. Нет, мы будем говорить об этом! Я не звал вас. Я никогда никому не молился. Вы пришли ко мне сами. Или бог просто решил позабавиться?

Р у м а т а. Вы не поймете меня. Я вам двадцать раз пытался объяснить, что я не бог — вы так и не поверили. И вы не поймете, почему я не могу помочь вам оружием...

А р а т а. У вас есть молнии?

Р у м а т а. Я не могу дать вам молнии.

А р а т а. Я хочу знать: почему?

Р у м а т а. Я повторяю: вы не поймете.

А р а т а. А вы попытайтесь объяснить.

Р у м а т а. Что вы собираетесь делать с молниями?

А р а т а. Я выжгу черную и золоченую сволочь, как клопов, всех до одного, весь их проклятый род до двенадцатого потомка. Я сотру с лица земли их монастыри и крепости. Я сожгу их армии и всех, кто будет защищать и поддерживать их. Можете не беспокоиться — ваши молнии будут служить только добру, и когда на земле останутся только освобожденные рабы и воцарится мир, я верну вам ваши молнии и никогда больше не попрошу их...

Р у м а т а. Нет. Я не дам вам молний. Это было бы ошибкой. Постарайтесь поверить мне, я вижу дальше вас... Я приведу вам только один довод. Он ничтожен по сравнению с главным, но зато вы поймете его. Вы живучи, славный Арата, но вы тоже смертны; и если вы погибнете и молнии перейдут в другие руки,

уже не такие чистые, как ваши, тогда... мне страшно подумать, чем это может кончиться...

Пауза.

А р а т а. Вам не следовало спускаться с неба. Возвращайтесь к себе. Вы только вредите нам.

Р у м а т а (*мягко*). Это не так. Во всяком случае, мы никому не вредим.

А р а т а. Нет, вы вредите. Вы внушаете беспочвенные надежды...

Р у м а т а. Кому?

А р а т а. Мне. Вы ослабили мою волю, дон Румата. Раньше я надеялся только на себя, а вы сделали так, что теперь я чувствую вашу силу за своей спиной. Раньше я вел каждый бой так, словно это мой последний бой, а теперь я заметил, что берегу себя для других боев, которые будут решающими, потому что вы примете в них участие...

Р у м а т а. Славный Арата, на моей родине борцы за свободу шли в бой с песней... «Никто не даст нам избавления, ни бог, ни царь и ни герой...»

А р а т а. Ага! Они понимали толк в борьбе! Нет, дон Румата, уходите отсюда, вернитесь к себе на небо и никогда больше не приходите... Или без оглядки переходите к нам, обнажите ваш меч и встаньте плечом к плечу с нами! (*Помолчав, тихо.*) В нашем деле не может быть друзей наполовину. Друг наполовину — это всегда наполовину враг.

К и р а (*вскакивает*). Вы не смеете с ним так разговаривать! Он добрый, он сильный! Он сильнее всех на свете! Что мы ему? Муравьи! Один муравейник воюет с другим муравейником... И вы хотите, чтобы он разорил один муравейник во славу другого?

А р а т а (*сурово*). Мы не муравьи, девушка. Мы — люди. (*Поднимается.*) Прощайте, дон Румата.

Он идет к выходу и вдруг останавливается, прислушиваясь, повернув лицо к окнам. Румата тоже поднимает голову. Явственно слышится цокот множества копыт. Грубые голоса:

— Здесь, что ли?

— Вроде здесь...
— Сто-ой!

К и р а (*прижимает кулаки к груди*). Это за мной... Я так и знала!

В дверь ударяют кулаки. Грубый голос:
— Во имя господа! Открывай, девка! Взломаем — хуже будет!
Румата подскакивает к окну, распахивает створку.

Р у м а т а. Эй, вы! Вам что — жить надоело?

Шум мгновенно стихает. Негромкие голоса:
— И ведь всегда они в канцелярии напутают. Хозяин-то дома, никуда не уехал...
— А нам что за дело?
— А то дело, что он на мечах первый в мире.
— Эх, а сказали, что уехал и до утра не вернется...
— Испугались?
— Мы-то не испугались, а только про него ничего не велено, не пришлось бы убить...
— Свяжем! Покалечим и свяжем! Эй, кто там с мушкетами?
— Как бы он нас не покалечил...
— Ничего не покалечит. Всем известно: у него обет такой — не убивать.

Р у м а т а (*страшным голосом*). Перебью как собак!

Кира подбегает к нему, прижимается к его плечу. Скрипучий голос:
— Ломай, братья! Во имя господа! Тащи бревно, тараном ее!

Р у м а т а (*Кире*). Ну что ты, маленькая? Испугалась? Неужели этой швали испугалась? (*Отходит от окна, берет шпагу.*) Сейчас я их...
А р а т а. Может быть, проще уйти? Я знаю потайной ход...
Р у м а т а. Уйти?.. (*Колеблется, оглядывается на Киру.*) Мне это как-то... Послушайте, славный Арата. Возьмите девушку и уходите. Спрячьте ее где-нибудь. А я...

Окна озаряются тремя багровыми вспышками, гремят три мушкетных выстрела.

Кира у окна медленно сползает на пол, цепляясь за портьеру.

Румата. Кира!

Подбегает к ней, подхватывает на руки, переносит на диван.

Кира (*слабым голосом*). Вот... больше не боюсь... хорошо...

Румата (*шепотом*). Кира... Кира... Маленькая...

Пауза.

Румата выпрямляется, некоторое время стоит, шатаясь. Затем кулаком, в котором зажата рукоять шпаги, проводит себя по глазам. Смотрит на шпагу, выходит на середину залы.

Румата. Ладно. Все. Конец.

Арата. Надо уходить, благородный дон Румата.

Румата. Уходить? Мне? (*Трясет головой.*) Я, видите ли, буду драться. А вы уходите, славный Арата. Это будет мой бой.

Арата. Ваш? Как бы не так! (*Извлекает из-под рясы короткий широкий меч.*) Нет, дон Румата. Нет, человек с далекой звезды! Это будет НАШ бой. Вероятно, последний, но НАШ!

Они стоят плечом к плечу и слушают, как трещит и ломается под ударами входная дверь. Сцена погружается в темноту.

ЭПИЛОГ

Внутренность Пьяной Берлоги. На скамье у стола, упершись локтями в столешницу и прикрыв ладонями глаза, сидит Будах. На другой скамье сидит дон Кондор — шпага меж раздвинутых колен, ладони скрещены на рукояти. Рядом неизвестный в широкополой шляпе с пером, закутанный в плащ. Посередине помещения стоит Пилот в серебристом комбинезоне и пилотском шлеме.

П и л о т (*негромко*). Они произвели целое побоище. Изрубили весь отряд и вырвались на улицу. Тут на них навалилось сразу человек пятьдесят, пеших и конных. Они не остановились. Они шли по трупам, с ног до головы в своей и чужой крови. Первым пал Арата. Его изрешетили пулями. Максим дошел до дворцовой площади. И там, перед самым входом во дворец... (*Замолкает.*)

К о н д о р (*глухо*). Понятно. Тело?

П и л о т (*разводит руками, вздыхает*). Мы прибыли слишком поздно.

Пауза.

Б у д а х. Он был прав. Величина постоянная. Три и четырнадцать сотых...

К о н д о р. Что — три и четырнадцать?

Б у д а х. Отношение длины окружности к радиусу... (*Опускает ладони на столешницу, поднимает голову, обводит всех взглядом.*) Да не в этом дело! Я не знаю, кто вы — боги или дьяволы. Но он не был ни богом, ни дьяволом. Он был одним из нас. Он был добрый и умный, он умел драться и веселиться, и он погиб за нас и как один из нас. И он любил стихи... Он очень любил мои стихи... Особенно вот эти... (*Встает.*)

Теперь не уходят из жизни,
Теперь из жизни уводят.
И если кто-нибудь даже
Захочет, чтоб было иначе,
Бессильный и неумелый
Опустит слабые руки,
Не зная, где сердце спрута
И есть ли у спрута сердце...

Но я всегда подозревал... (*достает платок, сморкается*) что сам-то... сам-то он знал, где у спрута... сердце... (*Падает на скамью, плачет.*)

К о н д о р. Да, он знал. И мы знаем... Ну что ж, начнем все сначала. (*Встает.*) Павел Сергеевич!

Неизвестный в плаще тоже встает. Плащ распахивается, под ним — кольчуга и перевязь с мечом.

Неизвестный. Слушаю вас, Александр Васильевич.

Кондор. Итак, с этой минуты вы начинаете свое существование как барон Пампа дон Бау. Но прежде чем пожелать вам успеха и попрощаться с вами, вспомним заповедь, вырезанную на мраморе в актовом зале нашего Института.

«Пампа дон Бау». «Выполняя задание, вы будете при оружии для поднятия авторитета. Но пускать его в ход вам не разрешается ни при каких обстоятельствах...»

Кондор. Ни при каких обстоятельствах.

ЗАНАВЕС.

20 мая 1976 г.

Сценарии к кинофильмам по ТББ, один из которых уже вышел, а другой ожидается, писали, к сожалению, не сами Стругацкие. Хотя, начиная со времени опубликования ТББ, Авторы несколько раз писали сценарии, предлагали в различные киностудии, работа по ним даже какая-то велась, но потом дело прекращалось. В связи с неоднократными попытками экранизировать ТББ сами тексты сценария Стругацких не сохранились — были розданы в киностудии и там пропали. В архиве сохранились лишь 6 разрозненных страничек — то ли самого киносценария, то ли одного из черновиков:

<...> лицо. Черные волосы охвачены таким же, как у Руматы, обручем с зеленым камнем. Из чулана выглядывает и снова прячется Кабани.

— Да сядьте же, дон Румата, прошу вас! У меня болит шея. Что с Будахом? Почему его нет?

— Будах исчез,— говорит Румата, садясь.— Его должен был переправить сюда Арата Горбатый...

— Знаю. Ну?

— Так вот Арата передает, что Будах на рандеву не явился.

— Вижу. Почему?

— Я пока не знаю. Есть несколько возможностей. В том числе и самая худшая. Ируканская граница патрулируется солдатами дона Рэбы.

Дон Кондор встает.

— Так я и знал. Опять потеряно время. И хорошо, если только время! Вы стали хуже работать, дон Румата. Мне очень жаль, но это так. Имейте в виду, потерять Будаха непростительно. Вы полагаете, он может быть уже убит?

— Подождите, дон Кондор,— говорит Румата.— Поговорим хоть несколько минут.

— У меня нет времени на разговоры. Ищите Будаха. Будах должен быть спасен...

— Я прошу вас сесть и выслушать меня,— говорит Румата. Дон Кондор неохотно возвращается на скамью.

— Слушай, Антон,— говорит он с яростью.— Только не заводи все сначала. И учти, пожалуйста, что я сейчас нахожусь на заседании Государственного совета и вышел на пять минут в уборную...

— Александр Васильевич,— говорит Румата,— вы сказали, что я стал хуже работать. Вы спрашиваете меня, может ли Будах быть уже убит. Да! Я стал хуже работать. Да! Будаха, может быть, уже убили. В Арканаре все переменилось[1]. Все выглядит так, будто дон Рэба сознательно натравливает на ученых всю серость в королевстве. Если ты умен, образован, говоришь непривычное, просто не пьешь вина, наконец, ты под угрозой. Любой лавочник вправе затравить тебя насмерть. Сотни и тысячи грамотных людей объявлены вне закона, их ловят штурмовики и развешивают вдоль дорог. Нормальный уровень средневекового зверства — это вчерашний счастливый день Арканара. Теперь уже никого не судят. Времени не хватает, и золото теряет цену, потому что опаздывает...

Дон Кондор при слове «золото» говорит: «Продолжай, продолжай, я слушаю». Он поднимается и идет в чулан. Румата, продолжая говорить, идет за ним.

— В Арканаре очень плохо, Александр Васильевич. Надвигаются какие-то события. По-моему, дон Рэба готовит государ-

---

[1] А при нынешней неграмотности обязательно написали бы «поменялось»... — *В. Д.*

ственный переворот. Бароны совершенно распоясались. Арата Горбатый опять собрал армию и собирается напасть на столицу...

Пока он говорит, дон Кондор с электрическим фонариком разбирает в углу кучу хлама. Там стоит полевой синтезатор, и дон Кондор включает его, загребает лопатой опилки и бросает в приемную воронку. Затем подставляет под желоб ржавое ведро. Из вывода приемника начинают сыпаться золотые монеты. Отец Кабани из другого угла, открыв рот, смотрит на них. Потом осторожно подбирается к синтезатору, присаживается на корточки, хлопает себя по коленям и восхищенно крутит бородой.

— Все это я знаю, Антон,— говорит дон Кондор.— Перевороты, бароны... Ты же историк, Антон. Радуйся, ты видишь все это своими глазами. Не давай волю эмоциям. Ни на секунду не забывай, что ты глаз Земли на этой планете. Глаз! — Он стучит Антона по изумруду на лбу.— А не сердце и тем более не руки. Нас здесь двести пятьдесят землян на этой планете, самые опытные живут уже двадцать лет. Вначале им было запрещено вообще что бы то ни было предпринимать, они не имели бы права даже спасти Будаха, даже если бы Будаха пытали у них на глазах, представляешь?

— Не говорите со мной, как с ребенком.

— Ты нетерпелив, как ребенок. Ты историк! Для нас единица времени не секунда и даже не год, а столетие.

— А пока мы будем выжидать, примериваться да нацеливаться, звери будут ежесекундно убивать людей.

— Антон, во Вселенной тысячи планет, куда мы еще не пришли и где история идет своим чередом.

— Но сюда-то мы уже пришли!

— Да, пришли. Но для того, чтобы помочь этому человечеству, а не для того, чтобы утолять свой справедливый гнев. Если ты слаб — уходи. Здесь нужно уметь ждать. Нам, может быть, придется ждать сто лет, пока мы не найдем абсолютно верный и безошибочный путь...

— Вы мне опять читаете мораль, Александр Васильевич, и, значит, опять не понимаете меня.

— Да что там тебя понимать? По-твоему, дон Рэба задался целью уничтожить интеллигенцию? Это же вздор! Это теоре-

тически не оправдано даже на этой ступени... Ну хорошо, в конце концов, ты не обязан действовать только как историк. Действуй как благородный дон! Свали дона Рэбу! Ты же проходил в институте курс феодальной интриги. Вот и действуй, но это ничего не изменит, уверяю тебя! Ты лучше Будаха найди. О твоем доне Рэбе забудут через пятьдесят лет, а такие ученые, как Будах, светят через века!

— Хорошо, я найду Будаха... оставьте Будаха мне и постарайтесь лучше меня понять...

<...> (Дон Рэба в пыточной камере. При свете факелов он сидит, вытянув шею, за столом с бумагами и смотрит, как палачи отливают водой пытаемого. Затем машет рукой, кричит приказание, и серые втаскивают в камеру следующего — в изодранной дворянской одежде.)

Румата отходит от окна и ложится на кушетку, закинув руки за голову.

Ведь он же бездарен. Что бы он ни задумывал, все проваливается. Он начинал войны и всегда их проигрывал. Он затевал реформы и довел страну до нищеты. Теперь он затеял эти серые роты. Штурмовиков на больших дорогах. За Гитлером стояли монополии. Но за Рэбой не стоит никто, и очевидно, что штурмовики в конце концов сожрут его, как муху. Но он продолжает крутить и вертеть, нагромождать нелепость на нелепость, словно старается обмануть самого себя, словно не знает ничего, кроме сумасшедшей задачи — истребить культуру. А может быть, он просто мелкий пакостник? Из тех, которые всю жизнь убивали на уязвление ближних, плевали в чужие кастрюли, подбрасывали толченое стекло в чужое сено. И ему нет дела до исторической теории. Его сметут, но он успеет вдосталь наплеваться, нашкодить, натешиться...

(В опочивальне короля какой-то дворянин обличает дона Рэбу. Он разгорячен, кричит, размахивает руками. Король тупо смотрит на него мутными глазами. Дон Рэба извиняюще улыбается. Потом король переводит взгляд на дона Рэбу, тот кланяется почтительно и дает знак. Из отдушины под потолком щелкает арбалетная стрела, дворянин валится, корчится на полу, король радостно хлопает себя по жирным ляжкам — развлекается. Дон Рэба кланяется опять.)

Румата устало закрывает глаза.

Теперь вот ему понадобился Будах. Снова нелепость. Снова какой-то дикий выверт. Будах — знаменитый книгочей. Книгочея — на кол. С шумом, с помпой, чтобы все знали... Но шума и помпы нет. Значит, нужен живой Будах. Зачем? Неужели Рэба настолько глуп, что надеется заставить <...>

<...> Что же, вы решили просто позабавиться?

— Вы не поймете меня,— устало говорит Румата.— Я вам двадцать раз пытался объяснить, что я не бог, но вы так и не сумели этого понять. И вы никогда не поймете, почему я не имею права помогать вам, как вы говорите, по-настоящему.

— У вас есть молнии?

— Я не могу вам дать молнии.

— Я это слышал уже двадцать раз. Сегодня я наконец хочу услышать почему[1].

— Я повторяю: вы не поймете.

— А вы попытайтесь.

— Что вы собираетесь делать с молниями?

Арата начинает говорить. Лицо его темнеет от прилившей крови, становится жестоким и страшным.

Крестьянская армия осаждает могучий средневековый замок. Арата на краю рва среди падающих стрел стреляет из скорчера[2] в стену. Ослепительная лиловая вспышка, стена лопается, валятся башни. С чудовищным ревом поток людей, вооруженных косами и самодельными копьями, врывается в пролом.

Ровные ряды конницы Ордена, опустив копья, несутся на беспорядочный строй крестьянской армии. Крестьяне пятятся, бросают оружие, закрывают руками лица, кучки смельча-

---

[1] Вообще-то, можно подсказать Румате тривиальный и совершенно честный ответ: «А нету у меня молний! Старшие това... боги не дают». В самом деле, откуда бы у него взяться скорчеру? Ни за что не доверят тяжелое оружие историкам, среди которых к тому же попадаются «спринтеры». — *В. Д.*

[2] Жаль, что не сохранился этот сценарий: очень интересный текст, куда лучше пьесы и ближе к роману. Кроме того, это было бы третье (второе из трех) произведение, где фигурирует скорчер (кроме ПКБ и ЖВМ). — *В. Д.*

ков в отдалении выступают коннице навстречу. Арата поднимает скорчер. Перед конницей встает стена огня. Все горит: трава, люди, кони.

В порту причаливают галеры, набитые имперскими латниками. Лиловые вспышки, корабли ломаются пополам, горит вода, латники тонут. Толпа оборванных, израненных людей со счастливыми страшными лицами потрясает копьями и дубинками.

Арата тяжело дышит.

— Можете не беспокоиться,— говорит он.— Ваши молнии будут служить... <...>

<...> дверцу. Во мраке неясно блестят детали странного прибора — это устройство для нуль-связи, чудесное изобретение Земли. Румата нажимает клавиши, набирает номер на диске. Стена темноты распахивается. Открывается кабинет дона Кондора, резидента Земли в далеком Соане. Дон Кондор в роскошном халате сидит за столом, заваленном бумагами и толстыми фолиантами. На стенах развешены раззолоченные маски, диковинное оружие. Много света от великолепных светильников. Дон Кондор поднимает голову.

— Что случилось? — спрашивает он брюзгливо.

— Я хочу поговорить с вами,— говорит Румата.

Дон Кондор с сожалением смотрит на бумаги, потом встает и запирает дверь на ключ.

— Слушаю вас,— говорит он.

Румата молчит.

— Что-нибудь с Будахом?

— Нет,— Румата качает головой.— Он у меня. Он спит. Я просто хотел поговорить с вами.

— Так говорите же,— нетерпеливо бросает дон Кондор.— У меня нет времени. Изменилась обстановка? Вы под угрозой? В чем дело?

— Да, обстановка изменилась. Арканар оккупирован Святым Орденом.

Дон Кондор подскакивает.

— Вот как? Кто боевой магистр? Епископ Тамэо?

— Нет. Дон Рэба.

— Кто?

— Дон Рэба. Орел наш дон Рэба.

Кондор становится мрачен. Он берет кипу бумаг и принимается их листать. На протяжении всего разговора он перелистывает бумаги, некоторые рвет и сжигает обрывки на светильнике.

— У меня такое ощущение, Александр Васильевич,— говорит Румата,— что я здесь больше не нужен. Под Орденом не развернешься. Доктор Будах — это, наверное, последний человек, которого я спасаю. Спасать... <...>

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Впереди еще много интересного: разговор книг в библиотеке («Улитка на склоне»), народность нанты и специалист по эрозии почв Квадрига («Гадкие лебеди»), нулевой вариант «Сказки о Тройке», государственный прокурор знал все заранее («Обитаемый остров»), Малыш рассказывает об аборигенах («Малыш»), путешествия Гага в «Арсенал» и на Леониду («Парень из преисподней»), настоящая фантастика в ранних вариантах сценариев («День затмения» и «Сталкер») и многое, многое другое.

Я завидую Вам, Читатель!

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АБС — Аркадий и Борис Стругацкие
АНС (АН) — Аркадий Натанович Стругацкий
БНС (БН) — Борис Натанович Стругацкий
ВГВ — «Волны гасят ветер»
ВНМ — «Второе нашествие марсиан»
ГЛ — «Гадкие лебеди»
ГО — «Град обреченный»
ДР — «Далекая Радуга»
ДСЛ — «Дьявол среди людей»
ЖВМ — «Жук в муравейнике»
ЖГП — «Жиды города Питера»
ЗМЛДКС — «За миллиард лет до конца света»
ОЗ — «Отягощенные злом»
ОО — «Обитаемый остров»
ОУПА — «Дело об убийстве, или Отель "У погибшего альпиниста"»
ПИП — «Парень из преисподней»
ПКБ — «Попытка к бегству»
ПНА — «Путь на Амальтею»
ПНВС — «Понедельник начинается в субботу»
ПНО — «Пикник на обочине»
ПОДИН — «Повесть о дружбе и недружбе»
ПП — «Поиск предназначения»
СБТ — «Страна багровых туч»
СОТ — «Сказка о Тройке»
ТББ — «Трудно быть богом»
УНС — «Улитка на склоне»
ХВВ — «Хищные вещи века»
ХС — «Хромая судьба»
ЭВП — «Экспедиция в преисподнюю»

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление 3
Работа над текстами 5
«Страна багровых туч» 10
«Извне» 145
«Путь на Амальтею» 185
«Полдень. XXII век» 274
«Стажеры» 366
Рассказы 474
«Попытка к бегству» 565
«Далекая Радуга» 568
«Трудно быть богом» 573
Продолжение следует 637
Список сокращений 638

По вопросам оптовой покупки книг
«Издательской группы АСТ» обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги «Издательской группы АСТ» можно заказать по адресу:
***107140, Москва, а/я 140*, АСТ – «Книги по почте»**

Литературно-художественное издание

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРУГАЦКИЕ

От «Страны багровых туч» до «Трудно быть богом»

Черновики, рукописи, варианты

Составитель Бондаренко Светлана Петровна

Редактор *В. Дьяконов*
Художественный редактор *О. Адаскина*
Компьютерный дизайн: *С. Шумилин*
Технический редактор *А. Кушелев*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Издание осуществлено при техническом участии
ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 93
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Сталкер»
83114, Украина, г. Донецк, ул. Щорса, 108а

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ФГУП "Издательство "Самарский Дом печати"
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.